

П. Ф. АЛЕШКИН
Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

КРЕСТЬЯНСКАЯ
ВОЙНА
В РОССИИ

В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ
ВОЕННОГО КОММУНИЗМА
И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ
(1918–1922 гг.)

П. Ф. Алешкин

Ю. А. Васильев

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

**в условиях политики
военного коммунизма
и ее последствий
(1918-1922 гг.)**

Москва
«Голос-Пресс»
2010

ББК 85.335

А 45

В 19

Научное издание

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор исторических наук **В. Д. Ткаченко**

доктор исторических наук, профессор **В. Г. Кошкидько**

ISBN 978-5-7117-0194-0

© Текст П.Ф. Алешкин,
Ю.А. Васильев. 2010

© Оформление. Издательство
«Голос-Пресс», 2010

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война между «красными» и «белыми», порожденная революцией 1917 г., заслонила собой не менее ожесточенный «внутренний фронт» гражданской войны — войну крестьянскую против политики советского государства. Крестьянское протестное движение в Советской России в послеоктябрьской истории — пока еще открытая страница социального феномена, именуемого советским обществом. Мощный социальный протест вынудил государственную власть к безотлагательному поиску принципиально новых путей выхода из глубокого общественного кризиса, в котором оказалась страна.

Тема крестьянского сопротивления «военно-коммунистической политике» советской власти после революции 1917 г. в советский период являлась закрытой темой. Но и сегодня нередко приходится читать сочинения, в которых авторы акцентируют свое внимание на отдельных фактах, которые будоражат сознание, вызывая эмоциональное восприятие истории крестьянского движения, но не создают полной и объективной картины.

Нафосные сравнения крестьянской войны в Советской России по размаху и последствиям с крестьянскими войнами, имевшими место в отечественной истории (Болотникова, Разина, Пугачева), создают не более чем формальное сходство. Поверхностное отношение в применении к советской истории выражается в ставшей крылатой пушкинской фразе о русском бунте — «бессмысленном и беспощадном».

Лингвистическое окончание *-щина* в период создания тех или иных мифологем было призвано сформировать негативно-обличительное содержание явления в общественном мнении. Так появились антоновщина, махновщина, мионовщина, сапожковщина и др. В подобном контексте причастные к указанным явлениям становились бандитами, крестьянские восстания — кулацкими, эсеровскими и белогвардейскими. Вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве нейтральных символов, обозначающих формальную сторону реальных социальных явлений.

Объективное исследование событий того времени в масштабе всей страны еще только начинается. Речь идет не только и не столько об описательной стороне отдельных восстаний, выступлений, волнений — важнее объяснить, чем было вызвано крестьянское протестное движение не в отдельных регионах, а повсеместно во всей

стране. В данном случае не обойтись без раскрытия природы такого явления в ранней советской истории, как «военный коммунизм», выяснения его истоков и причин появления в российских условиях.

Несомненный интерес представляет типологическая характеристика крестьянского движения. Само по себе движение протеста предполагает массовость, добровольность участия, наличие определенных политических лозунгов, разнообразие форм сопротивления (как пассивных, так и активных). Отметим в этой связи, что повстанческое движение в структуре протестного движения рассматривается как одна из форм открытого вооруженного сопротивления. Субъектом движения выступала основная часть населения России — крестьянство, составлявшее 80% всех жителей страны.

Нельзя все проявления крестьянского бунтарства, обусловленные условиями Гражданской войны, причислять к организованному крестьянскому движению. Содержательной основой крестьянского движения выступал социальный и политический протест, выраженный в стихийных массовых формах.

СУДЬБА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И КРЕСТЬЯНСТВА: ДИСКУССИЯ НА РУБЕЖЕ XIX — XX ВВ.

Гипнотическое влияние успехов европейского капитализма в индустриальном развитии во второй половине XIX века на представителей общественной мысли, в первую очередь на марксистов, создавало представление, что капитализация всего мирового хозяйства является только вопросом времени. В сравнении с капиталистическим хозяйством все остальные формы хозяйственной организации воспринимались как отсталые. Подобный взгляд распространялся не только на сферу промышленности, но и на все остальные области хозяйственной деятельности. Перспектива земледелия считалась предрешенной: последняя твердыня семейного производства должна была капитулировать перед тотальным натиском машинной индустрии и капитала. На рубеже XIX—XX веков имела место знаменательная дискуссия между марксистами и их оппонентами: одно направление ориентировалось на грядущее всемерное укрупнение и обобществление крестьянских хозяйств, другое отдавало предпочтение мелкому крестьянскому хозяйству, настаивая на его живучести. Предмет данной дискуссии имел особое значение для крестьянства России как аграрной страны.

ПРИГОВОР МАРКСИЗМА

Карл Маркс утверждал об однозначном превосходстве крупного хозяйства не только в промышленности, но и в земледелии, отмечая обреченность мелкого крестьянского хозяйства в борьбе с крупным капиталистическим производством. Он писал, что в земледелии крупная промышленность действует даже с большей революционностью, уничтожая крестьянина и выдвигая на его место наемного рабочего. Мелкому собственнику Маркс предрекал неизбежную гибель повсюду. Его объяснение основано на существовании пределов развития мелкой собственности. Такой момент, по Марксу, как раз и наступил: мелкая собственность гибнет вследствие развития крупного сельского хозяйства, поскольку она, по утверждению Маркса, по самой своей природе исключает развитие общественных производительных сил, общественные формы труда, общественную концентрацию капиталов, а также возможность для прогрессивного применения науки [1:23:513; 1:25:2:372].

Фридрих Энгельс, как и **Маркс**, считал, что мелкая собственность в земледелии все более и более исключается промышленным прогрессом, уровень зрелости которого в условиях капиталистического развития к концу XIX века, по оценке Энгельса, создал материальные и интеллектуальные предпосылки для перехода к общественной собственности.

Чтобы исключить неясности в толковании понятия «мелкий крестьянин», Энгельс дал четкое его определение: это есть собственник или арендатор — в особенности собственник — кусочка земли, не больше того, что он может обработать при помощи своей собственной семьи, и не меньше того, чтобы иметь возможность прокормить свою семью. Развитие капитализма, по описанию Энгельса, «перерезало жизненный нерв» именно у такого мелкого крестьянина-собственника, в результате мелкое хозяйство обречено на гибель. Виновной Энгельс называл индивидуальную форму владения, которую он связывал с устаревшим способом производства, принадлежащим прошлому, а «вошедшее в плоть и кровь» чувство собственности объявлял предрассудком. Энгельс считал, что если мелкие крестьяне будут и дальше настаивать на своем единоличном хозяйстве, то неминуемо лишатся не только своего участка земли, но и дома, усадьбы.

Критикуя программу французских социалистов за стремление защитить мелкого крестьянина и его собственность, Энгельс утверждал, что такая защита оказывает крестьянину медвежью услугу: она защищает не его свободу, а лишь особую форму его рабства, она затягивает существование такого положения, при котором он не может ни жить, ни умереть. Отвергая намерения помочь выживанию мелкого собственника, Энгельс предлагал настойчиво разъяснять крестьянам безнадежность их положения, невозможность сохранить за ними их собственность, уверенность, что капиталистическое крупное производство раздавит их устаревшее мелкое хозяйство.

В крестьянине-собственнике Энгельс видел лишь будущего пролетария. Игнорирование такого подхода он воспринимал как нарушение основных программных принципов социалистов [2:504, 506, 507, 509—511, 519, 521].

Как Энгельс представлял себе отношение к мелкому крестьянину в случае прихода к власти социалистов? Его точка зрения оставалась неизменной: социализм заинтересован вовсе не в сохранении индивидуального владения, а в его устранении: там, где оно существует, становится невозможным общее владение. В повестке дня по-прежнему остается неизбежная гибель мелкого крестьянина. При этом, однако, Энгельс оговаривал нежелательность насильно экспроприировать мелких крестьян: политика по отношению к мелким крестьянам рассматривалась прежде всего в том, чтобы их

частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели. Крестьянам предлагался единственный путь — самим вести крупное хозяйство в интересах общей пользы [2:510, 518, 520].

В марксизме не было четко сформулированной программы построения социализма — он не предлагал никаких детальных проектов построения будущего строя. Но основные черты понимания социализма¹ проступали в марксовой критике капитализма: отказ от

---

¹ **Социализм** (от лат. *socialis* – общественный) в современном понимании определяется как комплекс социально-философских и идейно-политических концепций, доктрин, установок; совокупность социально-политических движений; предполагаемый в будущем или существовавший в СССР, странах Восточной Европы, Китае и некоторых странах Азии общественно-политический строй. Социализм как особый тип понимания социально-политического мира призван обосновать и защищать идеал общественного устройства, основанного на приоритете общественной собственности на средства производства, отсутствии эксплуатации, справедливом распределении материальных благ. Социализм является историческим феноменом, возникшим в Новое время в качестве реакции на социальные и экономические отклонения становящегося капиталистического общества, особенно на реальности, вызванные промышленной революцией. Как более или менее отчетливо сформулированное течение социально-философской и идейно-политической мысли социализм начал формироваться с конца XVIII века. Показательно, что само понятие «социализм» впервые появилось в 1830-е годы. Считается, что в научный оборот это понятие было введено П. Леру в работе «Об индивидуализме и социализме» (1834), как противоположное по смыслу термину «индивидуализм». Для сторонников социализма было характерно критическое отношение к существовавшей в тот период общественно-политической системе, которая, по их мнению, основывалась на принципах несправедливого распределения материальных благ, социального неравенства, духовного и физического порабощения людей. Противопоставив эгоистическому индивидуализму своего времени идеал нового сообщества людей, связанных между собой чувством коллективизма, социального равенства и братской солидарности, приверженцы социализма претендовали на то, чтобы заменить капитализм и индивидуализм общественной и коммунальной формами производства и распределения, эгоизм альтруизмом, а конкуренцию сотрудничеством. В марксистской пятичленной формационной схеме социализм рассматривался в качестве первой фазы высшей – коммунистической – общественной формации. Составными элементами социализма предполагались коллективизм, общественная собственность на средства производства, солидарность, социальное равенство, справедливость, ликвидация классового разделения общества, отсутствие эксплуатации (См.: Новая философская энциклопедия. Т.3. М., 2001. С. 606—608).

частной собственности, рынка, от денег, ликвидация разделения труда между городом и деревней (это означало урбанизацию деревни путем превращения крестьян в рабочих на сельскохозяйственных фабриках или в коллективных хозяйствах). Программа будущего у Маркса вполне определенно представляла собой единый проект национализации, коллективизации и планирования, дополненный революционным принуждением. Маркс вполне четко выразил свое одобрительное отношение к принудительным мерам определением революций как локомотивов истории и насилия в качестве повивальной бабки истории.

В сочинениях Маркса и Энгельса можно обнаружить высказывания о путях преодоления при социализме существенных различий в образе жизни городского и сельского населения, о рациональном распределении свободного времени и воспитании всесторонне развитых членов общества. Для марксистов определяющее значение имела целевая установка: посредством ликвидации частной собственности «вырвать сельское население из изолированности и отупения» [3:50; 4:447; 5:233]. Данные положения нельзя оценивать как научные — это абстрактный прогноз на будущее. Можно при этом заметить, что подобный прогноз во многом повторяет идеи утопического социализма. Так, еще Томас Мор в своей «Утопии» представлял будущие поселения в виде удобно расположенных домов с коллективным приготовлением пищи, жители которых любят досуг, публичные чтения, а духовные удовольствия считают главными. Цель такого жизнеустройства — избавить людей от телесного рабства, даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения — в этом виделось счастье жизни [6: 174, 185, 190, 195, 222, 226]. Описательность грядущего социалистического общества общими, обтекаемыми характеристиками объединяла марксистов с утопистами.

Новый быт коммунистического поселения Энгельсу представлялся высокоиндустриальным: с применением электричества, газа, с отоплением жилища горячей водой, общественным питанием. В материальном достатке и развитой инфраструктуре домашнего быта труженика промышленности и сельского хозяйства Маркс и Энгельс видели необходимые предпосылки для формирования высокой духовной культуры не только отдельного индивидуума, но и в обществе в целом. В этой связи ими был провозглашен лозунг общества трудящихся: свободное развитие каждого является условием свободного развития всех. Позднее Маркс конкретизировал лозунг, разъясняя, что в коммунистическом обществе не рабочее, а свободное время будет мерилем общественного богатства. В чем выражался этот тезис? Свободное время должно быть предназначено для досуга, образования, интеллектуального развития, товарищеского общения, свободного развития физических и интеллектуаль-

ных сил, открывающих простор для развития личности [7:542; 8:374; 9:224; 1:4:447; 1:24:2:386—387; 1:26:3:264—266; 10:216, 217, 221].

Одним из главных выразителей марксистских воззрений в аграрной трансформации в конце XIX — начале XX века является **Карл Каутский**. Признавая факт, что сельское хозяйство развивается не по такому же шаблону, как развивается промышленность, а подчиняется своим собственным законам, он отмечал, что из этого обстоятельства еще никоим образом не вытекает вывод о противоположности и несовместимости процессов развития сельского хозяйства и промышленности. Одну из важнейших отличительных особенностей земледелия Каутский видел в неразрывной взаимосвязи производства с домашним хозяйством [11:7, 80].

Каутский доказывал, что крупное хозяйство в техническом отношении превосходит мелкое во всех значительных отраслях сельского хозяйства, хотя и не в такой степени, как в промышленности. Машинное производство в крупном хозяйстве, утверждал он, гораздо совершеннее, чем в мелком. В данном случае обоснование Каутского, в отличие от его оппонентов, отличается более серьезной аргументацией. Он ясно представлял себе существование в аграрной сфере более серьезных препятствий и трудностей для применения машин, чем в промышленности. Технические — выражались в необходимости подстраивать машину под рабочее место, а не наоборот; экономические — в возможности использовать машину в сельском производстве сравнительно короткое время в году. К последним относилась и взаимосвязь внедрения машин с уровнем заработной платы работников.

Перспективу машинного производства Каутский связывал с использованием электричества, что признавалось им выгодным лишь в крупных хозяйствах. Наряду с этим он называл преимущества крупных хозяйств в коммерческом плане, а также возможность специализировать орудия труда и сам труд путем разделения ручного квалифицированного труда (Каутский называл его интеллигентным), что позволяло эффективнее использовать научные знания. Учитывая такие аргументы, Каутский считал, что соотношение крупного и мелкого хозяйств в сельском хозяйстве с технической стороны не может быть спорным вопросом.

Гораздо сложнее, на его взгляд, обстоит дело с экономической стороной. В условиях капитализма, по Каутскому, нельзя ожидать конца ни крупного, ни мелкого производства. Но это не означает возможность и способность конкурировать: мелкое хозяйство перестает быть конкурентом крупного. Оно выполняет функции своеобразного спутника, поставляя для крупного хозяйства товар — рабочую силу и сырье, одновременно являясь покупателем его продукции. Таким образом, различные формы земледелия, по выражению Каутского, «уживаются» друг с другом [11:33, 37, 82, 84, 85,

87, 111, 137, 139; 12:60]. Правда предложенной Каутским схемы подтвердилась в условиях современных развитых капиталистических стран.

Техническую отсталость аграрной сферы своего времени Каутский связывал с институтом частной собственности на землю, считая крестьянскую собственность главной причиной обнищания крестьянства. Он отмечал отдельные положительные стороны мелкого хозяйства — большее прилежание крестьян, личный интерес. Но и эти черты, в трактовке Каутского, не означали возможность получения большей продуктивности мелкой формы хозяйствования, а свидетельствовали лишь о скромности притязаний мелких собственников. Недостойный человека образ жизни мелких крестьян, их сверхчеловеческое трудолюбие, чрезмерный труд, «фанатизм собственности» он называл признаками отсталости. Каутский сравнивал мелких собственников с выючными животными, которые работают всю жизнь, отдыхая лишь во время сна и еды. Собственность, по Каутскому, не только заставляла крестьянина надрываться сильнее рабочего, но и сужала размер его потребностей до возможного минимума, делая их даже ниже уровня потребностей сельского наемного рабочего [12: 12; 13:24; 11:86, 92—94, 97, 111].

Удлинение рабочего дня, ограниченность потребностей мелкого крестьянина, пояснял Каутский, неизбежно сказываются негативными последствиями на детях, семье, образовании. Образование, необходимое для рационального хозяйства, трудно совместить с условиями жизни крестьянства [11:86, 93, 94]. В деревне, по описанию Каутского, духовной жизни, которая повышала бы умственный уровень, не существует: «Единственным средоточием общественной жизни служит кабак, который, однако, является точным отражением духовной пустоты деревни и заглушает зародыш духовного общения сивухой» [13:95]. Эти условия он противопоставлял возможностям, которые создавало крупное сельскохозяйственное производство для своих рабочих: улучшение материального положения, подъем нравственного уровня, распространение просвещения.

Приведенная выше аргументация Каутского послужила ему основой для критики доводов Давида о преимуществах психологии собственника, отражающей стимулирующую роль частной собственности. Давид, отмечал Каутский, противопоставлял не столько мелкое и крупное земледелие, сколько индивидуальный труд и общественный, доказывая превосходство не мелкого хозяйства, а превосходство частного хозяйства и частной собственности [11:99; 14:46, 48].

Каутский одним из первых обратил внимание на проблему использования деревни в качестве источника накопления средств для общей модернизации. Он писал, что всевозрастающая часть создан-

ных в деревне ценностей беспрерывно уходит в город, не возмещаясь соответствующим эквивалентом. Только ничтожная часть государственных налогов, по свидетельству Каутского, расходовалась на нужды села. Крестьянин, внося свою долю на покрытие культурных потребностей населения, не имел практически никакого доступа к благам культуры. Свои рассуждения Каутский дополнил обоснованием «эксплуатации деревни городом». В связи с этим, по мнению Каутского, настоятельной необходимостью стала проблема устранения культурной противоположности города и деревни [11: 177, 178].

В отличие от своих оппонентов, Каутский придерживался другого мнения о возможностях и перспективах кооперации. Он был сторонник точки зрения о превосходстве крупного хозяйства над мелким в отношении кооперативной организованности. Каутский утверждал, что кооперативное сотрудничество, имеющее наиболее благоприятные условия именно в деревне, гораздо доступнее крупным земледельцам, чем крестьянам — благодаря их малочисленности, наличию свободного времени и доступности коммерческой информации. Условия жизни и труда крестьянина — изолированность, ограниченный кругозор, отсутствие свободного времени — затрудняют вовлечение его в кооперацию. Поэтому Каутский весьма пессимистически оценивал возможности кооперации мелких собственников, считая тщетными надеждами ожидания, что благодаря кооперации мелкие хозяйства станут столь же рациональными, как крупные. Крестьянскую кооперацию Каутский воспринимал лишь как средство для продления существования мелкого хозяйства [11: 101, 105, 110].

В рассуждениях Каутского проявилась явная недооценка возможностей кооперации крестьянских хозяйств. Одновременно он преувеличивал возможности крупных хозяйств. Причину можно объяснить тем, что Каутский недооценивал простейшие формы кооперации — торговую, кредитную, сбытовую, наиболее приемлемые для мелких хозяйств. Товарищества, в понимании Каутского, не могли иметь каких-либо выгод или имели частичные. Он сетовал на то, что крестьяне не заботятся о том, чтобы внедрить кооперативное начало в главные отрасли производства. Возможности для создания производительных форм кооперации имеют только крупные хозяйства. Нетерпеливость Каутского в этом вопросе, односторонняя ориентация на производственную кооперацию проявились в рекомендации в отношении крестьян: «Если мелкие хозяева хотят добиться развития... они должны идти прямо к цели, а не блуждать окольными путями: они не должны ограничивать кооперативную деятельность областью торговли и кредита, но должны направлять ее на то, что важнее всего для сельского хозяина, на само сельское хозяйство» [11: 105, 106, 111].

Возможность решения общественных проблем Каутский видел в социальной революции, означавшей, по его мнению, не завершение социальной эволюции, а лишь начало нового развития общества. Он придумал образную аналогию между революцией и родами: акт родов — явление скачка в природе, связанного с появлением самостоятельного человеческого существа; но скачку предшествует медленное развитие органов. Роды олицетворяют революцию в функциях органов кровообращения, дыхания, питания, обмена: революция — результат медленных, постепенных процессов развития (эволюции), когда на достаточном уровне развития становится возможным резкое изменение функций всех органов. Аналогично, по Каутскому, можно рассматривать социальную революцию [15: 10—11].

Подход Каутского, обусловленный его установкой на концентрацию, особенно проявился в социальном прогнозе на будущее. Он считал, что в новом общественном строе, основанном на общественной собственности, самостоятельное земледельческое мелкое производство потеряет свою последнюю опору и будет поглощено общественным производством, произойдет вытеснение мелкого производства крупным общественным. Каким путем? Мелкие крестьяне сами добровольно откажутся от своей формы хозяйства, поскольку она будет задерживать их дальнейшее социальное развитие. Общественное крупное производство принесет мелкому крестьянину, по выражению Каутского, освобождение из ада, в котором его держит частная собственность [11:255, 256; 13: 175; 12:93—94]. Он рисовал идиллическую картину прекрасного будущего в духе известных представителей утопического социализма: «Когда всюду кругом станут возникать общественные латифундии, обрабатываемые уж не жалкими насмными рабами, а богатыми товариществами свободных, жизнерадостных людей, тогда вместо бегства от своего клочка земли в город начнется еще более быстрое бегство от этого же клочка земли к товарищеским крупным предприятиям, и варварство будет изгнано из своих последних твердынь...» [11:255]

Технический прогресс, по предположению Каутского, приведет к сокращению занятости в домашнем хозяйстве и к расширению применения промышленного труда женщины. Благополучие, образование и досуг станут всеобщим достоянием. Оставляя крестьянину будущего только его собственный домашний очаг, поскольку нет никакой надобности превращать жилой дом крестьянина в общинную собственность, Каутский тем не менее считал, что связь домашнего очага с хозяйственным производством исчезнет, дом будет отделен от хозяйства [13: 175, 176, 178].

Стремление Каутского дать конкретные рецепты будущего устройства оборачивалось нередко поводом для критики в его адрес со стороны оппонентов. В частности, Булгаков критиковал положение

ние Каутского о том, что в крупном хозяйстве возможна экономия затрат на жилье, освещение, коммуникации и т. д. Почему — спрашивал Булгаков — рациональнее для земледелия иметь 1 избу на 50 человек, а не 50 изб на каждого отдельно? Конечно, стоить это будет меньше, но несколько не выгоднее с точки зрения экономической [16:8]. В этом Булгаков был прав.

Каутского нельзя обвинить в пренебрежении к мнению оппонентов. Poleмика с ними порой позволяла ему уточнить или корректировать некоторые прежние идеи². Так, в результате спора с Давидом он признал, что в одном важном пункте пришлось изменить взгляды: крестьянин исчезает не так быстро, как ожидалось, а в дальнейшем нет оснований ожидать быстрого падения мелкого хозяйства в Европе. Но при этом повторял, что ожидать противоположного результата, то есть вытеснения крупного хозяйства мелким, также нет оснований [14:29].

Г. В. Плеханов, разделявший марксистские взгляды, обращал внимание на то, что в крупном земледелии наблюдается явный прогресс под влиянием промышленных центров — городов. Позиция Плеханова основывалась на утверждении, что в условиях развития капитализма происходит не укрепление мелких хозяйств, а пролетаризация мелких собственников. Критикуя методiku Гатти и Вандервельде (он написал рецензии на их книги) в использовании статистических данных, Плеханов доказывал, что значительное число хозяйств, обрабатываемых арендаторами, ни в коем случае нельзя рассматривать как самостоятельные крестьянские хозяйства.

Плеханов отвергал теорию «кооперативного» социализма: он считал, что кооперация не только не устраняет капитализм из деревни, но более того — ускоряет ход развития капиталистических производственных отношений в сельском хозяйстве. В этом вопросе он ссылался на опыт сельскохозяйственных ассоциаций, показывавший, что они прокладывают путь прежде всего капитализму. В этих ассоциациях, отмечал Плеханов, отсутствует отличительный признак социалистических производственных отношений — общественная собственность на средства производства. В результате мелкие земледельцы, ассоциируясь, сохраняют свой экономический характер мелких буржуа [17:364, 366, 390, 391].

---

² Нельзя согласиться с С. Н. Булгаковым, утверждавшим, что полемика К. Каутского и Э. Давида не привела и не могла привести ни к каким положительным результатам (См.: *Булгаков С. Н. К вопросу о капиталистической эволюции земледелия*, // *Начало*. 1899. №1—2. С.8).

Источники и примечания:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.

Маркс (Marx), Карл (1818—1883) — немецкий экономист, философ, публицист и политический деятель, основоположник теории марксизма. Учился на юридических факультетах университетов в Бонне и Берлине. Доктор философии. В 1842 г. стал редактором «Рейнской газеты» в Кельне. После ее закрытия в 1843 г. переехал в Париж. В Париже летом 1844 г. началась дружба с Ф. Энгельсом. В 1845 г. выслан из Парижа и переехал в Брюссель. После начала революции 1848 г. во Франции арестован и выслан из Брюсселя. В 1848 г. главный редактор «Новой рейнской газеты» в Кельне. В 1849 г. газета закрыта, Маркс выслан из страны, выехал в Париж, откуда был вынужден переехать в Лондон, где прожил до конца жизни. Организатор основанного в 1864 г. в Лондоне I Интернационала. В 1867 г. опубликован первый том «Капитала» — основного труда Маркса.

2. Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22.

Энгельс (Engels), Фридрих (1820—1895) — один из основоположников марксизма, друг и соратник К. Маркса. Выходец из семьи текстильного фабриканта. Не окончив гимназии, по настоянию отца начал заниматься коммерцией. Усиленно занимался самообразованием. С 1842 г. сотрудничал в «Рейнской газете» в Кельне, редактором которой был К. Маркс. В 1846 г. Маркс и Энгельс организовали в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет, деятельность которого подготовила создание Союза коммунистов. Энгельс предложил девиз Союза: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — и принял участие в подготовке его программы — «Манифеста Коммунистической партии» (1848). Во время революции 1848—1849 гг. в Германии Энгельс вместе с Марксом редактировал «Новую рейнскую газету». После поражения революции Маркс и Энгельс в Лондоне издавали журнал «Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение». С ноября 1850 г. Энгельс вынужден возвратиться к занятиям коммерцией в Манчестере. Постоянная финансовая поддержка Энгельсом Маркса и его семьи позволила Марксу трудиться над подготовкой «Капитала». В период I Интернационала и Парижской Коммуны (1864—1872) Энгельс — ближайший помощник Маркса по руководству международной организацией. Большое внимание Энгельс уделял Германской социал-демократической партии. После смерти Маркса (1883) Энгельс оказал решающее влияние на объединение социалистических партий во II Интернационал, проделал работу по подготовке и изданию 2-го и 3-го томов «Капитала» Маркса.

3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 3.

4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 4.

5. *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 18.

6. *Мор Т.* Утопия. М., 1978.

7. *Энгельс Ф.* Эльберфельдские речи // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 2.

8. *Энгельс Ф.* Эдуарду Бернштейну, 27, 28 февраля, 1 марта 1883 г. // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 35.

9. *Энгельс Ф.* Описание коммунистических колоний // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 42.

10. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857—1859 годов // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 46. Ч. 2.

11. *Каутский К.* Аграрный вопрос. Пер. И. Андреева и В. Либина. Харьков, 1900.

Каутский (Kautsky), Карл (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала. Учился в Венском университете. В 1882-1917 гг. — главный редактор теоретического журнала социал-демократии «Die neue Zeit», автор теоретической части Эрфуртской программы СДПГ.

12. *Каутский К.* Социализация сельского хозяйства. Пг., 1922.

13. *Каутский К.* Социал-демократическая аграрная политика. Ч. 2 / Пер. С. А. Алексеева. СПб., 1907.

14. *Каутский К.* Социализм и сельское хозяйство. Ответ Э. Давиду / Пер. З. Ленского. М., 1906.

15. *Каутский К.* Социальная революция. М., 1918.

16. *Булгаков С. Н.* К вопросу о капиталистической эволюции земледелия // *Начало.* 1899. № 1—2.

17. *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 11. М. -Пг., 1923.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — философ, деятель русского и международного рабочего движения, пропагандист марксизма в России. В 1874 г. поступил в Горный институт. Один из создателей организации «Земля и Воля», после ее раскола — «Черный передел». В 1877 и 1878 годах дважды подвергался арестам, в 1880 г. эмигрировал за границу. В 1883 г. создал в Женеве первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». После основания в 1898 г. РСДРП участвовал в ее работе. В начале 1900-х годов входил в редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря». В марте 1917 г. вернулся в Россию. Не принял курса большевиков на социалистическую революцию. В то же время отказался поддержать контрреволюцию. После Октября отошел от политической жизни. Умер от туберкулеза.

ПРИОРИТЕТЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Карл Каутский доказывал: теория Маркса не исчерпывается формулой вытеснения мелкого производства крупным, как утверждают его критики и оппоненты. Каутский отмечал: желая изучить аграрный вопрос в духе метода Маркса, он в ходе своих исследований стал сторонником марксизма [1:7]. Тем не менее марксистские воззрения по поводу трансформации аграрного сектора в условиях развития капитализма стали предметом массивной критики. Эдуард Давид заявил, что марксистское учение не применимо к сельскому хозяйству [2:536]. Эмиль Вандервельде также считал, что капиталистическая концентрация в том виде, как она описана Марксом, в земледелии не проявляется [3: 101].

Давид называл Маркса интеллектуальным виновником теоретического смертного приговора, произносившегося над сельскохозяйственным мелким производством. Но всех причин и аргументов, приводимых Марксом, по оценке Давида, даже в их совокупности «недостаточно, чтобы причинить пациенту действительную смерть» [2: 15, 17]. Джероламо Гатти в более мягкой форме замечал: теория марксизма в отношении к земледелию допускает поправки [4: 195].

Выражая поддержку своим западноевропейским коллегам, российский лидер и теоретик эсеров В. М. Чернов говорил, что российские аграрники со своей критикой марксизма находятся в хорошей компании. Аграрный вопрос, по его заявлению, оказался той областью, в которой впервые была пробита некоторая брешь в общей стройной и целостной системе марксизма. Теория основоположников этого учения, или, по выражению Чернова, «догматический марксизм», обвинялась в чрезмерном упрощении, шаблонизированности общественно-экономических и социальных процессов, протекавших в земледелии, по аналогии с развитием индустрии [5:4: 126, 131; 5:5:30].

С. Н. Булгаков утверждал, что Маркс совершенно неправ относительно перспектив земледелия. Он объявлял ошибочными воззрения Маркса о развитии капитализма, ведущего все общественное устройство к коллективизму [6:2:456, 457]. Булгаков заявлял, что идеи марксизма уже потеряли свое значение: период деятельности Маркса, как ему казалось, не был подходящим для исследования аграрных отношений. Прогноз же марксизма объявлялся лишенным всякого содержания. Булгаков писал: «Он принадлежит к числу таких же осмеянных историей близорукоостей, какими были старинные попытки заглянуть в будущее» [7: 1].

По поводу спора о перспективе мирового хозяйства А. В. Чаянов написал: «... Ученые люди, наблюдая блестящие победы капи-

талистического производства в промышленности и полную гибель в ней трудового ремесленного хозяйства, полагали, что в земледелии трудовое крестьянское хозяйство не избежит той же печальной участи. Казалось, что крупное капиталистическое хозяйство и в сельском хозяйстве, благодаря применению машин и других недоступных мелкому хозяйству приспособлений, сможет продавать свои продукты много дешевле крестьянского хозяйства и разорит, уничтожит его, превратив самих крестьян в безземельных рабочих, работающих на помещика-капиталиста. Однако эти грозные для крестьянства предсказания не оправдались, во всех странах мира трудовое земледельческое хозяйство не только не разорилось, но даже скорее, наоборот, укрепились и сделалось более прочным» [8:6]. По оценке Чапянова, уже в конце XIX века выявились существенные пределы индустриальной экспансии капитализма.

Австрийский экономист Фридрих Отто Герц утверждал, что рассуждать о перспективе аграрной сферы вообще есть заблуждение. Что имелось в виду? В земледелии, по его мнению, проявляется более чем где бы то ни было зависимость от национально-исторических моментов, технических и хозяйственных особенностей конкретного района. В таком аспекте он обосновывал различие индустрии и сельского хозяйства. Точка зрения Герца основывалась на утверждении, что в земледелии крупное хозяйство не располагает теми преимуществами, которые имеет крупная промышленность, особенно в техническом отношении. Он не утверждал, что таких преимуществ не существует вообще. Герц говорил лишь о том, что технические преимущества крупного хозяйства в земледелии не столь велики, как в промышленности: невозможно констатировать абсолютных преимуществ крупного сельского хозяйства при любых условиях. Экономических и технических преимуществ крупного сельского хозяйства, по мнению Герца, недостаточно для того, чтобы позволить ему вытеснить другие виды хозяйств [9:39, 44, 102, 191, 211].

В первую очередь Герц имел в виду мелкое хозяйство крестьянина. Он считал, что мелкое хозяйство весьма устойчиво в плане конкуренции с крупным, более того, порой оно бывает значительно устойчивее крупного. В этом он даже усматривал некую тенденцию сельскохозяйственного развития. Какова аргументация исследователя в данном вопросе?

Крупное хозяйство, по Герцу, ориентируется на значительные вложения капитала для получения прибыли, тогда как мелкое производство может обходиться и без такого дохода. Мелкое хозяйство имеет возможность культивировать почвы даже самого низкого качества. В ряде отраслей сельского хозяйства оно даже предпочтительнее — в виноделии, производстве растительного масла.

Наконец, Герц противопоставлял «фанатизму собственности» крестьянина у Каутского «фанатизм труда» как отличительную особенность мелкого производителя. Нередко аргументация Герца страдает голословностью, бездоказательностью. В частности, нельзя согласиться с попыткой опровержений некоторых утверждений Каутского, встречающихся на страницах сочинений австрийского экономиста. Так, Герц отрицал превосходство крупного производства в использовании машин довольно наивными доводами: а) в мелких хозяйствах широко распространено применение машин; б) многие машины в сельском хозяйстве неприменимы; в) посредством товариществ покупка машин доступна мелким хозяйствам [9:27, 28, 150—152, 191]. Конечно, подобной аргументацией нельзя опровергнуть факт большой распространенности машин в крупных хозяйствах. Отдельные же доводы (вроде «машина не дает навоза»), откровенно наивны.

Основываясь на своей аргументации, Герц сделал вывод о том, что окончательное вытеснение мелкого хозяйства крупным невозможно. При этом исследователь разделял понятия «вытеснение» мелкого хозяйства крупным в результате конкуренции и «разложение» натурального хозяйства. Последнее он считал явлением прогрессивным, поскольку замечал в натуральном крестьянском хозяйстве отсутствие разнообразия потребностей (разнообразие потребностей рассматривалось им в качестве своеобразного критерия оценки — как признак высшей культуры). Герц заявлял о необходимости избавить крестьянина от прозябания и недостойного существования. Но он возражал против внедрения рыночного хозяйствования в крестьянское бытие [9:59, 61, 197].

Как Герц представлял себе дальнейшее развитие земледелия? В государстве будущего, по его мнению, формы землевладения будут отличаться значительным разнообразием. Такой подход избавляет Герца от устоявшегося стереотипа в научной литературе в оценке этого ученого как представителя однобокого и одностороннего направления, ориентированного только на защиту мелкого крестьянского хозяйства. Взгляд Герца на процессы в аграрной области оказывается гораздо более сложным и глубоким. Более того, он предлагал проложить путь такому аграрному строю, который, естественным путем возникая из экономических условий, усиливал бы хозяйственные и социальные преимущества крупного хозяйства могущественным хозяйственным импульсом непосредственного личного интереса. В таком подходе Герц видел возможность создания для «каждого клочка земли» самых благоприятных технических условий, связанных с крупным хозяйством, и сильного психологического импульса, присущего мелкому производству [9:228, 230, 233].

Реализацию своих идей Герц связывал с разнообразными спосо-

бами развития, но с неперменным условием: развитие аграрной сферы должно учитывать технически-хозяйственные особенности конкретной местности. С техническими и экономическими условиями данной местности он соотносил и связывал конкретные преимущества крупного или мелкого производства: общество, желающее установить повсюду форму производства, которая отвечала бы технически хозяйственным условиям данной местности, организует во многих местностях крупное хозяйство на месте крестьянского, но в некоторых районах может оказаться выгоднее превратить существующее крупное хозяйство в мелкое. В частности, Герц упоминал об условиях России конца XIX века, где капитализм, по его оценке, не обнаруживал никакой тенденции к перевороту в сельскохозяйственном производстве, поскольку развитие капитализма в сельском хозяйстве России основывалось на исторически сложившемся низком жизненном уровне рабочих сил и у крупных владельцев не наблюдалось стремления к интенсивному развитию [9:44, 227, 233; 10:32, 215; 11: 19].

Важную роль в развитии аграрной сферы Герц отводил кооперации, однако нельзя согласиться с тем, что кооперация принесит наибольшую пользу именно мелким владельцам [9:269]. Несомненно, Герц был прав, когда говорил, что благосостояние членов кооперативных товариществ возрастает, но и здесь нельзя обойтись без анализа конкретных условий жизнедеятельности и определения качественных критериев и возможностей разных типов хозяйствования.

Пожалуй, наибольшей критике, особенно со стороны представителей марксизма, подвергнулся немецкий экономист Эдуард Давид. Ленин обвинил его в совершении плагиата у русских социалистов — революционеров, народников. Труды Давида характеризовались как свод буржуазных предрассудков и буржуазной лжи.

Как и Герц, Давид подчеркивал наличие специфических особенностей сельскохозяйственного производства. Сложность эволюции земледелия, по его мнению, была обусловлена разнообразием природных и исторических условий. На этом основано утверждение, что сложность вопроса делает невозможным его решение, имеющее одинаковую силу для всех времен, мест и обстоятельств. К разнообразию природных и исторических условий Давид добавил увиденное им различие между сферами производства: в сельском хозяйстве, на его взгляд, происходило развитие живых существ, в индустрии — переработка мертвых вещей [2:34—35, 42, 43, 45]. Такое различие процессов индустриального развития как механического, с одной стороны, и сельскохозяйственного как органического, — с другой, представляется надуманным. Характерна в этом отношении фраза Давида: «...навоз — душа сельского хозяйства». Такой примитивный подход приводит к механистическому смешению общественно-экономических отношений, происходящих в об-

щество, с процессами биологического и физиологического характера, протекающих в природе.

Бездоказательно также утверждение Давида о том, что в сельском хозяйстве более, чем в индустрии, ощущается потребность в наличии интереса работника к результатам производства [2:49].

Односторонность концептуального подхода Давида проявилась в его аргументации и стремлении доказать, что суденышко мелкокрестьянского самостоятельного производителя плыло не против, а по течению общего развития. Рассуждения в этом вопросе немецкого экономиста, в отличие, например, от Герца, нередко обрывочны, однобоки, императивны. «Имеются ли в самой природе сельского хозяйства, — писал Давид, — ...такие условия, которые... давали бы возможность мелким хозяйствам конкурировать с крупными? На этот вопрос я ответил вполне определенным «да». Доказательства Давида фактически сводились к выводу: если не погибал крестьянин, то должна была погибнуть марксистская аграрная теория [2:26, 32, 35].

Нельзя не заметить, что в методических построениях Давид переходит от частности к частности без должной обработки материала, без анализа взаимосвязи, четкой постановки вопросов, цели — в результате фактические данные нередко не обобщены и не связаны. Политические интересы зачастую явно преобладали над стремлением найти научную истину.

Полемическая направленность рассуждений Давида не дополнялась научной глубиной. Характерно, что уже в самом начале своей работы «Социализм и сельское хозяйство» он сделал категоричное заявление: не подлежит сомнению, что мелкое производство превосходит крупное в тех отраслях, при той интенсивности и тех условиях производства, к которым стремится сельское хозяйство западноевропейских культурных стран [2:35].

Первоначальная заданность конечного результата отразилась в доводах Давида, приводимых в защиту мелкого хозяйства. Каковы его аргументы? Он утверждал, что кооперация, разделение труда, применение машин, как главные факторы продуктивности крупного хозяйства в индустрии, в сельском хозяйстве не имеют решающего значения. Технический прогресс, по Давиду, в большинстве случаев доступен мелкому хозяйству, а научный прогресс — всегда и без исключения. История не знает ни одного примера, настаивал Давид, когда крестьяне разорились бы благодаря техническому превосходству крупных хозяйств [2:537, 538, 540].

Одним из основных аргументов своей правоты Давид называл взаимосвязь высокой интенсивности и небольших размеров хозяйств. Причину этого он видел в необходимости из каждого участка земли постоянно извлекать все большую массу ценностей. Давид отвергал эффективность применения машин в интенсивном хо-

зяйстве, допуская их продуктивность только в экстенсивном производстве. Он даже вывел своеобразную формулу: чем выше интенсивность, тем меньше машинной работы. Объяснение здесь следующее: земледельческая машина повышает продуктивность лишь постольку, поскольку она дает возможность производить прежние количество продуктов при уменьшенном количестве труда, но увеличить количество продуктов она не в состоянии. Иными словами, машина не увеличивает массу продуктов на одной и той же площади, результат её работы проявляется в ускорении темпа [2:35, 495, 502, 509]. Данные рассуждения Давида основаны на его расчетах, где использовались абсолютные цифры о числе хозяйств, употреблявших машины, а не процентное отношение этих хозяйств ко всему числу хозяйств данной группы.

Противоречивы рассуждения Давида в вопросе о кооперации в крупных и мелких хозяйствах. Он утверждал, что преимущества кооперации в крупном хозяйстве ничтожны по сравнению с мелким. Даже наоборот, мелкие хозяйства выступают, по выражению Давида, «самыми жизненными ячейками системы товарищеских организаций, а формы полезной деятельности крестьянской общины якобы недостижимы для кооперации крупных хозяйств» [2:63, 539, 546].

Абстрагируясь от одностороннего подхода Давида, обусловленного политическими установками, в его идеях о кооперации можно выделить рациональное зерно. Так, обосновывалась недопустимость немедленной замены крестьянского землевладения производительными товариществами, поскольку чувство солидарности, как мотивационный фактор, не может автоматически вызвать у членов товарищества такой же интерес, как у хозяина-собственника. Начинать следует с развития простейших форм кооперации — торговой, сбытовой, кредитной. Это позволит постепенно преобразовать отсталое изолированное мелкое производство крестьян в рационально организованное производство. Давид считал, что путь к производственным формам кооперации через простейшие формы — практически единственно осуществимый и в то же время кратчайший путь. Он допускал, что когда-нибудь — на высоком уровне социального развития — окажется возможным осуществить идеал производственного товарищества. Только тогда, на его взгляд, товарищества станут компромиссной формой между индивидуальным и коллективным принципами хозяйствования, будут в значительной степени содействовать воспитанию и самовоспитанию людей [2:37, 38, 547, 548].

Давид выдвинул собственный социальный прогноз общества будущего, основанный на абстрактном положении о материальном обеспечении, наличии свободного времени для духовной и нравственной деятельности. Нельзя детально описать прогноз, — замечал он, — только общие цели строя, в котором обеспечено материальное благополучие и культурная духовная жизнь.

Для достижения этого некоего идеального строя немецкий экономист полагал необходимым ускорение развития в сторону мелкой формы аграрного хозяйствования: мелкое хозяйство является благоприятной предпосылкой для рационального ведения дела при интенсивном земледелии. Более того, он заявлял, что одной из насущных задач выступает превращение крупных сельскохозяйственных производств в мелкокрестьянские, предлагая создать все необходимые условия для крестьянина-собственника, в первую очередь законодательные [2:470, 546, 549].

Вслед за Герцем и Давидом итальянец Джероламо Гатти заострял внимание на специфике сельского хозяйства. Он утверждал, что сельское хозяйство гораздо сложнее индустрии. Но в отличие от Давида Гатти ясно видел реальный процесс капиталистического развития сельского хозяйства. Он отмечал, что если индустрия развивается по пути концентрации, то сельское хозяйство — одновременно в направлении концентрации и ассоциации. Проявление противоречия капиталистического развития земледелия усматривалось в факте увеличивающегося потока мигрантов из деревень в промышленные города, в стремлении крестьян бежать из деревни. Это явление Гатти называл одним из наиболее характерных социальных явлений века [4: 103, 172].

Гатти признавал, что с технической точки зрения крупное капиталистическое производство имеет немало преимуществ перед ассоциациями мелких собственников. Тем не менее он отдавал предпочтение мелкому производству. Гатти считал, что только тенденция «крестьянин — производитель — собственник» позволит поднять благосостояние крестьянских масс. Этому должна способствовать, по его мнению, устойчивость мелкой собственности, которая стремится к возрождению. Чтобы развить мелкое сельскохозяйственное производство, как полагал Гатти, необходимо вооружить его всеми современными техническими средствами: мелкая собственность сохранится, перейдя от изолированного хозяйства к ассоциации и при помощи ассоциации — то есть имея возможность пользоваться новейшими техническими достижениями — к новой организации общественной жизни [4: 168, 169, 172, 176, 231].

Рассуждения Гатти подвергал критике Плеханов, отрицавший тезис Гатти о количественном росте мелкой собственности и уменьшении крупной. Плеханов упрекал Гатти в небрежном обращении с цифрами, ограниченном использовании статистических данных без учета показателей конца XIX века, когда началось бурное развитие капитализма в земледелии [12:384, 385, 388].

Гатти считал кооперацию средством спасения мелкого хозяйства, более того, он противопоставлял кооперацию распространению капитализма в сельском хозяйстве. Кооперативные товарище-

ства представлялись Гатти экономически сильным организмом, наиболее эффективно применимым к мелкому производству, в его представлении именно мелкая собственность испытывает на себе наибольшее экономическое влияние кооперативного движения. Однако серьезных обоснований этих положений у Гатти нет. Он ограничился только аргументом, что без кооперации мелкие землевладельцы не смогут пользоваться новыми техническими орудиями производства.

Конструктивный интерес в идеях Гатти представляют его теоретические размышления о кооперации. Он полагал, что сельскохозяйственные ассоциации являются средством для уничтожения обособленности деревень. Устраняя обособленность, кооперация не предполагает полного слияния собственности. В этом смысле она является этапом общественного развития на пути от индивидуализма к коллективизму. По определению Гатти, кооперация есть особый вид коллективной собственности, коллективистская система. Подчеркивая этапность в развитии кооперации, Гатти настаивал на необходимости постепенного перехода от изолированности интересов мелкого собственника к ассоциации интересов и далее — к коллективной собственности. Он предполагал длительность такой эволюции [4: 168, 175, 176, 179, 180, 184, 231].

В процессе эволюции, по его предположению, сознательность индивидуализма будет постепенно преобразовываться в сознательность социальную, это должно способствовать пониманию, что в социуме жизнь земледельцев будет экономически и духовно несравненно выше. В таком смысле Гатти считал кооперацию методом распространения идеи социализации в деревне: ассоциируя изолированных собственников, объединяя при помощи кооперации разрозненные интересы, кооперативное движение распространяет новые тенденции и преобразует узкое, индивидуалистическое сознание в сознание социальное — таким образом формируется коллективистское сознание.

Гатти выделял три фазы в эволюции кооперативного движения: первая — приобретение технических орудий и инструментов, торговля сообща при изолированном производстве (ассоциации торговая, сбытовая); вторая — коллективное производство и, наконец, третья — коллективная собственность. Он отмечал, что обособленность мелких производителей делает наименее сложной реализацию первой из этих фаз, гораздо труднее — реализацию второй, тем более третьей фазы. Он подчеркивал необходимость в создании условий, позволяющих земледельцам подняться до передовых форм кооперации [4: 184, 205, 231].

Бельгийский исследователь Эмиль Вандервельде обращал внимание, что крупные индустриальные центры — города оказывают разрушающее влияние на деревню. Громадные города, которые он определял как порождение капитализма, в его сочинениях назы-

вались не иначе, как «города-осьминоги», «города-спруты», охватывающие своими железными объятиями большую сельскую территорию [13:6; 14: 123, 149].

Вандервельде отмечал, что земледелие все более превращается в отрасль промышленности, подобную другим отраслям, которые выгоднее экономически развивать в широких размерах. Однако, по его мнению, эволюция земледелия далеко не тождественна эволюции промышленности. В отличие от индустрии, в земледелии, по его оценке, крупные хозяйства развиваются не так быстро, не становятся доминирующей, характерной формой производства: в земледелии происходит концентрация капитала, но развивается она гораздо медленнее, чем в индустрии, а во многих отраслях отсутствует.

Вандервельде подметил характерную, на его взгляд, тенденцию: повсюду, где развивается капитализм, крестьянин-собственник теряет всякую самостоятельность по отношению к капиталу, собственность на землю ускользает из рук тех, кто ее обрабатывает. Капитализм постепенно превращал земледельцев в промышленных рабочих.

Несмотря на заявление об исчезновении независимой крестьянской собственности, Вандервельде утверждал, что это обстоятельство еще не решает вопрос — имеет ли крупное производство тенденцию вытеснить мелкое или, наоборот, мелкое производство отвоевывает свое место у крупного. Трудность и сложность данного вопроса Вандервельде связывал с необходимостью исследовать этот вопрос отдельно для каждой отрасли сельского хозяйства [15:270; 3:42, 61, 65, 101].

По утверждению Вандервельде, как крупные, так и мелкие хозяйства одновременно имеют преимущества и недостатки, которые в целом взаимно уравновешиваются и не дают ни одной из сторон превосходства над другой. У крупного хозяйства отмечались такие положительные черты, как техническая оснащенность, использование рекомендаций науки, организация коммерческой деятельности по продаже и покупке. Но сами по себе эти преимущества не могут обеспечить крупному производству решающего перевеса над мелким. В качестве подтверждения данного тезиса Вандервельде приводил факты, когда мелкие хозяйства успешно выдерживают конкуренцию с крупными, а в некоторых странах крупное земледелие даже сокращается [3:69—71, 79]. При этом надо уточнить, что дробление собственности и рост числа мелких сельскохозяйственных предприятий в качестве социального явления не означало для Вандервельде, по его выражению, «тождества крестьянского землевладения» (это положение повторил Плеханов, 12:363). Более того, он утверждал, что в земледелии зачастую не замечается тенденция к поглощению мелких хозяйств крупными [3:80].

Вандервельде одним из первых попытался обосновать различие между понятиями «крупное землевладение» и «капиталистическое землевладение». В отличие от своих коллег, рассматривавших эти понятия как тождественные, Вандервельде отмечал более совершенную и передовую организацию капиталистического земледелия с экономической и производственной точек зрения, но на практике — большой удельный вес традиционного экстенсивного крупного землевладения [15:271]. Дальнейшего развития этот научный аспект в исследованиях Вандервельде, к сожалению, не получил.

В качестве одного из главных преимуществ мелкого хозяйства Вандервельде считал существование, по его выражению, «романтической разницы» в производительности труда между крестьянином-собственником и наемным рабочим, обрабатывающим чужую землю. Он предложил следующую формулировку: трудящийся должен быть собственником земли, которую он обрабатывает [3:2, 78]. Через десятилетие это положение нашло отражение в программе российских трудовиков [16: 17].

Указанный подход объясняет оценку мелкой собственности как формы свободы, а крупной — формы рабства. Все это послужило для Вандервельде достаточным основанием, чтобы утверждать, что крупное хозяйство не обладает значительным превосходством над прочими формами земледельческого хозяйства, в первую очередь мелким: земледельческое крупное хозяйство создает множество неудобств, которые отчасти нейтрализуют его выгоды. Вандервельде не сомневался, что до тех пор, пока будет существовать капиталистическое хозяйство, основанное на наемном труде, до тех пор не исчезнут отрицательные последствия отделения собственности от труда. Именно это, как он считал, даст возможность крестьянам, несмотря на все сложности их положения, бороться с конкуренцией крупного хозяйства.

В конкурентной борьбе, по мнению Вандервельде, наиболее действенным средством являлась форма ассоциации мелких земледельцев, представляющая для крестьян большие возможности. Одновременно он допускал будущность той части крупного землевладения, которая будет основана на началах ассоциации работников. Идеальным вариантом будущего рассматривалась форма ассоциации работников в условиях коллективной собственности на землю [14:26, 88—89, 93, 104; 3:79, 80].

Российский профессор-экономист **Сергей Николаевич Булгаков**, как и его западноевропейские коллеги, усматривал принципиальное различие в развитии земледелия и промышленности, которые, по его мнению, характеризуются если не противоположным, то, по крайней мере, различным характером развития. Объяснение он находил в зависимости земледельческого производства от природы. Причем зависимость эту он доводил до фатального уровня, до

полного господства природы над человеком: вследствие данного обстоятельства, по его утверждению, за человеком остается роль подсобного фактора в производстве, а для машины остается лишь роль рабочего инструмента [6:1:43, 50; 6:2:456; 17:60].

Такой подход представлялся Булгакову правоммерным для отрицания бесспорного преимущества крупного производства в области земледелия, как в промышленности. Земледелие, отмечал он, имеет настолько своеобразный и настолько сложный характер, что какого-либо заключения о преимуществах или недостатках тех или иных форм хозяйства сделать нельзя: господство природы в земледелии уничтожает преимущества какой-либо из форм хозяйствования. Булгаков пояснял, что есть местности, где выгоднее крупное хозяйство, в других — мелкое, в некоторых — среднее. Он подчеркивал: дело не в самой форме хозяйствования, доминирующим фактором выступают общие условия, в которых оно осуществляется. От этих внешних условий и обстоятельств и зависит — какая из форм собственности окажется наиболее пригодной, в какой форме выгоднее развивать те или иные отрасли сельского хозяйства [17:64, 65; 6:1:43, 54, 56, 64].

Декларируя центристский подход в отношении к различным формам хозяйств, Булгаков тем не менее придерживался явной ориентации на мелкое хозяйствование. Уровень потребностей крестьян, как он утверждал, может рассматриваться, с одной стороны, как мерило культурного развития страны, с другой — как показатель материального уровня основной массы населения (*standart of life*). Защищая мелкую собственность, Булгаков заявлял, что мелкое хозяйство вполне способно отстоять себя в борьбе с крупным и даже вести наступательную конкурентную борьбу [6: 1: 147; 17:71].

Аргументация российского ученого в этом вопросе не отличалась оригинальностью по сравнению с доводами его западноевропейских коллег. Он пытался доказать, что в сельском хозяйстве технический прогресс не связан с какой-либо определенной формой (подразумевалось с крупной). Крупное производство, считал Булгаков, не имеет технического преимущества перед мелким не только в теории, но и на практике. Аргументы следующие: машины не могут дать крупной форме хозяйства такого же преимущества, как в промышленности, из-за прерывности сельскохозяйственного производства, обусловленной господством природы; мелкие хозяйства могут использовать у себя многие технические приемы и усовершенствования крупных; технические условия формируют более благоприятные возможности для развития базы мелких хозяйств вследствие ограниченных возможностей применения машин; достижения науки, хотя и более доступны для крупных хозяйств, тем не менее доходят и до мелких, несмотря (по выражению Булгакова) на всю их косность; в некоторых отраслях сельского хозяйства (ви-

ноградарство, огородничество, садоводство) технические особенности, связанные с большой долей ручного труда, стимулируют мелкую форму хозяйств [6: 1:43, 51, 56, 58—60, 62, 63, 71—72].

Наряду с технической стороной Булгаков особо выделял в мелком хозяйстве «высшее качество» труда как отличительную особенность в собственном хозяйстве крестьянина, работающего на своей земле, в сравнении с наемным трудом в крупном хозяйстве. Такое, на его взгляд, преимущество выражается в показателе интенсивности хозяйства. Вследствие этого, согласно рассуждениям Булгакова, возникает необходимость ориентации именно на уменьшение размеров хозяйства (ниже средних размеров). Причем такая необходимость называлась им не иначе, как общепризнанная истина, отрицаемая разве только по недоразумению [6: 1:57, 62; 17:54]¹. Не слишком ли категоричен в своих рассуждениях Булгаков? Не только его аргументация, но и сама логика рассуждений страдает серьезными изъянами. Обвиняя своих оппонентов в отождествлении технических и экономических категорий и понятий, их смешивании [7:8], сам Булгаков не привел систематических данных о типах хозяйств, уровне жизни разных категорий и групп крестьян (хотя такие данные содержались в цитированных им источниках).

Когда Булгаков перешел от рассуждений о технической стороне мелкого производства, во многом спорных, к общественно-экономическим явлениям, здесь его аргументация порой страдает наивностью. В частности, он пытался исследовать проблему пролетаризации, разорения, раскрестьянивания земледельцев. Причем такое явление он признавал неизбежным и даже экономически нормальным. Пауперизация, расслоение крестьянства (о пролетаризации нет и речи) признавались условием хозяйственного прогресса. В этих явлениях российский экономист усматривал даже, по его выражению, «железный» закон земледельческого хозяйства. Схема действия предложенного закона проста: происходит прирост населения — соответственно ему наблюдается миграция части сельского населения в промышленность, в города, на переселение. Такое переселение, таким образом, объясняется не социальными условиями, а естественной необходимостью. Идею об уничтожении противоположности между городом и деревней Булгаков называл фантазией, которая может вызвать улыбку у специалиста [17:306—307; 7:29].

Под свою концептуальную линию ориентации на мелкое хозяйство Булгаков подстраивал идею кооперации хозяйств. Он утверж-

---

¹ Близка к этим рассуждениям Булгакова точка зрения лидера и теоретика российских эсеров В. М. Чернова: «Положительные стороны крупного производства проявляются не благодаря... капиталистической оболочке, а несмотря на нее» (Чернов В. М. Типы капиталистической и аграрной эволюции. Статья 1 // Русское богатство. 1900. №4. С. 140).

дал, что сельскохозяйственное производство не может быть предметом планомерной кооперации — речь может идти лишь об отдельных моментах. Сосединение мелких хозяйств в ассоциации определялось фактором, который существенно склоняет чашу весов в сторону мелкого крестьянского хозяйства, причем во всех формах кооперации: кредитной, торговой, производственной [6: 1:25; 17:69—70].

Приходится признать, что научная объективность профессора Булгакова пострадала в значительной степени из-за политических амбиций. На страницах его сочинений нередко можно встретить высказывание, что идеалом земледелия является полная индивидуальная свободная собственность на землю, выражалась желательность усиления крестьянского хозяйства за счет крупнокапиталистического. Полемическая страсть выплескивалась в таких, например, высказываниях: тот, для кого будущее связано с представлением о концентрации, должен махнуть рукой на земледелие, как область совершенно безнадежную [6:2:213, 276, 456].

Научно несостоятелен вывод Булгакова о тенденции капиталистического развития в земледелии: уничтожении крупного предприятия и развитии на его месте крепкого крестьянского хозяйства. Практика современных развитых капиталистических стран опровергает его. Преждевременным оказалось пророчество Булгакова, что именно крестьянское земледелие однозначно победит, в этом отношении не может быть никакого принципиального сомнения относительно общего направления экономического развития [6:2:456; 17:311].

Резюмируя изложенное по поводу взглядов оппонентов марксизма, ограничимся следующими замечаниями. Не соглашаясь с тезисом о некоей априорной объективной устойчивости мелкого крестьянского хозяйства (в смысле его превосходства над крупным), нельзя не признать справедливости утверждения о наличии целого ряда преимуществ мелких хозяйств, обусловленных особенностями сельского хозяйства и возможностью производить продукцию с меньшими издержками, особенно в некоторых отраслях (подтверждением может служить сегодня наличие значительного слоя фермерских хозяйств практически во всех развитых странах с высоким уровнем цивилизации). Признавая иллюзорность представлений о всемогуществе кооперативного движения (вплоть до достижения политической власти посредством этого движения, через завоевание голосов крестьян при выборах в парламент), нельзя не отметить огромную значимость кооперации, направленной на повышение благосостояния крестьянства, социализацию крестьянских хозяйств. Не поддерживая неприятия по поводу устранения различий между городом и деревней, тем не менее нельзя не оценить озабоченность проблемой разрушения городов как центров культуры и науки.

В. И. Ленин не отрицал существования таких особенностей земледелия, которые, как он выражался, абсолютно неустранимы. Он признавал, что вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет иметь столь очевидного преимущества, как в промышленности. Большая сложность и разнообразие отношений, характерные для земледелия, обуславливают более скрытую форму, в которой выражается и проявляется превосходство крупного производства. Ленин ни в коей мере не стремился опровергать рассуждения оппонентов марксизма — «критиков Маркса», как он их называл, в вопросе о трудностях применения машин в земледелии; сравнительно меньшем, относительно промышленности, применении и меньшем значении. Для него это был бесспорный аргумент. Но при этом Ленин подчеркивал, что данный факт несколько не опровергает реалий быстрого развития машинного производства в земледелии, оказывающего преобразующее действие на всю аграрную сферу, но только в крупном капиталистическом хозяйстве начинает складываться система машин [18: 124—125, 137, 141; 19: 110].

Слабое место аргументации критиков Ленин увидел в уязвимости их концептуального подхода: критики марксизма, как правило, исходили из понимания крупного хозяйства как крупного по количеству земли. Главное же направление развития капитализма в земледелии, по оценке Ленина, состояло в следующем: мелкое хозяйство, оставаясь мелким по площади занимаемой земли, превращается в крупное по размерам производства. Иначе говоря, Ленин выдвинул формулу: мелкое по размерам площади хозяйство может быть одновременно крупным по интенсивности капиталистического производства. Поэтому он считал неверным утверждение, что с увеличением размеров хозяйства снижается интенсивность земледелия (поскольку ошибочен критерий понятия крупное хозяйство — количество земли). Ленин доказывал обратное: если использовать другой критерий — величину стоимости продукции, то с увеличением площади хозяйства возрастает его интенсивность.

Ленин отмечал, что говорить о преимуществе крупных хозяйств над мелкими можно лишь в применении к товарному производству. Этот закон, как его называл Ленин, не может быть применим в отношении к хозяйствам, не втянутым в рыночные отношения. Таким обстоятельством объяснялась критика со стороны российского марксизма народнической идеи о диаметральной противоположности крестьянского «трудового хозяйства» и буржуазного хозяйства. Ленин допускал развитие и даже упрочение мелкого трудового хозяйства, но при условии его эволюции в мелкобуржуазное. «Устойчивость» мелкого хозяйства, в отличие от критиков, он понимал по-другому: существует объективная тенденция развития капитализма — вытеснение мелкого производства крупным, но крупному хозяйству

экономически было бы невыгодно полное вытеснение мелкого, поскольку именно оно поставляет ему рабочие руки, сырье, потребляет его продукцию. В результате получается, что мелкое земледелие, перестав быть конкурентом крупного, приобретает относительную устойчивость. Крупное производство не заинтересовано в немедленной экспроприации мелкого, оно как бы подстраивает его под себя — под свои нужды, делает своим спутником. Аналогичную мысль об «уживании» различных типов хозяйств, как отмечалось выше, высказывал и Каутский. Крупные хозяйства сами стимулируют развитие мелких, поскольку это означает появление новых производств, выделение новых отраслей, прогрессивные явления в общественном разделении труда и специализации — то есть все то, что создает оптимальные условия и инфраструктуру для благоприятного развития крупных хозяйств. Развитие капитализма вообще, развитие фермерства в частности, отмечал Ленин, создаст внутренний рынок [20: 192, 193; 21:451; 22:47; 23:91; 24:345; 25: 130].

Такова трактовка Лениным марксистского положения об обреченности мелкого производства в земледелии. При этом он обращал внимание на другой марксистский тезис — признание невероятной придавленности, угнетенности мелкого собственника при капитализме. Ленин также утверждал тезис о несовместимости капитализма с благосостоянием мелкого земледельца-собственника. Устойчивость мелкого производства, по Ленину, зависит не от технической рациональности, а от каторжного труда крестьянина и понижения им своих потребностей, потребностей своей семьи ниже уровня, необходимого для нормальной жизни. Разорение мелкого собственника, ухудшение условий его жизни может тянуться, по замечанию Ленина, годами и даже десятилетиями [26:280; 27:286; 20: 193; 23:90; 18:221, 261].

Ленин утверждал, что даже каторжный труд крестьянина и его семьи не в состоянии спасти мелкое хозяйство от нищеты и нужды. Он приводил примеры сокращения потребления мелких крестьян ниже среднего на значительную величину (мяса, например, в полтора раза меньше среднего и почти в два раза меньше крупного крестьянина). Безысходность и безнадежность положения мелкого крестьянина, по оценке Ленина, обусловлена глубокими противоречиями капитализма, проявившимися еще в процессе их возникновения и дальнейшего роста. Развитие этих противоречий выражается в дифференциации крестьянства: происходит исчезновение средних групп и усиление крайних. Выделяется меньшинство зажиточных, состоятельных хозяев, основная же масса испытывает все тяготы непомерного труда. Увеличивается число крестьян, для которых, по описанию Ленина, главным источником существования становятся подсобные заработки, все это сопровождается пролетаризацией сельского населения, уменьшением доли собственников и одновременным увеличением доли тех,

кого капитализм выталкивает из деревни в город. Нужда большинства сельского населения создает условия рутинности, отсталости мелкого хозяйства, ограничивает возможности приспособления к рынку [18: 182—183, 188, 219, 221, 258, 267—268; 28:21].

Подчеркивая, что деревня остается неразвитой, беспомощной, Ленин отмечал, что в условиях интеграции хозяйственной, политической и духовной жизни при капитализме происходит сближение условий жизни земледельческого и неземледельческого населения, что, в свою очередь, создает условия для устранения противоположности между городом и деревней. Лишь с ликвидацией этой противоположности, считал Ленин, сокровища культуры, искусства, науки могли стать доступными всему народу, уничтожалась и та отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс назвал «идиотизмом деревенской жизни». Решение этого вопроса Ленин связывал с осуществлением социальной революции, переделкой психологии крестьянина, достижением полного благосостояния и свободного, всестороннего развития всех членов общества [25:224; 29:40; 18: 150, 151; 30:204].

Как и другие марксисты, Ленин резко критиковал «буржуйскую душу» мелкого хозяина. Он обвинял оппонентов в попытке использовать это естественное тяготение и отвернуть мелких собственников в сторону от классовой борьбы пассивных рабочих. Ленин убеждал крестьян, что у них нет иного пути к спасению, кроме как присоединиться к пролетарской борьбе [28:21; 26:280; 31:437]. Но ни в одной из его работ в дореволюционный период нет модели конкретных форм организации будущего землепользования, распоряжения землей.

Всю свою аргументацию и полемическую страсть Ленин направил против оппонентов марксизма. Наряду с Ф. Герцем, Э. Давидом, Д. Гатти, Э. Вандервельде, С. Булгаковым, В. Черновым под обстрел ленинских доводов и опровержений попали Г. Фольмар, Г. Аугаген, М. Гехт, Л. Гушке, К. Губах, К. Клавки, Т. Гольц, А. Бухенбергер (Германия), Э. Лекуте, Р. Рокиньи, О. Сушон (Франция), Г. Хэгард (Англия), Г. Джордж (Америка). Так же, как прежде критики Маркса нападали на марксизм, порой не стесняясь в выражениях, Ленин доказывал, что все труды критиков объединены одной целью — «врать на «ортодоксальный» марксизм, как на мертвого» [18: 156]. В своей критике Ленин подверг обвинениям как методику исследования аграрного вопроса оппонентами, так и главным образом содержательную сторону их рассуждений и выводов.

Говоря о методической стороне, он отмечал множество бесчисленных и бесконечных передержек, научную беспринципность, боязнь целостного и продуманного мировоззрения, неумение пользоваться детальными данными, статистикой, их обрабатывать. Поддерживая основные положения Каутского, Ленин писал, что отличительной чертой всех рассуждений критиков марксизма явля-

стся выхватывание отдельных явлений, отдельных случаев и отсутствие попыток связать их с общей картиной аграрного строя капиталистических стран, с основными тенденциями эволюции земледелия [18: 152, 157; 1:4:89].

Обвиняя критиков в отождествлении социально-экономических условий натурального крестьянского хозяйства, простого товарного производства и капиталистического, Ленин доказывал, что в их работах общие вопросы (о «гнете капитала», например) подменяются частными (концентрация земельной собственности и т. п.). В результате, писал Ленин, самые глубокие противоречия замалчиваются: «ни звука о наемном труде», о непосильном труде и недостаточном потреблении мелких крестьян. Любые вычисления доходности хозяйства, по оценке Ленина, игнорирующие различия в уровне жизни, фальшивы и далеки от практики. Поэтому он настаивал на важности выяснения различий типов хозяйств и уровней жизни их представителей. У критиков этого нет: не исследуются сравнительные условия различных типов хозяйств, в особенности относящихся к уровню ниже среднего и составляющих большинство всех хозяйств [19: 115; 27:286; 18: 188, 225].

В результате обобщенная критическая оценка Лениным оппонентов марксизма сводилась к следующему: всякое преимущество мелкого хозяйства опровергается путем исправления многочисленных издержек в сопоставлениях и сравнениях; «средние» отзывы и выводы прикрывают неблагополучное положение обездоленного большинства сельского населения, а посредством понятия «среднего» крестьянина производится приукрашивание крестьянства; при помощи тех же «средних» статистических данных критики стремятся доказать, что никакой социальной пропасти ни между богатыми и бедными, ни между крестьянином и батраком, ни между крестьянином и фабричным рабочим не существует; относительное благополучие небольшой доли зажиточных крестьян выдается за общий прогресс социального развития; необходимый анализ статистического материала о различных разрядах и группах крестьян подменяется рассуждениями о высококонравственном значении прилежания и бережливости; подтасовки в сравнении доходности различных типов хозяйств (при более высокой рентабельности производства в крупных хозяйствах доход в них оказывается меньше, при этом сбрасываются со счета преимущества крупных хозяйств как продавцов на рынке с помощью ссылок на возможность помочь делу кооперацией) [18: 160—162, 165, 169, 171, 174, 181, 226, 258].

* * *

Оценивая приведенные выше марксистские подходы, можно сделать следующее заключение. Идея коллективистской экономики может быть реализована в обществе, но на принципиально ином техно-

логическом фундаменте, в принципиально иных условиях разделения труда, обусловленных сокращением обособленности производителей, высоким уровнем товарооборота и рыночной регуляции. Однако подобная модель не может быть реализована на базе современных технологий [32].

Представления марксизма о будущем обществе воспринимаются не как научно-технический прогноз, а скорее как социальное пророчество, в котором коммунизм является идеальным ориентиром. Характеристика будущего имеет абстрактный характер — иначе быть не могло, поскольку вопрос решался в чисто теоретическом виде. О реальных социальных и экономических механизмах развития будущего общества марксисты могли рассуждать, основываясь на реальности современного ему капитализма, которая не могла подсказать ответа на этот вопрос. Такие понятия, как, например, «свободное время, выступающее в качестве истинной меры общественного богатства», представляли собой не более чем концептуальные эскизы. Более же конкретные расшифровки, которые пытался дать им сам Маркс, обрамлены узкими культурно-технологическими ассоциациями, соразмерными условиям и возможностям XIX столетия.

Крестьянство как класс воспринималось марксистами как социальная форма феодального общества, не принадлежавшая ни к миру капитализма, ни к социализму. В условиях капитализма крестьянство, как наследие феодального происхождения, рассматривалось в качестве отсталого элемента в современном обществе. В будущем социализме крестьянству места не оставалось. Организация крупного производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве обуславливала избавление социума от крестьянской собственности.

ИДЕАЛ АНАРХОКОММУНИЗМА

Помимо приверженцев марксизма в аграрном вопросе, к которым относились Каутский, Плеханов, Ленин, существовали более радикальные представления о путях переустройства аграрного сектора.

На рубеже XIX—XX веков среди наиболее радикальных левых течений выделяется анархизм. Это широкое интеллектуальное, а также политическое направление выдвигало идею «анархии» как определенный методологический ключ не только в политике, но и для понимания сути развития общественного бытия. Одним из наиболее ярких теоретиков этого движения был **Петр Кропоткин**, создатель одного из влиятельных течений в анархизме — анархокоммунизма. Кропоткин был сторонник насильственной анархической революции и одновременно — приверженец идеи устройства жизни на основах самых высоких принципов нравственности и христианской морали.

Кропоткин создавал план общественного устройства, в котором человек должен чувствовать себя счастливым и свободным. Для него таким идеалом был коммунизм анархический — коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей как соединение свободы экономической и свободы политической. Как достичь его? Кропоткин предлагал вернуть народу, обществу все, что служит для обеспечения благосостояния общества, но не мог представить решение этой задачи законодательным путем. Без революции, утверждал он, ничего этого не будет, поскольку невыгодно для владельцев земли и капитала, крестьяне же не обладают ни капиталом, ни знаниями, ни временем [33:40, 52, 220].

Реализация анархических идей представлялась Кропоткину неизбежной, фатальной, даже если «невежественная деревня» не поддержит социальную революцию пролетариата. С позиций современности рассуждения Кропоткина утопичны, наивны: он заявлял, что рабочие в качестве примера выйдут из города в поле, использование машин позволит им так организовать производство, что они внесут революцию в старое земледельческое хозяйство. По описанию Кропоткина, новое общество будет основано на принципах солидаристской экономии и коллективистского образа жизни, что обеспечит всем гражданам и существование, и довольство, и нравственное удовлетворение, и наслаждение жить, не мешая жить другим, возможность получения знаний и занятий художественным творчеством [33:51, 233, 235].

Чтобы создать такие условия, считал Кропоткин, достаточно, чтобы труд общественный заменил труд капиталистический, достаточно ввести новые законы о собственности. Времени на эти преобразования, по заявлению Кропоткина, требуется минимум: «Это не сказка... чтобы достигнуть этого, земледелие можно было бы преобразовать хоть завтра...» Под «завтра» Кропоткин подразумевал год-два, в течение которых земледelec может увеличить свое производство сельскохозяйственной продукции «вчетверо, если не вдесятеро» [33:211, 222].

Кропоткин предлагал для этого широко использовать тракторы, интенсивную обработку полей, искусственное орошение, распространить передовые приемы мелкого огородничества и садоводства на крупные хозяйства. Все это, по его оценке, должно приносить вдвое больший урожай, изобилие продуктов, при этом каждый крестьянин затрачивал бы на работу не более нескольких десятков часов в год.

Материальное благополучие позволило бы, по Кропоткину, изменить представления о крестьянине как о «диком звере», работающем вместе со своей семьей с утра до вечера, не имея при этом ничего, кроме плохой избы или хижины, хлеба да кваса. Крестьянин, получив достаток, выпрямил бы наконец свою спину, восполь-

зовался бы досугом и производил бы в несколько часов в день все, что нужно для жизни не только его семьи, но и еще сотни человек [33:211, 212, 217, 222, 231].

Несмотря на уверения автора, что «это не сказка», очевидна утопичность его идей. Это замечание относится и к вопросу о взаимоотношениях города и деревни. Кропоткин предлагал наладить прямой равноправный товарообмен между городом и деревней: крестьянину город может предложить то, в чем он нуждается — орудия труда, одежду: «Пусть город пошлет в деревню не комиссара, опоясанного красным или разноцветным шарфом, с приказом вести припасы в такое-то место, а пусть пошлет туда друзей, братьев, которые скажут крестьянам: «Привозите нам свои продукты и берите из наших складов все, что хотите»... Нам скажут, может быть, что это требует полного переустройства общества» [33:89].

В конце жизни, в условиях советской власти, Кропоткин пересмотрел многие свои взгляды. Он пришел к заключению о неэффективности ставки исключительно на крупное государственное машинное хозяйство, отмечал необходимость развития кооперации [33:5].

Анархокоммунистическая теория в условиях советского военного коммунизма сосредоточилась на критике большевизма как политического течения, не предлагая конкретных путей построения свободного и справедливого общественного устройства. Критический настрой проявился в рассуждениях одного из теоретиков анархокоммунизма — **Петра Аршинова (Марина)**.

По его оценке, распыленному и неорганизованному состоянию трудящихся масс в дни революции противостояла организованная партия большевиков, привлекая народ методом обмана под лозунгами социализма. Вместе с рабочими и крестьянами большевики принимали участие в ниспровержении промышленной и земельной буржуазии, призывали к этому массы, уверяя, что революция будет социальной — последней революцией, ведущей поработенных в свободное царство социализма и коммунизма. Для широких масс, не искушенных в политике, по мнению Аршинова, это казалось очевидной истиной. Непосредственное участие коммунистической партии в разгроме капиталистического строя породило огромное доверие к ней.

Дальнейшая эволюция политики большевизма в описании Аршинова имела следующий характер: эксплуатируя революционные устремления рабочих и крестьян к свободе, равенству и социальной независимости, большевизм подменил их идеей советской власти. Идею советской власти трудящиеся революционной России в первые месяцы после Октябрьского переворота восприняли как идею их местного общественно-экономического самоуправления. Благодаря смешению революционной идеи трудящихся со своей политичес-

кой идеей организации власти большевизм приблизил к себе массы и широко использовал их доверие.

Коммунистическая власть устанавливалась военным порядком. Сначала с помощью военных дивизий установилась власть партийных политических ревкомов, после того, как власть укрепилась, появились Советы рабочих и крестьян, якобы создавшие эту власть.

Аршинов утверждал: в большевизме нет основы для подлинной социальной революции трудящихся, выраженной в стремлении трудиться до последних сил во имя народного блага. Все его усилия, подчас огромные и упорные, свелись к созданию органов власти, поставленных над народом. Преобразования, проведенные большевизмом в жизни рабочих и крестьян, определялись коммунистической идеологией.

Национализацию промышленности, земли, городских жилищ, торговли Аршинов рассматривал как основу большевистского коммунизма. Национализация, по Аршинову, вылилась в абсолютное огосударствление всех форм народной жизни. Не только промышленность, транспорт, образование, органы продовольствия сделались собственностью государства, но все трудящиеся в целом и каждый трудящийся в отдельности, его труд и энергия; даже профессиональные и кооперативные организации рабочих и крестьян были огосударствлены. Государство — все, отдельный рабочий — ничто на практике стали заповедью большевизма. Государство получило олицетворение в чиновниках — фактически они являлись всем, трудящиеся — ничем.

Национализация, по мысли Аршинова, вырвав трудящихся из рук отдельных угнетателей, отдала их в более цепкие руки одного хозяина — государства. Отношения между трудящимся и новым хозяином остались такие же, что были раньше между трудом и капиталом, с той лишь разницей, что коммунистический хозяин — государство — не только эксплуатировало трудящихся, но и само их карало, так как обе эти функции — эксплуатация и наказание — оказались в нем совмещены. Во всех проявлениях произошла замена частного капитализма капитализмом государственным. Коммунистическая национализация представляла собой новый тип производственных отношений, при котором экономическая зависимость трудящихся сконцентрировалась в одном кулаке — в государстве. Это по существу несколько не улучшило положение трудящихся. Всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда — суть национализированного хозяйствования.

Особенно трудное положение трудящихся сложилось в деревне. Крестьяне получили возможность пользоваться землей бывших помещиков и иных собственников. Но это благо им дала не коммунистическая власть, а революция. Они десятки лет рвались к земле, и в 1917 году, еще до появления советской власти, крестьяне уже

завладела ею. Большевизм объединился с крестьянством в захвате помещичьих земель, но только потому, что иначе нельзя было победить общего противника — земельную буржуазию. Из этого не следует никоим образом, подчеркивал Аршинов, что коммунистическая власть собиралась наделить крестьян землей. Как раз наоборот — идеалом этой власти являлась организация единого земельного хозяйства, принадлежащего одному хозяину — государству. Советские земельные хозяйства, обрабатываемые наемными рабочими и крестьянами, — вот образец, по которому коммунистическая власть стремилась построить государственное земледелие во всей стране.

К организации государственно-капиталистического земледелия требовалось подходить с осторожностью и постепенностью. Резкий перевод десятков миллионов крестьян из положения самостоятельных хозяев в положение наемников государства был чреват опасной бурей, которая могла привести коммунистическое государство к катастрофе. Конкретное строительство коммунистической власти в деревне после революции свелось к насильственному вывозу из сел и деревень продовольствия и сырья и к борьбе с крестьянскими движениями, порожденными на этой почве.

Политические права крестьянства оказались ограничены обязательным созданием сельских и волостных Советов, полностью подчиненных коммунистической партии. Больше никаких прав крестьяне не получили. Многомиллионное крестьянство в губерниях попало под власть губернских комитетов партии. Вместо получения прав образовалось вопиющее бесправие крестьян. Государственный советский аппарат был создан таким образом, что все руководящие нити этого аппарата находились в руках партийной диктатуры, выдающей себя за авангард пролетариата.

Рабочие и крестьяне в коммунистическом государстве, по мнению Аршинова, социально поработены, экономически ограблены, политически бесправны. Встав на путь всеобщего огосударствления, большевизм неминуемо должен был наложить свою руку и на духовную жизнь трудящихся. Основной чертой большевизма являлось утверждение партийной воли методом насильственного подавления личности.

Творчество трудящихся в государстве коммунистов оказалось подавлено. Под предлогом борьбы с буржуазными и контрреволюционными идеями была уничтожена вся некоммунистическая пресса, включая прессу, которая издавалась и поддерживалась широкими массами трудящихся. Никому не позволено вслух высказывать свои мысли. Подобно тому, как большевизм распланировал всю общественно-хозяйственную жизнь страны согласно своей программе, так и духовную жизнь народа он вогнал в рамки своей доктрины. Живое поле народной мысли, народного творчества превратилось

в мрачную казарму партийной учебы и зубрежки. Всякое стремление заглянуть за стену партийной школы объявлялось вредным и контрреволюционным.

Искажение революции и ее перспектив, которое внес большевизм своей диктатурой, не могло пройти без протестов со стороны масс и без борьбы с подобным искажением. Но эти протесты, считал Аршинов, привели не к ослаблению политического гнета, а к укреплению его. Началась длительная полоса государственного террора, превратившая всю Россию в сплошную гигантскую тюрьму, где страх стал добродетелью, а ложь — обязанностью. Не имея естественной опоры в крестьянстве, коммунистическая партия неминуемо прибегла к террору и режиму всеобщего порабощения [34:68—74, 77].

Критический настрой анархизма не нашел выражения в созидательной социальной деятельности. Утопичность и аморфность анархистских взглядов, беспомощность в решении проблем социального строительства проявились в том, что анархистам нигде, кроме юга Украины, не удалось принять участие в эксперименте, напоминающем мифический прообраз анархистского вольного общества.

Источники и примечания:

1. *Каутский К.* Аграрный вопрос / Пер. И. Андреева и В. Либина. Харьков, 1900.

2. *Давид Э.* Социализм и сельское хозяйство / Пер. под ред. Г. А. Гроссмана. СПб., 1906.

Давид (David), Эдуард (1863—1930) — экономист, один из правых лидеров германской социал-демократии, один из основателей журнала «*Sozialistische Monatshefte*» («Социалистический Ежемесячник»). С 1903 г. депутат рейхстага. В 1919 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919—1920 гг. — министр внутренних дел, в 1922—1927 гг. — представитель правительства в Гессене.

3. *Вандервельде Э.* Социализм и земледелие / Пер. Г. Владимировой. М., 1907.

Вандервельде (Vandervelde), Эмиль (1866-1938) — лидер Рабочей партии Бельгии, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Во время первой мировой войны входил в буржуазное правительство. В 1925—1927 гг. — министр иностранных дел Бельгии.

4. *Гатти Дж.* Аграрный вопрос и социализм. М., 1907.

Гатти (Gatti), Джероламо — депутат итальянского парламента.

5. Русское богатство. 1900. № 4, 5.

Чернов Виктор Михайлович (1876—1952) — социолог, общественный деятель, идеолог партии правых эсеров. За неблагонадежность был исключен из Саратовской гимназии. Окончив курс в Дерпте, поступил в Московский университет. Через полтора года (1884) был арестован, 8 месяцев находился в Петропавловской крепости, затем выслан на 3 года в Тамбов. Принял участие в организации первого «крестьянского братства». В 1889 г. выехал за границу, в 1900 г. стал одним из организаторов Аграрно-социалистической лиги. С конца 1901 г. руководил заграничным органом партии эсеров «Революционная Россия», член ЦК партии эсеров. В конце 1905 г. возвратился в Россию, с 1908 г. — вновь за границей, редактор партийного органа «Знамя труда». После Февральской революции вернулся в Россию, занимал более месяца пост министра земледелия Временного правительства. Был председателем Учредительного собрания (5 января 1918). Летом 1918 г. возглавил Комитет членов Учредительного собрания в Уфе. С 1919 г. нелегально жил в Москве, Саратове. В 1920 г. эмигрировал в Эстонию. В 1920-х гг. жил в Праге. Издавал журнал «Революционная Россия» (1920—1931 гг.). В 1931 г. поселился в Париже. С середины 1930-х гг. выступал за создание в европейских государствах народного фронта против фашизма.

6. Булгаков С. Н. Капитализм и земледелие. В 2 т. СПб., 1900.

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) экономист, философ, богослов. В 1884 г. после окончания Ливенского духовного училища поступил в Орловскую духовную семинарию, которую оставил в 1889 г. Окончив в 1896-м юридический факультет Московского университета, уехал в Германию, где занимался политэкономией. Вернувшись в Москву, защитил магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие». В 1890-х годах был «незаконным марксистом». До 1906 г. работал на кафедре политической экономии в Киевском политехническом институте. Совместно с Н. А. Бердяевым издавал в 1905-м журнал религиозно-философского направления «Вопросы жизни». После революции 1905—1907 гг. примкнул к кадетам, участвовал в сборнике «Вехи». С 1906—1918 гг. — профессор политической экономии Московского университета. В 1906 г. был избран депутатом II Государственной думы. В 1918-м принял священнический сан, в 1919 г. переехал в Крым, где преподавал политэкономии и богословие. В 1923 г. выслан за пределы СССР. Преподавал в Праге, с 1924 г. — в Парижском богословском институте, являлся его деканом.

7. Булгаков С. Н. К вопросу о капиталистической эволюции земледелия // Начало. 1899. № 1—2.

8. Цит. по: Факты сильнее амбиций // Радикал. 1991. 6 ноября.

9. Герц Ф. О. Аграрные вопросы / Пер. А. Ильинского. СПб., 1900.

Герц (Hertz), Фридрих Отто (род. в 1878) — австрийский эконо-

номист, социал-демократ. В 1899 г. издал книгу «Die Agrarischen Fragen im Verhdlnis zum Sozialismus» («Аграрные вопросы с точки зрения социализма»).

10. Герц Ф. О. Аграрные вопросы в связи с социализмом. М., 1901.

11. Герц Ф. О. Вопросы аграрной политики. Харьков, 1901. Интересно отметить, что лидер и теоретик партии эсеров в России В. М. Чернов называл книгу Ф. Герца «Аграрные вопросы» своим «путеводителем» (Русское богатство. 1900. №4. С. 157).

12. Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 11. М. — Пг., 1923.

13. Вандервельде Э. Притягательная сила городов / Пер. Л. Винци. СПб., 1901.

14. Вандервельде Э. Аграрный вопрос / Пер. А. Дуделя. СПб., 1907.

15. Вандервельде Э. Социализм и капиталистическое развитие в земледелии // Классовая борьба в XIX столетии: Собр. монографий. М., 1906.

16. Сборник программ русских политических партий. Пг., 1917.

17. Лекции профессора Булгакова, прочитанные им в Московском Коммерческом институте в 1908/ 1909 уч. году. М., 1909.

18. Ленин В. И. Аграрный вопрос и «критики Маркса» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) — мыслитель и политический деятель, деятельность которого ознаменовала новый этап развития марксистского мировоззрения, получившего по его имени название ленинизма. В 1887 г. поступил в Казанский университет на юридический факультет. За участие в революционном движении студентов арестован и исключен из университета. В 1891 г. закончил экстерном Петербургский университет. В 1895 г. создал Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Арестован в 1895 г. В 1897 г. сослан на 3 года в Восточную Сибирь. В начале 1900 г. вернулся из ссылки и летом того же года уехал за границу. Организатор РСДРП большевистского направления. В ноябре 1905 г. вернулся из эмиграции в Россию. После поражения революции в декабре 1907 г. снова выехал за границу. С 1912 г. — руководитель редакции газеты «Правда». В начале апреля 1917 г. прибыл в Петроград. После июльских (1917) событий в Петрограде ушел в подполье. В начале октября нелегально приехал из Финляндии в Петроград. 24 октября прибыл в Смольный и руководил восстанием. Возглавил избранный на II Всероссийском съезде Советов Совет народных комиссаров.

19. Ленин В. И. Капитализм в сельском хозяйстве // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4.

20. Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27.

21. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1.

22. Ленин В. И. Вульгарный социализм и народничество // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7.

23. Ленин В. И. Рецензия на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4.

24. Ленин В. И. Кустарная перепись в Пермской губернии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2.

25. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2.

26. Ленин В. И. Мелкое производство в земледелии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23.

27. Ленин В. И. Социализм и крестьянство // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11.

28. Ленин В. И. Заработная плата сельских рабочих // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25.

29. Ленин В. И. Положение и задачи Социалистического Интернационала // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26.

30. Ленин В. И. Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6.

31. Ленин В. И. Господа буржуа о «трудовом» земледелии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 23.

32. В 1929 г. Сталин объявил политический приговор затянувшемуся спору. Он выдвинул формулу «великого перелома» в качестве подтверждения на практике теоретического тезиса марксизма о преимуществе крупного хозяйства перед мелким. Он утверждал: марксисты — противники теории «устойчивости» крестьянского мелкого земледелия Давида, Герца и др. — получили новый неоспоримый аргумент: в условиях общественной собственности крупное хозяйство имеет очевидное преимущество (*Сталин И. В. Год великого перелома // Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 129*). В его интерпретации суть такой метаморфозы заключалась в «коренном переломе» в развитии земледелия от мелкого индивидуального хозяйства к крупному коллективному земледелию. К представителям буржуазной науки были отнесены не только известные западноевропейские оппоненты марксизма (Фридрих Отто Герц, Эдуард Давид), но и российские ученые «типа Чайновых». Колхозы и совхозы были представлены как высший тип сельского хозяйства, в сравнении с индивидуальным крестьянским хозяйством» (*Сталин И. В. Об итогах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК: Доклад на собрании актива Московской организации ВКП(б) 13 апреля 1928 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 40*).

В программной статье «Год Великого перелома» (К XII годовщине Октября) Сталин заявил: практика опровергла возражения «науки» (в кавычках, что значило — буржуазной), показав, что не только

практика должна учиться у «науки», но и «науке» не мешало бы поучиться у практики. Обобществленный социализм, по Сталину, давал возможность, в отличие от капиталистических стран, строить крупные зерновые фабрики-гиганты. Сталин объяснил эту, по его словам, «маленькую разницу»: у капиталистов нельзя организовать крупную зерновую фабрику, не закупив ряд земельных участков или не платя абсолютной земельной ренты, что обременяет производство колоссальными расходами, ибо существует частная собственность на землю. Преимущество социализма проявляется, подчеркивал Сталин, в отсутствии абсолютной земельной ренты, купли-продажи земельных участков, что создавало благоприятные условия для развития крупного зернового хозяйства, ибо нет частной собственности на землю. Далее, у капиталистов крупные зерновые хозяйства имеют своей целью получение максимума прибыли или, во всяком случае, получение такой прибыли, которая соответствует так называемой средней норме прибыли, без которой капиталу нет интереса ввязываться в организацию зернового хозяйства. Социализм, по Сталину, предоставил возможность крупным зерновым хозяйствам, являющимся государственными хозяйствами, обходиться минимумом прибыли (а иногда вообще без всякой прибыли), не нуждаясь ни в максимуме, ни в средней норме прибыли — считалось, что такие условия создавали благоприятные возможности для развития крупного зернового хозяйства (*Сталин И. В. Год Великого перелома: К XII годовщине Октября // Сталин И. В. Соч. Т. 12. С. 125, 129, 130*).

33. *Кропоткин П. А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М., 1990.*

Кропоткин Петр Алексеевич (1842—1921) — один из главных деятелей русского и международного анархизма, социолог, географ и геолог. Происходил из старинного княжеского рода. Окончил Пажеский корпус (1862). В 1867 г. вышел в отставку, учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. В 1860-е гг. приобрел известность как ученый-географ. В 1872 г., посетив Бельгию, Швейцарию, примкнул к бакунинскому крылу Интернационала. Вернувшись в Россию, участвовал как анархист в народническом движении. В 1874 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1876 г. бежал и эмигрировал за границу. В изгнании провел 40 лет. В 1917 г. возвратился в Россию.

34. *Аршинов П. А. История махновского движения (1918—1921 гг.) // Предисловие В. Волина. Запорожье, 1995.*

Аршинов (Мариц) Петр Андреевич (1886—1938) в 1906 г. в Екатеринославе вступил в группу анархотеррористов. В 1907 г. арестован полицией, в 1908 г. военно-полевой суд вынес ему смертный приговор. Совершил побег и перебрался во Францию. Перевоз-

зил из-за границы в Россию анархическую литературу. Арестован в Австрии и выдан России. Приговорен к 20 годам каторги, которую отбывал в московской каторжной Бутырской тюрьме вместе с Н. Махно. После освобождения из тюрьмы в 1917 г. — член редколлегии московской газеты «Анархия». С 1919 г. участвовал в махновщине: завсдующий культурно-просветительным отделом махновской армии, член махновского реввоснсовета. С 1922 г. в Германии, затем во Франции, издавал журнал анархоэмигрантов, написал историю махновского движения. В 1930-е годы вернулся в СССР и вступил в ВКП(б).

ОПТИМУМ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Российский экономист **М. И. Туган-Барановский** выражал уверенность, что тезис — аграрная эволюция идет по пути промышленной — основан на серьезной ошибке. Его уверенность основывалась на утверждении: вопрос об относительных преимуществах крупного и мелкого производства в сельском хозяйстве не допускает упрощенного решения, по аналогии с промышленностью [1:6, 24].

В организации хозяйства он выделял два различных вида: крупное капиталистическое хозяйство, основанное на наемном труде, и мелкое трудовое, основу которого составляет труд собственника. Оба вида, по оценке Туган-Барановского, имеют как достоинства, так и недостатки. В техническом отношении крупное хозяйство обладает целым рядом существенных преимуществ. В качестве подтверждения своей правоты он приводил в пример показатели состояния сельского хозяйства России в дореволюционное время. По его свидетельству, капиталистическое сельское хозяйство в стране по производительности значительно превосходило трудовое крестьянское хозяйство, причем в процессе дальнейшей эволюции это превосходство увеличивалось. К крупным капиталистическим хозяйствам Туган-Барановский относил помещичьи хозяйства, ориентированные на капиталистические условия хозяйствования. По его оценке, российский город до революции потреблял преимущественно помещичий хлеб, между тем как площадь помещичьих хозяйств составляла десятую часть земельных владений в России. Раздел крупных хозяйств между мелкими производителями выявлял тенденцию снижения общей производительности производства [1:6—7; 2:7; 3:5, 9].

Туган-Барановский отмечал, что преимущества крупного хозяйствования проявляются в большинстве отраслей сельского хозяйства. Но, тем не менее, они не столь значительны, как в промышленности. Объясняется это не только влиянием и зависимостью от объективных природных процессов, но и производственно-техническими особенностями хозяйствования. В сельском хозяйстве, особенно в земледелии, существуют объективные пределы укрупнения хозяйств, за границей этих пределов дальнейшее увеличение размеров производственной единицы оказывается технически нерациональным. В сельском хозяйстве границы таких пределов более узкие, чем в промышленности. Чем интенсивнее хозяйство — тем более ограничены пределы его укрупнения: в условиях интенсификации хозяйства значительно увеличиваются производственные

издержки, особенно транспортные расходы. В результате увеличение расходов сокращает прибыль хозяйства — мотивационную основу капиталистического хозяйствования. Серьезные осложнения создают для крупных хозяйств кризисы нехватки рабочей силы, сезонности использования наемного труда. От кризисов разного рода больше страдают крупные хозяйства.

Основу устойчивости мелких трудовых хозяйств Туган-Барановский видел в мотивационной стороне. Цель таких хозяйств — обеспечение собственного существования, ориентация на рынок второстепенна. Этим объясняется, что мелкое хозяйство может существовать и при малом доходе. Большая заинтересованность в результатах собственного труда в семейном хозяйстве выгодно отличает его от наемного труда в капиталистическом. Помимо этих соображений, Туган-Барановский выдвигал следующий тезис: мелкое хозяйство является условием успешного развития крупного. Оно создает рынок рабочей силы, столь необходимой в крупном капиталистическом производстве [3: 10; 1:7, 9, 12, 13, 16, 18; 2:7].

Туган-Барановский утверждал, что вопрос о превосходстве той или иной формы хозяйствования нельзя обсуждать на основе только производственно-технических соображений, без учета социальных условий. По его мнению, неотъемлемой частью решения вопроса должен быть принцип социальной справедливости. В таком подходе он отдавал предпочтение трудовому крестьянству. Туган-Барановский высказывался за передачу земли тем, кто ее обрабатывает, с уравнительным ее распределением между земледельческим населением, в идеале — за осуществление равного права всех на землю.

По мнению Туган-Барановского, тенденция развития сельского хозяйства в разных странах зависит от конкретных экономических, социальных, исторических, технических особенностей и условий. Поэтому он предлагал воздержаться от признания некой общей тенденции, имеющей неизменный характер закона. В дореволюционные годы, по его оценке, в России проявлялось раздробление и некоторое вытеснение крупного хозяйства мелким, точнее — капиталистического хозяйства трудовым крестьянским. Но эта тенденция, по замечанию Туган-Барановского, не выражалась отчетливо и, естественно, не имела всеобщего характера. Более определенно указывалось, что капиталистическая система хозяйствования приспособлена к интересам крупных хозяйств, располагающих достаточным капиталом.

Помимо крупных капиталистических хозяйств, по свидетельству Туган-Барановского, господство и влияние капитализма в деревне осуществлялось через различные формы финансового и торгового капитала. Такая система грозила экономическим порабощением мелких крестьян [1:7, 9, 24—26; 3:4, 6; 4:293].

Механизм защиты крестьянства Туган-Барановский видел в кооперации. Кооперативное движение крестьянства он называл формой самозащиты от неблагоприятных условий капитализма, результатом приспособления к его социально-экономической среде. Кооперация для крестьян, утверждал Туган-Барановский, — незаменимое и единственно возможное средство поднятия их экономического благосостояния. Благодаря кооперации, крестьяне получали возможность использовать производственно-технические преимущества крупных хозяйств, не потеряв при этом достоинств мелких производителей. Кооперация повышала технический уровень мелких самостоятельных хозяйств, уничтожая их изолированность, втягивая в рынок. Все это, по мнению Туган-Барановского, позволяет крестьянам сохранить свое хозяйство в конкуренции с крупным капиталистическим производством. Но при этом он не игнорировал факта пролетаризации мелких собственников, развития дифференциации в крестьянской среде. Туган-Барановский подчеркивал, что в основном в кооперации принимают участие средние и крупные крестьяне, так как мелкие слабы экономически для участия в кооперативных объединениях [4: 75, 292, 296, 307—309, 504; 1: 18; 2: 7].

С учетом двух подходов — производственно-технического и социальной справедливости — Туган-Барановский признавал крупное кооперативное хозяйство предпочтительнее крупного капиталистического. По его мнению, такая организация устранил противоречие «производитель—хозяин», имевшее место в капиталистическом хозяйстве, позволит крестьянину-производителю стать реальным хозяином в общем деле. Наиболее оптимальным вариантом крупного кооперативного хозяйства Туган-Барановский называл крупную земледельческую артель, но только не в государственной форме — чтобы исключить подневольный труд. Земледельческая артель признавалась наиболее желательной формой кооперации, но в условиях капитализма возможности для развития этой формы ограничивались. Производственные артели рассматривались не как правило, а как исключение, поэтому в ближайшем будущем они могли охватить лишь ничтожную долю крестьянских хозяйств. Основная роль отдавалась роли кооперативных объединений в сфере снабжения, кредита, закупок, сбыта, переработки.

Признавая кооперацию формой приспособления крестьянства к условиям капитализма, Туган-Барановский усматривал в ней зарождающиеся основы иного хозяйственного строя. Он обращал внимание на огромную воспитательную функцию кооперативного движения, создающую условия для повышения духовного уровня крестьян через создание сети библиотек, музеев, учебных заведений, курсов, народных домов [3: 10, 12, 13; 4: 487, 504].

Туган-Барановский размышлял о кооперативном идеале. Он считал, что кооперативный идеал совпадает с идеалом анархическим,

поскольку построен на тех же принципах: отрицании власти человека над человеком, добровольности, свободе, отсутствии принуждения. Близость мыслей Туган-Барановского в этом вопросе с идеями Кропоткина и других теоретиков анархизма выразилась, к примеру, в следующем заключении: не страсти людей должны приспособляться к общественному устройству, а социальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человека направлялись не во вред обществу, а на пользу ему. В этой связи он отмечал, что кооперативный идеал есть более высокий социальный идеал, чем коллективизм, подразумевающий существование принудительной власти, подавление гармоничного развития человека, отрицающий принцип частной инициативы. Туган-Барановский утверждал: основная идея коммунизма, выраженная в коллективизме, — не более, чем половина социальной идеи, другая половина социальной идеи — в принципе частной инициативы. Он считал, что основное направление его современников-социалистов ориентировано на концепцию государственного социализма с идеей грубого, неразвитого коллективизма в своей основе. Цивилизованный социализм отнюдь не требует уничтожения крестьянской собственности и замены крестьянского труда обработкой земли большими общественными группами [4:319, 490, 492, 504; 2:8, 9].

Можно утверждать, что спор о преимуществах и достоинствах той или иной формы хозяйствования на селе конструктивно решен представителями сложившейся в России еще в дореволюционные годы так называемой организационно-производственной научной школы, расцвет которой пришелся на первую половину 1920-х годов. А. В. Чаянов, Н. Д. Кондратьев, А. Н. Челинцев, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Минин, Г. А. Студенский и другие разработали синтезированную модель аграрной эволюции. В чем ее суть?

Различные виды хозяйств имеют свои особенности. Так, **Н. Д. Кондратьев** (ученик Туган-Барановского) выделял три основных вида: мелкое трудовое хозяйство, крупное капиталистическое, крупное кооперативное. Сравнение трудового хозяйства и капиталистического дает результат: да, у последнего есть несомненное преимущество: меньше затрат приходится на бытовую инфраструктуру; меньше затрат в производстве в расчете на единицу площади; существует разделение труда; лучшие условия для применения научных рекомендаций и открытий, использование новейшей техники. Но почему же трудовое хозяйство оказывается более стойким и живучим, чем крупное капиталистическое?

Крупному капиталистическому хозяйству необходим капитал, но он вкладывается там, где выгодно. В сельское хозяйство вкладывать не всегда выгодно, поскольку вложенный капитал приносит мало прибыли, поэтому в этой сфере ощущается нехватка капитала. Почему невыгодно? Потраченный на приобретение машин, постройки

капитал используется на селе обычно полгода, а то и менее, остальное время года машины не работают, а постройки пустуют. «Мертвый» же капитал, не вращающийся в обороте, капиталисту не нужен. Кроме того, в сельском хозяйстве объективно существует повышенная доля риска для инвестиций капитала — сказывается зависимость от природных условий, урожая. Но за счет вложенного капитала необходимо покрыть стоимость произведенных затрат, оплату наемного труда и рассчитывать, помимо этого, на гарантированную прибыль. В сельском же хозяйстве нет уверенности в получении прибыли. К этим обстоятельствам добавляется проблема критической нехватки наемной силы: наемные работники предпочитают уходить в город, им выгоднее работать в промышленности: выше зарплата, круглогодичная занятость.

Жизненность и стойкость трудовых крестьянских хозяйств заключается в иной хозяйственной мотивации: добывании средств к существованию, а не погоне за прибылью, в результате издержки и затраты таких хозяйств сокращаются. В условиях неурожая или других природных невзгод крестьянин не бросает свое хозяйство, он находит возможности получения побочных заработков. Но мелкое трудовое крестьянское хозяйство — лишь переходная ступень. Будущее, по Кондратьеву, за крупными кооперативными хозяйствами. В регулировании площади землевладения целесообразно постепенное отчуждение излишков земли сверх трудовой нормы, но только посредством налоговых мер [5:46—50; 6:22—23, 25].

Помимо выделенных Кондратьевым видов организации земледельческого производства А. В. Чайнов отмечал различие между крупным артельным и крестьянским кооперативным хозяйствами. Последнее, на его взгляд, организационно превосходит все остальное. Чайнов доказывал невозможность распространения господства капитала на все явления экономической жизни, недостаточность пользования исключительно только категориями капитализма. Сельское хозяйство, отмечал Чайнов, построено в основной своей части не на капиталистических началах, а на основе трудового семейного хозяйства, которому свойственны иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгоды. Мотивация хозяйственной деятельности крестьянина отлична от мотивации предпринимателя.

В чайновском анализе преимуществ и недостатков различных видов хозяйств можно отметить следующие особенности. Деятельность трудовых крестьянских хозяйств ориентирована на обеспечение достаточного уровня потребления семьи путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы самой семьи. Эта деятельность управляется прежде всего внутренними регуляторами: в результате затрат годовичного труда семья получает единый трудовой доход и соизмеря-

ет свои усилия с получаемым материальным результатом. В крестьянском хозяйстве тоже сравниваются результаты и затраты, но по-иному, чем на капиталистическом предприятии. Далеко не все, что выгодно капиталистическому предпринятию, оправдано с точки зрения трудового крестьянского хозяйства и, наоборот, деятельность, заведомо не привлекательная для капиталиста из-за низкой прибыли, вполне устраивает крестьянина. Ведь для капиталистического хозяйства критерием выгодности является не столько общая выручка хозяйства, сколько разница между этой выручкой и затратами, то есть прибыль. В этом кроется причина устойчивости и сопротивляемости крестьянских хозяйств экономическим невзгодам [7: 181, 184, 205, 207, 210, 264, 305].

Для анализа внутривладельческих процессов и установления природы мотивации хозяйственной деятельности крестьянской семьи применялась *теория потребительского баланса*. Суть ее в следующем: крестьянская семья расширяет производство прежде всего ради удовлетворения своих потребностей, причем до определенного предела, пока тягостность усилий не превысит полезность добываемых этими усилиями ценностей. Как только переходит граница равновесия между тягостностью труда и полезностью его результатов, хозяйственная деятельность становится все менее интенсивной, а затем прекращается. Если крестьянин и его семья имеют достаточно запасов, продуктов и денег на целый год, то хозяин не позарится даже на занятие, гарантирующее высокую оплату. Крестьянин работает тем интенсивнее, чем больше и разнообразнее его потребности. Особенно сильное воздействие оказывают эластичные потребности в различных промышленных товарах и духовных благах. Напротив, потребность в продуктах малоэластична, поскольку насыщается сравнительно быстро.

Приведенный анализ *мотивации хозяйственной деятельности* отвергал популярную в свое время концепцию, объединяющую в одном лице крестьянина как предпринимателя-капиталиста и эксплуатируемого им рабочего (нередко сознательно или нет некоторые авторы путают эту концепцию с взглядом на двоедушие крестьянина как собственника и труженика, что далеко не одно и то же). Данная концепция представлялась Чаянову сомнительной, слишком натянутой и искусственной, поскольку скорее запутывала факты, чем объясняла их. Крестьянское хозяйство как хозяйство предпринимательское допустимо только в условиях капиталистического строя, крестьянское хозяйство как организационная форма существует и в других народнохозяйственных системах, где нет категории наемного труда [7:207; 8:304—306, 310].

Спор о преимуществах крупного или мелкого хозяйств Чаянов считал беспредметным. По его мнению, при равных условиях хозяйство крупное имеет бесспорные преимущества. Этот тезис он

называл *основным экономическим законом*, который слепо отрицать. Но превосходство крупного хозяйства не беспредельно — в разных отраслях сельского хозяйства оно далеко не одинаково: в одних отраслях преимущества подавляющие, в других — ничтожны. Поэтому важнее не признание абстрактного факта превосходства, а определение количественной величины конкретного преимущества крупного хозяйства над мелким. Так вот, как раз в земледелии это количественное выражение оказывается незначительным. Обратимся к обоснованию данного положения.

Существуют объективные пределы в укрупнении сельскохозяйственных предприятий, которые зависят от конкретных экономических, социальных, исторических, технических особенностей и условий. Чем крупнее хозяйство — тем больше затраты, в конечном итоге это сказывается на себестоимости продукции. Выгода, получаемая от укрупнения, поглощается удорожанием затрат на интенсификацию и транспортные издержки. В итоге количественное выражение преимущества крупного хозяйства над мелким в земледелии никогда не может быть особенно большим, в сравнении, например, с обрабатывающей промышленностью. Поэтому оно не может погасить ни недостатков крестьянского земледелия, ни — тем более — некоторых достоинств семейной формы производства [7: 184—188].

Чаянов разработал *теорию дифференциальных оптимумов*. Суть ее в том, что в сельскохозяйственном производстве все явления и процессы имеют свои оптимальные размеры, обеспечивается соответствие между размерами земельной площади, количеством применяемой техники, количеством работников. В результате в каждой отрасли или регионе крестьянские хозяйства имеют свою оптимальную структуру и размеры на разных стадиях технологического развития. Если хозяйство оказывается меньше или больше оптимального размера, эффективность его начинает снижаться. Оптимальный размер земледельческого хозяйства вовсе не соответствует оптимальному размеру перерабатывающего аграрного предприятия. Оптимум заложен там, где при прочих равных условиях себестоимость продукции наименьшая. Оптимум зависит от природных, географических условий, от производственного направления хозяйства и других объективных факторов. Найти оптимум — значит найти точку минимальных издержек на единицу продукции. Разработанная Чаяновым методика его определения строго научна.

В старом споре «о борьбе крупного и мелкого земледелия» Чаянов усматривал изначальную ошибочность самой постановки вопроса. В рассуждениях о крупном и мелком хозяйствах противопоставляется количество количеству. На самом деле существует качественное противопоставление трудового крестьянского хозяйства, которое ведется силами семьи, и капиталистического хозяйства, по-

строенного на наемном труде. Причем, по замечанию ученого, между капиталистическим и трудовым земледелием в сущности никакой активной борьбы не ведется: реальна лишь проблема сравнительной выживаемости той или иной хозяйственной формы, сравнительной их сопротивляемости экономическим кризисом и невзгодам.

Чаянов выдвинул на первый взгляд парадоксальное утверждение: земледельческое капиталистическое хозяйство, в силу своей меньшей сопротивляемости и выживаемости, было бессильно внедрить в организацию земледелия крупные формы хозяйства — этот процесс, как ни странно, выпал на долю трудового крестьянского хозяйства [7: 188, 189]. Что имел в виду Чаянов?

Для обоснования данного положения Чаянов разработал схему развития *кооперативной концентрации хозяйственной деятельности*, объясняющую основную роль капитализма. Содержание ее в следующем. Капиталистический рынок разложил натуральный строй крестьянского хозяйства и втянул эти хозяйства в денежно-торговый оборот. Те или иные технические или экономические процессы, которые не в состоянии самостоятельно осилить мелкие хозяйства, выделялись из индивидуального хозяйства и организовывались совместными усилиями на стороне в крупное коллективное предприятие кооперативного типа. Не разрушая тех сторон хозяйствования, где оно выгоднее в мелкой форме, в крупное выделялось одновременно то, что дает наибольший эффект именно в этой форме. Организационный план земледельческого хозяйства как бы расщеплялся, и каждое из его звеньев организовывалось именно в той степени крупности и на тех социальных основах, которые ему наиболее подходят. Поэтому кооперативное трудовое хозяйство оказывалось наиболее совершенной формой земледельческого предприятия. Оно превосходило обычное мелкое крестьянское хозяйство в тех сторонах своей организации, в которых укрупнение дает положительный эффект, и превосходило капиталистические предприятия в тех случаях, где мелкое семейное хозяйство оказывается более приспособленным.

Подобный анализ снимает внешнюю парадоксальность приведенного выше чаяновского утверждения. Крестьянское хозяйство выступало своеобразным генератором внедрения крупных форм хозяйствования. Коллективизировались те отрасли предприятия, в которых крупная форма производства имела значительные преимущества над мелкой, в индивидуальном крестьянском хозяйствовании оставались те его отрасли, которые лучше организуются в мелком предприятии. Итоговый вывод Чаянова таков: далеко не все отрасли земледелия подлежат кооперации, вследствие чего кооперативный коллективизм имеет свои пределы, оставляющие значительный объем деятельности семейному хозяйству.

Что касается преувеличения заслуг кооперации некоторыми ис-

следователями, то здесь Чаянов дал такую оценку: как в дореволюционной России, так и во всех капиталистических странах кооперация представляла собой не более чем приспособление мелких производителей к условиям капиталистических отношений, не более чем средство в борьбе за существование. Поэтому никакого нового общественного строя она не представляла и не могла представлять [7: 189, 190, 263; 8:330].

Чаянов поддержал положение о том, что вовлечение сельского хозяйства в общую систему капитализма, развитие капиталистического влияния и концентрации в аграрной сфере вовсе не должно обязательно происходить в форме создания крупных капиталистических производств, построенных на базе наемного труда, зарождения и развития крупных хозяйств-латифундий. Более вероятен путь наступления капитала в формах торгового и финансового капитализма, захватывающего господство над значительными сельскохозяйственными районами и даже регионами. Торговый капитал в виде крупных торговых предприятий вовлекал в сферу своего влияния массы распыленных крестьянских хозяйств, хозяйственно подчиняя их своему влиянию. Развивая систему кредитов, полностью господствовал над ними. Между тем в производственном отношении по-прежнему главную роль играли мелкие семейно-трудовые крестьянские хозяйства, в своей внутренней организации подчиняющиеся законам трудопотребительского баланса. Если в производственном отношении процесс концентрации в сельском хозяйстве оставался мало выражен, то в хозяйственном отношении капитализм как народнохозяйственная система сделал весьма заметные и большие завоевания в аграрном секторе [8:314, 318].

Рассуждения Чаянова основывались на реалиях того времени, в котором он жил и работал. Замена распыленного крестьянского хозяйства предполагала становление форм производства концентрированного как условия организационного овладения процессами сельскохозяйственного производства. Но развитие концентрации мыслилось на основе объективных экономических факторов, но ни в коей мере не на стремлении осуществить «коммунизацию производства», кооперировать все процессы сельскохозяйственного производства в «интегральную» земледельческую артель.

Чаяновский анализ мотивации хозяйственной деятельности различных типов хозяйств, основанное на этом анализе методологическое положение ученого — с экономической точки зрения далеко не все отрасли земледелия подлежат кооперированию, существуют определенные пределы, оставляющее значительный объем деятельности семейному хозяйству, — послужили основанием для следующего утверждения: «Земледельческая артель может быть более совершенным аппаратом по сравнению с индивидуальным крестьянским хозяйством, так как преимущества организации в круп-

ных формах... могут иметь большее количественное выражение, чем преимущества организации в малом размере. Но при сравнении земледельческой артели с крестьянским хозяйством, кооперировавшим на степень крупнейшего хозяйства все те и только те отрасли, в которых это укрупнение более выгодно, это сравнение не может быть в пользу земледельческой артели, так как при равенстве в технической организации процессов... артельное хозяйство уступит частично кооперированному...» Вот почему Чаянов оппонировал утверждению, что со временем все процессы сельскохозяйственного производства будут кооперированы в интегральную земледельческую артель, своего рода земледельческую коммуны. Ведь трудовой коммуне придется организовывать не только крупные отрасли хозяйства, выгодные ей, но и те, в которых мелкое производство технически более совершенно. А это значительно ограничивает ее возможности. Поэтому переход к коммунизации производства с технической точки зрения не мог восприниматься явлением прогрессивным [7:216, 264].

Именно А. В. Чаянов и его школа конструктивно разрешили предмет дискуссии о перспективах земледелия и судьбе крестьянства, истоки которой уходят в Западную Европу XIX века. Претензии Сталина на окончательную точку в данном споре в виде «великого перелома» и победу марксизма являются не более чем политическим вердиктом и приговором в отношении «ученых типа Чаяновых», анафемой в адрес «чаяновщины» и «кондратьевщины» (дополненных впоследствии физическим уничтожением замечательных ученых России).

Источники и примечания:

1. *Туган-Барановский М. И.* Земельный вопрос на Западе и в России. М., б. г.

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865—1919) — русский экономист, социолог. В 1888-м окончил физико-математический факультет Харьковского университета. Экстерном сдал экзамены на юридическом факультете. В 1894 г. получил степень магистра в Московском университете за книгу «Промышленные кризисы в современной Англии...», издание которой принесло ему известность в России и за рубежом. В 1895 г. стал приват-доцентом Петербургского университета. В 1898 г. защитил докторскую диссертацию в Московском университете. В 1890-х годах видный представитель «легального марксизма», сотрудник журналов «Новое Слово» (1897), «Начало» (1899). В период первой русской революции — член партии кадетов. В 1899 г. отстранен от преподавания в

Московском университете за политическую неблагонадежность. С 1913 г. — профессор Петербургского политехнического института. После Февральской революции занимал пост министра финансов Украинской Центральной Рады. В 1918 г. в Москве читал лекции, занимался делами кооперативного движения. Затем вернулся на Украину, где занимался преимущественно научной и научно-организаторской деятельностью. Скоропостижно скончался в начале 1919 г. близ Одессы.

2. *Туган-Барановский М. И.* В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. 2-е изд., доп. М., 1919.

3. *Туган-Барановский М. И.* Земельная реформа и кооперация. Тверь, 1918.

4. *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. 3-е изд., доп. М., 1922.

5. *Кондратьев Н. Д.* Что такое аграрный вопрос? // *Чаянов А. В.* Избр. произведения. М., 1989. Данная работа Н. Д. Кондратьева ошибочно включена составителями в сборник произведений А. В. Чаянова.

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892—1938) — экономист. Учился в церковно-учительской семинарии, откуда в 1906 г. был исключен «за неблагонадежность». В годы революции 1905—1907 гг. примыкал к партии эсеров, был членом ее уездного комитета. После сдачи экстерном экзамена на аттестат зрелости в 1910 г. поступил в Петербургский университет — на экономическое отделение юридического факультета, в 1915 г. успешно закончил обучение. После Февральской революции вновь стал видным деятелем эсеровской партии, в 1917 г. занимал пост товарища (заместителя) министра продовольствия Временного правительства. Избирался по списку эсеров в Учредительное собрание. С 1918 г. отошел от политической деятельности. Возглавлял созданный им в 1920 г. Конъюнктурный институт, превратившийся в научный центр не только национального, но и мирового уровня. Преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где заведовал кафедрой «Учение о сельскохозяйственных рынках». Возглавлял Управление сельскохозяйственной экономики и плановых работ Наркомзема РСФСР. Являлся действительным членом семи зарубежных научных обществ и академий. В 1930 г. арестован. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

6. *Кондратьев Н. Д.* О крупно-крестьянских хозяйствах: Доклад Н. Д. Кондратьева в Комиссии по подготовке земельной реформы // Труды Комиссии по подготовке реформы. Вып. 3. Пг., 1917.

7. *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации // *Чаянов А. В.* Избранные произведения.

Чаянов Александр Васильевич (1888—1937) — выдающийся российский и советский ученый. После окончания реального учи-

лица в Москве в 1906—1911 гг. обучался в Московском сельскохозяйственном институте (бывш. Петровская академия). Командирован за границу в 1911—1913 гг. для изучения опыта кооперативного движения в странах Европы — Италии, Бельгии, Швейцарии, Германии и др. В 1917 г. Лигой аграрных реформ выдвинут на должность товарища министра земледелия Временного правительства, но к работе не успел приступить. В 1918 г. на Первом Всероссийском кооперативном съезде избран в состав Совета Всероссийских кооперативных съездов. В 1922 г. назначен директором первого в стране научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики и политики. Профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1930 г. арестован по делу т. н. Трудовой крестьянской партии, приговорен к пяти годам тюремного заключения, замененных ссылкой в Казахстан. В 1933—1935 гг. работал в Казахском сельскохозяйственном институте. В 1935 г. срок ссылки продлен еще на три года. В 1937 г. вновь арестован. 3 октября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

8. *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства // *Чаянов А. В.* Избранные произведения.

ЭПИЦЕНТР КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ТАМБОВЩИНА

Исторически преемственно следующее явление: крестьянство тамбовского черноземья, громившее помещичьи имения в 1905 г. и первым начавшее аграрную революцию в 1917 г., оказалось впоследствии наиболее активным и решительным противником политики большевистского «военного коммунизма».

Отмена крепостного права в 1861 г. вывела крестьян из личной зависимости от помещиков, но сохранила полукрепостную зависимость от помещичьего землевладения, обрекала их на растущее из года в год малоземелье. Ухудшавшееся экономическое положение крестьянства побуждало его к решительной борьбе против помещиков. Тамбовская деревня стала одной из самых активных участниц первой русской революции. В октябре—ноябре 1905 г. аграрное движение здесь приняло форму погромов «дворянских гнезд».

В донесении Борисоглебского уездного исправника Ламанского от 3 июня 1905 г. о «беспорядках» крестьян сообщалось: «Елизаветинский хутор Волконских разграблен, на Павловскую экономию подготовлено нападение, еще 2 Аносовых хутора... сожжены и разграблены. Подождены и разграблены имения Чернышева, Колобова, подступили к имению Охлебинина, — это район Павлодарской и Никольско-Кабаньевской вол. Разграблен Шевляшинский хутор, Подгориской вол. Громят и жгут Лобашьевские имения Хреникова, Мало-Грибановской вол. Предстоит разгром Грибановского завода» [1:34—35].

В телеграмме Тамбовского губернского предводителя дворянства князя Челобаева министру внутренних дел Дурново 29 октября 1905 г. констатировалось: «Губерния в опасности. В уездах Кирсановском, Борисоглебском сожжены, разграблены более 30-ти владельческих усадеб. Ежедневно получают известия о новых разгромах. Возможные меры приняты, но войск мало, часть их отозвана в Москву, Воронеж. Прошу обеспечить защиту» [1:51].

В эти годы начинает активно действовать среди крестьян, поднимая их на борьбу за землю и волю, партия социал-революционеров, видные руководители которой, такие как В. Чернов, С. Слетов, М. Спиридонова, были родом из тамбовского края. Именно в это время Мария Спиридонова, совершив успешное покушение на советника губернского правления Г. Луженовского 16 января 1906 г.

в Борисоглебске, стала известна на всю Россию. На своем суде она заявила: «Когда мне пришлось встретиться с мужиками, сошедшими с ума от истязаний, когда я увидела безумную старуху-мать, у которой 15-летняя дочка бросилась в прорубь после казацких ласк, то никакие силы ада, никакая перспектива страшных мучений не могли бы остановить меня от выполнения задуманного» [2:8].

Суть аграрного вопроса в тамбовской деревне, конечно, не сводилась к судьбе помещичьего землевладения. Ее крайняя перенаселенность, сохранение сословного неравенства были постоянными источниками социального напряжения. Более того, неудавшаяся попытка П. А. Столыпина вывести деревню из тупика путем внесения радикальных изменений лишь во внутренние крестьянские поземельные отношения (разрушение общины, превращение крестьян в собственников, переселения и пр.) была для России фатальной. Усилия реформатора были сорваны прежде всего противодействием крестьян, державшихся за общину как основу своего физического выживания.

Земельный вопрос, выдвинувшийся со времени реформы 1861 г. на передний план, был неразрывно связан со всей системой полукрепостнического господства помещиков и царской бюрократии. Стремясь по-своему решить земельный вопрос, крестьяне добивались создания новой социальной системы, базирующейся на принципе: «Свободный труд на свободной земле». Это особенно наглядно проявилось в 1917 г. Свержение монархии тамбовские крестьяне восприняли как долгожданную санкцию свыше на ликвидацию помещичьего землевладения.

Тамбовская губерния в 1917 г. вновь, как и в годы первой русской революции, оказалась в эпицентре нового социального взрыва. 9 апреля 1917 г. в Борисоглебске состоялся уездный съезд крестьянских депутатов, который принял Воззвание ко всем гражданам: «В нашей новой свободной России нужно установить полное народовластие, пусть представители всей земли русской управляют родиной нашей в одной палате депутатов; пусть избирают на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, без различия пола и национальности, все граждане не моложе 18 лет, но пусть законы и решения особо важные передаются на всенародное голосование и обратно... Законами нашими должны быть строго охраняемы: полная свобода совести, слова, печати, собраний, союзов, стачек, неприкосновенность личности и жилищ... Мы хотим, чтобы закон охранял 8-часовой рабочий день.

Мы хотим, чтобы несправедливые косвенные налоги, всей своей тяжестью падающие на неимущих, были отменены и заменены прямым прогрессивно-подходящим налогом и налогом на наследство.

Мы хотим, чтобы вся земля бесплатно сделалась общенарод-

ным достоянием. Пусть никто не имеет права собственности на землю. Всякий, кто хочет обрабатывать землю своим трудом и силами своей семьи, имеет право получить в пользование определенное количество десятин. Какое количество земли и на каких условиях может получить каждый гражданин — определяют представители всего народа в Учредительном собрании...

Мы хотим, чтобы на Родине нашей было всеобщее обязательное и бесплатное обучение. Высшее образование должно быть доступно каждому гражданину. Мы хотим, чтобы все народы, живущие на русской земле, были свободны в своих внутренних делах.

Мы хотим, чтобы Родина наша была свободным союзом свободных граждан. Временное правительство наше мы будем поддерживать во всех его шагах, направленных ко благу народа. Мы считаем, что на страже интересов народа до создания Всероссийского Совета с. р. и кр. д. — стоит Петроградский Совет р. и с. д.

Современная война затеяна не народами, а их правительствами. Нам не надо чужих земель, и обижать другие народы мы не хотим. Мы приветствуем Петроградский Совет р. и с. д., который призывает все народы к справедливому миру с отказом от всяких земельных завоеваний и контрибуций. Но пока продолжается война, пока свободе нашей, добытой кровью народа и его многолетней борьбой, угрожает опасность, пока другие народы не отозвались на наш призыв, мы должны всеми силами бороться с врагом, мы должны больше, чем прежде, защищать нашу свободную Россию [3].

Так виделась тамбовским мужикам их будущая жизнь, жизнь их детей, всей страны.

Усилия Временного правительства по спасению производственного фонда помещичьих хозяйств от разрушения, торжественные обещания окончательно решить земельный вопрос в Учредительном собрании лишь подогревали нетерпение и озлобление крестьянской массы.

Не было исторической случайностью то, что именно в Тамбовской губернии, в Козловском уезде, в первых числах сентября 1917 г. вспыхнул огонь всеобщего крестьянского восстания. В короткий срок в ряде уездов было сожжено свыше ста (!) имений. Стихия «черного (т. е. общего) передела» захлестнула деревню. Все попытки правительственных органов остановить разгромное движение были тщетны. Не помогли ни эсеровские увещания, ни войска, хотя в придачу к кавалерийским полкам в Тамбове, Кирсанове и Борисоглебске в сентябре были присланы из Москвы отряды казаков и юнкеров.

В сентябре 1917 г. реальная власть на территории Тамбовской губернии оказалась в руках крестьянского Совета, который 13 сентября опубликовал «Распоряжение №3». Этот акт был опубликован за подписями руководителей всех высших губернских учрежде-

ний — от председателей Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов до губернского комиссара Временного правительства. Пронизанный идеей социализации земли, он передавал все помещичьи хозяйства в ведение земельных и продовольственных комитетов. Вместе с землей на учет бралось (фактически конфисковывалось) все хозяйственное имущество помещичьих усадеб для последующей передачи угодий и хозяйственного инвентаря крестьянам на условиях арендного пользования. Смысл этого документа в литературе часто толкуется превратно, как попытка спасти помещиков и обмануть крестьян. На самом же деле оно явилось для крестьян прямым руководством к немедленному действию. Вместе с тем «Распоряжение № 3» помогло эсерам, державшим в своих руках все рычаги губернского управления, направить аграрное движение, хотя и не сразу, в русло законности и относительной организованности. Крестьяне фактически взяли земли помещиков сами, еще до Декрета о земле. Это отнюдь не снижает исторического значения последнего, — он законодательно оформил развивавшуюся в стране аграрную революцию, обеспечил ее государственной поддержкой.

Источники и примечания:

1. Крестьянское движение в 1905—1907 гг. в Тамбовской губернии. Тамбов, 1957.
2. Литературный Тамбов. 1989. №3.
3. Тамбовский земский вестник. 1917. 23 апреля.

ШТУРМ НЕБА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ЭКСПЕРИМЕНТ КОММУНАРОВ XX ВЕКА

С приходом к власти партии большевиков в России связана своеобразная модернизация традиционного общества на основе марксистских идей. Ее цель и методы реализации олицетворяют новую попытку «штурмующих небо» (как образно Маркс выразился о Парижской коммуне).

В большевистском понимании грядущего социализма центральное место занимали установки на всеобщую национализацию и обобществление средств производства, огосударствление экономики, централизованное государственное распределение материальных благ. В большевистской среде была распространена уверенность: национализированная земля, наряду с национализированной промышленностью, монополизированной внешней торговлей и регулируемой государством внутренней торговлей чуть ли автоматически создадут безграничные преимущества в деле строительства нового общества.

В 1917 году дискуссия западноевропейских социалистов по поводу перспектив земледелия и судьбы крестьянства (изложенная в предыдущих разделах) трансформировалась на российской почве в большевистский эксперимент на основе марксистской парадигмы. Теория западных марксистов обрела практическое применение и воплощение. Но имело место существенное отличие: осуществить коммунистическое производство и распределение предстояло в мелкокрестьянской стране. В России, в отличие от передовых западноевропейских стран, большинство сельского населения не было наемными рабочими (сельским пролетариатом, по терминологии Энгельса) — они были мелкими производителями.

Незадолго до революции, в начале октября 1917 г. Ленин сделал заявление: капитализм в России дорос до высшей стадии — империализма, следствием чего являлось начало эры пролетарской революции. Из данного утверждения вытекал вывод в полном соответствии с теорией марксизма: в условиях пролетарской революции государственно-монополистический капитализм *непосредственно* переходит в социализм. В практическом смысле прогрессивное развитие революции отождествлялось с движением к социализму. Основываясь на указанном теоретическом заключении, Ленин сформулировал практические задачи, связанные с достижением социализма. Комплекс переходных мер (в контексте доведения революции до всемирного уровня) содержал требование национализации

земли. Движение к социализму требовалось осуществлять без каких-либо колебаний — твердо, смело, безбоязненно. Подобная боязнь Лениным называлась «величайшей пошлостью» и «изменой делу пролетариата». Решительность и «безбоязненность» в ленинской схеме дополнялась последующей установкой — «там видно будет»¹: накопление практического опыта строительства нового общественного устройства, по Ленину, с привлечением миллионов сознательных участников расширит знания и подскажет пути реализации идей социализма [1:357, 373—376]. Ленинская пафосность замысла грядущего громадного социального эксперимента игнорировала саму возможность каких бы то ни было общественных рисков. Достижение цели оправдывало негативные издержки (грандиозную ломку огромной страны, многих десятков миллионов человеческих судеб). Организаторы эксперимента не могли знать, как позднее отмечал Ленин, форм социалистических преобразований и их темпов [2:380].

Суть трансформационного перехода к новому обществу для руководителей большевистской партии оставалась неясной. Ленин считал, что новое государство, осуществляя непосредственный переход к социализму, может складываться как сеть производственно-потребительских коммун, единый потребительско-производственный кооператив, в котором товар превращается в продукт, идущий на общественное потребление без наличия рынка. Это положение нашло отражение во второй программе большевистской партии [3: 161, 185; 4:417; 5:38:99; 6:55].

Коммунистический план Ленина предусматривал принудительное объединение всего населения в потребительско-производительные коммуны, немедленное введение всеобщей трудовой повинности, в том числе в отношении мелкого крестьянства (в качестве первоочередной меры для введения всеобщей трудовой повинности определялась выдача населению потребительски-рабочих книжек). Концентрация всего населения в единой сети потребительных коммун, дополненная централизацией всего распределительного аппарата, имела целью создание единого государственного кооператива. Замена торговли компенсировалась организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов, включая, по ленинской терминологии, «общее кормление больших групп населения» [7:74, 75; 8:440].

Один из партийных лидеров и теоретик партии — Н. Бухарин от-

¹ Уверенность Ленина невольно напоминает тезис известного деятеля германской социал-демократии Августа Бебеля, высказанный в форме рекомендации об устройстве в социалистическом обществе нетоварного производства, прямого товарооборота, отсутствии торговли: «после первого опыта дело пойдет играючи» (Бебель А. Государство будущего. Социалистическое общество. СПб., 1906. С.12).

сии. Крестьянский мир, основанный на натуральном характере хозяйствования, традициях общинного самоуправления и особенностях деревенской культуры, являлся в определенной степени автономной системой, нуждавшейся в государстве как регуляторе отношений, гаранте и защитнике крестьянских прав владения и собственности, но отвергавшей государственное принуждение.

Неграмотная крестьянская масса не могла выработать в собственной среде серьезную программу преобразования государственной и общественной жизни. Центральная власть в 1917 г. была не в состоянии контролировать ситуацию на местах, особенно в деревне. Крестьяне надеялись, что это поможет осуществить их извечные чаяния и надежды. С большевиками в этот период связывались надежды на невозможность реставрации прежней эксплуатации. Крестьянство одобрительно относилось к новой власти, призывавшей не ждать Учредительного собрания и брать власть на местах в свои руки, вдохновленное ослаблением податного гнета, дележом (и грабежом) частновладельческих земель и усадеб. Слабость власти в период революционной ломки означала невозможность со стороны власти обложить крестьянство налогами, поскольку не сумели бы их собрать: для этого не было государственного аппарата и четкой системы налогообложения, а крестьянин добровольно бы ничего не отдал.

Социальная революция 1917 года породила явление, которое именуется как трансформационный спад. В результате крестьянской революции 1917—1918 гг. произошел экономический регресс, связанный с возвратом к натуральному, патриархальному хозяйствованию. Революция смела прогрессивные основы дореволюционных столыпинских реформ. Крестьянские хозяйства в большинстве своем обеспечивали лишь потребности собственной семьи, располагая незначительными запасами товарного хлеба.

В процессе перераспределения земель помещиков многие бедные крестьяне получили землю, в то время как немало зажиточных потеряли часть своей земли, были вынуждены вернуться в общины, их хутора объединялись с деревнями (нередко насильственным путем). Социальное расслоение уменьшилось за счет увеличения доли середняка. Однако вновь приобретенное крестьянин терял в результате растущей инфляции, обесценивавшей его накопления.

«Осереднячение» деревни объективно сокращало сектор крестьянского землевладения, на котором велось товарное производство, порождало падение производительных сил. После революции существенно изменилось состояние крестьянства как традиционного поставщика сельскохозяйственной продукции. До революции показатель товарности помещичьих хозяйств составлял 47% от валовой продукции, кулацких — 34%, крестьянских хозяйств — 14, 7% [16: 11:85]. В огне революции товарное помещичье землевла-

дение было уничтожено, значительная часть состоятельных крестьян была вынуждена вернуться в общины (кулацкое хозяйство сократилось более чем втрое). Таким образом, были ликвидированы два товарных сектора сельского хозяйства России, производивших прежде основную часть товарной, в том числе экспортной продукции⁵.

Русская деревня превратилась в миллионы крестьянских хозяйств, ориентированных лишь на самопропитание (процент их товарности не превышал 11% [16: 11:86]). В результате указанных причин произошло резкое сокращение производства товарного хлеба по сравнению с дореволюционным временем.

Пролетарской властью поощрялась инициатива в грабеже не только бывших помещичьих усадеб, но и зажиточных крестьян и уравнении их с остальным крестьянством, что создавало напряженную психологическую атмосферу внутри деревни. Ни в одной передовой западноевропейской стране не было столь значительного среднего слоя в структуре крестьянства, как в послереволюционной России.

Западноевропейский марксизм в конце XIX века выдвигал требование нейтрализации крестьянства в период перехода от капитализма к социализму (этот подход сформулировал Каутский еще в тот период, когда считался выразителем и пропагандистом «правильного» марксизма): нейтральность крестьянства в борьбе пролетариата с буржуазией обосновывалась необходимостью недопущения крестьянской «вандеи». «Нейтрализация» крестьянства означала политику, направленную на то, чтобы сформировать в крестьянстве общественный слой, по крайней мере, не мешающий революции пролетариата, нейтральный, не становящийся на сторону его врагов. В данном контексте еще одна идея марксизма была воспринята и использована Лениным на практике: теоретический тезис Энгельса о возможности союза со средним крестьянством [17: 128—129, 145].

⁵ До революции Россия была ведущим мировым экспортером зерна, что обеспечивало ей капитал для внутреннего развития. Это было возможно благодаря крупным помещичьим хозяйствам, а также увеличившемуся слою зажиточных, «стопыпинских» крестьян (позднее, при советской власти, названных «кулаками»), которые также производили продукцию для рынка. В помещичьих хозяйствах производилось в валовом исчислении 600 млн пудов хлеба, в кулацких — 1900, то есть в сумме половина всего хлеба в стране, другая половина приходилась на мелкие и средние крестьянские хозяйства — 2500 млн пудов (в процентном соотношении соответственно: 12%, 38%, 50%). Поставки товарного хлеба для рынка и экспорта обеспечивались в основном за счет кулацких (50%) и помещичьих хозяйств (21, 6%), на долю крестьянских хозяйств приходилось 28, 4% (См.: *Сталин И.В. На хлебном фронте // Сталин И. В. Соч. Т.11. С.85; Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР // Там же. Т.11. С.157*).

Диктатура пролетариата, рассматривавшаяся как форма перехода от капитализма к социализму, предполагала, по Ленину, условие: она допустима, когда пролетариат составляет большинство населения [18:453]. В отличие от индустриально развитых капиталистических стран Запада, где крестьянство занимало незначительную долю в структуре населения, Россия являлась аграрной страной с 80% ее крестьянского населения.

Ленин нашел, как ему представлялось, выход из подобной теоретической коллизии. Беднейшее крестьянство получило статус «полупролетариев» (в ленинском лексиконе в первые годы советской власти использовались термины-синонимы «беднейшее крестьянство или полупролетарии»). Под полупролетариями понимались те, кто существовал исключительно или не менее чем на половину продажей своей рабочей силы. В политическом контексте полупролетариат определялся как «все эксплуатируемые и трудящиеся» [7:71; 19:45; 20:479; 21:306; 8:417; 22:411].

По расчетам Ленина, осенью 1919 г. общественная структура включала в себя: 20% пролетариата, 75% мелкой буржуазии (в том числе: 30% — бедных крестьян, 30% — средних, 15% — богатых), 5% капиталистов. Из этих данных выводилось требуемое «большинство» по Ленину: 20% (пролетариат) + 30% (беднота, то есть «полупролетарии») + дополнительно 15, 5% (вероятно, сторонников или сочувствующих из состава категории средних крестьян). Вот в таком арифметическом раскладе Ленин усматривал, по его словам, новое и существенное, в противовес оппонентам, которые, по ленинской терминологии, «жуют зады» о «пролетариате» вообще. Пролетариата «вообще», утверждал Ленин, в действительности не существует, есть реальный показатель в конкретной ситуации: по ленинской логике, сила 51% пролетариата (то есть большинство арифметическое) на практике может оказаться слабее коллективной мощи 20% пролетариата (с учетом полупролетариев и сочувствующих), если 51% пролетариата окажется подвержен буржуазному влиянию (18:454, 458). Чтобы этого не допустить, марксистская формула «нейтрализации крестьянства» получила применение в России в виде политики «соглашения со средним крестьянством» [19:45; 20:478].

Таким образом, диктатура пролетариата при поддержке полупролетариата (беднейшего крестьянства), по ленинской схеме, имела основание для начала созидания основы коммунистического общества [8:417]. Теоретический компромисс с марксизмом был найден. В ленинском расчете не принималось во внимание, что 20% пролетариата, зачисленные без оговорок в основу «большинства», сама по себе являлась достаточно разнородной массой, далекой от единого сознательного (социалистического) класса.

Марксистский социализм предполагал уничтожение различия

между рабочим и крестьянином — требовалось сделать всех работниками. В применении к крестьянской России реализация марксистской установки виделась Ленину в разграничении крестьянина трудящегося от крестьянина собственника — этим разделением определялась суть социализма [23:277]. Путь уничтожения собственника подсказал опыт капитализма: Маркс детально объяснил механизм отделения производителя от средств производства на основе экспроприации земледельцев. Экспроприация крестьян в России началась с фактической национализации земли в 1918 г. (параллель с анализом эволюции капитализма Марксом: не было необходимости изгонять крестьян с земли, как это было в Англии и в других странах Европы). С последующим развитием пролетарской революции в деревне (по схеме Ленина) экспроприация распространялась на орудия труда⁶. Наконец, был еще один действенный метод ликвидации собственника, с глубокой иронией выраженный Марксом (в адрес капитализма): *«Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к полям!»* (курсив авторов) [24:64, 73].

Ленин рассматривал класс мелких земледельцев как последний капиталистический класс, который, однако, нельзя экспроприировать или «прогнать», как помещиков — потребуются долгий и постепенный переход к крупному обобществленному машинному земледелию [25:6, 41]. В августе 1919 г. он написал: социализм есть уничтожение крестьянства как класса — крестьянин становится работником [5:39:449].

Десятилетие спустя Сталин в качестве главного партийного идеолога дал «правильную» трактовку ленинской позиции. Сталинское обоснование сводилось к ответу на два вопроса. Вопрос первый: верно ли положение Ленина: крестьянство есть последний капиталистический класс? Безусловно. Крестьянство — класс, хозяйство которого основано на частной собственности и мелком товарном

---

⁶ Ленин предупреждал: в процессе развития пролетарской революции в деревне нельзя *полностью* экспроприировать собственность богатого крестьянина (в данном случае имелся в виду экономический момент). Предлагалось его ограничивать, вытеснять всеми доступными методами (здесь речь шла о политическом подходе). Но из-за нестыковки экономического и политического факторов непонятен пограничный предел экспроприации — ведь ее объектом являлся классовый враг пролетариата и полупролетариата — кулак, представитель деревенской буржуазии. Вероятно, особенно непонятно это было для тех, кто активно занимался экспроприацией на практике — комбедовцам, коммунарам, бойцам продотрядов, членам сельских партичек и т. д.

производстве. Поэтому крестьянство выделяет из своей среды капиталистов «постоянно и непрерывно» [16: 12:40]. Вопрос второй: как совместить идею союза рабочих и крестьян с положением Ленина о том, что крестьянство является последним капиталистическим классом? По Ленину, крестьянство дифференцировано, поэтому политика строится с опорой на бедноту, союз с середняком, борьбу с кулаком. Таким образом, по заключению Сталина, противоречие между двумя формулами Ленина — мнимое, кажущееся противоречие, на самом деле нет никакого противоречия [16: 11:95—97]. Какова перспектива крестьянства по Сталину? Вполне в русле коммунистической доктрины: рабочий класс, как руководящая сила союза с крестьянством, должен «переделать» постепенно крестьянство — его психологию, его производство в духе коллективизма и подготовить таким образом условия для уничтожения классов [16: 11: 162].

Основанием сталинских положений служили марксистские идеи о новом обществе, образ которого сводился, в трактовке Сталина, к следующей характеристике: в обществе не будет частной собственности на орудия и средства производства, а будет собственность общественная, коллективная; не будет классов и государственной власти, а будут труженики индустрии и сельского хозяйства, экономически управляющиеся, как свободная ассоциация трудящихся; народное хозяйство, организованное по плану, будет базироваться на современной технике как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства; не будет противоположности между городом и деревней, между индустрией и сельским хозяйством; продукты будут распределяться по принципу старых французских коммунистов: «от каждого по способностям, каждому по потребностям»; личность, свободная от забот о насущном куске хлеба, станет действительно свободной [16: 10: 134].

Принцип революционной «целесообразности» получил большую популярность в большевистской среде. Выражением подобных взглядов стало популярное изложение партийной программы в «Азбуке коммунизма» Бухарина и Преображенского (1919). Примечательна в этом отношении также изданная в мае 1920 г. книга Бухарина «Экономика переходного периода»⁷.

В переходный период отвергалось товарное производство и товарное хозяйство как тип общественной структуры. Поскольку товар превращался в продукт и терял свой товарный характер, в действие вступал общественный регулятор. Это явление, в свою очередь, определяло ликвидацию денежной системы: деньги переста-

⁷Сомнительно утверждение С. Козна, что «Экономика переходного периода» — первая и смелая попытка выйти за пределы основ марксистской мысли (Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888—1938. М., 1988. С.118).

ют быть всеобщим эквивалентом, становясь условным знаком обращения продуктов. Заработная плата становится мнимой величиной, не имеющей своего содержания — ее заменяет общественно-трудовой паек. Исчезает наемный труд. Равным образом исчезает категория прибыли, прибавочной ценности, которая заменяется общественно-натуральной системой экономических отношений. Возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, то есть к рассмотрению общества и его частей как системы элементов в натуральной форме. Такова модель переходного периода в трактовке Бухарина [26: 111, 155, 157—160].

На основе государственно-пролетарского принуждения, по Бухарину, могло быть достигнуто желаемое общественное равновесие. Государственное принуждение (включая изъятие хлебных излишков, натуральный налог и другие формы) обосновывались экономической целесообразностью — заинтересованностью крестьянства в развитии индустрии, дающей ему сельскохозяйственные машины, инструменты, удобрения, электрическую энергию.

Государственное принуждение Бухарин объявил фактором, регулирующим главное направление экономического развития страны. Советское государство, по Бухарину, должно неизбежно начинать с мобилизации живой производительной силы. Трудовая мобилизация называлась основой социалистического первоначального накопления. Поэтому переход к системе всеобщей трудовой повинности, привлечение к общегосударственному трудовому процессу широких непролетарских масс, в первую очередь крестьянства, объяснялось объективной необходимостью. Возникал своеобразный милитаризированный (или милитарный) тип производства [26: 120, 134, 146].

Бухарин определил насилие повивальной бабкой переходной эпохи. Социальное насилие и принуждение рассматривалось в двояком соотношении с экономикой: как функция экономики, с одной стороны, как фактор влияния на экономическую жизнь, с другой. Насилию придавалась роль не только разрушающего фактора, но и как фактора организации, строительства. Чем больше по своей величине эта «внеэкономическая» сила, утверждал Бухарин, тем короче переходный период. Поэтому государственная власть объявлялась «концентрированным и организованным общественным насилием». Политическая власть как «концентрированное насилие» представлялась экономической силой, постепенно втягивающей непролетарские элементы производства в систему новой общественно-производственной организации. Более того, это же «концентрированное насилие» обращалось и внутрь, являясь фактором самоорганизации и принудительной самодисциплины трудящихся. Таким образом, существовали две стороны принуждения: по отношению к непролетарским слоям и по отношению к пролетариату. Так возникала

принудительно действующая организация пролетарского государства, с неизбежной принудительной дисциплиной [26: 161—163, 165].

В контексте общего подхода Бухарин определял политику в отношении многочисленного крестьянства. Если крупные крестьяне (кулаки) борются против мероприятий пролетарского государства, то «концентрированному насилию» пролетариата приходится давать отпор кулацкой «вандее». Среднее, отчасти бедное крестьянство постоянно колеблется, движимые то ненавистью к капиталистически-помещичьей эксплуатации, то чувством собственника. Последнее выражается в сопротивлении государственной хлебной монополии, в стремлении к свободной торговле, которая, по определению Бухарина, есть спекуляция, и к спекуляции, которая есть свободная торговля; в сопротивлении системе трудовой повинности. Принудительное «извлечение» из деревни продуктов сельскохозяйственного производства не имело у Бухарина внятного экономического обоснования — просто констатировалось положение о допущении получения продуктов «непроизводительными методами», то есть с помощью насилия. Указанные меры обосновывались невозможностью получения деревней из города эквивалента за хлеб и повинности. Поэтому и здесь принуждение объяснялось объективной необходимостью. Таким образом, по отношению к некулацкой крестьянской массе принуждение со стороны пролетариата выступало как средство классовой борьбы против крестьянина как собственника и спекулянта, с целью трудовой организации, воспитания и вовлечения в советское строительство крестьянина как трудящегося. Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, утверждал Бухарин, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи [26: 156, 167, 168]⁸.

Троцкий выдвинул концепцию «милитаризации хозяйства», «милитаризации труда». Критерий «военно-политической необходимости» для него являлся определяющим, и только затем можно было думать о «хозяйственной целесообразности». В частности, говоря о принудительном изъятии крестьянского хлеба продотрядами, Троцкий

---

⁸ Книга Бухарина была высоко оценена Лениным. Об этом свидетельствуют ленинские пометки на ее страницах. В частности, положение Бухарина — государственное принуждение является фактором, идущим по главной линии общезкономического развития — подчеркнуто и помечено: «очень хорошо» (Ленинский сборник XL. М., 1985. С.401). Особый восторг у Ленина вызвала глава «Внеэкономическое» принуждение в переходный период». Оценка на полях: «Вот эта глава превосходна!» Основные положения данной главы отмечены многочисленными пометками: «очень хорошо!», «верно!!» (Там же. С. 419-424).

решительно утверждал, что «иначе и быть не могло» [27: 12:306, 309].

По расчетам Троцкого, вся трудящаяся масса должна быть «прикрепляема, перебрасываема, назначается, командирована», при этом рабочие должны были стать «носителями мобилизации» по отношению к крестьянам, в их задачу входило следующее: «милитаризовать», дисциплинировать крестьянские массы, привлекать их к труду на основании трудовой повинности. Практическая реализация идеи милитаризации могла осуществиться как в форме трудовых армий, так и всеобщей трудовой повинности крестьянства, трудовой мобилизации в различных формах — дровяной, подводной, снежной и других видов повинностей. Для Троцкого не было никаких сомнений в необходимости использования насильственных и принудительных мер: невыполнение разнарядки крестьянами в очистке железной дороги от снега, транспортировке хлеба, дров, выделении подвод и тому подобное расценивалось им однозначно: «это все равно, что измена». Необходимость принуждения обосновывалась Троцким простым аргументом: «человек — довольно ленивое животное». Справедливости ради, однако, следует отметить, что Троцкий допускал насилие как временную меру, обусловленную чрезвычайными условиями — крайним разорением страны (подобную методику объяснения чрезвычайных мер позднее умело использовал Сталин). Что касалось перспективы, то здесь Троцкий заявлял: советская власть не принуждает и не собирается принуждать при помощи насилия крестьян-середняков переходить к коммунистическому способу хозяйствования [28:7, 15; 29: 129, 132, 133; 30: 18—20; 31: 1].

Доводы, содержащиеся в обращениях Троцкого к крестьянам, воспринимаются как наивные: мог ли неграмотный, темный крестьянин понять, что, например, железная дорога — это теперь его собственность, а не чужая, как убеждал Троцкий, поэтому содержать ее он должен в порядке? Мог ли он разобраться в том, что общенародная собственность есть его кровная собственность? Мог ли он поверить обещаниям, что отдаваемый им хлеб и другие продукты — «задаток под продукты промышленности», который ему вернут позднее — через год, два? [30: 18—20]. Осознавал ли сам Троцкий декларативность своих обращений и обещаний?

Термин «мелкая буржуазия» в отношении большинства российских крестьян не соответствовал реалиям мелкого крестьянского хозяйствования: основная деятельность крестьянских хозяйств (в отличие от западного «мелкого буржуа»⁹) не ориентировалась на рынок.

Отношение большевиков к мелкобуржуазным собственникам определялось как отношение войны, в результате которой мелкий

⁹ С точки зрения западных социалистов, крестьяне — за исключением безземельных батраков — составляли часть «буржуазии» и являлись, как таковые, классовым врагом пролетариата.

собственник должен быть уничтожен. Это положение составляло основу диктатуры пролетариата. В один год этого сделать невозможно, предупреждал Ленин, — но через «ряд лет» решение данной задачи обязательно. Казуистика проявилась в следующем ленинском тезисе: когда крестьянин выступает собственником, имеющим *излишки хлеба, не необходимые ему для хозяйства* (*курсив авторов*), — крестьянин есть враг, с которым надо бороться со всей решимостью и беспощадностью [18:457; 32: 198]. Вероятно, Ленину была известна экономическая теория трудопотребительского баланса в крестьянском хозяйствовании А. В. Чаянова, разработанная еще до революции — в соответствии с данной теорией «не необходимых» в крестьянском хозяйстве излишков хлеба или другой продукции *аргіогі* просто не могло быть в природе.

Тем более что Ленин заявил в декабре 1919 года: на отмену госмонополии на хлеб и свободу торговли государство не пойдет никогда: «Скорее ляжем костью, — заявил вождь партии, — чем сделаем в этом уступки» [33:407]. При этом крестьянин, имевший излишки хлеба, обязан был осознать, что выращенный его трудом хлеб, по классовой логике Ленина, во-первых, собран с общегосударственной земли (основание — государственная монополия на хлеб!), во-вторых, при помощи орудий, в создание которых вложен труд рабочего [23:278]¹⁰. По сути данное требование означало следующее: власть разъяснила крестьянину железным тоном, что государство не только имеет право на часть продуктов граждан для своих потребностей, но и обладает силой для осуществления этого права.

В подобных условиях отпадала всякая потребность и заинтересованность для крестьянина производить дополнительную сельскохозяйственную товарную продукцию, то есть продукцию на продажу или обмен (а это и были пресловутые излишки). В результате крестьянин просто сокращал посевные площади, сворачивал производство, ограничив его потребностями собственного натурального хозяйства. Для сохранения прежнего уровня сельхозпроизводства (тем более увеличения) требовались не призывы, а создание экономических условий.

Императивы трудового хозяйствования, понятные простому крестьянину, подменялись коммунистическими заклинаниями и обещаниями, неподвластными его прагматично устроенному разуму. Государство, с точки зрения сельского населения, как и при царе, воспринималось чужим и враждебным — собирающим налоги, мобилизующим рабочие руки в Красную армию, но ничего не дающим взамен.

¹⁰ Последнее утверждение несуразно с точки зрения экономики: труд рабочего, заложенный в стоимость товара, был оплачен при его приобретении, к тому же далеко не по себестоимости.

Решение марксистской магистральной установки (самой главной социалистической реформы, по оценке Ленина, о необходимости аграрного переворота, или «коренного» социалистического преобразования), заключалось в переходе от мелких отдельных крестьянских хозяйств, индивидуального хозяйствования к общественному, коллективному хозяйству в земледелии, к коллективному землевладению и общественной обработке земли. Цель перехода была обозначена как построение социалистического хозяйства. Последнее виделось как крупное социалистическое земледелие. Осуществление глубоких социалистических преобразований, по Ленину, намечалось посредством коллективизации [34:356—362; 7:71, 72; 8:437; 35:407]. Троцкий предлагал создание зерновых и животноводческих фабрик и заводов.

Большевиком вдохновляла известная оценка Маркса по поводу привычки русского крестьянина к артельным отношениям, которая облегчит ему переход от парцеллярного хозяйства к коллективному. Однако сам Маркс при этом оговаривал два условия подобной замены: экономическая потребность в таком преобразовании и материальные условия для его осуществления [24:65].

Последнее обстоятельство учтено не было. Так, после октября 1917 г. ряд бывших дворянских имений в качестве образца коллективного хозяйствования преобразовывался в государственные советские хозяйства, где сельские жители работали как наемные рабочие. Этот эксперимент, символизировавший большевистский идеал рациональной организации сельского хозяйства, закончился провалом, о чем предпочитали не вспоминать.

Другой формой коллективных хозяйств являлись коммуны. В основе производственной деятельности коммун лежали коммунистические принципы: обобществление средств производства, общественный труд коммунаров, уравнительное распределение. Коммунары пользовались поддержкой советского государства: наделялись лучшей землей, получали льготное кредитование. Однако массового распространения в деревне в годы гражданской войны коммуны не получили.

Удельный вес крестьян-коллективистов в деревне был незначителен — их влияние в деревне практически не ощущалось. Сельскохозяйственные артели, наряду с коммунарами, рассматривались большевиками как наиболее перспективная форма организации сельскохозяйственного производства, отвечающая задачам социалистического строительства в деревне. К концу 1918 г. на территории Советской России насчитывалось 604 артели из 1579 коллективных хозяйств, к концу 1919 г. — 3606 из 6189, к концу 1920 г. — 9155 артелей из 12 784 коллективных хозяйств. Но по своему фактическому положению в годы гражданской войны артели почти уравнились с коммунарами. Данное обстоятельство было законодательно закреплено в утвержденном 29 сентября 1920 г.

Наркомземом новым уставе артели (ранее устав был принят Наркомземом 19 мая 1919): вступающий в артель ликвидировал свое единоличное хозяйство и отдавал весь инвентарь в распоряжение артели, затруднялся выход из артели, принцип распределения продуктов приближался к тому, что существовал в коммунах [73:742].

Отождествление государства и социализма проявилось в стремлении огосударствления всего сельскохозяйственного производства, включая самостоятельные крестьянские хозяйства, которые должны были подчиняться единому государственному плану (плану сева прежде всего: что, сколько, где и как сеять, куда и кому поставлять сельхозпродукцию).

Еще одно марксистское основание оказалось применимо к российской действительности: деление крестьянства на мелкое, среднее и крупное (Энгельс сделал такую дифференциацию на основе анализа крестьянского вопроса во Франции и Германии). В отношении к крупному крестьянству западноевропейские марксисты допускали насилие (но не всегда!). Насилия в отношении среднего крестьянства никто из марксистов не требовал (в отличие от Бухарина, например).

Теоретическую посылку марксизма о делении крестьянства на три группы Ленин трансформировал в политическую плоскость, обосновывая неизбежность, по его словам, гражданской войны с кулаками. В советской России кулак был объявлен открытым врагом, против которого можно использовать одно оружие — насилие. С этой целью была сформулирована задача: расколоть деревню, разжечь гражданскую войну в деревне [17: 145; 36: 179; 37:7].

Опора на крестьянство в целом при завоевании власти в октябре 1917 года объяснялась совпадением интересов всего крестьянства — борьбой с помещиками. Общность интересов крестьянства нашла отражение в Декрете о земле. Этим декретом большевики обещали крестьянству социализацию земли (именно в такой формулировке позднее Ленин выразил необходимость принятия данного декрета, где ключевым словом является *обещали*¹¹). Национализацию земли, как основу аграрной программы большевиков, в то время осуществить было нельзя — это руководители большевистской партии прекрасно понимали, поэтому пошли, по словам Лени-

¹¹ В данном случае большевики не вняли совету Энгельса, высказанному в адрес социалистов в ноябре 1894 г.: не привлекать крестьянина на свою сторону обещаниями сохранения его parcelльной собственности, иначе завтра он снова отойдет в сторону, когда окажется, что данные обещания не могут быть выполнены (См.: Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т.6. М., 1987. С.465).

на, на уступку¹². Из тактических соображений, учитывая большую популярность уравнительного землепользования среди крестьянства, большевики использовали в 1917 году лозунг социализации земли — основу аграрной программы партии эсеров¹³.

После ленинских откровений летом 1918 года по поводу уступки и, по его словам, *может быть, ошибки*, связанной с *обещанием* социализации земли, ленинский доклад о земле 26 октября 1917 года предстает совершенно в другом свете. Тогда Ленин заявил: все содержание крестьянского наказа¹⁴ — выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России; сами крестьяне будут устраивать свою жизнь, сами решать все вопросы [38:26, 27]. Поддержка советской власти со стороны ос-

¹² Большевики пошли, по словам Ленина, на уступку левым эсерам (последние заявили, что останутся на съезде Советов только при условии, если будет проведен закон о земле). Но, по сути, это была уступка требованиям большинства крестьянства. Летом 1918 г., после разгрома левых эсеров, Ленин поставил под сомнение необходимость объявленной социализации земли в виде Декрета о земле 26 октября 1917 г. (*Ленин В.И. VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов (6—9 ноября 1918 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С. 511*).

¹³ Социализация земли — переход земли из частной собственности в общенародное достояние. Впервые требование социализации земли было выдвинуто партией эсеров. В программе, принятой съездом партии социалистов-революционеров в январе 1906 г., утверждалось право на трудовое пользование землей, установка на социализацию земли — «изъятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние на следующих началах: все земли поступают в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями...; пользование землей должно быть уравнительно трудовым, то есть обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе...; земля обращается в общенародное достояние без выкупа...» (Программа партии социалистов-революционеров // Сборник программ политических партий в России. Вып. 3. СПб., 1906).

¹⁴ Сводный Наказ, сделанный на основе 242 наказов от местных Советов крестьянских депутатов, вошел в качестве составной части в Декрет о земле как руководство по осуществлению земельных преобразований (временный закон до окончательного решения Учредительным собранием). Этот Наказ являлся выражением социализации земли, а не национализации. Основные его положения отражали вековые надежды и желания крестьян: так, в Наказе заявлялось: вся земля отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние (общенародный земельный фонд) и переходит в

новой массы крестьянства объяснялась ожиданием свершения надежд, связанных с перераспределением землевладения. Призывами к немедленному захвату помещичьей земли, а затем и земельным декретом в духе социализации земли большевики выбили у эсеров их главное оружие в борьбе за крестьян.

В Декрете о земле объявлялось: вопрос о земле во всем его объеме может быть решен только всенародным Учредительным собранием. Этого не произошло вследствие разгона Учредительного собрания 6 января 1918 г.¹⁵ [71]. Получив от советской власти помещичью землю, крестьянство перестало в нем нуждаться и осталось в массе своей равнодушным к его судьбе. Роспуск Учредительного собрания не вызвал их массового протеста и недовольства.

Крестьянство одобрительно отнеслось к декрету Совнаркома от 15 января 1918 г. об организации Рабоче-Крестьянской Красной армии: трудовое население деревни, вдохновленное Декретом о мире, прельстил новый — добровольческий характер призыва в армию, а также материальные льготы, положенные красноармейцам. Воины Красной армии состояли на полном государственном довольствии и сверх того получали 50 рублей в месяц. Нетрудоспособные члены семей красноармейцев должны были обеспечиваться всем необходимым местными органами советской власти [39:356—357].

Положения Декрета о земле получили развитие и конкретизацию в «Основном законе о социализации земли», утвержденном III Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 18 (31) января 1918 г. (в окончательно отредактированном виде закон был принят на заседании ВЦИК 27 января (9 февраля) 1918). В законе о социализации земли законодательно под-

---

пользование всех трудящихся на ней; все земли переходят в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания; право пользования землей получают все граждане (без различия пола), желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе; насмный труд не допускается; землепользование должно быть уравнительным, то есть земля распределяется между трудящимися, с учетом местных условий, по трудовой или потребительной норме; формы пользования землей должны быть свободны: подворная, хуторская, общественная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках; распределением земли ведают местные и центральные органы самоуправления (См.: Ленин В. И. Доклад о земле 26 октября 1917 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.35. С.25, 26; Декреты Советской власти. М., 1957. С.133—135).

¹⁵ До роспуска Учредительное собрание успело принять декрет о земле.

тверждалась основа Декрета о земле. Основной закон не устанавливал единой нормы наделения крестьян землей. Содержание 12-й статьи закона звучало следующим образом: «Распределение земли между трудящимися должно производиться на уравнильно-трудовых началах так, чтобы потребительно-трудовая норма, применяясь в данном районе к исторически сложившейся системе землепользования, не превышала трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца» [39: 1:408-409]. Приложенная к закону инструкция устанавливала необходимость определения для каждого уезда своей средней нормы, которая и определяла потребительно-трудовую норму. Осуществление закона было поручено Наркомату земледелия, на местах аграрные преобразования передавались Советам.

В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой на этом же съезде Советов (она вошла составной частью в первую советскую Конституцию РСФСР, принятую в июле 1918), идея социализации получила закрепление в следующей формулировке: «В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа на началах уравнильного землепользования» [40: 102—104].

Позднее закон о социализации земли Ленин публично назвал эсеровским [36: 179]. Обвиняя эсеров в обмане крестьянства¹⁶, Ленин обосновывал позицию большевиков необходимостью передачи всей власти Советам с целью передачи всей земли крестьянам: советская власть обеспечит передачу земель в распоряжение крестьянских комитетов, Советы крестьянских депутатов есть настоящая, подлинная, верховная государственная власть; только Советы крестьянских депутатов, выбранные массой трудящихся и сменяемые ею, способны правильно выражать волю крестьянства и проводить ее в жизнь [41:431, 433; 42: 11; 43:83]. В первой советской Конституции Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — вся власть в центре и на местах конституционно закреплялась за Советами.

Революционно-коммунистическая стратегия большевиков отличалась от стихии крестьянской революционности своими целевыми установками и тактическими программами. Подобное различие отчетливо проявилось весной 1918 г. Хлебная монополия (сосредо-

---

¹⁶ См.: Ленин В. И. Новый обман крестьян партией эсеров // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.34; Ленин В. И. Предисловие к брошюре «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков» // Там же. Т.35.

точение в руках государства исключительного права закупки и торговли хлебом) стала важнейшей составной частью всей продовольственной политики советской власти [72]. Ее неуклонное соблюдение было провозглашено в резолюции Всероссийского съезда Советов по продовольствию, проходившего как секционное заседание III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10—18 января 1918 г. в Петрограде, декретами ВЦИК и СНК от 13 и 27 мая 1918 г. Хлебная монополия означала узаконенную претензию государства на крестьянский хлеб, выращенный крестьянским трудом в миллионах индивидуальных хозяйств. Государственных ресурсов для товарообмена с крестьянством не было. Но крестьянство не желало быть пассивным исполнителем воли государственной власти. Возникла проблема — каким образом государство может получить хлеб, необходимый для снабжения городов и армии.

Государственная хлебная монополия получила продолжение в продовольственной диктатуре. В мае—июне 1918 г. правительство советской республики осуществило централизацию продовольственного дела. Декретом ВЦИК и СНК от 9 мая 1918 г. Народно-му Комиссариату продовольствия РСФСР (Наркомпроду) были предоставлены чрезвычайные полномочия в организации продовольственного обеспечения городов и Красной армии: право принудительного изъятия хлеба и других продовольственных продуктов у крестьян и частных владельцев, право увольнения, смещения, ареста и предания суду должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций, препятствующих выполнению его распоряжений. Декретом ВЦИК и СНК от 27 мая 1918 г. учреждались губернские и уездные продовольственные комитеты.

В 1918—1920 гг. Наркомпрод был главным инструментом в осуществлении большевиками в Советской России продовольственной диктатуры. «Крестовый поход» за хлебом осуществлялся массовой отправкой продовольственных отрядов в деревню. Продотряды создавались органами советской власти преимущественно из рабочих для заготовки и охраны хлеба и другого продовольствия с целью снабжения промышленных центров и Красной армии. Декретом ВЦИК и СНК от 27 мая 1918 г. «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов рабочих» отряды учреждались при местных органах Наркомпрода. В них зачислялись добровольцы из рабочих и сельской бедноты. Продотряды входили в единую Продовольственно-реквизиционную армию Наркомпрода РСФСР (Продармию). Но не все продотряды входили в Продармию. Декретами СНК от 3—4 августа 1918 г. «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций», «Об уборочных и уборочно-реквизиционных отрядах» право организации продотрядов получили крупные профсоюзы, фабзавкомы, уездные и городские со-

веты. Заготовки осуществлялись только по твердым ценам и путем реквизиции хлеба у крестьян. С введением продразверстки в 1919 г. на продотряды возлагался контроль за ее проведение. Численность всех продотрядов в ноябре 1918 г. достигла 72 тыс. человек, в 1919—1920 гг. она колебалась от 55 тыс. до 82 тыс. человек [73:738].

Повсеместное недовольство в крестьянской среде вызвал переход советского государства от добровольческого комплектования Рабоче-Крестьянской Красной армии к всеобщей мобилизации в армию. Первоначально постановлением ВЦИК от 29 мая 1918 г. устанавливался принудительный набор в армию только беднейших крестьян¹⁷. Но уже в июне 1918 г. декретами СНК предусматривалась мобилизация в Красную армию крестьян, «не эксплуатирующих чужого труда, возрастов 1893—1897 гг.» [39:2:334—335, 428—429, 438—440, 507—508]. Таким образом, призыву в армию подлежали представители не только бедного, но и среднего крестьянства. Все военнообязанное население в возрасте от 18 до 40 лет бралось на учет, устанавливалась конская повинность.

Переход от добровольческого набора в Красную армию к всеобщей мобилизации объясняется провалом добровольного набора¹⁸: в июне—июле 1918 г. количество вооруженных сил Советской Республики составило всего 116 037 человек пехоты, 7 940 сабель. Возложенное на местные Советы формирование Красной армии проходило медленно. Под видом добровольцев в армию вступало немало криминальных и авантюрных элементов, желавших извлечь из этого материальную выгоду. В результате небоеспособные и неорганизованные части занимались мародерством и грабежами

---

¹⁷ По декрету СНК об организации Красной армии от 15 января 1918 г. Рабоче-Крестьянская Красная Армия должна была комплектоваться исключительно из наиболее сознательных и организованных представителей трудящихся масс, готовых отдать свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной армии требовалась обязательная рекомендация войсковых комитетов или партийных, общественных, профессиональных организаций просоветской ориентации (Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.356—357).

¹⁸ 18—26 января 1918 г. была утверждена инструкция о порядке формирования Красной армии, которая не предусматривала центрального управления всеми вооруженными силами страны, организационная работа возлагалась на губернские Советы, не устанавливалась согласованность местных органов. Советам на подведомственной им территории принадлежало полное право распоряжения всей вооруженной силой Красной армии, каждый Совет самостоятельно определял необходимый для него контингент вооруженной силы, но они должны при необходимости предоставлять эту силу в распоряжение центральной власти (Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т.1. 1917—1918 гг. М., 1990. С.127).

населения. В результате перехода к принудительной мобилизации Красная армия к 15 сентября 1918 г. насчитывала уже 452 509 человек [76: 131, 133, 135]. В Красной армии был введен институт комиссаров — подобного органа в старой царской армии не было.

Крестьянская война, начавшаяся в 1918 г. и получившая полномасштабный характер в 1919—1922 гг., может рассматриваться не только как часть Гражданской войны в Советской России. Она сама по своему содержанию — война гражданская. Эту войну в деревне власть развязала собственными военно-коммунистическими экспериментами. 20 мая 1918 г. председатель ВЦИК Я. М. Свердлов поставил перед органами власти задачу о создании в деревне «двух противоположных враждебных сил», «противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам». Цель заключалась в том, чтобы «расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря... разжечь там... гражданскую войну...» [44:213—216]. Эта идея была определяющей в майских декретах, которыми вводилась продовольственная диктатура, централизация заготовок и распределения хлеба, создавалась продовольственная армия. Подобные действия были обусловлены большевистской стратегией — созданием в деревне политической и социальной опоры, которой раньше не было. Городские рабочие, безземельные крестьяне и сельская беднота противопоставлялись состоятельным крестьянам, или «кулакам» — деревенской «буржуазии».

Переломные эпохи рождают у части общества возвышенные надежды, устремления, стимулируют их на активные действия. Десятки миллионов людей, вовлеченные в революционный процесс, имели возможность получить новый социальный статус, ощущали психологическую причастность к революционным свершениям, приобщенность к созданию первого в мире справедливого общественного устройства. Подобное мироощущение пассионариев, превосходившее по силе влияния известную веберовскую протестантскую этику (по М. Веберу, основу успешной западной модернизации), вдохнуло энтузиазм первооткрывателей в широкие слои советского общества, особенно молодое поколение. В крестьянском сознании с центральной властью связывались надежды сакрального свойства (в крестьянских избах портрет Ленина нередко располагался среди икон), в то время как административные перегибы и жестокость воспринимались как проявления произвола со стороны местной власти.

Большевистская политика создавала опору власти в деревне через комбедовцев, коммунаров, партийные и комсомольские ячейки. Но в условиях революции в деревне появлялось множество маргинальных личностей, разрушителей [45:7—9]. В чекистских информационных сводках появлялись сообщения, что личный состав продотрядов нередко состоял из «шкурных элементов» (определение одной из сводок), спасающихся от фронта.

Социальный и политический раскол крестьянства инициировался властью большевиков сверху: после завоевания политического господства пролетарской власти в городе наступил черед деревни. Летом 1918 г. началась, по оценке Ленина, настоящая пролетарская революция в деревне как второй этап революции: выделение в деревне опоры в виде пролетарских и полупролетарских элементов, совместная с городским пролетариатом борьба против буржуазии в деревне [17: 145, 192, 200]. Здесь и произошел перелом в общем революционном движении — размежевание пролетарской и крестьянской революций, объединенных воедино осенью 1917 г. общими тактическими интересами.

Создание комбедов (пролетарских организаций, как называл их Ленин) закрепило курс на раскол деревни. Комитеты бедноты (комбеды) были учреждены Декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. «Об организации и снабжении деревенской бедноты». На комбеды декретом возлагались задачи по учету продовольственных запасов крестьянских хозяйств, выявлению кулацких запасов и излишков продовольствия и помощи советским продовольственным органам в изъятии этих излишков; по охране и доставке изъятого хлеба на государственные сыпные пункты; снабжению бедноты продовольствием за счет кулацких хозяйств, распределению сельскохозяйственного инвентаря и промышленных товаров; организации посевной и уборочной кампаний, охране посевов; борьбе с мешочничеством и спекуляцией хлебом. К концу 1918 года в 33 губерниях РСФСР было около 132 тыс. комитетов бедноты [46: 565]¹⁹.

Волостные и сельские комитеты бедноты получили право распределения хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий. Чтобы реализовать полученное право распределения (точнее сказать — перераспределения экспроприированного), требовалось «изъять из рук кулаков» все перечисленное с помощью местных продовольственных органов.

Декретные предписания создавали нормативное поле для всевозможных проявлений произвола на местах: во-первых, комбеды получили право самостоятельно определять «круг лиц», кому распределять; во-вторых, в ведение комитетов бедноты поступали *особые запасы* хлеба, предметов первой необходимости и сельскохозяйственных орудий, собранные местными продовольственными органами; в-третьих, комбеды могли распределять на льготных условиях все собранное среди деревенской бедноты по спискам, составленным самими же комитетами [47: 91—94].

В октябре 1918 г. декретом ВЦИК был введен единовременный чрезвычайный 10-миллиардный налог. Комбедам поручалось установить вместе с местными Советами раскладку налога по диффе-

¹⁹По данным других источников — 139 тыс. комбедов [73:739].

рендированному принципу: деревенская беднота освобождалась от него, середняк облагался небольшой ставкой, вся тяжесть налога ложилась на зажиточные слои деревни. Но на практике в большинстве случаев чрезвычайный налог взимался комбедами произвольно и насильственными методами.

Власть многое позволила комбедам, ведь на них была возложена функция продвижения пролетарской революции в деревню [48: 139]. Руководители большевистской партии усвоили уроки Великой Французской революции, не создавшей серьезной социальной опоры и похороненной крестьянской «вандеей» в 1790-е годы. Неслучайно Ленин характеризовал комбеды как переходную ступень: на практике деятельность этих органов выходила далеко за рамки декретных предписаний: на первый план выходила политическая роль комбедов. Фактически они стали органами диктатуры пролетариата в деревне: комбеды занимались экспроприацией зажиточных собственников (классовых врагов), конфискацией средств производства, организацией коллективных сельскохозяйственных предприятий — артелей и коммун, мобилизацией крестьян в Красную армию, «зачисткой» местных Советов от зажиточных элементов и формированием новых.

VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов, состоявшийся в ноябре 1918 года, возложил на комбеды организацию и непосредственное проведение перевыборов всех волостных и сельских Советов. В это же время Ленин заявил: «мы сольем комбеды с Советами, мы сделаем так, чтобы комбеды стали Советами» [36: 181]. В ленинской трактовке это означало констатацию переломного момента в политической ситуации в деревне: организация и проведение перевыборов новых Советов под контролем комбедов позволили пролетарской власти трансформировать сельские Советы в «органы классового господства, органы *пролетарской власти* в деревне» — в декабре 1918 г. повсеместно появились, по словам Ленина, «правильно выбранные Советы» [17: 192]. Новые сельские Советы могли служить передаточным звеном партийной воли. Комбеды, как «временные органы», выполнив возложенные на них политической функции, были уже не нужны.

Советская власть решительно повернула в сторону национализации земли, отказываясь от прежних вынужденных «уступок» и «эсеровских» законов о социализации земли. 14 февраля 1919 г. ВЦИК было принято «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому землевладению». Согласно статье 1, «вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом», а из статьи 4 следовало, что в основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, «снабжающее Советскую Республику наибольшим количеством хозяйственных благ при меньшей затрате труда» [49:417].

Хотя на практике нельзя было сразу же осуществить задуманное, но подлинные цели в данном вопросе были определены. Процесс национализации земли законодательно оформил отношения государства с крестьянами не как с собственниками, а как с пользователями государственной земли, обязанными отдавать государству хлеб по твердым ценам (то есть установленным государством) в соответствии с государственной монополией на хлеб.

В августе 1918 г. в России, по данным, которыми оперировал Ленин, существовало около 15 млн крестьянских хозяйств: из них около 10 млн бедноты (около 67%), около 3 млн среднего крестьянства (20% крестьянства), не более 2 млн зажиточных (примерно 13%)²⁰ [50:40]. В данном случае, вероятно, Ленин не учел динамики в структуре крестьянства, которая произошла в ходе революции — осереднячение деревни, соответственно сокращение доли как бедных, так и богатых крестьян. Приведенный уровень доли бедноты — 2/3 всего крестьянства (одновременно заниженная доля середняка) — могли служить для политической иллюстрации широты социальной опоры пролетариата в деревне (или многочисленности «полупролетариата»), но никак не статистическими показателями. Одновременно — оправданием ленинской политической тактики на конкретном этапе — в этот период «соглашения» с крестьянством (или «нейтрализации», по марксизму). Через полгода, в марте 1919 г. тактика поменялась на «союз» со средним крестьянством, с этого времени данная группа стала называться «многочисленным и сильным», «многомиллионным» слоем [17: 128, 200, 205, 213].

Из приведенных выше ленинских данных о структуре общества (в октябре 1919 г. оно состояло из 20% пролетариата, 75% мелкой буржуазии (в том числе: 30% — бедных крестьян, 30% — средних, 15% — богатых), 5% капиталистов) несложно вывести пропорции по трем группам внутри крестьянского населения: получится 40% бедноты, 40% среднего и 20% богатого крестьянства (соотношение 4:4:2)²¹.

Отметим: в декабре 1919 г. Ленин приводил следующие данные по России: на 50 млн населения приходилось 20 млн бедных крестьян (40% всего населения России), 15 млн средних крестьян (30%),

²⁰Для сравнения приведем дореволюционные показатели (1907 г.) структуры крестьянства в европейской части России: 80% бедных хозяйств (10, 5 млн), 8% средних (1 млн), 12% зажиточных (1, 5 млн) (См.: Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.16. С.203, 205).

²¹Отметим совпадение приведенных показателей о соотношении групп крестьянства (4:4:2) с данными, которые использовал Ленин в конце XIX века: южнорусское крестьянское хозяйство включало: 2/5 хозяйств (то есть 40%) — бедная группа, 2/5 (40%) — средняя, 1/5 (20%) — зажиточная (См.: Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Там же. Т.3. С. 62).

4 млн богатых крестьян (8%) [51:341]. Если подсчитать процентное соотношение внутри 39 млн крестьянства, получится следующее распределение: к бедным крестьянам относилось 51,3% крестьян, к средним — 38,5%, к богатым — 10,2%. В показателях с временной разницей в один месяц доля средних крестьян сократилась незначительно, доля бедноты увеличилась более чем на 11%, доля богатого крестьянства соответственно сократилась вдвое. Разночтения в приведенных показателях, конечно, могут быть объяснены ссылками на неточности в статистических подсчетах (статистики в условиях гражданской войны не существовало), однако эти данные могут быть истолкованы как проявление определенной тенденции, соответствующей текущим политическим установкам.

По оценкам советских статистиков, в 1920 г. соотношение групп крестьянства выглядело следующим образом: бедняки составляли 35—40%, середняки — 55—60%, кулаки — 3% [52:226].

Критерий для определения кулака разработан не был²². Образ деревенской «буржуазии» может быть представлен следующим образом: относительно немногочисленная группа²³, относительно состоятельные (для России) крестьяне, имевшие больше земли и средств производства, время от времени (в основном в период полевого сезона) нанимавшие одного или несколько батраков, среди которых могли быть, например, нуждающиеся родственники или соседи. Форма расчетов за работу могла быть различной, в том числе натуральной в различных видах. Наниматель мог, к примеру, всахать землю безлошадному односельчанину. Крепкий хозяин, как правило, имел особый и авторитетный голос в крестьянском сообществе, был знающим и разбирающимся во многих вопросах.

Определение Ленина сводилось к формулировке: кулак — тот, кто

---

²² Критерий для определения кулака никогда не был разработан в советской истории (ни социально, ни экономически) — ни в годы «военного коммунизма», ни в период нэпа, ни в эпоху сталинского «великого перелома» — вплоть до объявления Сталиным о ликвидации кулачества как класса в ходе массовой насильственной коллективизации начала 1930-х годов. Сталин использовал определение кулака, данное Лениным. Председатель советского правительства А.И. Рыков вообще считал спор о «кулаке» и «хозяйственном мужике» беспредметным, поскольку точную грань здесь провести невозможно (Рыков А. И. О кооперации // Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990. С.406, 407).

²³ Ленин отмечал немногочисленность представителей эксплуататорского крестьянства, называя их ничтожным меньшинством (См.: Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) (18—23 марта 1919 г.) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.38. С.209; Ленин В. И. О крестьянах-середняках // Там же. С.236).

живет чужим трудом, грабит чужой труд и использует в своих интересах условия нужды. Средний же крестьянин — тот, кто не эксплуатирует и сам не подвергается эксплуатации, живет мелким хозяйством, своим трудом. Таким образом, отличие заключалось в вопросе об эксплуатации чужого труда [37: 14; 53:256]. Провести разграничение по данному критерию на практике далеко не всегда реально, учитывая особенности крестьянского хозяйствования в России. Отношения, возникавшие внутри крестьянского сообщества, в большей степени характеризовали тип отношений экономической зависимости, нежели эксплуатации. Например, нуждающийся крестьянин, получив у более обеспеченного соседа ссуду зерном в трудное время перед урожаем, мог по собственной инициативе наняться к последнему для отработки долга. Во времена невзгод крестьянину не к кому было обратиться, кроме как к зажиточному односельчанину.

Как до революции, так и после 1917 года не было возможности отличить середняка от кулака по каким-либо объективным экономическим или социальным признакам. Неопределенность социального статуса порождала произвол.

Неслучайно даже Ленин, настроенный непримиримо к кулакам, предупреждал: не все 2 миллиона кулаки²⁴, богатый крестьянин может быть очень зажиточным, но не кабальщиком (то есть не эксплуататором) [54:94]. Определяя, кто был представителем «буржуазии» в деревне, руководствовались признаками политическими, а не экономическими: кто возражал большевикам, объявлялся кулаком. В классовом лексиконе появилось новое слово — «подкулачник». Таким уродливым словом кривили тех крестьян (иногда даже самых бедных), кто возражал против административного произвола власти [55: 139]. Создание мифа о многочисленном и сильном классе «кулаков» имело политическую подоплеку²⁵.

Среди бедняков встречались разные люди: кто-то бедствовал

²⁴Цифра, приведенная Лениным, представляется завышенной, противоречащей его же заявлениям (см. предыдущую сноску).

²⁵В конце 1920-х годов Рыков отмечал, что точных и исчерпывающих цифр о дифференциации крестьянства нет. Он использовал данные Наркомата земледелия, согласно которым высший слой кулацких хозяйств составлял 2,2% всех крестьянских хозяйств. Всего же к кулацким хозяйствам в стране относилось 4,2%, в РСФСР — 3,8%. Эти цифры, по мнению Рыкова, являлись заниженными (*Рыков А. И. Индустриализация и хлеб: Доклад на собрании актива Ленинградской парторганизации 30 ноября 1928 г. // Рыков А. И. Избранные произведения. С.445*). В конце 1920-х годов Сталин приводил цифры кулацкой прослойки — 5% дворов (в том числе 2-3% наиболее богатых) (*Сталин И. В. Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. // Сталин И. В. Соч. Т.11. С.264—265*).

вследствие объективных причин, но немало было бедных по причине собственной лени, пьянства, неумелости. Благодаря покровительству власти беднота получала значительные преимущества в виде целого ряда льгот и привилегий, нередко ставивших их в лучшее положение, чем середняков.

В деревню вернулась часть рабочих крестьянского происхождения, а также отходников, рассчитывавших получить землю в родном селении. Эти безлошадные бедняки восполняли отсутствие необходимого сельскохозяйственного инвентаря за счет реквизиций «излишков» скота и орудий труда у зажиточных крестьян. Вернувшиеся в деревню рабочие, отходники, демобилизованные солдаты, повидавшие мир, овладевшие грамотой, становились активистами комбедов, продотрядов, сельских Советов.

Обложение крестьянства основывалось на разделении по группам: богатое крестьянство, как требовал Ленин, подлежало обложению «сильному», среднее крестьянство — «мягкому», бедное не облагалось. При этом требовалось процент бедноты «подогнать не менее 40%», среднее не менее 20% [56:93]. Опять же в данном случае Ленин ориентировался на пресловутое классовое «большинство» «полупролетариев». «Сильному» обложению, таким образом, подлежали оставшиеся 40%, то есть не только зажиточные крестьяне, но и практически половина среднего крестьянства.

Натуральный (или продовольственный) налог (продналог) был установлен декретом ВЦИК от 30 октября 1918 г. «Об обложении сельских хозяйств натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов». Обложение крестьянских хозяйств исчислялось с излишков и определялось по размерам площади посева и количеству голов скота. Ставки устанавливались по прогрессивной шкале и дифференцировались в зависимости от размеров посевной площади, числа членов семьи и количества голов скота. В условиях хронического продовольственного кризиса на практике не был осуществлен и заменен в 1919 г. продразверсткой.

Механизм машины «военного коммунизма» по сути своей работал на собственную самоликвидацию. Власть объявила: кулак — враг, которого необходимо уничтожить. Кулак уничтожается, его хлеб изымается. Что дальше? Где взять хлеб? Остается середняк, у которого могут быть какие-то излишки. Большие взять хлеб негде. Очередь доходила до середняка. Мог ли после этого середняк считать себя союзником пролетариата, о чем объявила власть на VIII съезде большевистской партии в марте 1919 г.? Тем более, когда объявлен «крестовый поход за хлебом». Владельцы хлеба, имевшие излишки и не вывозящие их на сыпные пункты, причислялись к врагам народа, подлежали суду и заключению, конфискации всего имущества [57:410; 58:318]. В годы военного коммунизма массо-

вым явлением стало самогонование как специфический способ сокрытия зерна от изъятия²⁶ посредством переработки его в популярный народный продукт, являвшийся надежным средством крестьянского обмена: в деревнях наблюдалось массовое пьянство. Самогонованием в основном занималась беднота с целью получения заработка.

Плановые задания по продрозверстке изначально формировались произвольно. Базовым нормативом заданий для Народного комиссариата продовольствия служил общий объем продовольствия, необходимого для потребления городов и армии. Задания исчислялись на основе данных прошлых лет о размере посевных площадей, урожайности, запасах. Учет реальных возможностей производителей отодвигался на задний план. Получили официальный статус термины «выкачка хлеба», «отчуждение хлеба». Установленные цифры распределялись, на основании зачастую устаревших или неверных сведений, до уборки урожая по губерниям, уездам и селам. Не учитывались объективные факторы — засуха, неурожай.

Помимо разверстки, установленной Наркоматом продовольствия, губернские продовольственные комитеты на основании декрета Совнаркома от 11 января 1919 г. получили законное право самостоятельно «прибавить» к плану государственной разверстки количество хлеба и фуража, необходимое для обеспечения неимущего местного населения.

Сельские хозяева, не сдавшие к установленному сроку причитающееся количество хлебофуража, по закону подвергались безвозмездному принудительному отчуждению обнаруженных у них запасов, за сокрытие которых применялись «суровые меры», вплоть до конфискации имущества и лишения свободы [77: 222—224].

Механизм разверстки порождал недовольство и неприятие продовольственной политики в крестьянской среде. Подобная система была неэффективна, восполняя собственные издержки жестокостью методов выполнения заданий. Хлебородные губернии страдали больше других: именно на них выпадали основные продовольственные поставки. Там, где зерна всегда было в достатке, появился дефицит хлеба: следствием безжалостной продрозверстки стало падение объемов производства.

Решением VII Всероссийского съезда Советов в декабре 1919 г. перечень обязательной разверстки, распространявшийся до этого времени на заготовки хлеба и мяса, был распространен на другие продукты сельского хозяйства [59: 141—142]. Продорганы устанавливали масляную, яичную, молочную, картофельную и другие

²⁶Советское руководство беспокоила не столько проблема злоупотребления алкоголем сельским населением, сколько истребление и потеря государством значительных объемов зерна, пересведенного на самогонку.

виды разверстки — в конце 1920 г. под разверстку попадали почти все сельскохозяйственные продукты.

Уже в декабре 1919 г. Ленин заявил: советская власть научилась применять разверстку, что в его понимании означало *заставлять отдавать государству хлеб без эквивалента*²⁷ (*курсив авторов*). В 1918—1919 гг. было собрано 107,9 млн пудов хлеба и зернофуража, в 1919—1920 гг. — 212,5 млн пудов, в 1920—1921 гг. — 367 млн пудов [78:872]. Рост объема собранной продразверстки не являлся показателем ее эффективности: в ходе Гражданской войны территория Советской Республики прирастала новыми житницами — Сибирью, Украиной, Доном, Кубанью, Северным Кавказом.

Получение государством хлеба «по твердым ценам» подразумевало, по оценке самого Ленина, ссуду от крестьянства, вынужденного отдавать свой товар (хлеб) за «простую цветную бумажку» в виде кредитного билета вместо промышленных товаров. По Ленину, это некий нравственный императив для крестьянина как «человека труда» — антипод «спекулянта», «торгаша». Тем не менее нельзя было не признать: цветная бумажка не есть эквивалент хлеба. Оставалось опять ограничиться обещанием (напомним, в октябре 1917 г. тоже *обещали*): поскольку промышленных товаров нет у пролетарского государства, рабочий свой долг вернет крестьянину сторицей, когда восстановится промышленность [60:353, 357, 358; 33:407, 408]. Отметим: кредитором объявлялся рабочий, а не государство-должник, которое получало ссуду по своим ничего не стоившим цветным кредитным «бумажкам».

В 1920 г. А. И. Рыков повторил и дополнил ленинскую установку: поскольку товарного фонда в распоряжении государства нет, необходима *принудительная ссуда* (подчеркнем своеобразие терминологии: разве ссуда (синоним — заем) может быть принудительной? — *Авт.*) в виде крестьянского хлеба. До восстановления промышленности (подразумевалось — создания товарного фонда), путь принудительной заготовки рассматривался как единственно правильный. Иного выхода, кроме продовольственной разверстки, Рыков не видел: по его словам, если кто-то из крестьян этого не понимал, у советского государства не было иного выхода, как применение государственного принуждения. «В случае надобности» допускалось использование вооруженной силы. Целесообразность жестких (и одновременно жестоких — «при необходимости») мер оправдывалась оригинальным объяснением: во-первых, распространением разверстки только на излишки хлеба, в результате чего крестьянину, по утверждению Рыкова, оставлялось больше, чем он

²⁷ Ленин использовал позабытый термин «дань», применявшийся во времена монголо-татарской практики обложения. Далее его перенял Преображенский, у Преображенского — Сталин (за что последнего упрекал Бухарин).

сам когда-либо потреблял; во-вторых, условием использования займа «во имя сохранения завоеваний революции» по назначению — для подъема промышленности и создания товарного фонда, распределяемого полностью между рабочими и крестьянами всей страны [61: 124].

Представление, что чем больше крестьянин произведет, тем больше можно будет у него взять, опровергалось логикой реальной действительности: крепкий хозяин, наоборот, сеял и собирал минимально (или совсем ничего) сверх необходимого для удовлетворения нужд собственного хозяйства. Мнение о том, что крестьянство давало хлеб в «ссуду» государству бесплатно, поскольку осознавало необходимость помочь стране Советов выиграть великую классовую битву, является идеологическим мифом большевистской власти. Конструкция «принудительной ссуды» с использованием насилия, в том числе вооруженной силы, в эту схему никак не вписывается. Из-за низких государственных («твердых») цен население скрывало излишки хлеба [4].

Идея Троцкого о «милитаризации труда» воплотилась в обременительной для крестьян трудовой повинности²⁸. В отношении крестьянства трудовая повинность стала применяться с самого начала гражданской войны для удовлетворения запросов и нужд Красной армии. Крестьяне прифронтовой полосы привлекались к подвозу снаряжения и боеприпасов, вывозу раненых, эвакуации имущества советских предприятий и учреждений. По трудовым мобилизациям крестьянство участвовало в различных видах работ по оказанию помощи железнодорожному транспорту. 10 октября 1918 г. был принят декрет СНК «О трудовой повинности по расчистке снеговых заносов». Местным Советам предоставлялось право призывать для работы по расчистке снега мужчины в возрасте от 18 до 45 лет с необходимым числом подвод и лошадей. 25 декабря 1918 г. Совет Обороны принял постановление «О борьбе со снежными заносами», в котором усиливалась личная ответственность председателей сельских волостных и уездных Советов за мобилизацию рабочей силы для очистки путей от снега. Для обеспечения выполнения

---

²⁸ Всеобщая трудовая повинность населения была провозглашена в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (январь 1918 г.), включенной в первую советскую Конституцию (июль 1918 г., ст. 18). Она предполагала обязательное участие в общественно-полезном труде всего трудоспособного населения. Законодательно всеобщая трудовая повинность была введена декретами СНК от 5 октября и закреплена в принятом ВЦИК 4 ноября 1918 г. Кодексе законов о труде, согласно которому граждане РСФСР в возрасте от 16 до 50 лет, не занятые общественно-полезным трудом, могли принудительно привлекаться местными Советами к выполнению общественных работ.

нарядов местным Советам предоставлялось право прибегать к помощи военной силы. Для оказания помощи транспорту крестьянство привлекалось также к ремонту путей, строительству новых линий, восстановлению разрушенных мостов, разгрузке вагонов.

На протяжении всех военных лет в крестьянских хозяйствах беспрерывно проводились изъятия лошадей и обозного инвентаря. Только за 1918—1919 гг. по мобилизации и закушкам для Красной армии от населения было получено 441 428 лошадей, большое количество повозок, саней, комплектов упряжи. 18 августа 1919 г. был принят декрет «Об организации гужевого дела на местах». Гужевая повинность вводилась для перевозок военных, топливных, продовольственных и других государственных грузов в города, а также для подвоза их к железным дорогам, пристаням и другим приемным пунктам. Трудгужповинность проводилась, по существу, по принципу продразверстки. К ней привлекались хозяйства, владевшие лошадьми. Она распространялась на мужчин непризывных возрастов от 35 до 50 лет и женщин от 18 до 40 лет. За годы гражданской войны крестьянство выполнило огромный объем работ по заготовке и вывозу дров. В 1918—1919 гг. заготовки составили 4,2 млн куб. сажень. Принудительные мобилизации крестьян для выполнения трудовой и гужевой повинностей подрывали крестьянское хозяйство и нередко вызывали с их стороны противодействие, вплоть до открытых вооруженных восстаний [6:125—128].

В соответствии с Декретом советского правительства «О порядке всеобщей трудовой повинности» от 29 января 1920 г. все трудящееся население привлекалось к обязательному выполнению различных видов повинности: топливной, сельскохозяйственной, строительной, дорожной, продовольственной, снеговой, гужевой, для борьбы с последствиями стихийных бедствий. Наряды по выполнению трудовой повинности выполнялись под административным давлением. При необходимости мог быть мобилизован хозяйственный инвентарь крестьян. В качестве выполнения трудовой повинности крестьяне часто привлекались к сельскохозяйственным работам в коллективных и государственных хозяйствах. Уклонение от выполнения повинности грозило административными санкциями, временным арестом, судом или даже ревтрибуналом [62: 150—152].

Выражением троцкистской идеи о «милитаризации хозяйства» являлось появление 8 трудовых армий — военизированных формирований Красной армии, использовавшихся в 1920—1922 гг. советской властью для решения хозяйственных проблем, с сохранением их армейской структуры. Трудовые армии начали создаваться с января 1920 г. для проведения срочных мероприятий по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства путем перевода воинских соединений (армий) на трудовое положение и объединения резервных и запасных войск. Численность трудармий достигала 2,5 млн

красноармейцев. Бойцы трудовых армий широко привлекались к проведению сельскохозяйственных работ.

15 января 1920 г. Совет Рабочей и Крестьянской Обороны принял постановление о реорганизации 3-й армии Восточного фронта в 1-ю революционную армию труда. Политбюро ЦК РКП(б) 17 и 18 января, обсуждая вопрос об использовании воинских частей на хозяйственном фронте, одобрило это начинание Совета Обороны. Вскоре подобный опыт был распространен на другие армии: в 1920 г., кроме 1-й Трудовой, были сформированы еще семь трудовых армий (Уральская, Украинская, Кавказская, Петроградская, 2-я Особая железнодорожная, 2-я революционная, Донецкая) [70]. Но война с Польшей и развитие военных действий против Врангеля заставили перевести трудовые армии снова в боевое состояние (кроме 1-й, которая была ликвидирована в 1921 году).

Так, Троцкий, под впечатлением своей поездки на Урал в январе — феврале 1920 г., где получил полную информацию о масштабах крестьянского недовольства подразверсткой (масштабы одного лишь «вилочного восстания» не могли не впечатлять), под влиянием наблюдений над жизнью крестьян на Урале, информировал ЦК партии о необходимости замены изъятия излишков продовольствия определенным процентным отчислением как своего рода подоходно-прогрессивным налогом (впоследствии данная формулировка трансформировалась в продовольственную разверстку хлебным налогом и введение товарооборота — так выглядело убедительнее). Предложения Троцкого (по его словам, крайне осторожные) содержали также положения о большем соответствии между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством полученного крестьянского хлеба, о частичной расплате с крестьянами промышленной продукцией за поставляемое ими сырье, топливо и продовольствие.

В годы Гражданской войны Троцкий, непосредственно занимаясь военными делами, имел возможность, по его собственному утверждению, хорошо изучить в районах военных действий нужды и психологию выходцев из деревни, одетых в солдатские шинели, которые составляли большинство в армии. Позднее Троцкий объявил, что его предложение было попыткой добиться отказа от военного коммунизма и перехода к новой экономической политике более чем за год до ее реального начала — таким образом было заявлено право на авторство изиа (тем более, по словам Троцкого, Ленин в то время был непримиримым противником подобного поворота — предложение было отвергнуто большинством в ЦК). Троцкий писал в автобиографии: ему стало ясно, что методы военного коммунизма исчерпали себя — для восстановления хозяйства необходимо ввести элемент личной заинтересованности, то есть восстановить внутренний рынок. Дальнейшее объяснение противо-

речит первоначальному тезису: поскольку переход на рыночные отношения был отвергнут партийным руководством, Троцкий требовал (от себя в том числе) систематического проведения прежних «военных» методов, чтобы добиться реальных успехов в организации хозяйства [11: 167, 168, 199, 201; 12:61]²⁹.

Большевистское объяснение — получить у крестьянства продовольственные авансы и хозяйственные ссуды под ценности, которые пролетариат только намеревался создать — звучали неубедительно для прагматичного крестьянина, привыкшего надеяться на собственный труд³⁰.

Характерно: А. И. Рыков весной 1921 г. опроверг собственные утверждения (заодно и ленинские) годичной давности (точнее сказать — признал совершенно обратное): мелкие собственники в условиях реквизиций хлеба при разверстке не видели никакого интереса в расширении своих хозяйств. Поэтому сокращение крестьянского хозяйства было неизбежным выходом и выводом для них из той продовольственной политики, которая проводилась советской властью. Крестьянин стоял перед перспективой отдачи государству почти всего заработанного собственным трудом либо даром, либо за ничтожное вознаграждение. Количество посевов и качественный уровень сельского хозяйства настолько понизились, что даже при условии изъятия всех излишков из деревни их не хватило бы для того, чтобы прокормить жителей городов и армию [63: 184].

Ответом на провал военно-коммунистической политики производства и распределения продовольствия и товаров широкого потребления стало своеобразное социально-экономическое явление —

---

²⁹Далеко не всегда документы, на которые ссылался Троцкий, могут убедительно продемонстрировать его правоту. Так, Троцкий упоминал телеграмму, направленную им Сталину 22 марта 1919 года, как «одну из многих», в которых он сообщал о необходимости принятия срочных декретов в пользу середняков. На этом основании Троцкий утверждал, что курс на середняка был взят именно при его активнейшем участии (См.: *Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций*. М., 1990. С.49; *Троцкий Л. Д. Новый курс // Троцкий Л. Д. К истории русской революции*. М., 1990. С.195). Нетрудно, однако, предположить, что как эта, так и другие телеграммы Троцкого (как правило, при его поездках на фронт), в 1919 году были обусловлены соответствующими объективными условиями периода гражданской войны — необходимостью привлечения средних слоев крестьянства на сторону советской власти.

³⁰И небезосновательно (как показала последующая советская история): восстановительный период в промышленности завершился, как известно, в 1927 г., но обещание осталось обещанием (более того, появились новые, еще более грандиозные задачи — приближался «великий перелом»).

мешочничество как система народного самоснабжения. Товарообменом между промышленными и сельскохозяйственными регионами были вынуждены заниматься десятки миллионов простых россиян. Среди мешочников преобладали крестьяне. «Мешочничество по нужде» приобрело в 1917—1921 гг. массовый характер. Оно распространилось на все группы крестьянства (особенно среднее), на все территории страны. Организованные мешочнические компании имели дело с крестьянскими обществами, особенно с кооперативами, приобретая продовольствие оптом. Мешочники из северных российских губерний доставляли хлеб из Тамбовской, Владимирской и других производящих губерний.

Продовольствием дело не ограничивалось: мешочничество удовлетворяло также потребности крестьян в товарах широкого потребления в результате нелегального товарообмена между городом и деревней: крестьянство получало мануфактуру, нитки и иголки (своеобразная «валюта» гражданской войны), соль, сахар, спички, зажигалки и кремни к ним, обувь, галоши, керосиновые лампы и ламповые стекла, парфюмерию. Зажиточное крестьянство определяло спрос на одежду, граммофоны, предметы мебели.

Монополизация продовольственного дела, как задача огромной трудоемкости, предполагала наличие организованного и отлаженного государственного механизма. Вследствие этого советское государство оказалось не в состоянии провести в жизнь хлебную монополию, поскольку его не имело. Зерно, доставленное крестьянами на ссыпные пункты, зачастую сваливалось на землю и подвергалось порче под открытым небом. Подобное отношение властей не могло не вызвать возмущения со стороны крестьян. Государственные продорганы наталкивались на ожесточенное сопротивление деревни, хорошо оснащенной после мировой войны и революции вооружением, а также со стороны местных Советов (уездных и волостных). Заградительные отряды часто использовались в качестве хлебозаготовительных.

Затраты государства, связанные с заготовкой крестьянского хлеба (изъятием зерна и продовольствия у крестьян) и доставкой его в города, оказывались непомерно высоки: на современном экономическом лексиконе это означало нерентабельность всего государственного предприятия.

Острейшую форму приобрела проблема доставки продовольствия: государственная транспортная система оказалась близка к состоянию коллапса. Доставка государством, особенно на дальние расстояния крупных партий продовольствия, продовольственных эшелонов становилась трудноосуществимой, практически военной операцией. В пути возникало множество проблем, с которыми власть справиться была не в состоянии: в частности, организовать надежную охрану эшелонов, обеспечить погрузку и разгрузку ва-

гонов. Значительных средств требовало содержание продовольственных и заградительных отрядов.

Советское правительство стремилось искоренить мешочничество. В январе 1918 г. появилась всероссийская чрезвычайная комиссия по продовольствию во главе с Л. Троцким. В качестве «продовольственных диктаторов» зарекомендовались также А. Цюрупа, Г. Орджоникидзе, И. Сталин, А. Шлихтер.

В борьбе с мешочничеством использовалась военная сила в виде заградительных отрядов — специальных формирований, выставлявшихся в городах, на железнодорожных станциях, пристанях, шоссе для охраны продовольственных и других заготовок советского государства. Отряды создавались продовольственными органами, а также местными властями. Заградительные отряды производили конфискацию продовольствия, превышающего установленные нормы провоза (20 фунтов на человека). Особенное развитие отряды получили после декрета ВЦИК и СНК от 13 мая 1918 г. «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» и декрета ВЦИК от 27 мая 1918 г. «О реорганизации комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов». Заградительные отряды выставались частями Продармии и были небольшими (по пять-десять человек). В декабре 1918 г. Наркомпрод потребовал от всех местных органов снять заградотряды, кроме отрядов Наркомпрода и губпродкомов. С мая 1919 г. заградотряды вошли в состав войск ВОХР (Внутренней охраны республики), с сентября 1920 г. — войск ВНУС (Внутренней службы) [73:745].

Несмотря на деятельность заградительных отрядов, в 1918—1919 гг. из 26 губерний РСФСР мешочниками было вывезено около 66 млн пудов хлеба — 41% всего поступившего в города хлеба. Всего в годы гражданской войны мешочниками было доставлено в города около 50% всего продовольствия [73:739].

В начале 1918 г. Советское государство предприняло попытку наладить взаимоотношения с крестьянством на принципах товарообмена. С этой целью Наркомпрод начал разработку общегосударственного плана организации товарообмена. Этот план был одобрен советским правительством 25 марта. Декрет Совнаркома «Об организации товарообмена для усиления хлебных заготовок» возлагал на Наркомпрод проведение масштабной товарообменной операции, определение порядка и норм выдачи промышленных товаров в обмен на продовольственные.

Наркомпрод намеревался установить прочную хозяйственную связь с деревней посредством отправки огромных запасов промышленных товаров, добытых посредством «экспроприации экспроприаторов». Намечалось за каждые четыре вагона зерна давать крестьянам по три вагона промышленных изделий — в два раза больше, чем крестьяне получали в довоенные годы. Однако к апрелю 1918 г. из пред-

полагавшейся заготовки методом товарообмена в 120 млн пудов хлеба было обменено на промышленные товары у крестьян лишь 0,4 млн пудов [75: 14, 16].

В период шумной кампании товарообмена сотни маршрутных эшелонов с предметами ширпотреба на огромную сумму в 1,2 млрд рублей были двинуты в хлебные районы, прежде всего в Сибирь и на юго-восток России. Однако военно-коммунистическое мероприятие советской власти с треском провалилось. Около 80 % товаров, предназначенных для обмена на хлеб, были потеряны. В общей сложности в деревню весной 1918 г. отправили 400 млн аршин тканей, 2 млн пар галош, 200 тыс. пар кожаной обуви, 17 млн пудов сахара; взамен государство получило до смешного мало — 400 тыс. пудов хлеба. На железнодорожных станциях возникали пробки из эшелонов с товарами, предназначенными для обмена на продовольствие. Нередко в местах прибытия вагоны не разгружались месяцами. В растаскивании промтоваров приняли участие до 6 тыс. крестьян и мешочников, специально приехавших на сотнях подвод из соседних населенных пунктов. «Акция» приобретала черты организации: деревни оповещали одна другую посредством посылки гонцов [64:207].

Оставшиеся нерасхищенными 20% товарообменных фондов попытались использовать следующим образом: крестьянам было предложено отправиться на личных лошадях и подводах за 20—30 верст к складам продовольственных комитетов, ссыпать там хлеб и взамен получить «квитки», с ними поехать за десятки верст в уездный город и, отстояв три-четыре часа у кассы, забрать деньги — «керенки», на которые можно было купить предметы ширпотреба. Разумеется, крестьяне уклонялись от подобного «товарообмена» [64:208]. В системе распределения преимущества системы франко-амбар не смогли заменить франко-станцию.

Следует подчеркнуть важное обстоятельство: провал товарообмена обнаружился еще до того, как советская власть потеряла многие хлебобродные районы, занятые белыми. Показательно, что в губерниях Поволжья Советское государство заготовило в 10 раз меньше зерна, чем царское министерство земледелия в 1916 г. [64:208]. Не помогло наделение решением ВЦИК наркома продовольствия чрезвычайными полномочиями, включая право отменять решения местных Советов, подключение подразделений ЧК, транспортных чрезвычайных комиссий. К примеру, ВЧК была серьезно обеспокоена, когда 24—26 мая 1919 г. на станции Инза Владимирской губернии скопилось до 15 тысяч мешочников. Собрав митинг, мешочники требовали выделения паровоза. На ликвидацию недовольства был направлен отряд ВЧК [69].

Сил у власти хватало только на проведение политики по принципу «отнимать и делить». Продовольственная армия, сложившаяся к

середине 1918 г., формировалась из хорошо вооруженных отрядов, осенью отдельные отряды стали сводиться в крупные соединения. В 1920 г. Продовольственная армия была выведена из подчинения наркомпрода и передана в ведение чрезвычайных органов.

Результаты политики «военного коммунизма» привели к тому, что посевная площадь в России сократилась до 62, 3 млн десятин в 1920 г., в 1921 г. — до 54, 8 млн (в сравнении с 88, 04 млн десятин в 1913) [63: 184]. У крестьянства не было стимулов производить продукцию сверх прожиточного минимума. Произошло падение урожайности. Количество выращиваемого в стране хлеба значительно сократилось. В довоенное время в царской России объем заготовок составлял 900 млн пудов хлеба в год. В 1917—1918 г. было заготовлено 300 млн пудов хлеба, в 1918—1919 г. — 110, в 1919—1920 г. — 265 млн пудов. Таким образом, к концу «военного коммунизма» собирали менее 30% уровня дореволюционного (довоенного) времени [65: 142]. В 1921 году разразился голод, затронувший значительную территорию страны. Общее число голодающих в 1921 г. составило 26, 5 млн человек, от голода умерло 5 млн [75: 18].

Россию охватил не только продовольственный кризис. Острый кризис распространился на традиционные для центральной России виды сельскохозяйственного сырья — лен, шерсть, коноплию, кожу. Не хватало предметов первой необходимости, особенно одежды, обуви.

Огромный дефицит сельскохозяйственного сырья испытывали кожевенная и шерстяная промышленность. Недостаток сырья объяснялся резким сокращением количества скота, выращиваемого с целью получения шерсти для фабрик по изготовлению шерстяных изделий, кожи — для кожевенной промышленности. Количество безлошадных и бескоровных крестьянских хозяйств уменьшилось после Октябрьской революции. Но вместе с тем сократилось число хозяйств, имевших большое количество скота — в результате в абсолютных цифрах это привело к уменьшению общего количества скота.

Льняная промышленность испытывала дефицит льна. В 1919 г. она соответствовала уровню 29% довоенного, в 1920 г. — 27%. До Первой мировой войны Россия вывозила за границу 80% всего льна, целые районы Северной Франции и Англии работали на русском льне. В России собирали до 20 (иногда и более) миллионов пудов льна. После революции площадь посевов льна сократилась до 30 % прежних размеров. В 1918 г. собрали 4, 35 млн пудов льна, в 1919 г. было заготовлено льна 3992 тыс. пудов, в 1920 г. — 2044 тыс. пудов. Первые зимние месяцы 1921 г. обнаружили громадное понижение. Объяснялось это рядом причин, в первую очередь тем, что посеvy льна крестьяне заменили зерновыми хлебными культу-

рами: лен ранее культивировался в основном в северных губерниях, которые не могли обеспечить себя зерном: крестьяне этих местностей всегда покупали хлеб из хлебобродных губерний и сеяли лен на продажу. Чтобы выжить в голодных северных местностях, крестьянство от культуры льна перешло к культуре хлеба. К тому же государственные цены по заготовкам на хлеб устанавливались выше цен на лен [66: 109, 110; 65: 149, 150].

Из-за отсутствия сырья выработка текстильной промышленности в 1919 г. составила лишь 10%, возникла угроза почти полной приостановки всей текстильной промышленности [66: 116, 117].

Весной 1921 года большевики были вынуждены пересмотреть свои позиции и изменить экономическую политику: продолжение политики «военного коммунизма» угрожало крахом власти. К концу 1920 г. крестьяне представляли опасность для режима. К концу Гражданской войны в сознании многих крестьян прочно утвердилось мнение о перерождении Советской власти и большевистской партии в результате предательства интересов революции коммунистами и комиссарами, не имевшими, по их мнению, ничего общего с большевиками [67:54]. На первый взгляд, наивный вопрос, прозвучавший в одном известном фильме: за большевиков или за коммунистов? — в начале 1920-х годов имел под собой весьма серьезную подоплеку в крестьянском сознании.

Трактовка ленинских теоретических конструкций в качестве развития и обогащения марксистской теории является односторонней и ограниченной. Оценивая с современных позиций систему воззрений Ленина, получившую наименование «ленинизм», нельзя не согласиться с точкой зрения, которая рассматривает его как одну из версий понимания, трактовки и применения марксизма, прежде всего и главным образом к России. Мыслительная активность Ленина по развитию марксистской теории происходила по преимуществу в инструментально-прагматической области, связанной с применением марксизма (концепция применения входит в состав теории практики теории) [68: 159, 160, 164].

Однако попытка подобного инструментального применения ортодоксального марксизма к реалиям крестьянской страны породила проявление как догматических трактовок, с одной стороны, так и проявлений «революционного ревизионизма», с другой [74:52]. Попытка построения социализма при помощи модели военного коммунизма провалилась. Другая ленинская идея о развитии государственного капитализма на базе диктатуры пролетариата носила утопический характер. Проект подобного соединения (капитализм, подчиненный большевистской партии) потерпел крах.

Источники и примечания

1. Ленин В. И. К пересмотру партийной программы // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34.

2. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 26 мая 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.

3. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.

4. ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 191. Л. 21—22, 25—43

5. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд.

6. История советского крестьянства. Т. 1. М., 1986.

7. Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы: Седьмой экстренный съезд РКП(б) (март 1918) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.

8. Ленин В. И. Программа РКП(б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.

Неверно было зачислять всех рабочих в опору диктатуры пролетариата. В данном вопросе Ленин поторопился. На практике ставка большевиков делалась зачастую на рабочих, пришедших на заводы в годы войны. Ижевско-Воткинское восстание 7 августа — 14 ноября 1918 г. явило собой вооруженное выступление против пролетарской власти той самой ленинской «опоры» — представителей лучшей и наиболее образованной и квалифицированной части рабочего класса, провозглашение повстанцами борьбы под знаменами защиты завоеваний революции и власти советов. «Самая сознательная и организованная часть общества» — рабочие военных заводов — создали собственную армию, организованную и хорошо вооруженную, собственное управление, составили самостоятельную политическую программу. Под властью повстанцев в течение трех месяцев оказался обширный район — Верхнее Прикамье. Рабочих Ижевска и Воткинска поддержали крестьяне Вятской губернии.

Заводы продолжали работать, работали гимназии и школы, выплачивались зарплата и пенсии, торговали магазины и рынки, граждане свободно посещали заводские собрания и сельские сходы, работали храмы.

«Полупролетариев» тем более нельзя было безоговорочно зачислять в опору диктатуры пролетариата: показательным примером может служить Нестор Махно, типичный выходец из среды этого самого полупролетариата — сельскохозяйственных рабочих.

9. Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988.

Бухарин Николай Иванович (1888—1938) — политический

деятель, экономист, философ, социолог. С 1906 г. состоял в большевистской партии. Учился в Московском университете на экономическом отделении юридического факультета. На последнем курсе в 1911 г. был арестован и сослан. В эмиграции, разделяя позиции большевиков, принимал активное участие в рабочем движении. После Февральской революции 1917 вернулся на родину. С конца 1917 до 1929 г. — ответственный редактор центрального органа партии газеты «Правда». В 1924 г. стал членом Политбюро, занимал руководящие посты в ЦК, ЦИК СССР, Исполкоме Коминтерна, с 1926 г. — его председатель. Активно участвовал в работе Института Красной профессуры, Коммунистической академии, Института Маркса и Энгельса. Академик АН СССР (1929). В 1929 году как лидер «правого уклона» был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б), снят с поста редактора «Правды» и выведен из Исполкома Коминтерна. В 1929—1932 гг. — член президиума ВСНХ СССР, затем член коллегии Наркомтяжпрома СССР. В 1934—1937 гг. — главный редактор газеты «Известия». В 1937 г. исключен из партии и арестован. В марте 1938-го на судебном процессе по делу т. н. «антисоветского правотроцкистского блока» приговорен к расстрелу по сфальсифицированным обвинениям. В 1988 г. реабилитирован посмертно, восстановлен в звании действительного члена АН СССР.

10. Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40.

11. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879-1940) — советский государственный и партийный деятель. Учился в Одесском, затем Николаевском училищах. В социал-демократическом движении с 1897 г. В 1898 арестован. Приговорен к 4 годам ссылки в Восточную Сибирь. Участник революции 1905-1907 гг., председатель Петербургского Совета. Вернувшись после Февральской революции 1917 г. в Россию из эмиграции, был принят в большевистскую партию. В сентябре-ноябре 1917 г. — председатель Петроградского Совета. После Октябрьской революции — нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета Республики. В 1920-21 гг. — врио наркома путей сообщения. С 1925 по 1928 гг. — председатель Концессионного комитета, начальник электротехнического управления и председатель научно-технического управления промышленности ВСНХ. Член Политбюро ЦК в 1919-1926 гг., являлся членом Исполкома Коминтерна. В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. выслан из СССР и в 1932 г. лишен советского гражданства. Убит в 1940 г. в Мексике.

12. Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990.

13. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. Т. 1. М., 1990.

14. *Троцкий Л. Д.* 1905. Предисловие // Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990.

15. *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции.

16. *Сталин И. В.* Сочинения.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879—1953) — советский государственный и партийный деятель. Учился в духовной семинарии. В 1898 г. вступил в РСДРП, после 1903 г. — большевик. Участник революции 1905—1907 гг. В январе 1912 г. введен в состав ЦК, принимал участие в редактировании большевистской газеты «Правда». В период Октябрьской революции входил в Военно-революционный центр по подготовке восстания. На II Всероссийском съезде Советов избран в Совет Народных Комиссаров, возглавил Народный комиссариат по делам национальностей. В период гражданской войны состоял членом Реввоенсовета Республики. В 1922 году избран генеральным секретарем ЦК РКП(б). Оставаясь секретарем (Генеральным — до 1934) ЦК партии, с 1941 г. был также председателем СНК (Совмина), в 1941—1947 гг. наркомом обороны СССР, в 1941-1945 гг. председателем Госкомитета обороны, Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. В 1925—1943 гг. член Исполкома Коминтерна. Сталинизм, его истоки, сущность и последствия широко освещаются в литературе.

17. *Ленин В. И.* VIII съезд РКП(б) (18—23 марта 1919) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.

18. *Ленин В. И.* Черновые наброски и план брошюры о диктатуре пролетариата // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39.

19. *Ленин В. И.* Проект телеграммы всем Совдепам о союзе рабочих и крестьян // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.

20. *Ленин В. И.* Ответ на запрос крестьянина // Т. 37.

21. *Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.

22. *Ленин В. И.* Заметки о кооперации // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.

23. *Ленин В. И.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата // Т. 39.

24. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные сочинения. В 9 т. Т. 6. М., 1987.

25. *Ленин В. И.* Третий конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад о тактике РКП 5 июля 1921 г. ; Тезисы доклада о тактике РКП // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.

26. *Бухарин Н. И.* Экономика переходного периода // Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

27. *Троцкий Л. Д.* Сочинения.

28. *Троцкий Л. Д.* Задачи трудовой мобилизации: Доклад на заседании 1 сессии ВЦИК 3. 02. 1920 г. // Троцкий Л. Д. Соч. Т. 15.

29. Троцкий Л. Д. Организация труда: Доклад на IX съезде РКП(б) // Троцкий Л. Д. Соч. Т. 15.

30. Троцкий Л. Д. Всероссийское разорение и трудовые задачи крестьянства: Письмо крестьянину Пермской губернии И. А. Сигуну 12. 02. 1920 г. // Троцкий Л. Д. Соч. Т. 15.

31. Троцкий Л. Д. Письма к крестьянам-середнякам. Симбирск, 1919.

32. Ленин В. И. Речь на заседании Московского совета 6 марта 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40.

33. Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов (5-9 декабря 1919) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39.

34. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.

35. Ленин В. И. План аграрного пункта программы: Материалы к проекту программы РКП(б) (23—25 февраля 1919) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.

36. Ленин В. И. Речь на совещании делегатов комитетов бедноты центральных губерний 8 ноября 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.

37. Ленин В. И. Заседание Петроградского Совета (12 марта 1919) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.

38. Ленин В. И. Доклад о земле 26 октября 1917 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35.

39. Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957; Т. 2. М., 1959.

40. История Советской Конституции (в документах). 1917—1956. М., 1957.

41. Ленин В. И. Новый обман крестьян партией эсеров // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34.

42. Ленин В. И. Рабочим, солдатам и крестьянам! // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35.

43. Ленин В. И. Предисловие к брошюре «Как обманули народ социалисты-революционеры и что дало народу новое правительство большевиков // Т. 35.

44. Свердлов Я. М. Избранные произведения. М., 1959. Т. 2.

Свердлов Яков Михайлович (1885—1919) — советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1901 г. Занимался революционной работой в Нижнем Новгороде, Сормове, Костроме, Казани, Москве, Петербурге и других городах России. Во время революции 1905—1907 гг. руководил большевистскими организациями Урала. С 1912 г. член ЦК РСДРП(б) и Русского бюро ЦК. Член редакции газеты «Правда». За революционную деятельность пробыл в царских тюрьмах и ссылке в общей сложности 12 лет. После Февральской революции 1917 г. — один из руководителей уральской организации большевиков. Активный участник Ок-

тябрьской революции: член Петроградского Военно-революционного комитета и Военно-революционного центра по руководству восстанием. 8 (21) ноября 1917 г. избран председателем ВЦИК. В 1917—1919 гг. член ЦК большевистской партии, руководил Секретариатом ЦК.

45. В письме В. И. Ленину крестьяне Курбанской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии в 1920 г. писали: «Мы, крестьяне-труженики, середняки и бедняки, не были никогда ни буржуями, ни спекулянтами-барышниками, ни пьяницами, ни карманниками, ни лентяями-паразитами, как высший класс, так и низший. За которого теперь Вы заступаетесь, и жизненное государственное переустройство которым Вы теперьверяете. Мы всю жизнь работали неустанно, не покладая рук, и мы, только мы несли на своих плечах тяжести и нужды государственные и общественные. Богачи изворотливо откупились от несения государственных и общественных налогов, а с лентяев нечего брать, которые от лености бросили свои земли и хозяйства, ничему хорошему не научились, поборничеством, воровством, картежничеством занимались и всецело жили нашими же трудами. И вот таким-то людям Вы дали доверие и власть. Сидя у власти на местах, они не старались и не стараются поднять и улучшить трудовой уровень народа, а только и делают, что грабят, отнимают нажитое тяжелым упорным трудом и бережливостью. Ведь эти лентяи-горланы обижают и бедняка-труженика. Они своим разгильдяйством и разнузданностью озлобили всех нас против Вас. Ведь от Вас все это исходит: Почему Вы заступаетесь за лентяев и прохвостов, а нападаете в лице их на нас, труженников. Мы, крестьяне, труженики-середняки и труженики-бедняки, обращаемся к Вам и просим Вас не отнимать у нас труд и заставить лентяев-барышников работать, так как они богаче нас физической силой и молодостью.

Мы просим Вас заставить их принудить работать, потому что нравственное влияние бесполезно к ним применять (басня: кот и повар). Заботного по характеру нечего принуждать, он сам придумает работу. Возьмем для примера 4 семейства в дер. Некрасова: первое (Кулихиной) имеют три падела земли и семь здоровых, сильных людей — работников, бросили землю и дом и шляются и побиваются миром; другое семейство (Костюненко) имеют 2 человека семьи (51), не имели земли и дома, взяли в корчаму у первых брошенную землю, унавозили, и наработали хлеба; третья семья (Соловьевы) имеют на три падела земли 7 человек сильных работников, живет дома, картежничает и лежебочит, не имеет ни скота, ни хлеба; четвертая семья (Образцова) женщина имеет на руках малолеток деток и стариков, сама пашет землю и за все остальное берется; и что же: Кулихин и Соловьевы считают себя бедняками, а

Костюненко и Образцову считают буржуями; пришли и обобрали у них хлеб и скот — коров и лошадей, потому наложили на них контрибуцию и всю подать (государственный налог).

Примеров таких столько, сколько людей. А если внимательнее присмотреться, детальнее поразобрать жизнь людей, то эти лентяи-бедняки тысячу раз богаче нас. Ведь достояние крестьянина скапливается бережливостью. Вот где же тут справедливость? Нет ее». (История Отечества в документах. Ч. 2. 1921—1939 гг. М., 1994).

46. Судьбы российского крестьянства. М., 1996. По другим данным, количество волостных и сельских комбедов в РСФСР в 1918 г. составляло 70 тыс. (См.: Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг.: Мешочники. СПб., 2002. С. 251).

47. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. М. 1967. Т. 1. 1917—1928 гг.

48. В своих письмах во власть крестьяне в 1918 г. высказывали наболевшее. Так, в одном из них крестьяне писали: «В комитеты бедноты приказали избирать из большевиков, а у нас все большевики вышли все негодящиеся из солдат, отбившиеся, прямо скажем, хуже дерьма. Мы их выгнали. То-то слез было, как они из уезда Красную Армию себе в подмогу звали. Кулаки-то откупились, а крестьянам спины все исполосовали и много увезено, в 4-х селах 2—3 человека убито, мужики там взяли большевиков в вилы, их за это постреляли». В другом письме: «... У нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли — не было достаточно семян, у нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас нет буржуазии, у нас надел 2/4—1/2 на душу, прикупленной земли не было, а на нас наложена контрибуция и штраф, мы побили нашего большевика-комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, сказать тебе не можем, как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли...» Еще одна выдержка из письма: «Мы не прятали хлеб, мы, как приказали по декрету, себе оставили 9 пудов в год на человека. Прислали декрет оставить 7 пудов, два пуда отдать. Отдали. Пришли большевики с отрядами. Разорили вконец. Поднялись мы. Плохо в Южно-Вском уезде, побиты артиллерией. Горят села, сравняли дома с землей. Мы все отдавали, хотели по-хорошему. Знали, город голодный. Себя не жалели...» (История Отечества в документах. Ч. 1. 1917—1920 гг. М., 1994).

49. Аграрная политика Советской власти (1917—1918 гг.): Документы и материалы. М., 1954.

50. Ленин В. И. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.

51. Ленин В. И. Письмо П. И. Попову (О потреблении населения РСФСР до и после Октябрьской революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40.

52. Изменения социальной структуры советского общества, октябрь 1917—1920. М., 1976.

53. Ленин В. И. Чрезвычайное заседание пленума Московского совета 3 апреля 1919 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38.

54. Ленин В. И. Замечания к проекту декрета // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.

55. В одном из крестьянских писем во власть приведен случай: «Идет уездный съезд. Председатель, большевик, предлагает резолюцию. Крестьянин просит слова. «Зачем?» — «Не согласен я». — «С чем не согласен?» — «А вот, говоришь, комитетам бедноты вся власть, не согласен: вся власть Советам, и резолюция твоя неправильная. Нельзя ее голосовать». — «Как... Да ведь это правительственной партии». — «Что ж, что правительственной». Председатель вынимает револьвер, убивает наповал крестьянина, и заседание продолжается. Голосование было единогласным» (История Отечества в документах. Ч. 1. 1917—1920 гг.).

56. Ленин В. И. К декрету об обложении сельских хозяев натуральным налогом // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37.

57. Ленин В. И. Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и профессиональных союзов 4 июня 1918 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.

58. Ленин В. И. Дополнение к декрету о продовольственной диктатуре // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.

59. История Отечества в документах. Ч. 1. 1917—1920 гг.

60. Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП(б) (2-4 декабря 1919) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39.

61. Рыков А. И. О деятельности ВСНХ за два года (Доклад на заседании III Всероссийского съезда профсоюзов 9 апреля 1920) / Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990.

62. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1.

63. Рыков А. И. Доклад на IV съезде СНХ 18 мая 1921 г. // Рыков А. И. Избранные произведения.

Рыков Алексей Иванович (1881—1938) — советский государственный и партийный деятель. С 1899 г. состоял в РСДРП. Участник революции 1905—1907 гг. После Октябрьской революции — нарком внутренних дел, в 1918—1921 гг. и 1923—24 гг. — председатель ВСНХ. С 1921 г. — заместитель председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона, в 1924—1930 гг. — председатель Совнаркома СССР. В 1922—1930 гг. член политбюро ЦК. В 1931—1936 гг. нарком связи СССР. В 1937 г. исключен из партии. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

64. Давыдов А. Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917—1921 гг. : Мешочники. СПб., 2002.

65. Рыков А. И. Итоги советского строительства: Речь на V Всероссийской конференции профсоюзов // Рыков А. И. Избранные произведения.

66. Рыков А. И. Экономическое положение Советской России: Доклад на объединенном заседании III Всероссийского съезда советов народного хозяйства, Моссовета и профсоюзов 25 января 1920 г. // Рыков А. И. Избранные произведения.

67. Лившин А. Я., Орлов И. Б. Власть и общество: Диалог в письмах. М., 2002.

68. Кувакин В. А. Ленин: эффект неразорванной бомбы // Вестник РФО. 2005. № 1.

69. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 32. Л. 51.

70. Постановление о реорганизации 3-й армии в трудовую было принято по инициативе командования 3-й армии, изложенной в телеграмме на имя Ленина и Троцкого. Трудовые армии сохраняли военную дисциплину. В военно-административном отношении трудовые армии подчинялись РВС Республики, а в хозяйственно-трудовом — Совету рабочей и крестьянской обороны (с апреля 1920 г. — СТО). Деятельностью трудовых армий руководили Советы, состоявшие из представителей командования армий, СТО, ВСНХ, различных наркоматов и ведомств (Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. М., 2000. С. 758).

71. Результаты выборов в Учредительное собрание, состоявшиеся в ноябре—декабре 1917 г., не могли устроить большевиков. В голосовании, по данным 67 округов, участвовали 44 433 309 человек (всего было 79 округов, в них 90 млн избирателей). Из принимавших участие в голосовании избирателей 40% проголосовали за эсеров, 23,9 — за большевиков, 4,7 — за кадетов, 2,3% — за меньшевиков. В сельской местности убедительную победу одержали эсеры. Из более 35 млн сельских жителей, участвовавших в голосовании, 45,6% отдали свои голоса эсерам, 19,3% — большевикам, 17% — прочим социалистам, 2,2% — меньшевикам, 1,8% — кадетам, 14,1% — прочим, политически не определенным кандидатам. Выборы принесли несомненный успех партии эсеров, подтвердив ее большое влияние среди крестьянства (следует учесть еще около 15% голосов за украинских, мусульманских и других национальных эсеров из графы «прочие социалисты»). В аграрных регионах эсеры доминировали. В Алтайской, Пензенской и Ставропольской губерниях им достались все депутатские мандаты — общим числом 28. В Курской губернии они получили 12 из 13 мандатов, в Воронежской — 13 из 15, в Тамбовской губернии — 13 из 16. Главным оплотом их влияния была густо населенная Центрально-Черноземная деревня. Партия большевиков оказалась второй по количеству набранных крестьян-

янских голосов силы (Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1. С. 737).

72. Попытки осуществления хлебной монополии предпринимались в годы Первой мировой войны царским правительством, затем Временным правительством. В декабре 1916 г. кризис правительственных заготовок заставил встать на путь хлебной разверстки, т. е. распределения государственной потребности в хлебе между губерниями, селениями, хозяйствами в качестве обязательств на его поставку. Временное правительство своим законом от 25 марта 1917 г. «О передаче хлеба в распоряжение государства» ввело хлебную монополию и попыталось осуществить ее на практике. Хлебная монополия и передача хлеба в распоряжение государства на практике осуществлены не были. Свидетельством этого стал провал заготовок из урожая 1917 г., несмотря на попытки Временного правительства обеспечить их выполнение с помощью принуждения и вооруженной силы (Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. С. 736).

73. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922. М., 2000.

74. *Ойзерман Т. И.* К вопросу о происхождении ленинизма // Ойзерман Т. И. Проблемы: социально-политические и философские очерки. М., 2006.

75. *Кристалли А. М.* Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореферат дисс... канд. ист. наук. М., 1997.

76. *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 1. 1917—1918 гг. М., 1990.

77. Сборник документов по истории СССР. Эпоха социализма. М., 1978. Вып. 1. 1917—1920 гг.

78. *Нестор Махно.* Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ

В крестьянском сознании все политические проблемы воспринимались через призму земельного вопроса, поэтому крестьянство поддерживало те политические лозунги, которые обещали крестьянам землю. В крестьянской среде, к примеру, лозунг «Грабь награбленное!» считался как вполне справедливое средство удовлетворения крестьянских требований. А вот лозунг, предложенный Белым движением — «Единая, Великая и Неделимая Россия», — оказался для крестьянства туманным и неопределенным.

Отношение основной части генералов и офицеров Белого движения к решению земельного вопроса для крестьянства выражалось в следующем: учитывая сложившиеся объективные обстоятельства, провозгласить о намерении провести аграрную реформу, но осуществление ее отложить на будущее. Расчет делался на скорейший вооруженный захват власти в России, последующий созыв Учредительного собрания — существовало мнение о юридической неправомерности власти одного белого правительства разрешать аграрный вопрос. В Декларации Добровольческой армии от 14 апреля 1918 г. было записано: «Вопросы о формах государственного строя являются последующими этапами, они станут отражением воли русского народа после освобождения от рабской неволи и стихийного помещательства» [1]. Представители Белого движения надеялись, что Колчаку, Деникину, Юденичу, Врангелю удастся победить большевиков и силою штыков утвердить свою власть в России — тогда острота вопроса о земельной реформе угаснет, установятся привычные порядки.

Однако командующие белогвардейскими армиями — профессиональные и квалифицированные военные — оказались неопытными политиками. Показательно в этой связи признание адмирала Колчака: Верховный правитель белой России не ставил перед собой «никаких решительно определенных политических целей». Свою миссию («временную, переходную») он видел в том, «чтобы путем победы над большевиками дать стране известное успокоение, чтобы иметь возможность собрать Учредительное Собрание, на котором была бы высказана воля народа, когда он мог бы взять управление в свои руки, то есть выбрать правительство по своему желанию» [2: 185, 187, 188].

Начав вооруженную борьбу с большевиками в конце 1917 г.,

лидеры Белого движения недооценили крестьянский вопрос, который имел в условиях гражданского противоборства белых и красных в крестьянской стране глубокий идеологический смысл. В результате с заявлениями по крестьянскому вопросу они опоздали более чем на год [3:27].

В решении аграрной проблемы перед руководителями Белого движения возникло объективное противоречие. С одной стороны, свершившийся в ходе революции захват помещичьих и других частновладельческих земель поставил вопрос о необходимости легализовать данный процесс, направить захваты в деревне в мирное русло, чтобы не посеять недовольство белой властью среди крестьян—участников земельного передела. В то же время, с другой стороны, не вызвать возмущения в среде прежних собственников.

К началу 1919 г. в среде Белого движения проявилось осознание необходимости разработки и реализации основного для страны вопроса, крестьянского, решение которого позволяет получить необходимую социальную базу и поддержку основной части народа — крестьянства.

Во Всероссийском Национальном центре, созданном кадетами, при обсуждении перспектив гражданского противоборства в России усилилось мнение о недостаточности опоры только на военную силу и установки на решение аграрного вопроса будущим Законодательным собранием и государственной властью. Рассматривались условия для создания поддержки белой армии «в широких кругах населения». Чтобы получить возможность в борьбе против большевизма опереться на крестьянство, предлагалось провозглашение лозунгов о земле, созвучных психологии крепкого крестьянина — хозяина. В то же время отвергался расчет на привлечение крестьянства лишь обещаниями — в подобном подходе скрывалось неприятие популистской политики большевиков, которая в 1917 г. привлекла народ обещаниями земли и мира [4:20—24, 27—28].

Национальный центр подготовил несколько проектов преобразований. Земельный проект основывался на принудительном отчуждении части земель, которые должны переходить к «трудовым земледельцам на правах собственности». В то же время специально оговаривалось восстановление прав собственности «на все захваченные земли» и право «потерпевших убытки на справедливое вознаграждение» [5:74—76].

В ходе обсуждения проекта 22 и 24 декабря 1918 г. в Екатеринодаре один из основателей Национального центра А. А. Червен-Водали¹ подчеркивал: «Нельзя рассчитывать на успех борьбы с

¹Червен-Водали А.А. (1872—1920) — член конституционно-демократической партии. После Октября 1917 г. являлся членом правления Всероссий-

большевизмом при помощи одних штыков, необходимы также меры, способные убедить население в том, что возрождаемый порядок лучше большевистского. Для этого необходимо, во-первых, удовлетворить его продовольственную нужду, во-вторых, дать ему уверенность в том, что старый земельный строй не восстановится и что его настроения получат известное удовлетворение... Обещания этого рода... встретят сочувствие более твердого и здорового слоя трудового крестьянства. Проект не содержит огульного отрицания помещичьего землевладения. Если помещики могут вновь взяться за свое разрушенное революцией хозяйство, то тем лучше; но так как в большинстве случаев этого, очевидно, не будет, то надо так или иначе распределить освобождающуюся землю. Это дело может быть возложено на особые комиссии из мировых посредников, которые должны будут, руководясь учетом всех местных условий, не передавать землю, а давать разрешение на ее покупку». При этом обращалось внимание на возможность за счет реформы получить финансовые средства и «хотя бы отчасти поправить расстроенные государственные финансы» посредством «взимания с крестьян, покупающих землю, несколько большей суммы, чем уплачиваемая помещикам» [4:20—22].

Другой проект Национального центра предусматривал расширить функции гражданского управления на территории, контролируемой белой властью, передачей власти на местах начальникам губерний и уездов, назначаемых правительством (5:84-85). Основные положения Временного положения об органах самоуправления сводились к следующему: прежние земства объявлялись распушенными, для текущей работы создавались новые земские управы, но их распорядительные полномочия сокращались: администрация имела право приостанавливать решения управ. Персональный состав управ не избирался, а назначался [4:25—26].

ского союза торговли и промышленности. Весной 1918 г. стал одним из инициатором создания сначала Правого центра, затем Национального центра, ставивших своей задачей свержение советской власти. Осенью 1918 г. прибыл в Екатеринодар в распоряжение командования Добровольческой армии. В марте 1919 г. Особым совещанием при Добровольческой армии и Всероссийским Национальным центром был командирован вместе с членом ЦК партии кадетов Волковым в Сибирь, куда прибыл в середине июля 1919 г. С 1 августа 1919 г. являлся членом Государственного экономического совещания. Указом Колчака от 25 ноября 1919 г. был назначен товарищем министра внутренних дел с возложением на него временного управления министерством. В течение двух недель был врио председателя Совета министров. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Омске 23 июня 1920 г.

ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ БЕЛОЙ РОССИИ: ЕДИНОЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ VS ЕДИНАЯ ИДЕЯ

Признание главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) генералом А. И. Деникиным² власти Верховного правителя России — адмирала А. В. Колчака³, повлекло за собой обязанность принять установку Колчака: узаконить пользование захваченной крестьянами землей впрямь до решения Национального собрания. 28 августа 1919 г. Колчак уведомил Деникина: общее руководство земельной политикой принадлежит исключительно Российскому правительству. Рамки законотворчества белых правительств, таким образом, ограничивались сверху Верховным правителем легитимацией предоставления крестьянам пользования той землей, которая в ходе революции 1917 г. была захвачена крестьянами и находилась в их фактическом владении.

Как военный человек, наделенный диктаторскими полномочиями, но неискушенный политик⁴, Колчак не придавал серьезного зна-

---

² Деникин А. И. (1872—1947) — один из организаторов Добровольческой армии. В феврале 1918 г. командующий Добровольческой армией генерал Л. Г. Корнилов назначил Деникина своим заместителем. 31 марта 1918 г. после гибели Корнилова во время штурма Екатеринодара Деникин вступил в командование Добровольческой армией. С 25 сентября 1918 г. — главнокомандующий Добровольческой армией, с 26 декабря 1919 г. — главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России (ВСЮР). После разгрома ВСЮР Красной армией осенью 1919 г. — зимой 1920 г. и эвакуации их остатков из Новороссийска в Крым 12—14 марта 1920 г. Деникин 22 марта сдал главное командование ВСЮР генералу Врангелю и уехал в Англию. [*Хронологические даты из истории Белого движения приводятся по старому стилю*].

³ Колчак А. В. (1873—1920) — адмирал, участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1916—1917 гг. командовал Черноморским флотом. Военный и морской министр в Уфимской директории. После переворота в Омске в ноябре 1918 г. был провозглашен Советом министров Временного Всероссийского правительства Верховным правителем российского государства. После разгрома колчаковской армии в ноябре—декабре 1919 г. уехал из Омска в Иркутск. 7 февраля 1920 г. расстрелян по приговору Иркутского ревкома.

⁴ О себе Колчак говорил: «Я вырос в чисто военной семье... Вырос я под влиянием чисто военной обстановки и военной среды. Большинство знакомых, с которыми я встречался, были люди военные. Какими-либо политическими задачами и вопросами я почти не интересовался и не занимался... Науками социального и политического характера я занимался очень мало» (2:34).

чения разработке законов: «А законы все-таки ерунда, — говорил он. — Не в них дело. Если мы потерпим новые поражения, никакие реформы не помогут, если начнем побеждать, сразу и повсюду приобретем опору» [6:31].

В организации управления Колчак руководствовался положениями военных уставов. Суть организации государственной власти в понимании Верховного правителя сводилась к следующему. Единоличная власть с диктаторскими полномочиями может действовать только в области военных действий и в течение определенного и короткого периода времени, основываясь на военных законоположениях. В данном понимании полевое управление войск — это диктатура, военное управление. Но управлять страной на основании «полевого положения» нельзя: оно не предусматривает осуществления функций государственной власти. Единоличная власть, как военная, должна дополняться вне сферы военных действий организованной гражданской властью, которая подчиняется военной власти. Таким образом, единоличная власть складывается из двух функций: верховного командования и верховной гражданской власти [2: 150].

Осуществляя правление на основе указов, Колчак не издал специального нормативного документа по аграрному вопросу, ограничившись декларацией собственного Российского правительства от 8 апреля 1919 г., которой устанавливалось правило: все пользователи земли, не являясь собственниками или арендаторами, если ее засеяли и обработали, имеют право собрать урожай. Правительство декларировало принятие мер для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян за счет частновладельческих и казенных земель, к тому времени уже перешедших в фактическое владение крестьян. Однако осуществление данной декларации предполагалось в «будущем времени», самовольные захваты запрещались. В окончательном виде решение «векового земельного вопроса» относилось в перспективе к компетенции будущего Национального собрания. Правительством Колчака указанная установка осуществлялась в Сибири, где земельные отношения не имели той остроты, как в Европейской России: на необъятной сибирской территории не было проблемы недостатка земли и малоземелья, сибирское крестьянство не познало на собственном историческом опыте тягот помещичьего гнета. Но крестьянство Европейской России, особенно центральной и южной части, подобное ограниченное и неопределенное решение аграрного вопроса не могло устроить.

Правительство Колчака, именовавшееся Российским правительством, за время своего более чем годичного функционирования на обширной территории России, не разработало какого-либо проекта аграрных преобразований. Председатели Совета министров колчаковского правительства (сначала П. В. Вологодский, затем В. П. Пе-

целяев) не обременяли себя заботами земельного ведомства. Осенью 1919 г. министр земледелия Н. И. Петров⁵ подал председателю Совета министров докладную записку с критикой слабости власти. Она заканчивалась словами: «Если не можем быть властью, надо уйти» (7:518). Министр земледелия в правительстве оказался на второстепенной роли. Нередко решения по его ведомству принимались без его участия. В частности, по представлению министра внутренних дел на заседании совета министров 3 декабря 1919 г. обсуждался вопрос о предоставлении Иркутскому губернскому земству ссуды в размере 3 млн рублей. Петров протестовал, в резких выражениях, против данного решения, утверждая, что средства расходуются главным образом на содержание персонала. Однако решение приняли, не обращая внимания на «особое мнение» министра земледелия [7:624—625].

Колчаковские декларации, безразличные для сибирского крестьянина, практически не имевшего дела с помещиками, не давали ничего конкретного и определенного крестьянству европейской части России. Количество пригодной для земледелия земли в Сибири, в отличие от страдавшей от малоземелья европейской части России, не могло породить социальные причины для недовольства. Колчак недооценил существенные различия в крестьянском вопросе в Сибири и в европейской России.

В телеграмме Верховного правителя Колчака Деникину 23 октября 1919 г. содержалось предупреждение о недопустимости создания у крестьянства представления о возврате помещичьего землевладения. Колчак требовал, учитывая фактически свершившийся переход земли в руки крестьян, принять меры по закреплению земли в собственность крестьян участками в размерах определенных норм. Только такая политика, по мнению адмирала, «обеспечит необходимое сочувствие крестьянства освободительной войне, предупредит восстания и устранил возможность разлагающей противоправительственной пропаганды в войсках и населении». Одновременно сложностью земельного вопроса объяснялась невозможность его решения до окончания гражданской войны [8:22, 36—37; 6:35].

Однако самому Колчаку не удалось осуществить указанные намерения. Неопределенность шагов его правительства выразилось в затягивании решения крестьянских проблем. В условиях военной экономики его правительство обратилось к непопулярным мерам —

---

⁵ *Петров Н. И.* — с 1 июля 1918 г. управляющий министерством земледелия Временного Сибирского правительства, с 4 ноября — Временного Всероссийского правительства, с 18 ноября — министр земледелия Российского правительства. С февраля 1919 г. одновременно возглавлял комитет экономической политики Совета министров Российского правительства.

реквизиции продовольствия, принудительным наборам в армию (в результате весной 1919 г. армия Колчака по своему основному составу стала крестьянская). Встретив сопротивление, оно инициировало карательные военные экспедиции против деревни, ответом на которые стали мощные вооруженные выступления крестьян. За антиправительственное вооруженное восстание жителей села Тасеево Канского уезда и села Степной Баджей Красноярского уезда Енисейской губернии, согласно указу Колчака от 21 июня 1919 г., наделенные земли данных селений подлежали изъятию и передаче военным служащим, отличившимся в борьбе с большевиками [7:611]. Отобранные участки земли передавались также тем, кто участвовал в подавлении восстаний.

Колчак ничего не мог поделать с самостоятельностью казачьих атаманов. По его признанию, «Семенов действует, широко применяя реквизиционную систему, то есть просто забирая все, что можно. Семенов... приставлял револьвер ко лбу, и все выносилось». Атаман Калмыков действовал «независимо ни от кого — собралась группа офицеров, и к ней примкнули уссурийские казаки» [2: 111, 112].

Назначенный Колчаком в Красноярск в качестве особого уполномоченного генерал С. Н. Розанов прославился крайней жестокостью в подавлении мятежного крестьянства в Енисейской губернии и на Дальнем Востоке. Приказ Розанова от 27 марта 1919 г. установил: начальникам военных отрядов при занятии мятежных селений требовать выдачи главарей и вожаков. Если этого не произойдет — расстреливать каждого десятого. Вводилась система заложничества и массовых расстрелов заложников. Формулировки приказа отличались конкретностью: «Селения, население которых встретит правительственные войска с оружием, — сжигать, взрослое мужское население расстреливать поголовно» [2:222—223].

Колчаковские генералы отдавали приказы об уничтожении и сожжении мятежных деревень, массовой порке крестьянского населения. За участие в восстании против колчаковцев Степно-Баджейская и Тасеевская волости были сожжены [7:253-256]. Показателен меморандум политического руководства чехословаков от 13 ноября 1919 г., подготовленный для осведомления представителей стран Антанты о действиях колчаковского режима: текст содержал возмущение по поводу сожжения деревень, убийств мирного населения, массовых расстрелов без суда — все это стало повседневным явлением [7:587-588]⁶.

⁶ В 68 волостях южной и средней части Енисейской губернии колчаковцы расстреляли и повесили 10 тыс. человек, выпороли 14 тыс. крестьян. Разгромили и сожгли 12 тыс. крестьянских дворов, отобрали 13 тыс. лошадей, 20 тыс. голов крупного рогатого скота. В Канском уезде целиком сожженными оказались 80 деревень, в Заманье — 28 селений (Вопросы истории. 2006. №2. С. 106).

Колчаковская «теория» государственного управления (разделение военной и гражданской функций власти под началом единоличного правления) и реальная практика существенно расходились. В телеграмме в адрес генерала Розанова правитель дал «общие указания, как поступать» с мятежным крестьянством: накладывать денежный штраф, а затем проводить конфискацию имущества и земель в пользу тех, кто подавляет восстание. В своих указаниях Колчак не призывал к сожжению деревень, но считал, что во время боев и подавления восстаний подобная мера неизбежна, поэтому приходилось прибегать к данному способу. Практика колчаковского режима опровергла теоретические рассуждения единоличного правителя. Оказалось, что границы разграничения военной и гражданской функций власти не существовало: гражданское управление заменялось военными карательными мерами. Сожжение целых волостей с мирными жителями Колчак объяснял военной целесообразностью: это была, по его оценке, укрепленная база повстанцев, следовательно, она могла быть разрушена и уничтожена как всякое укрепление, чтобы ею не могли воспользоваться впоследствии [2:212].

Примечателен следующий факт. А. Червен-Водали и Н. Волков, направленные в Сибирь Особым совещанием Деникина и Национальным центром кадетов, в беседе с сотрудником колчаковского «Правительственного вестника», опубликованной 2 августа 1919 г. под названием «Политическая жизнь на юге России», заявили: «...Юг России ушел дальше вперед, нежели Сибирь. Сибирь, видимо... не объединилась против большевиков в такой степени, как это достигнуто на юге России». Червен-Водали на приеме у Колчака «указал ему на гибельность его политики» [7:627, 279].

Подобная политика вызывала неприятие со стороны крестьянства в отношении Белой армии. Примечателен следующий факт: после освобождения Екатеринбургской губернии от власти Колчака мобилизация крестьян в Красную армию дала свыше 10 тыс. добровольцев. Аналогичная ситуация сложилась в Тобольской губернии [9:32].

Колчак не смог выдвинуть конкретных лозунгов, близких и понятных народным массам. В итоге у верховного правителя осталась слишком узкая социальная опора, победить с которой в Гражданской войне было невозможно.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА

Провозглашенная единоличная власть Верховного правителя белой России объективно затормозила законотворческий процесс и легитимную возможность для утверждения проектов, разработанных на Юге России. Отнесение решения злободневных крестьянских проблем на неопределенное будущее, связанное с Учредитель-

ным собранием, олицетворяло отказ от конкретной программы настоящего государственного обустройства в крестьянской стране.

Подчинившись воле Верховного правителя⁷, генерал Деникин считал разрешение коренного государственного вопроса — аграрного — выходящим за пределы своей компетенции как командующего Вооруженными силами на Юге России. Необходимость заниматься вопросами, не входившими в военную сферу, вероятно, тяготила командующего. К тому же, по мнению Деникина, обстановка в 1919 г. на Юге России не способствовала проведению в жизнь радикальной аграрной реформы.

Программное письмо Деникина от 23 марта 1919 г. председателю Особого совещания (правительства при командующем), полученное последним 24 марта, содержало противоречивые установки. По сути, основой деникинского послания послужили идеи изложенного выше проекта Всероссийского Национального центра. С одной стороны, объявлялась необходимость обеспечить интересы трудящегося населения, требовалось немедленно принять меры к облегчению перехода земель к малоземельным собственникам и поднятию производительности сельскохозяйственного труда — созданию и укреплению мелких и средних хозяйств за счет казенных и частновладельческих земель. С другой стороны, заявлялось сохранение за прежними собственниками их законных прав на земли. Указанное противоречие предлагалось решить определением для каждой отдельной местности земельной нормы, сохраняемой в руках прежних владельцев, одновременно установить порядок перехода остальной земли к малоземельным. Переход земли к новым собственникам мог совершиться посредством обязательного выкупа земли вне зависимости от формы изменения собственника — путем добровольных соглашений или при помощи принудительного отчуждения. За новыми владельцами земля, не превышающая установленных размеров, закреплялась на правах незыблемой собственности. Отчуждению не подлежали следующие земли: казачьи, наделные, леса, земли производительных сельскохозяйственных предприятий. Деникин декларировал всемерное содействие земледельцам посредством технических улучшений земли (мелиорация), агрономической помощи кредитов, поставок средств производства, снабжения семенами, живым и мертвым инвентарем. Деникинский наказ Особому совещанию заканчивался положением: власть не должна допускать мести и классово-вражды, подчиняя частные интересы «благу государства». «Полное разрешение земельного

---

⁷ 30 мая 1919 г. Деникин признал Колчака в качестве Верховного правителя и Верховного главнокомандующего. Колчак оказывал финансирование ВСЮР Деникина из захваченного в Казани государственного золотого запаса царской России.

вопроса для всей страны» возлагалось в дальнейшем на «законодательные учреждения, через которые русский народ выразит свою волю» [8:5, 20, 38—39; 19: 122—123].

Один из непосредственных участников законотворчества в правительстве Деникина — профессор права К. Н. Соколов⁸ — подчеркивал, что в предписании генерала Деникина по аграрному вопросу основной акцент делался на «сохранении за собственниками их права на земли». Соколов отмечал: «Мы несли таким образом с собой восстановление прав помещиков. «Юридическое» восстановление, подчеркивал всегда генерал Деникин. Это «юридическое восстановление» было нужно, чтобы дать удовлетворение нарушенному праву и обосновать притязания землевладельцев на вознаграждение за последующее отчуждение «юридически» возвращенных им земель. На практике дело иногда доходило до фактического, насильственного восстановления помещиков. В корне пресечь такие злоупотребления можно было бы только открытым и смелым признанием противоправного фактического положения вещей» [10:281].

На основе послания Деникина было подготовлено несколько проектов аграрной реформы: комиссий Колокольцова, Билимовича, Челищева. В проекте Кривошеина определялась цель: безотлагательная разработка мероприятий для удовлетворения интересов широких народных масс и быстрый рост производительных сил страны. В качестве направлений аграрных преобразований предлагались следующие меры: децентрализация земельного дела с учетом особых хозяйственных условий отдельных районов; содействие образованию и развитию мелкой земельной собственности; отмена ограничений в праве распоряжения крестьянскими надельными землями; широкое поощрение добровольных соглашений о переходе земли в крестьянские руки; создание примирительных земельных комиссий; принудительное, за справедливый выкуп, отчуждение земли с учетом государственных интересов. Сам Деникин называл принцип принудительного отчуждения, даже на основе выкупа, как «страшный для многих» [8:21].

Мартовский (1919) приказ Деникина, как первая попытка разрешить противоречие, связанное со свершившимся земельным пере-

---

⁸ Соколов К. Н. (1882—1927) — с 1914 г. профессор кафедры государственного права Петербургского университета. Член конституционно-демократической партии, являлся главным редактором газеты «Речь» — центрального органа кадетской партии, в июне 1918 г. был избран председателем ее ЦК. В августе 1918 г. приехал в Екатеринодар к генералу Деникину, с сентября — член Особого совещания (по декабрь 1919 г.). С января по декабрь 1919 г. — управляющий отделом законов, с марта по декабрь 1919 г. — управляющий отделом пропаганды.

делом, изначально оказалась тупиковой. Во Временном положении об управлении земледелия и землеустройства, утвержденном Деникиным 10 июня 1919 г., указанному подразделению деникинской администрации предписывалось организовать землеустроительное дело на местах в связи с аграрной реформой и переходом земли к малоземельному населению по добровольному соглашению или путем принудительного, за плату, отчуждения земли [3:28]. Фактически получалось, что управление земледелия и устройства обязывалось выполнять данную установку в условиях, когда не было даже документа о начале аграрной реформы.

На практике происходило следующее: на территории, контролируемой белой властью, восстанавливалось право собственности, административные порядки в старых формах. За наступавшими войсками генерала Деникина, продвинувшими в 1919 г. до Тулы, следовали владельцы имений, которые с помощью воинских команд восстанавливали свои имущественные права, сводили личные счета с захватчиками их имений, производили жестокую месть. По откровенному свидетельству генерала Шкуро⁹, «прибытие добровольческой администрации и своры помещиков, спешивших с сердцами, полными мести, в свои разоренные имения», встречалось крестьянством «недоверием и даже ненавистью» [11:235].

Другой легендарный боевой белый генерал Дроздовский¹⁰ в личном дневнике написал: «Страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какую смертельную злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблениям; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло еще время мира и прощения... Что требовать от Туркула¹¹, потерявшего последовательно трех брать-

⁹ *Генерал-лейтенант Шкуро (Шкура) А. Г.* (1886-1947) – казак кубанской станицы Пашковской. В мае 1919 г. был назначен командиром 3-го Кубанского конного корпуса, входившего в состав Добровольческой армии.

¹⁰ *Генерал-майор Дроздовский М. Г.* (1881 – 1919) сформировал в декабре 1917 г. бригаду добровольцев. 25 апреля его отряд после длительного перехода из Ясс захватил Новочеркасск и соединился с Добровольческой армией генерала Деникина. Отряд был переименован в 3-ю дивизию. 31 октября в бою под Ставрополем Дроздовский был ранен, 1 января 1919 г. умер от гангрены в Ростове.

¹¹ *Туркул А. В.* – белый генерал, командир Дроздовской дивизии. Автор воспоминаний: *Туркул А. В. Дроздовцы в огне.* М., 1991.

св, убитых и замученных матросами...? А сколько их таких?» [12:34]. На угрозы со стороны Деникина судом по поводу бесчинств и насилий не обращалось серьезного внимания. Командование белой армии само являлось бывшими собственниками, земли которых подверглись захватам. Генерал Врангель заявил, что Добровольческая армия дискредитировала себя грабежами и насилиями. Идти под добровольческим флагом дальше было нельзя — требовалась другая идея. Врангель упрекал в письме Деникина: «Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска, — такая армия не могла создать Россию...» [13: 150, 258].

Не отрицая фактов произвола, связанных с «возвращающимися помещичьими шарабанами», Деникин позднее неуверенно пытался объяснить, что бедствия деревни ограничивались объективной трудностью проникновения в деревню «шарабанов» вне фронтовой полосы, а также политикой собственного правительства: запрещением самоуправного восстановления собственности, возмещением за незаконные реквизиции, ссудами, предоставленными сельским обществам на обсеменение полей и сбор хлеба, освобождением или отсрочкой мобилизации, нормированием арендной платы за землю и «вообще рядом законодательных актов, подводивших некоторое юридическое обоснование под факт земельного захвата» [13: 160]. Однако вопреки заявлениям Деникина, крестьяне убеждались на собственном опыте, что за деникинским лозунгом о великой, единой и неделимой Россией скрывалась опасность возвращения к прежним порядкам. Для них это означало, в первую очередь, потерю земли, захваченной в ходе революции. Прорекламированная забота о «малоземельных собственниках» не нашла выражения в конкретных практических акциях — осталось неясно, кто подразумевался под малоземельным собственником, вряд ли речь могла идти об основной массе крестьянства.

Секретные информационные сводки отдела пропаганды деникинского правительства (Особого совещания) свидетельствовали о реальной обстановке, связанной с земельным вопросом. 27 августа 1919 г. отдел пропаганды информировал: отношения между крестьянами и крупными землевладельцами «сильно обострены». Поводом конфликтных ситуаций являлась неурегулированность порядка аренды земли: собственники «громadных участков земли» даже не удосуживались явиться в собственные имения, в результате десятки тысяч десятин пахотной земли, сдававшейся прежде в аренду, оставались необработанными [19: 154].

Прежние землевладельцы, возвратившись в свои поместья, нередко предпочитали не выгонять новых пользователей — они устанавливали чрезмерно высокую арендную плату, включая в нее даже предыдущие годы революции и гражданской войны. Временные

нормы использования урожая, составленные Особым совещанием и утвержденные Деникиным в июне 1919 г., были выгодны не столько тем, кто его вырастил и собрал, сколько прежним собственникам. Так называемый «третий сноп» (право собственников на треть урожая за якобы аренду земли), введенный для урожая 1918 г., сохранился и в 1919 г., когда в России вырос отменный урожай. Деникинский закон об урожае, формально оставляя его за посеявшим, установил норму аренды для пользователя земли в форме оплаты собственнику (бывшему помещику) части урожая: в размере $\frac{1}{3}$ выращенного хлеба, $\frac{1}{2}$ трав и $\frac{1}{6}$ корнеплодов. Закон о посевах на следующий 1919—1920 г. вменял в обязанность лиц, «в действительном пользовании коих земля находится», пахать и сеять, обещая «обеспечить интересы засевщиков при сборке урожая». Закон об аренде предоставлял возможность фактическим владельцам земли (захватчикам) продолжать пользование ею в 1920 г. по договору или без договора, но за установленную арендную плату. По определению Деникина, указанные законы белого правительства преследовали тройную цель: обеспечение сельскохозяйственного производства, сохранение принципа собственности и «по возможности меньшее нарушение сложившихся в деревне взаимоотношений» [8:35]. Впоследствии установленные нормы менялись. Применение закона об урожае Деникина в произвольном толковании местной власти еще более возмущало крестьян.

По информации отдела пропаганды Особого совещания, в августе—сентябре 1919 г. крестьянское население было крайне недовольно приказами Деникина о трети урожая в пользу собственников земли, резкими колебаниями арендной платы и отсутствием уровня предельной цены за аренду, возмущалось грабежами и «беззакониями» белогвардейских частей [19: 155—157, 160]. Белое правительство юга России, возглавляемое Деникиным, не помышляло о реальном удовлетворении крестьянства посредством своей земельной политики. В результате тыл деникинской армии сотрясался от волн крестьянских восстаний, как и тыл Белой армии Колчака.

Проект земельного положения в правительстве Деникина появился лишь в начале ноября 1919 г., затем Деникин приказал его опубликовать в печати для обсуждения «широких общественных кругов». Положение, по его оценке, отличалось выверенными юридическими формулировками, которые позволили соблюсти «осторожность и стирание острых углов». Земельное положение Деникина устанавливало в течение двух лет добровольные сделки, по истечении этого срока — принудительное отчуждение земель; определялась норма частных владений (усадеб, лесов, открытых недр и земли): от 150 до 400 десятин; отчужденные земли могли быть проданы исключительно лицам, занимающимся земледельческим трудом, преимущественно местным; максимальные нормы для по-

купающих землю были установлены от 9 до 45 десятин (8:37). Однако утверждать земельное положение, тем более обсуждать его было поздно: армия Деникина катилась к разгрому.

15 декабря 1919 г. появился запоздалый и радикальный по духу наказ Деникина Особому совещанию, в котором излагалась основная программа политики главнокомандующего. Правительству приказывалось «принять в основание своей деятельности» такие положения: Единая, Великая, Неделимая Россия; военная диктатура как режим правления, участие политических партий «отметать», любое противодействие власти справа и слева — карать. Вопрос о форме правления объявлялся делом будущего, когда «русский народ создаст Верховную власть без давления и без навязывания». В области внутренней политики поручалось продолжать разработку аграрного закона в духе декларации командующего, а также закона о земстве. Бунты, дезертирство подлежали наказанию суровыми мерами, в данном случае смертная казнь называлась как «наиболее соответственное наказание». Предлагалось «оздоровить» фронт и войсковой тыл назначением доверенных генералов с большими полномочиями, полевым судом и применением репрессий [13: 174—175].

Однако 16 января 1920 г. на заседании Верховного Круга Дона, Кубани и Терека в Екатеринодаре Деникин был вынужден существенно смягчить собственные требования. Наряду с положениями о Единой, Великой и Неделимой России, всероссийском Учредительном собрании, призванном в будущем установить форму правления в стране, ему пришлось учесть справедливость требований аграрного населения: в речи на заседании Круга Деникин признал лозунг «Земля — крестьянам и трудовому казачеству», а также право «широкой автономии» казачьих областей. Тем не менее на данном заседании главнокомандующий ВСЮР был подвергнут серьезной критике со стороны руководства казачьего Круга. Они утверждали, что лозунг — земля должна принадлежать трудовому народу и казачеству — должен был написан на знамени борьбы с большевиками еще в самом начале борьбы; лозунг об Учредительном собрании также требовалось провозгласить в самом начале борьбы. Белые атаманы доказывали Деникину: установлением диктатуры большевиков не победить [13:206—208].

4 января 1920 г. Колчак указом сложил с себя полномочия Верховного правителя и передал верховную всероссийскую власть Деникину. Однако разгром ВСЮР осенью 1919 г. — зимой 1920 г., завершившийся новороссийской эвакуацией («новороссийская катастрофа») в Крым в марте 1920 г., подвел итог неудавшейся попытке генерала Деникина реализовать свою аграрную программу, а также его командование — закончился период антибольшевистской войны белых сил в государственном масштабе. Идеи единой

всероссийской власти и единоначалия Верховного правителя, ориентированные на объединение всех антибольшевистских сил под одной властью, завели лидеров Белого движения в тупик.

ПОХОДНОЕ ЗАКОПОТВОРЧЕСТВО БЕЛОЙ АРМИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Правительство Белой армии на Северо-Западе, как и правительство ВСЮР, не спешило удовлетворять крестьянские желания. Более того, были изданы приказы, фактически объявившие о восстановлении прежних дореволюционных порядков, что отвернуло население северо-западных областей от белой власти. Командующий белогвардейским корпусом на Северо-Западе генерал А. П. Родзянко¹² издал приказы 17 и 19 июня 1919 г. (№ 12 и № 13 соответственно), подготовленные начальником военно-гражданского управления полковником Хомутовым.

Лозунг, на который ориентировался Родзянко — «Против большевиков без политики» — не мог удовлетворить крестьянина, своим прагматичным умом верившего лишь правде жизни. На занятых белыми территориях Петроградской и Псковской губерний делались попытки восстановить деятельность земских учреждений на основе положения, изданного Временным правительством в 1917 г. Однако командование Родзянко являлось сторонником жесткой военной диктатуры.

Приказ № 12 определял порядок использования живого и мертвого инвентаря сельских хозяйств. Данным приказом требовалось возвратить все движимое имущество, перешедшее от одних лиц к другим за время революции, прежнему владельцу: «Всем лицам, захватившим самовольно и незаконно, или получившим от большевистских (коммунистических) властей чужое движимое имущество... вменяется в обязанность в течение десяти дней со дня опубликования сего постановления вернуть таковое имущество собственникам или владельцам». За невыполнение приказа следовала угроза военным судом. Однако установленного срока было недостаточно не только для решения самого вопроса, но даже для доведения приказа до населения.

Приказ № 13 «О временном пользовании землею» требовал вер-

---

¹²Родзянко А. П. (1879—1970) — племянник председателя Государственной Думы 3-го и 4-го созывов. В составе белой Северной армии (переименованной в июле 1919 г. в Северо-Западную) командовал Отдельным корпусом, затем стал командующим армии. После назначения Юденича главнокомандующим стал его помощником. 23 ноября 1919 г. был направлен в Англию с дипломатической миссией. Всю оставшуюся жизнь (скончался на 92-м году жизни) провел в эмиграции.

нуть землю «прежнему владельцу» — фактически восстанавливалось старое помещичье землевладение. Окончательное решение земельного вопроса относилось к компетенции Российского Всенародного собрания. Создатели приказа № 13 недвусмысленно, с военной прямолинейностью заявили, что в местностях, занятых белыми войсками, власть должны получить прежние ее владельцы (помещики, крупные земельные собственники, церковь, монастыри). Они имели право на получение оплаты за аренду земли (п. 3 приказа), арендная плата за урожай на обработанных и занятых землях в 1919 г. распространялась на всех «граждан» (п. 1). Пункт 4-й приказа возвращал прежнему владельцу усадьбу, то есть жилой дом с хозяйственными постройками, садом и огородом. Согласно пункту 8 покосы также возвращались прежнему собственнику [14:288—290].

Таким образом, на основании приказов № 12 и 13 генерала Родзянко частный владелец полностью восстанавливал свои дореволюционные права: он имел право получить обратно живой и мертвый сельскохозяйственный инвентарь, за пахотную землю получал аренду (захваченные земли были обработаны и засеяны крестьянами), усадьба поступала в его полное распоряжение, непахотными угодьями он распоряжался по собственному усмотрению (по желанию мог сдать в аренду). Особую ценность в Северо-Западной области имели покосные угодья: без покоса крестьяне ничего не могли сделать с пашней, так как земля требовала обильного удобрения. Поэтому крестьяне вновь попадали в кабалу к помещикам.

Возрождением частновладельческого землевладения, однако, содержание указанных приказов не ограничивалось. Суть новых приказов заключалась в следующем: загнать мужика в прежние рамки крестьянских наделов. Пункты 5 и 6 объявили недействительными все произведенные переделы и запрещали переделы на будущее. Отмена переверстки порождала напряжение в крестьянской среде, внутри деревни, ломала весь севооборот.

В дополнение к приказам № 12 и 13 белое командование издало приказ № 19 от 28 июня 1919 г., в соответствии с которым все леса, в том числе и бывшие надельные, относились к ведению военно-гражданского управления армии, с крестьян устанавливались сборы за выпас скота в лесу, за собиранье грибов, ягод, мха [14: 314].

Практика применения белогвардейских приказов дала плачевные результаты. В командовании армии, в тыловых частях было немало бывших помещиков, заинтересованных в реставрации прежних порядков — ликвидации всех крестьянских захватов, происшедших во время революции. Еще больше прежних владельцев двигалось вслед за армией. Наиболее ретивые из бывших частных владельцев стали требовать немедленной передачи бывших имений по принадлежности, выдворения из имений крестьян и батраков со всем их

сельскохозяйственным скарбом. Все без исключения частные владельцы пожелали получить аренду за пахотные, выгонные и покосные земли. Многие стали добиваться аренды не только вперед за 1919—1920 г., но также за годы революции, когда никаких уплат не производилось [14:290].

Генерал Н. Н. Юденич¹³, назначенный указом Верховного правителя белой России адмирала Колчака командующим Северо-Западной армией, отменил наиболее одиозный приказ Родзянко № 13 «О временном праве пользования землею». Разработкой земельной политики созданного при Юдениче правительства¹⁴ (которое финансировалось Колчаком из государственного запаса) занимался министр земледелия П. А. Богданов, который резко критически относился к законотворчеству прежнего военного командования, называя приказы № 12 и 13 генерала Родзянко не иначе, как «вредными». В соответствии с установками Верховного правителя Колчака в декларации Северо-Западного правительства Юденича провозглашалось: «Земельный вопрос будет решен, согласно с волей трудового земледельческого населения, в Учредительном собрании. Впредь до решения последнего земля остается за земледельческим населением и сделки купли и продажи на внегородские земли воспрещаются, за исключением особо важных случаев и с особого разрешения правительства» [14: 315]. В духе данной декларации был составлен проект Богданова, утвержденный 18 октября 1919 г. в следующей редакции: «Впредь до особых распоряжений правительства Северо-Западной области России, в освобожденных сельских местностях по земельному вопросу применяются следующие положения:

1) Органы административной власти на местах не входят в рассмотрение каких бы то ни было споров и тяжб о праве собственности и владения внегородскими землями сельскохозяйственного значения.

---

¹³ Юденич Н. Н. (1862—1933) — генерал от инфантерии, участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1915—1917 гг. — командующий Кавказской армией и главнокомандующий войсками Кавказского фронта. Осенью 1918 г. эмигрировал в Финляндию, затем в Эстонию. Руководитель весенне-летнего наступления 1919 г. белогвардейских войск на Петроград. 10 июня 1919 г. назначен Колчаком главнокомандующим белогвардейскими войсками на Северо-Западе России. После разгрома армии в ноябре 1919 г. отступил в Эстонию, затем уехал в Англию. Писатель Александр Куприн характеризовал Юденича как доблестного, храброго солдата, честного человека и хорошего военачальника, но не имевшего так требовавшихся от него способностей к политической деятельности.

¹⁴ Пропагандой, которая должна была обеспечить доведение земельного проекта до населения, в армии Юденича ведал бывший Донской атаман П. Н. Краснов.

2) Никто не имеет права со дня прихода белых войск самовольно захватывать земли или, наоборот, восстанавливать свое нарушенное прежнее владение под страхом наказания по всей строгости законов военного времени и немедленного принудительного восстановления фактического положения, предшествовавшего допущенному самоуправству.

3) Службы и пр. помещения, живой и мертвый инвентарь (скот, лошади, сельскохозяйственные машины и орудия и т. п.) продолжают оставаться в распоряжении тех лиц, которые владели ими до последнего момента прихода белых войск.

4) Из лесов, как частновладельческих, так казенных и прочих, кроме наделных, образуется особый лесной фонд, который поступает в распоряжение министерства земледелия Северо-Западной области России, согласно приказу от 28 июня 1919 года за № 19.

5) Так называемые советские хозяйства, а также коммуны и коллективы, кои к приходу белых войск окажутся бесхозяйными, показательные хозяйства и поля, племенные рассадники, питомники плодовых деревьев и прочие агрикультурные предприятия прежней советской власти переходят полностью в распоряжение земельных отделов или уездных земств на местах.

6) Использование настоящего постановления возлагается на земельные отделы, а где таковых не имеется, впредь до их возникновения, на волостные и уездные земства» (14:315—316).

Как и в случае с армией Деникина, земельный проект на Северо-Западе ожидала печальная участь: белогвардейская армия Юденича в походе на Петроград в ноябре 1919 г. потерпела поражение, ее остатки отступили в Эстонию.

АГРАРНАЯ РЕФОРМА ВРАНГЕЛЯ: ЗАПОЗДАЛАЯ ПОПЫТКА

Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель¹⁵, последний главком Белого движения, проявил себя в качестве резкого критика деникинской политики (соответственно и Колчака как Вер-

---

¹⁵Врангель П. Н. (1878 г.) — генерал-лейтенант, барон, происходил из потомственных дворян Петербургской губернии, потомков обрусевших шведов. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию генерала Деникина. Начальник 1-й конной дивизии, в ноябре был назначен командиром 1-го конного корпуса, с января 1919 г. — командующий Кавказской Добровольческой армией, с 8 мая — Кавказской армией, с 22 ноября по 21 декабря 1920 г. — Добровольческой армией. 22 марта 1920 г. ушедшим в отставку Деникиным был назначен главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России (с 28 апреля — Русская армия). В ноябре 1920 г. во главе остатков армии эвакуировался в Турцию.

ховного правителя), подчеркивая просчеты генерала Деникина. Главная ошибка последнего, по оценке Врангеля, заключалась в том, что земельный вопрос как «гордиев узел» лишь бесконечно обсуждался в комиссиях деникинского правительства, но сам Деникин так и не решился на земельную реформу. Несостоятельная политика Деникина, по определению Врангеля, являлась, по аналогии с армией, «добровольческой». «Надо думать, — писал позднее Врангель, — будь эти условия сближения дела армии с желаниями крестьянства налицо в те дни, когда русская армия победоносно шла к Москве и освобождена была уже от красного ига половина русской земли, общий ход белого Движения был бы иной... И как знать, может быть, дни Советской власти были бы сочтены!» [15:32, 66, 95].

Аналогичную оценку высказывал также председатель Таврической губернской земской управы князь В. А. Оболенский. Попытка Врангеля «круто повернуть курс политики» южно-русской власти в земельном вопросе, хоть и запоздалой, земский правитель придавал масштабное значение: «...Если бы земельный закон, хотя бы в том виде, в каком он был издан генералом Врангелем 25 мая 1920 года, был издан генералом Деникиным 25 мая 1918 года, результаты гражданской войны были бы совсем другие. Если без земельного закона, в атмосфере ненависти всей крестьянской массы, Добровольческая армия при помощи английских пушек и танков докатилась до Орла и Брянска, то с земельным законом, который привлек бы крестьянские массы на ее сторону, она наверное дошла бы до Москвы» [16:371].

Объявленный правителем России, Врангель предпринял попытку привлечь на сторону белой Русской армии российское крестьянство. Для этого он предложил собственный вариант решения земельного вопроса, имевшего «исключительное психологическое значение»: в рядах обеих противоборствующих сторон сражались мобилизованные крестьяне.

Для опоры власти на широкие крестьянские массы, по словам Врангеля, главному оплоту русской государственности и армии, нужен был ясный и твердый закон о земле, отвечающий желаниям и чаяниям крестьянства.

Врангелевский закон о земле декларировал решительный поворот в земельной политике южно-русской власти, которая стала искать опору в крестьянстве, преимущественно в средних и зажиточных его слоях.

Цель аграрной реформы виделась Врангелю в том, чтобы «наибольшее количество земли могло бы быть использовано на правах частной собственности теми, кто в эту землю вложил свой труд». Крупное землевладение признавалось отжившим свой век, будущность России отдавалась крестьянину-собственнику. Врангель отдал приказ

об образовании в Симферополе комиссии по разработке земельного вопроса под председательством Г. В. Глинки¹⁶. Комиссии были предложены Врангелем «руководящие начала»: вся пригодная к обработке земельная площадь должна быть полностью использована; землей должно владеть на правах установленной частной собственности возможно большее число лиц, способных вкладывать в нее свой труд; государство определялось в качестве посредника для расчетов между землевладельцами; все наделяемые землей землепашцы должны получить ее в законном порядке — в собственность за выкуп; создать для осуществления реформы на местах органы земского самоуправления и привлечь к участию в них самих крестьян [15:56—58, 66, 72, 75]. На спех собранную комиссию Глинки составили представители различных политических взглядов — от консервативных до кадетских и правозерсовских¹⁷.

20 мая 1920 г. было обнародовано воззвание Врангеля «к русским людям», в котором заявлялась цель: борьба за то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую им землю, занялся бы мирным трудом; чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина. Приказ «правителя и главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России», подписанный в тот же день, 20 мая, призвал русский народ на помощь белой армии.

Дух приказа содержался в лозунге: «Народу — земля и воля в устроении государства». Объявлялось о подписании закона о волостном земстве¹⁸ и восстановлении земских учреждений в занимаемых армией областях; о передаче казенной и частновладельческой земли сельскохозяйственного пользования распоряжением самих волостных земств обрабатывающим ее хозяевам.

Как и в воззвании, провозглашалось: «Земле — волею народа по-

---

¹⁶ Глинка Г. В. — в 1908—1915 гг. — начальник Переселенческого управления, товарищ министра земледелия, тайный советник, активно проводил аграрную реформу П. А. Столыпина, с 1915 г. — главноуполномоченный по снабжению армии продовольствием, с 1916 г. — сенатор. С июня 1920 г. — начальник управления земледелия и землеустройства в правительстве Врангеля.

¹⁷ Большая часть комиссии врангелевскую идею не разделяла, считая время для проведения земельной реформы неподходящим и рекомендовала отложить ее до окончания войны. Первоначальный проект комиссии Глинки, в котором основные мероприятия реформы были приурочены к будущей весне, Врангелем был отвергнут.

¹⁸ На самом деле приказ Врангеля о волостном земстве был подписан позднее — 15 июля 1920 г. Утвержденное 25 мая Временное положение о земельных учреждениях (приложение к Приказу о земле) лишь предусматривало передачу волостным земствам, когда они будут созданы, функции волостных земельных советов.

ставленный Хозяин»¹⁹. Обращение было обнародовано 25 мая — ко времени издания приказа о земле [15: 99, 118].

В качестве председателя врангелевского «Правительства Юга России» был привлечен прибывший в мае из Парижа А. В. Кривошеин, ближайший помощник Столыпина в проведении аграрной реформы²⁰. Кривошеин и Глинка, основные творцы врангелевской реформы, на основе собственного опыта создания слоя «столыпинских крестьян» изначально ориентировались на зажиточное крестьянство («трудовое, но крепкое земле крестьянство»): организовать, сплотить и привлечь крепких сельских хозяев к охране государственности.

По характеристике члена комиссии по разработке земельной реформы В. А. Оболенского, Кривошеин был «человек, искренне и горячо любящий Россию». Это был «человек большого ума, лучше многих понимавший всю глубину происходивших в русской жизни изменений и ясно представлявший себе, что возврата к прошлому нет. Но... он все-таки был плоть от плоти бюрократии старого режима. Головой он понимал, что нужны новые методы управления, в смысле упрощения административного аппарата, предоставления больших прав самоуправления, демократизации отношения власти к населению и т. п. Но долгая бюрократическая служба создала в нем известные привычки и связи с определенным кругом людей» [16: 380—381].

Врангель особо подчеркивал важность психологического воздействия на крестьянские массы, чтобы вырвать из рук красных главное орудие пропаганды против Белой армии и Белого движения: цель белых — восстановление помещичьих прав на землю и месть за их нарушение [15: 75]. Таким образом, повторялись уста-

---

¹⁹С термином «Хозяин» произошел казус: появилась трактовка с намеком на личные претензии главкома. Врангелю пришлось опровергать слухи по данному поводу и давать разъяснения, что под «хозяином» он подразумевал русский народ и его подлинных представителей, которые должны решить будущую судьбу России. Однако данное объяснение оказалось неубедительно: стало очевидным, что амбициозный и честолюбивый боевой генерал, монархические симпатии которого были хорошо известны, невольно проговорился (16:375).

²⁰Кривошеин А. В. (1857—1921) — окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1896 г. — помощник начальника, с 1902 г. — начальник Переселенческого управления. С 1908 г. по 1915 г. — министр земледелия, член Государственного совета и Совета министров, статс-секретарь. С октября 1918 г. по 1920 г. — товарищ председателя монархо-октябристского «Совета государственного объединения России». С ноября 1919 г. — начальник управления снабжения ВСЮР, с 6 июня 1920 г. — помощник главкома Русской армии генерала Врангеля по гражданской части, председатель «Правительства Юга России».

новки столыпинской реформы, направленные на преодоление отжившего помещичьего землевладения и создание условий для развития капиталистических по содержанию отношений в деревне.

Кривошеин настоял на придании, по его оценке, несовершенному закону, созданному в спешном порядке в условиях гражданской войны, особой формы Приказа о земле, а посреднические земельные комиссии посоветовал назвать земельными советами. 25 мая 1920 года был обнародован Приказ о земле и приложений к нему — Правил о передаче распоряжением правительства казенных государственных, земельного банка и частновладельческих земель сельскохозяйственного пользования в собственность обрабатывающих землю хозяев, Временного положения о земельных учреждениях. Правительственное сообщение по земельному вопросу разъясняло условия и причины издания земельного закона, его содержание и значение. Придавая земельному вопросу «исключительное значение для войск и населения», Врангель решил приурочить обнародование Приказа о земле к началу наступления войск. Он требовал принять меры к широкому ознакомлению крестьянства с Приказом о земле. Оценка приказа выражалась в следующих словах главкома: «Армия должна нести крестьянам землю на штыках — вот психологическое значение приказа» [15: 115, 172].

Амбиции правителя государством (в реальности — осколком бывшей Российской империи) подвигли Врангеля придать указанным законам легитимный характер. С этой целью Приказ о земле, Правила и Временное положение были обнародованы указом так называемого Правительствующего Сената²¹ — по сути, декоративного органа, заседавшего в то время в Ялте. Указ Сената объявил: «Приказ правителя, облеченного всею полнотою власти, передает землю трудящимся хозяевам в вечную наследственную собственность, но не даром, а за выплату государству стоимости ее для расчетов с собственниками отчуждаемых земель.

Такой путь перехода, распределения и укрепления земельных угодий отвечает правовым понятиям народа и соответствует историческому развитию земельного законодательства Верховной властью.

Отныне в деревне должен установиться твердый земельный порядок и хозяйственная обеспеченность жизни трудящихся на земле, а самый закон будет осуществляться при ближайшем участии сельских хозяев, под высшим контролем правителя и главнокомандующего.

²¹ В Белом движении торжественное открытие Правительствующего Сената было проведено Верховным правителем Колчаком 29 января 1919 г. в зале судебных заседаний Омской судебной палаты. В речи на открытии сената Колчак заявил, что отныне, с восстановлением Правительствующего Сената, «идея правового государства торжествует в освобожденной [от большевиков] стране» [7:608].

Закон земельный направлен к общему благу государства, и на нем будет строиться экономическая мощь России.

Споры, неудовольствия, раздоры вокруг земельного вопроса должны смолкнуть. Каждый верный сын нашей многострадальной Родины не из-за страха, а по долгу совести обязан отдать свои силы и знания и поступиться своими личными интересами, всемерно помогая правителю и главнокомандующему в скорейшем и наилучшем осуществлении закона о земле» [15:77].

Основные положения текста Приказа о земле сводились к следующему. Пахотные, сенокосные и выпасные угодья казенных имений и Государственного земельного банка и все излишки частновладельческих имений, превосходящих установленные размеры неприкосновенно сохраняемого за каждым хозяином владения, передавались трудящимся на земле хозяевам. Размеры участков, сохраняемых за собственниками, определялись для каждой волости местными земельными советами, но подлежали утверждению высшей правительственной властью. Исключение делалось для имений (в которых советскими властями были созданы совхозы), а также для культурных и промышленных хозяйств, имеющих государственное или краевое значение. Имения переходили во временное распоряжение правительства, которое могло передаваться в пользование казенным учреждениям или местному волостному земству, с обязательством сохранения в них примерно го хозяйствования. В имениях подлежали передаче сельским хозяевам арендный фонд, а также все угодья, которые признавались излишними для имений как хозяйственных единиц. В имениях, на базе которых советская власть организовала коммуны, последние подлежали немедленной ликвидации, после выделения участков для собственников они поступали в распоряжение волостных земельных советов. Последние учреждали в бывших имениях особые управления или передавали земли новым сельским хозяевам. Усадебная земля, передаваемая хозяевам и арендаторам вместе с усадебной недвижимостью, объявлялась неприкосновенной и не подлежащей отчуждению.

Казенные леса сохранялись в распоряжении казны, а частновладельческие поступали в распоряжение лесных правительственных управлений. Местное население имело право получать из частновладельческих лесов топливо и строительные материалы по мере действительной потребности в них, проводить разработку леса с целью увеличения в необходимых случаях сельскохозяйственной площади за счет лесных площадей.

Часть земельных угодий не подлежала отчуждению и сохранялась в неприкосновенности за их собственниками: надельные участки; земли, приобретенные при содействии Крестьянского банка по установленным нормам; земли, выделенные на хутора и отруба по

землеустроительным правилам; земли, отведенные в надел для церквей и монастырей; участки, принадлежащие сельскохозяйственным опытным, учебным и ученым учреждениям; земли, предназначенные для культурно-просветительных поселков или для поселения на них воинов белой армии; усадебные, огородные земли, а также занятые искусственными насаждениями, поливными посевами и ценными культурами или садами, вне зависимости от принадлежности и размера; под мельницами, фабриками, заводами и другими постройками промышленного характера в размере, необходимом для их работы²². В результате применения изложенного положения захваченные крестьянами земли подлежали законному возврату прежним владельцам.

Земельная реформа декларировала идею укрепления права бессословной частной земельной собственности. Для реализации данной идеи допускалось изменение собственников. Общегосударственные интересы объявлялись приоритетными в отношении права частной собственности граждан. Преобразуемый земельный строй ориентировался на укрепление связи землевладельца-хозяина с его землей: полное право собственника владеть и пользоваться и распоряжаться землей, иметь право на обособленное выделение своего участка [15:77—80].

Врангелевская реформа во многих своих положениях походила на столыпинскую. Однако, в отличие от Столыпина, отменившего выкупные платежи, Врангель сделал выкуп одной из ключевых основ своей земельной реформы: его государство нуждалось в материальных средствах, которые, по задумке организаторов, можно было получить за счет реформы. Основные поступления предполагалось получить в виде зерна, которое можно было отправить судами на экспорт в обмен на валюту. Армия и население Крыма также нуждались в обеспечении продовольствием и обмундированием. Врангель неоднократно подчеркивал, что зерно — единственный источник вывоза за рубеж и получения валюты для содержания и снабжения армии [15:245, 284].

Приказ о земле установил: все земли, подлежащие передаче хозяевам, укрепляются за ними в полную собственность, но не безвозмездно, а при условии выплаты государству их стоимости в различных формах. Право собственности на недра земли сохранялось за прежними владельцами, впредь до разрешения данного вопроса общероссийской государственной властью. Нетрудно догадаться, что прежним собственником недр являлось государство.

Отказ от нормативных ограничений сверху объяснялся возможностью сохранения на местах различных размеров хозяйств, если

²² Приказ о земле был дополнен позднее положениями, изложенными в приказах Врангеля от 2 и 3 октября 1920 г.

по местным условиям и по желанию местных жителей подобное распределение земель будет отвечать интересам земского мира и эффективности хозяйственного строя. Не требовалось ограничивать отдельный отрубной участок каждому хозяину, за которым закреплялась земля — считалось, что это потребует огромного количества землемеров и замедлит реализацию реформы (таким образом власть стремилась максимально сократить расходы на проведение реформы — средств у Врангеля не хватало). Поэтому предлагалось общее правило: производить немедленный отвод земли группам хозяев, откладывая окончательное землеустройство на последующее время. При этом оговаривалось, что земля должна отводиться непременно в личную, а не общую или общинную собственность: в одной общей площади участка для группы хозяев должно определяться, сколько земли принадлежит каждому хозяину (его доля), с правом производить выделение. Немедленное выделение отрубных участков отдельным хозяевам признавалось в тех случаях, когда это возможно по техническим условиям или необходимо в силу особых причин. Участки требовалось отводить с соблюдением основных правил землеустройства: владельцу — ближе к его усадьбе, а отдельным группам хозяев так, чтобы их участки не были чересполосны с другими отведенными участками и не препятствовали бы землеустройству на остальных землях имения, еще не распределенных между хозяевами.

Право выбора новых хозяев — собственников земли, определение предельного размера закрепляемых участков предоставлялось уездным земельным советам. Состав последних должен был формироваться из местных крестьян-хозяев — «хозяйственного элемента крестьянства... сообразно местным же потребностям хозяйственной жизни». Приказ о земле дал на это общие указания, подлежащие обязательному исполнению: определение требований, которым должны соответствовать хозяева при укреплении за ними земель (подданство, несудимость, личный труд на земле, технические познания в земледелии, аренда земли, проживание в имении и т. п.); категорический запрет на укрепление земли за дезертирами и уклоняющимися от воинской повинности; преимущественное право на укрепление участков для хозяев, имевших на них собственную усадебную недвижимость и хозяйство или использовавших землю в форме аренды; земли в каждой волости предоставлялись в первую очередь для постоянных жителей волости²³ (по признаку постоянного проживания и ведения на них хозяйства, а не формальной приписки к волости), из числа фактических хозяев-земледельцев. Лишь после обеспечения постоянных хозяев сво-

²³ Данное требование лишало права на землю целую группу сельских жителей — так называемых иногородних на казачьих землях.

бодные остатки земли могли быть использованы для пришлого земледельческого населения; волостные земельные советы обязывались с особым вниманием учитывать права на землю воинов белой армии, защищать их интересы и предоставлять им и их семьям преимущественное право на укрепление земли; установление предельного размера фактического землевладения, закрепляемого за отдельными хозяевами. Фактическое владение хозяев, превышающее размер установленных для данной местности норм, не подлежало сокращению. Приведенные обязательные для местных земельных советов «руководящие указания» врангелевской власти не оставляли иллюзий по поводу того, в чьих интересах проводилась земельная реформа и кому она была поручена на местах. Создавая опору в лице крепких сельских хозяев, Врангель стремился не обидеть прежних землевладельцев²⁵. Неслучайно, вероятно, что разрешение ряда важнейших вопросов для основной массы земледельческого населения было отнесено к частным — о них просто забыли из-за «спешности». К числу таких вопросов относилось, например, определение размеров и порядка взимания аренды и «скопщины»²⁶ за урожай 1920 г. на мелких земельных участках.

Приказ о земле отвергал идею всеобщего наделения землей, не допускалась бесплатная раздача земли. Никаких обещаний не давалось об обеспечении землей всех желающих, о возможности сделать земельными собственниками и сельскими хозяевами деревенскую бедноту. Отвергалась мысль об уравнительном землепользовании в масштабе всероссийского земельного передела — все сводилось к упорядочению землепользования местной властью в пределах своей волости. Местный характер землеустройства противопоставлялся широким планам «неосуществимого общего передела земель всего государства между всеми, для чего потребовалось бы принудительное расселение и переселение широких масс земледельческого населения с севера на юг и с запада на восток на пространстве шестой части вселенной». Таким образом, приказ Врангеля подчеркнуто высмеивал политику большевиков, основанную на широких и заведомо невыполнимых обещаниях всему трудовому народу.

Врангель стремился в выгодном для себя свете, как государственного правителя, противопоставить собственную программу от «всяких программ советского землеустройства», подчеркивая ее «существенное отличие» от последних — новые собственники обязаны вносить в казну выкуп на установленных законных основаниях. Вы-

²⁵ В первоначальном проекте комиссии Глиники устанавливалось право землевладельцев оставить себе в качестве неотчуждаемой земли участок до 200 десятин.

²⁶ Арендная плата собственнику зерном с «копны».

куп определялся следующими требованиями: полная оплата государству стоимости каждой десятины полезной земли, без различия — пахотной, сенокосной или выпасной; оплатой признавалась сдача в государственный запас хлеба в зерне, преобладающего в местности посева (ржи или пшеницы), в количестве пятикратного за последние десять лет урожая этого хлеба с казенной десятины²⁷; размеры среднего за последние десять лет урожая с десятины для каждого уезда или волости выяснялись уездными земельными советами и представлялись на утверждение совета при главнокомандующем; количество хлеба, определенное в оплату отчуждаемых участков, должно было вноситься новыми собственниками в течение 25 лет ежегодно равными частями, составляющими на каждую десятину одну пятую часть среднего урожая; плательщику предоставлялось право досрочно произвести полную оплату стоимости всего или части закрепленного за ним участка земли взносом хлеба или его денежной стоимости по рыночным ценам; по ходатайствам плательщиков правительству предоставлялось право заменять годовые хлебные платежи деньгами по рыночной стоимости хлеба к сроку платежа [15:80—83]. Стремление получить дивиденды от проведения реформы, одновременно также рассчитаться с прежними собственниками земли за счет выкупных платежей и удовлетворить их требования, напоминает механизм организации александровской земельной реформы 1861 г. Реформа Врангеля—Кривошеина—Глинки являла по своему содержанию симбиоз столыпинской реформы и реформы Александра II.

Сельские хозяева, в пользовании которых находилась земля, облагались выкупными сборами хлебом или деньгами в казну еще до ее укрепления в собственность, это правило распространялось во всех занятых Русской армией местностях, затем продолжали вносить сборы в установленном размере впредь до уплаты государству полной стоимости укрепленных участков. В случае невнесения сборов в срок участки неисправных плательщиков, неукрепленные в собственность и укрепленные, подлежали передаче распоряжением волостных земельных советов другим лицам, с правом укрепления за ними этих участков.

Проведению земельной реформы благоприятствовало важное обстоятельство — низкая рыночная стоимость земли: крепкий крестьянин мог позволить себе приобрести земельный участок по дешевой цене. Нередко зажиточные крестьяне предпочитали покупать у владельцев земельные участки за обесцененные и ненадежные деньги, чтобы освободиться от выкупных платежей.

Земельная реформа Врангеля вводила своеобразную разверстку. Отдельными приказами были установлены порядок сбора хлеба, места

²⁷ Средний ежегодный урожай с десятины умножался на пять. Производство, выраженное в пудах, являлось стоимостью выкупа.

и сроки ссыпки, определение количества ссыпанного зерна и разрешение вопросов об условиях замены зерна денежными сборами. Однако установленные в Приказе о земле нормы сборов за землю пришлось корректировать в сторону сокращения. Приказом от 26 июля 1920 г. о взносе денежных и хлебных платежей за землю на 1920 год устанавливалось: взносы должны производиться с посевной десятины (ранее определялась оплата с круговой десятины), в размере не свыше одной пятой фактического в текущем году урожая (вместо среднего за последние десять лет), к тому же видом зерна, который был засеян и собран (Приказ о земле требовал оплаты рожью или пшеницей); сборы должны были поступить владельцам имений (при их наличии), во всех остальных случаях — непосредственно в казну; взносы «скопщины» и денежные платежи зачислялись в качестве первого платежа государству в счет выкупной стоимости земли, окончательный расчет за которую с бывшими собственниками государство принимало на себя.

Врангель не мог отказаться от услуг состоятельных собственников, связанных со сбором зерна и доставкой его собственным транспортом по месту назначения. Специального аппарата для проведения реформы у Врангеля не было: на это не было ни времени, ни средств. Сбор, устройство помещения для ссыпки хлеба и хранения пятой части урожая, вносимой в казну натурой, возложены были на волостные сельские правления под наблюдением начальников уездов (приказ от 26 июня 1920 г., распоряжение управления земледелия и землеустройства от 10 июля).

Текст Приказа о земле содержал поручение управлению финансов правительства Врангеля в срочном порядке разработать и представить на утверждение главнокомандующего «предположения об основаниях, порядке и сроках окончательного расчета государства с собственниками отчуждаемых земель».

Предложения сводились к выдаче собственникам отчуждаемых земель свидетельств на право получения через 25 лет стоимости трех урожаев с уплатой в виде процентов ежегодно одной двадцать пятой от трех урожаев, или 4 процентов годовых. Остальные два урожая, взимаемые с новых владельцев земли, предполагалось считать процентом роста за рассроченные на 25 лет взносы зерна. При этом три урожая должны были исчисляться не со всей площади земли, как ранее было установлено Приказом о земле для новых владельцев земель, а лишь с пахотной земли с соответствующим понижением платы за сенокосы и выпасы²⁸.

Установленные с учетом интересов бывших собственников, вы-

²⁸ Утверждение предложений о расчете государства с собственниками отчуждаемых не состоялось вследствие разгрома армии Врангеля и эвакуации из Крыма.

купные платежи были велики: одна пятая урожая с десятины превращалась при трехпольной системе в три десятых с десятины посевов, а при распространенной в Крыму залежной системе — в половину, а то и более. Бывших помещиков и собственников земель волновал вопрос о цене за отчуждаемую у них землю. Форма оплаты имела существенное значение: в то время рыночная стоимость земли была крайне низка, земля являлась дешевым товаром — в Крыму она покупалась за бесценок. Поэтому актуальным являлось требование собственников отчуждаемых земель о нерыночной их оценке и натуральной форме оплаты.

Согласно Приказу о земле право собственности новых владельцев оформлялось в два этапа — аналогичный подход предусматривало Положение 19 февраля 1861 г. Вначале хозяевам, за которыми закреплялись земли, выдавались выписки из постановлений уездных земельных советов об утверждении представленных волостными земельными советами проектов закрепления. Данные документы, подобно уставным грамотам 1861 г., служили для новых собственников актами на право владения землей впредь до уплаты государству полной стоимости земель. После окончательной выплаты должен был наступить второй этап оформления собственности: выданные ранее выписки подлежали замене основанными на этих актах крепостными «бумагами».

Порядок проведения в жизнь Приказа о земле, по задумке его разработчиков, был установлен с расчетом, чтобы немедленно прекратить самовольную расправу с «захватчиками», в то же время предотвратить всякие новые земельные захваты. Осуществление реформы ориентировалось на минимально допустимое разрушение сельскохозяйственного производства, без разорения существующих хозяйств и сокращения их сельскохозяйственной производительности. С этой целью 1-й статьей Приказа о земле устанавливалось правило: в районах, контролируемых Русской армией, «всякое владение землею сельскохозяйственного пользования независимо от того, на каком праве оно основано и в чьих руках оно находится²⁹, подлежит охране правительственной властью от всякого захвата и насилия. Все земельные угодья остаются во владении обрабатывающих их или пользующихся ими хозяев».

20 июня 1920 г. П. Б. Струве, занимавший должность начальника управления внешних сношений в правительстве Кривошеина, направил в Париж председателю правительства Франции Мильерану письмо с изложением позиции Врангеля. В нем сообщалось: «Захват крестьянами поместных земель во всех случаях, когда он фактически имел место, должен быть признан. Вышеуказанное составляет

²⁹Вероятно, подразумевалось, хотя не провозглашалось, также «право» захвата.

отправной пункт для широкой аграрной реформы, долженствующей обеспечить крестьянам, обрабатывающим землю, владение ею на правах полной собственности. Таким образом, аграрная революция, происшедшая в пользу крестьян, будет легализована и поведет к установлению аграрного строя, основанного на принципах частной собственности, несомненно отвечающего чаяниям крестьян» [20: 139].

В каждой вновь занимаемой Русской армией местности земельный закон вводился в действие автоматически, без особого постановления. Создавшееся к тому времени фактическое владение землей признавалось нерушимым. Оно являлось исходным пунктом для дальнейшего применения приказа и с этого времени могло быть изменяемо только в порядке, установленном этим приказом. Последним предусматривались изменения в следующих случаях: возвращение законным собственникам захваченных у них земель из состава не подлежащих отчуждению и передаче земледельцам; удаление с участков лиц, признанных не имеющими права на закрепление за ними этих участков; признание необходимости изменения владения отдельных хозяйств со стороны земельных советов в связи с предельными размерами закрепляемых участков, землеустроительными соображениями. Подобная размытая формулировка закона порождала многочисленные возможности проявления произвола со стороны местных правителей и вернувшихся прежних хозяев-землевладельцев. Прежним владельцам могли возвращаться, по врангелевскому закону, захваченные крестьянами земельные участки, в том числе из земель сельскохозяйственного пользования, если они признавались «неотчуждаемыми».

Чтобы сохранить сельскохозяйственное производство, предлагались следующие меры: при закреплении собственности в первую очередь передавать новым сельским хозяевам пахотные, сенокосные и выпасные угодья, которые к тому времени не обрабатывались или оказались заброшенными; каждому хозяину, засеявшему или обработавшему под посев землю, при всех изменениях землепользования, было бы обеспечено получение урожая его посева и вознаграждение за вложенный в землю труд по ее обработке. Волостным земельным советам позволялось брать в свое пользование необрабатываемые участки, сдавать их в аренду.

Земельный приказ Врангеля допускал также возможность перехода необрабатываемых или заброшенных угодий нерадивых хозяев к мелким земледельцам путем их покупки от прежних собственников по добровольным сделкам, которые должны были получить одобрение со стороны волостных земельных советов «для устранения обхода правил закона путем подобных сделок». Земли, перешедшие к земледельцам по указанным сделкам купли-продажи, не облагались выкупными платежами. Определение «мелкий земледе-

лец» во врангелевском понимании подразумевало крестьянина-средняка, имевшего материальные возможности для приобретения участка земли и его обработки [15:83—87]. Условие, связанное с одобрением сделки волостным советом, появилось не случайно: в состав этих советов входили лица, лояльные к власти.

Среднее и зажиточное консервативное крестьянство, являясь социальной базой врангелевской земельной реформы, должно было получить, по задумке реформаторов, подавляющее представительство в земельных советах, оно же должно было взять в свои руки и земское управление. Чтобы среднее и зажиточное крестьянство, увеличившее свое землевладение с помощью нового земельного закона, могло стать опорой государственной власти, его требовалось организовать.

Проведение в жизнь земельной реформы, согласно одобренному Врангелем первоначальному замыслу, предполагалось возложить на волостные земства. Проект о волостном земстве был разработан одновременно с проектом Приказа о земле. Однако Врангель принял решение возложить функцию по реализации реформы временно, до создания волостного земства и установления земской жизни на местах, на волостные и уездные земельные советы, учрежденные на один год. Для этого было издано приложение к «Приказу о земле» — Временное положение о земельных учреждениях.

По положению о земельных учреждениях, члены волостных земельных советов (не менее 5 и не более 10 человек) должны были избираться волостными сходами, в состав сходов входили: все сельские старосты; выборные от сельских обществ и земельных товариществ по одному от десяти дворов; все частные владельцы, независимо от размера владения; представители от церковных и казенных земель и от земель, принадлежащих различным учреждениям. Волостной совет избирал председателя.

Уездные земельные советы состояли из следующих персон: руководитель — уездный посредник по земельным делам (то есть назначенный представитель государственной власти), председатель уездной земской управы, мировой судья, представитель от ведомства финансов и избираемые волостными сходами представители от волостей. Указанным двум учреждениям (первое состоит из выборных лиц, второе смешанное по составу) были предоставлены полномочия по проведению земельной реформы. Уездные советы имели полномочия рассмотрения жалоб на действия волостных советов и определения норм землевладения в уезде.

Все земельные дела (производство обследований, установление норм, определение прав земледельцев на закрепление за ними земли, распределение земли, отвод участков, возвращение неправильно захваченных земель законным их собственникам) входили в компетенцию волостных и уездных земельных советов, только в

двух случаях требовалось утверждение высшей правительственной власти: при установлении минимального размера владения сельскохозяйственными угодьями у земельного собственника при отчуждении его земли, при определении оснований оценки отчуждаемой земли.

Губернский и уездные посредники в качестве чиновников правительства занимались координацией деятельности уездных и волостных земельных учреждений, контролем за их работой.

С утверждением 15 июля 1920 г. Положения о волостном земстве право избрания земельных советов перешло к волостным земским собраниям. В приказе декларировалась необходимость привлечь к организации земской жизни «новый многочисленный класс мелких земельных собственников из числа трудящегося на земле населения». Суть приказа выражалась в витиеватой формуле: «Кому земля, тому и распоряжение земским делом, на том и ответ за это дело и за порядок его ведения» [15:87—89].

Председатель комиссии по разработке аграрной реформы Глинка после одного из заседаний обратился к членам комиссии с примечательной речью: «Ну, вот, мы произвели скачок в неизвестность. Появятся новые земства, в которых будут заседать одни мужички, такие (он ладонью утер нос снизу вверх). А все-таки я верю, что такие (опять нос утирает ладонью) в конце кондов спасут Россию» [16:390]

Земское самоуправление на данном основании рассматривалось в качестве прочной опоры государственного строительства. Текст приказа определил «новый многочисленный класс мелких земельных собственников» как «широкие круги хозяйственного крестьянства», призванные «к преобладающему участию в устройстве земского дела на местах». Восстановление волостного земства, упраздненного деникинским правительством, сопровождалось попыткой создания его обновленного образа.

В изложении Кривошеина, представленном для печати, подчеркивались принципиальные изменения земского самоуправления: деятельность уездного земства была перенесена на волостной уровень, уездное земство получало права губернского. В этом отношении, по утверждению Кривошеина, российский закон оказался прогрессивнее любого из западных. «Вместе с покойным П. А. Столыпиным, — отмечал Кривошеин, — я работал над поднятием экономического благополучия русской деревни. Я глубоко верил в ее здоровый государственный смысл. Верю и теперь. Сейчас мы делаем необходимую смелую попытку устройства будущего земского и государственного порядка. Верим, что она приведет к оживлению национального культурного строительства» (15:89—92).

Однако обнаружение временного положения о земском самоуправлении значительно отстало от земельного приказа, что затруд-

нило проведение его в жизнь. Положения о волостном земстве дополнены положением об уездном земстве лишь в приказе от 12 октября 1920 года. Данные положения состояли в следующем. Гласные волостных земских собраний избирались сельскими избирательными сходами, в которых могли принять участие достигшие двадцатипятилетнего возраста «домохозяева», имеющие собственную надельную или иную землю и ведущие самостоятельное полевое или приусадебное хозяйство. Участниками сельского схода также становились все приписавшиеся по собственному выбору к ближайшему сельскому сходу: землевладельцы, по одному на каждое владение, независимо от его размера; настоятели православных церквей, представители религиозных обществ всех исповеданий, если церкви и общества владели землей в пределах волости; арендаторы имений, проживавшие в пределах волости не менее трех лет, при наличии самостоятельного сельского хозяйства или торгово-промышленного либо фабрично-заводского предприятия; представители казенных и общественных учреждений, торговых и промышленных обществ и товариществ по одному от каждого, если эти учреждения, общества и товарищества владели в пределах волости недвижимой собственностью.

От каждого избирательного сельского схода, имеющего не менее 200 избирателей, выбирался хотя бы один гласный, общее число гласных в волости составляло от 20 до 40 человек. Избирательные сходы с числом избирателей менее 200 самостоятельных выборов не производили, а присоединялись к соседнему избирательному сходу.

Избранные волостные гласные на первом же своем собрании избирали председателя, а затем волостную земскую управу в составе председателя и не менее 3-х членов. По желанию собрания должности председателя волостного земского собрания и волостной земской управы могли совмещаться.

Особым пунктом предусматривалось, что «в гласные могут быть избираемые только лица, имеющие право участия на избирательных собраниях». В результате вся сельская интеллигенция — учителя, врачи, фельдшеры, работники культурных заведений в деревне лишались права участия в волостных земствах: они оказались за чертой «домохозяев», которые получили избирательные права.

Формально волостным земствам было предоставлено широкое право самоуправления и независимое от администрации положение. Однако на председателя волостной управы возлагались административные обязанности волостного старшины, и в пределах функций волостного старшины он подчинялся уездному начальнику. Таким образом, фактически уездный начальник получил возможность оказывать давление на всю земскую деятельность в волости. Введение в состав гласных уездных земств всех председателей во-

лостных земств (они же волостные старшины), создавало ситуацию, когда уездные земства в значительной степени попадали в сферу влияния администрации.

Уездные земские собрания состояли из гласных, избираемых волостными земскими собраниями по два от каждого собрания в уездах с количеством волостей свыше 15, по одному — в остальных уездах. Кроме того, в состав уездного земского собрания на правах его членов входили: весь состав уездной земской управы и по одному представителю от каждой волостной земской управы уезда, по одному представителю от православной церкви, от одного из неправославных исповеданий в уезде, от управления земледелия и землеустройства. Уездные земские собрания избирали председателя собрания, председателя и членов уездной земской управы в количестве, определенном самим земским собранием.

Волостные земские собрания, кроме управы, избирали также волостные земельные советы, состав и порядок действия которых определяются Временным положением о земельных учреждениях от 25 мая 1920 года, а также по одному представителю от волости в уездный земельный совет. Землеустройство в волости переходило в ведение волостного земства.

Волостным и уездным земским собраниям принадлежала распорядительная власть и надзор за исполнительными органами. Волостные и уездные земские управы являлись исполнительными земскими органами, ответственными за выполнение решений земских собраний.

Между волостным и уездным земством функции распределялись следующим образом. Волостное земство отвечало за все земские сборы и повинности (денежные и натуральные), производило разверстку и надзор за выполнением повинностей по снабжению войск и населения продовольствием и фуражом, натуральных повинностей, хлебных и денежных, и сборов за землю по Приказу о земле. На земство возлагалось решение вопросов землепользования через волостные земельные советы, а также организация содержания государственной стражи. Уездному земству предписывался контроль за выполнением повинностей волостными земствами; разверстка между волостями общегосударственных сборов.

Вопросы создания губернских земств, определения их роли в системе земельных учреждений относились на будущие времена. Губернские земства упразднялись, взамен уездным земствам предоставлялась возможность образовать союзы по отдельным отраслям земского хозяйства. Однако осталась оговорка, связанная с предоставлением права уездным земствам, если они посчитают необходимым, создавать губернские земства (15:92—95).

Конструкция земского самоуправления во врангелевской реформе по сути упраздняла формулу старого дореволюционного зем-

ства, в котором значимая роль принадлежала сельской интеллигенции, заложившей основы земских традиций. Создавалось новое крестьянское самоуправление с преобладающим влиянием волостных старшин, подчиненных администрации.

Выборы в волостные земства, проведенные в отдельных волостях, свидетельствовали об избрании в их состав, по признанию Врангеля, «домовитых, хозяйственных крестьян», а также крупных помещиков [15:250—251]. Данный факт являлся иллюстрацией направленности врангелевской аграрной реформы на зажиточное крестьянство, «столыпинских» крестьян.

Земельный закон Врангеля, сформулированный академическим языком, оказался слишком сложен и непонятен для крестьянства. Он соответствовал условиям стабильного мирного времени, требовал длительного срока для реализации. В гражданском вооруженном и кровопролитном противоборстве востребовались популистские лозунги и обещания, адекватные желаниям народа. Аграрное законодательство Врангеля, даже в форме приказа о земле (отягощенное пространными приложениями, дополнительными приказами и положениями) указанным требованиям военного времени не соответствовало. К тому же земельная реформа, как масштабная социально-экономическая акция с идеологическим подтекстом, в ходе наступательных боевых действий войск Врангеля в Северной Таврии и на Украине до сведения населения в должной мере не была доведена.

Врангелевская администрация к началу задуманной реформы не располагала точными статистическими сведениями о количестве и качестве земли в уездах и волостях, о степени занятости трудового населения. Прежняя земская статистика претерпела серьезные изменения в результате свершившегося земельного передела. Революционные события перевернули привычные права собственности и пользования с ног на голову.

Результат врангелевских мероприятий заключался в получении крестьянами купчих крепостей. Однако крестьянину предложили «синюю бумагу с орлом» лишь после оплаты земли в течение 25 лет. Такая форма разрешения аграрного вопроса казалась крестьянину непривлекательной и, во всяком случае, не давала немедленного закрепления права собственности на землю. Крестьянство воспринимало реформу как фактическое закабаление крестьян на всю жизнь, связанное с необходимостью выкупных платежей в течение двадцати пяти лет, неприкрытым стремлением врангелевской администрации удовлетворить с помощью выкупных платежей интересы бывших землевладельцев.

Крестьяне, познавшие на собственном опыте в годы революции и Гражданской войны мимолетность многих правителей и недолговечность их обещаний, скептически отнеслись к прочности очерде-

ной по счету власти в лице генерала Врангеля. К тому же уверенность в ее силе быстро растаяла не только у населения, но и в самой Русской армии после того, как фронт покатился обратно к крымской горловине.

Приказ о земле и правила ее передачи новым владельцам не были восприняты, как к этому стремился Врангель, в самой Русской армии — пропагандистская работа в частях велась откровенно слабо. Сомнения солдат выражались в открытых разговорах с критикой реформы, требованиях бесплатного наделения землей, взимания сборов за землю в пользу государства, а не для прежних землевладельцев, раздела церковных земель [17:70, 73].

Вопреки задуманной реформе «по закону», сам Врангель в ходе наступления в Северной Таврии и на Украине отдал приказ о реквизиции лошадей у крестьянского населения [18:21; 17:25, 27, 99]. Примечательно, что когда части Русской армии в сентябре 1920 г. заняли Александровский уезд, главную базу махновского движения, стали проводить реквизиции и мобилизации, рядовые участники махновщины — крестьяне потребовали от своих атаманов развертывания ответных боевых действий против врангелевцев. Возмущение махновских повстанцев стало серьезным побудительным фактором для заключения третьего по счету временного соглашения армии Махно с Красной армией — о совместных действиях против Врангеля.

Примечательна оценка, которую дал Врангелю бывший командующий Вешенским восстанием Павел Кудинов, участник Гражданской войны в стане Деникина и Врангеля. В письме из эмиграции в адрес родных донских станичников летом 1922 г. он высказал собственное мнение: «...Русский народ, — писал Кудинов, — изголодавшись, исхолодавшись, без обуви и одежды, наверное, частенько подумывает: «Кабы был Врангель, так был бы и хлеб, и обувь, и одежда». По-моему, это просто ваша отчаянная галлюцинация. Вспомните времена Врангеля! Что он дал вам полезного в экономической жизни? Ровно — нуль... Я откровенно говорю не только вам, но каждому русскому труженику: пусть выбросит грязные мысли из головы о том, что здесь, где-то на полях чужбины, Врангель для вас готовит баржи с хлебом и жирами. Нет! Кроме намыленных веревок, огня, меча, суда, смерти и потоков крови — ничего!...» [20:253).

Можно предположить, что печальный итог врангелевской реформы был предрешен. Конечно, сфера реально предпринятых усилий Врангеля в качестве белого правителя простиралась гораздо дальше и глубже его предшественников. Однако декларации реформатора не подкреплялись неумолимыми экономическими законами. Он сделал попытку в одной реформе совместить невозможное: одновременно и создать новую социальную опору в лице зажиточного

крестьянства, и удовлетворить интересы прежних землевладельцев-собственников, заодно получить источник материальных ресурсов для нужд армии и государства. Собственных средств у крымского правителя едва хватало на текущие расходы, на проведение масштабной реформы, сопоставимой по амбициям со столыпинской и александровской аграрными реформами, ресурсов не было. Реформа, результат которой можно ожидать через поколения, волей истории ограничилась временными рамками менее полугода.

Источники и примечания:

1. Электронная библиотека исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова // <http://www.whiteforce.newmail.ru/14041918.htm>.
2. Допрос Колчака. Л., 1925.
3. Ламкин А. В. Земельная реформа генерала П. Н. Врангеля // Белое движение на Юге России (1917—1920): неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5913. Оп. 1. Д. 262.
5. ГАРФ. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 11.
6. Трухан Г. А. Верховный правитель России // Отечественная история. 1999. №6.
7. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 г. М., 2003.
8. Деникин А. И. Национальная диктатура и ее политика (Очерки русской смуты) // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991.
9. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922. М., 2000.
10. Соколов К. Н. Правление генерала Деникина // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992.
11. Шкуро А. Г. Записки белого партизана // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Добровольцы и партизаны. М., 1996.
12. Дроздовский М. Г. Дневник // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Добровольцы и партизаны. М., 1996.
13. Деникин А. И. Вооруженные силы Юга России (Очерки Русской Смуты) // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Поход на Москву. М., 1996.
14. Горн В. Гражданская война на Северо-Западе России // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М., 1991.
15. Врангель П. Н. Записки (Ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920).

Часть II // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Последний главком. М., 1995.

16. *Оболенский В.* Крым при Врангеле // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев.

17. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 198. Оп. 5. Д. 5.

18. РГВА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 909.

19. Программные заявления Белого движения юга России. 1917—1920 гг. // *Цветков В. Ж.* Белые армии Юга России. 1917—1920. М., 2000.

20. Наш современник. 2001. №4.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОТЕСТНЫХ ЯВЛЕНИЙ В КРЕСТЬЯНСКУЮ ВОЙНУ

Политика большевиков в деревне создала условия для протестных проявлений и неприятия политики военного коммунизма. В годы Гражданской войны крестьянство заявило о себе в качестве субъекта исторического процесса, не пожелавшего быть объектом борьбы политических партий. Просчеты в хозяйствовании имели политические последствия, подрывая опору большевиков в народе.

Скрытое недовольство продовольственной политикой советского государства сопровождал нарастающий глухой ропот в крестьянской среде. После возвращения солдат с фронтов Первой мировой войны в родные села крестьяне стали активнее в выражении своих требований [1]. Крестьянство отстаивало собственное понимание прав и свободы, завоеванных в ходе революции. Никогда ничего подобного в России не происходило: в дореволюционном прошлом крестьяне поднимали оружие против помещиков, но не против правительства.

По материалам ВЧК, в 1918 г. в 20 губерниях России произошло 245 восстаний¹ [2:91]. В Центральной России в летние месяцы 1918 г. сопротивление крестьян вылилось в 130 выступлений против местных Советов, 154 акта самозащиты против продотрядов, 73 восстания и массовые отказы унтер-офицеров ряда губерний (Орловской, Курской, Воронежской) от явки на призывные пункты [2:104].

Весной и летом 1918 г. подавление крестьянских волнений со стороны советской власти, как правило, ограничивалось следующей схемой: на ликвидацию недовольства направлялся вооруженный отряд, арестовывались зачинщики, устанавливались меры наказания (штрафы, реквизиции) — в большинстве случаев дело обходилось без кровопролития, расстрелов. Крестьянство решалось на открытые выступления, тем более вооруженные, в тех случаях, когда других средств оказывалось недостаточно, чтобы добиться своих требований, или чаша терпения переполнялась. Любой здравомысля-

¹ По оценкам Р. Пайпса, в результате 245 восстаний большевики потеряли 875 человек, восставшие — 1821. Кроме того, 2431 человек из числа восставших были расстреляны (*Пайпс Р. Русская революция. В 2-х ч. Ч. 2. М., 1994. С. 425*).

щий человек давал себе отчет, какую роковую черту он переступал и каковы могли быть последствия подобного шага, если он решался на открытый протест против власти. Поэтому противодействие распоряжениям властей в активные формы обычно не выливалось.

Заметные проявления крестьянского недовольства продовольственной политикой коммунистов начались с периодом уборки урожая. Вспышка крестьянских волнений в 12 селах на юге Саратовской губернии произошла в августе 1918 г. — на их ликвидацию был направлен отряд ВЧК. Отряд разоружил деревенских жителей, восстановил Советы, наложил контрибуцию. Были расстреляны 36 человек [3: 85—86].

Выступление крестьян в селе Кучки Пензенской губернии 5 августа 1918 г. вылилось в вооруженное нападение на продотряд, расправу с местным комбедом. Волнения бедняцкого и середняцкого населения распространились на всю Кучкинскую волость, перебросились на соседние волости. При помощи вооруженной силы 8 августа недовольство было подавлено, 13 человек расстреляны [3: 306].

Крестьянское восстание в селе Кучки и волостях Пензенской губернии вызвало серьезную озабоченность Ленина, когда он получил информацию в телеграмме от Пензенского губисполкома. Волна крестьянских восстаний в то время только набирала свою силу: трудно себе представить, чтобы о каждом рядовом восстании в 1920—1921 гг. телеграфировалось председателю Совнаркома лично (завалили бы телеграммами). Активное участие в восстаниях «полупролетариата», по Ленину, вероятно, сильно озадачило большевистского вождя, поскольку разрушало его собственное доказательство и обоснование существования в советской России социальной опоры диктатуры пролетариата. Вероятно, именно это обстоятельство объясняет столь заинтересованное внимание Ленина к данному событию, его требования в кратчайшие сроки задуть крестьянские волнения, попытка объяснить причины выступлений против политики власти кулацкими происками [4]. Восстание в селе Кучки для Ленина не было рядовым событием. Иначе нельзя объяснить, почему руководитель государства, вопреки всем законам управления, лично занимался решением локального местного вопроса.

Ленинский идеологический миф об опоре диктатуры пролетариата в лице рабочих и крестьянской бедноты в качестве «полупролетариата» был опровергнут восстаниями крестьян, совпавшими с празднованием первой годовщины пролетарской революции. С 1 по 25 ноября они произошли в 80 уездах, охватив 11 из 12 уездов в Рязанской губернии, 9 — в Смоленской, 7 — в Тамбовской. По 6 уездов было вовлечено в восстания в Калужской, Костромской, 4 — во Владимирской, восстания имели место в

Московской, Тульской, Ярославской, Череповецкой губерниях [2: 111—112]. Восстания явились результатом недовольства крестьян действиями власти по взысканию с них чрезвычайного революционного налога, проводимыми реквизициями хлеба, лошадей для нужд фронта, мобилизацией молодежи в Красную армию. В ноябре 1918 г. практически вся территория России, контролируемая большевиками, оказалась охвачена крестьянским движением. Позиция крестьянства в отношении советской власти во второй половине 1918 г. определялась нежеланием изваливать на свои плечи тяготы гражданской войны и продовольственной диктатуры большевистского государства.

4 ноября крестьяне в селе Высь Суздальского уезда Владимирской губернии выступили против изъятия хлебных излишков, разогнали комбед. Чтобы утихомирить крестьянство, власти послали вооруженный отряд, который без кровопролития разогнал толпу, арестовав 12 человек [5].

Крестьянское выступление в Веневском уезде Тульской губернии началось 7 ноября. В день годовщины Октябрьской революции в местном клубе шел спектакль, где была почти вся местная организация РКП(б). Во время спектакля были получены сведения, что станция Мордвес (между Веневом и Каширой) занята восставшими крестьянами. Крестьяне обезоружили отряд, заняли почту, перерезали провода, заблокировали железнодорожный путь, после чего, разделившись на две части, направились — одна часть на Каширу, другая — на Венев. Не успели проверить эти сведения, как поступило известие, что в Бороздинской волости появился еще один очаг волнений: крестьяне разогнали волостной Совет, есть убитые коммунисты. 8 ноября утром в Венев на базар стала съезжаться масса крестьян, особенно из Бороздинской волости, а также крестьяне из других волостей, в частности из Юдинской и Клинской (в числе прибывших отмечалось много мобилизованных). Съехавшиеся в Венев крестьяне устроили митинг. Толпа была враждебно настроена по отношению к местной власти, выступивший на митинге военный комиссар Соломенцев был избит. Митинг разогнали усилиями местного отряда ЧК и коммунистов, после чего здесь же на месте был произведен расстрел участников избиения военкома. Вечером появились сведения о ряде избиений и убийств коммунистов в Клинской волости, о наступлении на Венев крестьян из Толстовской и Щучьинской волостей, затем пришло известие о выступлении в Косневской волости. Последнее было остановлено посылкой на основные дороги отрядов красноармейцев. 9 ноября волнения в Куребинской волости и попытка выступления на Венев вооруженным советским отрядом были парализованы.

10 ноября началось восстание в Кормовской волости: разгром

Совета, избивание советских работников, убийство секретаря Совета коммуниста Говорова, еще одна попытка наступления на Венев, которая была блокирована отрядом, прибывшим из Каширы. В этот же день предприняли наступление на Венев крестьяне Новоприборной, Холтобинской, Спасской, Урусовской и Поведской волостей, в которых произошел целый ряд убийств и избиваний советских работников, коммунистов, членов комитета бедноты.

Для подавления волнений 11 ноября в восставшие волости и по всему уезду были посланы карательные отряды, которые расправились с зачинщиками на местах, накладывали контрибуцию на местное население [3:101—102]. В конце 1918 г. с тамбовских крестьян была взыскана огромная контрибуция хлебом за участие в ноябрьских восстаниях.

В ноябре заметные крестьянские выступления против принудительной реквизиции хлеба произошли в Пензенской губернии. В селе Лада Саранского уезда среди населения распространился слух, что приехавший в село продотряд будет отбирать весь хлеб, закроет церковь, заберет иконы. Утром 14 ноября на базарной площади села стали кучками собираться женщины и возбужденно обсуждать новости. Через некоторое время позвонили в набат. Вооруженный отряд арестовал наиболее активных зачинщиков. По постановлению ЧК были расстреляны 12 человек участников волнений. Протестные выступления имели место также в Пятинской волости Самарского уезда [3:307—309].

В селе Мастиновка Пензенского уезда 10 ноября 1918 г. около здания школы сельское собрание обсуждало продовольственный вопрос. Участники схода потребовали, чтобы продовольственный отряд немедленно покинул село. Толпа крестьян, сбежавшаяся на звон колокола местной церкви, обезоружила продармейцев, которые без сопротивления сдали оружие и разбежались, некоторые были арестованы [3:309].

Новый импульс протестные выступления получили в связи с всеобщей принудительной мобилизацией в Красную армию осенью 1918 г. Первый массовый призыв крестьян в армию в губерниях Центральной России (мобилизация была отложена до осени в связи с необходимостью завершения полевых работ) послужил поводом для крестьянского недовольства. В первые же дни призыва начались выступления мобилизованных крестьян. Активные выступления мобилизованных происходили в Тверской, Смоленской губерниях [6; 3:85]. Выходцы из деревень, включая бывший младший командный состав царской армии (унтер-офицеры, прапорщики), навоевавшиеся в годы Первой мировой войны, уклонялись от призыва.

За счет принудительной мобилизации в течение одного декабря 1918 г. Красная армия возросла почти на четверть [7:26]. В Красную армию призывалось в первую очередь бедняцкое крестьянство.

Именно беднота, поддержанная средним крестьянством, во многих местах поднимала мятеж мобилизованных. Мятежниками руководили фронтовики, прошедшие военную выучку на полях Первой мировой войны. Движение получило массовый характер: в Михайловском уезде Рязанской губернии им было охвачено 20 волостей, в Гжатском уезде Смоленской губернии — 19 волостей, в Вере́йском уезде Московской губернии — 18 волостей с 10 тыс. участников, в Меды́нском уезде Калужской губернии — 17 волостей с 7—8 тыс. повстанцев. Повстанцы захватили Касимов в Рязанской губернии, в Тамбовской — Шацк, в Смоленской — Духовщину, Гжатск, Поречье, в Калужской — несколько населенных пунктов и станций.

Ноябрьско-декабрьские восстания крестьян охватили 138 из 286 уездов центральных губерний, то есть почти половину уездов, находившихся под контролем советской власти [2: 109, 113, 114]. Эти восстания стали первым массовым протестом крестьян против системы «военного коммунизма».

В конце 1918 — начале 1919 г. произвол и насильственные методы взимания со стороны комбедов и местных Советов введенного ВЦИК единовременного чрезвычайного 10-миллиардного налога привели к «бакурскому восстанию» крестьян девяти волостей Сердобского уезда Саратовской губернии.

За январь—июль 1919 г. восстания происходили, по неполным данным, в 124 уездах Европейской России. В январе — феврале 1919 г. восстания имели место в отдельных волостях многих губерний, но больше всего их отмечено в Тверской губернии (в 16 волостях) [2: 123].

Наивысший подъем сопротивления крестьян отмечен в марте 1919 г. В этом месяце крестьяне должны были сдать 30% годовой разверстки. Вследствие недостатка семян весной 1919 г. значительно сократилась площадь посевов в крестьянских хозяйствах. На почве недовольства изъятием хлеба восстания произошли в Симбирской, Пензенской, Уральской, Оренбургской и части Казанской губернии.

Весной 1919 г. крестьянские волнения и выступления отмечались повсеместно, особенно в Вятской губернии (Ториальная волость Уржумского уезда), Курской (Михайловская волость Дмитриевского уезда), Самарской (район Сергиевск-Кротовка), Воронежской (уезды, прилегающие к Дону), Тамбовской (Лебедянский уезд), Смоленской (деревни Кальчиновка, Григоровка, Рубанка), Казанской (Спасский уезд), Московской (Рузский уезд); восстания до 10 тысяч казаков в районе Поворино-Царицыно и Лиски-Миллеровская, в станицах Вешенская, Шумилинская, Еланская [8, 3:127—129]. В ходе выступлений восставшими были разобраны железнодорожные пути, нарушена телеграфная связь.

Местные органы ВЧК информировали центр о тревожном настроении крестьян в волостях и селах, обусловленном недовольством политикой Советов и недоверием в отношении представителей коммунистических ячеек, которые, по словам крестьян, ничего не имели общего с коммунизмом: занимались пьянством, всевозможными нерегистрируемыми конфискациями у населения.

Сельские коммунисты устраивали «с пышностью помещика николаевских времен» свадьбы в клубах, увлекались картежными играми. Поступало множество заявлений и жалоб, в которых указывалось на неправомерные действия и злоупотребления местных властей: у крестьян отбирали обручальные золотые кольца, серебряные часы и массу другой мелочи, за неуплату очередного чрезвычайного налога крестьянин мог лишиться хозяйства и последнего скота: в одном случае крестьянин вместо 15 тыс. руб. уплатил 13 700, в результате все его имущество выставили на продажу. Крестьяне жаловались: «только и слышим: «Арестуем! Расстреляем!». Мы власти поэтому боимся, даже ходить на собрания и даже просить, чтобы почаще... поясняли, что такое Советская власть, к чему она стремится, поясняли о коммунизме» [3:122—123].

Информационные сводки характеризовали отношение к власти в крестьянской среде как «недоверчивое» (Московская, Рязанская губернии), «враждебное» (Владимирская, Тверская, Костромская, Пензенская), «отрицательное» (Саратовская) [3:156—159, 162—164].

Весной начались вооруженные выступления крестьян в Астраханской, Саратовской, Тамбовской, Воронежской, Орловской, Курской, Пензенской и других губерниях Центральной России. В марте 1919 г. в селе Б. Язясе Пензенской губернии во время восстания было убито около 20 человек, ранено около 100 [3:118].

В первой половине 1919 г. в трех губерниях аграрного центра (Воронежская, Курская, Орловская) из 238 восстаний 72 произошли на продовольственной почве (30, 25%), 51 — вследствие мобилизации (21,43%), 35 — восстания дезертиров (14,7%), 34 — из-за реквизиций (14,29%), 17 — из-за аграрных споров (7,14%) и 6 — на политической основе среди красноармейских частей (2,52%) [2:128—129].

По неполным данным, в первой половине 1919 г. произошло 99 восстаний (всего 344 восстания за полтора года). Однако по другим данным, только в трех губерниях страны — Воронежской, Курской и Орловской — за первую половину 1919 г. имели место 238 восстаний крестьян [2:91]. Летом крестьянское движение в центре страны превратилось в настоящую войну. Уже в 1919 году гражданская война между красными и белыми проходила параллельно с войной крестьянства против политики «военного коммунизма». Крестьянская революция 1917—1918 гг. трансформировалась в 1919—1922 гг. в крестьянскую войну с коммунистической властью. Мес-

то прежнего извечного врага — помещика — в крестьянском восприятии заняло государство, завладевшее землей.

Постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны от 28 мая 1919 г. все войска особого назначения, существовавшие при Наркомпроде и других наркоматах и ведомствах, за исключением железнодорожных и пограничных войск, перешли в подчинение НКВД через штаб войск ВЧК и были переименованы в войска Внутренней охраны республики (ВОХР).

Штаб войск ВЧК был реорганизован в штаб ВОХР. Основная задача этих войск заключалась в обеспечении охраны тыла страны. Войска ВОХР предназначались для выполнения следующих функций: вооруженная борьба с мятежами и восстаниями, охрана государственных учреждений, сооружений, охрана и оборона железнодорожных и военных путей сообщения, борьба с мешочничеством, охрана продовольственных складов, контроль и учет сельскохозяйственных продуктов. Общее руководство войсками ВОХР осуществлял военный совет войск под председательством Ф. Э. Держинского.

1919 год внес в крестьянское сопротивление специфическую форму борьбы — «зеленое» движение. Партизанские крестьянские отряды «зеленых» боролись против белых не менее решительно, чем против красных. Отряды «зеленых» состояли в основном из дезертиров, уклонявшихся от мобилизации как в Красную армию, так и в Белую (они назывались зелеными, поскольку, как правило, укрывались в лесах).

Действия «зеленых» вносили серьезные осложнения в стратегию борющихся сторон, внося хаос в тылу и отвлекая войска с фронта. «Зеленое» повстанчество являлось положительным фактором для красного командования, если оно базировалось на территории, занятой белыми, но оно же превращалось в отрицательный фактор, когда территория попадала в руки красных: недавние партизаны объявлялись бандитами.

Мобилизации и реквизиции продовольствия, лошадей осуществляли обе противоборствующие стороны, нередко неоднократно в одних и тех же местностях. Грабежи и мародерство в прифронтовой зоне стало обычным явлением. Противоборствующие стороны в Гражданской войне нередко щадили пленных из числа принудительно мобилизованных. У многих были справки о мобилизации, выданные и красными, и белыми. Отмечались случаи, когда мобилизованные умудрялись по несколько раз оказаться в каждой из враждебных армий.

Дезертирство из армии получило широкое распространение. В июле 1919 г. дезертиров в европейской части России насчитывалось 266 тыс., в августе — 284 тыс., за все второе полугодие 1919 г. — 1545 тыс. [2: 133]. В 1919 г. стало массовым дезертирство крестьян

ян из Красной армии. В июне 1919 г. распространилось в Псковской, Тверской, Ярославской, Костромской губерниях [9]. В Московской губернии к числу неблагонадежных районов относились Можайский, Волоколамский, Московский и Звенигородский. В июне—сентябре на учете в Калужской губернии насчитывалось 16310 дезертиров, в Нижегородской — 29147, в Тамбовской — 80 тыс. [3:189—193, 195—196].

В одной только Смоленской губернии с 1 марта по 8 августа дезертировали 2295 человек, не явились по призыву 20 606 человек. Всего же по губернии в дезертирах числилось 9604 человека. Прозвевало повторное (злостное) дезертирство. В указанный срок в Смоленской губернии задержаны путем облав 4468 дезертиров. К концу лета на учете Смоленского губкомдезертир насчитывалось до 30 тыс., в Ярославской целые волости [3:171—174, 176—185].

Власти предпринимали решительные и жесткие меры в борьбе с дезертирством. В начале 1919 г., в соответствии с постановлением Совета обороны от 25 декабря 1918 г., в стране были созданы Комиссии по борьбе с дезертирством из Красной армии. Согласно этому постановлению учреждалась Центральная комиссия по борьбе с дезертирством из представителей военного руководства, военных комиссаров и НКВД, на местах создавались губернские комиссии по борьбе с дезертирством.

29 марта 1919 г. губернским комиссиям по борьбе с дезертирством было предоставлено право рассматривать дела о дезертирстве с наложением взысканий и наказаний. Были введены меры наказания за дезертирство (от условного лишения свободы вплоть до расстрела). Комиссии получили право проводить полную или частичную конфискацию имущества и передавать земельные наделы дезертиров и их укрывателей во временное пользование семьям красноармейцев.

Основную часть дезертиров составляли деревенские жители — крестьяне-середняки. Крестьянское население сочувственно относилось к дезертирам: дезертирство в весенний, летний и осенний период объяснялось необходимостью выполнения неотложных сельхозработ, посевной кампании и своевременной уборки урожая во время полевого сезона. Многим семьям красноармейцев некому было оказать помощь. Необеспеченность семей красноармейцев являлась существенной причиной дезертирства. Неслучайно, что массовый отлов дезертиров практиковался именно во время сельхозработ, в поле.

В связи с разрастанием фронтов Гражданской войны резко увеличился призыв в Красную армию. В середине 1919 г. ее количественный состав насчитывал 1, 5 млн человек — в течение полугода армия более чем утроилась [7:26].

3 июня 1919 г. Совет Труда и Обороны принял постановление о

мерах по искоренению дезертирства. При добровольной явке в военные комиссариаты в течение недели со дня опубликования постановления дезертиры и лица, уклонившиеся от мобилизации, освобождались от суда и наказания. Комиссии по борьбе с дезертирством получили полномочия проводить полную или частичную конфискацию имущества и передавать земельные наделы во временное пользование семьям красноармейцев. Такие же меры могли быть применены и к укрывателям дезертиров.

Власти применяли репрессивные меры к семьям дезертиров, использовали принцип круговой поруки, устанавливая контрибуции целым селам за дезертиров, в первую очередь хлебные, различные виды штрафов. В практику вошли показательные расстрелы дезертиров.

Летом 1919 г. отмечены волнения во многих смоленских селах и хуторах: Глушевка, Карабаново, Анциферово, Смоляки, Велико и Величко Катинской волости, Ананьенка, Тетери, Большой и Малой Обурох, Охотное Руднянской волости. В числе организаторов крестьяне Николай Горбачев, Федор Леонтьев, Павел Малашенков, Леонтий Иванов, братья Карпошкины, Андрей Григорьев, Федор Степанов, Михаил Качаев, Дмитрий Лавренов, Роман Меничкин, Андрей Зайцев, Захар Муравьев [10].

В июле 1919 г. с участием дезертиров имели место восстания в Московской губернии (Можайский и Волоколамский уезды), Тверской (Вышневолоцкий уезд), во всех уездах Ярославской и Костромской губерний, во Владимирской (Юрьевецкий уезд — «Аньковское восстание», Александровский уезд), Вологодской (Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский уезды), почти всех уездах Тамбовской губернии [11].

В Тамбовской губернии летом 1919 г. из 14 785 человек, подлежащих мобилизации, на призывные пункты явилось лишь 3108 (21%). На 20 июля в губернии числилось 48 572 дезертира. В Тамбовском уезде вооруженные выступления дезертиров имели место в четырех волостях, в Кирсановском — в районе Инжавино.

В 1919 г. на губернию была установлена продрозверстка в 27 млн пудов. Но год выдался неурожайным. Крестьяне прятали скудные остатки прошлогоднего хлеба. В июне стало ясно, что добровольной сдачи хлеба не будет. 20 июня Тамбовский губисполком констатировал полное прекращение сдачи хлеба крестьянами. 3 июля в восьми уездах было введено военное положение, чтобы сломить сопротивление крестьян. На фоне массового дезертирства применение вооруженной силы продотрядов для сбора хлеба лишь обострило положение. 26 июля Кирсановский уездный ВРК признал бессилие власти в борьбе с дезертирами, заложниками которых стали коммунисты и работники деревенских Советов. ВРК приказал волостным исполкомам, военным комиссарам и ячейкам РКП(б) взять

заложников из кулаков, укрывателей дезертиров, самогонщиков и других, чтобы они отвечали головой за каждого убитого коммуниста и любое сопротивление крестьян [2: 129].

В августе в Казанской губернии разгорелись волнения одновременно в пяти волостях, ликвидированные отрядом губчека. Результат: два расстрела и в качестве меры наказания — 760 тыс. рублей штрафа, наложенных на непокорные 18 селений.

В Костромской губернии вооруженные отряды, занимавшиеся подавлением восстаний в Красносельской, Семеновской, Быгизинской и Мисковской волостях, производили незаконные реквизиции продуктов, реквизиции сопровождались убийствами местных жителей [3:181, 12].

В это же время произошло восстание в селе Большое Ливенского уезда Орловской губернии. Стихийный крестьянский протест был вызван расстрелом группы селян, притеснениями и угрозами со стороны местной власти, взяточничеством, пьянством ее представителей, вымогательством. За несколько дней до восстания разнесся слух, инициированный одним из членов комбеда, что скоро будут расстреливать крестьян в Большом — население заволновалось. Удары набата собрали народ всей волости, в военкоме разбирались винтовки. Был арестован и убит руководитель комбеда, после чего создан отряд. После ликвидации восстания особым отделом были арестованы 11 крестьян, в том числе Руднев Федот, член РКП ливенской организации, объявленный зачинщиком, Подоприн Андрей Арсентьевич, 70 лет, обвиненный в подготовке восстания [13].

Недовольство произволом продотрядов, натуральной и трудовой повинностью привело к волнениям и восстаниям в Самарской губернии в сентябре 1919 г. [21:167].

В ходе подавления восстаний получил практическое применение целый арсенал средств: обстрел лесов и болот из орудий и пулеметов, конфискация имущества участников выступлений, грабежи населения, объявленного пособником бандитов, взятие заложников — родителей, родственников. В Новохоперском уезде Воронежской губернии село Третьяки было сожжено бомбами с аэростана [14].

Колебания крестьян в условиях гражданской войны приводили к изменению линий фронтов. Вооруженные отряды противоборствующих сторон (белых, красных, зеленых), зачастую по несколько раз проходившие через одни и те же деревни, доводили крестьян до полного разорения. Восстания крестьян в аграрных губерниях Центра способствовали прорыву белогвардейской конницей генерала Мамонтова Южного фронта и рейда по тылам советских войск в августе-сентябре 1919 г. Крестьянские восстания облегчили продвижение армии Деникина к Москве.

Характерно, что летом и осенью 1919 г. с приближением фронта в прифронтовой полосе настроение крестьянства резко менялось в сторону советской власти и осуждению дезертирства: подобные метаморфозы отмечались в Тамбовской, Самарской, Екатеринбургской, Тобольской губерниях [3:185, 211, 213]. Опасность для крестьянства реставрации старой власти и возвращения помещиков перевешивала недовольство политикой советской власти и привела к поддержке крестьянством советской власти в критический момент борьбы против белых [15].

На захваченных белыми территориях бывшие помещики возвращались в свои имения и наводили порядок, наказывая крестьян за самоуправство. Белые предоставили бывшим помещикам и землевладельцам возможность отбирать у крестьян переданную им землю, отнимать у крестьян хлеб. Подобная политика вызывала неприятие со стороны крестьянства в отношении Белой армии. Примечателен следующий факт: после освобождения Екатеринбургской губернии от власти Колчака мобилизация крестьян в Красную армию дала свыше 10 тыс. добровольцев. Аналогичная ситуация сложилась в Тобольской губернии [3:32].

С удалением фронта боевых действий общественное настроение в крестьянской среде опять возвращалось в привычное русло: в октябре-ноябре 1919 г. отношение крестьянства к власти на территории Советской Республики характеризовалось как «недоброжелательное» (Тульская, Екатеринбургская губернии), «отрицательное» (Ярославская, Новгородская), «враждебное» (Пермская, Псковская, Вятская, Тамбовская) «недоброжелательное», «ропот» населения (Нижегородская) [3:209, 211—212, 217—219, 222—223]. Единство устремлений крестьянства и большевиков совпадало в рамках непосредственной борьбы с Белой армией, но с устранением белой опасности вновь возникали объективные противоречия. Крестьяне и большевики, по сути, не были союзниками — с учетом целевых установок логичнее их взаимоотношения характеризовать как отношения попутчиков, связанных тактическими интересами, в стратегии эти интересы расходились.

Разгром Деникина и Колчака не облегчил положения крестьян — более того, государственный гнет усилился. Все это происходило на фоне тяжелого экономического положения деревни. Недоедание стало привычным явлением. Острый дефицит в предметах первой необходимости: соли, керосине, мыле, спичках и других товарах приобрел хроническую форму. Не хватало сельскохозяйственного инвентаря (косы, серпы, сепараторы) и орудий производства (косилок, веялок, молотилок).

Продовольственная разверстка, принудительная мобилизация в Красную армию, трудовые повинности порождали крестьянские восстания, создавали благодатную почву для расширения повстанчес-

кого движения на территории всех регионов советской России. В конце 1919 г. в многотысячных восстаниях основную часть повстанцев составляла крестьянская беднота [3:412]. Самыми «ненадежными» губерниями вновь стали поволжские и приуральские.

В связи с необходимостью уборки урожая и выполнения неотложных сельскохозяйственных работ резко возросло дезертирство. В первой половине октября 1919 г. на территории Советской Республики были задержаны в результате облав 47745 дезертиров, во второй половине данного месяца, по неполным данным — 73025 человек (без учета данных по 7 губерниям — Воронежской, Смоленской, Курской, Орловской, Пензенской, Оренбургской и Уральской). Кроме этого в результате проведенных проверок выявлено в начале ноября 123 893 человека, уклонившихся от мобилизации. На 1 ноября в Московской губернии насчитывалось 24685 дезертиров, из которых были задержаны 15727, добровольно явились 8558 [3:211—212, 215—216, 220]. В Тамбовской губернии количество дезертиров к концу года выросло до 120 тысяч [2: 129].

По сведениям Центральной комиссии по борьбе с дезертирством, в последние две недели 1919 г. были задержаны 75 352 дезертира. За укрывательство дезертиров на две деревни Каширского уезда Тульской губернии наложен штраф 22 тыс. рублей. В Тверской губернии десять семей дезертиров оштрафованы на сумму 52 500 рублей. В Московской губернии наложен штраф на Тимоновскую волость в 190 тыс. рублей. В Нижегородской губернии на 12 сел наложен штраф. В Саратовской губернии 60 семей дезертиров оштрафованы на сумму 475 500 руб. В Петроградской губернии 41 семья оштрафована на сумму 458146 рублей. В Череповецкой губернии 139 человек привлечены за укрывательство дезертиров к общественным работам, в Псковской — 150 человек. Во Владимирской губернии оштрафованы пять семей на сумму 29 тыс. рублей. [3:230—231].

Советские органы усилили меры наказания не только в отношении дезертиров, но и населения: возросли штрафы за укрывательство, расширилась практика наложения штрафных санкций на целые селения, привлечения укрывателей к общественным работам, лишения их наделов, конфискации за укрывательство лошадей, коров и другого рабочего и домашнего скота.

Крестьянство протестовало не против продразверстки как таковой. В регионах, где урожай был лучше, крестьянству было легче выполнить государственную разверстку — соответственно это сказывалось на настроении крестьян. Обратная картина наблюдалась в губерниях, где урожай был плохой. В таких районах продотряды безжалостно выметали все до зерна. Нередко случалось, что установленная разверстка оказывалась значительно выше показателей, представленных местными органами власти [3:225].

Отмечались многочисленные и повсеместные волнения крестьян, возмущенных продовольственной политикой, вооруженные столкновения с советскими отрядами, сопровождавшиеся жертвами.

В начале осени вспыхнуло восстание в Извольской, Каменской, Воронежской волостях Орловской губернии с количеством участников в 15—20 тыс. 5 ноября 1919 г. началось крестьянское восстание в Тихвинском уезде Звонецкой волости Череповецкой губернии, в котором участвовали вместе с крестьянами 150 дезертиров. Они разоружили продотряд и провели перевыборы волисполкома. Восстание ликвидировано отрядом ЧК, 65 человек арестованы. Крестьянскими волнениями были охвачены Островская и Карпиногорская волости Маловишерского уезда Новгородской губернии: данные волости отказались отдавать скот для Красной армии. Волости были объявлены на военном положении [3:207, 216].

В 1920 году огонь крестьянской войны вспыхнул ярким пламенем. Примечателен следующий факт: в то время, когда на территории Центральной России, Поволжья, Урала, Сибири уже не было интервентов и белых армий, в 36 губерниях сохранялось военное положение — по-прежнему шла борьба с крестьянским движением.

Недовольство крестьянства в отношении власти усилилось с начала 1920 г. в связи с трудовой повинностью. Крестьяне Литвиновской волости Веневского уезда Тульской губернии отказались от выполнения обременительной гужевой повинности по вывозу дров, после чего чрезвычайной топливной комиссией вся волость была объявлена контрреволюционной, впредь до выполнения наряда по подвозке дров. Не прекращался произвол со стороны продотрядов.

Жалобы на грубые и неправомерные действия продработников поступали отовсюду. Недовольство вызывала также деятельность многих представителей органов местной власти. Так, в селе Копаевке Пугачевского уезда Самарской губернии председатель комячейки и волисполкома Тарасов игнорировал законы, сам же от граждан требовал точного их исполнения: на местной мельнице смолот 28 пудов зерна без разрешения сельского Совета, в день второй годовщины революции с площадной бранью и револьвером в руках разогнал рабочих на мельнице. Заместитель председателя ячейки и председатель сельского исполкома Труханов устраивал самоличные реквизиции овчин, стекла, присвоил доски, предназначенные для постройки народного дома. Военком Гущин конфисковал у крестьян четыре пары валенок и 8 фунтов шерсти. Член ячейки Куранов предоставил льготные условия для группы зажиточных граждан по изготовлению валенок, за что получил щедрое вознаграждение в виде шерсти. В Оренбургской губернии, по данным проведенного анкетирования,

не более 17% крестьян выразили одобрение в отношении советской продовольственной политики, остальная же часть оказалась настроена враждебно [3:226—229].

В начале 1920 г. основная территория Сибири была освобождена Красной армией от власти белых в результате разгрома армии Колчака.

В информационной сводке Томской губчека под литерой «А» о положении в губернии отмечалось: крестьяне высказывают недовольство: непомерным и тяжелым бременем по выполнению натуральных повинностей — по подвозке дров, хлеба, по обеспечению потребностей войсковых частей, очистке дорог и железнодорожных путей от снега; низкими твердыми ценами на хлеб; отсутствием предметов первой необходимости; неравномерным распределением продразверстки и произволом в изъятии хлебных излишков от населения; незаконными действиями представителей милиции; волокитой и бюрократизмом в советских учреждениях, особенно в губпродкоме.

Крестьяне жаловались, что они вынужденно теряли много времени на получение всевозможных справок и разрешений, бесполезно бегая из одного учреждения в другое и часто безрезультатно. Так, крестьяне, члены сельского коммунального общества, обратились с ходатайством к губпродкому о выдаче им семян для засева полей, обратив внимание на близость весенней распутицы и необходимость срочно получить семена. Долгое время ответа не поступало — разрешение на вывоз семян из ближайшего ссыпного пункта было получено только тогда, когда дорога уже испортилась и не представлялось возможности вывезти семена. Чекистская сводка заканчивалась явным пессимизмом: «по-прежнему деревня погружена в беспросветную тьму, освоившись с новой жизнью и порядками, снова начинает почти поголовно выгонку самогонки и ее истребление» [3:256].

Сообщения органов ЧК по-прежнему фиксировали враждебное отношение крестьянства к продовольственной политике власти (Владимирская губерния), «скверное» (Тверская), «подавленное» и «глухонеприязненное» (Рязанская), «самое нежелательное» (Воронежская), «отрицательное», «глухой скрытый ропот» (Ярославская, Тамбовская губернии), «ненадежное» (Вятская) [3:238, 16].

Сообщения о сопротивлении крестьян весной 1920 г. поступали в Москву со всех сторон — из Вятской, Воронежской, Курской, Орловской, Пензенской, Смоленской, Тульской и других губерний. На первом месте по активности борьбы были крестьяне Уфимской, Вятской, Пермской, Екатеринбургской губерний, где хлеб выметали «под метлу». Вновь поднялась волна дезертирства, давшая за январь—июнь 1920 г. 1093 тыс. человек, а добровольная явка дезертиров уменьшилась в два раза [2: 137, 138].

По данным ЦК по борьбе с дезертирством, в первые две недели 1920 года были задержаны 36097 дезертиров, добровольно явились 29871. Властям удавалось задержать лишь незначительную часть дезертиров: так, на учете только в одной Владимирской губернии в январе 1920 г. числилось 37186 дезертиров. В начале лета в Тверской губернии насчитывалось 8, 5 тыс. дезертиров, в Тамбовской — 35 тыс. [3:230—231, 233, 272].

Волна восстаний нарастала. В феврале—марте 1920 г. восстания разгорелись в Тульской губернии (Крапивенский, Богородицкий, Чернский уезды), Воронежской (Острогожский, Алексеевский, Богучарский, Павловский, Калачский, Валуйский), Самарской (районы Абдулино, Глуховская, Покровская, Новотроицкое, Тураево, Бакташево), Пензенской (Ижморское, Ушинское), Уфимской губернии [3:243—252].

Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнули волнения. В селе Большие Ижмory Пензенской губернии поводом восстания стала мобилизация подвод для вывоза дров на железную дорогу. 22 февраля 1920 г. в деревнях Ижмора и Ушиново крестьяне разоружили отряд из 35 красноармейцев, отобрали пулеметы, разграбили ссыпные пункты, убили райпродкомиссара и одного из представителей местной власти. На ликвидацию восстания был брошен комбриг 11-й бригады с отрядом из 400 штыков, 26 сабель, трех пулеметов. Из Троицка послали дополнительно отряд из 142 штыков. Любой повод мог стать последней каплей крестьянского терпения. Так, в одном случае продармейцы отбирали хлеб и сваливали его в кучу на снег на глазах крестьян, что вызвало сильное возмущение и послужило сигналом к выступлению [3:244, 235].

Во многих регионах происходили выступления женщин, особенно жен красноармейцев. В селе Остроговка Маркштадского уезда Области Немецкого Поволжья 25 марта собравшиеся на сход жены красноармейцев потребовали выдачи мануфактуры из лавки Остроговского кооператива и выбрали делегацию для поездки к райпродкомиссару. В это время в село прибыл отряд красноармейцев для вылавливания дезертиров. Разъяренная толпа женщин окружила отряд. Командир отряда и два красноармейца были убиты и спущены в прорубь, остальные красноармейцы разбежались. В селах Розенталь и Гофенталь того же Маркштадского уезда 23 мая произошло женское волнение с требованием: оставить в селе по норме хлеб и семена на один год вследствие засухи и плохого прогноза на урожай. Села были объявлены на военном положении. В селе Гофенталь был открыт оружейный огонь, что привело к жертвам среди женщин. Предположение, что расправа над женщинами не может быть столь же беспощадной, с какой подавлялись выступления мужчин, в условиях гражданского противостояния оказывается ошибочным.

В другой части страны — Алтайской губернии произошло восстание партизан, перебросившееся в пределы Щегловского и Кузнецкого уездов Томской губернии. Движение партизан проходило под лозунгами «Долой попов, коммунистов, Советы, да здравствуют большевики!» [3:270—271].

В июле 1920 г. на территории Самарской губернии произошло неординарное событие, получившее широкий резонанс в стране (сапожковщина) и вызвавшее серьезную озабоченность большевистского руководства — второй случай выступления крупного воинского соединения в Красной армии (после мятежа Ф. Миронова). 13 июля 1920 г. восстали войсковые части 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии, расположенной в 15 верстах восточнее г. Бузулука (7-й и 8-й кавалерийские полки и конная батарея — всего около 600 сабель и 600 штыков при четырех орудиях). Поводом для восстания послужило смещение начальника дивизии А. В. Сапожкова²: дивизия в составе двух полков должна была, согласно приказу командующего Заволжским военным округом, влиться во вновь формируемую 9-ю кавдивизию, а начдив Сапожков отзывался в распоряжение штаба округа для назначения на другую должность.

Причиной восстания послужило недовольство красноармейцев советской продовольственной политикой. Основу Туркестанской кавдивизии составляли преимущественно уроженцы Новоузенского и Пугачевского уездов Самарской губернии и уральские казаки, среди которых он, как известный бывший партизан, пользовался большой популярностью. В день начала восстания Сапожков выпустил воззвание «Ко всем трудящимся и красноармейцам». Он объявил себя на митинге начальником так называемой «Первой армии Правды».

В июле—сентябре 1920 г. восстание Сапожкова охватило территорию Бузулукского уезда Самарской губернии, Новоузенского уезда Саратовской губернии, а также часть Астраханской губернии. Численность «армии Правды» первоначально составила 2500 человек. В основном это были мобилизованные крестьяне Саратовской и Самарской губерний.

Программа сапожковцев была изложена в воззвании «Ко всем трудящимся и красноармейцам», а также в приказе Сапожкова от 15 июля 1920 г. В воззвании говорилось, что в Советской России «власти тружеников-крестьян давно уже не существует», с их мнением не желают считаться, они «нужны только для того, чтобы с них брать все необходимое и на это взятое держать свою власть». В воззвании

---

² Сапожков А. В. — из крестьян Самарской губернии, участник Первой мировой войны, подпоручик. С февраля 1919 г. командовал 22-й дивизией и участвовал в военных действиях на Уральском и Южном фронтах.

отмечалось, что райпродкомы представляют собой не что иное, как учреждение, эксплуатирующее крестьян-тружеников и в них, так же как и во всех советских учреждениях, засели враги революции: буржуазия и офицерство.

В приказе от 15 июля 1920 г. было заявлено, что восстание кавказской виции стало необходимо «ввиду раскола партии коммунистов-большевиков, в связи с неправильно введенным государственным правлением России, которое в корне подорвало силу русского народа». «Цель восставших, — указывалось в приказе, — объединить все беднейшее рабоче-крестьянское население в одной идее, сломив слишком обуржуазившихся некоторых ответственных членов коммунистической партии под лозунгом «Вся власть Советов действительна на программе партии большевиков на основе конспирации». «Никакого соглашения с буржуазией и всяким элементом, который недавно под мощным ударом Красной армии сложил оружие и в настоящее время занимают видные посты как то: в совнаркомках, в райпродкомках, в штабах и т. д.»

Лозунги реввоенсовета сапожковской армии — «Долой комиссаров, долой старых спецов, да здравствует свободная торговля!» — находили поддержку самарских и саратовских крестьян, присоединявшихся к сапожковцам.

Сапожков организовал военный штаб. Его войска заняли г. Бузулук и станцию Погромная. На станции сапожковцы разобрали железнодорожный путь, были остановлены и обезоружены два эшелона красноармейцев, отправлявшихся на Западный фронт. Отобранным оружием Сапожков вооружил крестьян села Погромное.

В Бузулуке было объявлено осадное положение. Восставшие требовали перевыборов Советов, роспуска райпродкомов. Сапожковцы учредили свою власть во главе с Сапожковым. Было выпущено воззвание, в котором население призывалось к поддержанию порядка, поддержке Советской власти, армии Правды и III Коммунистического Интернационала. Объявленная запись добровольцев проходила с большим энтузиазмом со стороны крестьян.

17 июля сапожковцы были вытеснены из города подошедшими из Самары советскими войсками и рассеялись. Одна часть сапожковцев направилась в сторону Оренбурга, вторая к Бугуруслану. Конные отряды Сапожкова объявились в волостях Бугурусланского уезда: Ново-Султансуловской, Средне-Аверкинской, Мал-Талской, селах Троицком и Матвееве, где сапожковцы проводили агитацию среди крестьян под лозунгами «свободной торговли» [3:278—279, 301].

Сапожковщина представляла серьезную опасность для советской власти: восстание могло вызвать цепную реакцию и стать катализатором крестьянских восстаний в Поволжье и на Южном Урале. Об этом было указано в записке Троцкого, переданной по прямому

проводу 28 июля 1920 г. командующему Заволжским военным округом Авксентьевскому.

Троцкий требовал: «Мятеж Сапожкова должен быть ликвидирован как можно скорее. Виновники сверху донизу должны быть беспощадно покараны. В подведомственном Вам районе возможны широкие кулацкие восстания. Предупредить их можно только дав незабываемый урок всем элементам, которые прямо или косвенно поддержали мятеж Сапожкова». Троцкий обязывал расстреливать всякого повстанца, захваченного с оружием в руках. Ленин также направил 2 августа 1920 г. телеграмму в адрес Заволжского военного округа, Уральскому и Саратовскому губкомам РКП(б) — в телеграмме также выдвигалось требование скорейшей ликвидации мятежа Сапожкова.

Повстанческий отряд Сапожкова действовал в Заволжье до начала осени 1920 г. 6 сентября 1920 г. у озера Бак-Баул в Астраханской губернии он был разгромлен отрядом Борисоглебских кавалерийских курсов, а сам Сапожков убит [3:758—759].

Сапожковщина со всей очевидностью выявила характерное явление: в 1920 г. в сознании крестьян утвердилось настроение о происходившем перерождении советской власти в результате постепенного захвата ее учреждений бывшими угнетателями (помещиками, кулаками, чиновниками). В крестьянской среде распространилось мнение, что учреждения советской власти и ее органы на местах становятся сосредоточением взяточников, спекулянтов, мародеров, пьяниц, саботажников. Основания для подобных рассуждений имели место: по оценкам органов ВЧК, на местные органы и учреждения советской власти возлагалась основная вина за крестьянские восстания, поскольку они неверно проводили в жизнь распоряжения центральной власти, дискредитировали их своей деятельностью (3:32).

В то время, как наиболее сознательная и идейная часть сельских коммунистов ушла на фронт, погибала в боях с белыми, в далеком тылу, особенно в деревне, многие местные советские и партийные работники, не выделявшиеся уровнем образования и умением управлять, формировали в крестьянской среде негативный моральный облик представителя новой власти: пьянствовали и вели разгульный образ жизни, вымогали у крестьян деньги и продукты, брали взятки.

В июле—августе 1920 г. на почве недовольства продрозверсткой произошло восстание крестьян и казаков Бухтарминского края Семипалатинской губернии под лозунгами: «Долой коммунистов! Да здравствует Советская власть! Да здравствует свободная торговля!» Восстание было жестоко подавлено советскими отрядами [17:404—456].

Тяжелая продовольственная обстановка усугубилась природны-

ми катаклизмами — жаркое засушливое лето 1920 г. привело к пожарам, охватившим в июле—августе большую часть России. В результате стихийного бедствия страна понесла огромные убытки: пожаром были уничтожены целые села, огромные площади леса. Особенно пострадали Тверская, Московская, Новгородская, Калужская, Ярославская, Вологодская, Нижегородская губернии. В ряде мест официальные власти попытались списать ущерб на происки кулаков, сознательные поджоги, но подобное обвинение прозвучало несерьезно: именно крестьяне, не надеясь на помощь властей, самоотверженно, порой рискуя жизнью, защищали родные края и собственное имущество от капризов природы.

К осени 1920 г. на фоне нарастания социальной и политической напряженности в стране еще более усилилось негативное настроение крестьян в отношении власти: «враждебное» (Омская, Воронежская, Вятская, Челябинская, Томская, Тобольская, Иркутская губернии), «неудовлетворительное» (Астраханская, Оренбургская), «недоброжелательное» (Казанская, Самарская), «неопределенное» (Уфимская губерния).

Недовольство крестьян объяснялось низкими (твердыми) ценами, отсутствием товарообмена, острым недостатком предметов первой необходимости (соли, спичек, керосина, мануфактуры), «выкачками хлеба» [3:295—296, 348, 354, 355].

По оценке ситуации местными органами ВЧК, крестьяне не желали реставрации власти вроде Колчака, против которой сами же боролись, но хотели, чтобы представители Советской власти были бы подлинными представителями народа.

Апеллируя к власти, крестьяне заявляли: «Мы Вас видим тогда, когда Вам нужен хлеб и солдаты... а если нет, то пришлете карательную экспедицию...» [3:334].

В деревне росло недовольство крестьян продолжающейся гражданской войной и политикой советской власти. В определенной мере напряжение сдерживалось ожиданием победы над Врангелем, окончанием войны и наступлением мирной жизни: крестьяне роптали, но терпеливо переносили разверстку и повинности, надеясь на справедливую жизнь в мирных условиях.

Кроме хлебной разверстки устанавливались разверстки мяса, масла, яиц, молока, картофеля и других продуктов. Все виды производства в сельском хозяйстве взаимосвязаны: нельзя произвести мясо, молоко, яйца, масло, если нет фуража и нечем кормить домашних животных. Власти этот объективный фактор не волновал. Нормы для питания крестьян, а также домашних животных устанавливались явно недостаточные, полуголодные, но ведь крестьянам надо было заниматься тяжелым физическим трудом, эксплуатировать рабочий скот. Власти не могли обеспечить сохранность продовольствия на ссыпных пунктах, отсутствовал необходимый транс-

порт для вывоза. Продработники в заготконторах и ссыпных пунктах практиковали обвес, устанавливая, к примеру, высокий процент сорности сдаваемого продукта.

Разверстка, в свою очередь, связана с трудовой повинностью: для выполнения последней необходимы не только рабочий скот, но и подводы, фураж, инвентарь. Издержки продовольственной политики советского государства негативно сказывались на крестьянстве. Установка Наркомпрода была следующая: план разверстки необходимо выполнить любой ценой. Если у крестьянина хлеба или других продуктов нет — добывайте любым способом.

1920 год выдался неурожайным. Чтобы выполнить продрозверстку, отбирали последнее, не считаясь с неурожаем. Вошедший в практику произвол со стороны продотрядов в отношении крестьянства имел свое объяснение: центр требовал принять «нечеловеческие меры» к изъятию хлебных излишков — чтобы выполнить поставленную задачу, продотряды пускали в ход нагайку. Имели место многочисленные случаи преступлений, совершенных продотрядами с корыстной целью [3:283, 320].

Пензенские чекисты сообщали: «Часто выгоняют крестьян вонзить хлеб, а в результате приходится накладывать другие продукты, как солому, к чему крестьяне в этот момент не приготовились, приезжают для выполнения наряда, а им велят ждать по несколько часов и мерзнуть на холоде, при приемке от них продуктов приемщики их обмеривают и обвешивают, грубо обходятся, придираются, находят много сорности или недоброкачества, райпродкомы обещают после выполнения разверсток выдавать соль или иные продукты, а в результате обыкновенно обманывают или выдают с большим запозданием; когда делят лес, то почему-то селам отводят делянки как раз в дальних местах, хотя лес имеется рядом с селом и тоже вырубается. Сейчас крестьянам нужны подковы и гвозди, а им не дают этого, а подводы гоняют ежедневно, некоторые же спецы смеются еще в глаза и советуют подковы и гвозди делать самим из дерева, при больших нарядах красноармейцы выгоняют на работы даже беременных женщин, да вдобавок еще бьют за отказ, разверстку распределяют поровну, как на богатого, так и бедного, но богатый всегда сумеет откупиться, так что его доля опять ляжет на шею бедняка и середняка» [3:362].

Осенью 1920 г. по решению местных органов советской власти была введена так называемая помольная система, предусматривающая получение крестьянами специальных помольных билетов за право размолы зерна на мельницах. Подобным образом местные власти рассчитывали взять под контроль собранное крестьянами зерно с целью его реквизиции в счет продовольственной разверстки.

Помимо неурожая, объективным фактором невыполнения продроз-

верстки являлся массовый недостаток у большинства крестьян сельскохозяйственных машин — молотилок, веялок, косилок, сепараторов. Так, из-за отсутствия сепараторов крестьяне не могли выполнить масляную разверстку.

В Омской губернии разверстка на волости осенью 1920 г. была установлена произвольно. На Борисовскую волость Омского уезда разверстали заготовку зерна в количестве 314 тыс. пудов. Губпродкому были посланы сведения своевременно о площади посевов. Но оказалось, что с каждой десятины необходимо было собрать 35 пудов, чтобы выполнить разверстку — волость была не в состоянии это сделать: в других волостях на десятину приходилось 18 пудов разверстки. Чем руководствовался губпродком, определяя Борисовской волости вдвое завышенный план? Оказалось, что, невзирая на данные волостного руководства, губернское установило разверстку на основании сведений 1917 г., но за прошедшие три года из состава Борисовской выделились Боголюбовская и Максимовская волости. Руководители Борисовской волости обращались в губпродком по поводу недоразумения с расчетом разверстки, но там не обратили на данное ходатайство никакого внимания. Заранее установив нереальный план, волость заведомо лишали возможности получения так называемого товарного пайка — промышленных товаров для населения. Губернские власти ограничились кратким объяснением: разверстка проводится по приказу товарища Ленина, а раз приказал т. Ленин — значит, надо выполнить.

На долю Омского уезда была установлена следующая мясная заготовка: крупного рогатого скота в количестве 6031 головы, овец — 257 595 голов, свиней — 4667 голов. Доставлено на заготовочные пункты крупного рогатого скота в процентном отношении: крупного рогатого скота в количестве — 30%, овец — 11, свиней — 5%.

Петропавловскому уезду установили заготовку крупного рогатого скота в количестве 1857 голов, молодняка — 762, овец — 7223, свиней — 1075 голов. Оказалось выполнено в процентном отношении: крупного рогатого скота — 50%, молодняка — 25%, овец — 8, 7%, свиней — 0, 5%. Хлебную разверстку на Петропавловский уезд установили таким образом, что только 5—7% хлеба были доставлены на сыпные пункты.

Имели место случаи, когда на сыпных пунктах продработники отказывались принять привезенное зерно. В результате чего большинство крестьян, стоявших в очереди, были вынуждены сбрасывать зерно и уезжать домой на начавшиеся полевые работы. Непринятое и брошенное зерно оказалось разворовано. Результат недальновидной продовольственной политики — в сентябре 1920 г. в Петропавловском уезде Омской губернии произошло выступление крестьян против продотрядов [3:328, 288—294]. Волнения охватили беднейшее крестьянство, на котором неурожай отразился сильнее.

Пензенской губчека осенью 1920 г. докладывал в центр: «Разверстка выполняется быстро и меры применяются крутые, но в связи с этой быстротой и стремительностью раздаются со всех концов жалобы на массовые неправильности, вызывающие сильнейшие чувства негодования у обиженных, особенно среди семей красноармейцев. Разверстка, которая была наложена на некоторые продукты, как капуста, по отдельным местностям, даже по словам самих райпродкомов, была настолько произвольна и преувеличена, что являлась без сомнения невыполнимой, к этому присоединяется также и то обстоятельство, что учет второстепенных продуктов велся крайне неправильно и халатно.

Из взглядов и разговоров с крестьянами заметно, что они не столько недовольны самой разверсткой, как тем, что разверстка разделяется и раскладывается неправильно, открытых жалоб от крестьян не слышно, так как крестьяне на практике знают результат и на все махнули рукой.

Многие волости выполнили разверстку своими силами без отрядов, которых они по опыту прошлого года очень боятся. Прodelки продотрядцев и местных властей на продовольственной почве по-прежнему продолжаются» [3:348].

Примечательно, что в докладе секретного отдела ВЧК о повстанческом движении в конце 1920 г. подчеркивалось: трудно отличить, где кончается бандитизм и где начинается повстанческое движение [3:369].

Приведем показательный пример. В отчете Пензенской губчека отмечалось, что в 1918—1920 гг. ЧК было арестовано 5520 человек, в том числе крестьян — 1939 (то есть 35%), кулаков — 227 (4%, или 10, 5% от общего числа арестованных крестьян). В основном аресты приходились на 1918 г. (так, в этом году арестовали 147 кулаков, то есть 65% всех кулаков, арестованных за три года). По обвинению в участии в восстаниях были арестованы 244 крестьянина: в 1918 г. — 41, 1919 г. — 101, 1920 г. — 102. Статистика в отношении кулаков демонстрирует обратную динамику: соответственно 1918 г. — 27, 1919 г. — 15, 1920 г. — 14. В 1920 г. было арестовано 516 крестьян, кулаков — 6 (1% от всего арестованного крестьянства). Больше арестовывали даже сотрудников ЧК — 9, коммунистов — 27 [3:313, 316].

В одном из чекистских сообщений зафиксирован любопытный факт: в субботнике по погрузке зерна в вагоны, устроенном группой коммунистов на станции Мариановка Омской губернии 8 августа 1920 г., приняли добровольное участие кулаки, которые пришли помочь коммунистам и работали вместе с ними [3:313—316, 290].

Непонимание крестьянами целей и задач коммунистической партии объяснялось их политической малограмотностью. Отношение крестьян к коммунистической партии определялось на обыден-

ном уровне негативной оценкой роли коммунистов в осуществлении продовольственной политики советской власти. Политика коммунистов разоряла крестьянские хозяйства и обрекала крестьянские семьи на полуголодное существование — соответственно отношение к коммунистической партии у крестьян становилось отрицательным [3:33]. Особенно если ситуацию усугубляли члены партии, облеченные должностными полномочиями в структуре власти, нередко дискредитируя ее своими действиями и моральным обликом. Разочарование в компартии и ее политике породило выход из ее рядов. Нередко по приезде домой красноармейцы скрывали свою партийность.

В чекистских сообщениях по поводу дезертирства отмечалось: среди дезертиров нет политического настроения не служить Советской власти, а преобладает мнение не служить никому. В течение первой половины октября 1920 г. были задержаны 47745 дезертиров [3:334, 351].

В большинстве восставшие крестьяне выдвигали лозунг «За Советы без коммунистов». Нередко повстанцы объявляли собственную позицию как «Долой коммунистов, да здравствуют большевики!» — в этом явлении отобразались коллизии крестьянской психологии. Считалось, что коммунисты и большевики — не одно и то же: большевики дали крестьянам право на землю, а коммунисты это право отбирают и занимаются насилием, устанавливая грабительские продразверстки, повинности, мобилизации. В обиходе повстанческого сопротивления появился даже своеобразный, но характерный для крестьянской психологии призыв — «Бей коммунистов, долой Троцкого! Да здравствует Ленин и Учредительное собрание!» [3:347].

Крестьянские волнения распространились на уральские и сибирские территории. В Томской губернии бунты и восстания охватили всю губернию. Восставшие захватили г. Колывань. Томские чекисты докладывали: слово «коммунист» стало ненавистно крестьянам: во время выступлений вырезались все коммунисты и их семейства с малыми детьми, по деревням прокатились избиения коммунистов. Активное недовольство выражали десятки сибирских казачьих станиц. В Оренбургской губернии повстанцы заняли район западнее Верхне-Уральска. Боевые силы повстанцев, руководимые штабом, объединяли пять полков, в том числе казачий. Повстанческие части насчитывали до 5 тыс. башкир. В Башкирской губернии численность повстанцев достигала 1500 человек. Лозунги восставших: «Бей коммунистов! Да здравствует Советская власть, свободная торговля и мелкая собственность!» [3:296, 337].

Осенью 1920 г. в Енисейской губернии вспыхнул ряд небольших и разрозненных крестьянских восстаний вследствие недовольства населения продразверткой, трудовыми повинностями, мобилизацией в армию новобранцев и одновременно унтер-офицеров старой армии. Голопуповское восстание (с начала октября по 19—

20 ноября 1920) охватило шесть волостей Канского уезда и насчитывало, по неполным данным, более 500 участников. В Зелеевском восстании (12—13 октября — ноябрь 1920) приняло участие примерно такое же количество крестьян шести волостей Красноярского уезда. Сerezжский мятеж, отличавшийся особой жесточенностью действий обеих сторон с 1 по 5 ноября 1920 г., перекинулся на территорию пяти волостей Ачинского уезда и насчитывал свыше 600 участников. При этом мятежники, число которых не было постоянным, выдвигая разные лозунги, в основном выступали за советы, но без коммунистов.

В ходе подавления только Голопуповского и Сerezжского мятежей со стороны крестьян были убиты 230, взяты в плен 293 человека. Советские войска потеряли убитыми 34 и ранеными 59 красноармейцев. К расстрелу по этим делам были приговорены 85 мятежников. Пытавшиеся пробиться в Урянхай остатки сerezжских и зелееевских повстанцев в феврале-марте 1921 г. были ликвидированы на территории Минусинского уезда. Участники этих восстаний, создав мелкие отряды Виноградова—Саломатова, Дреголя (Друголя)—Самкова, Мосина—Юркова—Карелина и Марьясова, продолжали действовать, порой с жестокостью расправляясь с коммунистами, в Ачинском и Красноярском уездах вплоть до осени 1922 г. [18: 108—109].

Районом более длительного по времени повстанчества стала территория между Ачинским и Минусинским уездами. Многие местные жители, хакасы, понимая советскую власть как власть сугубо русскую, относились к ней враждебно. С осени 1920 г. здесь действовали повстанческие группы А. Аргудасва, С. Астанаева, Ф. Карачакова, А. Кийкова, Н. Кулакова, И. и Е. Родионовых, Н. Соловьева и И. Шадрина (Мотыги). Летом 1921 г. они объединились под командованием Н. И. Соловьева³. Осенью повстанцы часто распались и многие их участники расходились по улусам, сбывая награбленное и ведя разведку. Оставшиеся оседали на зимовку в надежном месте, чтобы весной, собрав новых сторонников, вновь начать действия. К осени 1921 г. численность соловьевцев уменьшилась до 200, к 1922 г. — до 40, но с объединением повстанческих групп летом 1922 г. насчитывала до 500 человек. В отряде Соловьева находили пристанище лица, бежавшие от произвола местной власти, ранее даже служившие в милиции или состоявшие в РКП(б), хакасы-подростки, дезертировавшие с лесозаготовок, охотники, лишённые коммунистами оружия, любители вольной жизни, а также те, кого повстанцы увозили насильно. Лица, какое-то время

³ Соловьев Н. И. — уроженец станицы Фаргус (Солсно-Озерное) Минусинского уезда, казак Сибирского войска, житель улуса Теплая речка Енисейской губернии.

жившие в тайге, воспринимались местными коммунистами как бандиты и в дальнейшем были вынуждены защищать себя. Хакасская беднота составляла 70-80% всех соловьевцев. Политические настроения повстанцев больше всего отражал лозунг «За беспартийные советы и против коммунистов», «Советская власть без большевиков!».

Действия соловьевцев в основном были направлены против коммунистов. Однако иногда они получали уголовную окраску и причиняли вред населению. Соловьеву и его помощникам удалось вовлечь в повстанчество хакасское население, свой отряд они организовали по типу кавалерийской части и установили в нем относительный порядок. Конец соловьевщины был предопределен усилением чоновских отрядов, использованием советской властью заложничества и наказаний. Главной же причиной была потеря повстанцами опоры среди хакасского населения. Устав от грабежей и насилия, оно выставило в поддержку чоновцев более тысячи истребителей. В ноябре—декабре 1922 г. повстанцам под ударами ЧОН и регулярной Красной армии пришлось покинуть свою главную базу и бежать из района, потеряв убитыми и сдавшимися целые группы своих участников. Сам Соловьев с небольшой группой скрылся в тайге (убит в 1924 г. в селе Соленое Озеро Минусинского уезда). В целом восстание способствовало ускорению решения о создании Хакасского уезда [18: 109—110].

Вооруженный протест против власти продемонстрировали участники сибирских и уральских партизанских отрядов, воевавшие в 1918—1919 гг. против белогвардейских войск и чехословацкого корпуса [19]. Попытки повлиять на крестьян через партизанских руководителей ни к чему не привели. Так, популярный бывший командир партизанского отряда антиколчаковского сопротивления Лубков Петр Кузьмич отмалчивался, а затем неожиданно поднял бывших партизан на восстание в Мариинском уезде Томской губернии. Толчком к выступлению Лубкова послужил большой митинг на станции Тайга, где выступление бывших партизан встретило горячее сочувствие крестьянства, недовольного продовольственной разверсткой. В воззвании Лубкова к населению Мариинского уезда от 21 сентября 1920 г. следующим образом были изложены причины и цель восстания: «Партия же коммунистов одна захватила власть в свои руки и неумелым своим правлением заставила нас голодать и ходить раздетыми. Дальше жить так нельзя, поэтому все крестьянство восстало и вступает в Народную Армию под командой тов. Лубкова и просит всех присоединиться к ней. Всем будет дарована жизнь и свобода и совместно мы (сможем) свергнуть с власти коммунистов» [17:465; 3:761].

Лубков произвел мобилизацию мужского населения в Народную армию от 17 до 60 лет. 21 сентября отряд Лубкова внезапно

нагрнул в село Почитанка, где были арестованы все члены комучейки и расстреляны секретарь исполкома и милиционер. Лубков, выступая на сельских собраниях против коммунистов, именовал себя командиром рабоче-крестьянской армии. Главный центр агитации повстанцев был направлен против коммунистов как виновников продолжающейся войны. Отряд быстро вырос до 1,5 тыс. человек, организованных в два батальона в количестве 17 рот, с командным составом, штабом. Значительную его часть составляли вступившие в отряд добровольно представители татарского населения. Силы повстанцев в разгар восстания достигали 10—20 тыс. человек.

Лубков со своими повстанцами неоднократно осуществлял набеги на железнодорожную магистраль. 22 сентября произошло нападение на станцию Ижморка, где был задержан поезд, но после перестрелки с поездной охраной повстанцы отступили. В этот же день отряд численностью до тысячи человек обстрелял станцию, но после приближения бронепоезда повстанцы ушли и расположились у села Почитанка.

Под деревней Тавлинской один из батальонов Лубкова был разбит карательными советскими частями. В конце сентября около деревни Михайловки произошел решающий бой, в результате которого на поле сражения осталось убитых лубковцев до 500 человек, не считая раненых. У Лубкова остался небольшой отряд из его бывших партизан [3:336—337].

Летом и осенью 1920 г. волновалось донское и кубанское казачество. На Дону произошли открытые выступления казаков Верхне-Донского, Донского, Хоперского округов. Волнениями были охвачены несколько тысяч казаков в станицах Елизаветинской, Григориполисской, Богаевской, Манычской, Ольгинской, Хомутовской, Кагальницкой, Мечетлинской, Горлинской и многих других станиц. Для ликвидации волнений использовались регулярные красноармейские части, пулеметы и артиллерия.

Во многих казачьих станицах Кубанской области вспыхивали восстания: Ново-Троицкой, Ново-Александровской, Кармалиновской, Невинномысской, Егорлыке, Темихбекской, Фельдмаршальской, Темноласской, Вознесенской, Владимирской, Ларийской, Кубанской, Абшеронской, Челыкской, Лабинской. Число восставших, по неполным сведениям, достигало в общем до 8 тыс. человек, большинство из которых составляла кавалерия. В восставшие станицы направлялись красноармейские карательные отряды, которые производили самочинные обыски и конфискации имущества повстанцев, при обысках отбиралось все, что попадалось под руки: черкески, бешметы, шапки, башлыки, фуражки [3:300, 302, 321—322].

С 1 сентября 1920 г. войска Внутренней охраны республики (ВОХР) вошли в состав вновь образованных войск Внутренней

службы (ВНУС) наряду с караульными частями, войсками обороны железнодорожной прифронтовой полосы, транспортной милицией. Войска ВНУС находились в подчинении НКВД и Главкома Вооруженных Сил. Высшим органом их управления является штаб войск ВНУС.

Крестьянство и казачество становились повстанцами не только в родных селениях и станицах. Мятеж Ф. Миронова и сапожковщина стали прецедентами крупных мятежей в Красной армии, которые положили начало серии подобных выступлений. Настроение жителей деревни, находящихся в Красной армии, отражалось на состоянии воинских частей: социальный состав Красной армии на 75% был представлен крестьянами [20:498]. Крестьяне и казаки, одетые в красноармейскую форму, составляли основную часть повстанцев в красноармейских соединениях.

Командиры Красной армии становились во главе мятежников. Особенно повстанческое движение активизировалось в результате начавшейся демобилизации (к концу 1920 г. Красная армия насчитывала около 6 млн человек [21:136] после победы Красной армии над генералом Врангелем в Крыму — военное противостояние с Белым движением закончилось).

В 1921 г. засуха поразила Поволжье, бассейн реки Урал, среднее течение Дона, часть Казахстана и Западной Сибири, южные районы Украины и Черноземного центра, в результате чего разразился страшный голод. В марте 1921 г. появилась информация о фактах голодной смерти крестьян в Поволжье.

В это же время начались волнения, связанные с нарастающим голодом на значительной части России, особенно в Поволжье. Засуха, недосев, пожары предыдущего года привели к тому, что крестьяне резали рабочий и домашний скот, в пищу употреблялись собаки и кошки. Ели хлеб с мхом, желудями, жмыхом, мякиной и другими суррогатами, а также травы, лебеду, коренья. В пищу шли также древесная кора, опилки.

Отовсюду поступали сведения о фактах голодной смерти, самоубийств на почве голода. Фиксировались многочисленные случаи каннибализма, трупы мертвецов вырывались из могил [3:455, 457, 463, 560—562, 567, 568, 573, 575, 592, 595, 597, 598, 612, 614, 616, 626, 627]. Началось бегство от голода в более благополучные районы — в Туркестан, на Украину. Всего в голодные 1921—1922 гг. официально насчитывалось 1,5 млн беженцев. В 1921—1922 гг. голодали свыше 30 млн человек, от голода погибли от 1,5 до 2 млн человек. К лету 1922 г. в Самарской губернии голодали 3,5 млн человек, в Саратовской — 2 млн, в Екатеринбургской и Челябинской губерниях — около 1,6 млн человек, на Украине — более 2 млн, в Уфимской — 1,5 млн, в Симбирской — 1,2 млн, в Казахстане и Ставропольской губ. — по 1 млн человек. Миллионы людей голодали в Пензенской, Омской, Во-

ронезской губерниях, в Крыму и на Северном Кавказе [3:42, 49]⁴.

Одновременно с голодом по России растекались эпидемии среди населения: тифа, холеры, чумы, цинги, скарлатины, эпидемии сибирской язвы у скота. Голод стал причиной массовых явлений разгрома крестьянством ссыльных пунктов, мельниц, общественных продамбаров. Участниками подобных акций была в основном крестьянская беднота [3:421, 425, 436, 438, 445, 449, 451—460, 468, 491]. Разграбленное семенное зерно немедленно засевалось, чтобы не успели изъять. Именно беднейшее деревенское население не позволяло осуществлять вывоз зерна за пределы своих сел.

В марте 1921 г. большая часть Самарской губернии была охвачена крестьянскими восстаниями. В апреле вспыхнуло восстание казаков в Лабинском уезде Кубанской области под лозунгом «Долой коммунистов, да здравствует настоящая Советская власть!» — свыше тысячи участников. Одновременно в другой части страны — в Иркутской губернии — полыхало восстание под лозунгом «Советская власть без коммунистов!» [3:387, 417—418, 419].

После ликвидации восстания Сапожкова видной фигурой повстанческого движения на территориях Самарской, Саратовской, Оренбургской и Уральской губерний в 1920—1922 гг. стал В. А. Серов⁵. В июне 1920 г. он объявил себя врагом советской власти и приступил к формированию собственного повстанческого отряда. Его формирования, достигшие к 1921 г. численности до 2 тыс. человек, совершали массовые расправы над коммунистами и сторонниками советской власти, нападения на ссыльные пункты зерна, вели вооруженную борьбу с Красной армией. Серовым был создан штаб группы «Восставших войск», издан ряд воззваний. После ликвидации отряда Серов 15 августа 1922 г. добровольно сдался. Самарским губернским судом приговорен к расстрелу.

Серьезное сопротивление оказывали крестьяне проведению мероприятий советской власти — сбору продналога, выполнению трудгужповинности. Неслучайно поэтому в 1922 г. повстанческое движение не только не прекратилось, но в ряде районов оно еще более усилилось (Алтайская губерния, Сибирь, Украина). Ключе-

⁴На заседаниях политбюро ЦК РКП(б) ежедневно 27—31 января и 2 февраля 1922 г. специально рассматривались вопросы, связанные с явлением людоедства в голодающих регионах, в том числе по поводу ограничения материалов в печати (Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. Т. 1. С. 150).

⁵Серов В. А. – уроженец села Куриловка Новоузенского уезда Саратовской губернии. Старший унтер-офицер царской армии. Член РКП(б) с 1919 г. В 1920 г. служил во 2-й Туркестанской дивизии Сапожкова. Во время восстания в дивизии в 1920 г. после захвата г. Бузулука Серов был назначен начальником местного гарнизона.

вая фигура в повстанческом движении на Алтае — А. П. Кайгородов⁶. В 1921 г., получив сведения об усилении недовольства крестьян на почве продразверстки, провел мобилизацию русского населения в Монголии, собрал отряды в количестве до 1 тыс. человек и двинулся на Алтай с целью свержения советской власти. Кайгородов объявил себя главой освободительного движения в горах. К 1922 г. объединения Кайгородова, именовавшиеся «Свободным русско-инородческим партизанским отрядом», достигли численности 4 тыс. человек. Была разработана политическая программа (без коммунистов, за свободный труд и предпринимательство, за Учредительное собрание), созданы свой военно-полевой суд и контрразведка.

С января 1922 г. Горный Алтай был объявлен на чрезвычайном положении, к сочувствующим повстанцам принимались карательные меры. В результате приток людей и помощи прекратились. В январе 1922 г. из остатков нескольких отрядов Кайгородов создал 2-ю народную дивизию — Чуйский полк из 130 человек и 1-й полк из 80 человек. 10 апреля 1922 г. отряд Кайгородова был настигнут истребительным отрядом у деревни Катанда, зарублены и взяты в плен до 500 повстанцев, сам Кайгородов и его штаб уничтожены [3: 796].

По данным органов ГПУ, в 1922 г. зарегистрировано свыше 300 так называемых бандитских формирований, состоявших в подавляющем большинстве из крестьян [3:50]. Отдельные отряды насчитывали по несколько сот, а то и тысяч человек. Иногда на сторону повстанцев переходили отряды красноармейцев. Конечно, были и уголовные банды, занимавшиеся разбоем и грабежом, но основную массу повстанцев составляли крестьяне, недовольные действиями власти. Нередко крестьяне помогали повстанцам продовольствием и фуражом.

Политбюро ЦК РКП(б) в 1922 г. неоднократно рассматривало вопросы о борьбе с бандитизмом. В территориях, охваченных повстанческим движением, губчека разрешалось выносить высшую меру наказания без утверждения ВЧК [22: 150, 164].

Отметим немаловажное обстоятельство: руководство повстанческим крестьянским сопротивлением со стороны эсеров, меньшевиков и других небольшевистских партий в условиях того времени является идеологическим мифом. В 1919—1921 гг. члены партии эсеров принимали участие в крестьянском движении в качестве рядовых участников, а иногда и в качестве организаторов крестьянс-

⁶ *Кайгородов А. П.* — уроженец села Катанда Уймонского аймака Горно-Алтайской губернии, сын крестьянина-переселенца из Томской губернии; с германского фронта вернулся полным Георгиевским кавалером и прапорщиком, за боевые заслуги в армии Колчака произведен в подьесаулы. Командир сотни «туземного» дивизиона.

ких выступлений и повстанческих отрядов. Однако реальное влияние эсеров на крестьянское движение в годы Гражданской войны по объективным причинам не могло иметь существенного значения. Крестьянское движение было стихийным, самостоятельным движением, развивающимся независимо от меньшевистских партий. Возрос контроль органов власти за уцелевшими осколками различных партий. В каждой губернии представители некоммунистических партий находились на учете ВЧК. Так, в Тюменской губчека в сентябре 1920 г. на учете значилось 128 меньшевиков и эсеров [3:318]. К тому же партия эсеров была категорически против создания и деятельности крестьянских союзов. Позиция партии основывалась на установке: организация крестьянства должна строиться на почве политической программы, а не на почве профессиональных крестьянских интересов. Крестьянские союзы создавались без участия партии эсеров [23].

В директиве ЦК партии социалистов-революционеров местным партийным организациям эсеров 25 февраля 1921 г. давались следующие установки: предостерегать крестьянство от разрозненных стихийных выступлений, разъясняя их практическую нецелесообразность; предупреждать возможность вспышек на почве отдельных вооруженных столкновений крестьянства с продотрядами, карательными отрядами и представителями коммунистической власти, так как такие локальные вспышки наносят ущерб общему движению. Руководство партии эсеров рассматривало в качестве объективной необходимости наличие длительного периода оформления классового самосознания крестьянства. Принятая 11 марта 1921 г. Инструкция ЦК партии социалистов-революционеров местным партийным организациям эсеров определила лозунг текущей работы: выборы всероссийского Учредительного Собрания для установления основных законов Республики и закрепления социальных завоеваний революции [24].

Другим мифом является характеристика повстанческого крестьянского движения как следствие заговоров и руководства белогвардейского офицерства.

Перечислим некоторых руководителей повстанцев.

Аверин И. С. — уроженец села Большая Ижмора Пензенской губернии. В годы Первой мировой войны дослужился до чина подпоручика. После войны занимался крестьянским хозяйством. В ходе восстания 23 февраля 1920 г. в родном селе назначен начальником обороны села.

Ефремов И. С. — уроженец села Большая Ижмора Пензенской губернии. В годы Первой мировой войны — унтер-офицер. После войны — красноармеец, занимался крестьянским хозяйством, был председателем сельского Совета. В ходе восстания 23 февраля 1920 г. в родном селе избран председателем «нового правительства», один из руководителей обороны села.

Горин Е. И. — крестьянин Пугачевского уезда Самарской губернии. Унтер-офицер в царской армии. В 1921 г. возглавил повстанческий отряд из крестьян своего уезда.

Далматов Ф. И. — уроженец села Орлов-Гай Новоузенского уезда Саратовской губернии. Служил в лейб-гвардейском гренадерском полку. Член РКП(б). Военком 7-го кавполка 2-й Туркестанской дивизии Сапожкова. В отряде Серова — председатель реввоенсовета и начальник политотдела.

Елисеев И. В. — уроженец села Петропавловка Новоузенского уезда Саратовской губернии. В царской армии — командир пулеметной команды, офицер. В 1922 г. — помощник командира повстанческого отряда Иванова, действовавшего в Саратовской и Уральской губерниях.

Колесников Л. — из крестьян села Тележиха Бийского уезда Алтайской губернии. В царской армии — унтер-офицер. Командир эскадрона в партизанской дивизии антиколчаковского сопротивления. В 1921 г. командир «4-го повстанческого освободительного полка», заместитель Кайгородова по делам мобилизации, после гибели последнего объявил себя его преемником.

Орлов (Туркин) П. С. — из крестьян деревни Кукуя Ойротской области Алтайской губернии. Бывший унтер-офицер. Возглавлял «Бартский отряд», помощник командира 1-го Сибирского повстанческого конного полка.

Пьянков А. М. — уроженец села Тоурак Бийского уезда Алтайской губернии. В царской армии — унтер-офицер. В 1919 г. служил в армии Колчака, в 1920 г. — в Красной армии. В 1921-1922 гг. командир «Бартского отряда» повстанцев в составе отрядов Кайгородова в Алтайской губернии.

Яковлев-Сарафанкин С. Н. — крестьянин из Балашевской волости Дергачевского уезда Саратовской губернии. Унтер-офицер царской армии. Служил в 25-м дивизионе Красной армии. Командир кавэскадрона повстанцев в отряде Серова, затем командир самостоятельного отряда, действовал в Новоузенском и Дергачевском уездах Саратовской губернии [3:781, 787-789, 792, 799, 801, 810].

Приведенный перечень показывает: старая армия подготовила деревне талантливых организаторов и руководителей крестьянской войны. Кроме того, разочарование в политике советской власти привело к тому, что нередко недавние командиры Красной армии становились во главе повстанцев. Широкие массы крестьянства были готовы пожертвовать жизнью в борьбе за свои права, завоеванные в годы революции и защищенные в гражданской войне с помещиками, олицетворением которых для крестьян была Белая гвардия, костяк которой составляло офицерство.

Источники и примечания:

1. РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 20.

2. *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

3. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922.

4. 9 августа 1918 г. секретарь Пензенского губисполкома Е. Б. Бош в своей телеграмме Ленину сообщила о событиях в селе Кучки. В этот же день Ленин направил ответную телеграмму, в которой потребовал провести «беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев, сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города» (см. : *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 143—144). В ночь с 10 на 11 августа 1918 г. Ленин одобрил написанную наркомом продовольствия А. Д. Цурюпой телеграмму в Пензу с предписанием местной власти приложить все усилия для подавления крестьянского восстания в пяти волостях губернии, принять все меры для изъятия излишков хлеба у крестьян, назначить из них по каждой волости заложников, на которых возложить обязанность собрать все излишки хлеба и вывезти его на ссыпные пункты, выпустить специальное обращение к населению с разъяснением сущности и задач этой меры, как необходимой для подавления кулацкой контрреволюции (Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1. С. 759—760).

В течение одного дня — 12 августа 1918 г. Ленин направил в Пензенский губисполком сразу три телеграммы, в которых снова потребовал применения решительных мер против крестьян. «Получил Вашу телеграмму, — отвечал он Е. Бош. — Крайне удивлен отсутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания... Не хочу думать, что Вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков» (см. : *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 148).

В телеграмме председателю Пензенского губсовдепа Минкину Ленин указывал: «Получил Вашу телеграмму о подавлении бунта кулаков. Надо ковать железо, пока горячо, и для этого использовать подавление кулаков для повсеместного беспощадного подавления спекулянтов хлебом, для конфискации у крупных богатеев хлеба и для массовой мобилизации бедноты, наделяемой хлебом. Телеграфируйте исполнение. Надо закрепить власть бедноты в прифронтной полосе окончательно» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 148). В третьей телеграмме председателю Пензенского губ-

совнаркома Кураеву он требовал собрать сведения об участии в крестьянских восстаниях левых эсеров и принять против них в связи с этим соответствующих мер (см. : *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 148*).

19 августа 1918 г. Ленин направил в Пензу две телеграммы в связи с восстанием в Чембарском уезде. В первой из них, переданной по прямому проводу, он призвал членов исполкома и всех коммунистов «беспощадно подавлять кулаков и конфисковывать весь хлеб повстанцев». Ленин указывал: «Возмущен Вашей бездеятельностью и слабостью. Требую подробных отчетов об исполнении всех моих распоряжений и о мерах подавления и конфискации особенно» (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 156*). Ленинское негодование звучало и во второй телеграмме: «Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от Вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены Вами. Бездеятельность Ваша преступна. Надо все силы направить на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 156*).

Еще одна телеграмма была направлена Лениным в Пензенский губисполком 20 августа 1918 г. В ней он снова повторил высказанную ранее позицию: «Сейчас прочел Вашу докладную записку. Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, впредь до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно — сначала против одной волости, доводя дело до конца. Присылайте точный отчет про Чембар. До сих пор у Вас был явно не только недостаток сил, но и недостаток энергии, ибо Вы могли все же подавить восстание пяти волостей, значит могли бы довести до конца хоть в одной волости. Если будет нужно, пришлем еще сил, телеграфируйте подробнее и точнее, где у Вас сколько занято, где, куда, какая подмога нужна» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 161. С. 759—760*).

5. РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

6. РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

7. Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 2. М., 1990.

8. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 32. Л. 13, 26—27, 32.

9. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 32. Л. 79, 104—105.

10. РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 13. Л. 214—216.

11. РГВА. Ф. 6. Оп. 12. Д. 13. Л. 214—216.

12. РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 14. Л. 79.

13. РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 14. Л. 79.

14. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 32. Л. 74—75.

15. Западный исследователь О. Файджес утверждает, что крестьяне, разрушив в 1917—1918 гг. учреждения прежнего режима в дерев-

не, прежде всего хотели, чтобы их оставили в покое. Они боялись реставрации старого порядка больше, чем большевиков, поэтому, пока существовало белое движение и опасность реставрации, их оппозиция новой власти оставалась скрытой. Только после поражения белых крестьяне пошли на ряд кровавых, отчаянных, но в итоге обреченных антибольшевистских восстаний (Figes O. Peasant Russia, Civil War. Oxford, 1989).

16. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 74. Л. 7—8.

17. Шишкин В. И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск. 1997.

18. Вопросы истории. 2006. №2.

19. Партизанское движение в Сибири зародилось в конце лета — осенью 1918 г. после захвата Сибири белогвардейскими и белочешскими войсками. С лета 1919 г. оно приняло массовый характер. Основную массу партизан составили сибирские крестьяне, недовольные грабежами, реквизициями и принудительными мобилизациями в колчаковскую армию. По неполным данным, в партизанских отрядах Сибири насчитывалось 140—150 тыс. бойцов. Они оказали существенную помощь Красной армии в освобождении Сибири от белогвардейцев и иностранных интервентов. Партизаны разрушали коммуникации противника, дезорганизовывали его тыл, приковывали к себе значительные силы колчаковской армии. После разгрома колчаковских войск часть бывших партизан, пользуясь безвластием, занялась грабежами и самообеспечением. Крайнее недовольство у них вызвала продовольственная политика советской власти [3:757—758].

20. Офицерский корпус в политической истории России: Документы и материалы 1920—1925 гг. Т. 3. Калуга, 2003.

21. Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990.

22. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952: Каталог / Т. 1. 1919—1929. М., 2000.

23. Весной 1920 г. партия эсеров приняла решение создать крестьянские союзы и неожиданно для себя обнаружила их существующими на местах. Но оставаясь на платформе, разработанной еще в 1917 г., партия начала создавать другие, параллельные. Когда весной 1921 г. в печати появились сведения о руководстве тамбовским восстанием крестьянского союза, официальный орган партии эсеров в эмиграции — газета «Воля России» — опубликовала специальное разъяснение, что в Тамбовской губернии имеются два разных крестьянских союза: эсеровский и независимый; эсеровский к восстанию не имеет никакого отношения, а руководит восстанием независимый союз и его деятель А. С. Антонов, который еще летом 1919 г. был дезавуирован эсерами за то, что убивал коммунистов (после установления колчаковской диктатуры в Сибири, начала наступления деникинской армии с Кубани и Дона, по решению IX

съезда партии эсеров, состоявшегося в Москве 18—20 июня 1919 г., прекращалась вооруженная борьба против большевистской власти: с коммунистами требовалось вести политическую борьбу, вооруженную — с белогвардейцами) (Хрестоматия по истории России. М., 2004. С. 444—445).

24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 273. Л. 4, 25.

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРИЧИНЫ И ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Недовольство политикой военного коммунизма в крестьянской среде усиливалось антирелигиозной политикой советского государства. Церковь, как самая массовая организация в огромной крестьянской стране, воспринималась в качестве серьезной угрозы новому строю, поэтому советская власть вела беспощадную борьбу с ней. Провозгласив в 1918 г. курс на отделение церкви от государства, советская власть встала на путь конфронтации по отношению к Русской Православной церкви. Закрытие и разгром церквей, аресты и преследование духовенства, вскрытие мошей, надругательства над святыми местами, ликвидация монастырей и другие подобные мероприятия советской власти не только отчуждали население, но и вызывали возмущение. Религия и церковь продолжали занимать в жизни крестьян важное место. В селах фигура сельского священника пользовалась авторитетом.

Декрет от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» провозгласил принцип полного лишения религиозных организаций любой собственности: никакие церковные и религиозные общества не имели прав владения собственностью и прав юридического лица. Церковная собственность одним указом подверглась «национализации»: церкви и монастыри без их ведома оказались не собственниками, а лишь пользователями имущества, накопленного за десятилетия и столетия, в основном за счет прихожан.

Характерно, что созданная в Наркомате юстиции в апреле 1918 г. комиссия для осуществления декрета об отделении церкви от государства стала называться «ликвидационной». Инструкция от 24(30) августа 1918 г. о порядке применения декрета предусматривала комплекс жестких конфискационных мер, включая изъятие капиталов, ценностей, другого имущества церквей и монастырей. Все церковное имущество передавалось на баланс местных Советов [1:21].

Однако сразу же осуществить экспроприацию церковных ценностей оказалось невозможно. В сельских регионах страны большинство населения относилось к верующим различных конфессий, в основном исповедовало православие. В деревне негативно отнеслись к гражданской метрикации, к изъятию из храмов метрических книг. За отказ выдать книги сельские священники подвергались арестам и отдавались под суд.

Верующие отказывались составлять договоры с советской властью («о передаче в пользование...») и описи церковного имущества. Такие случаи произошли в Тверской губернии (Татарковская волость, Старицкий уезд), в селах Медведово и Збосво Ржевского уезда крестьяне избili представителей исполкомов, явившихся к ним объяснить значение и цель декрета. В обоих случаях большевики обвинили «церковников в контрреволюционной агитации». В Пошехонском уезде Ярославской губернии в связи с волнениями прямо у церкви было арестовано около 100 человек, трое подверглись расстрелу без суда, 56 человек угодили под революционный суд [2:231].

Если в городах изъятие церковного достояния протекало быстро, в деревнях оно затянулось. В сравнении с церковным имуществом в городах сельские приходы, как правило, отличались бедностью. Органы советской власти получали многочисленные прошения (резольюции сельских сходов, скрепленные сотнями подписей крестьян) не трогать монастыри и церкви, церковное имущество — как пожертвованное верующими. Крестьянское население рассуждало следующим образом: поскольку церковный инвентарь, как и сами церковные постройки, приобретались на пожертвования многих поколений сельских прихожан, поэтому должны достаться им: если продавать имущество, то не в пользу государства. Национализация церковной собственности вызывала ожесточенный протест верующих.

В Костромской губернии в селе Красное 13 февраля 1918 г. произошло сильное крестьянское волнение. Весной 1918 г. в Раифской пустыни Соловецкого округа толпа крестьян бросила в огонь шестерых коммунистов, пришедших национализировать церковное имущество. В селе Благовещенском (Муромский уезд Владимирской губернии) женщины узнали, что местную церковь большевики хотят отобрать под Совет. Весть быстро облетела село, женщины бросились на проходившее заседание кооперативного собрания, разогнали президиум, а бумаги и протокол порвали на мелкие кусочки. В октябре 1918 г. с резким сопротивлением советскому декрету выступили верующие Орловской области [2:231, 237].

В обращении к советскому правительству 13 октября 1918 г. патриарх Тихон писал: «Сначала под именем «буржуев» грабили людей состоятельных, потом, под именем «кулаков», стали уже грабить и более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая таким образом нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна. Соблазнив темный и невежественный народ возможностью легкой и безнаказанной наживы, вы отуманили его совесть и заглушили в нем сознание греха, но какими бы названиями ни прикрывались злодеяния, — убийство, насилие, грабеж всегда останутся тяжкими и вопиющими к небу обмщении грехами и преступлениями» [3:72].

Значительное число выступлений на религиозной почве отмечалось в Тамбовской, Воронежской, Курской губерниях, в Верейском, Рузском уездах Московской губернии, в Варнавинском уезде Костромской губернии [4: 129]. Примеров волнений и выступлений крестьянства, связанных с религиозными причинами, было немало. В их числе: восстания в селе Большой Азясь Краснослободского уезда Пензенской губернии в марте 1919 г., в Покровской волости Наровчатовского уезда Пензенской губернии в январе 1920 г., в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии в июле 1920 г. Широкое распространение получили отказы от мобилизации по религиозным причинам.

В марте 1919 г. произошло восстание в Н.-Матренской волости Усманского уезда Тамбовской губернии на религиозной почве. Члены сельского Совета села Пластинок попытались забрать метрические книги — пошел слух, что пьяные сельсоветчики отбирают свягие предметы в церкви, кресты, Евангелие, кто-то ударил в колокол, собралась толпа, выгнали Совет из церкви и некоторых побили. Вызванным отрядом были арестованы несколько человек [5:121—123].

22 ноября 1919 г. в селе Казанка Скопинского уезда Рязанской губернии произошло восстание среди крестьян, порожденное распространившимися слухами о закрытии местной колокольни (5:223). В мае 1920 г. крестьяне села Ярул Канского уезда Красноярской губернии воспротивились попытке местной власти арестовать священника, ударили в набат, разогнали волревком и милицию [5:297].

Одной из причин «вилочного восстания» в январе-марте 1920 г. Казанской, Уфимской, Самарской, Симбирской губерниях было недовольство крестьян проводившейся в деревне антирелигиозной политикой советской власти, сопровождавшейся закрытием церквей и мечетей, насилиями над священнослужителями. В татарских селах проводили принудительную мобилизацию мулл, брали их в качестве заложников за невыполнение государственных повинностей, закрывали базары [5:756].

Тем не менее религиозные выступления в деревне, направленные против большевистской власти, носили локальный и вторичный характер: земля и хлеб — вот что составляло основной объект борьбы в деревне, отчуждая крестьянское население от интересов советского государства.

Духовенство по объективным причинам не могло быть активным сторонником большевистского государства. Многие из сельских священников принимали участие в крестьянских восстаниях, причем не только в качестве рядовых участников, но и руководителей. Монастыри, церкви и церковные помещения нередко становились местами хранения оружия и убежищем для повстанцев. Священники вели активную агитацию, скрытую или явную, против советской власти. Советскую власть они считали порождением анти-

христа и поэтому незаконной. Причина подобной позиции духовенства заключалась в политике советской власти по отношению к церкви. В большинстве своем сельские священники негативно отнеслись к декретам большевиков о свободе совести и вероисповеданий и об отделении церкви от государства и школы от церкви. Данная тема постоянно звучала в антисоветских проповедях и агитации духовенства. Политика большевиков по отношению к церкви вызвала недовольство и у крестьян, нередко становясь одной из причин массовых крестьянских восстаний. Но неверным является мнение о том, что духовенство представляло собой реакционную массу, противостоящую революционному строительству советской власти.

В 1920 г., по мере укрепления позиций советской власти, наблюдалось изменение отношения к власти со стороны части сельского духовенства. Более того, лояльные советской власти священники привлекались органами ВЧК к сотрудничеству и выполняли их поручения (5:35). Так, курские чекисты в 1920 г. докладывали, что в губернии в среде духовенства сложилось направление, которое можно назвать «советским». Эта часть священников старалась, отмечалось в тексте сообщения, разъяснить темным массам о пользе проводимой политики Советской власти [5:271]. Отмечались факты добровольной записи священников на общественные работы.

Показателем пример по Пензенской губернии. В 1918—1920 гг. Пензенская губчека арестовала в общей сложности 5520 человек, в числе которых значилось 59 представителей духовенства. Основные аресты пришлись на 1918 г. — 35 священнослужителей, из которых 14 были расстреляны. В 1920 г. арестовано лишь 8 представителей духовенства, расстрелы прекратились (для сравнения: в этом же году ЧК арестовала 9 чекистов и 27 коммунистов) [5:313, 316].

В информационных сводках местные органы ВЧК докладывали: духовенство открыто не выступает, за каждым шагом священников следят компетентные органы, но тяготение крестьян к церкви по-прежнему значимо. Любопытный пример: крестьяне Покровского прихода села Соколовское Тюменской губернии на сельском сходе постановили: «Осмеливаться коленапреклонно просить Народную власть не допускать насилий над православным духовенством, которое нам необходимо» [5:318].

Стихийное бедствие, обрушившееся на Россию в 1921 г. — массовый голод в Поволжье и других регионах — было использовано для проведения масштабной, в рамках всей страны, кампании изъятия церковного имущества. Цель изъятия для населения декларировалась как необходимость получения средств для оказания помощи голодающим. Однако помимо этого у данной акции были другие стороны: создание материального фонда для укрепления государства, а также возможность подорвать основу могущества церкви.

Традиционная причина голода — засуха — обострилась и усилилась состоянием разрухи, связанной с опустошительной гражданской войной, с губительными экономическими экспериментами «военного коммунизма», с кровавым подавлением крестьянских волнений и восстаний против этих экспериментов в самых хлебных районах страны. Характерно, что с голодом как стихийным бедствием явно не могли справиться государственные органы страны.

Первые известия о начавшемся массовом голоде вызвали значительное общественное движение помощи голодающим. Одной из первых откликнулась на беду Русская Православная Церковь. Патриарх Тихон 22 августа 1921 г. издал воззвание «О помощи голодающим», где призывал всех верующих и духовенство полусотни тысяч православных приходов страны к добровольным благотворительным пожертвованиям в помощь голодающим. В июле — августе 1921 г. и позднее патриарх неоднократно обращался с церковных амвонов с призывами произвести сборы денег и продовольствия и выслать их вымирающему от голода населению Поволжья. Тогда же был основан Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим и во всех храмах и среди верующих начались сборы денег на оказание помощи голодающим. Так, церковный совет Ленинского уезда Царицынской губернии принял решение отдать церковные ценности в пользу голодающих. Крестьяне поддержали решение совета. Духовенство в Белозерском и Кирилловском уездах Вологодской губернии выпустило воззвания к верующим о сборе церковных ценностей [5:589].

Но церковная инициатива была признана советским правительством излишней и все собранные церковью денежные суммы по его требованию сданы правительственному комитету.

Патриарх Тихон предлагал руководителям ВЦИК признать созданный Церковный комитет помощи голодающим и разрешить ему вести благотворительную работу. Руководители страны из центральных партийных органов не выразили желания делать подобную «уступку». Решение срочной проблемы затягивалось на месяцы, желание помочь беде квалифицировалось как уловка классового врага. Вместо Всероссийского комитета помощи голодающим с широким представительством общественности в конце концов была создана при ВЦИК Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол) как орган партийно-советского аппарата, а многие деятели Всероссийского комитета были репрессированы. Руководимый М. И. Калининым Помгол отныне жестко контролировался ВЧК—ГПУ и Политбюро ЦК РКП(б).

Лишь 8 декабря 1921 г. ВЦИК разрешил, наконец, религиозным организациям, но исключительно под руководством Помгола собирать средства в помощь голодающим. Церковь выразила готовность немедленно начать эту работу, но оказалось, что следует ожи-

дать появления инструкций и положений о порядке осуществления данного разрешения. Соответствующее положение, готовившееся нарочито неспешно, было утверждено лишь 1 февраля 1922 г. Причинами подобной неспешности являлась боязнь партийных руководителей дать хоть какое-то легальное поле действия меньшинствским общественным силам, а также продолжавшиеся споры о методах искоренения религиозности и церковности в огромной крестьянской стране.

Церковь, получив разрешение на участие в помощи голодающим под руководством советского органа (Помгола), усилила легальную практическую работу. Патриарх Тихон обратился 6 февраля 1922 г. к верующим с новым воззванием о помощи голодающим. Оно было составлено, как только патриарх получил утвержденное Помголом «Положение о возможном участии духовенства и церковных общин в деле оказания помощи голодающим», 14 февраля 1922 г. воззвание патриарха было опубликовано, с разрешения правительства, в массовой печати. Патриарх Русской православной церкви объявил о разрешении для духовенства и приходских советов, с согласия общин верующих, на попечении которых находилось храмовое имущество, жертвовать на нужды голодающим драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления, на оказание помощи голодающим: подвески в виде колец, цепей, браслетов, ожерелий и других предметов, пожертвованных церкви для украшения святых икон, золотой и серебряный лом [1:8, 11].

Руководство Церкви рассматривало церковные пожертвования как сугубо добровольные, настаивало, чтобы процесс сбора этих пожертвований, их сосредоточения и направления голодающим проходил под постоянным контролем церковной организации на всех ее уровнях, от церковного старосты и священника до архиерея и патриарха. Подобный подход помог бы осуществить реальное соглашение государства и церкви о совместной бесконфликтной работе по сбору церковных средств в помощь голодающим.

Однако советская сторона все сделала по-другому. Президиум ВЦИК 16 февраля 1922 г. потребовал от местных Советов немедленно изъять все драгоценные предметы из золота, серебра и камней и передать их в органы Наркомата финансов со специальным назначением в фонд Помгола. Изъятию подлежали церковные ценности, отсутствие которых не должно было «существенно затронуть интересы самого культа». Для осуществления данной акции в каждой губернии создавались специальные комиссии [6:16].

Декрет ВЦИК от 16 (23) февраля 1922 г. по своему характеру напоминает методы централизованной государственной разграбительской. Этот документ отразил накопленный советской властью опыт времен «военного коммунизма». Именно он создал юридическую основу для масштабной акции по разграблению церквей и монасты-

рей, параллельно — по разгрому Русской православной церкви. Этим декретом центр тяжести решительно переносился с добровольных церковных пожертвований на насильственное изъятие церковных ценностей органами власти. На практике главной задачей становилось не спасение жизней голодающих, а ускоренная ликвидация церкви как таковой. Изъятию из храмов подлежали все драгоценные церковные вещи, в том числе богослужебные церковные предметы. С точки зрения Церкви, подобный акт оценивался как святотатство. Устами своего патриарха РПЦ не одобрила изъятие из храмов священных предметов, включая добровольное пожертвование [1:113—114].

Инструкция ЦК Помгола устанавливала порядок изъятия церковных ценностей. Подчеркивалось, что все ценности являлись не собственностью верующих, а находились в их пользовании. Требовалось обязательное представление старой, до 1917 г., церковной описи или инвентарной книги (отметим, что отсутствие дореволюционного реестра или несоответствие ему позволяло обвинить духовенство в хищениях и грабежах: отсутствующие предметы заносились в особый протокол, который передавался следственным органам для привлечения виновных к ответственности). Верующим предоставлялось лишь право вносить в протокол изъятия замечания и возражения по поводу предметов богослужебного пользования. Изъятые имущество подлежало отправке в губернские или уездные финотделы для направления в Гохран. Инструкция Помгола категорически запрещала реализацию ценностей на местах. Изъятые предметы учитывались по весу (золотые и серебряные) или в штуках (драгоценные камни) [6:21—23].

ГПУ контролировало реакцию населения на изъятие церковных ценностей — этим специально занимался Секретный отдел ГПУ. Информационные сводки ГПУ дают представление о повсеместном недовольстве крестьянства изъятием ценностей, формах крестьянского сопротивления. В голодающих губерниях и духовенство, и крестьяне относились более лояльно к изъятию церковных ценностей.

В сводках ГПУ за первую половину марта 1922 г. отношение к кампании по изъятию со стороны крестьянства в Петроградской, Новгородской, Череповецкой, Северо-Двинской, Владимирской, Калужской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Брянской губерниях характеризовалось как «враждебное» (в Тихвинском уезде Череповецкой губернии даже «тревожное»). Во многих местах отмечались случаи, когда комиссии не допускались к работе. В Нижегородской губернии происходили массовые выступления против изъятия ценностей.

В Архангельской губернии стихийно собирались многолюдные собрания верующих, большинство составляли женщины. На собра-

ниях в губернии принимались следующие решения: обратиться к загранице с просьбой дать хлеба под залог церковных ценностей, последние же оставить на месте.

В Тарусском уезде Калужской губернии в одной из волостей имело место открытое выступление крестьян, на подавление которого власти направили вооруженный отряд. В Лихвинском уезде одна из общин взамен церковных ценностей предложила хлеб по рыночной цене — губкомиссией ходатайство было отклонено. В Либкнехтовской волости этого же уезда крестьяне устроили самосуд над уполномоченным комиссии и милиционером. В Боровском уезде верующие не дали комиссии приступить к работе — в уезд был направлен отряд.

Наиболее неудовлетворительно настроение крестьян в связи с декретом об изъятии церковных ценностей оказалось в Тамбовской губернии. В Усманском и Козловском уездах крестьяне отказались отдать ценности из церквей. В одном из сел Елатомского уезда комиссия по учету церковных ценностей была разогнана крестьянами. В другом селе крестьяне едва не убили председателя комиссии по изъятию церковных ценностей. В Липецком уезде крестьяне потребовали, собранные церковные ценности сдать патриарху или организовать специальную комиссию, которая произведет обмен церковных ценностей на хлеб и распределит среди голодающих. Распространились слухи о том, что церковные ценности будут распределены между коммунистами. В Шуйском уезде Иваново-Вознесенской губернии население препятствовало работе комиссий по изъятию, особенно активно в Тейковском уезде. В Лежневском уезде крестьяне избили председателя волисполкома [1:31-34; 6:84—89].

Повсеместные протесты против срочного и насильственного изъятия церковных ценностей заставили ЦК РКП(б) 19 марта 1922 г. объявить о временной приостановке изъятия ценностей — в губкомы и обкомы партии была направлена телеграмма по поводу приостановки изъятия «из-за осложнений».

Просьбы верующих прихожан о замене церковных ценностей хлебом, продовольствием, деньгами для голодающих власти категорически отвергали — такую установку местные власти получили из центра. Делегация из Тверской губернии отправилась в Москву к Калинину, чтобы получить разрешение. Ходоков принял зам. Председателя ВЦИК и зам. Председателя ЦК Помгола Смидович. Заместитель Калинина популярно объяснил ходокам: государству нужен не хлеб, а золото [6:57]. Президиум ВЦИК 13 марта разрешил ЦК Помгола замену «в исключительных случаях» церковных ценностей равным по весу количеством золота или серебра в других изделиях или слитках. 23 марта председатели губисполкомов получили телеграмму Калинина и члена Президиума ВЦИК Сапронова со строгим

предупреждением: ходатайства губернских комиссий о замене церковных ценностей золотом в каждом конкретном случае рассматриваются только в ЦК Помгола [6:53, 93].

В течение марта-апреля 1922 г. кампания по изъятию ценностей, по оценке ее организаторов, проходила медленно и вяло. Подобная картина наблюдалась в Екатеринбургской, Вологодской, Казанской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Уфимской, Астраханской, Тюменской, Царицынской губерниях, а также в Горской Республике, на Северном Кавказе и Дону [1:177—178, 180]. Темп изъятия был задержан посевной кампанией и главным православным праздником — Пасхой.

Сверху постоянно шли директивы, требующие ускорить изъятие ценностей. 9 мая Калинин направил шифротелеграмму губкомам партии и губисполкомам, в которой объявил о невыполнении директивы центра: изъятие церковных ценностей должно было закончиться в европейской части страны к первому мая, в Сибири — во второй половине мая. Устанавливался новый конечный срок выполнения заданий — до 20 мая, для Сибири — 1 июня. Губернские партийные и советские руководители предупреждались о привлечении к партийной и советской ответственности в случае их невыполнения [6:232—233].

2 апреля ЦК РКП(б) направил шифротелеграмму губкомам и губисполкомам, в которой требовалось обязать в первую очередь священников отвечать за хищения церковных ценностей — арестовывать и предавать их суду в подобных случаях [1: 169-170].

Отмечались многочисленные случаи, когда крестьяне защищали своих приходских священников. Один из таких примеров связан с именем священника Иоанна из села Палех Шуйского уезда Иваново-Вознесенской губернии. Отец Иоанн (И. С. Рождественский) был арестован по обвинению в участии в борьбе против изъятия церковных ценностей (по делу о событиях в г. Шуе).

Сельский сход села Палех 18 апреля 1922 г. направил ходатайство в Верховный трибунал при ВЦИК об освобождении священника Иоанна: «...Принимая во внимание то, что о. Иоанн Рождественский много поработал, как общественно прогрессивный деятель, на пользу родного прихода и всего Палеховского района и снискал к себе всеобщее уважение — мы, собравшиеся, не можем остаться безучастными при обвинении его в агитации в проповеди против Рабоче-Крестьянской власти. Чтобы не быть голословными в утверждении за о. Иоанном репутации прогрессивного общественного деятеля — считаем нужным довести до сведения Ревтрибунала хотя бы о том, что благодаря трудам и энергии о. Иоанна в селе Палехе в разное время были открыты следующие общественно-полезные учреждения, как то: 1) Палеховское Общество Потребителей, 2) Палеховская Библиотека Читальня, существующие и в настоящее время,

и Палеховское Кредитное Товарищество. О. Иоани много содействовал распространению просвещения среди крестьянства; Палеховская школа II ступени, рассадник знания нескольких волостей уезда, обязана своим открытием больше всех — все ему же о. Иоанну. Таковы его только главнейшие заслуги перед государством и местным крестьянским населением. Словом и делом служа интересам крестьянства, о. Иоани не мог призывать, и не призывал к неисполнению распоряжений власти, власти крестьян и рабочих [1: 190].

Однако крестьянское ходатайство не достигло желаемого результата: 25 апреля выездная сессия Верховного трибунала в Иваново-Вознесенске приговорила священника Рождественского к расстрелу. Правда, 26 апреля в Верховный трибунал поступила телеграмма Калинина и секретаря ВЦИК Енукидзе с предложением о приостановке исполнения смертного приговора Рождественскому. 5 мая Президиум ВЦИК рассмотрел ходатайство о помиловании Рождественского — приговор Верховного трибунала ВЦИК оставил в силе. 10 мая в 4 утра последовало секретное донесение в Верховный трибунал об исполнении смертного приговора Рождественскому [1: 204, 206, 232, 236].

Руководство всей кампанией по изъятию ценностей осуществляли руководители большевистской партии. Идейным вдохновителем был В. И. Ленин. Показательно в этой связи письмо Ленина членам Политбюро о политике в отношении церкви 19 марта 1922 г., в котором содержатся идеологические установки коммунистической партии. Ленин писал: «...Для нас, именно в данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля на голову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо во всяком случае будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых

монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство, в частности, и никакое отстаивание своей позиции в Генуе, в особенности, совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать нам этого не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечивал нам сочувствие этой массы, либо, по крайней мере, обеспечил бы нам нейтрализование этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

...Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый краткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут... именно в данный момент, именно в связи с голодом, проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю себе следующим образом:

Официально выступить с какими то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин, — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий, не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает)...» [1: 141—142].

Ленин предлагал на съезде партии провести секретное совещание делегатов по данному вопросу совместно с главными работниками ГПУ, Наркомата юстиции и Ревтрибунала. Цель данного совещания — принятие секретного решения съезда о том, что изъятие церковных ценностей должно быть проведено с «беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок». Чем большее число представителей духовенства удастся по этому поводу расстрелять, — настаивал Ленин, — тем лучше. Требовалось «именно теперь проучить эту публику

так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». С целью «быстрейшего и успешнейшего проведения этих мер» предлагалось на секретном совещании партийного съезда назначить специальную комиссию с участием Троцкого и Калинина, не публикуя об этой комиссии никакой информации, чтобы руководство комиссией «всех операций» проводилось бы не от ее имени, а «в общесоветском и общепартийном порядке» [1: 143].

Особая организационная роль отводилась Л. Д. Троцкому. Именно он стал главным организатором кампании. Все вопросы обсуждались и решались на самом высоком уровне — в Политбюро ЦК РКП(б). 12 марта 1922 г. Троцкий направил в Политбюро записку. Автор вносил в главный партийный орган предложение: допустить представителей «советской» части духовенства в органы Помгола. Стратегия Троцкого была рассчитана на раскол среди духовенства посредством конкретного вопроса — изъятия ценностей из церквей. Троцкий утверждал: поскольку вопрос изъятия является острым, то и раскол на этой почве должен принять очень острый характер, в результате часть духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, окажется противопоставлена сторонникам патриарха Тихона. Предлагалось установить сотрудничество с лояльной («советской») частью духовенства, причем еще до введения их в органы Помгола. Подобный шаг позволял, по мнению Троцкого, опровергнуть распространенные подозрения и сомнения по поводу того, что изъятые из церквей ценности расходуются не на нужды голодающих [6:51].

17 марта 1922 г. Троцкий подготовил для Политбюро новое письмо с предложениями об организации изъятия церковных ценностей. Суть предложений заключалась в следующем. В центре и губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей. Председателем Центральной комиссии назначить Калинина. В губерниях в состав комиссий включить военных представителей — комиссаров дивизий, бригад или начальников политотделов. Секретные комиссии по организации изъятия ценностей должны существовать под прикрытием официальных комиссий или отделов при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих. Агитации придать характер, направленный на помощь голодающим, при этом внешне отвлеченный от борьбы с религией и церковью. Одновременно с этим внести раскол в духовенство, проявляя в этом отношении инициативу, взять под защиту государственной власти священников, которые открыто выступают в пользу изъятия. Видных представителей нелояльного духовенства не трогать до конца кампании, но негласно (через компетентные органы) и официально (под расписку) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они ответят

первыми. Работу по изъятию ценностей провести в кратчайший срок. Изъятие в каждом районе начинать с церкви, во главе которой стоит лояльный священник. Поблизости должна находиться надежная воинская часть, лучше всего отряд ЧОН [1: 134—135]. 20 марта Политбюро утвердило предложения Троцкого в качестве политической директивы.

В соответствии с указаниями Ленина и при непосредственном участии Троцкого была создана центральная комиссия по вопросам изъятия церковных ценностей. Она получила своеобразное наименование — Комиссия *по учету и сосредоточению* ценностей (в ней заседали Троцкий, Калинин, Сапронов, Уншлихт, Медведь, Белобородов, Красиков, Стеклов и др.). Комиссия имела «строго конспиративный характер». Адрес, состав не афишировался. Протокол заседаний Комиссии печатался в одном экземпляре и имел гриф «Архисекретно. Хранить конспиративно». Комиссия принимала решения, которые служили директивами для Помгола. 20 марта 1922 г. Комиссия по учету и сосредоточению ценностей определила примечательную установку: к церквям в крестьянских приходах относиться «с осторожностью и тщательно выяснив всю обстановку» [11: 40, 77].

Предложения Троцкого о конкретных политических мероприятиях члены Политбюро получили 23 марта и утвердили их. Еще через несколько дней, 26 марта, Троцкий внес в Политбюро письмо с предложениями о дополнительных мерах. Установка Троцкого сводилась к следующему: «попы должны отвечать не на вопрос о том, нужно ли помогать голодающим, а должны прямо и точно призывать к исполнению декрета» [1: 153, 156, 160].

Наконец, 30 марта 1922 г. появилась очередная записка Троцкого в Политбюро о политике по отношению к церкви. Троцкий констатировал наличие двух направлений среди духовенства: контрреволюционного и «советского». Идеология последнего определялась «вроде сменовеховской». «Сменовеховское духовенство» предлагалось рассматривать как «опаснейшего врага завтрашнего дня». Но в текущий момент привлечь их для устранения контрреволюционной части духовенства, фактически управлявших церковью. В этой борьбе предлагалось тактически «опереться на сменовеховское духовенство, не ангажируясь политически, а тем более принципиально». Форсирование кампании, по Троцкому, не позволит «сменовеховским вождям очухаться» и совершить под «советским» знаменем попытку буржуазной реформации Православной церкви.

Кампания по поводу голода, подчеркивал Троцкий, для этого крайне выгодна, так как акцентировала все вопросы на судьбе церковных ценностей. Ставилась двуединая задача: во-первых, заставить «сменовеховских попов» открыто связать свою судьбу с вопро-

сом об изъятии ценностей, во-вторых, заставить их довести эту кампанию внутри церкви до полного организационного разрыва с церковным руководством, до созыва собственного нового церковного собора и новых выборов иерархии. «Нет более бешеного ругателя, как оппозиционный поп» [1:162—163] — данная фраза Троцкого достойна сборника крылатых изречений.

В подобном духе Троцкий подготовил предложения для партийных губкомов и губисполкомов. Суть сводилась к следующему: расколоть духовенство, расправиться с «черносотенными попами», неофициально поддерживать «сменовеховских попов», при этом взять их на учет. 30 марта Президиум ВЦИК и ЦК РКП(б) направили губисполкомам и губкомам шифротелеграмму с директивой о поддержке «лояльного духовенства». К лояльному относилось духовенство, которое «точно и прямо призывает верующих к исполнению декрета ВЦИК об изъятии ценностей» [1:164, 165].

Троцкий подготовил инструкцию для печати с главной установкой: расколоть духовенство. Объявлялась борьба против «князей православной церкви». Предлагалось скомпрометировать их на вопросе помощи голодающим, обличая их «скарედность, жестокосердечие», а затем показать им «суровую руку рабочего государства» [1:251; 6:40]. Специально для Политбюро Троцкий подготовил 10 мая проект воззвания группы представителей «большинства рядового духовенства».

Первоначальную редакцию прочли Сталин, Каменев, Томский, Рыков, Молотов, Зиновьев. По поводу воззвания Троцкий телеграфировал в редакции газет «Правда» и «Известия» 14 мая: внушить уверенность лояльному духовенству, что «государство его в обиду не даст», поднять его дух, в результате дать возможность борьбе духовенства развернуться «в самой яркой и решительной форме», при этом «не выпячивать на первый план в ближайшее время позицию большевиков в отношении к религии». 16 мая Сталин предложил всем членам Политбюро утвердить предложенное Троцким «как директивы ЦК газетам». Все члены Политбюро предложение поддержали. Ленин также откликнулся: «Троцкий нажал, мы не оспариваем» [1:312, 314—315].

24 мая в очередном письме в Политбюро Троцкий настаивал: «Нет необходимости ангажироваться, даже неофициально. Выгоднее, если разгорится внутрицерковная борьба» [1:181]. Сопrotивление самих верующих не позволило уничтожить церковь, вследствие чего ставка была сделана на организацию раскола внутри церкви посредством так называемого обновленческого движения, начавшегося в России после Октября 1917 г. Большевики, прежде всего Троцкий, взяли курс на создание «советской церкви», первые попытки были предприняты к концу 1919 г.

Обновленческое движение организационно оформилось в 1922

г: К числу обновленческих церковных групп относились «Живая церковь», «Возрождение», «Древлеапостольская церковь», «Свободная Трудовая церковь» (лозунг последней — «Долой буржуев из храмов»). Идеологи обновленчества проповедовали «коммунистическое христианство», ратовали за возвращение к так называемым демократическим порядкам раннего христианства, стремились отождествить коммунизм и христианство. Обновленцы внесли ряд изменений в церковное устройство, культ и быт духовенства (высшее церковное управление, демократизация прихода, богослужение на русском языке). Деятельность обновленцев была направлена на конфронтацию со старой церковной иерархией во главе с митрополитом Тихоном и способствовала эволюции Русской православной церкви в сторону лояльности к советской власти.

Церкви обновленцев красились в красный цвет. На октябрьских празднествах обновленцы провозглашали здравицы: да будет советский колокольный трезвон, многая лета коммунистической партии. В Екатеринбургской губернии на Первомайском празднике в станции Новоластунской местный священник заявил, что с победой русской революции «над черной реакцией» учение Христа претворяется реально в жизнь, так как Христос был тоже революционер, пострадавший за идеалы трудового народа [7:30, 31].

Сообщения местных органов в Секретный отдел ГПУ демонстрировали особое внимание ГПУ к созданию групп «Живой Церкви» в каждой губернии. Распоряжение Президиума ВЦИК Донскому исполкому 15 августа также ориентировало на «особенно внимательное и деликатное отношение» к нуждам «Живой Церкви» со стороны Советской власти, как лояльной власти. Всероссийский съезд духовенства «Живая церковь» в августе 1922 г. принял резолюцию о превращении провинциальных монастырей в трудовые коммуны [6:310; 1:316]. Крестьяне в большинстве своем безразлично или с осуждением относились к обновленческому движению.

Характер масштабной общероссийской кампании по изъятию ценностей, заданный высшим органом правящей коммунистической партии, определял массовое изъятие ценностей в срочном порядке, как правило, без какой-либо экспертизы. Результат работы комиссий по учету и сосредоточению ценностей измерялся конкретным количеством изъятого в килограммах, штуках. Местные власти нередко практиковали вторичное изъятие ценностей. К саботажникам применялись жесткие меры наказания. Поскольку критерии наказаний определены не были, то на местах наказания выносились различные за одинаковые деяния. Верховный и губернские ревтрибуналы выносили многочисленные расстрельные приговоры. Так, решением Вятского губернского ревтрибунала были приговорены к высшей мере наказания «за агитацию против изъятия церковных

ценностей, подготовку и организацию на почве изъятия восстания 2 мая в селе Поджернове, сопровождавшееся разгромом сельскохозяйственной коммуны и убийством двух милиционеров»: Поляков Иван Александрович, 50 лет, священник; Семушкин Михаил Александрович, 58 лет, церковный староста, крестьянин; Широков Семен Митрофанович, 44 года, крестьянин, председатель крестьянской общины [1: 248].

В форсированном «сосредоточении» ценностей такие факторы, как условия хранения, надлежащая упаковка, оценка, транспортировка имели вторичное значение. Финансовая стоимость изъятых предметов имела приоритетный характер, художественная ценность имела второстепенное значение. В результате изъятые ценности поступали нередко в Гохран через местные финотделы (в соответствии с Инструкцией ВЦИК) в разрушенном или испорченном виде. О варварских методах изъятия ценностей докладывала в Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей не кто иная, как Н. И. Троцкая (жена Л. Д. Троцкого), занимавшая должность инспектирующей Главмузеем Накомпроса [6:228-230].

Даже сам Троцкий возмутился по поводу практики изъятия ценностей. В телеграмме председателю ВЦИК и ЦК Помгола Калинину и члену Бюро Центральной комиссии по изъятию церковных ценностей Белобородову 5 апреля 1922 г. Троцкий писал: «По имеющимся у нас... сведениям и по моим личным — при отобрании ценностей случается, что в церквях и даже алтарях курят. Иконы, когда снимают, кладут на пол, причем пол часто бывает очень грязным. Все это раздражает население... Неужели допускаются подобные безобразия? Надо бы поймать в одном хотя бы случае и предать трибуналу. Надо приучить шадить чувство верующих и не безобразничать» [6:140].

Несмотря на запреты властей, крестьянское население надеялось сохранить ценности сельских храмов в обмен на хлеб и продовольствие для голодающих. В одном из ходатайств на имя Ленина 16 июля приходская община села Барант Красноярского уезда Енисейской губернии в количестве 6 тысяч прихожан просила заменить изъятие немногочисленных церковных ценностей из сельского храма местного небогатого прихода продуктами в количестве 150 пудов хлеба, 75 пудов мяса, 15 пудов масла. ЦК Помгола отказал в ходатайстве, пояснив, что возможна замена только золотом и серебром [6:306—307].

Крестьянское население, в большинстве своем верующее, недоумевало: почему для помощи умирающим от голода в Поволжье, на Украине, Урале нужно только церковное золото, серебро и другие ценности? Для обмена ценностей за границей на продовольствие требовалось время. Всем было известно: состояние транспорта не позволяло оперативно доставить закупленное за границей

продовольствие голодающим в Поволжье и другие регионы из портов.

Духовенство активно выступало против расхищения ценностей, использования их не для голодающих, а на другие цели¹. Данное обстоятельство власти нередко интерпретировали как контрреволюционные призывы и использовали в целях преследования неугодного духовенства.

К 1 ноября 1922 г. было изъято следующее количество церковных ценностей (по ведомости ЦК Помгола): золота — 33 пуда 32 фунта, серебра — 23 997 пуда 23 фунта, бриллиантов — 35 670 штук, других драгметаллов — 71 762 штук, жемчуга — 14 пудов 32 фунта, золотой монеты — 3 115 руб., серебряной монеты — 19 155 руб., различных драгоценных камней — 52 пуда 30 фунтов. Стоимость всего изъятого оценивалась на сумму 4 650 810 руб. 67 коп. Кроме того, было изъято 964 единиц антикварных вещей [1: 183—184]².

Антирелигиозная кампания в Советской Республике в значительной степени решила проблему пополнения фонда материальных ресурсов советского государства. Однако доктринальная установка большевистской партии, связанная с ликвидацией религии и церк-

---

¹ Для подобных сомнений по поводу использования церковных ценностей не по назначению имелись серьезные основания. Ценности реализовывались за границей по демпинговой стоимости. Этим занимался не только Наркомат внешней торговли, но и другие ведомства, а также отдельные лица. Примечательны следующие примеры: К Л. Каменеву обратился некий гражданин Шор, который предложил быстро реализовать ценности, изъятые из еврейских синагог: из Гохрана они выдаются группе лиц, представляющих религиозное течение в иудаизме, эта группа возмещает их стоимость металлической валютой, реализуя потом ценности за границей (в Америке). Другой пример связан с предложением председателя Совнаркома Украины Х. Раковского Троцкому: изъятые ценности заложить за границей, чтобы получить более значительный целевой заем (изъятие из антикварных предметов камней и драгметалла резко понижало их рыночную цену). Н. Троцкая предлагала не пускать ценности из золота, серебра и других драгметаллов в сплав, а реализовать часть ценностей, как востребованных предметов искусства и старины, на Ближнем Востоке и в Западной Европе. В результате сумма валютной выручки резко возросла. Для этого требовалось организовать отбор и экспертизу предметов, имеющих художественно-историческую ценность, для продажи на международном рынке [6:250, 252, 272—273].

² Приводится также другая оценка изъятого — почти 7 млрд руб., включая церковное серебро на сумму 6624 тыс. руб., золото на сумму 260142 руб., драгоценные камни (Кристкалн А.М. Голод 1921 г. в Поволжье: опыт современного изучения проблемы. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1997. С.29).

ни в ходе строительства социализма, осталась нерешенной. Советская власть, декларированная как власть рабочих и крестьян, столкнулась с массовым и повсеместным протестом со стороны собственного народа.

Источники и примечания:

1. Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. Кн. 1. М. — Новосибирск, 1997.
2. Степанов В. (Русак). Свидетельство обвинения. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 2.
3. Родина. 1990. № 6.
4. Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
5. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922. М., 2000.
6. Архивы Кремля. В 2-х кн. Политбюро и церковь. 1922—1925 гг. Кн. 2. М. — Новосибирск, 1998.
7. Степанов В. (Русак). Свидетельство обвинения. В 3-х кн. М., 1993. Кн. 3.

МАХНОВЩИНА: МЕЧТА О ВОЛЬНОМ КРЕСТЬЯНСКОМ РАЕ

Махновщина — крестьянское движение Юга России и Украины в 1918—1921 годах [1]. Нестор Иванович Махно (Михненко) стал символом этого движения. Неправ был Ленин, считая возможным включить в опору диктатуры пролетариата тех, кого он назвал «полупролетариатом» — Махно был выходцем именно этого социального слоя: его отец был батрак, конюх, кучер, а сам Нестор, пятый сын в семье, в юности начинал как сельскохозяйственный рабочий.

Движением были охвачены Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии. Главными очагами махновского движения были уезды Новомосковский, Павловский и Александровский Екатеринославской губернии, Константиновский и Кременчугский Полтавской губернии, Изюмский, Купянский, Старобельский Харьковской губернии. География махновщины распространилась также на Дон, Кубань, Воронежскую, Тамбовскую, Саратовскую губернии.

По оперативным данным советского военного командования, в мае 1919 г. повстанческая дивизия Махно насчитывала 20 тыс. штыков и 2 тыс. сабель. Сам Махно по состоянию на июнь 1919 г. оценивал ее силу в 27 тыс. бойцов [2: 145, 228]. Осенью того же года численность махновцев составила 30—35 тыс¹. [3: 118, 142; 5: 757].

В состоянии соглашения с советской властью Махно был трижды. В 1918 г. — начале 1919 г². Махно боролся против гетмана Скоропадского, Петлюры, Добровольческой армии. В июне 1918 г. он встречался в Москве с Свердловым и Лениным. В феврале 1919

---

¹ В изданной в 1925 г. книге крупного советского военного специалиста Н. Е. Какурина, которая долгие годы хранилась в спецхране, отмечалось, что к 20 октября 1919 г. силы Махно составили 28 тыс. штыков и сабель при 50 орудиях и 200 пулеметах (*Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. 1917-1918 гг. М., 1990. С. 103*). Аналогичные данные привел современный исследователь махновщины В. В. Комин, увеличив, однако, количество пулеметов до 500 (*Комин В. В. Нестор Махно: мифы и реальность. М., 1990. С. 42*). Количественные показатели махновщины в некоторых изданиях доводятся до 40-50 тыс. участников [7: 217, 321].

² В феврале 1919 г. Махно отправил в подарок для голодающих московских и петроградских рабочих и крестьян 3 поезда (90 вагонов с 90 тыс. пудами пшеничной муки), добытые в боях с денкинской армией [2: 66].

г. махновское войнство стало третьей бригадой советской Заднепровской дивизии, Махно — комбригом Красной армии. В мае 1919 г. бригада преобразовалась в дивизию («первая украинская повстанческая дивизия») под командованием начдива Махно.

В конце 1919 г. махновцы боролись против белогвардейской армии Деникина, захватившего всю Украину и Юг России и дошедшего до Тулы. По признанию самого командующего Вооруженными силами на Юге России генерала А. Деникина, действия Махно осенью 1919 г. приняли настолько широкие размеры, что расстроили тыл белых и ослабили фронт в наиболее трудное время. Махно оценивался Деникиным как легендарная личность, «отважный и очень популярный разбойник и талантливый партизан» [4: 75, 139].

В октябре 1920 г. Махно заключил третье соглашение с советской властью — против белой Русской армии генерала Врангеля. Примечательно, что Врангель, рассчитывая вовлечь в борьбу против власти большевиков все небольшевистские силы, неоднократно предпринимал попытки заручиться поддержкой Махно. В частности, в июне 1920 г. по поручению Врангеля в стан Махно явился посланец с письмом из штаба, в котором предлагалось объединиться в совместной борьбе против коммунистов: «Русская армия идет исключительно против коммунистов с целью помочь народу избавиться от коммуны и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь. Русские солдаты и офицеры борются за народ и его благополучие. Каждый, кто идет за народ, должен идти рука об руку с нами... Главное командование будет усиленно помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пришлите своего доверенного в штаб со сведениями, что Вам особенно необходимо и для согласования боевых действий». Письмо было подписано начальником врангелевского штаба генералом Шатиловым [4: 77]. По приказу Махно белогвардейский офицер был публично расстрелян, сообщение об этом и текст письма опубликованы в махновской печати [5: 162].

Крестьянство, составлявшее основу махновщины, объединяло с красными наличие общего врага — Белой гвардии, пытавшейся восстановить ненавистную для крестьянства помещичью Россию³.

³ Отметим следующее обстоятельство: махновцы жестоко наказывали бывших махновцев, примкнувших к Русской армии Врангеля. Так, командир партизанского отряда в Русской армии Врангеля А. Савченко, бывший командир батальона махновцев, был расстрелян махновцами за измену в октябре 1920 г. Г. Яценко, командир роты, сотни у махновцев, впоследствии командир партизанского отряда в Русской армии, в октябре 1920 г. был также расстрелян махновцами за измену.

Для крестьянина главным врагом был помещик и его защитник — Добровольческая армия. Белогвардейцы в крестьянском сознании ассоциировались с бывшими угнетателями, одетыми в офицерские мундиры, которые мечтали о реставрации бывлой великой, единой и неделимой России. К тому же деникинское правительство не пыталось привлечь крестьянство на свою сторону даже обещаниями — решение земельного вопроса относилось на неопределенное будущее. Импульсивные попытки земельных реформ последнего белого правителя генерала Врангеля имели определенную ориентацию на зажиточного сельского хозяина.

Соглашения Махно с советской властью объективно не могли иметь постоянный и стабильный характер: временный союз определялся общим интересом — борьбой с белогвардейцами. «Вольный советский строй» махновского движения по своему содержанию был несовместим с диктатурой советской власти. Двойной стандарт, определявший революционную тактику Махно, недооценили представители советского руководства — Антонов-Овсеенко⁴, Каменев⁵, Ворошилов⁶. Чрезвычайный уполномоченный Совета Труда и Обораны Л. Каменев высказывал уверенность в лояльности Махно: «Слухи об антисоветских и сепаратистских планах Махно беспочвенны». Антонов-Овсеенко в докладе советскому руководству Украины 2 мая 1919 г. превозносил позитивные достижения в махновских районах: создание детских коммун, школ, трех средних учебных заведений в Гуляй-Поле. Командарм уве-

---

⁴ *Антонов-Овсеенко В. А.* (1883–1938) после Февральской революции 1917 г. являлся членом Петроградского военно-революционного комитета, командовал штурмом Зимнего дворца, арестовал членов Временного правительства. С ноября 1918 г. — командующий Советской армии Украины. В январе–июне 1919 г. — командующий Украинского фронта. В 1922 г. — начальник политуправления Реввоенсовета УССР.

⁵ *Каменев (Розенфельд) Л. Д.* (1883–1936), член политбюро ЦК РКП(б), в апреле–мае 1919 г. — уполномоченный Совета Обораны на Украине. 7 мая 1919 г. посетил Махно в Гуляй-Поле.

⁶ *Ворошилов К. Е.* (1881–1969) — с ноября 1918 г. — член Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, с января 1919 г. — нарком внутренних дел Украинской Советской республики. В июне–июле 1919 г. — командующий 14-й армией и внутренним Украинским фронтом. В ноябре 1919 г. — мае 1921 г. — член РВС 1-й Конной армии. По свидетельству жены Махно Г. Кузьменко приславший в Гуляй-Поле 4 мая 1919 г. Ворошилов от имени Реввоенсовета Республики вручил Махно орден Красного Знамени «за оборону Южного фронта и взятие Мариуполя» (Нестор Махно. С.826–827). По ее же свидетельству, орден был впоследствии утерян во время боя при спешном отступлении махновцев.

или: «Махно против нас не выступит, необходимо прекратить травлю Махно» [2: 129-130, 136]⁷.

Крестьянская революция в деревне, основанная на идеале уравнительной справедливости, расходилась с политикой большевистской власти. Новая власть воспринималась как власть вообще, которая грабит труженика налогами, набирает рекрутов в армию, заставляет выполнять трудовые повинности, отвлекая крестьянина от неотложных сельскохозяйственных работ в собственном хозяйстве.

Резолюции 2-го Гуляй-Польского районного съезда фронтовиков, Советов, отделов и подотделов военно-революционного штаба района, состоявшегося 12—16 февраля 1919 г., на котором присутствовали представители от 350 волостей, свидетельствовали об осознанном выражении крестьянских требований. Нестор Махно в своем выступлении на съезде заявил: грубая насильственная власть большевиков над трудовым народом долго продолжаться не может — терпению народа от «партийного ига большевиков» пришел конец. Трудовой народ успел поддержать в своих руках управление государством в форме свободно избранных Советов, но они долго не просуществовали — партия большевиков объявила на них свою монополию: небольшевик удалялся из Советов как враг народа [2: 80]. Представитель анархистов Барон⁸ призывал крестьян: создать в каждой деревне свои вольные, выборные, безвластные Советы как «истинно трудовой советский строй», поскольку только они смогут удовлетворить все нужды народа, организовать хозяйственную жизнь и защищать интересы трудящихся без вмешательства партийных комиссаров, навязывающих сверху свой партийный диктат [2: 84].

В резолюции о текущем моменте, принятой съездом 15 февраля, советское большевистское правительство обвинялось в стремлении во что бы то ни стало отнять у местных Советов рабочих и крестьянских депутатов их свободу самостоятельности: «Нами не избранные, но правительством назначенные политические и разные другие комиссары наблюдают за каждым шагом местных Советов и беспощадно расправляются с теми товарищами из крестьян и рабочих, которые выступают на защиту народной свободы против представителей центральной власти. Именующие себя рабоче-кре-

⁷ После разрыва советской власти с Махно Антонов-Овсенко в докладе в ЦК РКП(б), датированном 18 июля 1919 г., писал: «Махно — убежденный анархист, лично честный, за спиной которого совершалась всякая пакость, — мог быть великолепно использован нами...» (РГВА. Ф.33987. Оп.2. Д. 132. Л.87).

⁸ Барон Старший (Канторович Арон) — член секретариата Харьковской анархистской конфедерации «Набат», делегат 2-го Гуляй-Польского районного съезда.

стьянскими правительства России и Украины слепо идут на поводу у партии коммунистов-большевиков, которые в узких интересах своей партии ведут гнусную непримиримую травлю всех других революционных организаций. Прикрываясь лозунгом «диктатуры пролетариата», коммунисты-большевики объявили монополию для своей партии, считая всех инакомыслящих контрреволюционерами». Советское правительство, подчеркивалось в резолюции съезда, своими действиями порождало серьезную угрозу для развития рабоче-крестьянской революции.

Съезд объявил освобождение трудящихся делом самих трудящихся, обратившись к крестьянам и рабочим с призывом не доверять дело освобождения трудящихся какой бы то ни было партии или центральной власти: «Пусть существуют различные революционные организации, пусть проповедуют свободно свои идеи, но мы не позволим ни одной из них объявить себя властью и заставить всех танцевать под свою дудку». Было заявлено право местных вольных Советов крестьян и рабочих на строительство нового свободного общества «без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира... без властителей-панов, без подчиненных рабов, без богачей и без бедняков». Резолюция заканчивалась лозунгами: «Долой комиссародержавие и назначенцев! Долой чрезвычайки — современные охранки! Да здравствуют свободно избранные рабоче-крестьянские Советы! Долой однобокие большевистские Советы!» [6].

Подобные же лозунги составили основу резолюции 3-го районного съезда представителей волостей и уездов Екатеринославской губернии, повстанческих фронтовых частей в поддержку действий Махно 10 апреля 1919 г. На съезде в Гуляй-Поле участвовали представители от 72 волостей Александровского, Мариупольского, Бердянского, Бахмутского и Павлоградского уездов. В резолюции съезда констатировался захват власти политической партией коммунистов, «не останавливающейся ни перед какими мерами для удержания и закрепления за собой государственной власти, с центра вооруженной силой проводящей свою преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам политику». Съезд постановил: истинным выразителем воли трудового народа может быть только съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, не признающий никакого насилия.

Крестьянский съезд выразил протест против политики большевистской власти, проводимой комиссарами и чрезвычайными комиссиями, которые, по определению махновцев, превратились в руках большевиков в оружие для подавления воли трудящихся. Выдвигались требования социализации земли, «изменения в корне» продовольственной политики, замены реквизиций системой товарообмена между городом и деревней и создания широкой сети обществ

потребителей и кооперативов, упразднения частной торговли, полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым партиям и группам [2: 111-112].

Крестьянство ожидало от новой власти обещанного решения, в духе Декрета о земле, земельного вопроса. Оно предполагало, что лозунг «земля — крестьянам» должен быть разрешен на следующих основаниях: вся земля должна поступить в непосредственное распоряжение производителя — трудового крестьянства. Исходя из принципа, что «земля ничья» и пользоваться ею могут только те, кто на ней трудится, земля должна перейти в пользование трудового крестьянства по уравнильно-трудовой норме, то есть обеспечивать возможность получения потребительной нормы на основе собственного труда. Крестьянин, захватив землю, приходил к мнению, что государство вообще не нужно крестьянству. Подобные настроения по поводу отношения к государству в крестьянской среде подогревались психологическим ощущением собственной силы: солдат-крестьянин возвращался в деревню с войны, как правило, с оружием и уверенностью недавнего фронтовика.

Крестьянство рассуждало следующим образом: советская власть дала крестьянам землю — это сделали большевики. А власть, которая ввела продразверстку, не отдала всю помещичью землю крестьянам, а организовала на ней совхозы, коммуны, — это власть «коммуны», власть не большевиков, а коммунистов. Подобное крестьянское настроение выражалось в политической формуле: «За большевиков, но против коммунистов». Крестьяне нередко объявляли себя одновременно большевиками, но врагами коммунистов: крестьянин был сторонник антипомещичьей «экспроприации экспроприаторов» (что усиливало популярность большевистских обещаний социализации земли), но протестовал против методов военно-коммунистической политики — продовольственной диктатуры, продразверстки, ЧК, организации социалистического землеустройства в виде совхозов и коммун, что врезалось в сознание крестьянина как творение «коммуниста», а не большевика — создалось представление, что большевики — это одно, а коммунисты — другое. Коммунисты воспринимались врагами труда.

Крестьянской стихии в духе «грабь награбленное» был противопоставлен принцип изъятия советским государством части земель и всего помещичьего инвентаря, который крестьянство считало своим, на организацию общественного хозяйства. Пролетарская революция в деревне породила новую уравнильную волну, связанную с переделом земель зажиточных мужиков.

Нельзя не учитывать также психологический фактор, связанный с желанием многих представителей бедноты подняться из нужды и стать самостоятельными хозяевами за счет уравнильного передела. Деревенские батраки, подобно бедноте, тоже стремились стать

самостоятельными хозяевами. Желание батрака получить собственные десятины земли перевешивало перспективу работать в советском хозяйстве. К середине 1919 года население украинской деревни во всех своих слоях было недовольно политикой советского государства.

Нестор Махно был выразителем крестьянских настроений⁹. В деревне крестьянин требовал социализации хозяйства, не желая отдавать излишки в город. Он не мог примириться с установленными государством низкой ценой на хлеб, низкими нормами зерна, оставляемого для хозяйства, в особенности для содержания рабочего скота. По оценкам советских руководителей, в махновском движении трудно было отличить, где начинается бедняк, где кончается кулак — это являлось свидетельством массового крестьянского движения [7:94]. Махновская армия в значительной степени состояла из бедняцкой молодежи, верившей своим крестьянским умом в идеал уравнительного социализма, готовой умереть за «освобождение трудового народа». Кулачество к махновцам, по свидетельствам советских агентурных данных, относилось весьма недоброжелательно или враждебно [8]¹⁰.

В донесениях особого отдела ВЧК обращало сь особое внимание на обстоятельство, что основная часть махновской армии — беднейшая крестьянская молодежь, которой Советская власть не сумела дать ничего, кроме формального права на землю [9]. Советское руководство осознавало, что уход крестьянской бедноты к махновцам явился следствием просчетов властных органов, которые не обеспечили защиты интересов бедноты [10:260]¹¹.

Социальный смысл лозунга «за советскую власть, но против коммунистов» заключался в том, что крестьянин поддерживал стадию революции, связанную с объявлением мира, ликвидацией помещичьего землевладения, жестокой гражданской войной против помещика и интервентов. Но крестьянин протестовал против установившегося военного коммунизма.

Разногласия махновского крестьянства с политикой советского

---

⁹ Аршинов настаивал на утверждении: Махно — защитник интересов беднейшего крестьянства, фанатично преданный беднейшему крестьянству. Махновщина определялась как низовое движение крестьян, причем движение преимущественно беднейших слоев крестьянства всех национальностей [5: 79, 193, 194, 204, 209].

¹⁰ Неправомерно утверждение исследователя махновщины В. В. Комина о том, что кулачество являлось основной опорой Махно (*Комин В. В.* Указ. соч. С. 52, 65).

¹¹ По заключению современного исследователя махновщины А. В. Шубина, антикулацкая направленность махновщины привлекала к ней середняцкие и бедняцкие слои (*Шубин А. В.* Махно и махновское движение. М., 1998. С. 66).

государства по земельному вопросу нашли отражение в решениях 2-го съезда фронтовиков-повстанцев, советов Гуляй-Польского района в феврале 1919 г. В специальной резолюции съезда по земельному вопросу предлагалось решение земельного вопроса во всеукраинском масштабе на Всеукраинском съезде крестьян на следующих основаниях: вся земля в интересах социализма и борьбы против буржуазии должна перейти в руки трудового крестьянства. Исходя из принципа, что «земля — ничья», и пользоваться ею могут только те, кто на ней трудится и кто ее обрабатывает — земля должна перейти в пользование трудового крестьянства бесплатно по уравнильно-трудовой норме, то есть обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда. Решение земельных проблем возлагалось на местные волостные земельные комитеты при содействии уездного земельного комитета. Распределение живого и мертвого инвентаря передавалось в ведение уездного Совета. Съезд выразил пожелание, чтобы земельные комитеты на местах немедленно взяли на учет все помещичьи, удельные земли и распределили бы их между безземельными и малоземельными крестьянами, обеспечив их и вообще всех граждан посевными материалами.

Одновременно был высказан протест против коммунистической политики: советское правительство «отказалось удовлетворить требования трудового крестьянства: заменить землю национализированную и частновладельческую — социализированной, содействовать свободному распространению коллективной обработки земли, обеспечение как коллективного, так и трудового единоличного хозяйства деревни семенами, техническими силами и сельскохозяйственными орудиями, необходимыми для ведения общественного и единоличного трудового хозяйства». Культурные земледельческие хозяйства (опытные, показательные поля, пасеки, фруктовые сады, питомники и леса) объявлялись достоянием всего трудового народа [2:90—91]. Протест был ответом на декреты советского государства, в которых объявлялось, что все крупные и культурные хозяйства, принадлежавшие ранее помещикам, закреплялись за государством для организации совхозов. Так, в декрете о национализации сахарных заводов говорилось: «Все земли, за исключением крестьянских, в севооборот которых входил в течение какого бы то ни было из последних 5 лет, т. е. с 1913—1914 гг., посев сахарной свеклы, в полном составе, со всеми угодьями, лесами, торфяными болотами и прочими полезными ископаемыми, водами и т. д., со всеми сооружениями, постройками, инвентарем живым и мертвым, независимо от того, кому бы они ни принадлежали, признаются неприкосновенным фондом национализированных сахарных заводов». То же относилось к винокурным заводам: «Все принадлежавшие владельцам заводов, а также и другие земли, подлежащие конфискации, в севооборот которых входил из последних 4 лет с 1915

года посев картофеля и хлебов, предназначенных для винокурения, в полном составе, со всеми угодьями, лесами, торфяными болотами, полезными ископаемыми, водами, со всеми сооружениями, постройками, инвентарем живым и мертвым, признаются неприкосновенным фондом национализированных винокуренных заводов» [7: 85].

Местные органы государственной власти обязывались принять меры к возвращению самовольно захваченного живого и мертвого инвентаря, другого имущества бывших нетрудовых хозяйств, особенно в отношении возвращения племенного и рабочего скота, сложных машин и их частей (локомобилей, паровых плугов, молотилок, жаток, сеялок и веялок, механических граблей и т. д.). Согласно декрету государства, инвентарь с прокатных пунктов в первую очередь предоставлялся землепользователям, образовавшим товарищеское хозяйство (коммуну, общественную обработку земли, трудовую артель), только во вторую очередь — единоличным хозяйствам [7: 86].

К середине 1919 года определилось различное отношение советского государства и крестьянства не только в организации землевладения в деревне, но и в отношении использования полученного урожая. В бывших имениях учреждались совхозы — государственные предприятия, а также коммуны. Совхозы создавались по типу городской национализированной промышленности, продукция которой должна была поступать в распоряжение государства. Это вызывало недовольство производителя. В крестьянской среде советское хозяйство стало восприниматься как новая форма эксплуатации, когда место прежнего собственника занял новый владелец в лице государства.

Первоначально крестьянство активно занялось созданием коммун. В апреле 1919 г. в нескольких верстах от Гуляйполя, в бывшем имении помещика Классена в селе Покровском появилась коммуна имени Розы Люксембург. Анархокоммунистический идеал самоуправляющейся коммуны, близкий к крестьянским интересам, разбился о прозу жизни, когда коммунисты выразили требования на результат труда новоиспеченных коммунаров — собранный урожай. Существование коммун в условиях хлебной монополии, тем более продовольственной диктатуры, продовольственной разверстки оказалось бессмысленно. Но крестьянство, вовлеченное в коммуны и совхозы, не желало отдавать выращенное собственным трудом. Запасы хлеба, которые не успели вывезти органы наркомпрода, захватили крестьяне. В середине 1919 г. махновщина выступила против коммун и совхозов.

Воззвание махновцев в августе 1919 г. содержало следующие положения: никакая политическая партия и государственная власть не может создать, установить и укрепить рациональную эконо-

мическую (хозяйственную) жизнь; никакая власть не может восстановить разрушенное производство, создать общественную организацию труда, привести к социальной стабильности. Выражалась необходимость отказаться от всякой власти и приступить к строительству новой жизни на основе свободной, безвластной, беспартийной, экономической (а не политической), объединяемой снизу (а не сверху), организации трудящихся — рабочих и крестьян. Подобной организации предлагалось добиваться посредством Советов как беспартийных трудовых органов для устройства справедливой и свободной жизни. Организация хозяйственной, общественной и культурной жизни без партий и без государственной политической власти, при помощи рабоче-крестьянских организаций и Советов — в подобном подходе выражалась суть махновской программы.

Протест махновцев был направлен против политики коммунистов: «Партия и власть большевиков-коммунистов, оказавшись бессильной в деле общественного-хозяйственного строительства, лишь снова открыла широкую дорогу врагам революции и подготовила новую почву для реакции. Сведенная коммунистами на ложный путь, революция попала в тупик и, побившись в нем, поворачивает назад». Коммунисты подвергались обструкции из-за вовлечения этих организаций на ложный путь: «Партия подменила свободную экономическую работу этих организаций бессильной работой своей власти и своих государственных чиновников».

Махновцы призывали крестьян в районах, освобожденных повстанцами от всякой политической власти, под их охраной восстановить вольные Советы и приступить к устройству новой жизни [2:289].

В листовке «За что борются махновцы?» предлагалось создавать в масштабе всей страны федерации — вольные объединения рабочих и крестьянских союзов и ассоциаций по различным видам производства, без политической окраски, в качестве экономических регулирующих органов в сфере производства, товарообмена, распределения и транспорта [11].

От продразверстки страдала не только зажиточная часть крестьянства, но и беднота. Советское правительство крестьянину ничего дать не могло. Государству необходимого количества продуктов собрать не удавалось — собирали значительно меньше установленных планов. У крепкого хозяина отбирали хлеб, оставляя минимальную норму на пропитание (скоту тоже была положена скудная норма). Излишки направлялись в город. У зажиточного крестьянина после реквизиции прожиточная норма оставалась. Бедняк же эту норму должен был получать из органов наркомпрода, но далеко не всегда мог получить свою долю. Огромный аппарат для сбора продразверстки — продармия — не справлялся со сбором продук-

тов, транспортировкой и охраной его по железной дороге в город (особенно это касалось заготовок скота: во время переезда значительный процент скота погибал). Не хватало транспорта для доставки хлеба на сыпные пункты. Не было транспорта для доставки городских товаров в деревню.

Политика государства по ограничению крестьянства в области землепользования, отразившаяся на бедном крестьянстве, дополнилась издержками в снабжении его продовольствием. Чем беднее был район, тем больше отражалась продрозверстка на крестьянстве. Отсутствие стимула у представителей комбедов (комнезамов) в активном содействии продорганам усиливалось боязнью махновской мести. В этом заключалась причина медленного расширения сети комбедов на огромной территории, контролируемой Махно. В приказе Махно требовалось пресечь организацию и деятельность комнезамов, разгонять и уничтожать продотряды [7: 193; 12]. В обширной сфере влияния Махно блокировался вывоз хлеба, мобилизация молодежи в Красную армию, комбеды (или комитеты незаможных селян) ликвидировались, уничтожались продотряды и продработники.

Крестьянская масса видела в революции средство избавления от гнета помещика и кулака, а также политической и административной власти сверху. В простую формулу махновских требований «вольного свободного строя» вписывались лозунги «За Советы без коммунистов» («За советскую власть, но против коммунистов»), «За свободные Советы», «Прочь коммуны», «За истинную советскую власть».

Власть советов в крестьянском сознании отождествлялась непосредственно с волей самих трудящихся. Народная воля должна была проявляться в выборности советов снизу доверху, неподчинении советов назначенным со стороны комиссарам. Советы не воспринимались крестьянством в качестве чуждых им политических учреждений, через которые осуществляется власть политических партий.

19 апреля 1919 г. член РВС Южного фронта Г. Я. Сокольников¹² направил в адрес Ленина телеграмму, в которой сообщалось: наступил подходящий момент, чтобы «убрать Махно» [13]. Данный документ может служить свидетельством, что решение в отношении Махно уже созрело в высшем советском руководстве. Неслучайно местные чрезвычайные комиссии по команде сверху развернули усиленную борьбу против махновцев в марте-апреле 1919 г. [14]. Возможно, имелись тактические разногласия: «инспекции» Ворошилова и Каменева в Гуляй-Поле происходили соответственно 4 и 7 мая 1919 г.

¹² Сокольников (Бриллиант) Г. Я. (1888–1939) в декабре 1918 г. – августе 1919 г. – член РВС Южного фронта, одновременно командующий 8-й армией (с декабря 1918 г. по февраль 1919 г.).

В дальнейшем инициативу взял в свои руки Предреввоенсовета Советской Республики Л. Троцкий, который, как всегда, действовал решительно и непоколебимо. 28 мая Троцкий направил телеграмму в адрес советского и военного руководства Украины (Раковскому¹³, Подвойскому¹⁴ и Антонову-Овсеенко) с требованием немедленно начать в печати кампанию против Махно с целью ликвидации махновщины (15). 2 июня 1919 г. в газете «В пути», издававшейся в поезде Троцкого, появилась его статья под названием «Махновщина». Председатель Реввоенсовета Республики объявил, что «некий Махно» восстает против советской власти. Уничижительное определение («некий») в адрес Махно не означало, что Троцкий не был осведомлен о махновском движении. Но важнее другой факт: именно Троцкий начал раздувать миф об анархистской природе махновщины, чтобы заслонить ее народное крестьянское содержание. Главный аргумент Троцкого: махновцы как анархисты отрицают государственную власть, поэтому являются врагами советской власти как государственной власти рабочих и трудовых крестьян [2: 162].

4 июня 1919 г. в приказе РВС Республики объявлялось о разрыве отношений с Махно, запрещалось проведение назначенного махновцами на 15 июня в Гуляй-Поле очередного съезда представителей уездов, участие в нем определялось как государственная измена по отношению к Советской Республике, делегаты на съезд подлежали аресту и суду трибунала [16]. Приказ Троцкого от 6 июня 1919 г., «расстрельный» по содержанию, состоял из устрашающих формулировок: махновцы должны быть беспощадно раздавлены, пощады не будет, власть выжжет язву махновщины каленым железом. Махновщина рассматривалась в одной плоскости с другим явлением — «григорьевщиной» [17].

Последнее утверждение нельзя воспринимать иначе, как вполне осознанное создание Троцким очередного идеологического мифа. Сами махновцы оценили «Универсал» атамана Григорьева, поднявшего мятеж против советской власти, как проповедь национализма, антисемитизма, национальной вражды между трудящимися [5: 105]. По приказу Махно Григорьев был убит его ближайшим окружени-

---

¹³ Раковский (Станчев Крыстю) Х. Г. (1873–1941) в 1919–1923 гг. – председатель Совнаркома Украины, нарком иностранных дел. В декабре 1920 г. – член комиссии по борьбе с бандитизмом на Украине. Репрессирован.

¹⁴ Подвойский Н. И. (1880–1948) – один из руководителей штурма Зимнего дворца в Петрограде в октябре 1917 г. С апреля 1918 г. по сентябрь 1919 г. – председатель Высшей военной инспекции Красной Армии. С сентября 1918 г. по июль 1919 г. – член РВС Республики, наркомвоенмор Украины (январь–сентябрь 1919 г.). С ноября 1919 г. по 1923 г. – начальник Всевобуча и частей особого назначения (ЧОН). В октябре–декабре 1919 г. – член РВС 7-й армии, в феврале–марте 1920 г. – член РВС 10-й армии.

ем, причем произошло это уже после разрыва отношений Махно с советской властью (о свершившемся событии Махно телеграфировал в Москву).

Отношение махновского руководства к «григорьевщине» обосновал П. Аршинов. Он подчеркивал: движение, подобное григорьевскому, создавало угрозу свободе трудящихся и поэтому являлось таким же враждебным махновщине, как и большевизм. Махновщина не могла объединиться с отдельными противобольшевистскими выступлениями на том только основании, что сама махновщина выступала против большевизма. По образному описанию Аршинова, возник «новый хищник в лице атамана Григорьева, который, каркая народу о его бедствиях, труде и угнетении, несет на самом деле старый разбойничий порядок, при котором труд народа будет порабошен, бедствия его возрастут, неволя закрепится, права упадут» [5: 108, 109].

В противовес утверждениям Троцкого Аршинов обвинял коммунистическую власть в порождении явления григорьевщины. Суть его рассуждений сводилась к следующему. Большевики установили диктатуру своей партии, как партии государственной, для управления народом. В результате создалась ситуация, в которой трудовой народ попал под надзор и управление органов власти, чуждых трудящимся, применявших методы произвола и насилия. Диктатура партии коммунистов-большевиков породила в народной массе озлобление, протест и враждебное настроение к существующему порядку. Этим воспользовался в своей аванюре Григорьев. Григорьев — предатель революции и враг народа, но именно партия коммунистов-большевиков своей безответственной диктатурой создала в массах озлобление, которым он воспользовался (аналогично данным обстоятельством может воспользоваться другой авантюрист). Обличая в предательстве Григорьева, Аршинов одновременно считал необходимым обвинить за появление григорьевского движения коммунистическую партию [5: 111—112].

9 июня 1919 г. в реввоенсоветы армий Южного фронта поступила телеграмма Троцкого с указанием о ликвидации «Гуляй-Польского заговора махновцев», с требованием передать все дела чрезвычайному трибуналу [18].

В качестве протеста против указанных действий Махно отправил 8 июня 1919 г. телеграмму в адрес руководства Советской Республики с заявлением: неотъемлемое право крестьян созывать съезды для обсуждения злободневных вопросов есть завоевание революции, поэтому запрет на проведение съездов — нарушение революционных прав народа [19].

Съезд крестьян, рабочих и повстанцев революционной повстанческой армии Украины (махновцев), созданный в г. Александровске 28 октября — 2 ноября 1919 г., объявил о создании повсеместно на махновской территории вольных крестьянских организаций, их съездов (ме-

стных и областных) для решения насущных вопросов социального строительства. Свободные общественно-хозяйственные организации на местах предлагалось объединить между собой [2:231, 235].

Значения второго термина из словочетания «вольные безвластные Советы» никто из махновцев определенно не понимал, но первое воспринималось положительно: на практике многие уже узнали, что представляют собой советы при большевистских ревкомах, белогвардейских и петлюровских комендантах [3: 148].

«Вольный советский строй» означал в крестьянском восприятии отказ от налога на содержание государства, города, который ничего не мог дать взамен деревенских продуктов. Лозунг «вольных советов» выражал протест как против крепостнических остатков и капитализма, так и против военного коммунизма. Идея «вольного советского строя» предполагала организацию новой хозяйственной и общественной жизни свободных крестьян, организация которой декларировалась на основе социального равенства и справедливости с ликвидацией классов, политических партий, национального неравенства.

Революционное знамя Нестора Махно олицетворяло не столько знамя анархии, как нередко представляется, сколько народное движение за справедливость, направленное на решение наиболее острых общественных вопросов — освобождение трудящихся, создание жизненного устройства без гнета и произвола властей. Анархистская умозрительная теория, как и другие идеологии радикального революционного толка, оказалась далекой от подлинных интересов трудящихся, которых они якобы собирались «освободить». У Махно практически не было мирного времени для социального строительства: анархистские методы апробировались в боевых условиях.

Махновское движение возникло на собственной почве, развивалось как самостоятельное крестьянское движение с осознанными целями. Не оно пришло к анархизму, а группа анархистов-коммунистов примкнула к крестьянскому движению в качестве политических работников. Махновщина вобрала в себя элементы анархизма, которые могли способствовать достижению целей массового крестьянского движения.

Выпячивание анархистской оболочки махновщины, попытки определить типологию данного массового крестьянского движения в качестве анархистского, нередко подкрепляется ссылками на воспоминания Махно. Мог ли сам малограмотный атаман написать мемуары, или же текст сочиняли другие — вопрос дискуссионный. С юношеских лет Махно попал под влияние екатеринославских анархистов, затем осваивал его во время многолетнего пребывания в Бутырской каторжной тюрьме, где в роли наставника молодого Махно выступил анархист Петр Аршинов. Жизненные университеты выковали в «Скромном» (кличка Махно со времен каторги) анар-

хистские волю и жестокость. Являясь по своим взглядам приверженцем анархизма, Махно в теории разбирался неважно¹⁵. Махно сохранил верность усвоенным в юности идеалам — идее всеобщего передела и равенства, всевластия трудящихся, желания сделать бедных счастливыми. Свобода, вольный труд, равенство и солидарность были призваны восторжествовать над рабством под игом государства и капитала. Анархисты, отрицая диктатуру пролетариата, понимали социальную революцию как переход средств производства в распоряжение трудящегося — производителя. Врагами трудящихся для анархокоммунистов были не только помещики, но и кулаки как угнетатели трудового народа.

Ближайшее окружение Махно состояло из его земляков, освоивших в основном начальный образовательный уровень (одно-двухгодичное обучение в школе), включая самого малограмотного «полупролетария» Махно. Можно предположить, что они вряд ли штудировали анархокоммунистические сочинения Кропоткина, но верили в уравнилельный социализм. Для махновцев более понятен был язык, выраженный в одной из листовок штаба махновцев: «Повстанческая армия считает своим святым долгом стать на защиту интересов трудового крестьянства против попытки господ коммунистов запрячь в свой хомут трудовое крестьянство. Повстанческая армия — меч в руках трудового народа, призывает Вас, товарищи крестьяне и рабочие, самим взять в свои руки и дальнейшее строительство своего счастья, и свои народные трудовые богатства без помощи партийных лиц, пророков и большевистских шарлатанов, которые достойны смерти как гнусные воры, трусы и разбойники перед трудовым народом, в котором они находят только «человеческий материал» и пушечное мясо» [2: 337].

Для характеристики социального состава махновского воинства приведем группу командного состава махновцев, входивших в число ближайших сподвижников Махно: *Куриленко Василий* — уроженец семьи батрака Мариупольского уезда — являлся командиром полка, членом штаба повстанческой армии, был представлен к награждению орденом Красного Знамени за взятие Мариуполя; *Петренко Петр* — из батрацкой семьи — полный Георгиевский кавалер, прапорщик, командир полка, командир ударной группы, начальник штаба Азовской группы повстанческой армии; *Правда* — из батрацкой семьи Александровского уезда — командир отряда, полка, начальник лазарета, армейского обоза; *Троян Гавриил* — батрак из Гуляй-Поля, адъютант Махно, секретарь Военно-революционного Совета махновской армии, командир особого полка, особой

¹⁵ Анархистский наставник Махно — Петр Аршинов (Марин) отмечал недостаток знаний (теоретических, исторических, политических) у Махно, вследствие чего Махно «часто упускал теорию из виду» (5:210).

группы при командарме; *Каретников (Каретник) Семен* — безземельный крестьянин, батрак Гуляйпольской волости — командир полка, помощник командарма (заместитель Махно), и. о. командующего повстанческой армией (махновцев), командующий особой Крымской группой войск махновцев; *Щусь Федор* — крестьянин-бедняк села Большая Михайловка Александровского уезда — начальник махновской кавалерии, член штаба повстанческой армии, заместитель Махно; *Белаш Виктор* — уроженец села Новоспасовка Бердянского уезда Таврической губернии, рабочий-машинист паровоза — начальник оперативного отдела штаба Махно, начальник штаба, заместитель председателя совета Революционной повстанческой армии Украины (махновцев); *Василевский Григорий* — крестьянин Гуляй-Поля, из бедной семьи — личный друг Махно и соратник, нередко исполнял роль его заместителя, в конце 1919 г. — январе 1920 г. — адъютант Махно; *Вдовиченко Трофим* — уроженец батрацкой семьи села Новоспасовка Бердянского района — участник Первой мировой войны, прапорщик, полный Георгиевский кавалер, с мая 1918 г. — командир 2-го Новоспасовского отряда, с сентября по декабрь 1919 г. — командир 2-го Азовского корпуса повстанческой армии махновцев, с мая 1920 г. по май 1921 г. — командир Азовской группы повстанческой армии; *Веретельников Борис* — крестьянин из Гуляй-Поля, работал литейщиком на заводе Кригера и на Путиловском заводе в Петрограде. В начале 1919 г. — главный комиссар Военно-революционного полевого районного штаба Гуляй-Поля, в мае 1919 г. — старший помощник начштаба 3-й Заднепровской дивизии; *Марченко (Шевченко) Алексей* — уроженец Гуляй-Поля, из семьи бедняков — младший унтер-офицер царской армии, член Совета революционных повстанцев, в конце 1919 г. — начале 1920 г. — командир корпуса, командующий всей кавалерией армии, с июня 1920 г. командир кавгруппы [2: 886—890, 897, 901, 905, 911—912, 917, 920—921]. Приведенные махновские командиры, игравшие заметную роль в крестьянском движении, являлись выходцами из бедноты, имели в основном образование не выше начального.

Махно усвоил анархистское отрицание национальности как таковой и сплочение трудящихся на интернациональной основе: боролся с националистами-самостийниками, выступал против антисемитизма¹⁶. Анархисты в окружении атамана в большинстве своем были евреи. В составе махновских отрядов, боровшихся против гетмана и денкинской, позже против советской власти, была особая еврейс-

¹⁶ Одной из причин убийства окружением Махно атамана Григорьева явились антисемитские погромы. В опубликованном 7 мая 1919 г. в Елизаветграде (Кировоград) «погромном универсале» Григорьева «К украинскому народу [Его начало]» говорилось: «Народ украинский. Народ измученный! Тебе насильно навязывают коммуны, чрезвычайку и комиссаров из Московской «обжорки» и той страны, где распяли Христа...» [2:860].

кая батарея (весь состав ее, повстанцы и командиры, были исключительно евреи). Махновскую контрразведку возглавлял Лев Задов (Зиньковский). Макс Черняк, выходец из бедной еврейской семьи, занимал в разное время должности командира полка, начальника Бердянской контрразведки (1919), начальника махновской контрразведки в начале 1921 г. [2: 919—920].

Почти весь созданный при атамане, по примеру большевиков, собственный «революционный военный совет» состоял из евреев. В него входили, помимо старших наставников Махно, П. Аршинова¹⁷ и В. Волина¹⁸, анархисты И. Тепер, И. Эмигрант, Я. Алып, А. Барон. В начале 1919 г. исполком Военно-революционного Совета в воззвании к рабочим, крестьянам и повстанцам объявил резкое осуждение еврейских погромов [2:64].

2-й съезд Гуляй-Польского районного съезда фронтовиков, Советов, отделов и подотделов военно-революционного штаба района в феврале 1919 г. в специальной резолюции «против грабежей, насилий и еврейских погромов, чинимых разными темными личностями, прикрывающимися именем честных повстанцев», объявил: поработенные всех национальностей — русские, поляки, латыши, армяне, евреи, немцы — должны объединиться в одну общую дружную семью рабочих и крестьян, чтобы «сбросить с себя цепи экономического рабства и духовного закрепощения». Все лица, принимавшие участие в подобных бесчинствах и насилиях, объявлялись врагами революции и трудящегося народа и подлежали расстрелу на месте преступления [2:88—89].

Обладавший природным прагматичным умом Махно не мог не осознавать несоответствие анархических идей с их реальным вопло-

¹⁷ *Аршинов (Марин) П. А.* (1886–1938) – уроженец рабочего поселка Амур-Нижнеднепровска Екатеринославской губернии. Отбывал каторгу в Московской Бутырской тюрьме вместе с Нестором Махно. После освобождения из тюрьмы в 1917 г. – член редколлегии московской газеты «Анархия». С 1919 г. участвовал в махновщине, редактировал газеты «Путь к свободе», «Повстанец» и др. В 1920–1921 гг. – заведующий культурно-просветительным отделом махновской армии, с 29 ноября 1920 г. – член Совета революционных повстанцев Украины (махновцев). С 1922 г. – в Германии, затем во Франции, написал «историю махновского движения». В 1930-х годах возвратился в СССР и вступил в ВКП(б).

¹⁸ *Волин (Эйхенбаум) В. М.* (1882–1945) – видный анархо-синдикалист, литератор, член секретариата конфедерации «Набат». В махновщине с августа по декабрь 1919 г., занимал должность зав. культурно-просветительным отделом, зам председателя реввоенсовета революционных повстанцев Украины (махновцев), в октябре–ноябре 1919 г. – председатель Военно-революционного Совета махновской армии. Арестован ЧК в с 25 на 26 ноября 1920 г. Впоследствии – в эмиграции.

щением. Анархическое движение, полное революционного пафоса, сыграло заметную роль в революционной общественной ломке. В соответствии с анархистской доктриной махновцы разрушали и взрывали тюрьмы в занятых городах — давали человеку свободу. Но анархические мечты и идеалы разбивались от столкновения с жизненными реалиями. Теоретики анархизма не могли придумать конкретных путей воплощения собственных идей в практике построения нового общества.

Анархисты ожидали, что их теоретик Кропоткин укажет конкретные пути для организации крестьянского движения в деревне, объяснит, как трудящийся может завладеть землей без власти над собой. 30 мая 1919 г. из Гуляй-Поля Махно написал Кропоткину письмо, в котором сообщал о посылке продовольствия для теоретика анархизма и просил прислать в махновское издание статью «о социальном строительстве в деревне», что, по его словам, «очень важно было бы для крестьян» [20: 530]. Летом 1918 г. Махно в Москве встречался с Кропоткиным. Но ожидания не оправдались. Мечтатель-идеалист Кропоткин не дал ответа на эти вопросы. Анархисты в махновщине самостоятельно пытались создать образ крестьянства в качестве творца и носителя революции в деревне.

Жизненная практика разрушила анархистские идеальные теории. Идея сделать Повстанческую армию махновцев Всемирной Повстанческой армией [2:337] являлась анархической грезой. Доктрина анархокоммунизма отвергала государство, но практика заставила Махно заняться основами государственного строительства: у нового «государства» (Махновии) образовалась столица — Гуляй-Поле, пришлось создавать государственные органы — советы («вольные» и «безвластные» по названию), заниматься повседневной организацией жизни населения.

Махновский реввоенсовет в своем постановлении продекларировал анархокоммунистический принцип свободного обмена продуктами труда, главным образом, между трудящимися. Но попытка воплощения данной кропоткинской идеи по поводу непосредственного товарообмена деревни с городом, без участия посредника в лице государства, на практике провалилась. Попытка устройства вольных коммун оказалась безуспешной, когда государство заявило свои права на результат труда «свободных» коммунаров. Постановление ВРС устанавливало оборот различных видов денег — советских, украинских и иных (2: 323). Но анархистский догматизм, выразившийся в хождении всех видов денежных знаков (от царских до советских и денкинских), привел к полному хаосу финансового рынка в Махновии.

Анархистские теоретики, выступавшие от имени популярного народного атамана, общего языка с крестьянской массой не находили. Неслучайно среди анархистов существовали настроения, что махновщина «не гармонирует» с идейными основами социализма

[2:602]. Интересы крестьян не противоречили стихийному анархизму, но анархизм не воспринимался как политическое учение. Психология мелкого собственника в сочетании с природным индивидуальным анархическим эгоизмом демонстрировала нежелание любой власти над собой. Поддержка населением махновщины (пополнение, укрывательство) обуславливалась потребностью в защите от грабительской политики власти, самоуправления, а также возможностью воспользоваться материальными выгодами безвластия (отказ от уплаты налогов и выполнения повинностей, захват земли, военная добыча).

В резолюции экстренного совещания активных работников анархистской конфедерации «Набат» в марте 1920 г. содержались следующие положения: «Поскольку в этом движении проявляется стремление народных низов к самоосвобождению, долг каждого анархиста — активно помогать ему в борьбе с государством. Но махновская армия не анархистская армия. Махновская армия представляет собою сплетение революционной преданности, отваги, самопожертвования с предрассудками среднего деревенского жителя. ... Твердо зная ближайшую непосредственную задачу — бить буржуев и гнать насильников-властителей, повстанцы-махновцы имеют, однако, весьма смутное представление об анархическом идеале». Поэтому совещание конфедерации «Набат» напоминало своим сторонникам: нельзя смешивать махновское движение с анархистским движением, тем более подменять одно другим. Ставилась задача «из наиболее сознательной части повстанцев-махновцев сделать передовой идейный анархистский авангард» [21: 388—389; 2: 332—333].

Объективную оценку отношений анархизма и махновщины дал П. Аршинов. По его свидетельству, махновщина зародилась и развивалась самостоятельно, без воздействия со стороны анархических организаций. Анархисты вошли в движение с громадным опозданием, когда социальное строительство было прервано боевыми действиями. Анархисты оказались в обстановке военных действий. Аршинов сожалел о нераскрытом потенциале анархизма, который, по его мнению, являлся единственным мировоззрением, на который могла опереться махновщина в борьбе с большевизмом [5: 225, 227, 228].

Примечательно мнение по поводу влияния анархизма на махновщину, высказанное анархистом Д. И. Поповым¹⁹: попытки как партии, так и различных анархических групп предпринимались неоднократно

¹⁹ Попов Д. И. — анархист, бывший левый эсер, участник левозсеровского мятежа в Москве в 1918 г. Командир пехотного полка в армии Махно, был членом реввоенсовета армии, секретарем Совета революционных махновцев. В октябре 1920 г. в качестве уполномоченного Махно подписал военно-политическое соглашение с большевиками. В ноябре 1920 г. — представитель армии махновцев в Харькове, арестован ЧК в ночь с 25 на 26 ноября 1920 г.

но, но успехом не пользовались. Попов аргументировал собственную оценку: «Приходится, констатируя неподготовленность трудовых масс, сказать, что анархическое строительство массовое невозможно, а, следовательно, и попытка затеять сейчас кампанию в массах за ломку существующего государственного коммунистического аппарата Советской власти была бы попыткой в высшей степени необдуманной и, несомненно, в ущерб интересам революции. Предположим, что за короткий срок в какой-то степени и удалось бы разрушить государственный аппарат, но, несомненно, создать взамен его не удалось бы абсолютно ничего. Отсюда — короткий отдых, предназначенный для укрепления революционных сил, данной борьбой и ломкой вконец бы обессилил и расшатал и без того измученный организм революции. Разрушив хотя и существующее с большими недостатками государственное коммунистическое строительство, мы бы остались у разбитого корыта: неспособные ни к малейшему отпору наступающей реакции. Следовательно, для меня, как для анархиста-коммуниста, в принципе идейно отвергающего государственность, наименьшим все-таки злом является не разрушение в данный момент государственного аппарата власти, а его сохранение, поскольку он является единственным аппаратом налаживания и усиления в данный момент революционной мощи крестьян и рабочих» [22].

Махновский анархистский реввоенсовет устраивал митинги, пытаясь разъяснить основы анархистского учения, издавал газеты-листовки с бунтарскими названиями «Набат», «Путь к свободе», «Вольный повстанец», содержание которых переполнялось анархистской демагогией. Кто читал анархистские издания? Неграмотная крестьянская масса?

Властных полномочий реввоенсовет не имел. Штаб Махно держал его в «ежовых рукавицах». Группа махновской армии Крымского направления решением начальника корпуса организовала даже собственный ВРС, не подчинявшийся ВРС Волина. Показательно следующее событие. 20 ноября 1919 г. на совместном заседании Военно-революционного Совета и командования Повстанческой армией махновцев председатель реввоенсовета Волин в ответе на заявление Махно, что «Совет ничего не делает», заявил: Совет направляет все свои усилия, но с ним не считаются, в результате решения реввоенсовета остаются лишь на бумаге — постановления и предписания совета не выполняются. Командарм, сокрушался Волин, редко бывал на заседаниях реввоенсовета. Волин обращался к Махно с просьбой издать по армии специальный приказ, в котором потребовать от командиров выполнения всех постановлений ВРС. Попытка реввоенсовета вмешаться в дела махновской контрразведки получила немедленный отпор со стороны начальника контрразведки: «Мы над собой никаких комиссий не признаем. Мы работаем

так, как показывает нам необходимое для блага трудящихся». Даже рассмотрение вопросов санитарной комиссии закончилось постановлением: просить Батько Махно, чтобы выполнил данное обещание в отношении санитарной комиссии [2: 279—281, 285].

Анархистские комиссары Махно сформулировали необходимость проведения так называемой «добровольной мобилизации» — яркое свидетельство того, как анархистская догма расходилась с реальной жизнью. Термин «мобилизация» подразумевает принудительный призыв в армию населения с суровым наказанием за уклонение. Но в теории анархисты были против принуждения. Вот и придумали нечто вроде развития анархизма через подобное словосочетание. Первоначально в феврале 1919 г. 2-й съезд Гуляй-Польского районного съезда фронтовиков, Советов, отделов и подотделов военно-революционного штаба района объявил обязательную всеобщую мобилизацию. Трактовка резолюции по данному вопросу вызывает недоумение: мобилизация определялась, с одной стороны, как непринудительная — отвергающая принцип давления сверху насилем и приказами, но, с другой стороны, как обязательная: каждому крестьянину, способному носить оружие, предлагалось самому осознать свой долг по защите интересов всего трудящегося народа и пойти в ряды повстанцев [2: 89].

Съезд крестьян, рабочих и повстанцев революционной повстанческой армии в Александровске 28 октября — 2 ноября 1919 г. принял решение о «добровольной мобилизации» в махновскую армию. Резолюция по вопросу об организации военных повстанческих сил устанавливала проведение на территории, освобожденной повстанческой армией (махновцами), добровольно-уравнительной мобилизации мужчин возрастной категории за 30 лет — с 19 до 48 лет. Формирование производилось по территориальному принципу — по селам, волостям и уездам. Специальная инструкция по формированию революционной добровольно-повстанческой армии из трудящихся разъясняла, что «все население мужского пола, начиная с 19 до 48-летнего возраста включительно, согласно добровольно-уравнительной мобилизации и с согласия каждого на то, что он идет добровольно в ряды Повстанческой армии для защиты интересов трудящихся масс от капитала, берется на учет и разбивается на следующие отдельные категории: а) от 19 до 28 лет включительно; б) от 29 до 38 лет; в) от 38 до 48 лет». Учет каждой отдельной категории разделялся по военной специальности: пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные части, из которых и проводилось формирование Повстанческой армии в боевые единицы: отделения, взводы, роты и т. д. Выборы командиров подлежали ограничению — до полка включительно. Выполнение инструкции возлагалось на местные военные отделы волостных Советов, в случае их отсутствия — на волостные

Советы. Командиры крупных соединений — бригад, дивизий, корпусов — назначались штабом армии и военно-революционным советом. Для установления «стальной товарищеской дисциплины» в рядах Повстанческой армии требовалось создать товарищеские суды [2: 232—234].

Конечно, создание «товарищеских судов» в военной армии, в условиях гражданской войны — сам по себе нонсенс. Для этой цели создаются другие органы — военные и военно-полевые суды, трибуналы. Анархии «вольной безвластной армии» в махновщине не существовало. Анархистская «выборность командного состава» не могла заменить принцип назначения и единоначалия: командиров частей и подразделений (не только крупных соединений, как было записано в приведенной инструкции) назначал сам Махно или его приближенные.

В соответствии с доктриной анархизма, отрицавшей власть государства, носители теории не должны были признавать обязательные государственные атрибуты — вооруженные и полицейские силы. Но в данном вопросе также анархистская теория столкнулась с противоречием практики: «безвластная» власть Махно устанавливала якобы безвластие силой оружия — винтовка рождала власть. Анархистское отрицание законов порождало произвол.

Крестьянское движение находило свое организационное выражение в махновской повстанческой армии. Повстанческая армия Махно сложилась весной 1919 г. Приказы Махно по Революционной повстанческой армии (махновцев) требовали ввести в частях вполне в анархистском духе «братскую, разумную дисциплину» [23]. В телеграмме от 29 января 1919 г. в адрес советского командования Махно уверял: предприняты самые строжайшие меры по прекращению грабежей, убийств, реквизиций и конфискации — если совершается где-либо подобное, то только провокаторами [24]. Однако осуждение грабежей не могло их остановить, даже методом показательных расстрелов грабителей-махновцев: привычным явлением стали расстрелы, которые производились махновским войском, в том числе непосредственно Батькой, жестокие расправы, грабежи и конфискации имущества, ужасы махновской контрразведки. Во всех видах «революционного насилия» Махно сам принимал непосредственное участие.

Черный анархистский флаг²⁰ над массовым крестьянским движением являлся лишь внешней оболочкой махновщины. Крестьянская вольница с оружием в руках отстаивала независимость родных сел. В условиях гражданской войны, когда смерть стала восприниматься обыденным делом, крестьяне твердо усвоили простую ис-

²⁰ Наряду с черными в махновских отрядах встречались красные флаги [2: 621].

тину: их атаман против красных с их подразверсткой и против белых с их реквизициями — то и другое воспринималось как грабеж. Поэтому крестьянство поддерживало Махно, который их защищал со своими боевыми отрядами.

Основные принципы организации армии, по анархистской умозрительной конструкции, — добровольчество, выборное начало, самодисциплина — в действительности оказались не более чем декоративным фасадом реального построения вооруженного махновского воинства. Революционно-повстанческая армия махновцев в основе своей копировала организацию Красной армии. Пехота делилась на бригады, полки, батальоны, роты, взводы, отделения.

Приказ №2 по Повстанческой армии в октябре 1919 г. требовал ввести в частях строжайшую дисциплину, прекратить самочинную конфискацию лошадей, бричек, грабежи «пресечь в корне». В приказах по подразделениям махновской армии командиры угрожали жестоким наказанием за самовольные реквизиции и контрибуции, пьянство, занятие «гульбой и развратом», насилие и «коварное обращение с мирными жителями» [25; 2:286, 287, 299].

Один из первых обладателей советского ордена Красного Знамени (по свидетельству его жены Г. А. Кузьменко — других документальных свидетельств не сохранилось), Махно создавал и умело использовал тактику партизанской войны (в том числе против Красной армии). Командный состав махновской армии состоял из бывших унтер-офицеров царской армии с хорошей боевой подготовкой и накопленным опытом партизанской войны в годы повстанческого движения [26]. Установленный штабом повстанческой армии регламент штабной работы проявился в тактической четкости и разработанности организации военных действий махновского штаба и командиров частей, основанных на информации, полученной из агентурных данных.

Разведка махновцев была четко отлажена: приказы штаба основывались на точных агентурных сведениях, добываемых с помощью населения: отслеживалось передвижение и прибытие советских воинских частей (с указанием конкретной части, цели прибытия, маршруты движения). Отметим, что советское военное руководство высоко оценивало результаты разведки Махно не только в селениях, но и на уровне уездов, волостей [27].

Недостаток воинского порядка и сил восполняли подвижность, стремительность, неожиданность и смелость действий. Для переброски пехоты, пулеметов, боеприпасов применялись тачанки — именно махновцам принадлежит приоритет использования тачанки (легкие рессорные экипажи) для стремительной транспортировки пехоты и пулеметов²¹. Быстрота передвижения достигалась за счет замены лошадей у местного населения. Махно требовал в обмен на

свежих лошадей отдавать утомленных, а также рассчитывать деньгами. Переход едва ли не в сотню верст за сутки был для них не редкость. Махно и его штаб долгое время были неуловимы. Оружие, боеприпасы и снаряжение пополнялось из числа трофеев. Потери личного состава махновцев восполнялись новым молодым пополнением.

Махно изобрел гибкие тактические схемы. Оставив небольшой отряд для приманки, он мог быстро отступить, стараясь заманить противника, а затем быстро и незаметно зайти ему в тыл и во фланги. В результате противник терпел поражения от подобных неожиданных и стремительных рейдов, ударов с тыла. Другой тактический прием партизанской тактики заключался в следующем: в окружении махновцы расплывались на мелкие группы, просачивались сквозь кольцо окружения и затем снова соединялись, чтобы ударить с тыла. При необходимости группы махновцев уходили в разные стороны, сбивая врага с толку. Махновские партизанские отряды растворялись в степных просторах, зарывая оружие в землю, превращались в мирных селян. В дальнейшем по условленному сигналу они опять соединялись в организованном порядке в единую боевую силу.

Масштабная ликвидация махновщины началась сразу после победы советских войск над Врангелем. Последний — третий по счету — временный союз советской власти с Махно, обусловленный совместной борьбой с Белым движением, был разорван сразу после окончания боев на Крымском полуострове. Советское военное командование нарушило военно-политическое соглашение между правительством УССР и Революционной повстанческой армией Украины (махновцев), заключенное 2 октября 1920 г.: в соответствии с этим соглашением махновская армия входила в состав вооруженных сил Советской Республики как партизанская, с сохранением установленного распорядка, «не проводя основ и начал регулярных частей Красной армии» [2:485]. 23 ноября 1920 г. Реввоенсовет Южного фронта отдал приказ командованию Повстанческой армии махновцев: немедленно приступить к преобразованию парти-

---

²¹ Создание легенды о приоритете 1-й Конной армии С. М. Буденного в использовании тачанки для транспортировки пулеметов и пехоты принадлежит И. Сталину. На торжественном заседании в Военной Академии 17 ноября 1923 г. по поводу годовщины создания 1-й Конной армии Сталин объявил: «Самая характерная страница истории Конной армии это то, что летом 1919 года кавалерия превратилась в соединение массы конницы с массой пулеметов. Знаменитая «тачанка» является показателем этого соединения. Характерная черта состоит в том, что конница приобрела еще одно новое свойство, давшее ей победу над конницей Деникина: она присоединила к себе некоторые пехотные части, которые она обычно передвигала на подводах» (Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 352–353).

занских повстанческих частей в регулярные воинские соединения Красной армии. Судьба данного приказа была predeterminedена изначально: на подобный шаг махновцы не пойдут. РВС фронта (Фрунзе, Смилга) явно превысили свои полномочия. На следующий день М. Фрунзе²² в своем приказе объявил: «С махновщиной надо покончить в три счета» [28]. 26 ноября 1920 г. приказом РВС Южного фронта Махно и все его отряды объявлялись врагами Советской Республики [29]. Командир Крымской группой войск махновцев С. Каретников 24 ноября был вызван в штаб Фрунзе якобы на военное совещание, арестован и 28 ноября расстрелян. Аналогичная участь постигла начальника полевого штаба махновцев в Крыму П. Гавриленко. Представитель махновцев при штабе Южного фронта в Харькове А. Буданов был арестован ЧК в ночь с 25 на 26 ноября, в конце ноября расстрелян.

Против махновцев была развернута мощная пропагандистская война, в которой использовались провокационные средства. В частности, активно эксплуатировался созданный миф о тайном союзе Махно с белогвардейскими генералами [2:427]. Население Украины возбуждалось настойчивыми сообщениями о регулярных захватах махновцами железнодорожных продовольственных составов для рабочих Донбасса [30].

10 октября 1920 г. в воззвании Троцкого «Что означает переход Махно на сторону Советской власти?» утверждался новый миф: махновщина «по недомыслию» опиралась непосредственно на кулацкие верхи деревни [2: 498]. Автор не обращал внимание на явное противоречие данного утверждения его же собственному заявлению в статье «Махновщина» в 1919 г. об анархистской природе махновщины: ведь кулак для анархокоммуниста воспринимался не иначе, как враг трудящихся. Поэтому попытка Троцкого объединить в одном социальном явлении — махновщине — непримиримые стороны представляется не просто ошибочной — скорее провокационной: квалифицированный теоретик Троцкий не мог не понимать элементарных теоретических нюансов. Другое дело, подобные упражнения в знаниях не интересовали неграмотную крестьянскую массу. Для народа более понятными были их собственные жизненные наблюдения, когда кулаки пытались уничтожить Махно силами добровольческих отрядов.

Едва закончилась крымская кампания, как советская власть на

²² Фрунзе М. В. (1885–1925) – с сентября 1919 г. – командующий Южного фронта. В октябре 1920 г. от имени большевиков подписал военно-политическое соглашение с представителями Махно в Харькове. С декабря 1920 г. по март 1924 г. – уполномоченный РВС на Украине, командующий войсками Украины и Крыма, одновременно член политбюро ЦК КП(б)У и зам председателя СНК УССР (с февраля 1922 г.). С января 1925 г. – председатель Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам.

Украине развернула борьбу с явлением, которое в то время называлось термином «бандитизм». Детальный порядок ее ведения регламентировался специальным документом — «Краткой инструкцией по борьбе с бандитизмом на Украине», которую утвердили председатель СНК Украины Х. Раковский, командующий всеми вооруженными силами Украины М. Фрунзе, секретарь ЦК КПУ В. Молотов в г. Харькове 8 декабря 1920 г.

Согласно данной инструкции, все виды вооружения и воинского снаряжения подлежали изъятию у населения. Поскольку приказы о сдаче всего оружия, как правило, цели не достигали, предлагалось, пользуясь сведениями особых отделов, устанавливать точно количество оружия, подлежащего к сдаче. При назначении планового количества, подлежащего выдаче, рекомендовалось «не зарываться» и указывать действительно возможное к исполнению, но требование доводить до конца, не останавливаясь перед расстрелом заложников, взятых в качестве обеспечения успешного сбора оружия. С целью максимального сбора оружия разрешалось одновременно с данной операцией устанавливать контрибуцию для местного населения: лошадь, корову или свинью за несданную винтовку, например. Контрибуцию можно было заменить оружием. В случае обнаружения не сданного при обыске оружия, независимо от того, выполнен ли наряд на винтовки полностью или нет, виновные в сокрытии подлежали расстрелу.

С учетом особой важности транспортных путей и средств связи вводились предупредительно-карательные меры в пятнадцативерстной полосе по обе стороны железнодорожной линии или телеграфной магистрали: возложение на местное население ответственности за взрыв мостов, порчу пути или паровозов, взятие заложников. В районах и местностях, наиболее охваченных бандитизмом, на местное население возлагалась ответственность в виде круговой поруки за какое бы то ни было волнение или выступление против советской власти.

В подобных случаях взятые заложники или часть связанных круговой порукой мирных жителей отвечали «головой за гибель агентов советской власти или лиц, стоящих под ее защитой». Аналогичная ответственность возлагалась за несвоевременное предупреждение о появлении в данном районе банд, уходе в банды односельчан или в случае, если в данном селе укрывался бандит или подозрительные лица без определенных занятий, особенно неместного происхождения.

В случае проявления враждебности населения в какой-либо местности в отношении советской власти, укрывательства или невыдачи бандитов и повстанцев, для местного населения устанавливались различные наказания: контрибуция продуктами и продовольствием; контрибуция предметами обмундирования (белье, теплая одежда,

сапоги, подушки, одеяла и т. п.); выселение и «изъятие» семейств главарей и зачинщиков восстаний с конфискацией всего их имущества и передачей последнего бедноте; в определенных случаях уничтожение (поджог или разрушение) домов бандитов. При этом специально оговаривалась недопустимость сжигания или уничтожения артиллерией «вне боя» селений целиком или отдельных кварталов [31]. Последнее запрещение уничтожения сел и деревень объяснялось чрезмерным расточительством потенциальной собственности и имущества. Текст приведенной инструкции местами пересыпался акцентированными ссылками на кулаков, «кулацкое население», «кулацкие слои», однако подобные классовые акценты не могли заслонить совершенно определенную антинародную направленность данного документа.

В ликвидации махновщины использовались те же военно-карательные методы, которые апробировались на образовавшемся в первой половине 1921 г. «внутреннем фронте» в борьбе с другими крупными очагами крестьянского повстанчества, особенно антоновщиной и Западно-Сибирским восстанием. Тактика борьбы с партизанскими методами махновцев включала в себя изолирование повстанцев от основных баз и опорных пунктов — в повстанческих районах были расставлены постоянные гарнизоны из состава регулярных войск, преимущественно кавалерийские. Для этого специально определялись «бандитские очаги» — села объявлялись «контрреволюционными гнездами», из которых выселялись подозреваемые в связях с махновцами, их имущество конфисковывалось. Под охраной гарнизонов создавался советский аппарат на местах, формировались отряды самообороны [32]. Против повстанцев использовались бронепоезда, броневики, аэропланы, производившие разведку, бомбежку и обстрел.

На предполагаемых маршрутах движения махновцев устанавливались сильные заслоны. Бесперывное изматывающее преследование махновских отрядов обеспечивали маневренные отряды и особые кавалерийские летучие отряды при гарнизонах, в состав летучих отрядов входили подготовленные и проверенные чекисты-разведчики. Специальные органы занимались организацией агентурной сети среди населения. Перед особыми отделами и органами ВЧК были поставлены четкие задачи: выявление действующих руководителей банд, место их пребывания, лиц, их укрывающих, и способы вылавливания или уничтожения; определение количества рядовых участников банд, их вооружение, расположение штабов, возможности разложения и ликвидации; политическое состояние деревенского населения, его отношение к действующим бандам, количество оружия у населения; оперативные мероприятия по устранению и ликвидации главарей; введение осведомителей в состав советских органов — волисполкомы и волревкомы — для выявления про-

нившихся в них бандитских элементов и ликвидации их [33]. Производилась также чистка красноармейских частей от промахновских настроений — над этим работали специальные армейские комиссии.

По личному настоянию председателя ВЧК Ф. Дзержинского²³ Оргбюро ЦК РКП(б) обсуждало вопрос о награждении отличившихся красноармейцев в боях с махновцами — для этой цели выделялась большая партия подарков, в том числе из фондов Гохрана: серебряные портсигары, металлические и серебряные часы, цепочки, шашки, кинжалы [34]. В циркулярной телеграмме всем губчекам и особым отделам от 30 марта 1921 г. Дзержинский требовал усилить в деревнях вербовку агентов в крестьянской среде, ускорить ликвидацию главарей, «не останавливаясь перед наградами, ни денежными, ни материальными» [2:608—609]. По инициативе Дзержинского формировались специальные отряды ВЧК для борьбы с махновцами (говоря на современном языке — спецназ) [35].

Приказ командующего всеми вооруженными силами на Украине и уполномоченного РВС Республики М. Фрунзе 6 апреля 1921 г. ввел в действие «Инструкцию о заложниках», утвержденную Центральной комиссией по борьбе с бандитизмом при СНК Украины. В соответствии с установками данного документа в каждом отдельном случае перед взятием заложников объявлялся конкретный срок, в течение которого должны быть выполнены предъявленные населению требования, причем широко оповещалось, что в случае невыполнения установленных требований ответственность возлагалась на все население местности.

Заложники должны определяться из числа родственников бандитов, лиц, заподозренных в соучастии и сочувствии бандитам и повстанцам. После взятия заложников населению на месте объявлялось, что лишь по мере выполнения предъявленных населению требований, в течение определенного срока заложники будут освобождаться. В то же время местное население оповещалось руководителями операции о следующем: заложники содержались в губернском городе, чтобы в случае проявления в дальнейшем бандитизма в данной местности, ухода жителей к повстанцам и восстаний они подлежали расстрелу. Данной инструкцией были обязаны руководствоваться все советские войска, направленные на борьбу с бандитизмом [2:610].

С целью ликвидации повстанчества использовалось объявление амнистии в отношении добровольно вернувшихся бандитов и партизан. Местные советские органы принимали постановления: раскаявшиеся

²³ Дзержинский Ф. Э. (1877-1926) — с декабря 1917 г. до февраля 1922 г. — председатель ВЧК. В апреле 1920 г. направлен на Украину для руководства борьбой с бандитизмом, в мае-июле 1920 г. — начальник тыла Юго-Западного фронта, член комиссии по борьбе с бандитизмом на Украине, нарком внутренних дел.

бандиты и партизаны имели возможность получить обратно свои прежние земельные наделы [2:61 1]. Для махновцев устанавливалась амнистия в связи с 4-й годовщиной Октября, позднее срок амнистии был продлен постановлением ЦИКа Украины до 15 мая 1922 г. V Всеукраинский съезд Советов принял закон об амнистии. Воззвание бывших атаманов «К повстанцам-махновцам» призывало добровольно сложить оружие²⁴. Амнистия по всей Советской Республике объявлялась в связи с 5-й годовщиной Октябрьской революции. Переход к нэпу значительно подорвал основы повстанческого движения.

Источники и примечания:

1. В постсоветский период по тематике махновщины издано множество книг, приведем лишь некоторые из них: *Семанов С. Н.* Нестор Махно. Вожак анархистов. Новое прочтение по новым материалам. М., 2005; *Шумов С. А., Андреев А. Р.* Махновщина. М., 2005; *Верстюк В.* Комбриг Нестор Махно. Харьков, 1990; *Комин В. В.* Махно: мифы и реальность. М., 1990; Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы, документы. Киев, 1991; *Голованов В. Я.* Тачанки с юга. Художественное исследование махновского движения. М. — Запорожье. 1997; *Телицын В.* Нестор Махно. Историческая хроника. М. — Смоленск, 1998; *Шубин А. В.* Махно и махновское движение. М., 1998; *Ахинько В. М.* Нестор Махно. М., 2000.

2. Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006.

3. *Семанов С. Н.* Нестор Махно. М., 2005.

4. *Деникин А. И.* Вооруженные силы Юга России (Очерки Русской Смуты) // Белое дело: Избр. произведения в 16 кн. Поход на Москву. М., 1996.

5. *Аршинов П. А.* История махновского движения (1918—1921 гг.). Запорожье, 1995.

6. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 581. Л. 1—40.

7. Махновщина. М., 2005.

8. РГВА. Ф. 25899. Оп. 1. Д. 91. Л. 120—123.

9. РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 74. Л. 7—8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 93. Л. 48—49.

²⁴ Амнистированные махновцы использовались для поимки и ликвидации главарей повстанцев, не сложивших оружия. Так, член махновского реввоенсовета, командир особой группы войск Брова был убит амнистированными повстанцами своего отряда. Тарановский Е., член ВРС махновской армии, член штаба армии, начальник штаба Повстанческой армии (заместитель Махно) был сожжен крестьянами на костре в августе 1921 г.

10. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1. М., 2000.

11. РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 40. Л. 43.

12. Комитеты незаможных селян (КНС) — организация сельской бедноты на Украине в 1920—1933 гг. В отличие от украинских комитетов бедноты 1919 г. они включали и наименее состоятельную часть середняков. Перед комнезами ставились задачи осуществления законов о продразверстке, наделении землей и инвентарем безземельных и малоземельных крестьян, укрепления органов советской власти в деревне. К моменту X съезда комнезамов (октябрь 1920) было создано 10 тыс. сельских и волостных КНС. Они производили конфискацию помещичьих земель и излишков кулацких земель (с инвентарем и скотом), распределяли их среди бедноты и середняков, выявляли скрытые хлебные запасы у кулаков.

13. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9361. Л. 1.

14. РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 114. Л. 1—5.

15. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 216. Л. 128.

16. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 216. Л. 212.

17. РГВА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 78. Л. 81.

18. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 216. Л. 255

19. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 93. Л. 91—104.

20. *Махно Н. И.* Азбука анархиста. М., 2005.

21. Анархисты: Документы и материалы. 1883—1935 гг.: В 2—х т. Т. 2. 1917—1935. М., 1999.

22. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 109. Л. 19—28, 31—42.

23. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1574. Л. 1—3.

24. РГВА. Ф. 936. Оп. 1. Д. 14. Л. 27.

25. РГВА. Ф. 198. Оп. 5. Д. 45. Л. 1, 30; Д. 40. Л. 5.

26. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 444. Л. 4.

27. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1589. Л. 11—64; РГВА. Ф. 32015. Оп. 1. Д. 11. Л. 63.

28. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 408. Л. 156.

29. РГВА. Ф. 101. Оп. 1. Д. 38. Л. 9.

30. РГВА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 528. Л. 2.

31. РГВА. Ф. 25899. Оп. 1. Д. 35. Л. 345—347.

32. РГВА. Ф. 25899. Оп. 3. Д. 240. Л. 48; Оп. 1. Д. 89. Л. 113.

33. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 1574. Л. 16—18.

34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 122. Л. 88—89.

35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 205. Л. 24.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

События 1919—1922 гг. в поволжской деревне являются неотъемлемой частью общероссийского крестьянского движения в годы Гражданской войны, направленного против политики военного коммунизма, основой которой являлась продовольственная разверстка. Крестьяне Поволжья выступили одним из самых активных отрядов этой революции. Как и в других районах помещичьего землевладения, истоки крестьянского протеста коренились здесь в сохранении полукрепостнических порядков и в малоземелье.

В 1917 — первой половине 1918 г. крестьяне Поволжья, как и всей России, при поддержке большевиков добились ликвидации помещичьего землевладения и уравнительного перераспределения земель среди тех, кто обрабатывает ее своими руками. Но с ликвидацией помещичьего землевладения крестьянская революция не завершилась. Она вступила в стадию борьбы крестьян за право быть хозяином на своей земле, свободно распоряжаться результатами своего труда, против крайне тяжелых государственных повинностей, связанных со снабжением продовольствием города и армии, мобилизациями и обеспечением нужд фронта. Все эти повинности оказались объективно неизбежными в условиях войны — вначале мировой, затем гражданской. Как известно, продразверстка была введена царским правительством в конце 1916 г. и затем в 1917 г. осуществлялась Временным правительством. Неспособность Временного правительства решить продовольственный вопрос в значительной мере способствовала его падению. Большевики же, опираясь на комбеды и вооруженные отряды рабочих из голодавших промышленных центров, добивались иных результатов. Летом—осенью 1918 г. с помощью силы они взяли из деревни хлеб и солдат для Красной армии. Ответной реакцией на подобные действия Советской власти стало массовое крестьянское сопротивление.

Среднее и Нижнее Поволжье — огромное пространство по берегам Волги от границы с Нижегородчиной до впадения в Каспий, заселенное русскими, татарами, башкирами, мордвой, чувашами, калмыками и даже немцами, давно освоившими довольно крупный район в саратовском Заволжье. Так же как и Центральное Черноземье, Среднее и Нижнее Поволжье было ближайшим к промышленным центрам страны регионом производства сельскохозяйственной продукции — хлеба в первую очередь. Однако здесь имелись и скотоводческие районы — полукочевые в Башкирии и кочевые в

Калмыкии. Среднее и Нижнее Поволжье всегда занимало очень важное место в жизни страны и как одна из главных житниц, и как мощный канал хозяйственной и культурной связи между Севером и Югом России, и, наконец, как историческое поле этнического сотрудничества и сближения, преодолевшего сколько-нибудь значительные моменты противостояния. Не случайно, после роспуска большевиками Учредительного собрания Комуч избрал именно Поволжье в качестве места пребывания высшего органа государственной власти, противостоящей большевизму. И тем не менее первые фронты гражданской войны, двигавшиеся как с востока (колчаковский), так и с запада (казачье-красновский) в конце 1918 г., потерпели поражение именно на берегах Волги.

Поддержка большевистской революции крестьянством Поволжья была вполне закономерной, поскольку земледельческие районы, особенно в Правобережье, издавна отличались засильем помещичьего землевладения, сохраняли полукрепостнический режим и всегда выделялись активным крестьянским — антипомещичьим — движением.

К началу 1919 г. Поволжье было полностью освобождено от антисоветских сил и вся его территория стала источником продовольственных и людских ресурсов для большевистского государства. С этого момента крестьянское движение принимает не только новую направленность, но и новый характер. С переходом советского государства к новой экономической политике массовое повстанческое движение в Поволжье, как и в других районах страны, начинает спадать, и в 1922 г. оно фактически прекращается.

Массовые стихийные выступления крестьян по всей России начались осенью 1918 года. Обеспокоенный этим НКВД опубликовал 18 ноября 1918 г. «Циркуляр НКВД губисполкомам с предписанием сбора информации о причинах антисоветских восстаний» [1:33—34]. В феврале — марте 1919 года он был разослан всем уездным исполкомам и волостным советам в Симбирской губернии по мере их возвращения под власть Советов. Опасаясь, что «восстания, вспыхнувшие за последнее время, примут характер единого контрреволюционного фронта», Наркомат внутренних дел требовал от местных органов управления «детально расследовать причины восстаний», их характер и масштабы, состав участников, организаторов и т. д. Перечень возможных причин «вспышек», их участников и организаторов в циркуляре оказался достаточно полным и близким к действительности, свидетельствующим о накопленном опыте.

«Вспышки» протеста и сопротивления могли вызываться, как говорилось в циркуляре, «действиями и распоряжениями существующей власти, поведением отдельных агентов местной власти, введением хлебной монополии, продовольственным кризисом, моби-

лизацией и пр. или недовольством общей политикой Советской власти». Здесь нет продрозверстки — главной причины крестьянских выступлений против советской политики в 1919—1922 г. Ее предшественница — государственная хлебная монополия, упомянутая в циркуляре, как показал опыт и Временного правительства в 1917 г., и Советской власти в 1918 г., одновременно и вызывала недовольство деревни, и была недостаточна для преодоления продовольственного кризиса, порождавшего недовольство в городе. Прозверстка становилась объективной необходимостью, во всяком случае в условиях 1919 г., опыт которого начал приводить обе стороны к пониманию необходимости и желательности компромисса. Однако потребуются еще целый год противоборства внутри лагеря революции, чтобы продрозверстка была заменена продналогом с допущением рыночного хлебного оборота.

Введение продовольственной розверстки в начале 1919 г. и насильственная практика ее осуществления очень скоро отозвались и в Поволжье мощным крестьянским восстанием в регионе — «чапанной войной». Восстание охватило уезды Симбирской и Самарской губерний, освобожденные осенью 1918 г. от власти Комуца. Именно на них сразу же после восстановления Советской власти пала основная тяжесть продрозверстки. Из урожая 1918 г. только Самарская губерния дала Советской России одну пятую часть всего добытого в заготовительную кампанию хлеба [2:181]. Ситуация усугубилась близостью фронта, который потребовал от крестьян прифронтовой полосы выполнения различных повинностей, связанных с удовлетворением потребностей армии. Тяжким бременем для крестьян стал введенный еще 30 октября 1918 г. «чрезвычайный 10-миллиардный революционный налог на имущие группы городского и сельского населения» [3:465—469]. Налог на деревню оказался столь преувеличенным, что его изъятие проводилось не только с имущих, но с населения деревни в целом. Не случайно в крестьянских жалобах и протестах чрезвычайный налог отождествлялся подчас с контрибуцией. Насильственные действия местных властей (комбедов, сельсоветов, продотрядов) по отношению к крестьянам в ходе сбора чрезвычайного налога и продрозверстки вызвали взрыв крестьянского недовольства. События января—февраля 1919 г. явно предвещали массовое крестьянское восстание на территории Поволжья — в непосредственном тылу Красной армии, отражавшей наступление армии Колчака, враждебной и для большевиков, и для крестьян. Понимание опасности возникло и в центральных органах власти, о чем свидетельствует циркуляр НКВД о мерах по предотвращению крестьянских восстаний. Однако реальных мер по исправлению ситуации циркуляр не предлагал. Все сводилось к «работе контрреволюционеров» и «недостаточной тактичности» местных органов власти, неумелому исполнению ими заданий Центра.

Важнейшей особенностью крестьянского движения в регионе в 1919—1922 гг. был многонациональный состав его участников. Эта особенность определялась спецификой Поволжья как одного из многонациональных районов страны. Крестьянские выступления против военно-коммунистической политики имели место во всех национальных районах Среднего и Нижнего Поволжья. И русские, и татарские, и чувашские, и мордовские села принимали участие в повстанческом движении. Причем в ходе этого движения крестьянами не выдвигались националистические лозунги. Об этом убедительно свидетельствует самое мощное в регионе крестьянское восстание, названное современниками «вилочным» или «восстанием Черного орла-земледельца».

«ЧАПАННАЯ ВОЙНА»

Восстание крестьян Симбирской и Самарской губерний вспыхнуло неожиданно, стихийно, практически одновременно в нескольких уездах 3 марта 1918 года.

Как свидетельствует телеграмма Самарского губисполкома в НКВД о восстании крестьян 3 марта в с. Ново-Майна Мелекесского уезда, крестьяне «отказались допустить к учету хлеба, дать подводы для срочных надобностей и выгнали продовольственных инструкторов, угрожая жизни. Были командированы в Ново-Майну заведующий уездным отделом управления, военный комиссар и два политических работника с отрядом кавалерии в 20 человек, по прибытии коих сделано собрание с целью уладить дело мирно, но со стороны толпы было произведено нападение на командированных заведотдуправления, военкома. Отряд в это время был во дворе совета, вовремя не мог оказать помощи, в результате заведотделом управления, военком отделались легкими побоями, двое агитаторов тяжело избиты толпой, отряд залпами рассеял толпу, есть раненые» [4].

В этот же день в селе Новодевичье Сенгилеевского уезда Симбирской губернии на крестьянском сходе начались волнения, которые очень быстро переросли в восстание, получившее название «чапанная война». Некоторые документы говорят, что восставших было до двухсот тысяч человек.

Село Новодевичье имеет свыше 1000 дворов, расположено у волжской пристани, в центре хлебного района. Свидетель начала восстания агитатор Н. Г. Петров в своем отчете о причинах и ходе крестьянского восстания в Ново-Девиченской волости Сенгилеевского уезда пишет, что «работавшая здесь чрезвычайка, во главе с убитым во время восстания председателем ее Казимировым, в высшей степени щедро употребляла избивание своих «клиентов» кула-

ками, прикладами, плетью, пиками и т. д. . . Находившийся здесь продотряд Павлова вел себя возмутительно: пьянствовал, совершал всяческие поборы овец, молочных продуктов, отчуждал безвозмездно что понравится, по ночам шла стрельба вверх и т. д. В пьянстве не уступали и ответственные представители: комиссар Белов, председатель ЧК Казимиров, начальник отряда Павлов, комиссар Стафеев (в Мордове) и др., кончая новодевическим милиционером, командированным сюда из Сенгилея и не убывшимся, несмотря на все требования Ново-Девиченского волостного исполкома» [1: 182—187].

Некоторые представители местной советской власти в пьяном кураже доходили до откровенного издевательства и унижения крестьян. Так, например, «в с. М. Чурашево во время пиршества на свадьбе один из членов волостного совдепа т. Гавриков запряг четырех баб в салазки, надел на них хомуты, седелки, бубенцы, к дуге привязал колокольчики, взял в руки кнут и тронул по улице диковинную четверку. Порой т. Гавриков слезал со своих салазок, привязывал «четверку» к воротам и входил в чью-либо избу; «лошади», стоя на морозе, стучали зубами» [5].

Волнения в с. Новодевичье 3 марта начались со схода, созванного сельским советом. На нем было сообщено несколько случаев слишком решительной реквизиции комиссаром Беловым хлеба и скота: у крестьянина Дм. Воробьева весь хлеб реквизировали «под метелку», не оставив ничего хозяину; у вдовы Кучеровой была сведена последняя корова и т. д. и т. д. В результате сход пришел к убеждению, что необходимо дать отпор действиям продкомиссара в масштабе всей волости. 3 марта вечером крестьяне врываются в почтово-телеграфную контору во главе с Крохиным, знающим азбуку Морзе, и устанавливают свой контроль над аппаратом.

Агитатор Н. Г. Петров в своем отчете пишет, что «несмотря на некоторое сходство событий 3—15 марта с левозсеровскими восстаниями, здесь, в Новодевичье, на какую-либо связь с левыми эсерами нет буквально ни одного указания. К тому же убеждению меня приводит и совершенное отсутствие следов пребывания в Новодевичье посторонних лиц, вопреки всем газетным сообщениям о каком-то поручике, графе Орлове-Давыдове и т. д.». Выдвинувшиеся во время восстания руководители Новодевиченского «штаба» все были исключительно из местных людей [1: 182—187].

И действительно, как только восстание охватило почти всю Симбирскую губернию, председатель губисполкома М. Гимов сообщает в НКВД, ЦК РКП(б) и ВЦИК, что во главе «стоят правые эсеры, генерал Бердичев и граф Орлов» [6].

Газета «Известия Симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов» печатает статью «Белогвардейский бунт», в которой утверждает, что «крестьянство, участвующее в восстании, во-первых, состоит из кулачества, ибо села Новодевичье, Бек-

тяшка, Хрящевка — самые богатые в этом краю, во-вторых, имеются установленные данные, что восстанием руководят офицеры, которые оказались даже среди убитых, пристава, генерал Бердичев и известный помещик, обладающий огромными имениями в Жегулях, гр. Орлов-Давыдов» [7].

Член РВС фронта С. И. Гусев сообщает В. И. Ленину и Я. М. Свердлову о восстании крестьян в Симбирской губернии, что оно «носит все следы организованности. Руководят им, по слухам, бывшие офицеры полковник Павлов, полковник граф Орлов, генерал Бердичев. Есть сведения, что под одним документом имеется подпись бывшего секретаря правых эсеров, но чувствуется присутствие левых эсеров. Организации восставших иногда называются «Блоком трудового крестьянства», иногда «Крестьянским союзом», «Крестьянской секцией» и так далее» [1: 144-145].

Но все эти сведения ложные, не имеют под собой почвы. Когда восстание было разгромлено, выяснилось, что руководили им местные крестьяне. В селе Новодевичье крестьянин Козятин, в Печерской волости восстанием руководил крестьянин из деревни Львовки Василий Минеев, в Ново-Рачемской волости крестьяне Дмитрий Иванович Червяков и Иван Иванович Матвеев и так повсеместно. Общего руководства в «чапанной войне» не было. И несмотря на это, за неделю восстание стихийно охватило всю Симбирскую губернию, часть Самарской и часть Казанской. Характерна и очень показательна черта самого вооружения крестьян: на длинных шестах насажены штыки, крючья (специально для кавалеристов), топоры, вилы, а зачастую просто русская дубинка. И если было у них в некотором случае оружие, пулеметы, так это объясняется тем, что они отняты у самих же красноармейцев. На пятый день восстания был захвачен уездный город Ставрополь, а 9 марта начальник штаба Восточного фронта Лазарев сообщает члену РВС фронта С. И. Гусеву, что «восстание охватило Сенгилеевский уезд, Мелекесский и Ставропольский. Количество восставших около 200 000 человек» [8].

Центром восстания в первые дни было село Новодевичье. Отсюда во многие волостные советы были посланы телеграммы о восстании в Сенгилеевском уезде с просьбой поддержать их. Председатель Симбирского губисполкома М. А. Гимов 6 марта прислал в Новодевичье телеграмму с требованием арестовать зачинщиков восстания. 7 марта повстанцами была послана ему в ответ телеграмма следующего содержания: «никакого кулацкого вооруженного восстания не было. Возник конфликт с комиссаром т. Беловым на почве неправильной реквизиции хлеба и скота, так как излишек хлеба и скота не был выяснен и учетные ведомости не были закончены, но т. Белов приступил к насильственной реквизиции. Но этот конфликт с т. Беловым в тот же день был улажен. Конфликт возобновлен

был т. Алексеевым и Григорьевым, делегированными Сенгилеевским продоткомом для улаживания означенного конфликта, которые вечером 4-го заявили, что все будет улажено мирным путем, но 5-го утром т. Алексеев двинул продотряд к волостному совету и телеграфно затребовал другие отряды, после чего продотряд был разружен. Волостной исполком с 3-го на 4-е марта скрылся, впоследствии найден и арестован. Новый избран, к приему дел не приступал, просим распоряжения.

Приветствуем Советскую власть. Долой коммунистов, анархистов-насильников, которые действуют против декретов. Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции. *Волостная крестьянская организация*» [9].

Как видно из этой телеграммы, крестьяне не хотели кровопролития, надеялись, что конфликт будет разрешен мирным путем. Это же подтверждают переговоры по прямому проводу заместителя председателя Симбирского губисполкома, секретаря губкома РКП(б) И. М. Варейкиса со штабом повстанцев в с. Новодевичье:

[Варейкис:] — Я — Симбирск: от комитета партии большевиков, заместитель председателя губернского исполкома Иосиф Варейкис. Кто говорит?

[Поручиков:] — Я — председатель волсовета Поручиков. Что угодно?

[Варейкис:] — Первое, дайте немедленный ответ о положении вашей волости и о настроении; второе, немедленно дайте ответ о количестве восставших кулаков и дезертиров; третье, довожу до сведения, что я прислан специально по данному контрреволюционному восстанию для следствия виновников. Ввиду того, что следствие возможно вести лишь после данных определенных, предлагаю срочно Вам собрать материалы и через 2 часа выехать для личных донесений в Сенгилей. Варейкис. Все.

Поручиков: — У нас кулацких восстаний нет и не было. Контрреволюционеров нет. Мы против неправильной реквизиции хлеба и скота. Приветствуем партию большевиков и против них не идем, мы идем против насилия коммунистов. Вообще же контрреволюции нет... Кулацкого восстания нет, все крестьяне — трудовики. Число восставших — все села и деревни. Мы желали бы, чтобы вы сами к нам приехали, дабы вы сами видели, кто восстал... Ведь, товарищ Варейкис, мы не саботажники, нам бы хотелось с вами самим поговорить; вы сами увидите, что мы правы и народ с удовольствием выслушает вас. Ответьте сейчас же, приедете к нам или нет?

[Варейкис:] — Пока что к вам не еду, потому что высланы соответствующие ораторы, то есть пушки.

Поручиков: — Вот если сами приедете — будет лучше, чем ваши пушки. Они только озлобят народ...» [10].

Однако у Советской власти на это был другой взгляд. Для перего-

воров прибыли пушки. И началась ожесточенная кровавая война, которую председатель Особой комиссии ВЦИК по ревизии советов Поволжья П. Г. Смидович охарактеризует так в своем докладе в Президиум ВЦИК: «*Особенности данного восстания. Централизованность и большая организованность всего движения, энергия и ожесточенность при наступлении, и особенно при обороне, уверенность вожаков в успехе, широкая постановка агитации в массах (газета в Ставрополе «Известия Ставропольского исполкома» — вышло два номера, много листов), усиленные попытки агитационного воздействия на красноармейские части, изготовление в кузницах специальных наконечников для деревянных пик... Двигающиеся толпы состояли из крестьян пожилого возраста в чапанах с участием середняков и даже бедняков. Кулаков же на каждое село в среднем, не более 5—10 человек. К 20 марта энергичными и беспощадными мерами восстание всюду было ликвидировано. Наши жертвы — до 200 человек, жертвы повстанцев, несомненно, не менее 1000 человек. Количество восставших, по разным данным, 100 000—150 000 человек. Количество винтовок — несколько сот, несколько пулеметов» [11].*

8 марта повстанцы заняли Ставрополь и сразу же избрали Ставропольский временный исполком, повстанческую комендатуру, которые немедленно приступили к организации Крестьянской армии и упорядочения жизни мирного населения. Комендант издает приказы:

«Приказ № 1 от 8 марта 1919 г.: С сего 8 марта вся полнота власти передается избранным гражданам г. Ставрополя: коменданту Голосову, его помощнику Белоусову и второму помощнику Бостригову...

Приказ № 2 от 8 марта 1919 г.: Комендатура г. Ставрополя объявляет жителям города, что Ставрополь с сего числа объявляется на осадном положении. Право прохода разрешается с 7 час. утра до 7 час. вечера. После этого времени проезд и проход воспрещается. Причем патруль и другие лица будут снабжены надлежащими пропусками. Лица, не имеющие установленных пропусков, будут задерживаться и передаваться в распоряжение комендатуры.

Приказ № 3 от 8 марта 1919 г.: Комендантское управление предписывает гражданам г. Ставрополя явиться к 3 часам дня сего 8 марта в помещение бывшей городской управы для зачисления на действительную военную службу. Призывной возраст объявляется с 18 до 40 лет. Лица, уклонявшиеся от исполнения гражданского долга, будут считаться как противники народной власти и будут преданы военно-полевому суду.

Приказ № 13 от 8—9 марта 1919 г.: Приказываю всем советским учреждениям города Ставрополя немедленно составить списки служащих, кои необходимы учреждению для продолжения дальнейшей работы» (1:107—108).

Отношение к красноармейцам и их семьям у руководителей по-

встанцев дружественное. Об этом комендант Ставрополя издает специальный приказ: «Довожу до сведения жен и семейств красноармейцев и коммунистов, что все причиненные над вами насилия и поругания со стороны Крестьянской армии донесите мне, не стесняйтесь ничего. Объявляю Крестьянской армии Ставропольского уезда, что за такие насилия и бесчинства виновные будут предаваться суду по закону военного времени» [12].

Ставропольский временный исполком принимает постановление о первоочередных задачах повстанческой власти:

«2. Издавать на средства исполкома бюллетень «Известия Ставропольского исполкома», в котором должны оповещаться все текущие события...

4. Поставить на полный ход мельницы Коновалова и Шагарова. Мельница Шамина должна закончить только имеющийся в настоящее время налицо размол и вновь зерно принимать не должна. Нефть с Шаминской мельницы передать в размере потребности на Шагаровскую мельницу. Просить освободить от мобилизации рабочих-специалистов мельниц Коноваловской и Шагаровской. В случаях недостатков на этих мельницах специалистов, добавить таковых с мельницы Шамина по окончании последней размола.

5. Просить коменданта г. Ставрополя освободить от мобилизации секцию пекарей в числе 6 человек, необходимых для городской хлебопекарни, и которых нет возможности заменить женщинами или подростками...

8. Всех коммунистов, арестованных в районе Ставрополя, заключать в Ставропольскую тюрьму.

9. Поручить отделу городского хозяйства немедленно приступить к разработке дров из имеющихся лесных материалов. Разработку производить путем вербовки добровольцев, не подлежащих мобилизации. Разработка должна производиться за определенную плату...

15. О доставке в Федоровку на 1000 человек картофеля и пшена постановили: передать в профком с тем, чтобы он озаботился сегодня же отправкой в Федоровку поименованных продуктов на 3 дня...» [1:112—113].

Повстанческая комендатура, для того чтобы разъяснить различным слоям российского общества свои действия, цели и задачи, приняла несколько воззваний: «Воззвание повстанцев к крестьянам, интеллигенции, всем гражданам Советской России», «К красноармейцам» и т. д. В воззвании «К красноармейцам» повстанцы писали: «Мы, восставшие труженики, кормильцы всего населения России, крестьяне — обращаемся к Вам с заявлением, что мы восстали не против Советской власти, но восстали против диктатуры засидия коммунистов — тиранов и грабителей.

Мы объявляем, что Советская власть остается на местах. Советы

не уничтожаются, но в советах должны быть выборные от населения лица, известные народу данной местности. Мы ни на шаг не отступаем от Конституции РСФСР и руководствуемся ею.

Призываем Вас — братья-красноармейцы, примкнуть к нам, восставшим за справедливое дело, восставшим против засилия коммунистов.

Братья! Не проливайте братскую кровь напрасно! Не медлите, примыкайте к крестьянам — ведь вы такие же крестьяне!» (1:105).

И некоторые красноармейские части откликнулись на этот призыв восставших крестьян. Командующий 4-й армией М. В. Фрунзе пишет в докладной записке члену Реввоенсовета Восточного фронта И. Т. Смилге, Л. Д. Троцкому, В. И. Ленину: «В ночь с 10 на 11 марта была произведена попытка поднять восстание в самой Самаре в воинских частях. Взбунтовался 175-й полк; разбив артиллерийские склады и разобрав бывшие там берданки, он пытался поднять другие части и в первую очередь инженерный батальон моей (4-й) армии. Призыв успеха не имел, и к 3 часам утра дело было ликвидировано» [13]. Прибывшим из Самары отрядом воинские части в Сызрани были обезоружены.

На подавление восставших крестьян были брошены регулярные красноармейские части. Безоружные повстанцы ожесточенно оборонялись и вначале успешно отражали атаки. «Нападение красных отбито, крестьяне отбивались одними вилами, есть убитые, раненые, пленные противника. Шлите немедленно оружие, подкрепление», сообщали жители села Хрящевка [1:100].

В «Известиях Ставропольского исполкома» был заведен специальный раздел «Вести с фронта», в котором сообщалось о боевых действиях повстанцев:

«Федоровка. 11 марта. Наступление коммунистов на Матюшкино отбито. Шлите по получении немедленно винтовок. Убитых под Федоровкой красноармейцев не четверо, а семеро.

Усолье. 11 марта. в 2 часа утра явился нарочный из с. Муранки с донесением сельского совета и сообщил, что враг в числе 170 человек разбит. В Усинском отобрано 20 лошадей, 2 пулемета и винтовки. Волна народа двинулась на Сызрань. Сызрань охвачена в кольцо. Усольский штаб.

Хрящевка. 11 марта. Сегодня было у нас сражение, начавшееся в 12 часов дня и окончившееся в 7 часов. Противник имел пехоты 2 роты и отряд 50 человек, 1 орудие трехдюймовое со 112 снарядами, 1 эскадрон кавалерии и 3 пулемета. Бой завязывался очень горячий. Разведку встретили и открыли по ней огонь. Подошла их пехота, и мы бились с нею, не уступая ни шагу, часа четыре с половиной. Потом отступили в село и из разных мест засады при вхождении красных открыли по ним огонь. Они стужевались. Мы в этот момент бросились народными силами на «ура». Этим их устраши-

ли. Они побежали в панике. В погоню пустили кавалерию с помощью пехоты, которая преследовала и колола красных. Потерь у нас в войсках не оказывается. Раненых с нашей стороны трое, убитых нет. Военный руководитель Петров.

Ягодное. 11 марта. Сообщено, что красные отступили опять на Белый Яр. С неприятельской стороны есть убитые, а сколько, пока не выяснено. С нашей стороны потери нет. Настроение в Хрящевке бодрое. Противник отступил в панике. Делегат Солдатов» (14).

В ответ на ожесточенное сопротивление повстанцев Сызранский ревком принимает постановление о пленных повстанцах: «1) Издать приказ по всем частям действующей армии, чтобы лиц, принимавших активное участие в восстании, как то: заставленных с оружием в руках, обнаруженных при порче дорог, телеграфа и пр., в плен не брать, а расстреливать на месте. 2) Поручить особому отделу произвести строгое расследование над пленными и в связи со степенью виновности делить их на 3 категории: 1) лиц, принимавших активное участие в восстании и подлежащих к расстрелу, 2) лиц, способствовавших восстанию другим путем и подлежащих к отправлению на общественные работы, и 3) лиц не виновных, подлежащих освобождению...» [15:38].

Как уже говорилось, единой армии у повстанцев не было, единого руководства тоже, каждый поселок, каждое село защищалось самостоятельно, потому восстание крестьян было обречено на провал.

17 марта, через две недели после начала восстания, командующий 4-й армией М. В. Фрунзе докладывает члену Реввоенсовета Восточного фронта И. Т. Смилге, Л. Д. Троцкому, В. И. Ленину о крестьянском восстании в тылу Восточного фронта: «В уездах к настоящему времени восстания ликвидированы. Центр восставших — Ставрополь, взят 13 марта, а к 16-му заняты последние очаги восстания. Движение носило массовый и организованный характер. Целью его ставлено овладение городами Самарой, Сызрань, Ставрополь... Восстание шло под лозунгами «Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции!», «Долой коммунистов и коммуны!». В городах, волостях и селах сформированы волостные «военно-революционные» штабы. При подавлении движения убито, пока по неполным сведениям, не менее 1000 человек. Кроме этого, расстреляно свыше 600 главарей и кулаков. Село Усинское, в котором сначала был истреблен целиком отряд в 170 человек, сожжено совершенно... Сейчас все успокоено, но, конечно, лишь наружно. Таким образом, ближайший тыл армии неустойчив и артерии Советской Республики снова угрожает смертельной опасностью [16].

Л. Д. Троцкий в ответ на этот доклад шлет телеграмму в Кремль И. В. Сталину и В. И. Ленину о необходимости ревизии в тылу Восточ-

ного фронта: «... необходима крайне авторитетная ревизия в тылу Восточного фронта для успокоения крестьянских элементов. Считал бы целесообразным комиссию в составе Каменева, Смилги или Гусева и еще одного лица. Если нельзя Каменева, то другое авторитетное лицо из Центра. Движение получило широкий характер. Средние крестьяне, с одной стороны, раздражены явными злоупотреблениями учреждений, а с другой стороны, одурачены контрреволюционерами» [1:147].

Была создана «Особая комиссия ВЦИК по ревизии советов Поволжья» во главе с П. Г. Смидовичем. Выводы о причинах восстания она сделала довольно объективные, но Советская власть не извлекла уроков из восстания крестьян Поволжья, не внесла коррективы в свою политику по отношению к крестьянам. Восстания крестьян по всей России продолжались.

«ВИЛОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ»

В феврале-марте 1920 г. на территории Казанской, Самарской и Уфимской губерний, где проживало около 3 млн. крестьян, стихийно возникло восстание, которое назвали «вилочным» или «восстанием Черного орла-земледельца».

По масштабу, числу участников и ожесточенности его можно сравнить с антоновщиной. Так же, как и «чапанная война», оно стало закономерной реакцией крестьян прифронтовой полосы заволжских районов, освобожденных от власти Колчака летом 1919 г., на проводимую там с осени того же года продовольственную политику. Если в конце 1918 — начале 1919 г. основная тяжесть продразверстки легла на уезды Симбирской, Самарской и Казанской губерний, освобожденных от власти Комуча осенью 1918 г., то в 1919 г. эта участь постигла Уфимскую губернию и прилегающие к ней районы, большинство населения которых составляли татары и башкиры. Продорганам удалось заготовить в Уфимской губернии из урожая 1919 г. 15 млн пудов зерна. В 1920 г. среди всех губерний и областей РСФСР она заняла второе место по количеству сданного государству хлеба. На территории, пораженной восстанием, продовольственная разверстка была произведена без учета того урона, который понесли прифронтовые районы от военных действий, реквизиций войсками рабочего и продуктивного скота, убыли мужского населения в ходе мобилизаций. Основным средством ее выполнения стало принуждение. Хлеб выгребался подчистую, без учета нужд населения. Угроза голода толкнула крестьян на открытое массовое восстание.

Так же, как и «чапанная война», вилочное восстание было стихийным по своему характеру. Оно началось спонтанно, без какой-

либо предварительной организации со стороны эсеров или агентов белогвардейцев. В то же время восставшие крестьяне стремились внести в него элементы организованности. В Заинске Мензелинского уезда был создан Центральный повстанческий штаб «Черного орла», пытавшийся координировать действия повстанцев.

О том, как началось «вилочное восстание» в Мензелинском и Чистопольском уездах достаточно объективно и точно рассказал начальник особого отдела Запасной армии в своем докладе Ф. Э. Дзержинскому. В начале февраля 1920 года в деревне Ялань Ерсубайкинской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии уездным продотрядом производилась конфискация хлеба. Отбираемый у крестьян разнородный хлеб: рожь, овес, ячмень — как видно из показания повстанцев — продотрядниками ссыпался на улице прямо в снег в одно место, что и возмутило крестьян указанной деревни и послужило причиной возникновения восстания. Восстание не носило организованный характер и не имело вначале руководящих лиц — это была просто разъяренная толпа, которая вооружилась, чем попало, набросилась на продотрядников и стала, избивая, гнать из своей деревни, сопровождая до следующих селений, которые, будучи озлоблены на продотрядников, присоединялись к восставшим. С этого момента восстание становится более крупным, появляются руководители и оно носит более организованный характер. Принимая во внимание, что восстание не носило строго организованный характер и восставшие были весьма плохо вооружены (вилы, колья, топоры, лопаты и т. п.), восстание при приходе регулярных войск было быстро ликвидировано (в Чистопольском и Мензелинском уездах). В Мензелинском уезде отряды повстанцев численностью были значительно крупнее, чем в Чистопольском, что указывает на то, что восстание там было более организовано, а руководители более опытные. В Чистопольском же отряды были малочисленны, т. к. в большинстве случаев каждая деревня действовала самостоятельно. Участие партийных организаций замечено не было, но отдельные члены партии участвовали [1:473].

Однако начальник особого отдела ошибался, докладывая Ф. Э. Дзержинскому, что восстание «быстро ликвидировано». Регулярные войска погасили первую вспышку в двух уездах, рассеяли неорганизованную толпу крестьян. Через день 9 февраля восстание охватило всю Уфимскую губернию и часть Казанской и Самарской. Агитатор коммунист К. М. Каримов был участником схода, который собрал комиссар продовольственного отряда Михайлов 9 февраля в большом татарском селе Казаклар-Кубово. Как только комиссар Михайлов объявил, что продовольственный отряд начинает реквизицию продуктов, «собравшиеся начали волноваться, — пишет агитатор, — кричать и бросились на товарищей. Продотрядники

отстреливались от толпы, отступили и скрылись в доме гражданина Мурзакаева, находящемся в 200 саженьях от базара. Разъяренная толпа нашла их здесь, и тут же на дворе комиссар Михайлов был убит, а остальных, нагрузив в сани вместе с убитым комиссаром, привезли на базарную площадь и тут покончили с двумя продотрядистами, избив их предварительно, чем попало. Из жителей Казаклар-Кубово раненных винтовочными пулями двое. Бывший на базаре заведующий Чукадытамакским земотделом т. Темурханов жестоко избит, и он спас свою жизнь только благодаря содействию председателя Казаклар-Кубовского совета гражданина Асфандиярова.

Товарищи из продотряда некоторые сами успели скрыться, а один — Тарасов, спасся по содействию казаклар-кубовского мульты Насретдина Асфандиярова, который передел Тарасова, благодаря чего Тарасов мог скрыться. Во время беспорядка и убийства толпа шумела: «Много нам зла причинили коммунисты, много нас грабили. Бей их, бей их сторонников!»

Что касается участников данного убийства, то, кроме жителя дер. Кандры-Аминово Усмана Мухамедова, крупного спекулянта, все — из числа наиболее беднейшего и среднего крестьянства. На это мною было обращено особое внимание, и я старался лично узнать, убедиться в социальном положении преступников. Результаты моих наблюдений очень печальны. Например: один из участников, житель Казаклар-Кубово Альмухамет Шаймухаметов — бедный, ничего не имеющий, кормящий себя и полдюжины своих детей плетением и продажей лаптей, — принимал самое живое участие в убийстве и, держа в одной руке лапти, а в другой дубину, избивал наших товарищей до последней возможности.

Другой пример: во время общего собрания я обратил особое внимание на нескольких граждан, стоящих близко, которые были так бедны, что жалко было на них смотреть. Во время моей речи они плакали. Эта картина подействовала на меня трогательно и возбудила во мне убеждение, что бедняки с нами, что они нас понимают. Но какое было мое разочарование, когда во время переключки участников преступления оказалось, что эти бедняки, плакавшие во время моей речи, — преступники, принимавшие участие в убийстве. И тогда я понял причины и факторы Казаклар-Кубовского события. При этом событии главный виновник — мы, мы — коммунисты, советские работники, так как мы еще до сего времени не могли в деревне зажечь огонь социальной революции: беднота деревни пока не с нами, она — орудие в руках наших врагов» [1:332—334].

Местные руководители, как и в «чапанной войне», пытаются найти виновников, организаторов восстания среди белогвардейцев и эсеров. Так военно-революционный штаб Самарской губернии 17 февраля 1920 года в самом начале восстания сообщает Ф.

Э. Дзержинскому и начальнику войск ВОХР К. М. Валобуеву, что «восстанием руководит штабс-капитан Шимановский — определенный белогвардеец, именующий себя начальником штаба «Зеленой армии».

Повстанческие лозунги: «Да здравствует Красная армия! Долой большевиков-угнетателей!», «Долой коммунистов!», «Да здравствует вера в Бога!». При опросе жителей выясняется почва восстания, так, например: продармейцы в числе 40 человек собирали хлеб и сваливали его в кучу на снег на глазах населения, что вызывало сильное возмущение, но, однако, выясняется, что под флагом продармейцев работает кучка, имея руководителей двух старых помещиков, фамилии которых пока неизвестны. Обнаружен большой шпионаж пришлого элемента. Численность повстанцев около пяти тысяч, и к ним присоединяются деревни на путях к Бугульме [17]. В этой же сводке говорится, что «восстание вспыхнуло в Мензелинском уезде Уфимской губернии на продовольственной и национальной почве. Русское население идет неохотно, под угрозой». Это не верно. «Вилочное восстание» было многонациональным. В нем принимали участие татары, башкиры, русские, чуваша, мордва, немцы и т. д. Разногласий на национальной и религиозной почвах в документах не обнаружено.

12 февраля восстанием охвачены практически все уезды Уфимской губернии, часть уездов Казанской и Самарской губерний. Председатель Казанского губисполкома И. И. Ходоровский 17 февраля 1920 г. шлет В. И. Ленину телеграмму, в которой рассказывает о восстании: «В течение недели весь Чистопольский уезд, за исключением шести волостей, объят восстанием. Чистопольский уезд — кулацко-купецкий, здесь неиссякаемый источник брожения. Восстание началось в смежном Мензелинском уезде и перекачилось в Казанскую губернию. Лозунги: «Долой коммунистов и выкачку хлеба!» К стихийному кулацко-крестьянскому бунту присоединились злостные дезертиры и кадры Всевобуча. По донесению из Чистополя, движение протекало так. Восточнее из центра повстанцев — Заинска Мензелинского уезда едут делегаты по ближайшим селам, собирают сходы, предлагают, иногда приказывают выступить против коммунистов. Эти села приветствуют таких делегатов, разгоняют сельсоветы, избивают коммунистов, выбирают военного коменданта и в свою очередь посылают делегатов в соседние села, и так далее. Военные коменданты имеют определенные инструкции своего центра, мобилизуют от 16 до 50 лет в народную армию, устанавливают связь между селами, волостями, собирают крестьян, многотысячная толпа, вооруженная в незначительном количестве винтовками, в большинстве дреколями. Движение распространялось в течение недели вследствие отдаленности от Казани и отсутствия железнодорожного сообщения. Чистопольский карательный полк и продотряды оказались неспособными выдержать натиск повстанцев

и разбежались. В результате повстанцы были вчера в 5 верстах от Чистополя [1: 372].

Некоторые руководители крестьянских отрядов собрались в Заинске Мензелинского уезда и избрали Центральный повстанческий штаб, который стал спешно организовывать «Армию Черного орла», а также выступил с обращениями и воззваниями к народу, к красноармейцам, призывая их поддержать восстание. Несколько крупных красноармейских частей поддержало повстанцев, перешло на их сторону. Башкирский и Стерлитамакский полк 28 февраля выступили с совместной резолюцией о присоединении к восставшим, которая начиналась так: «Мы, башкиры и красноармейцы, присоединяемся к крестьянскому восстанию и идем против коммунистов» [18].

В своих воззваниях Центральный повстанческий штаб разъяснял гражданам России свои цели: «Зачем мы восстали? Кто мы? Кто наши враги? Мы — многомиллионное крестьянство. Наши враги — коммунисты. Они пьют нашу кровь и угнетают нас, как рабов. Они отбирают наш последний кусок... Товарищи, братья и граждане, пожалейте наших сынов и братьев, которых бьют, как мух. Они умирают от голода и болезни, как скотина. Избавимся от этого ужаса. Восстанем как один. И снимем коммунистическую петлю... Долой коммунистов. Долой гражданскую войну. Только выборные от всего народа в этом собрании установят порядок» [1:393].

А в многочисленных инструкциях Центральный штаб повстанцев рекомендовал, как действовать в восставших селах, как организовать власть, приказывал «в каждой деревне поставить посты. Коммунистов задерживать, своих пропускать. В каждой волости чтобы были начальники: начальник штаба, начальник разъяснения всего происходящего, и комендант, который ведает охраной арестованных и подводами, начальник связи, он же и разведки — он во все деревни и волости соседние сообщает, что у него делается. Он же посылает разведчиков для разъяснений, всем толкует, зачем мы восстали и как вести мобилизацию. Начальник штаба распоряжается всем и за все отвечает. Без приказов никуда не выступать. В каждой деревне назначить дежурную часть и несколько лошадей. Сдающихся в плен не убивать, хотя бы это и коммунист, их отправлять в главный штаб для допросов» [1:394].

Большое внимание, естественно, Центральный штаб повстанцев уделял организации боевых сил «Армии Черного орла». Для этого он выпустил особую инструкцию, которую разослал во все уезды и волости:

«1. Во всех селениях должны быть организованы военные комиссариаты, в состав которых должны входить: военный комиссар, секретарь и делопроизводитель, который обязан немедленно зарегистрировать все мужское население от 18 до 45 лет и вести подробный правильный учет.

2. Из всех лиц, принятых на учет, назначить отряды, одну третью часть с таким расчетом, чтобы по выступлении в бой одного отряда оставались наготове на случай потребности еще два отряда, причем один из этих отрядов должен быть составлен исключительно из лиц, проходивших военную службу.

3. Из лиц, проходивших военную службу, должны быть назначены начальники отряда, отделенные ротные командиры, преимущественно знакомые со строевой службой; последние обязаны вести сформированные отряды по назначению.

4. Во всех сформированных отрядах должны состоять не менее десяти человек конных, вооруженных по возможности соответствующим для верховой езды оружием, как-то: револьверами, пиками, железными вилами и т. п.

5. Все сформированные войска, по получении от начальника штаба распоряжений, должны выступать в бой без замедления, причем о выдаче фуража и кормового довольствия со дня выезда их начальники отрядов должны обращаться к начальнику штаба.

6. Принять неуклонные меры, чтобы по всем дорогам днем и ночью были прочные караулы, которые не должны пропускать без пропуска никого; подозрительных лиц обыскивать и предоставлять в распоряжение начальника штаба.

7. Принять все усилия, чтобы пьянство, бесчинство, самоуправное действие и другие беспорядки ни под каким видом не допускались, о возникновении таковых доносить начальнику штаба.

8. Все состоящие на должности советских учреждений от мобилизации должны быть освобождены и должны оставаться на своих местах исполнять возложенные на них обязанности» [1:395].

Наспех сформированная по образцу Красной армии «Армия Черного орла» начала наступление на Уфу, захватила несколько уездных поселков. Самой значительной победой повстанцев было взятие довольно крупного города Белебея. Председатель Уфимского губревкома Б. М. Эльцин срочно направил телеграмму Ф. Э. Дзержинскому о мерах по подавлению восстания. «Мобилизованы все члены партии, — писал он, — 50 процентов членов профсоюзов... Неорганизованностью ВОХР и непригодностью ее аппарата объясняется позорное оставление Белебея. Неподача своевременно помощи Топорнино, благодаря разложившимся частям и неумелому командованию начальников отрядов, привела к тому, что восстание на севере от Уфы подкатилось (к городу) чуть ли не к 20 верстам (Подымалово)... Надеемся быстро ликвидировать восстание в этом районе, так как выставлены коммунистические отряды. Повсюду, по приказу губревкома, образованы ревкомы, которым поставлено на вид, что за оставленные местности они несут ответственность по законам военного времени. Образована военно-следственная комиссия для расследования позорных актов и проявления малодушия» [19].

Уфимский губвоенревком вменяет в обязанность командирам и политкомам частей, отправляемых в местности, охваченные восстанием, по их личному усмотрению, брать заложников из числа наиболее состоятельных и враждебных Советской власти жителей, при этом исключительное внимание предполагается обратить на колонистов, особенно немецких, а также на лиц, недавно вернувшихся из местностей в Сибири, очищенных от колчаковских банд.

Рекомендует губчека обратить серьезное внимание на выяснение роли колонистов-немцев в восстании, из числа наиболее активных и контрреволюционных элементов взять заложников [1:423].

На подавление восстания были брошены регулярные красноармейские части, которые возглавил Ю. Ю. Аплук. Через несколько месяцев он же будет руководить подавлением восстания тамбовских крестьян. Несмотря на то, что «Армия Черного орла» была вооружена в основном вилами, потому-то и получило это восстание название «вилочное», сопротивлялись повстанцы ожесточенно. И все же к середине марта основные боевые силы «Армии Черного орла» были разбиты. Московская комиссия по расследованию причин восстания пришла к выводу, что «во-первых, это неумелое отношение к своей работе руководителей продовольственных отрядов, а в некоторых случаях сознательное нарушение приказов правительства. Исполком и упродком не постарались вовремя добыть статистические сведения. Разверстка хлебов производилась совершенно неправильно, не было собрано никаких сведений об урожайности. То же было и с разверсткой скота.

Известно, что татары свиней не разводят, а предком требует свиней с тех волостей, которые населены татарами. Татары, не имея свиней, не могут выполнить этого приказания. Продармейцы при выкачке у кулаков излишков хлеба часто продавались последним за мед, масло и тому подобное, вследствие чего хлеб у кулаков оставался нетронутым. Продотряды ездили в деревню с декретами и постановлениями, совсем не считаясь с урожайностью, и требовали, что нужно все сдать по разверстке» [1:450].

За ходом крестьянских восстаний в Поволжье внимательно следил В. И. Ленин. На VIII съезде РКП(б) 18—23 марта 1919 г. он говорил о принципах отношения большевизма к крестьянству: «Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянства. Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и *не смей командовать!* Вот правило, которое мы себе поставили».

В ленинском выступлении речь шла не только о попытках перехода к коллективизации, но и о других не менее острых для того времени проблемах. Переоценке подвергалось революционное законо-

творчество — множество принятых на скорую руку декретов, в которых «многое негодно, много такого, что в жизни не пройдет» и поэтому, заявлял Ленин, «мы не будем смотреть на них, как на абсолютные постановления, которые надо во что бы то ни стало, тотчас же, сразу провести». Не менее важным было признание злоупотреблений в практике местных партийных и советских органов: «К нам присоединились кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти... Эти люди, которые стремятся только выслужиться, пускают на местах в ход принуждение и думают, что это хорошо. А на деле это приводит иногда к тому, что крестьяне говорят: «Да здравствует Советская власть, но *долой коммунию!*» (т. е. коммунизм). Такие случаи не выдуманы, а взяты из живой жизни, из сообщений товарищей с мест». [20:38:201].

Совпадение ленинской оценки деревенской ситуации начала 1919 г. с той картиной, которую воссоздают документы из Поволжья, позволяют считать, что непосредственным фактором переосмысления советской политики по отношению к крестьянству явилась «чапанная война», конечно, в совокупности с «расказачиванием» на Дону в январе-марте того же 1919 г. и рядом других аналогичных событий.

«Чапанная война» и «вилочное восстание» в Поволжье были стихийным протестом, а не подготовленной акцией антибольшевистских сил. Миф о руководящей роли эсеров в «чапанной войне» и влиянии агентов Колчака на крестьян родился в большевистской партийной среде. Сначала его создавали местные руководители и военные, отвечающие за порядок на вверенной им территории, а затем активно использовали вышестоящие органы. Этот идеологический козырь широко использовался и в пропагандистских целях. Эсеры и агенты белых были для большевистской власти удобным оправданием своих просчетов и ошибок. В действительности реальное влияние антибольшевистских сил на крестьянское движение в регионе в 1919—1921 гг. было незначительным. Оно выражалось в участии членов партии эсеров, бывших офицеров в крестьянских выступлениях в качестве рядовых участников или руководителей отдельных повстанческих отрядов. Отчеты местных органов и доклады различных уполномоченных по изучению причин «чапанной войны» и «вилочного восстания» убедительно подтверждают стихийный характер крестьянского протеста, обусловленного тяготами наложенных на крестьян повинностей.

В то же время стихийный характер восстаний не означал отсутствия в ней элементов политической организованности и активности крестьянства. Из документов видно, как повстанцы быстро и достаточно эффективно реорганизовали на контролируемой ими территории органы Советской власти и приспособили их для нужд вос-

станции. Военные штабы и комендатуры, Ставропольский исполком, издававший печатный орган восстания и предпринимавший активные меры для налаживания хозяйственной жизни и порядка в городе, агитационно-пропагандистская деятельность повстанцев и т. п. убедительно свидетельствуют о том политическом опыте, который приобрело крестьянство за годы революционных потрясений первых десятилетий наступившего века. Участие в крестьянских союзах, приговорном движении и выборах в Государственную думу, организации крестьянских комитетов и советов не прошло бесследно. Опыт сознательной политической активности в полной мере проявился и в ходе «чапанной войны» и в «вилочном восстании».

Документы опровергают и другой стереотип, ранее господствующий в историографии, о кулацком характере крестьянского движения. Приведенные в докладе председателя комиссии ВЦИК по ревизии Поволжья П. Г. Смидовича цифры о десятках тысяч участников «чапанной войны» наглядное тому подтверждение. Об этом же свидетельствуют и другие факты и свидетельства, о масштабах движения в Поволжье и составе его участников.

События 1919—1920 гг. в Поволжье обнаружили еще одну важную особенность общероссийского крестьянского движения в рассматриваемый период — отсутствие у крестьян монархических иллюзий, связанных с бывшей династией Романовых, их приверженность республиканской форме государственного устройства революционной России.

В 1861 г. после обнародования царского манифеста об освобождении крестьян от крепостного права по всей территории помещичьей России прокатилась волна крестьянских выступлений под ярко выраженными царистскими лозунгами. Повсеместным было убеждение крестьян, что помещики и чиновники скрыли от них настоящий царский манифест. Тогда «повстанцами во имя царя» стали крестьяне села Бездна Казанской губернии и другого поволжского села — Кандиевка Чембарского уезда Пензенской губернии. Спустя немногим полвека в тех же поволжских деревнях лишь однажды крестьянами был выдвинут лозунг восстановления монархии и власти Романовых. Произошло это в конце февраля — начале марта 1919 г. в Больше-Азясской волости Краснослободского уезда Пензенской губернии.

И в ходе «чапанной войны», и в «вилочном восстании», и в массовом повстанческом движении 1921 г. в программных документах восставших крестьян государственное устройство России определялось как республиканское.

Таким образом, материалы подтверждают факт утраты народной веры в царя-избавителя, характерный и для других регионов (например, Тамбовской губернии). Так называемое «монархическое» выступление в селе Большой Азясь явилось результатом деятель-

ности религиозно-монархической секты, пользовавшейся большим влиянием среди местного населения.

Другое дело — защита религии и церкви. Как правило, крестьяне выступали в защиту своих священников и сельской церкви против насилий и притеснений со стороны местной власти. Угроза закрытия церквей, аресты священнослужителей, оскорбительные для чувств верующих действия местных активистов нередко провоцировали восстания под лозунгом «За веру христианскую и ислам!». С большей силой религиозный фактор проявился в ходе вилочного восстания, где основной массой восставших крестьян были мусульмане. В мусульманских селах Казанской, Самарской и Уфимской губерний, как видно из документов, местные продорганы зимой 1920 г. в ходе выполнения продразверстки и заготовки скота совершенно не учитывали религиозных традиций населения. Особое недовольство крестьян вызвали действия местных властей по принудительной мобилизации мулл и взятию их в качестве заложников за невыполнение государственных повинностей. Однако подавляющее большинство крестьянских восстаний и в 1920 г. возникало на почве недовольства продовольственной политикой и другими действиями Советской власти. В то же время сельские священники, тесно связанные со своим приходом личной жизнью и не понаслышке знавшие тяготы живших рядом с ними крестьян, нередко активно участвовали в крестьянском движении, были в числе инициаторов восстаний, вели агитацию против политики большевистского государства и поэтому в числе первых подвергались репрессиям.

Крестьянское движение в Поволжье, несмотря на элементы организованности, по своей природе все же оставалось стихийным, обреченным на неравное противоборство с мощной государственной машиной. В конечном итоге, также как и повсюду, сила оказалась на стороне государства, имевшего техническое превосходство и более эффективную военную организацию.

Л. Д. Троцкий был хорошо осведомлен о причинах крестьянских восстаний в Поволжье и внес в конце февраля 1920 г. в ЦК РКП(б) предложения по изменению продовольственной и земельной политики. Указал на факт, что вся политика Советской власти «направлена против многолошадных, многопосевных крестьян (кулаков), продовольственная политика построена на отобрании излишков (сверх потребительной нормы). Это толкает крестьянина к обработке земли лишь в размерах потребности своей семьи. В частности, декрет относительно изъятия третьей коровы, как излишней, на деле приводит к тайному убою коров, к спекулятивной распродаже мяса и к разрушению молочного хозяйства. В то же время полу-пролетарские и даже пролетарские элементы городов оседают в деревне, где заводят свои продовольственные хозяйства. Промышленность теряет рабочую силу, земледелие эволюционирует в

сторону увеличения числа самодовлеющих продовольственных хозяйств. Этим самым подрывается основа продовольственной политики, построенной на извлечении излишков. Если нынешний продовольственный год показывает значительный успех заготовок по сравнению с прошлым, то это нужно отнести за счет расширения территории и некоторого улучшения продовольственного аппарата. В общем же продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Борьба против таких тенденций хозяйственной деградации возможно следующими методами:

1. Заменяя изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подходящий прогрессивный натуральный налог), с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляла все же выгоду.

2. Установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов Промышленности и количеством ссыпанного ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам.

Привлечение к этому местных промышленных предприятий. Частичная расплата с крестьянами за доставляемое ими сырье, топливо и продовольствие продуктами промышленных предприятий.

3. Дополнив принудительную разверстку по ссыпке принудительной разверсткой по запашке и вообще обработке.

4. Поставив более широко, более правильно и деловито советские хозяйства.

Первые два пункта означают некоторое ослабление нажима на кулака: мы его держим в известных пределах, но не изводим на степень крестьянина, ведущего продовольственное хозяйство.

Последние два пункта означают, наоборот, усиление тенденции в сторону коллективизации сельского хозяйства.

Между этими мерами, однако, нет противоречия. Усиливая советские хозяйства и общественную обработку земли по разверстке, мы более осторожно относимся к крестьянским верхам до тех пор, пока не сможем центр тяжести продовольственной политики перенести на совхозы и общественную запашку.

В богатых земледельческих районах (Сибирь, Дон, Украина) необходимо выдвинуть политику, определяемую первыми двумя пунктами.

В центральных губерниях возможно преобладание политики второго порядка.

Во всяком случае, очевидно, что нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны [21:543—544].

В этих предложениях Л. Д. Троцкого видны элементы будущей новой экономической политики, которая начнет осуществляться только через год после мощного крестьянского восстания на Тамбовщине под руководством А. С. Антонова длившегося целый год, и ставшей кульминацией крестьянского движения в 1918—1922 годах. Для сравнения — «чапанная война» длилась две недели, а «вилочное движение» чуть больше месяца.

Трагические уроки повстанческого движения в Поволжье весной 1920 г. не были учтены большевистским руководством. В результате этого в регионе, также как и по всей стране, на протяжении 1920—1921 гг. не затихала стихия крестьянских восстаний.

Источники и примечания:

1. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.
2. Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях военного коммунизма. М., 1988.
3. Декреты Советской власти; Т. 3. М., 1961.
4. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 80. Л. 103—103 об.
5. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 13. Д. 580. Л. 115.
6. ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 10. Д. 84. Л. 5.
7. Известия Симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов. 14 марта 1919 г. № 57.
8. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 13. Л. 78.
9. РГВА. Ф. 184. Оп. 9. Д. 5. Л. 47—47 об.
10. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 13. Л. 104 и об.
11. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 73—76 об.
12. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 86.
13. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 13. Л. 64—66.
14. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 64. Л. 86.
15. Гурьев Н. Чапанная война. Сызрань, 1924.
16. РГВА. Ф. 106. Оп. 7. Д. 13. Л. 64—66.
17. ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 412. Л. 9—9 об.
18. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1884. Л. 56.
19. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1884. Л. 9.
20. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
21. Троцкий Л. Сочинения. Т. 17. Советская республика и капиталистический мир / Часть II. Гражданская война. М.—Л., 1926.

ФЕНОМЕН НАРОДНОГО ПОВСТАНЧЕСТВА В ПОВОЛЖЬЕ: ОТ «АРМИИ ПРАВДЫ» (САПОЖКОВЩИНА) ДО «АРМИИ «ВОЛИ НАРОДА» (СЕРОВЩИНА)

Повстанческое движение в Поволжье и уральских степях под руководством Василия Серова зародилось в 1920 г. В июле 1920 г. на территории Самарской и Саратовской губерний началось неординарное событие, получившее широкий резонанс в стране (сапожковщина) и вызвавшее серьезную озабоченность большевистского руководства — второй случай выступления крупного воинского соединения в Красной армии (после мятежа Ф. Миронова). 13 июля 1920 г. восстали войсковые части 2-й Туркестанской кавалерийской дивизии, расположенной в 15 верстах восточнее г. Бузулука (7-й и 8-й кавалерийские полки и конная батарея — всего около 600 сабель и 600 штыков при четырех орудиях). Кадровую основу Туркестанской кавалерийской дивизии составляли преимущественно уральские и астраханские казаки, а также казаки и крестьяне — уроженцы Новоузенского уезда Саратовской губернии и Пугачевского уезда Самарской губернии¹.

Поводом для восстания послужило смещение начальника дивизии А. В. Сапожкова: дивизия в составе двух полков должна была, согласно приказу командующего Заволжским военным округом, влиться во вновь формируемую 9-ю кавдивизию. В дивизии Сапожков, как известный бывший красный партизан, пользовался большой популярностью. Причиной восстания послужило недовольство красноармейцев советской продовольственной политикой. В Поволжье земельные отделы отбирали у казаков земли и передавали их другим хозяевам. Так, в Саратовском уезде земотдел отрезал у казаков станицы Саратовской в пользу общества землепашцев г. Саратова 2860 десятин удобной пахотной земли. Казакам было оставлено лишь небольшое количество удобной земли [1].

В день начала восстания Сапожков выпустил воззвание «Ко всем трудящимся и красноармейцам». Он объявил себя на митинге начальником так называемой «Первой армии Правды». В июле-сентябре 1920 г. восстание Сапожкова охватило территорию Бузулукского уезда Самарской губернии, Новоузенского уезда Саратовской губернии, а также часть Астраханской губернии. Численность «армии

¹Территория Астраханского казачьего войска распространялась на Саратовскую губернию. В 1918 г. на съезде астраханского казачества, проходившем в г. Саратове, было принято решение о переносе столицы войска в г. Черный Яр.

Правды» первоначально составила 2500 человек. В основном это были мобилизованные крестьяне Саратовской и Самарской губерний. Программа сапожковцев была изложена в воззвании «Ко всем трудящимся и красноармейцам», а также в приказе Сапожкова от 15 июля 1920 г. В воззвании говорилось, что в Советской России власти народа давно не существует, с его мнением не желают считаться, труженики «нужны только для того, чтобы с них брать все необходимое и на это взятое держать свою власть». В воззвании отмечалось, что райпродкомы представляют собой не что иное, как учреждение, эксплуатирующее народ, и в них, так же как и во всех советских учреждениях, засели враги революции: буржуазия и офицерство. В приказе от 15 июля 1920 г. было заявлено, что восстание кавалерийской дивизии стало необходимо «ввиду раскола партии коммунистов-большевиков, в связи с неправильно введенным государственным правлением России, которое в корне подорвало силу русского народа». В приказе указывалась цель восставших — объединить трудовое население одной идеей, сломив слишком обуржуазившихся некоторых ответственных членов коммунистической партии под лозунгом «Вся власть Советов действительна на программе партии большевиков на основе конспирации». «Никакого соглашения с буржуазией и всяким элементом, который недавно под мощным ударом Красной армии сложил оружие и в настоящее время занимают видные посты как то: в совнаркомах, в райпродкомах, в штабах и т. д.»

Лозунги реввоенсовета сапожковской армии — «Долой комиссаров, долой старых спецов, да здравствует свободная торговля!» — находили поддержку казаков Поволжья, а также самарских и саратовских крестьян, присоединявшихся к сапожковцам. Сапожков организовал военный штаб. Его войска заняли г. Бузудук и станцию Погромная. На станции сапожковцы разобрали железнодорожный путь, были остановлены и обезоружены два эшелона красноармейцев, отправлявшихся на Западный фронт.

В Бузулуке было объявлено осадное положение. Восставшие требовали перевыборов Советов, роспуска райпродкомов. Сапожковцы учредили свою власть во главе с Сапожковым. Было выпущено воззвание, в котором население призывалось к поддержанию порядка, поддержке советской власти, армии Правды и III Коммунистического Интернационала. Объявленная запись добровольцев проходила с большим энтузиазмом.

17 июля сапожковцы были вытеснены из города подошедшими из Самары советскими войсками и рассеялись. Одна часть сапожковцев направилась в сторону Оренбурга, надеясь на поддержку оренбургского казачества, другая — к Бугуруслану. Конные отряды Сапожкова объявились в волостях Бугурусланского уезда: Ново-Султансуловской, Средне-Аверкинской, Мал-Талской, селах Троицкое и

Матвеево, где сапожковцы проводили агитацию под лозунгами «свободной торговли».

Сапожковщина представляла серьезную опасность для советского государства: восстание могло вызвать цепную реакцию и стать катализатором крестьянских и казачьих восстаний в Поволжье и на Южном Урале. Об этом было указано в записке Троцкого, переданной по прямому проводу 28 июля 1920 г. командующему Заволжским военным округом Авксентьевскому. Троцкий требовал: «Мятеж Сапожкова должен быть ликвидирован как можно скорее. Виновники сверху донизу должны быть беспощадно покараны. В подведомственном Вам районе возможны широкие кулацкие восстания. Предупредить их можно только дав незабываемый урок всем элементам, которые прямо или косвенно поддержали мятеж Сапожкова». Троцкий требовал расстреливать всякого повстанца, захваченного с оружием в руках. Ленин также направил 2 августа 1920 г. телеграмму в адрес Заволжского военного округа, Уральскому и Саратовскому губкомам РКП(б) также выдвигалось требование скорейшей ликвидации мятежа Сапожкова.

Повстанческий отряд Сапожкова действовал в Заволжье до начала осени 1920 г. 6 сентября 1920 г. у озера Бак-Баул в Астраханской губернии он был разбит отрядом Борисоглебских кавалерийских курсов, а сам Сапожков убит [2:758—759].

Сапожковщина со всей очевидностью выявила характерное явление: в 1920 г. в сознании трудового казачества и крестьянства утвердилось настроение о происходившем перерождении советской власти в результате постепенного захвата ее учреждений бывшими угнетателями (помещиками, кулаками, чиновниками). В народной среде распространилось мнение, что учреждения советской власти и ее органы на местах становятся сосредоточением взяточников, спекулянтов, мародеров, пьяниц, саботажников. Основания для подобных рассуждений имели место: по оценкам органов ВЧК, на местные органы и учреждения советской власти возлагалась основная вина за восстания, поскольку они неверно проводили в жизнь распоряжения центральной власти, дискредитировали их своей деятельностью [2:32]. Сапожковщина имела выраженную политическую окраску.

Продолжение сапожковщины и ее развитие получило в повстанчестве Василия Серова, одного из ближайших сподвижников Сапожкова. В течение более чем двух лет — до осени 1922 г. — военная мощь советского государства не могла справиться с повстанцами, основу которых составили уральские и астраханские казаки — единственный пример столь длительного сопротивления коммунистической власти.

Член РКП(б) с 1919 г., Серов служил во 2-й Туркестанской дивизии начдива Сапожкова, после захвата г. Бузулука был назначен Сапожко-

вым начальником местного гарнизона. После гибели Сапожкова приступил к формированию собственного повстанческого отряда. Повстанцы Серова, достигшие к 1921 г. численности до 2 тыс. человек, совершали нападения на ссыльные пункты зерна, вели вооруженную борьбу с Красной армией.

Повстанческое войско Серова именовалось как «Первая атаманская дивизия восставших войск — Воля Народа» и состояло из трех полков. Серов занимал должность начдива. Командиром 1-го полка был сибирский казак Киселев, уроженец станицы Челкарской Семипалатинской губернии. Состав полков составляли казаки (конница), киргизы (казахи) и русские (пехота). При штабе дивизии имелись реввоенсовет (его председатель Федор Далматов находился у Серова с начала организации повстанческой дивизии), отдел пропаганды и следственная комиссия с функциями особого отдела. Повстанческая дивизия Серова имела выраженный рейдовый характер. В обозе повстанцев следовали их жены и дети [3:774].

Повстанчество Серова получило четко выраженный идейный характер. Даже советское руководство признало, что борьба отрядов под руководством Серова «выходила за рамки обычного бандитизма». В январе 1921 г. среди повстанцев была распространена Декларация Революционного военного совета и командующего армии «Воли Народа», подписанная командующим Серовым и председателем реввоенсовета Далматовым. В данном документе из 16 параграфов была фактически изложена политическая программа протестного движения против политики советского государства. Указанный документ, несомненно, заслуживает цитирования в полном объеме всего текста:

«§ 1. Мы, члены Революционного Военного Совета и Командующий восставших групп «Воли Народа», официально от имени восставшего народа заявляем, что диктатура пролетариата, три года разорявшая Россию, отменяется и вся полнота власти передается всему народу без всяких подразделений на классы и партии. § 2. Все декреты, изданные Коммунистическим Правительством, урезающие свободу, провозглашенную второй революцией 1917 г., отменяются, а принципы второй революции служат фундаментом в строительстве России. § 3. Восставшим народом не принимаются никакие назначения комиссаров, исходящие из центра, как нарушающие народоправство, и всякие распоряжения таких не исполняются, а сами комиссары, добровольно не отказавшиеся от власти, объявляются вне закона. § 4. Все учреждения, как партийно-коммунистические, а также профессиональные, взявшие в свои руки государственные функции, объявляются недействительными и вредными для Трудового Народа. § 5. Признавая за коммунизмом великое будущее и идею его священной, новая Революционная власть не имеет в виду силу штыка противопо-

ставить этой идее, а борется с насильниками-комиссарами, спекулировавшими на коммунизме, а также не признает и борется с принудительной государственной коммуной, считая, что увлечения всякого рода идеями — право всякого человека и меньшинство не имеет права навязывать большинству народа свою волю. § 6. Политические партии, за исключением партии черносотенцев-монархистов, признаются новой революционной властью, причем их деятельность ограничивается политической парламентарностью и посягательство партий на захват государственной власти будет считаться узурпаторством и пресекаться самым беспощадным образом. § 7. Принимая во внимание, что буржуазно-черносотенская армия монархистов, воспользовавшись смутным революционным временем и усталостью русского народа, постарается захватить в свои грязные руки власть и поработить Трудовой Народ, то Революционный Военный Совет и Командующий заявляют, что даже малейшие попытки к такому захвату будут пресекаться, не останавливаясь перед высшей мерой наказания — расстрелом. § 8. Не предвещая и не навязывая то или иное назначение будущей верховной власти, Военный Совет и Командующий заявляют, что будут бороться со всеми попытками справа и слева за навязывание власти Народу, которая должна быть избрана по принципу всеобщего избирательного права. § 9. Разоренная трехлетним владычеством комиссаров и коммунистов Россия нуждается в интенсивном экономическом исправлении, а потому новая Революционная власть объявляет свободную торговлю, а переходная ступень социалистической операции отменяет всякого рода государственную монополию на жизненные продукты и фабрикаты. § 10. Признавая мелкую частичную собственность в земельной, фабричной, заводской областях, новая власть будет бороться с крупным капиталом, допуская концентрацию капитала и земель только в руках артелей, созданных самим же народом. § 11. Признавая принцип самоопределения народностей и областей, новая власть при расширении базы своего влияния строго будет проводить в жизнь этот принцип и от всяких навязываний той или иной формы управления отказывается, предоставляя право решения самим народностям и областям. § 12. Одним из величайших преступлений коммунистической власти является отказ работать с демократией Европы, как-то: Америкой и других, следствием чего были блокада и бойкот России и ее экономический упадок. Новая Революционная власть ставит ближайшей задачей завязать самые близкие сношения с упомянутыми демократическими государствами через посредство своих представителей социалистов, которых коммунистическая власть по принципу Николая Кровавого изгнала из своей родины, участие которых в строительстве России новая Революционная власть считает необходимым. § 13. Уставший от внешней и внутренней войны русский народ нуждается в прочном мире, и новая власть заявляет, что все

усилия будут приложены к тому, чтобы достигнуть мирного соглашения со всеми враждебно относящимися к коммунистической власти государствами. § 14. Впредь до установления постоянной верховной власти Российской республике потребуются денежные знаки и обязательства, имеющие государственное значение. А потому все ранее и теперь существующие являются действительными и имеют хождение на территории, занимаемой восставшей группой. § 15. Принимая во внимание, что Коммунистическая власть своими террорами и зверскими расправами сильно запугала народ, то новая власть предлагает всем сочувствующим и проводящим в жизнь настоящую декларацию избирать власть на местах по своему усмотрению, до особого распоряжения Верховной Власти. § 16. Все принципы, положенные в основу настоящей декларации, будут поддерживаться восставшими войсками и правительством, возглавляющим с оружием в руках, и посягательства на таковые со стороны групп будут беспощадно преследоваться [4: 275—277].

Данная Декларация формулировала задачи протестного движения во всех основных сферах общественной жизни: экономической, политической, духовной, внешнеполитической. Нет ни намек на отказ или ревизию коммунистической идеи — за коммунизмом признается «великое будущее». Коммунистическая партия обвинялась в узурпации власти и подмене обещанной власти народа диктатурой пролетариата, фактически — диктатурой партии коммунистов.

Программа Серова—Далматова фактически предвосхитила принципы нэпа: отказ от принудительной государственной коммуны и государственной монополии на продукт труда, признание мелкой частной собственности, организация контроля за капиталом, создание государственной денежной системы, разрешение свободной торговли. Однако имеется качественное отличие от советского нэпа — организация выборной народной власти на основе всеобщего избирательного права, признание принципов демократической свободы и прав человека, недопустимость захвата и узурпации власти отдельными партиями, развитие местного самоуправления, право на самоопределение народов, установление прочного мира и взаимоотношений с иностранными государствами.

Основные положения, изложенные в приведенном документе, созвучны программным идеям, высказанным в 1919 г. защитником интересов народа и народным вождем Филиппом Кузьмичом Мироновым. Можно утверждать, что Декларация Серова—Далматова по своему содержанию сопоставима с другими протестными документами — Программой антоновского Совета трудового крестьянства в Тамбовской губернии, резолюцией гарнизонного собрания мятежного Кронштадта 1 марта 1921 г.

16 октября 1921 г. в Москве центральная Комиссия по борьбе с бандитизмом приняла решение: «На территории Приволжского во-

енного округа затяжка борьбы с бандитизмом недопустима». Командующему войсками ПриВО было приказано в 1,5-месячный срок «вырвать с корнем бандитизм на территории военного округа». Особо оговаривалась возможность «в случае необходимости изъятия семей бандитов для отправки в другие районы [5].

В конце 1921 г. высшее советское руководство приняло решение, которое закрепляло в 1922 г. за военным командованием право оперативного руководства действиями всех войск в «наиболее серьезных случаях проявления бандитизма». Для территории Уральской, Саратовской, Симбирской, Самарской губерний, а также Области немцев Поволжья подобным «случаем» стала ликвидация «банды Серова», которая находилась в конце декабря 1921 г. в Гурьевском уезде Уральской губернии, численностью до 600 сабель при 8 пулеметах. В нижнем течении реки Урал отряд Серова пополнился уральскими казаками в форпостах Орловский, Зеленовский, Тополинский, Баксаевский и Яманхалинский. Общая численность повстанцев возросла до 2—3 тыс. человек. 7 января повстанцы Серова от форпоста Харкинский — крепости Горская передислоцировались в южном направлении к форпосту Гребенчиковский, у которого 10 января вступили в бой с советскими частями. Понеся потери, Серов ушел на урочище Кара-Куль, где распустил большую часть казаков по домам. Уходя от постоянного преследования карательных войск в долине реки Урал, отряд Серова повернул на восток и 18 января силами не более 500 человек занял укрепление Уильское.

Из Уильского Серов предпринял по телеграфу переговоры с командованием Приволжского военного округа, располагавшегося в Уральске. Со стороны советского командования была создана комиссия для переговоров в составе комбрига 81-й бригады, председателя Уральского губисполкома и председателя губчека. 26 января были заключены предварительные условия о прекращении боевых действий на две недели. Советская сторона трактовала инициативу Серова однозначно как «переговоры о сдаче». Вероятно, мотивы для вступления в переговоры со стороны Серова и Далматова были гораздо глубже.

Об этом свидетельствуют, во-первых, условия о прекращении боевых действий, поставленные повстанцами: свобода личности и выбора местожительства, оставлением по одной лошади на каждого повстанца. Во-вторых, двухнедельное перемирие Серов использовал для проведения агитационной работы в районе укрепления Уильское, распространял Декларацию Реввоенсовета и командующего армии «Воли Народа», пропагандистские листовки среди населения. В-третьих, Серовым были проведены перевыборы сельских и волостных исполкомов Уильского и Темирского уездов. С учетом приведенных аргументов можно заключить, что Серов действовал вполне в духе собственной политической Декларации: убедившись

за время длительного периода боковых сражений (с июля 1920 г. по январь 1922 г.) в бесперспективности военного противоборства с регулярными частями Красной армии, ЧК, ЧОН, ВНУС, он искал политический выход к мирной жизни. Вероятно, возможность ухода за границу его не прельщала, иначе бы он ею воспользовался.

Среди местного населения распространялась листовка реввоенсовета группы восставших войск «Воли Народа», в которой разъяснялась народу цель борьбы повстанцев: «Долгое время в глухих степях носился слух, пускаемый врагами народа — коммунистами, что повсюду бродят одичалые банды преступных личностей, цель которых грабить и убивать встречного и поперечного. Долгое время народ, запутанный террором и зверскими расправами, продолжал по своей темноте верить этому провокационному слуху и бессознательно вставал под ружье и пытался убивать своих же братьев, борющихся за свободу и народоправие на правде. И Бог помогает и мы, восставшие войска, заняли г. Уиль со всеми находящимися в нем гарнизоном и партийными и что же сделали. Да ничего, ни один волос не только с головы красноармейца или частного гражданина, но даже с головы того же коммуниста не пал по нашей вине, борьба наша чисто политического характера, а не материального. В основу ее входит их лозунг: «Свобода, равенство и братство для всего русского народа», настолько родной народу, что после ознакомления населения с декларацией восставшего народа в наши ряды вступило добровольцами не только из среды частных граждан, но из красноармейцев и партийных, искренне раскаявшихся в своем заблуждении. Чем это объясняется? А тем, что народ убедился воочию, что восставшие войска «Воли Народа» не есть бандиты, как их именует советская власть, а есть партизаны, которые несут народу волю, освобождение народа от гнета Советского строя, народ понял, что голос народа есть голос божий, что народ целиком, как легко свалил гнет царизма со своей спины, так легко свалил и гнет коммунистов, так как вся их опора лежит на штыках того темного народа, стоит лишь бросить этому народу штыки, и нет власти коммунистов, а будет лишь власть самого по принципу великой Февральской революции. Уильский обыватель понял и добровольно сложил оружие, последует по его благому примеру остальной русский народ и конец бойни и конец гнету и насилию коммунистов. Остается лишь один свободный русский народ без диктаторов-комиссаров, объединенный под общим лозунгом «Свобода, равенство и братство!» [4: 277—278].

Факт вступления в ряды повстанцев «красноармейцев и партийных», как говорилось в листовке, не был простым пропагандистским приемом. Об этом свидетельствует, в частности, присоединение к повстанцам в октябре 1921 г. коммуниста А. Б. Семёнова, начальника штаба 4-й армии, секретаря и члена коллегии ЧК г. Ново-

узенска. В укреплении Уильское был взят в плен взвод отдельной Актюбинской роты ЧК.

Полномочия комиссии с советской стороны не были определены. Жесткие требования «о сдаче банды» не были приняты: Серов не отправил представителей в Уральск к назначенному сроку, дальнейшие переговоры прервал. Советская сторона трактовала данный шаг как использование перемирия бандитами для передышки, пополнения продовольствия и фуража с целью продолжения «бандитизма». Для этого распространялись слухи о том, что бандиты Серова терроризировали местное население, проводили разверстки и конфискации, отбирая последний скот и лошадей, объявляли мобилизации казаков, расстреливали за неподчинение. Однако распространяемые слухи не соответствовали идейному содержанию повстанческого движения Серова—Далматова. Как указывалось выше, при необходимости, чтобы избежать ненужных потерь, Серов распускал местных уральских казаков по домам.

О действиях Серова в Гурьевском районе главное командование Красной армии регулярно докладывало председателю Реввоенсовета Республики Троцкому и его заместителю Э. М. Склянскому. Два доклада в январе 1922 г. (14 и 16 января) были направлены лично Ленину и Молотову. В одном из докладов говорилось, что «мобилизованные ранее казаки бандой распущены по домам» [6].

11 февраля 1922 г. Склянский запросил главкома РККА Каменева: «С чьего согласия создана эта комиссия и на какой основе ведутся переговоры?» Советское командование опасалось возможного наступления повстанцев на Гурьев или Уральск. Войскам военного округа был дан приказ о переходе с 12 февраля в «решительное наступление для ликвидации банды Серова», общее руководство операцией возлагалось на комбрига 81-й бригады. Командование Приволжского военного округа, в свою очередь, выполняло приказ штаба РККА — «до весны обязательно покончить с бандой Серова» [7].

Из Уильского повстанцы Серова отступили в северном направлении, разбив 5 марта отряд ЧОН в районе поселка Ново-Алексеевский. 10 марта у поселка Красноярский (50 верст южнее Илецка) отряд Серова принял бой с советскими частями. В оперативно-разведывательных сводках штаба Приволжского военного округа об этом бое сообщалось, что он длился 18 часов. В бою было захвачено знамя повстанцев, на белом полотне которого написано «3-й атаманский полк. Смерть коммунистам — врагам народа, да здравствует полное право и воля народа». В сводке говорилось, что «состав банды Серова — казаки, стрелки и молодежь от 12-ти лет, имеется много заводных лошадей без седел» [8].

Можно с уверенностью утверждать, что ни одна банда не ввязалась бы в столь длительный и кровопролитный 18-часовой бой.

Мотивация действий повстанцев, очевидно, заключалась в идейном настрое. В разведсводке оперативного управления штаба Приволжского военного округа от 15 марта 1922 г. говорилось, что в штабе Серова имелось знамя из белого полотна с лозунгом «Долой коммунистов! Да здравствует пролетариат!». В выводах к сводке отмечалось: «Добровольное присоединение к банде жителей Ново-Илецка и проводимый Серовым выбор из большого количества желающих; выбрасывание Серовым новых лозунгов» [9].

Оперативная обстановка в отношении ликвидации повстанцев Серова продолжала оставаться в центре внимания не только военного, но и политического руководства страны. Так, 23 марта 1922 г. штабом РККА была составлена справка о действиях Серова, которая была послана заму председателя Совета Труда и Обороны А. Д. Цюрупе. Ему же 3 апреля Склянским была направлена телеграмма штаба Приволжского военного округа об оперативной обстановке вокруг Гурьева. 28 марта Молотову была направлена справка главкома в связи с заявлением уполномоченного ЦК РКП Вводского о неспособности военного командования руководить ликвидацией бандитизма в Приволжском округе. В справке указывалось, что численность банды Серова, по данным агентуры, колебалась от 350 до 1 тысячи человек [10].

8 февраля 1922 г. Склянский обвинил штаб РККА в попустительстве повстанцам, связанном с ведением переговоров. В сообщении главкому Каменеву подчеркивалось: «Две недели Серов использовал для противосоветской агитации, реквизиции фуража и скота и, вообще, для усиления своей банды... Очевидно, командованием Приволжского округа допущена совершенно недопустимая ошибка. Считаю необходимым, если с Вашей стороны нет особых возражений, поставить на вид неправильность его действий, так как если Серов вступил в переговоры, то совершенно не было надобности для заключения перемирия, дабы вести переговоры о сдаче [11].

Главком Красной армии не возражал вышестоящему руководителю. Виновником неудачных действий советских войск по ликвидации Серова штаб РККА объявил командование Приволжского округа. Причину нашли в проведении переговоров с Серовым. 28 марта 1922 г. за подписью Каменева в штаб округа была направлена следующая телеграмма: «Прекращение военных действий против Серова привело в конечном результате к усилению последнего. Очевидно, командованием ПриВО совершена недопустимая ошибка, так как, если Серов вступил в переговоры, то совершенно не было надобности прекращать против него военные действия» [12]. Однако наказаний не последовало: лишь помощник командующего округом отделался выговором.

В начале апреля 1922 г. отряд Серова предпринял испытанную тактическую партизанскую уловку — он разделился на группы. Ма-

лочисленность групп позволила получить большую подвижность. Попытки параллельного преследования, окружения, загон повстанцев на расставленные заслоны оказались неэффективны. При окружении огромные пространства степей давали возможность Серову уходить в любом направлении. Пехотные карательные части красных войск не могли угнаться за маневренными отрядами. Преследование происходило в голодном степном районе, вдали от путей сообщения и коммуникаций — советские части не имели возможности доставить для ушедших далеко от снабженческих баз необходимое продовольствие, подводы, лошадей. Приходилось на ходу формировать подвижные летучие отряды [13].

Отряды Серова рассеялись на мелкие группы от 40 — 50 до 100 человек, которые объявились в мае 1922 г. в Новоузенском уезде Саратовской губернии. Группа советских войск безуспешно пыталась окружить район, в котором оперировали серовцы, сузить кольцо окружения до радиуса 10 верст, чтобы ликвидировать их «одним ударом». Из донесения штаба Приволжского военного округа главному РККА Каменеву следовало, что Серов выразил желание покончить с бесперспективным военным противоборством: военное командование округа располагало информацией, что 4 мая Саратовское ГПУ получило от него письмо с предложением о переговорах. Повторилась ситуация, имевшая место в январе 1922 г., но с одним существенным отличием: Серов решил вести переговоры не с военным руководством, а с губернским органом ГПУ. 7 мая представители комиссии ГПУ выехали на переговоры с Серовым (РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 259). Боевые действия на этот раз не прекращались. О предпринятой попытке вступить в переговоры с Серовым со стороны Саратовского отдела ГПУ Каменев доложил Троцкому 13 апреля 1922 г. [14].

Переговоры происходили независимо от военного командования. 10 апреля 1922 г. последовал приказ главкома Каменева командующему войсками Приволжского военного округа: «Банда Серова должна быть ликвидирована во чтобы то ни стало, а поэтому дабы не делать перерыва в раз начатой Вами уже операции, приказываю продолжать таковую под Вашим распоряжением и руководством, не передавая войскам ГПУ. Должны быть приняты меры к тому, чтобы Гурьев не оказался вновь под угрозой нападения остатков банды Серова» [15].

Однако Серов вновь, как и в январе, прервал переговоры, 7 представителей комиссии ГПУ он увез с собой. В дальнейшем представители Саратовского губотдела ГПУ прислали письмо с пожеланием прекратить военные действия против отряда Серова: в письме отмечалось, что Серов высказывал желание прекратить сопротивление и ожидал вторую комиссию для переговоров [16].

В данном случае разделились интересы двух разных ведомств.

Военное руководство по-прежнему настаивало на ликвидации повстанцев Серова военными методами, отвергая любые переговоры. Главком Каменев был уверен: подобно тому, как было при переговорах в январе 1921 г., Серов пытался опять выиграть время для своего усиления. Склянский поддерживал мнение о категорическом запрещении «вступать во всякие переговоры с Серовым, которые дают ему возможность собираться с силами, и быстрее и энергичнее повести ликвидацию» [16].

В мае 1921 г. переговоры не получили результата. Однако 15 августа 1922 г. Серов добровольно сдался особоуполномоченному ГПУ. 14 августа добровольно сдался также сподвижник Серова — Ф. Далматов². Можно сделать предположение, что прекращение вооруженной борьбы и одновременная добровольная сдача двух руководителей повстанцев имела под собой идейную основу.

Источники и примечания:

1. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 84. Д. 5. Л. 276.

Сапожков А. В. — из крестьян Самарской губернии, участник Первой мировой войны, подпоручик. С февраля 1919 г. командовал 22-й дивизией Красной армии и участвовал в боевых действиях на Уральском и Южном фронтах.

Серов, Василий (1898-1923) — уроженец Новоузенского уезда Саратовской губернии. С 1913 г. служил в русской армии, урядник.

2. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.

3. Крестьянское движение в Поволжье. 1919—1922 гг. : Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.

Далматов Ф. И. (1894—1923) — уроженец Новоузенского уезда Саратовской губернии. Участник Первой мировой войны, рядовой, был лектором в роте. Член РКП(б) с 1918 г. В 1920 г. — военком 7-го кавполка 2-й Туркестанской дивизии начдива А. В. Сапожкова.

4. Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920—1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1999.

5. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 341.

6. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 671, 676.

7. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 535, 540, 541, 599.

²Серов и Далматов были приговорены к расстрелу Самарским губернским судом 18-25 декабря 1923 г.

Каменев С. С. (1881—1936) — полковник российской армии, участвовал в Первой мировой войне, в январе 1918 г. добровольно вступил в РККА, с 28 сентября 1918 г. по 8 июля 1919 г. — командующий Восточным фронтом, с 10 июля 1919 г. по 1 апреля 1924 г. — главнокомандующий всеми Вооруженными силами Республики.

8. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 426.

9. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 231. Л. 73.

10. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 527, 528, 532.

11. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 534.

12. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 524.

13. РГВА. Ф. 7. Оп. 6. Д. 1257. Л. 44—48.

14. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 159. Л. 36.

15. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 521.

16. РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 477. Л. 253.

НАРОДНОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ

Зимой 1920/1921 г. началась демобилизация из рядов Красной армии — после победоносного завершения боевых операций в Крыму и ликвидации Русской армии генерала Врангеля. Демобилизация носила массовый характер: по решению Совета Труда и Оборонаы с декабря 1920 г. до середины лета 1921 г. численность Красной армии должна была сократиться вдвое (к концу 1920 г. армия составляла около 6 млн человек) [1:136; 2:170].

Наступила столь желанная мирная жизнь. Однако возвращавшиеся в родные места бойцы и командиры, закаленные в боях Гражданской войны, столкнулись с военно-коммунистическими методами продовольственной политики советского государства. Продразверстка повернулась против середняцкого хозяйства, подрывая стимулы аграрного хозяйствования. Заставить производителя отдавать хлеб и не снижать при этом сельскохозяйственное производство можно было только расширением мер принуждения и насилия.

Продолжение политики военного коммунизма в изменившихся, мирных условиях породило острый политический кризис, когда основная часть сельского населения — крестьяне и казаки — стали выражать не только пассивное, но и активное противодействие политике продразверстки. Органы советского государства продолжали действовать методами приказов и инструкций.

Неудивительно, что бывшие и действующие красноармейцы составляли активную часть повстанцев. Командиры Красной армии нередко становились во главе мятежников. В их числе были кавалеры ордена Красного Знамени — редкой для того времени награды за большие боевые заслуги.

17 декабря 1920 г. в центре Усть-Медведицкого округа, в слободе Михайловке вспыхнул мятеж против советской власти, который возглавил Вакулин — бывший командир полка 23-й мироновской дивизии, член РКП(б), награжденный орденом Красного Знамени. В 1920 г. Вакулин служил командиром караульного батальона при Усть-Медведицком окружном военкомате.

В вышущенном им воззвании говорилось: «Граждане! Настал тот момент, когда власть кучки коммунистов и комиссародержавцев вырвана и передана в руки трудящихся. В ваших руках находится наша судьба. Вы вольны сгубить себя, пригнуть свои спины перед

первым налетом организованной шайки коммунистов, но пригнув, вы никогда не выпрямитесь. Поставлено все на карту — или смерть коммунистам, или трудовикам. Поэтому вы, кто силен духом, кто честен и бодр, тот должен поднять знамя священной борьбы, дабы у отца с матерью, жены и детей не отняли последний кусок хлеба, последнюю коровенку тунеядцы и вампиры и тем обречь безвинные семьи на явную гибель. Кто не хочет власти коммунистов, их притеснений, грабежей и насилий — тот записывайся в добро-вольческие отряды для борьбы с ней. Ваш бодрый дух и светлый ум подымут и поддержат и без того твердое настроение восставших красноармейцев, давших себе слово уничтожить всю грязь коммунизма. Граждане! Помогите в эту тяжелую минуту восставшим, все что чем может, чтобы совесть каждого была спокойна сознанием исполнения своего долга. Итак, кто хочет увидеть настоящую свободу, равенство и братство, тот записывайся в ряды восставших для защиты своих прав. Да здравствуют восставшие Усть-Медведицкого округа!» [3: 588—589].

Вакулин ссылался в своих обращениях на поддержку со стороны популярного народного лидера Ф. К. Миронова, которую последний якобы должен оказать со 2-й Конной Армией, как и С. М. Буденный с 1-й Конной. Сам Миронов подобные домыслы категорически отвергал, называя своего бывшего однополчанина бандитом, поднявшим «преступное бандитское восстание». Миронов объявил себя в качестве противника всяких восстаний вследствие их губительности. Главным содержанием выступления Миронова на митинге 6 июня 1920 г. в Михайловке перед более чем 2 тыс. пленных белых казаков, собранных со всех станиц, был призыв не допускать восстаний против советской власти: Миронов предупреждал казачество и крестьянство «от этого пагубного шага для них и Республики», напоминая о приказе советского военного руководства об уничтожении станиц и хуторов за восстания.

Миронов не отрицал наличие, по его словам, «горючего материала» для восстаний: начавшиеся голодные смерти в станицах и селах, недовольство населения и красноармейцев продовольственной политикой. Он предсказывал возможность восстаний весной 1921 г., подчеркивая при этом, что они приведут страну к анархии. Чтобы не допустить подобной ситуации, Миронов доказывал: политика правящей партии должна учитывать требования жизни, без уступок противоречия преодолеть невозможно [3: 593—394, 642, 643, 644, 645, 652].

Первоначально число вакулинских повстанцев, действовавших в конце декабря 1920 г. в районе станции Себряково Усть-Медведицкого округа, не превышало 500 человек. В середине января, под натиском регулярных войск Донской области, Вакулин перешел в пределы Саратовской губернии. Части ВНУС (внутренних войск),

несмотря на численное превосходство, не смогли сдержать вакулинский отряд, который 18—19 января дошел до Волги и переправился на ее левый берег в 50 верстах северо-восточнее Камыштина. Вакулинские повстанцы захватывали ссыпные пункты, раздавали хлеб и оружие крестьянам. Крестьяне добровольно присоединялись к Вакулину. Повстанцы распространяли лозунги: «Да здравствует Советская власть без коммунистов и комиссаров!», «Да здравствует свободный народ и свободная торговля!» [4; 5:639].

Действия командования Заволжского военного округа не имели успеха, несмотря на численный перевес советских войск. Отряды Вакулина пополнялись казаками и пленными из высланных против него воинских частей, добровольно переходивших на сторону повстанцев. На территории Новоузенского уезда Саратовской губернии были взяты в плен несколько советских отрядов: 19 января под Беляевкой — отряд в количестве 101 человека, 21 января под Палласовкой — отряд в 500 человек, 24 января под Савинкой — отряд около 500 человек. За счет советских войск Вакулин обеспечивал не только пополнение живой силой, но также снабжение продовольствием и боеприпасами. В результате отряд повстанцев в 350 кавалеристов с 6—7 пулеметами, перешедший через Волгу на территорию Новоузенского уезда, из уезда уходил уже в составе 1 тыс. человек пехоты, более 400 кавалерии, имея на вооружении 17 пулеметов и 2 орудия с 200 снарядами. К концу января 1921 г., благодаря сочувственной поддержке местных жителей Саратовской губернии, численность вакулинцев достигла 1500 штыков и сабель, в начале февраля войско Вакулина насчитывало уже 1600 человек пехоты и 600 кавалерии [5:630—631]. В отрядах Вакулина роты оформлялись в полки, комплектование которых было построено по принципу территориальности.

25 января Вакулин повернул на запад, переправился 27 января на правый берег Волги и направился в Донскую область, но под натиском советских войск снова повернул на восток. 1 февраля 1921 г. Вакулин собрал общее собрание комсостава и провел в тот же день митинг всех красноармейцев отряда. В повестке дня стояли вопросы: цель восстания и его дальнейшие задачи; о самовольных арестах и обысках; о грабежах. В войске Вакулина был создан товарищеский суд, организован лечебный лазарет. В инструкции старшему врачу об уходе за больными и ранеными указывалось: «Обратить самое серьезное внимание на питание больных и раненых, для чего требовать из отдела снабжения манную крупу и покупать по вольным ценам молоко, а при возможности и яйца, а также обратить внимание на самый уход за больными. Произвести экзамен всем сестрам милосердия, освидетельствовать их в состоянии здоровья» [6].

5 февраля 1921 г. после короткого боя Вакулин занял Камышин, но 7 февраля оставил город. Отряды Вакулина разбились на две ча-

сти, одна из которых двинулась на север, другая — на юго-восток, угрожая движению на железной дороге Урбах — Астрахань. В районах передвижения повстанцев Вакулина по территории Заволжья вспыхивали восстания крестьян. Восставшие разбивали ссыльные пункты и увозили хлеб [7].

Советское руководство Саратовской и Самарской губерний реального положения не знало, недооценило силу повстанцев, считая, очевидно, раздутыми сведения с мест. Военное советское командование оказалось в растерянности: штаб 77-й бригады ВНУС не знал, где находится противник, не мог информировать свои части об обстановке. Многие ответственные советские и партийные работники, напуганные рейдом Вакулина, покинули Новоузенский уезд. Уездный ревком не имел никакой информации о движении повстанцев. В то же время, стремясь собственные промахи списать на счет «бандитов», советские, партийные и военные руководители направляли наверх донесения с «компроматом» на повстанцев и лично Вакулина, объясняя его действия якобы «острой формой последней стадии сифилиса и неврастении», «реакционностью на 50%» населения, которое «сочувственно отнеслось к движению бандитизма, что и подтвердилось в его помощи Вакулину всеми средствами, необходимыми для бандитов», недовольством населения Усть-Медведицкого и Камышинского районов советской властью. Утверждалось, что Вакулин не пользовался сочувствием местного населения и лишь ухудшение продовольственного положения помогло ему приобрести симпатии крестьянства и даже городского населения [8; 5:632,724].

В Совет труда и обороны была направлена телеграмма о необходимости решить вопрос о ликвидации Вакулина с помощью центра. Одновременно председатель Астраханской ЧК Ф. Степной телеграфировал Дзержинскому о необходимости решительных мер со стороны центра по ликвидации Вакулина вследствие реальной угрозы для Астрахани — прекращения снабжения хлебом.

Для борьбы с частями Вакулина главным командованием Красной армией были направлены значительные силы Заволжского и Кавказского фронтов (2 тыс. штыков, более 1 тыс. сабель). В частности, за двое суток был организован летучий отряд «из отборных бойцов и лошадей» 21-й кавдивизии в составе 1000 сабель, взвод артиллерии и батальон стрелков 22-й стрелковой дивизии. 17 февраля в бою в районе хутора Водянка (юго-восточнее станицы Гмелинская) части Вакулина были разбиты, сам Вакулин в рукопашном бою был убит [9; 10:584, 587, 596, 599—603].

Преемником Вакулина стал его ближайший помощник — Ф. Попов, донской казак, бывший командир полка 1-й Конной армии. В начале своих действий отряд Попова имел 2-3 тысячи штыков и сабель. Преследуемый советскими кавалерийскими частями, он

постоянно маневрировал, нанося значительные потери красноармейским отрядам (5:165]. Попов использовал успешный опыт тачанок и подвод для быстрого перемещения пехоты (данную тактику эффективно использовали махновское войнство и 1-я Конная армия). Продвигаясь через Пугачевский район Самарской губернии, отряды Попова заняли г. Хвалынский. Повстанцы Попова действовали также в Уральской губернии.

Повстанческое войско Попова к концу февраля достигло численности 6 тыс. штыков и 500 сабель. Оно имело структуру, аналогичную регулярным частям Красной армии. Основу кавалерии у повстанцев составляли донские и уральские казаки. Разработкой операций занимался штаб, возглавляемый Поповым, начальником штаба был бывший подъесаул Смирнов (настоящая фамилия Икунов), при штабе имелась комендантская команда — начальник Прохвятильев.

Стрелковые полки формировались по территориальному принципу. Названия полков — 1-й Усть-Медведицкий полк (комполка Буржаковский), 2-й Астраханский полк (комполка Луковенко, бывший военный комиссар Михайловской волости Усть-Медведицкого округа, коммунист), 3-й Самарский полк — свидетельствовали о составе бойцов, из которых были сформированы полки повстанцев. В Самарской губернии был сформирован 4-й Пугачевский полк из жителей Пугачевского уезда [11].

Полки имели трехбатальонную структуру регулярных частей по 3 роты в каждом (по 400 штыков в батальоне). Каждый полк имел 5 пулеметов. Кроме того, была отдельная пулеметная команда с 15 пулеметами, каждый при 7 лентах, причем каждому пулеметному расчету придавалась команда связи. 8 телефонных аппаратов размещались в бивуаке. Отдельный кавдивизион (опять же аналогично Красной армии) (командир Курьленков) состоял из трех эскадронов по 100 сабель, в каждом по 2 пулемета. Повстанцы Попова были вооружены трехлинейными винтовками.

Обоз состоял из 2 тыс. подвод для транспортировки пехоты и 370 подвод для фуража и снаряжения. Интендантская команда занималась снабжением повстанцев из райпродкомов, имелся специальный запас продовольствия — 200 подвод. Существовала норма ежедневной выдачи: хлеба мукой — полтора фунта, мяса — 1 фунт. В отряде функционировал лазарет с врачом, несколькими фельдшерами и одной сестрой милосердия. Штаб Попова поддерживал дисциплину в повстанческих частях. Пленные проходили через следственную комиссию, после положительного решения ряды повстанцев добровольно пополнялись за счет красноармейцев и комсостава Красной армии, в числе которых были коммунисты [12].

Реввоенсовет занимался политической и агитационной работой среди личного состава повстанцев и местного населения. Повстан-

цы распространяли воззвания среди местного населения за подписями председателя реввоенсовета Шкуратова и командиров частей.

Повстанцы Попова представляли серьезную угрозу для советской власти в районах Дона и Волги. По докладам советского военного командования Заволжского военного округа, в конце марта 1921 г. «банда, возглавляемая некогда Вакулиным, а ныне Поповым, перешла в категорию наиболее опасных банд, не только пользующихся симпатиями местного населения, но являющихся побудителем бандитско-эсеровского движения». Сила «банды» оценивалась в этот период в 6000 штыков, 600 сабель, 20 пулеметов. Для ликвидации восстания на территории Заволжского округа оказалось недостаточно частей двух дивизий внутренних войск (20-й и 26-й ВНУС), при 27 легких и 4 тяжелых орудиях. Быстрые передвижения повстанцев на подводах со сменой лошадей у местных жителей оставляли преследующим советским частям измученный конский состав, который не мог быть использован. Местные жители доброжелательно относились к повстанцам: сообщали информацию о передвижении красноармейских частей, укрывали повстанцев.

В конце марта 1921 г. главное командование Красной армии было вынуждено стянуть в Заволжский округ крупные и боеспособные воинские части из других регионов: 27-ю стрелковую дивизию¹, 70-й стрелковый и 22-й кавалерийский полки, кавалерийскую дивизию из Сибири, 4 бронепоезда. Для проведения политической работы и усиления советских аппаратов направлялись надежные коммунисты. Общее командование над всеми частями в низовьях Волги было поручено начдиву 27-й дивизии В. К. Путне [13]. Особая роль в ликвидации повстанцев отводилась использованию бронепоездов и бронепоездов, а также авиации.

31 марта 1921 г. директивой главкома Красной армии С. С. Каменева Путьна был назначен командующим войсками низовья Волги с подчинением в оперативном отношении непосредственно главкому. Для руководства операциями по подавлению восстания в Низовьях Волги и прилегающей территории Заволжья ему были подчинены согласно директиве: во всех вопросах — все войска и все военучреждения, расположенные в Саратовской губернии (за исключением войск, переданных Тамбовскому командованию для подавления антоновского восстания); в оперативном отношении — все войска, расположенные в Пугачевском уезде Самарской губернии и в Царицынской губернии. Рабочим аппаратом стал штаб войск низовья Волги, сформированный согласно данной директиве.

Под натиском превосходящих сил регулярной Красной армии

¹ 27-я стрелковая дивизия под командованием начдива В. Путны до прибытия в Нижнее Поволжье для ликвидации повстанческого движения принимала участие в штурме мятежного Кронштадта.

Попов в апреле 1921 г. вернулся в пределы Донской области. После поражения в шестичасовом бою под станицей Преображенка повстанцы разделились на два отряда — самарский («самарцы»), действовавший в Камышинском уезде, и донской («донцы»), каждый из которых разбился на несколько групп, которые действовали самостоятельно.

В то время как в Нижнем Поволжье разворачивалось повстанческое движение Вакулина и Попова, на Украине произошел крупный мятеж в частях Красной армии. Причем случилось данное событие в легендарной 1-й Конной армии Буденного². Комбриг из 1-й Конной армии Григорий Маслаков, кавалер двух орденов Красного Знамени, 8 февраля 1921 г. отдал приказ по своей бригаде от имени начдива о выступлении на Дон. Мятежный буденновский комбриг, напомним, в сентябре 1919 г. отличился при подавлении мятежа и аресте Ф. Миронова.

Выступление Маслакова было вызвано недовольством продовольственной и земельной политикой советского государства, а также нежеланием бороться с махновскими повстанцами. В районе хутора Кочережского и села Хандолеевки Маслаков призвал местное население к восстанию против советской власти, объявил себя партизаном и сторонником Махно. В указанном районе он соединился с махновским отрядом Бровы. Буденновский комбриг увел с собой почти весь личный состав 19-го кавполка (примечательно, что в этом кавполку 90 человек состояло в рядах РКП(б)). Сам Маслаков был принят в ряды РКП(б) в июне 1920 г. Через полгода он выступил против «несправедливостей органов советской власти».

В выпущенной Маслаковым листовке-воззвании говорилось: «Товарищи!.. Мы не идем против советской власти, а боремся за нее... Не идем мы против народа, а идем мы против диктаторства сверху, как теперь нам диктуют... мы хотим, чтобы диктовал сам народ, а не один человек. Не идем мы против товарищей-коммунистов, которые идут по правильному пути, и рабочих на благо народа, но против бумажных коммунистов. Мы дали себе честное слово и поклялись не бросить оружие, пока не уничтожим этих гадов... Идут честные бойцы Буденновской армии... довольно нам кровопролития и братской крови. А давайте вместе направим оружие на тех, кто до этого доводит. Вперед, товарищи, против наших кровопийцев! Да здравствуют свободные советы, но только такие советы, которые будут правильно выбраны народом, а не назначены свыше. Долой всех

² Еще в период сражений с белыми, по донесениям политработников 1-й Конной армии, нередко можно было услышать из уст буденновцев: «покончим с Врангелем, пойдем воевать с коммуной, пойдем «чистить тыл», или «разобьем белых, тогда начнем бить коммунистов» [18:74,75].

диктаторов, кто бы они не были!» Отряд Маслакова выступал под лозунгом за «истинную Советскую власть без коммунистов». Реввоенсоветом 1-й Конной армии Маслаков был объявлен вне закона как изменник республики. В приказе по армии от 11 февраля 1921 г. предписывалось принять все меры к поимке Маслакова и доставке его в трибунал армии [14:796].

Повстанцы под руководством бывшего боевого красного командира вместе с махновцами вели бои против своих бывших товарищей в районе Павлограда. В первых числах марта 1921 г. командующий Повстанческой армией Н. Махно выделил Маслакова (Маслака, как называл его Махно) в самостоятельную донскую группу и отправил в рейд на Дон и Кубань. Маслаковцы перешли на территорию 1-го Донского округа. Их численность достигла более 5 тыс. сабель и штыков, и они представляли серьезную опасность для советской власти. Поднимая казаков и крестьян на борьбу с властью, Маслаков использовал лозунги «Вольные Советы», «Советы без коммунистов», «Свобода торговли» [15:123].

Маслаковцы в марте 1921 г. оперировали в районе станицы Великокняжеской. В бою под станцией Ремонтная Маслаков понес серьезные потери, однако 12 марта 1921 г. его отряд прорвался через линию железной дороги на участке станций Ремонтная — Гашун в составе около 2000 сабель, намереваясь уйти в калмыцкие степи. 13 марта отрядом около 400 сабель Маслаков занял Торговое. Двигаясь далее на северо-восток, 14 марта он овладел селом Заветное. 16 марта, после боя с частями Донского командования, Маслаков отступил по трем направлениям: одной группой — в район Ремонтной, другой — на село Грабеевское, третьей — главными силами — на село Жеже. 20 марта Маслаков занял село Рогули. Окруженный в этом районе, понеся большие потери, 23 марта Маслаков ушел на восток в направлении калмыцких аулов в Астраханской губернии [16].

Обеспокоенное вторжением маслаковских повстанцев, руководство Астраханской губернии срочно направило телеграмму Ленину и Дзержинскому о необходимости решительных мер по уничтожению повстанческого отряда Маслакова. В секретной телеграмме от 17 марта 1921 г. губчека, губком РКП(б), губисполком и губпродком Астраханской губернии сообщали: «Банда Маслакова внушительными силами при двух орудиях, оперировавшая в районе Ставропольской губернии и Донобласти, вошла в калмыцкую степь и ведет наступление на северо-восток (Царицын — Черный Яр) от района Торговое — Ремонтное. По последним сведениям, занято с. Киселево. Царицын и Астрахань боевых сил для противопоставления этой внушительной банде не имеют. В Царицыне сосредоточены все запасы хлеба для Астраханской губернии количеством пятьсот тысяч пудов, и продвижение банды на Царицын грозит хлебу,

который является единственным ресурсом для Астраханской губернии в период рыболовной и нефтетранспортной кампаний. Царицынский хлеб нашими спешно грузится в баржи, которые по причине льда продвигаться в Астрахань не могут, но будут продвинуты немедленно по вскрытии реки. Астрахани запасов хлеба совершенно нет, а поступления с железнодорожной станции Покровск совершенно прекратились вследствие переброски покровского хлеба согласно ваших приказов в Центр. Положение требует принятия самых решительных мер уничтожения упомянутой банды Маслакова, и во всяком случае недопущение ее до района Царицын — Сарепта — Черный Яр. Неполучение хлеба из Царицына неизбежно вызовет тяжелое положение. О ваших мероприятиях просим срочно телеграфировать». Получив 19 марта данную телеграмму, Ленин написал Троцкому резолюцию: «Тов. Троцкий. Надо нажать изо всех сил и разбить Маслакова» [5:675].

Высшее советское руководство считало повстанцев Маслакова серьезной угрозой, которая могла вызвать детонирование горючего социального недовольства как в Красной армии, так и среди местного населения в местах передвижения повстанцев. Примечательно, что в циркулярной телеграмме председателя ВЧК Ф. Э. Держинского всем губчекам и особым отделам от 30 марта 1921 г. «банды Маслакова на Дону» ставились на один уровень с «бандами Антонова в Тамбове» и «Махно на Украине» [17:608].

В Астраханской губернии к повстанцам Маслакова присоединились более 200 калмыцких казаков в Икицохуровском улусе. Захватив несколько населенных пунктов в степях Манычского улуса, маслаковцы 29 апреля овладели Элистой. Для ликвидации повстанческого движения на Дону и Северном Кавказе по приказу председателя Реввоенсовета Республики Троцкого 30 апреля 1921 г. был вновь образован Северо-Кавказский военный округ на прежней территории с штабом округа в Ростове-на-Дону.

На Дон и Северный Кавказ была перебросена в полном составе 1-я Конная армия. По поводу использования Конной армии для борьбы с повстанцами у советского руководства возникали сомнения, связанные, в частности, с возможностью перехода конноармейцев к повстанцам Маслакова и других отрядов. Из 4-й дивизии были срочно изъяты сомнительные «кулацкие элементы», почищен низший комсостав. 24 апреля в 4-й кавдивизии были проведены аресты среди комсостава 12-го полка, командир которого агитировал бойцов присоединиться к Маслакову. После этого реввоенсовет 1-й Конной армии имел основания для утверждения, что Конармия не будет «помощницей повстанцев», а родственники и близкие бойцов не смогут оказать «какое-либо дурное влияние» на конармейцев, поскольку «в данное время вопрос о подразверстке не носит такого острого характера, как прежде». Основываясь на мнении ревво-

енсовета 1-й Конной армии, М. В. Фрунзе докладывал Ленину о политически вполне возможном переводе армии на Дон, поскольку «никаких данных к повторению событий, подобных маслаковской истории, не отмечается» [18:76].

Тем не менее руководство Донского бюро РКП(б) возражало и предупреждало Москву, что «несовершенство советского аппарата» оставило неизгладимые следы на семьях бойцов и «пребывание буденновской армии на Дону создаст условия большого развития бандитизма за счет не только населения, но и частей буденновской армии, что мы видели в момент возврата демобилизованных» [18:76].

Среди действовавших весной 1921 г., по официальным неполным данным, в России 165 крупных повстанческих отрядов, выделялся отряд Якова Фомина, бывшего участника мироновского мятежа [19]. Будучи командиром кавэскадрона Красной армии, Фомин поднял эскадрон 14 марта 1921 г. на мятеж под лозунгом «Долой разверстку!». Отряд, основу которого составляли казаки, действовал на границе Воронежской губернии и Верхне-Донского округа. Состав отряда пополнился жителями Воронежской и Тамбовской губерний, всего до 300 человек. Мятеж был ликвидирован 18 марта 1922 г., Фомин убит на хуторе Кругловском 20 марта.

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПЕРЕХОДА К НЭПУ: РЕЦИДИВЫ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА В 1921-1922 ГГ.

Весной-летом 1921 г. повстанческое движение в регионах Нижнего Поволжья, Дона, Кубани, Терека разгорелось с новой силой. Отряды в несколько сотен, а иногда и тысяч человек, пеших и конных, нападали на колхозы, населенные пункты, угрожали районным центрам. Особенно активизировались повстанцы с началом очередной посевной кампании. Фронтвики, вернувшиеся с войны, не могли мириться с вопиющим произволом: доставали оружие, объединялись в отряды и уходили в бескрайние приволжские, донские, кубанские, уральские степи. Примечательно, что протестное движение казаков охватило Хоперский и Усть-Медведицкий округа, вошедшие в состав Царицынской губернии, которые в годы сражений с белыми (1918—1920 гг.) считались «красными казачьими округами», составлявших основу красных казачьих частей Думенко, Буденного, Миронова.

Повстанческие отряды в 1921—1922 гг. можно разделить на три вида: оседлые, кочующие и рейдовые. Небольшие «оседлые» отряды от 10 до 30 человек действовали, как правило, вблизи своих хуторов. Их тактика соответствовала законам партизанской войны: днем казак пахал, сеял, а ночью лихим налетом врвался и громил

колхоз, продовольственную контору, исчезал так же внезапно, как и появился. Разбежавшись по домам, партизаны опять превращались в мирных жителей. Крупные отряды советской кавалерии и пехоты, оснащенные авиацией и бронеполками, не могли очистить губернии от «бандитов».

Многие отряды численностью в несколько сотен сабель и более состояли из бывших красных казаков, называвших себя с гордостью «мироновцами», «вакулинцами», «маслаковцами», «фоминцами» — по фамилиям их бывших знаменитых красных командиров. Закаленные в боях с белыми бывшие красные конники громили ревкомы, совхозы и колхозы. Некоторые формирования насчитывали 2—3 тысячи винтовок и сабель. Из них составлялись пехотные и кавалерийские полки, и тактика их уже принимала черты, присущие регулярным частям. Если «кочующие» повстанческие отряды не уходили за пределы родных мест, то «рейдовые» преодолевали значительные расстояния по территории нескольких губерний. Опасность «рейдового» повстанчества для советского государства проявлялась в качестве побудительного фактора для «оседлого». Рейдовые отряды, появляясь в том или ином районе, поднимали местное население против коммунистической власти. В одном отряде воевали казаки, крестьяне, калмыки, киргизы, казахи, но в большинстве своем основу отрядов составляли местные жители. Казаки, уставшие от войны и постоянных стычек с преследователями, нередко оставались в родных местах, расходились по домам, организовывались в небольшие отряды и действовали в родном районе. Из повстанческих частей выделялись авторитетные в народной среде командиры, освоившие опыт партизанской тактики ведения боевых действий. Многие из них выделялись и действовали самостоятельно.

Неразвитость сети железных дорог в южных степных просторах, огромные безлюдные и безводные пространства (астраханские, киргизские степи) сковывали эффективность действия карательных частей и не давали возможности преследовать повстанцев при значительном удалении от путей сообщения.

Засуха, гибель урожая и голод, поразившие Нижнее и Среднее Поволжье, Дон, Кубань, Северный Кавказ в 1921 г., затрудняли возможность для возвращения участников повстанческого движения к мирной жизни: многим повстанцам просто не было смысла возвращаться к разоренным хозяйствам в родных станицах и хуторах. Терялась связь с родным домом, со своими селениями. Данное обстоятельство объективно продлеvalo существование вооруженных отрядов, действия которых основывались на массовых рейдах из района в район под давлением превосходящих воинских сил. В обозах рейдовых отрядов следовали жены и дети их командиров и бойцов.

Нередко повстанческие соединения предпринимали масштабные боевые действия. По сводке советского военного командования Нижневолжского края от 23 мая 1921 г. следовало, что восставшие казаки и крестьяне Нижнего Поволжья развернули наступательные действия: «Бронепоезд № 25 прибыл в Царицын. 70-й полк перешел в наступление и к 12 часам 21 мая занял хутор Беленький (в 25 верстах юго-западной станицы Озинки). В 18 часов 21 мая противник густыми цепями пехоты и кавалерии повел наступление на хутор Беленький и атаковал наши части, окопавшиеся у хутора. Бой продолжался до 6 часов 22 мая без перерыва. Противник значительными силами, переходя несколько раз в атаку в конно-пешем строю, пытался выбить полк из окопов, по каждый раз, встреченный дружным ружейно-пулеметным огнем или контратакой полка, отбрасывался обратно. Окруженный со всех сторон полк оставил хутор Беленький и, отойдя 2—3 версты на север, вновь перешел в контратаку и в 8 часов 40 минут 22 мая занял хутор, отесняя бандитов в западном направлении. Потери бандитов — 100 убитых и 130 раненых...» [20:165].

«Бандиты» (по советской терминологии), промышленные грабёжом, не стали бы несколько раз атаковать регулярный полк Красной армии, окопавшийся на окраине хутора. Эти бойцы сражались за свои права и свободу. Большие отряды повстанцев создали угрозу движению судов по Волге, перевозивших горючее и хлеб в промышленные центры России. Советское руководство было вынуждено выделять значительные силы для защиты транспортных караванов на Волге. Пароходы, оснащенные орудиями и пулеметами, сопровождалась от Вольска до Астрахани усиленными вооруженными отрядами. Вдоль берега водную магистраль охраняли бронепоезда, авиаотряды, гарнизоны Красной армии. Им же было поручено охранять мосты, железнодорожные пути, станции.

Регулярные части Северо-Кавказского военного округа, включавшего Донскую, Терскую и Кубано-Черноморскую области, Ставропольскую губернию, находились в состоянии непрекращающейся войны с повстанцами. К. Е. Ворошилов, назначенный руководителем СКВО, отмечал, что работа штаба и управлений округа ничем не отличалась от работы полевых армий и фронтов (20:68). Борьба с «бандитизмом» была объявлена ударной, поскольку в данном явлении проявлялась организованность с выраженной политической окраской. Были укреплены части ЧК, ЧОН, милиция. Объявили амнистию сдавшимся добровольно повстанцам, а затем в сентябре 1921 г. были развернуты боевые действия, существенно ослабившие повстанческое казачье движение на Юге России. К сентябрю 1921 г. отряды Маслакова были загнаны в горы Чечни и Осетии, сам Маслаков убит амнистированными повстанцами в конце сентября 1921 г.

Согласно приказу Реввоенсовета Республики от 9 декабря 1921 года, территория военного округа вошла в перечень 20 губерний, в которых борьба с бандитизмом возлагалась на ВЧК с правом привлечения полевых войск. К январю 1922 г. количество повстанцев на территории округа сократилось в несколько раз [21: 68].

В июле 1922 г. отдел борьбы с бандитизмом при Донском ГПУ объявил в печати: «Вопрос о бандитизме в Донобласти можно считать решенным. Банд, как известных группировок с политической окраской, на территории Донобласти в настоящее время не имеется» [15: 126].

С развитием нэпа характер повстанческого движения претерпел трансформацию, многие повстанцы, воодушевленные амнистиями, расходились по домам. Амнистированные повстанцы нередко оказывали добровольное содействие власти в борьбе с бандитизмом. Случаи участия амнистированных повстанцев в поимке или ликвидации руководителей «банд» и «шаек», как их тогда называли (пример — ликвидация Маслакова амнистированными повстанцами в сентябре 1921), является не только стремлением заслужить отпущение грехов у советской власти (это вряд ли можно отрицать), но и желанием покончить с явлениями, мешающими наладить мирную трудовую жизнь трудового казачества. Население казачьих областей устало от войн и многолетней изматывающей борьбы, приводивших казачьи хозяйства в упадок и разорение. Казачьи станицы, по которым огненным вихрем прошла кровавая Гражданская война, опустели: значительная часть мужского населения полегла в сражениях между противоборствующими сторонами или скиталась в зарубежном изгнании.

Во второй половине 1922 г. повстанческое движение пошло на спад. Борьба оставшихся отрядов ограничилась самосохранением, что неизбежно вело к вырождению их в обыкновенный бандитизм.

Источники и примечания:

1. *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция. Т. 1. М., 2000.
  2. *Офицерский корпус в политической истории России. Т. 3. Документы и материалы 1920—1925 гг. / Сост. А. И. Панов.* Калуга, 2003.
  3. *Филипп Миронов* (Тихий Дон в 1917 — 1921 гг.). Документы и материалы / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997.
- Вакулин К. Т.** — казак из хутора Сидоры Михайловской волости Усть-Медведицкого округа. Участник Первой мировой войны,

офицер царской армии. С 1918 г. в Красной армии: командир 1-й Сидоровской роты, затем 201 полка 23-й дивизии начдива Миронова. Вакулин был одним из первых в дивизии кавалеров ордена Красного Знамени. В 1920 г. — командир караульного батальона Усть-Медведицкого округа.

4. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 561. Л. 9.

5. Крестьянское движение в Поволжье. 1919-1922 гг.: Документы и материалы / Под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.

6. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 35, 40, 59, 64.

7. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 16—17, 23—24.

8. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 16—17, 23—24, 39.

9. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 61.

10. Внутренние войска Советской республики. 1917 — 1922. Документы и материалы. М., 1972.

11. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 68.

12. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 561. Л. 21.

13. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 524. Л. 44; Д. 107. Л. 15.

14. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М., 2000.

Маслаков (Маслак) Г. С. — из крестьян Манычско-Балабинской слободы Богаевской станицы Ставропольской губернии. До Первой мировой войны работал объездчиком на конном заводе в Сальском округе. Служил в царской армии в артиллерии, вахмистр. В 1917 г. сформировал отряд на р. Маныч, участвовал в боях против войск Краснова, служил в красногвардейских кавалерийских частях, вступил в Красную армию. Командовал кавполком в корпусе Б. М. Думенко (1919), затем — комбриг 1-й бригады 4-й дивизии 1-й Конной армии С. М. Буденного.

15. Российское казачество: Научно-справочное издание / Отв. ред. Т. В. Таболина. М., 2003.

16. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 535. Л. 71.

17. Нестор Махио. Крестьянское движение на Украине. 1918—1921: Документы и материалы. М., 2006.

18. *Генис В. Л.* Первая Конная армия: за кулисами славы // Вопросы истории. 1994. №12.

Фрунзе М. В. (1885-1925) — советский государственный, партийный и военный деятель. В годы Гражданской войны командующий армией, Южной группой войск Восточного фронта и Восточным фронтом; в 1919—1920 гг. командующий Туркестанским фронтом, с сентября 1920 г. — Южным фронтом.

19. **Фомин Я. Е.** — казак хутора Рубежный Еланской станицы. Участник Первой мировой войны, ст. урядник. Помощник военкома Верхне-Донского округа. В мятежном Донском корпусе Ф. Миронова — командир 1-го Донского полка. После суда и помилова-

ния — командир эскадрона в полку немцев Поволжья в Донской кавдивизии (впоследствии 9-й). В 1920 г. — командир караульного эскадрона Верхне-Донского округа.

20. *Смирнов Н. Н.* «Степные партизаны» Поволжья // *Белая гвардия*. 2002. №6.

21. *Родина*. 2002. №1.

НАРОДНОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ: АПОГЕЙ ПОЛИТИКИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА (1920 г. — НАЧАЛО 1921)

В 1920 и 1921 гг. в Сибири проявился особенный феномен повстанческого движения, нехарактерный для европейской России: народное движение против коммунистической власти объединило интересы крестьянства и казачества Сибири. В Сибири не было той остроты земельной проблемы, которая поднимала иногородних против казаков на Кубани, на Дону, на Тереке. Бескрайние сибирские просторы (включая земли, отошедшие к современному Казахстану) позволяли наделить землей и удовлетворить насущные интересы всего аграрного населения Сибири — крестьян и казаков.

Народный характер повстанческого движения продемонстрировало самое крупное восстание, происшедшее в Сибири в 1920 г., в результате которого была создана Народная повстанческая армия.

В конце июня 1920 г. вспыхнули волнения в Славгородском уезде Алтайской губернии, вскоре вся Алтайская губерния была охвачена народным восстанием. Крестьяне в Степном Алтае создали повстанческую Народную армию. Одним из отрядов командовал казак Дмитрий Шишкин, впоследствии ставший руководителем всей крестьянско-казачьей армии Степного Алтая — незажиточный уроженец станицы Лебяжьей Сибирского казачьего войска, участник Первой мировой войны, командир казачьей сотни на германском фронте, подьесаул, кавалер двух боевых орденов¹. В приказе №1 командующего Шишкина по Народной повстанческой армии утверждалось следующее: «На территории, освобожденной повстанческими войсками от коммуны, населению возвращается вся полнота гражданской свободы. Всем, кто идет под знаменем Народной повстанческой армии, объявляется действительное равенство перед законом, свобода слова, собраний, передвижения, занятий. Труд, промыслы, торговля, собственность каждого объявляются неприкосновенными. Ввиду исключительности военного времени повстанческой армии временно предоставляется право реквизиции всего,

¹Станица Лебяжья располагалась в Павлодарском уезде Семипалатинской губернии. До Первой мировой войны Д. Я. Шишкин служил топографом Омского военного округа, в 1909 и 1911 гг. проводил рекогносцировку пограничной полосы с Китаем в районе Алтая, поэтому прекрасно знал данную территорию.

что нужно для армии, с выдачей в уплату реквизиционных квитанций, по которым впоследствии, по установлению государственного порядка, будет выплачена сполна действительная стоимость взятого по курсу. Да здравствует настоящая, не коммунистическая гражданская свобода» [1:237].

Однако объяснить народу сочетание «гражданской свободы» и «право реквизиции» было проблематично. Народная армия была разбита советскими войсками на Алтае и отступила на запад к Иртышу. Крестьяне надеялись на поддержку сибирских казаков. Крестьянская первоначально по своему составу Народная армия вышла к Иртышу и 21—22 июля 1920 г. вошла в станицы Кривинскую, Подпускную и Лебяжью (родную станицу Д. Шишкина). Казаки данных станиц добровольно присоединились к шишкинцам практически поголовно.

22 июля повстанцы в районе Лебяжьей захватили пароход «Витязь», шедший по Иртышу из Семипалатинска в Павлодар. Шишкин разместил на нем свой штаб. Продвигаясь от Лебяжьей вниз по Иртышу, повстанцы вошли в Павлодарский уезд и заняли станицы Чернавскую (Черную) и, после боя с павлодарским заслоном, Ямышевскую. Во всех станицах повстанцы проводили мобилизации казаков и формирование из них станичных конных сотен. Именно на Иртыше отряды Шишкина превратились в «Крестьянскую и казачью повстанческую армию». К 28 июля 1920 г. в ее составе было 6 вновь сформированных казачьих сотен: кривинская, подпускная, лебяжья, чернавская, ямышевская и сводная (из казаков других станиц). Общая численность повстанческой армии составляла в это время около 5 тыс. человек, в том числе до 3 тыс. казаков, остальные — крестьяне, а также добровольно присоединившиеся к повстанцам киргизы (казахи)[(2)].

Слова воззвания штаба Крестьянско-казачьей повстанческой армии от 5 августа 1920 г. были созвучны настроениям народа: «За советскую власть против коммуны, против грабительской власти насильников — вот за что восстали мы, крестьяне и казаки Семипалатинской области. Довольно крови и насилия, довольно тюрем и расстрелов. За мир, за порядок, за справедливость поднялись мы и с оружием в руках решили или умереть или сбросить ненавистную... коммуну. Кто за то, чтобы русский народ сам правил свою власть, чтобы власть эта была действительно в народных руках, чтобы нашей жизнью и достоянием распоряжались... свои, русские люди, выборные от народа — тот иди в наши ряды. С оружием в руках против коммуны за народную советскую власть» [1: 239—240].

Советские части особого назначения под командованием Н. И. Корицкого, направленные советским командованием Сибири на ликвидацию восстания, захватили «Витязь» вместе со штабом повстанцев. Но сам Шишкин уцелел, поскольку в это время был с авангар-

дом в Подстепной. Утром 28 июля красноармейцы заняли Лебяжью и Подпускную. Все мужское население казаков названных станиц ушло с повстанцами в сторону Павлодара поголовно — от четырнадцатилетних подростков до стариков [3].

Командир отряда ЧОН Корицкий о борьбе с повстанцами докладывал лично помощнику главкома вооруженных сил Советской Республики по Сибири В. И. Шорину. В информации сообщалось: псевдоним Шишкина — Казаков — «черный, толстый, невысокого роста, с острой бородкой, средних лет». В захваченном штабе повстанцев находилось красное знамя с изображением трех пик с надписью: «Долой коммуны, долой всякое насилие. Да здравствует власть советов всех трудящихся» [4].

Шишкин с ядром своей армии сумел пробиться из окружения и вернуться в крестьянский Марзагульско-Волчихинский район Алтая, откуда начиналось восстание. К 3 августа 1920 г. у него осталось не более 600 человек, в том числе до 200 сибирских казаков. Повстанцев непрерывно преследовали части двух красных дивизий — 13-й кавалерийской и 26-й стрелковой. 9 августа отступающие повстанцы с боем заняли Змеиногорск.

9 августа 1920 г. штаб повстанцев обратился к гражданам Змеиногорского уезда с воззванием: «Невыносимый гнет коммунистической власти заставил нас взяться за оружие. Мы встали за то, чтобы освободить от насилия и крови, чтобы дать нашей несчастной России мир, порядок и выборную для народа власть. Все, кто понимает, к какой гибели, к какой нищете и голоду и бесправию ведет русский народ нерусская коммунистическая власть, должны идти с нами, мы хотим только порядка, справедливости и русской народной власти. Чтобы каждый знал свое, знал, что его дом, его добро, его труд принадлежит только ему одному, чтобы каждый мог и имел право заниматься тем, к чему он годен и что он хочет, лишь бы это не было во вред народу. Когда будет сброшена коммуна, выборные от народа соберутся и сами определят, какой порядок, какая власть должна быть в России. Мы боремся только против коммуны, за народные права, завоеванные революцией. Мы хотим права и настоящей гражданской свободы слова, собраний и выборов. Русские люди, давайте же кончим разрушать Россию и начнем строить, давайте заживем настоящей гражданской свободной жизнью без плоти и крови. У нас, взявшихся за дело свержения коммуны, нет оружия, но с нами весь народ, а где народ, там и победа. Идите же, граждане, к нам, освобождайте себя, спасайте Россию» [1: 246].

В Змеиногорске приказом Шишкина по Крестьянско-казачьей повстанческой армии от 9 августа 1920 г. объявлялась мобилизация всего мужского населения Змеиногорского уезда от 20 до 45-летнего возраста. Первая категория — от 20 до 35 лет — определялась в строевые части, вторая категория — от 35 до 45 лет — в части

местной самообороны. Первой категории мобилизованных предписывалось, организовавшись на местах в воинские единицы — роты и эскадроны, явиться на своих конях и подводах со своим оружием в штаб армии. Вторая категория должна была оставаться на местах для несения гарнизонной службы, организовавшись в роты. В каждом селении требовалось избрать начальника гарнизона, командира охраны и военный комитет из трех лиц. На последний возлагалось решение вопросов мобилизации, реквизиций. Начальник гарнизона являлся председателем военного комитета [1: 245—246]. Данный приказ повстанцы осуществить не смогли. Под натиском преследующих советских частей они покинули Змеиногорск, пробиваясь в направлении Горного Алтая. Выйдя на Бийскую линию Сибирского войска, повстанцы заняли станицу Верх-Алейскую. Отряд шишкинцев пополнился казаками: в середине августа 1920 г. силы повстанцев состояли из 4-х эскадронов кавалерии, 2-х сотен казаков и 4-х рот пехоты общей численностью до 700 человек при 2-х пулеметах [1:247]. Отступление проходило по казачьей линии на северо-восток, через казачьи поселки Ключевский, Белорецкий, Андреевский, Тигирецкий, Яровский. Верх-Алейскую станицу и поселок Ключевский Шишкин сдавал с боем. Он обошел заслоны красных в поселке Тулатинском и станице Чарышской.

Вынужденно оставив Бийскую линию, Шишкин ушел в Горный Алтай, затем через горы — в Монголию, Китай. Примечателен факт, подтверждающий народный характер казачье-крестьянского отряда Шишкина: в Китае повстанцы отказались присоединиться к лагерю интернированных белых Оренбургской армии, рассыпались по заимкам. Они сохранили выборный командный состав, не носили погон. Поход Крестьянской и казачьей армии Шишкина с непрерывными боями по территории Сибири, затем передвижение по Монголии и Китаю составило в общей сложности более 2 тыс. км за три месяца! Воспетому в Белом движении «Ледяному походу» по данному показателю далеко до народных сибирских повстанцев!

После подавления восстаний в Алтайской и Семипалатинской губерниях начались репрессии в отношении местного населения. В докладе члена Семипалатинского губревкома А. И. Большакова от 31 августа 1920 г. сообщалось: советскими воинскими частями производились реквизиции и конфискации имущества у населения. Однако представителя ревкома беспокоил не столько произвол в отношении местных жителей, сколько материальный ущерб, нанесенный советскому государству: «Конфискации производятся без всякого плана и, видимо, конфискуемое не сдается и не оберегается, а тратится безрассудно и расхищается, что далеко не в интересах республики. Ведь оставить население голым и имущественно разоренным и в то же время требовать от него выполнения тех или

иных неотложных нарядов, естественно, невозможно, ибо население не имеет средств их выполнить, а все, что у населения взято вышеуказанным способом, для нужд республики, безусловно, сдано не будет [1: 396].

Аналогичная озабоченность властей высказывалась в информационной сводке Семипалатинского губревкома от 31 октября 1920 г. Констатировалось, что мужское население в станицах и поселках Больше-Нарымское, Мало-Нарымское, Воронье, Черемшанка, Катон-Карагай, Уруль, Мало-Красноярское и Чистоярское «совсем отсутствует, за исключением нескольких стариков и вернувшихся подростков». Все же остальные мужчины во время июльско-августовских восстаний присоединились к повстанцам, при ликвидации восстаний часть из них была уничтожена, остальные ушли в горы или за границу в Китай. Часть староверов из других селений бежало, побросав свои хозяйства, в том числе маралов, которые были выпущены из специальных садов по киргизским волостям, в особенности по Чингистайской. Население этой волости наполовину бежало за границу, угнав с собой скот [1: 399].

2 ноября 1920 г. Бухтарминский уездный ревком докладывал в Наркомат внутренних дел: «Настроение населения неудовлетворительно, так как со дня установления советской власти население не получало никаких продуктов и товаров, между тем первая разверстка почти закончена, а население нуждается во всех необходимых продуктах, как-то: чае, спичках, мыле, не говоря уже о сахаре и масле, — и к тому же уже не имеет ни обуви, ни одежды. В настоящее время приступлено ко второй разверстке, этим вызывается враждебное отношение к советской власти: за первую разверстку было обещано ему и мануфактуры, и кожи, и др. продуктов. Но на самом деле со дня организации советской власти ничего не дано, за очень и очень немногим исключением селений, кои выполнили разверстку на 100%. Но удовлетворение населения материалом для одежды и обуви более чем необходимо, ибо теперь наступили зимние холода, а население большей частью голое и босое» [1: 399].

Западно-Сибирское восстание 1921 г. также продемонстрировало народное движение против коммунистической власти, объединившее интересы казачества и крестьянства Сибири. В крупнейшем по численности и охвату территории восстании в России практически отсутствовало неприязненное отношение в повстанческой среде между крестьянами и казаками [5: 89—90].

Доклад председателя Сибирского ревкома И. Н. Смирнова председателю совнаркома Ленину о перспективах на 1921 г. содержал тревожный прогноз: выполнить план хлебной продрозверстки на Сибирь (110 млн пудов), установленный советским правительством, по расчетам, возможно не более чем на 70% [1:615]. Не помогло продление военного положения почти во всей Сибири: в конце 1920

г. военное положение было снято полностью лишь в одной губернии Сибири — Омской.

Руководитель Сибревкома, несомненно, учитывал реальное состояние сибирских регионов. Недовольство населения в Сибири осенью 1920 г. и зимой 1920/1921 г. политикой советского государства проявлялось повсеместно. Тревожное предсказание руководителя сибирских коммунистов оправдалось. С активным вступлением в восстание казаков связано начало главных сражений в период Западно-Сибирского восстания: 14 февраля — 23 марта 1921 г.² Примечательно, что председатель Сибревкома Смирнов в телеграмме Ленину от 18 февраля назвал восстание в районе Ишима-Петропавловска «кулацко-казачьим» [6:218].

Помглавкома Советской Республики по Сибири В. И. Шорин 9 марта высказал мнение: движение протеста является серьезным, в него втянуто все казачество, до половины крестьянства [7]. Данное мнение основывалось на достоверной информации. Шорин имел к этому времени подготовленный для него специальный доклад советского военного командования от 6 марта, в котором утверждалось, что в Петропавловском, Ишимском и Кокчетавском районах казачество участвует почти целиком в повстанческом движении, крестьянство — в основном молодежь и по мобилизации [8].

Наряду с крестьянством как основной силой Западно-Сибирского восстания, важную роль играли казаки. В Укузском районе Ишимского уезда Тюменской губернии произошли восстания в станицах Казанской, Пресновской, Рождественской. В казачьих станицах создавались отряды, в которые шли все, кто способен носить оружие, не считаясь с возрастом. Сибирское казачество активно присоединилось к крестьянскому восстанию также в Петропавловском уезде Омской губернии по казачьей линии. Повстанцы освободили станицу Архангельскую и повели наступление на станицу Кривоозерную. В феврале произошли восстания в казачьих станицах Кокчетавского уезда Омской губернии — Челкарской, Имантовской, Келлеровке [9; 6:231,248].

В станице Архангельской сформировался 1-й казачий сибирский полк, в состав которого вошли казаки станиц Архангельской, Вознесенской, Боголюбовской и Надсждинской. Первый Сибирский казачий полк был сформирован бывшим вахмистром Зубковым. Второй Сибирский казачий полк формировался в станице Вознесенской, им командовал бывший подхорунжий Иван Винников. Полки были разбиты на две сотни численностью 170 человек каждая. На

---

²Западно-Сибирское восстание, по классификации новосибирского историка В. И. Шишкина, делится на 3 периода: 31 января — 13 февраля 1921 г. — начало борьбы, 14 февраля — 23 марта — главные сражения, 24 марта — конец июня 1921 г. — арьергардные бои [6:5].

полк приходилось около 100 винтовок. Полки подчинялись штабу Народной армии, начдивом являлся Семен Токарев. Штаб дивизии и 1-го казачьего полка находились в Ново-Михайловке. По донесению командира 1-го казачьего полка от 16 февраля, 15 февраля казаками была взята станица Явленская, захвачены пулеметы, винтовки, наступление продолжалось на Покровское. Казаки вместе с крестьянами контролировали обширную территорию Петропавловского уезда: станицы Ново-Никольскую, Архангельскую, Вознесенскую, Надеждинскую, Боголюбовскую, Ново-Каменскую и Бишкульскую, Михайловскую волость, деревни Плоское, Петровское, Столыпино, Корнесевку и Полтавку. В донесении начальника Дубровинского штаба Народной армии от 17 февраля сообщалось, что в станице Дубровинской образован временный штаб Народной армии, который по вступлении в исполнение обязанностей принял меры по организации отрядов, которые выступили из хуторов и поселков станицы Дубровинской [10].

Разведсводка штаба Приуральяского военного округа от 23 февраля 1921 г. сообщала: «Район от Петропавловска до Новорыбинской станицы (100 верст юго-западнее Петропавловска), населенный казаками, охвачен восстанием. В районе Лопатинской волости (30 верст южнее станции Лебязье) находится противник численностью до 300 пеших и 200 конных, который, наступая на станицу Пресногорьковская (70 верст южнее Лопатинского), привлек на свою сторону посредством агитации до 2000 повстанцев, вооружения у которых мало. Настроение повстанцев воодушевленное, наступление ведут стройными колоннами, и большинство из них казаки. Отмечается распространение восстания среди казачьего населения к югу от линии железной дороги Петропавловск — Макушино, берутся на учет банды повстанцев в районе Лопатинского (среди которых в большинстве казаки) численность около 3000 человек». В разведсводке от 24 февраля говорилось о боях в районе станиц Вознесенской, Архангельской, Надеждинской, Боголюбовской, Ново-Никольской [11].

Через неделю, 1 марта, в очередной разведсводке советского командования информировалось: «Противник группируется в 30 верстах юго-западнее Мамлютки и численностью до 1000 человек — в районе поселков Ново-Никольский и Новоявленный. В указанном районе со стороны повстанцев оперирует казачья дивизия под командой Токарева в составе трех полков. Кроме того, по займам в районе Вознесенской — Боголюбовской — Михайловской и Новоявленной станиц бродят отдельные шайки бандитов. Нахождение главных сил повстанцев с их штабом в Новоявленной и Михайловском, последний — в 18 верстах юго-западнее станицы Становая. Отношение населения (казаков) к Красной армии и советской власти — враждебно-злое [12].

Командный состав повстанческих казачьих частей формировался по выборному принципу. В этой связи примечательно решение совещания командного состава повстанцев Михайловского района Петропавловского уезда. В начале марта 1921 г. на нем было принято постановление: «Совещание командного состава штаба Народной армии Михайловского района совместно с командованием 1-й Сибирской казачьей дивизии, собравшись сего числа для более точной организации главного штаба Сибирской народной армии, согласно выраженного недоверия волей народа бывшему главному штабу в лице начальника штаба гр. Кудрявцева и его помощников, которые, выставляя самозванно чины полковников и другие без согласия на то воли народа, против которых в данное время протестуем, постановили: избрать главный штаб Сибирской народной армии из гражданского командного состава, которых сам народ выдвинул и доверяет ему. Тайным голосованием избраны следующие лица: начальником главного штаба южной Сибирской народной армии — т. Зубков, его помощником — т. Шевченко, начальником дивизии — т. Токарев» [13].

Наряду с Петропавловским уездом, стремительно развивалось казачье восстание в другом уезде Омской губернии — Кокчетавском. Советские руководители, вероятно, не ожидали в данном районе столь быстрого развития событий: в свое время именно кокчетавские казаки первые выступили против Колчака. Уполномоченный Сибревкома Е. В. Полюдов в телеграмме председателю Сибревкома Смирнову и помглавкому по Сибири Шорину 8 марта описал следующую картину: из Кокчетав в поселок Челкарский был послан Кокчетавской ревтройкой отряд, однако отряд бежал оттуда в панике, бросив два пулемета. Три дня город Кокчетав был фактически без власти, в нем царил грабеж. Потом пришло, как указывалось в тексте телеграммы, «палочное войско [курсив авт.] бандитов. По определению их самих, был организован бандитами Главный военный совет, штаб, комендатура, была объявлена мобилизация. В их распоряжении оставалась Кокчетавская типография, печатались приказы, воззвания, распространялись слухи о падении Омска и Иркутска. Новая власть только производила аресты, никогда не расстреливая. Была объявлена советская власть без коммунистов, свободная торговля. Пребывание свое в Кокчетаве бандиты использовали широко в смысле агитации, пропаганды так называемого истинного народовластия. Они имели большой успех среди крестьянства, которое активно принимало участие, больше чем наполовину, казаки все почти, киргизы — незначительная часть. Кокчетав банды обороняли довольно дружно и храбро...» [6:373]. Неслучайна характеристика казаков как «палочного войска» — казаки имели мало оружия, оно добывалось в боях с советскими отрядами.

27 февраля 1921 г. главный военный совет Народной повстанческой армии Кокчетавского уезда издал приказ: во всех волостях и станицах должны быть временно созданы, вместо исполкомов, военные советы в составе председателя, двух заместителей по военной и хозяйственной частям и секретаря, в прочих селениях и аулах — сельские и аульные военные советы в составе председателя, его заместителя и секретаря. Данным приказом устанавливался следующий порядок: «Волостные, станичные, сельские и аульные военные советы избираются в том же порядке, как волостные и сельские исполкомы, по законам советской республики, с той лишь разницей, что право избирать и быть избираемым имеют все граждане без различия пола, нации и вероисповедания, достигшие 18-летнего возраста, за исключением лишь опороченных по суду» [6: 302].

Военный штаб повстанцев Кокчетавского уезда организовал формирование отрядов, при этом повстанцы придерживались принципа: основная часть участников восстания должна оставаться на местах в своих хозяйствах, они подлежали вызову по мере необходимости для участия в операциях. Приказ главного военного штаба повстанцев Кокчетавского уезда от 2 марта 1921 г. объявил мобилизацию всех граждан уезда с 1895 по 1900 г. рождения [6:283,339].

В разведсводке Кокчетавской группы советских войск сообщалось о тяжелых и изнурительных боях с повстанцами в казачьих районах: «10 марта банда силой до 500 человек со стороны станицы Челкарская наступала на занимаемую 26-м кавполком деревню Еленинская. После трехчасового боя она была отбита и отступила к станице Челкарская, но, получив подкрепление со стороны станиц Антоновская, Челкарская и Лабановская в количестве до 500 человек, вторично перешла в наступление на деревню Еленинская. После вторичного четырехчасового боя банды отступили на станицы Челкарская и Антоновская» [14].

Казачьи отряды оказывали ожесточенное сопротивление при защите своих станиц. Информационные сводки напоминали военные фронтовые операции: «Два батальона сводного полка 10 марта окружили станицу Щучинская. Противник оказывал сильное сопротивление: бросался в атаку и стрелял из окон, из-за углов домов, заборов. После продолжительного боя противник был выбит и отступил в сторону деревни Макинское, что в 50 верстах юго-восточнее станицы Щучинская, и в станицу Котуркульская, а также в направлении на поселок Черноярский, что в 30 верстах южнее станицы Щучинская. После занятия нашими частями станицы Щучинская сводным полком была занята станица Котуркульская, что в 20 верстах восточнее станицы Щучинская. 12 марта нами занята станица Боровская. Банды из этих районов бежали в сторону деревни Макинская и Кожербаевская, где, по всей вероятности, намерены организовать свои стратегические пункты» [15].

11 марта советские войска заняли станицы Щучинскую, Котуркульскую, Сандыктавскую, поселки Еленинский, Павловский, Троицкий, Подгорный. 233-й полк 12 марта выступил на станицу Лабановская и вступил в бой с повстанцами. Оборонительной линии у станицы не было. Бой проходил на улицах станицы. В домах казаков были устроены засады, откуда они обстреливали наступающих. Казаки с вилами, пиками и топорами бросались из-за углов домов в атаку. Доклад командования Кокчетавской группы советских войск Шорину описал картину развертывания жестоких сражений: «Противник производил 12 марта целый ряд злостных, но безуспешных атак на станицу Лабановскую. Уличный бой в самой станице продолжался около двух часов. Пришлось с боем брать каждый дом, каждый сарай. И только тогда, когда станица была подожжена, она была очищена от банд. Такой же бой происходил 12 марта в станице Челкарской, советские части не смогли удержаться в пос. Челкарский. В боях под поселком Челкарский и станицей Лабановская 182-й полк и 233-й полк потеряли 75% комсостава» [16; 6:401].

Казаки, отступившие из Лабановской в направлении станиц Аиртовская, Челкарская и Имантавская, перешли в контратаку, которая была отбита. Получив подкрепление из других станиц, повстанцы вновь предприняли наступление. После полуторачасового боя казаки отошли в сторону станицы Имантавская. В наступлении на Лабановскую участвовало 1300 человек пехоты, 700 всадников со стороны станиц Челкарской и Аиртовской, а также 800 человек пехоты, 400 всадников со стороны станицы Имантавской. По сводке советского командования, вооружение повстанцев при штурме станицы Лабановской в большинстве своем состояло из пик, вил и топоров, в меньшей степени — винтовок, всего лишь два пулемета. Вилами, пиками и просто палками были вооружены повстанцы: в другом бою 12 марта — у Михайловской, где советская группа была встречена казаками в количестве 3 тыс. человек, из которых лишь каждый десятый имел винтовку. Бой длился до 12 часов, в результате которого станица была взята советскими войсками. В указанных выше тяжелых боях 12 марта потери с советской стороны оценивались в 40 человек убитых и до 90 раненых, в то время как потери противника определялись — до 900 человек убитыми, количество раненых «не поддавалось учету» [17]. Конечно, победители в определенной степени приукрашивали собственные успехи, однако нельзя не учитывать, что в список потерь со стороны повстанцев включались также многочисленные потери среди местного населения в ходе штурмов и боев непосредственно в станицах. В результате примерное соотношение потерь 1:20 и более не вызывает удивления.

14 марта казаки предприняли ночную атаку, чтобы отбить станицу Котуркульскую, оставленную несколькими днями ранее. В стани-

де Челкарской казаки укрепили позиции окопами и обложили боронами. 26-й кавполк повел наступление на Челкарскую, но после продолжительного боя был вынужден отступить. Бой был жестокий, доходивший до уличных схваток между советскими частями и засевшими в домах повстанцами. Выбыло до 70% комсостава советских войск [18].

Перечисленные факты опровергают советский идеологический миф о повстанцах как бандитах и белогвардейских «банд» казаков. Казаки, организованные в сотни, полки защищали свои родные станицы и хутора до последней капли крови. Повсеместно подростки, старики, женщины оказывали своим отцам, сыновьям, мужьям самоотверженную помощь.

Характер казачьего протеста выражен в воззваниях повстанцев. Вступив 23 февраля 1921 г. в Кокчетав, командование казачьих повстанческих отрядов обратилось к жителям города и уезда с воззванием, подписанным начальником штаба главного военного совета Романовым: «Напуганные действиями наших высших офицеров и генералов, вы теперь тоже, вероятно, думаете, что казаки поднялись для восстановления колчаковского произвола. Нет, братья, нам не нужно того, что отброшено историей. Колчак пал потому, что не понял духа свободолюбивого сибирского крестьянина и казака. Нам, братья, как и вам, не нужны золотые погоны, нам их, простым казакам, не носить: мы дети одной с вами трудовой семьи...» [5: 88].

В конце февраля руководство повстанцев Кокчетавского уезда обратилось с воззванием к красноармейцам и крестьянам: «Крестьяне и красноармейцы, мы знаем, что вы относитесь недоверчиво к движению, поднятому нами против наших общих врагов: коммунистов... Ваше горе горько и нам. Нам в Сибири с вами делить нечего. Земли у нас хватит на всех, и мы имеем общих врагов. Мы поднялись все, как один человек, против кучки... наймитов... нагло именующих себя рабоче-крестьянской властью. Мы не хотим, чтобы нами командовала, нас обирала, нас гноила по разным чекам да по тюрьмам, чтобы расстреливала тысячами, как в Омске, кучка коммунистов. Мы хотим, чтобы труд был свободным, чтобы каждый занимался тем, чем хочет... чтобы была свободная торговля, чтобы каждый мог продать, что имеет лишнего, а неимеющий мог купить. Мы требуем, чтобы не было разверсток, излишки наш брат хлебоборб сам продаст. Мы стоим за советскую власть, но не за такую, какую представляют ее коммунисты; за власть всего народа, а не за кучки бывших острожников... и коммунистов. Советская власть — власть народа, а не должна быть властью коммунистов. Вставайте все как один: рабочий, крестьянин, казак, киргиз, — все народы против угнетателей!.. Да здравствует советская власть без узурпаторов — кровожадных коммунистов» [6: 317-318].

В другом воззвании — главного военного совета повстанцев Кок-

четавского уезда — к широким народным массам — крестьянам, казакам, киргизам (конец февраля—начало марта) говорилось: «Коммунисты извратили задачи истинной народной власти. Они забыли, что благо народа, трудящихся есть основание народного благополучия. Они больше думали о себе, о своей партийной дисциплине, а не о нас — истинных хозяевах страны. Всем известная чека, ни с чем не сообразная разверстка на предметы нашего труда, бесконечная подводная повинность, постоянные страхи за лишнее сказанное слово, за лишний кусок хлеба, тряпку, лишнюю вещь, — все это жизнь нашу, и без того невеселую, обратило в ад, превратило нас в рабов случайных выскочек-мальчишек с сомнительным прошлым и настоящим. Неумелое хозяйничество нашим добром переполнило чашу терпения, и мы, зная, что нас ожидает, бросая дом, семью, объявили восстание и прогнали коммунистов. Изгоняя коммунистов и лжекоммунистов-предателей, мы боремся за истинно народную власть, за неприкосновенность личности и частной собственности, за свободу слова, печати, союзов, убеждений, не направленных во вред народного благосостояния наций. Мы боремся за свободный труд, за землю для тех, кто на ней трудится. Долой насилие над личностью. Мы не сторонники расстрелов: крови довольно, ее много пролито до нас. Мы просим всех воздерживаться от самосудов: пусть виновность устанавливает народный суд, который будет карать только сознательных врагов народа и его благополучия.

Красноармейцы, вы наши по духу, по убеждениям, вы поймете нас. Бросайте «говорунгов», идите в наши ряды. Здесь нет генералов, буржуев, царских офицеров, нет выскочек-болтунов. Вы встретите своих братьев, отцов с мозолистыми руками. Коммунисты, знайте, что народ не с вами. Ваше дело проиграно. Уходите от нас. От вас зависит прекратить новые потоки крови и приблизить время спокойного производительного труда нашей разоренной страны. Долой коммуны! Да здравствует народная власть советов и свободный труд» [6: 319].

Западно-Сибирское восстание опровергает еще один идеологический миф — о противостоянии казачества и крестьянства. Примечателен следующий пример из истории восстания: 19 февраля 1921 г. штаб Народной повстанческой армии крестьянского Петуховского района Ишимского уезда Тюменской губернии затребовал от штаба Петропавловского уезда Омской губернии отряд казаков в 40—50 человек «для поднятия духа крестьянского населения, так как крестьяне мало уверены, что казаки восстали и работают совместно» [6: 228].

22 февраля 1921 г. представители крестьянства и казачества Ишимского, Ялуторовского уездов Тюменской губернии, Курганского уезда Челябинской губернии, Петропавловского уезда Омской губернии в селе Юдино провели собрание с целью координации общих

усилий крестьянства и казачества. Председателем собрания был избран казак Яков Рогачев — представитель станицы Боголюбовской Петропавловского уезда, командир казачьего полка. Выслушав доклады с мест о текущих событиях, собрание постановило: «Вести борьбу с коммунизмом до окончательной победы или смерти. Объявить всему населению восставших местностей, что другого выхода нет: мы должны победить или умереть. Требовать от граждан всеми силами пособлять армии в борьбе с коммунизмом, распространять эту идею борьбы за свободу и жизнь народа, привлекать к ней больше и большее количество населения. Нет места малодушным и трусам в нашей среде. Нет пощады коммунистам». Рассматривая вопрос о введении военной дисциплины и единого объединенного командования, собрание приняло постановление: «Требовать от командиров отдельных частей подчиняться беспрекословно высшему командованию по рангу (не исключая командиров и рядовых) и лиц, не подчиняющихся приказам, немедленно устранять от должности и предавать жестокому наказанию. Требовать от командиров всех частей, прибывающих на фронт, немедленно поступать в распоряжение командира известного участка и общее командование сосредоточить в руках главного штаба, командующего фронтом борьбы. Лозунгом нашей борьбы будет: «Свободное право народа, выраженное волей свободно выбранными представителями народа». Собрание объявило: «Пусть будет наш лозунг — объединение всех слоев населения и братское отношение между всеми... крестьянство, казачество, служащие и рабочие под названием свободные граждане, свободный народ, объединенный в борьбе с коммунизмом» [19].

Созванное 26 февраля военное совещание из представителей казачества и крестьянства Ишимского, Курганского, Петропавловского и Ялуторовского уездов приняло специальное обращение к населению Сибири, в котором говорилось, что казачество и крестьянство восстало «для завоевания прав народа, насильственно захваченных коммунистами... с пиками, вилами и отчасти с голыми руками». На данном совещании решались вопросы единого командования с целью создания организованного движения. Совещание учредило выборный военный совет с полнотой военной власти и назначения командного состава. Было принято решение собрать на совещание 7 марта по одному выборному представителю от каждой волости, а также по одному представителю от войсковой части, имеющей не менее 500 человек [20].

Возваниям и призывам со стороны повстанцев советское и военное руководство Сибири противопоставило собственные обращения — борьба велась не только военными методами, но и идеологическими. В возвании командования Петропавловской группы советских войск к крестьянству и казачеству от 21 февраля 1921 г. говорилось: «Не верьте, когда вам говорят, что мы расстреливаем

пленных, не верьте злым наветам и провокаторам. ...Остановитесь, довольно крови! Возвратитесь к мирному труду и начните свою работу, в которой все мы так нуждаемся... Мы обещаем вам полную безопасность, мы сами давно стремимся к миру и трудовой организации [6:253]. Под данным обращением стояла подпись: командующий обороной Петропавловского района Н. И. Корицкий — тот же самый командир отряда чрезвычайного назначения, который занимался ликвидацией крупного казачьего и крестьянского восстания летом 1920 г. в Алтайской и Семипалатинской губерниях.

Однако жестокие методы подавления восстания перечеркивали пропагандистские усилия советской стороны. За несколько дней до указанного обращения, 16 февраля в том же Петропавловске чрезвычайным полевым ревтрибуналом за участие в восстании были приговорены к высшей мере наказания 10 сибирских казаков: Кыжанов Иван из станицы Никольской, Сергеев Ефим, Федоров Петр, Соломонов Григорий, Прокопьев Трофим, Кузьмин Терентий, Филиппов Никита, Михайлов Иван из станицы Архангельской, Курченков Антон из станицы Бишкульской, Щеголев Иван из поселка Надеждинский. Приговор был приведен в исполнение ночью по приказу того же Корицкого, командующего войсками петропавловской группы [21].

Информация о жестокости карательных советских войск среди населения распространялась гораздо быстрее советских обещаний о помиловании. Показателен следующий пример. В донесении Челябинского военного совета в главный военный штаб повстанцев Кокчетавского уезда сообщалось: казаки станицы Имантавской Кокчетавского уезда Василий Кунгурцев, 35 лет, и Никифор Миронов, 25 лет, были направлены в разведку, но были арестованы в селе Ново-Николаевское. Казаки вынесли нечеловеческие пытки. Сохраняя стилистику документа, процитируем выдержку из него: «У первого мученика, Василия Кунгурцева, сначала надели на шею веревку и стали давить, так как при освидетельствовании понятых на шее оказались два синие передава, а руки были связаны назад, потом стали наносить нечеловеческие ранения сначала с правой стороны пищевода, на затылке нанесена рана топором и голова отвалена совсем к плечу, на лице также от правого глаза до правого уха тоже рассечено и через рану видно, что мозг совсем выбит, далее спереди стали производить удары (как по освидетельствованию оказалось) в лоб прикладом так, что череп оказался спереди до половины головы назад сплюснутым. У второго мученика, Никифора Миронова, были нанесены муки: надета на шею веревка и стали давить, чему свидетельствуют сильные передавы на шее, затем связали руки и стали колоть глаза так, что (по освидетельствованию) глаз правый совсем вышел из своего места и висит на правой щеке, а левый глаз тоже кололи ножом, в глазнице большая рана. Далее стали колоть в

рот штыком, и рана вышла через мозг в затылок. Зубы все выбиты, в носу все исковырено ножом, правая рука выкручена из предплечья...» [6: 238].

Озабоченность советского руководства скорейшим подавлением восстания объяснялась следующим фактором: приближалась посевная кампания, от результатов которой зависел урожай 1921 г., соответственно — план выполнения продовольственной разверстки на год, установленный для губерний, охваченных восстанием, а также в целом для Сибири. Советское командование было также озабочено охраной железной дороги по линии Омск — Челябинск: нарушение повстанцами железнодорожного сообщения нанесло существенный ущерб экономике не только Сибири, но и всего советского государства. С учетом изложенного становится понятной цель многочисленных обращений советского руководства к повстанцам.

В течение одного дня, 22 февраля 1921 г., появилось два обращения. В первом (подписи: уполномоченный Сибревкома Е. В. Полюдов, командующий Петропавловской группой войск Корицкий, председатель Петропавловского ревкома Барлебен) утверждалось: «Обманутые белогвардейцами, агентами Колчака, распространившими гнусные слухи о падении советской власти в центре, крестьяне и казаки примкнули к восстанию банд, испортивших железную дорогу, расстроивших вашу мирную жизнь. Советскими войсками восстание подавлено, железная дорога восстанавливается, приближается весна — время посева, время напряжения всех сил рабочих и крестьян. От имени Сибирского революционного комитета призываем всех крестьян и казаков вернуться в свои села и станицы и объявляем полную неприкосновенность всем обманутым, сдавшим добровольно оружие. Все, кто не вернется немедленно к своим станицам и селам, будут объявлены врагами советской республики и понесут тяжкое беспощадное наказание. Крестьяне и казаки! Пока не поздно — возвращайтесь к вашим домам и семьям, сдавайте оружие, принимайтесь за мирный труд!» [6: 265].

В другом воззвании, к трудовому казачеству, командования Петропавловской группы советских войск (подпись Корицкого) говорилось: «Близка весна, скоро наступит тепло, придет время посева. Необходимо приступить к мирной земледельческой жизни, а жилища ваши разрушены, отцы, братья, сыновья убиты, искалечены или скрываются, как дикие звери в зарослях леса, среди сугробов снега, погибая от холода. Ведь так должно быть всем понятно, что борьба против нас бесплодна и бесцельна, бессмысленна и преступна. Сейчас трудовые массы всего мира простирают свои руки к советской России. Они ждут от нас помощи, желая и у себя сбросить власть помещиков и капитала. Мировой капитал отстаивает свои последние позиции, он еще пытается задушить Россию, часто пользу-

ья вашей темнотой и несознательностью. Орудием же их везде являются бывшие царские прихвостни, попы, офицеры и кулаки. И вот вы невольно помогаете им, расстраиваете наш тыл, заставляете лить часто ни в чем не повинную кровь и прибегать к насилиям. Товарищи! В ваших силах прекратить весь этот ужас и начать мирную, творческую работу. Бросайте оружие и выдавайте своих зачинщиков, пока не поздно. Советская власть и коммунистическая партия умеют прощать и забывать ошибки и промахи, но зато она жестоко и беспощадно наказывает всех идущих против нее! Итак, пока не поздно, опомнитесь и вернитесь к брошенным семьям своим и покинутым хозяйствам [22].

Однако реальная практика деятельности органов советского руководства нередко расходилась с призывами и обещаниями. Примечателен в этом отношении доклад председателя Кокчетавской революционной тройки Т. Ф. Розенбаха Омскому губкому РКП(б) от 1 марта 1921 г. Комиссар, напуганный казачьим восстанием, докладывал в партийный орган: «Казачи действуют целыми массами в несколько тысяч и нагоняют страх на наши маленские отряды. По отношению казачьих станиц я проведу следующую политику. После самого беспощадного подавления восстания я в станицы переселю крестьян или переселенцев из России. Казачество кокчетавское надо раз и навсегда ликвидировать, иначе здесь спокойно не будет» [6: 327—328].

Выездные сессии Реввоен трибунала Сибири регулярно выносили расстрельные приговоры. Так, 2 марта за участие в восстании к высшей мере наказания была приговорена группа казаков поселка Кривоозерный Архангельской волости Петропавловского уезда. В повседневную практику вошли массовые грабежи и насилие красноармейских частей среди местного населения. Местные жители жаловались: «Советы грабили, а Красная армия грабит и расстреливает» [23; 6: 335].

Для подавления восстания были стянуты крупные группировки советских войск — регулярные части Красной армии, части особого назначения, войска внутренней охраны. Советские войска различного подчинения были сведены в группы войск с единым командованием, территория мятежных губерний была разделена на боевые участки (Петропавловский делился еще на отдельные боеучастки: левый, средний, правый). Тактика советских войск имела карательный характер, основанный на полном окружении казачьих станиц (Лабановской, Челкарской, Арык-Балыкской, Имантавской, Щукинской и др.).

Особое внимание военное командование уделяло казачьим повстанческим частям. 16 марта 1921 г. уполномоченный Сибревкома Полюдов (казак по происхождению) телеграфировал из Кокчетавы председателю Сибревкома Смирнову: «...Везде будет спокойно,

как только ликвидируем банды в казачьих станицах. Завтра зайдем Имантавскую и дня в три—четыре ликвидируем банды в станицах Арык-Балыкской, Верхне-Бурлукской, Нижне-Бурлукской и Акан-Бурлукской. Двум эскадронам и двум ротам, отправленным мною на п. Кривоозерский, вчера дано задание, связавшись с крестьянами, поймать так называемый Главный сибирский штаб — всего около 30 человек. Главные силы бандитов в боях под Челкарским, Лабановским, Аиртовским нами уже разгромлены» [6: 424].

В середине марта 1921 г. превосходящие советские войска начали решающее наступление. В сводке советского командования от 16 марта завершение главных сражений описано следующим образом: «Частями, действующими на правом боевом участке, заняты станица Антоновская, деревня Комаровская и станица Кривоозерная. Разбитые банды отступают, не оказывая сопротивления. Среди них наблюдается сильное разложение. На среднем боевом участке 15 марта 233-й полк после артиллерийского обстрела занял станицу Аиртовская. Банды отступили на станицу Орловская, что в 10 верстах западнее станицы Аиртовская. В тот же день банда силой 400 человек пехоты и 200 кавалерии повела наступление на занимаемую 233-м полком станицу Лабановская, но нашим контрнаступлением была отброшена, после чего те же части заняли станицу Имантавская. Банды бежали в станицу Арык-Балыкская, и 40 подвод уехало на деревню Ново-Ермаковская. 16 марта после перестрелки занята станица Якши-Янгызтавская. Банды отступили на станицу Аккан-Бурлукская и Нижне-Бурлукская. В станице Якши-Янгызтавская все казаки, принимавшие участие в выступлении, исключая главарей, остались. Убежали казаки и жители других станиц. Крестьяне отделились от казаков и разошлись по домам. Аналогичное явление наблюдается и среди казаков. Участники восстания поодиночке и группами возвращаются по домам». Боевая сводка от 22 марта 1921 г. подчеркивала массовое возвращение казаков по домам. Без боя были заняты станицы Нижне-Бурлукская, Аккан-Бурлукская (24). Падение казачьих станиц к 23 марта 1921 г. символизировало окончание главных сражений Западно-Сибирского восстания. Восстание перешло в стадию арьергардных боев.

Источники и примечания:

1. Сибирская Вандея. 1919—1920. Документы / Сост. В. И. Шишкин. Т. 1. М., 2000.

Смирнов И. П. (1881-1936) — из крестьян. Профессиональный революционер, член РСДРП с 1899 г., большевик. В годы Гражданской войны являлся членом Реввоенсовета Республики, Восточ-

ного фронта и 5-й армии. Председатель Сибирского ревкома, член ЦК РКП(б).

2. РГВА. Ф. 1317. Оп. 2. Д. 940. Л. 51, 54.

3. РГВА. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 23. Л. 396.

4. РГВА. Ф. 16750. Оп. 1. Д. 5. Л. 40, 44, 45.

Шорин В. И. (1870-1938) — из мещан. Участник Первой мировой войны, полковник старой армии. В Красную Армию вступил добровольно в сентябре 1918 г. Командовал 2-й армией Восточного фронта, особой группой Южного фронта, Юго-Восточным и Кавказским фронтами. За бои против Колчака в 1919 г. был награжден орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. С апреля 1920 г. занимал должность помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами республики по Сибири (Помглавкома по Сибири).

5. Третьяков Н. Г. Из истории сопротивления коммунистическому режиму в России: общественно-политические воззрения участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. // Белая гвардия. 2002. №6.

6. Сибирская Вандея. Т. 2. М., 2001.

Полюдов Е. В. (1887—1948) — из казаков, по профессии учитель, большевик с 1907 г. После освобождения Сибири от колчаковцев работал председателем Омского губернского ревкома и исполкома советов.

7. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 16. Л. 17, 18.

8. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 72. Л. 23.

9. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 75. Л. 159.

10. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 58; Д. 76. Л. 24—25.

Токарев С. Г. — из крестьян Ишимского уезда. В годы Первой мировой войны служил в 1-м Сибирском полку. После Октября 1917 г. демобилизовался, занимался хлебопашеством, избирался председателем сельского Совета. В мае 1919 г. был мобилизован в колчаковскую армию, служил командиром взвода в 4-м казачьем полку. В 1919 г. добровольно сдался в плен красным. В 1920 г. был командирован Тюменским губвоенкоматом в Петропавловский уезд сначала для регистрации конского состава, затем был включен в ремонтную комиссию. В начале восстания в станице Ново-Никольской возглавил местную сотню.

11. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 23; Ф. 25892. Оп. 3. Д. 126. Л. 83.

12. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 36.

13. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 49. Л. 88.

14. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 10, 13.

15. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 10, 15.

16. РГВА. Ф. 16. Оп. 3. Д. 75. Л. 478—481; Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 18—19.

17. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 18—19.
18. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 9, 18—20.
19. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 537. Л. 53—54.
20. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 537. Л. 52, 53.
21. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
22. РГВА. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 43. Л. 27.
23. РГВА. Ф. 16. Оп. 2. Д. 88. Л. 52.
24. РГВА. Ф. 384. Оп. 1. Д. 21. Л. 25; Ф. 1393. Оп. 1. Д. 94. Л. 29.

ТАМБОВСКАЯ ВАНДЕЯ: АНТОНОВЩИНА

ПРИЧИНЫ И ФАКТОРЫ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Восстание крестьян в Тамбовской губернии, более известное под названием «Антоновщина», явилось кульминацией крестьянского протеста против политики военного коммунизма. Это была настоящая война крестьян против коммунистического режима, длившаяся более года. У тамбовских крестьян была своя регулярная армия, созданная по образцу Красной армии, единое руководство и своя партия. Именно это восстание крестьян заставило В. И. Ленина отменить продразверстку и перейти к нэпу.

26 октября (8 ноября) 1917 г., на другой же день после Октябрьской революции на II Всероссийском съезде Советов был принят ленинский Декрет о земле. Казалось бы, что вечная мечта крестьян о вольном труде на собственной земле осуществилась.

Что же в таком случае столкнуло тамбовских крестьян с новой революционной властью, именовавшей к тому же себя «рабоче-крестьянской»?

Продовольственный кризис в России не был создан большевистской революцией. Он возник в годы Первой мировой войны, обрушившей на широкие слои населения России неисчислимые бедствия, среди которых очень скоро стал доминировать голод. Лозунг «Хлеб голодным!» был одним из главных в русских революциях 1917 г. — и Февральской, и Октябрьской. Появление этого лозунга само по себе свидетельствовало о неудаче продовольственной политики и царского и Временного правительств, хотя и то, и другое принимали, казалось бы, необходимые меры.

Уже в августе 1915 г. были введены твердые цены на хлеб для правительственных закупок (на военные нужды). В декабре 1916 г. кризис правительственных заготовок заставил встать на путь хлебной разверстки, то есть распределения государственной потребности в хлебе между губерниями, селениями, хозяйствами в качестве обязательств на его поставку. Хлебными поставками обязывались даже не зерновые губернии — Вологодская, Новгородская, Костромская и др. В хлебопроизводящих же районах раз-

верстка сразу оказалась непосильной для крестьянских хозяйств. Со всей определенностью об этом заявила Тамбовская губернская земская управа, потребовавшая снижения поставок: «Не считая себя вправе сознательно вести население к бунту и голоду, губернская управа не находит возможным производить разверстку в указанных министром земледелия размерах» [1: 480—490].

И твердые цены, и продрозверстка оказались мало эффективными из-за своей частичности, ограниченности закупками на военные нужды. Держатели хлебных запасов, имевших рыночное значение, предпочитали спекулировать, добиваясь стремительного роста цен, усугубляя продовольственные трудности для несимущих слоев населения, особенно в городах. Созданное Февральской революцией Временное правительство должно было начать именно с продовольственного вопроса — с введения хлебной монополии государства, что означало и установление твердых цен, и передачу всего хлебного запаса (кроме необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца) государству через посредство его продовольственных органов. Закон, подготовленный А. И. Шингаревым (не большевиком, а кадетом) и принятый 25 марта 1917 г. имел вполне большевистское название «О передаче хлеба в распоряжение государства».

Хлебная монополия должна была опираться на широкую сеть продовольственных комитетов (общественных организаций, демократически возникших на всех уровнях управления — от волостного до общегосударственного) и на систему Министерства продовольствия, созданного 5 мая 1917 г. Имелась и «хлебармия», появившаяся еще в царское время. Однако слишком тесная связь с эгоистическими интересами крупных землевладельцев и торговцев, непоследовательность и нерешительность действий Временного правительства привели к тому, что хлебная монополия и передача хлеба в распоряжение государства на деле осуществлены не были. Провал заготовок из урожая 1917 г. стал очевидным сразу. Уже 20 августа Министерство продовольствия разослало на места директиву: «В случае нежелания сдавать хлеб должны быть применены меры принудительные, в том числе вооруженная сила». И сила эта применялась, когда хлеб сдавать отказывались крестьяне, особенно в прифронтовых губерниях.

К осени 1917 г. продовольственный кризис охватил практически всю территорию Европейской России, включая фронт. В бедственном положении оказались огромные массы населения. Голод стал реальным и все более значимым фактором развития событий по стране в целом. Поэтому, как бы ни оценивать продовольственную политику первых лет Советской власти, как бы ни относиться к ее интерпретации в качестве социалистической (или хотя бы «военно-коммунистической»), нельзя не видеть, что она выростала из объективных

обстоятельств времени, что ее основы и направления определились еще до Октября.

Тамбовская губерния, по составу своего населения, наиболее крестьянская из всех губерний России: на 3, 4 млн сельского населения приходится всего 250 000 горожан (около 8%). Промышленность крайне слабо развита; выделяются только суконные фабрики Рассказова (рабочие — полуземледельцы), три свекло-сахарных завода, несколько заводов спирта да недавно оборудованный «пороховой завод» — (до 2000 человек) — основная опора «большевиков», некоторое значение имеет также ремонтный артиллерийский завод в Тамбове (несколько сот рабочих). Довольно сильно развиты кустарные промыслы (в северных лесных уездах — тележный, гонка дегтя, смолы и т. д., близ Рассказова — вязально-чулочный, в Усманском уезде — холстоткацкий и т. д.). Под помещиками земли было в 1917 г. до 600 000 десятин, из них до 107 000 лучших лугов (у крестьян в наделах до 150 000 десятин луговых угодий). Помещичьи имения в большинстве представляли высококультурные хозяйства. Крестьянские хозяйства велись обычным рутинным способом; но уже выделился сильный слой хозяйственных мужичков с крупными почвами.

К 1917 г. до 20% крестьянских хозяйств имели пахотной земли от 6 и более десятин на двор, а до 8% — более 10 десятин пашни. Губерния считалась производящей и вывозила в год до 60 млн пудов продуктов сельского хозяйства, в том числе до 26 млн пудов за границу. Тамбов, Рассказово, Козлов были крупными хлебными рынками, где творились многомиллионные обороты. Эта крестьянско-помещичья захолустная губерния была вместе с тем и давней вотчиной эсеров. Она долгое время представляла место административной ссылки; немалое число местных крестьян в разное время из нее угодили в более отдаленные места.

Революция внесла значительные изменения в положение тамбовского крестьянства. Крестьянство овладело большей частью помещичьих имений и их поделило. Пострадали и крупнокрестьянские хозяйства. Из бывшей помещичьей земли до 72 000 десятин отошли под совхозы, которых к 1920 г. налажено до 150, но ни один не поставлен сколько-нибудь сносно — все идут в убыток, все пользуются крестьянским трудом (с исполу), и очень немногие (Ивановский совхоз в Тамбовском уезде) оказывают сколько-нибудь существенную помощь деревне. И отношение к совхозам (через них к Советской власти) почти повсеместно у крестьян враждебное. Столь же враждебное отношение встречают в большинстве случаев и усердно насаждавшиеся до последнего времени колхозы: по коллективизации Тамбовская губерния идет впереди других, но тяга к коллективному хозяйствованию, естественно усилившаяся с истощением инвентаря и т. д., была через край поощряема различными льготами, премия-

ми. Как в совхозах, так и в колхозах частенько осели прежние помещики, управляющие или дворовые и т. п. люди.

Колхозы не менее совхозов стали убежищем для инвалидов и бездельников; лишь очень немногие из них являют хозяйственную ценность и успешно противостоят придирчивой критике единоличников. На землеустройство колхозов и совхозов было обращено приветливое внимание, но землеустройство крестьян единоличников едва лишь начато. Чересполосица, дальнеземелье тяжело гнетут тамбовского крестьянина. Вопрос о расселении, пожалуй, самый большой вопрос в губернии.

Распределение земли резко изменилось за время от 1917 по 1919 г. В общем, число хозяйств лишь незначительно возросло. Но в то время как группа беспосевных, достигавшая до 6%, упала за два г. до 1%, число хозяйств с посевами от 6 десятин уменьшилось с 18 до 6, 3%. Особенно сильно выразился этот процесс в наиболее хлебных уездах. Так, в Козловском число беспосевных хозяйств уменьшилось с 5,1 до 0,2%; число хозяйств, имеющих до 2 десятин пашни, увеличилось с 29,9 до 36%; группа хозяйств с 2, 1 до 6 десятин возросла с 46, 5 до 53, 2%, в то же время группа хозяйств с более чем 6 десятин пашни уменьшилась с 18,5 до 5,6%; причем совершенно исчезла группа крестьянских хозяйств с более чем 13 десятин пашни, а таких было в 1917 г. 2,8% (из них 0,1 % имело от 35, 1 до 40 десятин). По Кирсановскому (родина «антоновщины») уезду данные еще более типичны: группа беспосевных уменьшилась с 9, 3 до 0, 9%; до 2-х десятин — также уменьшилась с 21,3 до 13, 8%, группа от 2,1 до 6 десятин, увеличилась с 40 до 66%; группа хозяйств с более чем 6 десятин пашни уменьшилась почти вдвое — с 30,4 до 16,3% (из последних несколько увеличилась, с 11 до 13,7%, группа хозяйств с посевом от 6,1 до 8 десятин, а хозяйств, имевших более 8 десятин пашни, уменьшилась с 19,4 до 2,6%, т. е. почти в 8 раз. При этом совсем исчезла группа с более чем 16 десятин посева).

Причины крестьянской войны, когда она началась, объяснялись советскими властями очень просто: происками белогвардейцев и англо-французского империализма. 8 сентября 1921 г. «Правда» сообщила, что Антонов получал «директивы из-за границы от ЦК партии кадетов». ВЧК докладывала Совнаркому: «В Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Тамбовской, Тверской губерниях, как теперь выяснилось, были организованы мятежи по общему плану при содействии англо-французского капитала».

Однако знакомство с программами и лозунгами восставших крестьян позволяет немедленно отбросить мысль о «кадетском» или «англо-французском» заговоре.

Причины были более глубокими. Основная — состояла в том, что крестьяне хотели свободно обрабатывать землю, свободно пользоваться ее плодами. «. Землю отдали, а хлеб до последнего

зерна отбираете: да подавись ты сам такой землей! Мужику от земли один горизонт остается», — заявляет коммунисту Дванову мужик в завоеванной деревне. А в ответ на объяснение, что отбираемый хлеб нужен революции, крестьянин резонно возражает: «Дурень ты, народ ведь умирает — кому ж твоя революция останется».

Объектом кровавого спора крестьян с большевиками была не только продразверстка. Крестьяне верили, что революция принесла им свободу. Идея свободы, воспринятой как воля-вольная, всколыхнула крестьянскую Россию. Советы воспринимались как форма самоуправления, как ликвидация тяжелой, городской власти. Деревня хочет существовать без города. Город объявляет ей войну. Для сбора продразверстки создается продармия. Применяются жесточайшие меры для подавления недовольства. Чтобы сломить сопротивление кулачества, диктатура пролетариата применила чрезвычайные средства борьбы — отдачу под суд, ревтрибуналы, тюремное заключение, конфискацию имущества, заложничество и даже расстрел на месте в случае вооруженного сопротивления.

Каждое выступление против советской власти, каждое выражение недовольства политикой большевиков объявляется делом «кулаков», «сопротивлением кулачества». В августе 1918 г. Ленин определил число «кулацких хозяйств» в 2 миллиона, а в апреле 1920 г., на Девятом съезде, он говорил уже о миллионе хозяйств, зажимающихся в деревне «эксплуатацией чужого труда». Цифра эта (была ничтожной в стране с населением (1920 год) в 130, 5 млн человек, из которых в деревне жило 110, 8 млн.

Поскольку формула «кулак — это враг» смысла не имела, ибо понятие оставалось неопределенным и даже официальная численность ничтожной, формула переворачивалась и звучала: «враг — это кулак».

В циркуляре председателя Тамбовского губисполкома М. Д. Чичканова волостным советам о реквизиции хлебных излишков от 2 июля 1919 г. говорилось: «Острая нужда в хлебе, прекращение сдачи хлебных излишков крестьянами добровольно заставляет Советскую власть принять самые строгие меры против держателей хлеба. Сейчас губпродком приступает к реквизиции хлебных излишков. Предписывается всем совдепам, исполкомам оказывать реквизиотрядам, агентам всяческое содействие в деле реквизиции, обнаружении скрытых хлебных излишков».

Всякое должностное лицо, бездействием своим тормозящее дело реквизиции, будет рассматриваться как противник Советской власти, будет предан суду революционного трибунала. Граждане, уничтожающие хлебные излишки на самогон, объявляются врагами революции. Предписывается с ними вести самую беспощадную борьбу».

бу, арестовать, сопровождать в Тамбов для предания суду. Волисполкомам предлагается по требованию начальников отряда, работающих в данной волости, на время работы давать трех лошадей верховых для обслуживания отряда. Немедленно передайте этот приказ волисполкомам» [2].

Характеристику деятельности губпродкома представляет следующий отчет: «. Вся ссыпка этого г... получена почти исключительно с помощью отрядов. Отряды разбросаны сейчас во всех уездах, частью из отрядов ВОХР, частью отряды организованы местными силами. Руководство реквизицией сосредоточено в губреквизотделе, в котором непосредственное участие принимает губпродкомиссар — руководство в смысле переброски отрядов из уезда в уезд или из района в район. Сама техника работы, ее план в уезде разрабатывается упродкомом совместно с особоуполномоченным губпродкома. Несколько в особом положении были отряды, работавшие в Козловском, частью в Моршанском уездах, отчасти и в Лебедянском уезде. Эти уезды, гранича с голодной Рязанской губернией, давали возможность утекать здесь хлебу гужевым путем, почему отряды здесь работали по плану губпродкома: первая группа направлялась от станции Ст. Юрьevo на Ламки, Козловский уезд; вторая — Сабурово — Бенкендорф-Сосновка (Моршанского уезда) — Ламки. Соединившись, обе группы фронтом продвигаются к югу... Как общее правило для всех уездов — отряды двигаются от периферии к центру, чтобы не дать возможности перебрасывать хлеб из уезда в уезд, и на всех дорогах выставляются заставы, чтобы прекратить возможность внутриездных перебросок хлеба.

Сейчас наибольшее внимание было уделено Тамбовскому, Козловскому и Кирсановскому уездам. Теперь, с переходом в ведение губпродкома Борисоглебского уезда, отряды и работники будут двинуты туда.

Отряды по качеству своему разделяются на две категории:

1. Основное ядро — отряды, которые главным образом ведут реквизицию и которые разбросаны по всем уездам.

2. Отряды особого назначения, которых у нас имеется два и которые направляются в места наиболее кулацкие, наиболее упорствующие в сдаче излишков.

Эти отряды забирают полностью все годовые излишки с этих работников. Метод реквизиции этого г. в корне изменен, по сравнению с прошлым годом: в прошлом году отряд, придя в волость или село и получая отказ в сдаче излишков, приступал к подворной реквизиции и найденные излишки реквизицировал. Это давало возможность крестьянам перевозить хлеб из деревни в деревню при приближении отряда, прятать его и т. д. Теперь к данному селу предъявляется требование — сдать причитающуюся по разверстке сумму излишков и неисполнение разверстки рассматривается как преступление, и с

данного села забирается весь хлеб, весь скот и производятся аресты.

При прошлогодней системе крестьянину всегда был смысл отказаться, так как он буквально ничем не рисковал, в этом году его положение сильно изменяется, так как он рискует всем своим хлебом и скотом. При таких массовых реквизициях, конечно, не могло обойтись без столкновений и волнений...

По окончании «хлебной недели» работники, командированные уисполкомами и укомпартами, частично стали отзываться с продовольственной работы, и этот отзыв грозил подорвать нашу работу. Губисполком и губкомпарт оказали снова громадную поддержку, отдав циркулярное распоряжение о задержке всех работников, уже командированных на местах, что даст нам возможность поддержать работу в прежнем темпе» [3].

Отношение к советской продовольственной политике в деревне не было однозначным, хотя тенденция к ее отрицанию была выражена очень сильно и быстро нарастала. Протесты вызывались безобменным характером заготовок, произволом при определении излишков, непосильностью для крестьянских хозяйств предъявляемых требований, широким использованием грубой силы. Осенью 1918 г. «крестовый поход» продотрядов за хлебом и деятельность комбедов вызвали волну крестьянских восстаний, прокатившуюся по многим районам Советской России.

Тамбовская губерния была «хлебной» и поэтому испытала на себе всю тяжесть продовольственной диктатуры и «крестового похода» за хлебом. Уже к октябрю 1918 г. в губернии действовали 50 продотрядов из Петрограда, Москвы, Череповца и других городов общей численностью до 5 тыс. человек — такого размаха конфискации не знала ни одна губерния.

В оперативной сводке начальника продотряда губпродкомиссара о ходе реквизиции хлеба в Козловском уезде сообщалось: «. Работа продолжается успешно. Агенты с красноармейцами, разбитые по сотням в селах, с утра приступают к исполнению своих обязанностей. Крестьяне противятся вывозить хлеб и категорически отказываются, говоря, что «хлеба у нас нет и что хотите, то с нами и делайте, а хлеба мы вам не дадим». Тогда красноармейцы с агентами у всех, отказывающихся вывозить хлеб, производят обыски. При обыске у крестьян обнаруживают хлеб, который нами конфискуется и отправляется на ссыпункты без оплаты. Здесь, в Песчанском районе, большинство из волостей ведут себя крайне вызывающе и не желают исполнять хлебную государственную разверстку. Но красноармейцы прилагают все усилия к тому, чтобы взять тот хлеб, который запрятан в закрома богачей. Работа красноармейцев с агентами продолжалась до позднего вечера.

Красноармейцы сами подгоняют подводы к безлошадным крестьянам, насыпают хлеб и отправляют его на ссыпные пункты.

Сего числа два крестьянина села Таракановки Волчковской волости восстали против вывоза хлеба, которые вооружились топорами, вилами и стали призывать крестьян, чтобы не давали хлеба, выгнали из села красноармейцев. Некоторые крестьяне стали присоединяться к бандитам, но красноармейцы выстрелами вверх из винтовок разогнали собравшуюся толпу. Зачинщиков арестовали, которых после расследования препроводим в распоряжение губпродкома. Вечером сего числа отряды совместно с местной молодежью поставили митинг-спектакль-концерт в пользу «недели фронта».

Во время работы красноармейцами отряда захватываются дезертиры, которые препровождаются в Козловский уездком-дезертир.

Сообщаю, что, по особым сведениям, в Песчанском районе Козловского уезда начинают появляться сотрудники банды Антонова и проявляют свои действия. Мною для предостережения от всякого нападения бандитов шайки Антонова приняты самые репрессивные меры.

Сего числа был контролер от Наркомпрода т. Абакумов, который со своей стороны заметил неправильные действия уполномоченного в том, что мы не оставляем крестьянам норму, какая им полагается, но он, конечно, забыл о том, что если мы будем считаться с нормой, то цифры, которые полагаются с Козловского уезда, взять мы не сможем. Разъясняю, что если будут являться такие контролеры, то продуктивной работы быть не может. Но мы не обращаем внимания на контролера и продолжаем работать, как работали ранее» [4].

М. И. Калинин, председатель ВЦИК, выполнявший роль представителя крестьянства в лоне пролетарской партии, утверждал в мае 1919 г.: «Я считаю, что крестьяне могут волноваться только по недоразумению, потому что лучшей власти, чем Советская власть, для крестьян не придумать». Крестьяне, однако, без особого труда придумывали для себя власть гораздо лучше. Власть лучше была для них прежде всего — власть без коммунистов. Крестьянские восстания редко имели политические программы, если не считать требований ликвидации продразверстки, изгнания коммунистов из советов, прекращения коммунистического террора.

Бурлит, сопротивляется вся крестьянская Россия. Наряду с крупными восстаниями вспыхивает бесчисленное количество мелких; наряду с «крестьянскими армиями» действуют сотни мелких отрядов. За лозунгами — от «за советскую власть, долой коммунистов» до «догорай моя лучина» — скрывается чувство обманутой надежды на свободу.

Гражданская война, война красных с белыми, маскирует в 1918—1920 г. подлинный характер крестьянской войны. Крестьяне ведут борьбу на два фронта. Они поют: «Эх, яблочко, цвету спелого, слева

красного бьем, справа — белого». После разгрома белых советская власть завершает свое «триумфальное шествие», начатое в октябре 1917 г. и прерванное войной. Исчезает опасность возвращения помещиков. Крестьяне считают, что теперь земля навсегда их. Сопротивление продразверстке, политике партии в деревне, усиливается. Одновременно усиливается, еще больше ожесточается борьба советской власти с сопротивлением крестьянства. Партия объявляет войну «кулакам» и «бандитам», «кулацким бандам», «кулацко-бандитским мятежам». В 1920—21 г. гражданская война становится крестьянской войной.

Источники и примечания:

1. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-179. Он. 1. Д. 806. Л. 18.
3. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 212. Л. 2—6.
4. ГАТО. Ф. Р-1236. Оп. 1. Д. 831. Л. 14.

ПАРТИЯ ЭСЕРОВ В ПОДГОТОВКЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ НА ТАМБОВЩИНЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

На фоне бедствий, обрушившихся на крестьян и все более связывавшихся с продразверсткой, разного рода политические и идеологические факторы социального взрыва в тамбовской деревне отступали на второй план. Но все же следует остановиться на роли партии социалистов-революционеров. Ее влиянию и руководству во многом приписывали размах движения руководители борьбы с антоновщиной. Это делалось с самого начала крестьянской войны и до ее конца. Председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко в докладе на имя ЦК РКП (б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением таким образом описывал роль партии социалистов-революционеров:

«Крестьянское восстание в Тамбовской губернии было внимательно подготовлено партией эсеров. Местная организация эсеров, следуя указаниям циркулярного письма своего ЦК, от 13 мая 1920 г., вела широкую работу в деревне (несколько приговоров для поднесения англ. делегации). В единении с различ. антисоветскими группами (в том числе с кадетами) она создавала «Союз трудового крестьянства», который должен был подготовить вооруженное восстание. 10 июня в имении бывшем Вышеславцева в д. Карейке, Александровской вол., состоялся губсъезд с. -р., после которого их работа по подготовке восстания усилилась. Антонову, эсеру, который еще в 1919 г. перешел к активной борьбе с «большевиками», собрав шайку до 100 человек, которая перебила из-за угла до 200 соработников в Кирсановском уезде, губком эсеров предлагал прекратить партизанскую борьбу и отдаться «организационной работе». В августе значительная часть губкома была арестована ЧК. Кое-кто осел в губкоме Союза трудового крестьянства СТК и повел самую активистскую линию. Что эта линия отвечала настроению всей Тамбовской организации эсеров, свидетельствует поведение их делегации на сентябрьской всероссийской конференции эсеров, — здесь «тамбовцы» проявили непримиримо воинственное отношение к Советской власти и требовали организации немедленного вооруженного выступления против нее» [1].

Такое мнение превалировало в официальных кругах.

Начособотделарм Чибисов и Начсекретотдела Ситро в подписанной ими справке информировали вышестоящие органы: «При характеристике и анализе повстанческого движения как в настоящем и предыдущем обзоре мы указывали, что руководителями являются

эсеры, не указав, какой группировки, правой или левой. Анализируя и сопоставляя имеющийся в данный момент материал с прежним, можно сделать вывод, что руководителями являются правые эсеры, несмотря на то, что Батько именовал себя левым эсером, ибо ряд имеющихся у нас документов — листовок, воззваний, программ и инструкций, как губернского комитета Союза трудового крестьянства, так и партии социалистов-революционеров, являются правого течения и определенно показывают нам, что руководители повстанческого движения правые эсеры» [2].

В том, что тамбовским восстанием руководят эсеры, был искренне убежден и предшественник М. Н. Тухачевского на посту командующего войсками в Тамбовской губернии. Это видно из его приказа местным органам власти об отношении к населению сел, принимавших участие в повстанческом движении. В приказе говорилось следующее: «Материалы о действиях бандитов и крестьянских бунтах в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах документально доказывают, что все эти выступления организованы продажными наймитами европейских буржуев — социалистами-революционерами, завербовавшими шайки уголовных бандитов. Тщательное расследование участия крестьян в бунтах против Советской власти показало, что крестьяне делали это по своей большой темноте, обманутые искусными интригами и ложью. И сейчас, после нескольких месяцев тяжелых испытаний, крестьяне убедились на деле, что социалисты-революционеры оторвали их от мирного труда, втянули в преступнейшую авантюру братоубийственной войны, расхитили в деревнях множество крестьянского имущества и не дают возможности начать подготовку к весенней посевной кампании. Крестьяне убедились на деле, что все обещания социалистов-революционеров — скверная ложь, и они начинают избивать социалистов-революционеров...» [3].

И командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский в этом не сомневался, о чем он прямо писал В. И. Ленину в своей записке о положении дел в Тамбовской губернии:

«16 июля 1921 г. Секретно.

Причины, организовавшие восстание, следующие:

- а) сильное эсеровское гнездо, свитое в Тамбовской губернии;
- б) искусная тактика, проявленная эсерами в создании СТК» [4].

Этот тезис проник и в историографию и долго в ней господствовал, снимая ответственность за происшедшее с правящей компартии и перекладывая ее на оппозицию, что давало формальный повод для окончательного устранения партии социалистов-революционеров с политической сцены и полной ликвидации остатков многопартийности в стране. В ходе судебного процесса над членами ЦК партии социалистов-революционеров в 1922 г. против них, среди прочего, фигурировало и обвинение в организации антоновского мятежа. Оно

сводилось к следующим пунктам: во-первых, эсеры участвовали в работе по подготовке мятежа, создав Союз трудового крестьянства; во-вторых, лозунги повстанцев являлись ни чем иным, как безграмотным изложением обычных эсеровских лозунгов; в-третьих, начатое эсерами движение было брошено ими на произвол судьбы и отдано в руки «первого попавшегося проходимца» (т. е. Антонова). Неуклюжесть такого обвинения очевидна, но тогда, в 1922 г. оно сыграло свою роль в вынесении самого сурового приговора руководству партии социалистов-революционеров, хотя Верховный революционный трибунал и признал, что официально партия не встала во главе движения.

Еще в 1895 году эсеровская организация охватывала пять уездов Тамбовской губернии, в Борисоглебске в ту пору состоялся съезд этих уездных групп. Тамбовщина со времени первой русской революции была одной из баз эсеровского влияния. С нею связаны имена руководителей партии В. Чернова, С. Слетова, М. Спиридоновой. Пустив глубокие корни в тамбовской деревне, эсеры еще в самом начале века создавали здесь «крестьянские братства», развертывали «приговорное движение» за землю, имели сеть организаций. На выборах во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г. эсеры одержали в губернии полную победу, собрав 71,2% всех голосов (в деревне еще выше) и получив 13 депутатских мандатов из 16. Не приходится удивляться популярности эсеровских лозунгов в повстанческом движении хотя бы и потому, что они были политическим оформлением чисто крестьянских требований и не содержали ничего для крестьян неприемлемого.

После изгнания в 1918 г. из Советов эсеров, а затем и левых эсеров, самая влиятельная в Тамбовской губернии политическая сила практически утратила главный рычаг своей деятельности. Какое-то время они сохраняли иллюзии относительно возможности легальной работы в массах, в основном через кооперацию и профсоюзы. Но надежды эти не оправдались. В отчете губкома ПСР в 1920 г. отмечалось: «С. -р. преследуется сугубо» [5].

Загнанные в подполье, эсеры поневоле стали перед необходимостью возродить и активизировать нелегальную деятельность. Начали воссоздаваться «крестьянские братства» — к концу лета 1920 г. только в трех уездах Тамбовской губернии их было около десятка. Тогда же развернулась работа по созданию Союза трудового крестьянства как хорошо памятной в деревне форме политической организации. Эта инициатива была подхвачена крестьянами, отделения Союза трудового крестьянства возникали во многих волостях Тамбовского, Кирсановского, Борисоглебского и Усманского уездов.

Тем не менее, ЦК партии социалистов-революционеров не выдвигал тогда задачу организации вооруженного восстания против

коммунистов и не переоценивал умножавшихся фактов крестьянских бунтов. Напротив, полагая, что изолированные, разрозненные выступления приведут лишь к усилению «красного террора», лидеры эсеров планировали широкую политическую акцию подчеркнуто мирного характера. 13 июля 1920 г. ЦК партии социалистов-революционеров принял план организации «приговорного движения» в деревне: по примеру 1905 г. крестьяне в своих коллективных «приговорах» должны были предъявить свои требования властям. Поэтому начавшееся через месяц массовое восстание под руководством А. С. Антонова явилось, с точки зрения партийного центра партии социалистов-революционеров, дезорганизаторским выступлением. Видный тамбовский эсер Ю. Н. Подбельский (брат советского наркома В. Н. Подбельского) охарактеризовал его как «голую партизанщину, без лозунгов, без идей, без программ».

Восстание крестьян оказалось неожиданным для губернского комитета партии правых эсеров и даже для губернского Комитета Союза трудового крестьянства. 23 августа 1920 г. в Тамбове состоялось экстренное совещание руководства губкома Союза трудового крестьянства, на котором присутствовали делегаты нескольких районных комитетов. На повестке дня был всего один вопрос — что делать в связи с начавшимся в Каменском районе восстанием? Эсеры, возглавлявшие губком СТК, проявили нерешительность и, заколебавшись, большинством голосов провели резолюцию о преждевременности и бесперспективности открытой вооруженной борьбы в данный момент. На что один из присутствовавших на совещании крестьян-мятежников, прекрасно знавший, что именно эсеры и губком Союза трудового крестьянства больше всех трезвонили о необходимости восстания, а теперь, когда дело дошло до крови, норовят улизнуть в кусты, ответил им так: «Видно, что нам придется действовать одним. Но тогда берегитесь и вы. Придем в Тамбов — перебьем и вас заодно».

Поскольку сам А. С. Антонов именовал себя «независимым» эсером, Тамбовский губком ПСР потребовал от него либо прекратить называться эсером, либо подчиниться тактике партии. Антонову было предложено отказаться от бессмысленной террористической борьбы и перебраться в другой район губернии для мирной политической борьбы. Антонов на словах подчинился этим указаниям, но на деле продолжал прежнюю «независимую партизанскую тактику».

Примечателен следующий факт. Когда уже около месяца шла настоящая крестьянская война (повстанцы разбили в открытом бою красноармейские части, которые возглавлял председатель губисполкома А. Г. Шлихтер, охватили полукольцом Тамбов и остановились в 15 верстах от города), на Всероссийской конференции ПСР оба тамбовских делегата (их фамилии не установлены) пытались склонить партийное руководство к необходимости поддержать и возглавить

стихийный крестьянский протест. Один из них предложил объявить ответный террор в качестве противодействия крайностям большевизма. Эти предложения были отклонены, ибо означали бы отказ от принятой в июне 1919 г. резолюции 9-го Совета ПСР о прекращении вооруженной борьбы «против большевистской власти и замене ее обычной политической борьбой». Ввиду распыленности масс конференция наметила первоочередной задачей организационную работу, признав вместе с тем неизбежность возобновления вооруженной борьбы против большевизма в будущем.

Этот вопрос широко обсуждался на заседании Всероссийской конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии 8 сентября 1920 г. [6]. В докладах с мест отмечалось, что Тамбовская организация вела, главным образом, организационную работу. В 1919 г. эсеры питали надежду на возможность легальной работы — тогда еще были жива кооперация и некоторый простор был предоставлен профессиональным союзам. Но вскоре обнаружилась иллюзорность этих надежд. В докладах отмечалось, что при установившемся отношении властей к крестьянству оказалась немыслимой легальная защита его интересов; в деревне орудовал только штык и приклад, против которого было бессильно слово, кооперация была грубо задавлена, профессиональные союзы насильственно преобразованы в филиалы коммунистической партии. Власть не останавливалась перед арестом правлений профсоюзов, когда они противились насильственной их «коммунизации».

В докладах с мест подчеркивалось, что в результате крушения иллюзий о возможности легальной работы Тамбовская организация с февраля — марта 1920 г. решительно стала на точку зрения нелегальной работы, не скрывая, однако, своей партийной политики. Два раза Тамбовская организация выпускала за подписью губернского комитета прокламации: одну — 1 мая, другую — по случаю «Недели трудового фронта». Были выпущены два номера нелегального органа губернского комитета «Земля и воля», отпечатанных на гектографе и ротаторе [6].

Заметные результаты давала работа среди крестьянства, которая шла по двум направлениям: с одной стороны, в некоторых селах восстанавливались строго партийные крестьянские братства, таких братств в 3-х уездах Тамбовской губернии было не больше десятка; с другой — крестьянство спланивалось в беспартийные, но строго классовые по составу «Союзы трудового крестьянства». В этой работе эсеры вошли в согласие с левыми эсерами, причем союзы ставили перед собой две главные задачи, с которыми согласились и «правые» и «левые» эсеры: отвоевание власти из рук коммунистической партии в руки нового временного правительства, составленного из представителей крестьянства, союзов, рабочих организаций и социалистических партий, причем временное правительство должно будет со-

звать всероссийские съезды трудящихся, которые и должны будут решить вопрос о форме государственной власти; вторая задача — проведение во всей неприкосновенности закона о социализации земли. Крестьянские союзы с такого рода задачами встретили поддержку тамбовского крестьянства, и союзы стали расти по селам довольно успешно, особенно многочисленны такие союзы были в Тамбовском уезде, где почти половина волостей имела свои крестьянские организации. Отдельные крестьянские союзы существовали в Кирсановском, Усманском и Борисоглебском уездах и на севере губернии [6].

СТК обращались к красноармейцам, крестьянам с обращениями по поводу положения в стране и с призывами свергнуть Советскую власть. На совместном заседании представителей губкома Союза трудового крестьянства, командного и политического состава повстанцев 15 января 1921 г. было принято воззвание к красноармейцам.

«ВОЗЗВАНИЕ

Товарищи красноармейцы, пора вам проснуться и скинуть прах коммунистов, ведь они вас ведут в бой на брата и отца, восставших против коммунистического террора. Товарищи красноармейцы мобилизованные, довольно спать, бросайте оружие или присоединяйтесь к партизанским отрядам, а иначе вас ждет народная кара беспощадная, ведь нашу родину коммунисты завели в заблуждение, но нет, мы, партизаны, не дадимся. Долой коммунистов-нахалов! Да здравствует общее восстание! Довольно обмана и лжи, время не ждет, возвращайтесь домой защищать вместе с партизанами свое родное право и семейные очаги, разгромленные насильниками-коммунистами, приводящими вас же в ничтожество. Пора убедиться в действительности, а не быть пешками и поддаваться обману коммунистов, вводящих во лживый обман, а на самом деле разоряющих ваши семьи до нищенства. Долой коммунистов-нахалов! Да здравствует общее восстание трудового народа!

Тамбовский уездный комитет партии социалистов-революционеров» [7].

Союз трудового крестьянства обращался к различным слоям граждан с воззваниями и листовками. В листовке к крестьянам и рабочим в январе—феврале 1921 г. говорилось:

«Крестьянам и рабочим!

Верь, крестьянин и рабочий, в скорую и окончательную победу над твоим заклятым врагом насильником-коммунистом, поработителем и попирателем твоих священных и неотъемлемых прав: прав на землю, на собственный труд, прав свободно распоряжаться им, согласно своим нуждам и потребностям. Ряды борцов за осуществление твоих святых желаний, как: «Свободный союз крестьянства и рабочих», с каждым днем растут и увеличиваются, и недалеко то

время, тот час, когда из края в край всей поработанной России пронесется мощный клич, вырвавшийся из многомиллионных крестьянских и рабочих грудей: «Да здравствует новая свободная жизнь с властью подлинно выражающей волю трудящихся!» Тогда настанет истинное царство труда, где труд будет выше всех других сторон жизни, а крестьянин и рабочий его непосредственными хозяевами.

Крестьянин и рабочий, ты поднял знамя восстания с лозунгом: «Союз крестьянства и рабочих», так и иди же смело и прямо по тому намеченному пути к осуществлению своих заветных дум, указателем которого у тебя твое красное знамя. Держи его крепко, чтобы ни одна бесчестная рука не могла вырвать из твоих мозолистых рук. Еще раз повторяем, что должно быть твоим символом веры: «Вера в свои силы и победу, власть только трудящимся».

Тамбовский губернский комитет Союза трудового крестьянства» [8].

В листовке Союза трудового крестьянства к рабочим в январе—феврале 1921 г. говорилось:

«Рабочим

Рабочий, долго ли будет продолжаться Ваше терпеливое рабство, Ваше подневольное существование, в которое Вы попали, благодаря обмана, лукавства лжесоциалистов большевиков-коммунистов. Мы не будем здесь указывать на все мерзости и подлости с которыми они Вас поставили лицом к лицу, заставив штыком бесстрашно смотреть даже на само Ваше бытие. Укажем на самое вопиющее, последнее зло, вопиющее противоречие с тем, с чем они вышли в начале на путь революционной борьбы, начертая на знамени своем глубокосодержательные лозунги, не только российского, но и для мирового пролетариата: «Диктатура пролетариата, диктатура трудящихся», и на тот печальный исход начатой ими борьбы с капиталом во имя освобождения рабочих из его мертвых цепей.

На их зов: «В борьбу за лучшую долю рабочих и крестьян», Вы вышли все, как один, честно отдаваясь борьбе на фронте с заклятым Вашим врагом — капиталистами, неустанному труду на фабриках и заводах с одной четверткой хлеба, не могли следить за тайной дипломатией, ведшейся Лениным и Троцким с иностранными капиталистами, которым в конце концов они Вас с Вашими фабриками и заводами и железными дорогами запродали, удовлетворяя условиям ими заключенного мира с Польшей — значит с союзным капиталом. Задувив свою буржуазию, они призывают хозяйничать других еще с большим аппетитом.

Вряд ли иностранцы согласятся иметь в своем распоряжении рабочих-социалистов, рабочих-революционеров, им нужны рабы, только рабы, и вот Вас, беззащитных, они сдали как ненужный себе товар, закабалив тем самым на долгие годы рабства, подневольного труда, безмерного унижения пред чужими господами.

Крестьянин выступил с протестом против новых господ-насильников в лице комиссаров, революционной борьбой, к которой зовет и Вас, как свою плоть, кровь и кость, надеясь, что его протест будет общим с рабочими и что его достижения: «Свободный союз трудового крестьянства и рабочих, земля и воля и всенародное Учредительное собрание» — одинаково охватывают интересы крестьян и рабочих.

Дружной, тесно сплоченной массой сумеем задушить засевших на нас паразитов. В борьбе отвоюем свои права на труд и не дадим себя эксплуатации международного капитала.

Рабочий, не забудь твоего друга-пахаря-крестьянина, изнывающего пятый месяц борьбы, открытой им против большевиков. Скорее в его ряды, и победа обеспечена.

Тамбовский губернский комитет Союза трудового крестьянства» [8].

В листовке Союза трудового крестьянства к мобилизованным красноармейцам рабочим в январе—феврале 1921 г. говорилось:

«Мобилизованным красноармейцам

Друзья мобилизованные! В громадном большинстве в рядах красной армии вы являетесь сынами русского трудового крестьянства. Большевики-коммунисты заставили вас силою бросить мирный труд, взяться за оружие, встать под знамена коммунизма, как будто для защиты свободного труда, земли и воли. Три г. под их командою вы бряцаете оружием, часто голодные, плохо одетые и обутые, изнуренные болезнями и всякими невзгми жизни. Но это не принесло пользы и счастья ни вам самим, ни нам, отцам и матерям вашим. Ваш путь и наш путь переплелись, слились в одну общую дорогу издевательств и мучений, на который вас и нас гонят на посмешище, истязание и смерть.

Товарищи мобилизованные! Отвернитесь на минуту от кошмара и ужаса кровавого пира, опустите винтовки из усталых рук ваших, взгляните великой правде в глаза и хоть немного задумайтесь над тем, что пережито вами за эти три г. междуособной бойни. Не вы ли томилась в холодных казармах, валялись кучками на грязных полах, гнилых невымытых нарах в бессменном белье, вонючих лохмотьях шинели, с нетерпением дожидались обеда из грязной несоленой чечевицы и полупадали-конины. Не вы ли тысячами и десятками тысяч, то искалеченные на фронте, то зараженные от голода тифом и холерой, то с обмороженными руками и ногами разбрасывались по госпиталиям, где без лекарства и ухода, без достаточного питания и тепла вы умирали без счета.

Да, это вы, друзья мобилизованные, пережили такие испытания, и все это в то время, когда власть грабила ваше добро и домашнее имущество. Для чего же все это? Неужели для того, чтобы еще на целые десятки лет затянуть гражданское побоище? Неужели для того,

чтобы упрочить счастье горсти коммунистов, которые создали из себя новый господский класс на вашей крови, на ваших трупах для собственного благополучия?

Опомнитесь, друзья мобилизованные! Коммунисты всех нас бросили в бездну нищеты и дикого произвола. Народ поголовно превратился в нищих, но коммунисты не видят этого, ибо глаза их помутнели от крови невинно расстрелянных жертв. Народ, как покорный раб, молил о пощаде и снисхождении, и они не слышат это, ибо уши их оглохли от стога и вопля обиженных. Народ взывал к разуму, но разума у них нет или не было, или он тоже помрачился от ужаса действительности.

Раскалывая как горшки наши головы, ломая кости, коммунисты целых три г. обещают построить новый мир, но теперь мы уже поняли, какой будет этот новый мир, он будет пустынен и мрачен, населять его будут не свободные и счастливые люди, а голодные, голые и безгласные рабы. Мы не хотим больше, чтобы коммунисты грабили нас и издевались над нами.

Товарищи мобилизованные! Пусть ваш и наш голос негодования сольются в один общий клич: «Смерть коммунистам, да здравствует общее вооруженное восстание трудового крестьянства и всех угнетенных против коммунистов-насильников!»

Мы, крестьяне, сделали это и взяли за оружие. Лицемеры-коммунисты называли нас бандитами, надеясь этим опозорить нас в глазах наших братьев и поднять на борьбу с нами трудовой же народ.

Не верьте им, прохвостам, ибо они нагло и бессовестно лгут, как жид за копейку барыша. Мы не бандиты, а восставший вооруженный народ — народная армия. Вот почему мы обращаемся к вам, друзья мобилизованные. Преклоните штыки ваши пред лицом матери-земли и, не медля ни минуты, идите к нам, как это сделали уже многие из вас! Мы встретим вас, как братьев своих, по желанию своему вы можете или остаться в наших рядах, или идти в дома свои, где ваши измученные отцы и матери тоскливо ждут вас. Идите в родные дома свои, пока они не уничтожены еще совсем коммунистами как птичьи гнезда.

Народная армия» [9].

В Тамбовском уезде образовался даже после съезда представителей четырех волостей районный крестьянский союз с районным комитетом (из трех человек: с-р, сочувствующего с-р и левого с-р), была созвана и благополучно прошла уездная конференция Союза трудового крестьянства, весной 1920 г. была проведена Тамбовская уездная партийная конференция, на которой приняло участие 7 человек из уезда, трое — единолично, четверо — в качестве представителей сельских организаций. Летом 1920 г. состоялась губернская партийная конференция при участии представителей четырех организаций — Тамбовской городской, Тамбовской уездной, Моршанс-

кой и Козловской. Среди рабочих предполагалась организация нелегальных профсоюзов, но этот вид работы не дал заметных результатов. Однако рабочие и без нелегальных профессиональных союзов вели борьбу с властями. Можно отметить, например, забастовку в Тамбовских ж. д. мастерских, объявленную в виде протеста против удлинения рабочего дня, проведенного под видом «Недели трудового фронта». Особенно заметное место активистские настроения занимали в крестьянской среде. Сразу после уборки хлеба в Тамбовском уезде вспыхнуло большое восстание крестьян, подпавшее под руководство называющего себя «независимым с-р» Антонова. В распоряжении Антонова было около 3 тыс. вооруженных крестьян, из которых 1/3 — конница. «Антоновцы» вели партизанскую борьбу с советскими отрядами, избегая с ними столкновений, всю свою энергию направляя на уничтожение коммунистов, продовольственников и охраняющих их лиц и на разгром советских хозяйств.

У «антоновцев» были красные флаги с надписями «Да здравствует трудовое крестьянство!». Иногда «антоновцы» устраивали публичные судилища над коммунистами, по большей части кончавшиеся смертными приговорами. Были случаи вынесения оправдательных приговоров коммунистам. Район деятельности антоновских отрядов — Тамбовский, Кирсановский, Борисоглебский, отчасти Моршанский и Козловский уезды Тамбовской губернии. Появлялись отряды и в соседних уездах Воронежской и Саратовской губерний [6].

Как отмечалось на указанном выше совещании эсеров, «большевицкая власть не останавливается перед самыми жестокими и варварскими способами подавления восставших крестьян. «Законные» и «незаконные» расстрелы, массовые аресты, уничтожение целых сел — все пускается в ход. Опубликовано уже 3 списка расстрелянных крестьян с общим количеством 150 расстрелянных. Снесены артиллерией и сожжены в Тамбовском уезде 3 села: Коптево, Хитрово, Верхне-Спасское. Часть населения этих сел перебита, другая — арестована, взрослые помещены в концентрационные лагеря, дети — в приюты. Однако движение и до сих пор не подавлено» [6].

На заседании Всероссийской конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии 8 сентября 1920 г. [6] тамбовские делегаты настаивали на необходимости пойти навстречу нарастающему в массе трудового крестьянства стихийному протесту против большевистского режима и дать ему свои испытанные в борьбе лозунги. «Необходимо уже теперь, в процессе повседневной революционной работы, не то что не скрывать от народа неизбежности насильственной ликвидации большевистской диктатуры, но и к этой цели приспособить всю работу, не отвлекая свои силы на приговорное движение и прочее. Подошло время активной борьбы, и под этим лозунгом должна протекать вся подготовитель-

ная работа. Иначе крестьянству будет непонятна и чужда вся мелкая, но необходимая для успеха восстания организационная работа по собиранию мелких сил. Чтобы подвинуть деревни на организацию хотя бы крестьянских союзов, нужно, чтобы крестьянин ясно понимал, для чего ему потребуются эти организации, куда его поведут эти организации».

Один из тамбовских делегатов считал своевременным выдвинуть как средство борьбы с крайностями большевистской диктатуры ответный террор защиты крестьянства партией с-р [6]. Видимо, ему был дан сильный отпор, после чего он вынужден был оправдываться. Приведем эту дискуссию: «*Тамбовец*: Никто не говорит, чтобы, разъехавшись, мы немедленно начали восстание. Полагаем, что нужно стать на путь организации крестьянства с лозунгом свержения большевиков. Мы предлагаем сохранить холодную голову, но вместе с горячим сердцем. Говорит: практически нельзя декларировать вооруженную борьбу. Но для подготовки ее (*она уже была в полном разгаре. — Авторы.*) нужно приступить к переброске самых активных товарищей. Напоминать, что террор необходим, когда действия власти оскорбляют общество, а когда другой меры наказания нет, я настаиваю на этом методе с предварительным охранением организаций» [6].

Всероссийская конференция партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии, проходившая 8 сентября 1920 г., в принятой резолюции подчеркнула: «*Большевистский режим самым фактом своего существования неизбежно порождает внутренние контрреволюционные движения и посягательства международного империализма, что возрождение народовластия уже само по себе явилось бы действительным средством вырвать почву из-под антисоветской интервенции и, констатируя (всего лишь констатируя! — Авторы.)* наличие широкого повстанческого движения народных масс для ниспровержения коммунистической диктатуры и установления власти народа, а вместе с тем, видя неизбежность в будущем возобновления партией вооруженной борьбы с большевиками и учитывая вместе с тем распыленность масс, конференция партии с-р полагает, что очередной задачей партии является работа по организации активных сил, необходимых для достижения указанных целей. Одновременно партия считает необходимым вести самую решительную борьбу со всякими попытками контрреволюции, каким бы именем она ни прикрывалась, резолюция партии с-р полагает, что очередной задачей партии является предварительная работа по организации масс, без чего невозможно осуществление намеченных целей» [10].

Член ЦК ПСР Ю. Подбельский, которого обвинили в тайном руководстве крестьянским восстанием, яростно отрицая это, отрицая вообще какое-либо участие партии социалистов-революционеров в

мятеже, писал в своем заявлении: «Мой очерк о Тамбовском восстании всякому представителю власти доступен для ознакомления и, как бы к нему ни относиться, но называть «руководителем» и «вдохновителем» Антонова человека, который так, как это сделал я, охарактеризовал и самого Антонова («типичный экспроприатор эпохи 1905—1909 годов», «вольный стрелок партизанщины») и руководимое им движение («партизанщики», нелепая «бесшабашная» голая партизанщина, без лозунгов, без идей, без программ и т. п.), это значит, в лучшем случае, обладать несовершенной логикой. Что касается захваченных у меня материалов, то они включают в себя заметки о многочисленных фактах жестокости, проявленной в борьбе как сторонниками Антонова, так и советскими войсками, и самое страшное — рассказ одного из тамбовцев о том, как он попал в «штаб» одного из полков Антонова, что он там наблюдал и как он протестовал в помещении «штаба» против безобразий, чинимых сторонниками Антонова. Вот и все материалы, на основании которых ВЧК «установила», что «ЦК в лице этого уполномоченного (*т. е. в лице Ю. Подбельского. — Авторы.*) руководил восстанием кулаков, бандитов и дезертиров в Тамбовской и Воронежской губерниях» [10].

Ю. Подбельский писал далее: «На конференции П. С. -Р. осенью прошлого г. представителем Тамбовской организации П. С. -Р. действительно «был сделан доклад о восстании Антонова в Тамбовской губернии», но относительно «участия в нем местных с. -р.» в докладе не говорилось и не могло говориться ни слова, в чем можно удостовериться, прочитав находящийся в распоряжении ВЧК подлинник протокола сентябрьской конференции П. С. -Р., взятый при аресте одного из членов ЦК П. С. -Р. Правда, в протоколе говорилось об организации Союза трудового крестьянства, но этот Союз не имел ничего общего с Антоновым. Он был против вооруженного восстания при данных условиях, хотя и допускал возможность такого восстания в будущем. Если впоследствии отдельные, оторванные от губернского центра, начавшиеся стихийным восстанием ячейки Союза трудового крестьянства кое-где, может быть, и приняли участие в восстании, то, во-первых, это происходило вопреки директивам руководителей Союза, а, во-вторых, те стихийные местные восстания, к которым кое-где примкнули (но, во всяком случае, не были их инициаторами) ячейки Союза трудового крестьянства, не имели никакого отношения к руководимому Антоновым восстанию. Антонов, как это явствует из очерка моего в № 6 «Революционной России», появился на сцене лишь тогда, когда стихийное крестьянское движение было подавлено советскими карательными войсками и началась партизанская фаза тамбовского восстания.

Остальные измышления насчет «корректирования действий Антонова губернским центром с. -р.», участия Антонова на совещании с. -р. в Тамбове и проч. я не стану опровергать — не столько потому,

что с мая месяца 1920 г. я не жил в Тамбове и даже приблизительно не знаю, что происходило в Тамбовской организации с. -р. за время восстания (так как вся Тамбовская организация в сентябре 1920 г. была арестована), сколько потому, что обвинения эти слишком уж бьют каждому в глаза своей нарочитой придуманностью и едва ли нуждаются в опровержении. О степени их достоверности можно судить по тем обвинениям, которые приписывают лично мне и которые я пункт за пунктом выше опроверг. Если можно одному человеку в течение г. руководить из Москвы восстанием сразу в двух отдельных от Москвы губерниях, то во сколько же раз легче придумать фантастический союз Антонова с местными с. -р. (хотя бы и арестованными поголовно и содержащимися в тюрьме). Не в деятельности П. С. -Р., а в господствовавшей до сих пор политике по отношению к трудовому крестьянству («продразверстка» и пр.) нужно искать причины длительного партизанского движения тамбовских крестьян. Антонов не продержался бы в деревне и одного дня, если бы не действия карательных отрядов, от которых страдали не столько «антоновцы», сколько ни в чем неповинное рядовое крестьянство. В порядке кровавой круговой поруки целые села отвечали иногда за невольное и неизбежное соприкосновение с проходящими отрядами Антонова» [10].

Ни общероссийское, ни губернское руководство партии эсеров не были прямо причастны к антоновщине. Но влияние эсеров на повстанческое движение, его идеологию и организацию является несомненным, как и то, что большинство его вожаков принадлежали к ПСР.

Вышеизложенное позволяет заключить, что в социальном взрыве в тамбовской деревне прослеживается роль партии социалистов-революционеров. Ее влиянию и руководству во многом приписывали размах движения руководители борьбы с антоновщиной. «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии было внимательно подготовлено партией эсеров», — таково было официальное мнение.

Тем не менее, ЦК партии социалистов-революционеров не выдвигал задачу организации вооруженного восстания против коммунистов и не переоценивал умножавшихся фактов крестьянских бунтов. Напротив, полагая, что изолированные, разрозненные выступления приведут лишь к усилению «красного террора», лидеры эсеров планировали широкую политическую акцию подчеркнуто мирного характера. Восстание крестьян оказалось неожиданным для губернского комитета партии правых эсеров и даже для губернского Комитета Союза трудового крестьянства.

Впоследствии на заседании Всероссийской конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии 8 сентября 1920 г. тамбовские делегаты настаивали на необходимости пойти навстречу нарастающему в массе трудового

крестьянства стихийному протесту против большевистского режима и дать ему свои испытанные в борьбе лозунги. СТК обращался к красноармейцам, крестьянам по поводу положения в стране и с призывами свергнуть Советскую власть. Союз трудового крестьянства обращался к различным слоям граждан с воззваниями и листовками.

Ни общероссийское, ни губернское руководство партии эсеров не были прямо причастны к антоновщине. Но влияние эсеров на повстанческое движение, его идеологию и организацию является несомненным, как и то, что большинство его вожаков принадлежали к ПСР.

Источники и примечания:

1. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 40.
2. Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1110. Л. 1—3.
3. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 646. Л. 236.
4. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 36—40.
5. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 25. Л. 52—58.
6. Протокол заседания Всероссийской конференции партии социалистов-революционеров о положении дел в Тамбовской губернии. 8 сентября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 138. Л. 17—18, 25 об., 28 об., 30 об. — 31.
7. Документы Союза трудового крестьянства. Протокол совместного заседания представителей Губкома СТК, командного и политического состава повстанцев. 15 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 477 об., 472 — 473.
8. Листовки и воззвания Союза трудового крестьянства «В борьбе обретешь ты право свое!». Январь—февраль 1921 г. РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 29. Л. 7.
9. Листовки и воззвания Союза трудового крестьянства. В борьбе обретешь ты право свое! Январь—февраль 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 239; РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 661. Л. 41—42.
10. Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота. Амстердам, 1989. С. 551—555.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЛНЕНИЙ НА ТАМБОВЩИНЕ В КРЕСТЬЯНСКУЮ ВОЙНУ

Крестьянская война 1920—1921 годов в Тамбовской губернии выросла из повстанческого движения, начинавшегося осенью 1918 г. Последующее развитие событий было отмечено постоянными вспышками мятежей в отдельных селениях и появлением в лесных районах боевых групп и партизанских отрядов, именовавшихся в советской документации «бандами».

С начала 1919 г. в Кирсановском уезде активно действовала «банда» А. С. Антонова. В это время формировались силы и очаги будущего массового восстания, выдвигались лидеры, возникали боевые отряды как ответ на продрозверсточные кампании, становившиеся все более непосильными. На протяжении почти всего этого времени ситуация не была непоправимой, еще была возможность предотвратить социальный взрыв. В этом отношении весьма знаменательным является письмо А. С. Антонова Кирсановскому уездному комитету РКП (б) в феврале 1920 г., в котором от имени боевой дружины он заявлял «товарищам коммунистам», что «на борьбу с уголовщиной мы всегда готовы подать Вам руку помощи». Свидетельства возможного взаимодействия и сотрудничества, подлинного союза революционных сил города и деревни на грани 1919—1920 годов можно найти в действиях и Ф. К. Миронова, и Н. И. Махно, и других лидеров крестьянской революции. Однако во всех случаях главным условием осуществления этой возможности было изменение советской политики в деревне, прежде всего отмена продрозверстки.

Понимание необходимости пересмотра политики по отношению к крестьянству стало возникать и в большевистском руководстве. В том же феврале 1920 г. Л. Д. Троцкий внес в ЦК РКП (б) предложения о замене продрозверстки натуральным налогом, что фактически вело к отказу от политики «военного коммунизма». Эти предложения были результатом практического знакомства с положением и настроением деревни на Урале, где в январе-феврале оказался Троцкий как председатель Революционного Военного Совета Республики. Его записка «Основные вопросы продовольственной и земельной политики» начиналась с принципиального вывода о «неэффективности продовольственной политики, построенной на отобрании излишков сверх потребительской нормы», ибо она «толкает крестьянина к отработке земли лишь в размерах потребности своей семьи». Троцкий предупреждал: «Продоволь-

ственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата». Больше того, сохранение продразверстки «грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». Преодолеть процесс «хозяйственной деградации» предлагалось: 1) «заменив изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходный натуральный налог), с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляла все же выгоду», и 2) «установив большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством ссыпаемого ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам». Как известно, с этого и началась весной 1921 г. новая экономическая политика.

Конечно, условия гражданской войны еще не были устранены, неизбежность новых военных столкновений оставалась очевидной, но и предел возможностей крестьянского хозяйства был уже исчерпан. После разгрома главных сил контрреволюции на Востоке и Юге России, после освобождения почти всей территории страны изменение продовольственной политики стало возможным, а по характеру отношений с крестьянством — и необходимым. К сожалению, предложения Л. Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП (б) были отклонены. Запоздание с отменой продразверстки на целый год имело трагические последствия, антоновщины как массового социального взрыва могло не быть.

Вспыхнув в середине августа 1920 г. в селах Хитрово и Каменка Тамбовского уезда, где крестьяне отказались сдавать хлеб и разоружили продотряд, огонь восстания распространялся по губернии с непостижимой для местных властей быстротой, поскольку они привычно считали, что имеют дело с бандитскими шайками, а не народным возмущением. Уже в августе—сентябре 1920 г. антоновцы подковой охватили Тамбов, находясь всего в 15—20 верстах от губернского центра. Их численность достигла примерно 4 тыс. вооруженных повстанцев и около 10 тыс. людей с вилами и косами.

Бесчинства продотрядовцев порождали недовольство крестьян, которое выражалось в саботаже, незапашке ярового клина. Свое неподчинение новой власти крестьяне выражали и в срыве мобилизационных мероприятий.

Вот как начиналось крестьянское восстание на Тамбовщине.

6 августа 1920 г., когда негодование масс достигло наивысшего апогея, по инициативе Г. Н. Плужникова («Батько») в селе Каменка Тамбовского уезда началось повстанческое движение. В первые дни выступившими были обезоружены продотряды в Каменском районе в составе 23 человек и обезоружена милиция численностью в 65 человек, в то же время были сделаны налеты на Александ-

ровский и Ивановский совхозы, где было обезоружено 14 человек и разбит под Александровским совхозом отряд губчека численностью в 66 человек.

В тот же день, 6 августа 1920 г., был вооружен партизанский отряд численностью в 100 человек пехоты и 20 человек кавалерии. Этот отряд 9 августа совершил налет на ст. Чакино и разбил отряд учебной команды численностью в 200 человек, обезоружил из них 15 человек. 13 августа был совершен налет на деревню Афанасьевку, где было обезоружено 60 человек, потом нападение на команду губчека, расположенную в селе Каменка, где было отнято у них 30 винтовок и 1 пулемет.

15 августа 1920 г. на партизанский отряд было совершено нападение советских войск, наступавших из села Верхоценье. Партизанский отряд, перейдя в контратаку, захватил 36 красноармейцев, в том числе командира батальона, а 16 августа, опять-таки по распоряжению Плужникова, вспыхнуло восстание в Хитровском районе Тамбовского уезда.

Собранные таким же образом силы были направлены одновременно с Каменским отрядом в Кирсановский уезд на соединение с отрядом Антонова. Соединение произошло в селе Трескино в присутствии всех партизанских сил. Управление отрядами было поручено Антонову, после чего рост его отрядов стал увеличиваться быстрым темпом.

Весть о разгроме под Каменкой продотряда и отряда по борьбе с дезертирством в этот же день достигла Тамбова. В губисполком, губком компартии, губвоенкомат и губчека ежедневно поступали тревожные сообщения из волостей и с железнодорожных станций, находившихся по соседству с эпицентром вспыхнувшего восстания.

Поздним вечером 21 августа 1920 г. в Тамбове состоялось экстренное заседание президиумов губисполкома и губкома партии, на котором было решено образовать военно-оперативный штаб при губчека в составе председателя губчека Трасковича, губвоенкома Шикунова и губвоенрука Збруева.

22 августа из Тамбова на станцию Ржакса был отправлен отряд курсантов полковой школы 21-го запасного стрелкового полка под командованием Воробьева. Сделав в пути остановку на станции Сампур, Воробьев сформировал сборный отряд из находившихся на станции разрозненных групп красноармейцев, продотрядников, милиционеров и сельских коммунистов. Командиру этого отряда Никольскому было приказано наступать на Каменку, «сбивая, если пошадутся, банды, или, в крайнем случае, сдерживая их». Сам же Воробьев со своим отрядом проехал по железной дороге до Ржаксы и оттуда также двинулся к Каменке.

Во второй половине дня у села Понзари отряд Никольского столкнулся с мятежниками и, не выдержав их натиска, стал беспорядоч-

но отступать на станцию Сампур, куда тем же вечером был вынужден отойти и отряд Воробьева.

23 августа, получив из Тамбова 60 штыков подкрепления, Воробьев вновь попытался наступать, но опять неудачно. Его оттеснили сначала к станции Чакино, а затем окружили на полпути между Чакином и Сампуром у разобранного мятежниками моста через речку Осиповку. Всю ночь, неся потери, отряд Воробьева отстреливался. Лишь утром 24 августа на помощь подошла из Тамбова бронелетучка транспортной ЧК под командованием С. Саленкова, которая своим огнем отогнала мятежников от отряда Воробьева [1].

Неудачи красноармейских отрядов заставили военно-оперативный штаб при губчека не только ускорить изыскание новых военных сил в самом Тамбове, но и обратиться за помощью в ближайшие к району вспыхнувшего восстания уездные города Кирсанов и Борисоглебск. Вечером 23 августа кирсановские военком Пластун и завполитбюро Сачко ответили по прямому проводу в Тамбов, что у них возникли серьезные трудности с формированием роты в связи с тем, что малочисленный караульный батальон в 300 штыков был «весь в разгоне» по селам уезда, где тоже было неспокойно, появлялись мелкие банды. Расквартированный в Кирсанове 2-й запасной кавалерийский полк трогать было нельзя, так как был получен приказ из округа [2] сформировать из него эскадрон в 300 сабель и не позднее 27 августа отправить на врангельский фронт. Из округа передали, что это приказ председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого. А во всем городе имелся лишь один пулемет, да и тот находился в железнодорожном батальоне, который не подчинялся уездным властям [3].

Военно-оперативный штаб при губчека приказал немедленно взять из железнодорожного батальона пулемет и два взвода бойцов, но строго предупредил кирсановских командиров: «Ни в коем случае не мешайте формированию эскадрона. Помните, что это задание Троцкого, и должно быть выполнено в срок» [3].

В отличие от Кирсанова, в Борисоглебске не возникло трудностей с формированием роты. Созданная на базе местного караульного батальона и пополненная несколькими борисоглебскими коммунистами, эта рота уже в 6 часов утра 24 августа была отправлена по железной дороге на станцию Жердевка. Во главе ее стал командир Борисоглебского караульного батальона Барышников, а политруком Переведенцев.

Н. А. Переведенцев — полный георгиевский кавалер и унтер-офицер старой русской армии, видный борец за установление Советской власти в Борисоглебске и первый военный комиссар уезда. В 1918—1919 г. в качестве комиссара и командира сформированных им же полков он принимал самое активное участие в боях с белогвардейцами, подавлял многие мятежи и восстания. А в ночь

на 23 августа 1919 г. во главе кавалерийского полка 14-й стрелковой дивизии совершил редкий по дерзости и продуманности налет на занятый белыми Борисоглебск, где находилось около шести полков противника. О личной храбрости Переведенцева и его командирском таланте в здешних местах ходили легенды [4].

Бесспорно, что присутствие прославленного командира сказалося на боевом духе бойцов Барышникова. Выгрузившись в Жердевке, рота сделала стремительный бросок до самой Каменки и в 10 часов вечера решительным и неожиданным для мятежников ударом выбила их из села, захватив в качестве трофея много лошадей. Это дало возможность Переведенцеву посадить часть бойцов роты на коней. Тем самым было положено начало формированию конного отряда, известного в истории подавления антоновщины под несколькими наименованиями: эскадрон Переведенцева, затем дивизион (два эскадрона) Переведенцева, и, наконец, — 1-й кавалерийский полк Переведенцева. С 24 августа, когда впервые красноармейцами была взята Каменка, имя Переведенцева стало еще известней.

В это же самое время с целью узнать на месте, что за восстание происходило в районе Каменки, сюда с небольшим отрядом приехал из кирсановских лесов А. С. Антонов. Здесь его находят прибывшие с той же целью два делегата состоявшегося накануне в Тамбове совещания губкома Союза трудового крестьянства. Делегаты (оба из Хитровского районного комитета СТК) передали Антонову указание губкома СТК не ввязываться в каменский мятеж, а возвратиться в Кирсановский уезд и ждать. Антонов на словах согласился, и делегаты уехали.

Однако Антонов ждать не стал. С 24 августа 1920 г. и уже до самого конца мятежа во главе его стоял А. С. Антонов. В архивных документах о подавлении мятежа имя Антонова впервые встречается в связи с его появлением поздно вечером 24 августа в Александровском совхозе, неподалеку от Каменки, то есть сразу после того, как он принял на себя командование [4].

Первыми действиями Антонова, сделанными не без помощи руководителей каменских мятежников Г. Н. Плужникова и А. В. Богуславского, были следующие. Узнав, что против слабо вооруженных мятежников сосредотачиваются для нанесения решительного удара значительные силы красных, Антонов большинству рядовых мятежников приказал временно разойтись по домам или скрыться. Это был чисто антоновский прием, неоднократно использованный впоследствии. А наиболее заметных и активных крестьян в ночь на 25 августа он увел с собой на восток, в Кирсановский уезд. На прощание антоновцы разграбили Александровский совхоз, «экспроприровав» 43 лошади, 13 быков, 6 телят, гурт овец и 150 пудов овса [5].

Благополучно, если не считать небольшой перестрелки возле

Уварово, достигнув кирсановских лесов, Антонов принял меры по организации вооруженных выступлений и в самом Кирсановском уезде.

25 августа, для непосредственного руководства на месте всеми действующими против мятежников, из Тамбова выехал губвоенком П. И. Шикунов. На станции Сампур он создал штаб боевого участка. Начальником штаба был назначен командир 4-й стрелковой бригады ВОХР (внутренние войска) В. И. Благонадеждин. Во второй половине 25 августа в Тамбове состоялось объединенное заседание президиумов губкома партии и губисполкома, где начальник военно-оперативного штаба Траскович доложил о ходе борьбы с мятежом. Было высказано немало упреков в адрес военно-оперативного штаба и самого Трасковича как председателя губчека. В частности, руководители губернии заявили, что они удивлены тем, что губчека до сих пор не может установить, кто так отчаянно сражается с нашими отрядами, чего они хотят и кто ими руководит?

Явно обидевшийся Траскович после окончания заседания сообщил об этом по прямому проводу Шикунову, который ответил, что «разведка действительно у нас поставлена неважно». В правоте своих слов губвоенком еще раз убедился на следующий же день. Сосредоточив значительные силы, он 26 августа перешел в решительное наступление, занял весь Каменский район, прочесал его, но повстанцев нигде не обнаружил. Ошеломленный такой новостью, Траскович 27 августа сам выехал на место, лично объехал весь Каменский район и доложил в Тамбов: «Здесь все спокойно» [6].

Для выяснения причин восстания и наказания его участников начали свою работу военные трибуналы. Во все объявленные на осадном положении волости уполномоченным губчека Рекстом были назначены коменданты-чекисты. Кроме того, с 29 августа приступили к работе две выездные сессии губчека.

Были подведены первые итоги. Оказалось, что в Каменском районе с советской стороны убито не менее 51 человека. Из всех местных Советов наиболее пострадал волсовет в селе Верхоценье, где погибли все шесть его членов. Но так было далеко не везде. Например, в самой Каменке волсовет не пострадал. Все его члены оказались живы, хотя от мятежников скрывался лишь один председатель-коммунист. Двух членов Каменского волисполкома чекисты арестовали, а остальным пригрозили трибуналом «за укрывательство соучастников бандитов» [5].

29 августа у села Вязовка, в 45 км юго-восточнее Ржаксы хорошо вооруженный отряд мятежников нанес поражение красноармейской роте в 126 человек, вышедшей накануне из Борисоглебска. А на следующий день утром практически весь Каменский район вспыхнул огнем нового, еще более сильного, чем прежде, мя-

тежа. На этот раз это действительно был «антонов огонь», ибо имя Антонова в устах мятежников звучало повсеместно. Мятежники вновь заняли Каменку. Начинаясь так называемый «поход на Тамбов».

Красноармейские отряды, разбросанные по деревням мелкими группами, не смогли оказать организованное сопротивление и понесли большие потери. При захвате мятежниками Каменки погиб ее комендант — 20-летний чекист Е. Т. Адамов. А в расположенной по соседству Александровке повстанцам удалось разгромить два небольших отряда из красноармейцев и продотрядников и захватить пулемет. В этот же день мятеж начал перекидываться в соседние с Каменским районом волости Борисоглебского и Кирсановского уездов.

Тамбовские власти, обеспокоенные таким неожиданным поворотом событий, забили тревогу. Вечером 30 августа положение в губернии было признано «чрезвычайно серьезным», а в связи с угрозой самому Тамбову 500 городских коммунистов были переведены на казарменное положение. Был усилен и военно-оперативный штаб при губчека. В его состав дополнительно вошли секретарь губкома партии Н. Я. Райвид и начальник 35-х Тамбовских пехотных командных курсов Л. Зенкович. В Борисоглебск и Кирсанов было отдано распоряжение о создании уездных оперативных штабов и формировании новых отрядов.

31 августа на борьбу с мятежниками во главе сводного отряда выступил сам председатель Тамбовского губисполкома А. Г. Шлихтер. Однако, столкнувшись с повстанцами в 30 км южнее Тамбова, его отряд в первом же бою потерпел поражение и вынужден был отступать. С каждым часом мятежники все ближе подходили к Тамбову.

Поняв, что своими силами мятеж не подавить, тамбовские власти начали искать помощь за пределами губернии. 31 августа предгубчека Траскович и уполномоченный ЦК по Тамбовской губернии Громов обратились по прямому проводу к заместителю председателя ВЧК И. К. Ксенофонтову со следующей запиской: «В районе Тамбовского, Борисоглебского и Кирсановского уездов вспыхнуло организованное большое восстание, руководимое полковником Богословским, эсерами Казанковым, Плужниковым, Юриным и другими. Часть посланных нами небольших отрядов разбита и разоружена, потеряв два пулемета. Банды в числе до 3000 в 14—17 верстах от Тамбова. Патронов, винтовок и сил у нас совсем мало. Саратов обещал помощь, которая придет не раньше двух суток. Просим поддержки не менее батальона пехоты и эскадрона кавалерии» [7].

И. К. Ксенофонтов быстро отреагировал на просьбу о помощи, и уже через несколько часов в Тамбов отправились полуэскадроны

Тульской и Рязанской губчека. Но этого было уже явно недостаточно. С 1 сентября резко активизировались мятежники в Кирсановском уезде. В этот день своим отрядом Антонов занял Рамзинскую волость.

В Оперативной сводке губернского военного руководителя Збруева Орловскому окружному военкому об активизации повстанческих сил указывалось: «До сего времени бандиты продолжают действовать, активно обрывая телеграфные, телефонные провода, разрушая советское хозяйство, убивая коммунистов и совслужащих. Выступление банд носит определенно эсеровский характер с лозунгами «Долой коммунистов!», «Да здравствует Врангель!». Наиболее активны бандиты в районе: Ржакса, Семеновка, Уварово, Обловка, Алабушка, Отхожая; более мелкие и менее активные, но приносящие вред совхозьям, убивающие советработников, в районе: Сампур, Чакино, Ивановка, Понзари, Каменка, Степановка, Александровка.

Для ликвидации банд высланы: рота тамбовских курсантов с двумя пулеметами, рота полковой школы 21-го запасного полка с двумя пулеметами, караульная рота из Кирсанова с одним пулеметом, рота Борисоглебского караульного батальона с одним пулеметом и мелкие продотряды. Кроме того, сегодня вызван полускадрон смоленских курсантов из Борисоглебска. Командует всеми отрядами губвоенком Шикун, начальник штаба комполка 21 Бриммер. Штаб-поселок Ржакса, что у станции Ржакса.

Принимая во внимание, что полковая школа укомплектована уроженцами Тамбовской губернии, а продотряды — дезертирами, выношу убеждение, что усмирение банд затянется надолго, так как одних курсантов недостаточно на столь большой район. Отсутствие патронов не дает нам возможности вести более интенсивные действия. Для пользы дела считал бы необходимым срочно выслать в Тамбов минимум два батальона с двумя орудиями, по прибытии таковых курсантов отозвать, а караульные роты для задерживающегося отправления с пересыльных пунктов. Вторично прошу срочного распоряжения Тамбовскому и Моршанскому артскладам выдавать нам боеприпасы по мере надобности» [8].

Командующий всеми военными силами Шикун издал свой приказ за № 5, которым потребовал от подчиненных ему войск: в течение 48 часов в 21 населенном пункте на охваченной мятежом территории «произвести полную конфискацию имущества всех граждан», арестовать всех мужчин в возрасте от 16 до 40 лет и отправить их на принудительные работы. А военным трибуналом предписывалось «произвести суровую революционную расправу с соучастниками бандитов» [9].

Рано утром (в 5 час. 20 мин.) 31 августа 1920 г. был отдан приказ оперативного штаба при губчека о карательных мерах по отноше-

нию к селениям, примкнувшим к восстанию. В приказе отмечалось, что «борьба с бандитами, разрушающими совхозы, убивающими совработников и коммунистов, натывается на противодействие кулацкого населения, укрывающего бандитов и контрреволюционеров. Для скорейшего и решительного подавления бандитского движения оперативный штаб при губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией приказывает начальникам войсковых частей, действующих против бандитов, по отношению к селениям, в которых граждане будут замечены в участии в бандитских выступлениях или укрывательстве бандитов, провести беспощадный красный террор. Приказывается в таких селениях брать заложников — членов семейства из тех семей, члены которых примкнули к бандитам или им способствовали, заложниками брать граждан от 18 лет, не считаясь с их полом. Объявить населению, что в случае, если бандитские выступления будут продолжаться, заложники будут расстреливаться. Имущество таких граждан конфисковать полностью. Здания, занимаемые ими, сносить, а в случае невозможности — сжигать. Бандитов, застигнутых на месте преступления, расстреливать. Объявить также, что, согласно решения президиума губисполкома, селения, замеченные в участии в бандитских движениях, будут обложены чрезвычайными продовольственными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество всех граждан. Последние в принудительном порядке будут выселяться: взрослые мужчины и женщины — в лагерь принудительных работ, малолетние — в детские дома до конца гражданской войны» [10].

Начальник штаба войск Тамбовской губернии, видный армейский политработник А. С. Каказов в июле 1921 г. так характеризовал карательную политику тамбовских властей осенью 1920 г.: «Наши части больше занимались очисткой деревни от всего живого и мертвого инвентаря, чем очисткой от банд и их уничтожением. Здесь не разбираются, кто прав, кто виноват. Все крестьянство сваливается в одну кучу и объявляется бандитским. Преданная и лояльная нам часть крестьянства после произведенной фуражировки (понимай — грабежа), в результате которой оно лишилось всего инвентаря и жилища (так как оно сожжено), находится в безвыходном положении. Для него нет иного выхода, как только идти и пополнить банду, чтобы жестоко отомстить за свое добро, нажитое столь тяжелым трудом. Целые деревни, боясь нашего «красного террора», забрав свой скот, женщин и детей, уезжают и скрываются в лесах. В результате подобной ликвидации бандиты растут как грибы и общая численность восставших достигает десятков тысяч человек» [11].

Непродуманная и слишком жестокая карательная политика тамбовских властей с самого начала вызывала несогласие и ропот у

многих красноармейцев и командиров. Некоторые отряды отказывались выполнять приказы по уничтожению деревень. Немало бойцов, не желая идти под трибунал за невыполнение подобного приказа, дезертировали или переходили (иногда целыми подразделениями) на сторону мятежников.

Сошлемся на протокол заседания Военного совета Тамбовской губернии об имеющихся фактах перехода красных частей в ряды повстанцев от 21 октября 1920 г., на котором присутствовали: заместитель председателя военного совета Мещеряков и члены Военного совета Райвид и Благонадеждин. По докладу комвойсками Благонадеждина о ходе военных действий было принято постановление: «А. Принимая во внимание заявления комвойсками, что имеющиеся на подавлении восстания полк Запасной армии и отряд Тамбовского губвоенкомата не вполне надежны и что он не уверен в их преданности, поручить комвойсками довести об этом до сведения комвойсками ВНУС Республики т. Корнева. Б. Предложить губчека расследовать факт перехода к бандам роты Запармина и отряда губвоенкомата, получив сведения от комвойсками т. Благонадеждина. В. Обратит внимание начальника политотдела т. Эйдмана на этот факт и предложить ему сговориться с комвойсками о поднятии политработы в частях [12].

Тех, кто не становился дезертиром или перебежчиком, но писал протесты и жалобы в различные инстанции, сурово наказывали в дисциплинарном порядке.

Тамбовские власти все чаще и настойчивее обращались за помощью в различные города и инстанции.

Приведем запись телефонного разговора по прямому проводу со штабом Орловского военного округа 2 сентября 1920 г. Трасковича [13]. В это время, по его словам, мятежники находились в 15—17 верстах от Тамбова.

«Орел: Вот я говорю, принимайте, буду давать вам ответы, записывайте. Дайте исчерпывающие ответы на следующие вопросы:

1. Сколько вооружения у восставших с бандитами каждого рода войск и сколько пулеметов?

2. Укажите подробно пункты сосредоточения бандитов и количество вооруженных восставших в каждом пункте по имеющимся у вас данным.

3. Сколько всего взято вами вооруженных красноармейцев по полковой школе и вообще из 21-го запасного полка, командных курсов, караульных частей, вооруженных коммунистов из местных организаций и всадников, сформированных из числа Тамбовского и Кирсановского кавэскадронов?

4. Что это за активно бастующие?

Траскович: Не бастующие, а выступающие, повторяем, бастующих нет, а есть восставшие.

Орел: Каковы основные причины, вызвавшие восстание, по вашим данным?

5. Первоначальное место восстания и количество восставших?

6. Насколько исправны орудия, вами сформированные в батарее, и имеется ли знающее дело прислуга у орудия батареи полностью?

7. Сколько пулеметов действует по ликвидации восстания?

Тамбов: Отвечаем. Сведения по всем вопросам нами давались неоднократно, что и напоминаем, но дополнительно сообщаем: на первый вопрос — всего вооруженных приблизительно до 4 тыс., в том числе до 3500 пехоты и кавалерии до 500. Кроме того, вооруженных вилами, косами и т. п. до 10 тыс., при них 4 пулемета. На второй вопрос — бандиты сосредоточены в следующих районах: Сампур, Рассказово, Каменка Тамбовского уезда, Курдюки и Рамза, Иноковка Кирсановского уезда и в Моршанском уезде — Александровка. Установить точно число восставших и вооруженных в каждом районе невозможно, но в каждом из них не менее 300-500 человек. На третий вопрос — нами взяты вооруженные красноармейцы: 21-го полка полковой школы — 180 штыков, Тамбовских командных курсов — 250 штыков, кар аульных частей — 500, коммунистов — 200, Тамбовского эскадрона кавалерии — 30 сабель, Борисоглебских кавкурсов — 30 сабель. На четвертый вопрос — восстание организовано правыми эсерами и штыками Врангеля. Цели восстания: — срыв продкампании, подрыв мощи республики, уничтожение коммунистов и соработников. На пятый вопрос — район Каменка, Туголуково Борисоглебского уезда. Число восставших — 300—400 вооруженных. На шестой вопрос — все 4 орудия исправны, из них сформирован взвод, имеющий полностью опытную прислугу из старых артиллеристов. На седьмой вопрос — 6 пулеметов, кроме того, мы потеряли 2 пулемета, сохранив замок одного» [13].

В Орле тогда еще имели смутное представление о том, что происходило в Тамбовской губернии. Поэтому из штаба округа укоризненно ответили, что имеющихся у тамбовских властей сил «вполне достаточно, чтобы не только ликвидировать восстание, но и стереть с лица земли всех бандитов вместе со всеми восставшими. По подобным восставшим дать один-два артиллерийских выстрела — и все разбегутся без всякого сопротивления. Помешать надо с ними церемониться».

10 сентября 1920 г. из Орла прибыл вновь назначенный командующий войсками Тамбовской губернии Ю. Ю. Аплот. Он начал свою деятельность с перегруппировки воинских частей, создал две ударные группы по полторы тысячи бойцов каждая и поставил им задачу — обнаруживать и уничтожать все крупные отряды мятежников. Действия нового командующего описаны в его докладе, который приведем по архивному делу [14].

«Доклад командующего войсками Тамбовской губернии Ю. Ю. Аглока командующему войсками ВНУС В. С. Корневу о положении и боевых действиях в районе восстания г. Тамбов, 5 октября 1920 г.

В районе железной дороги Тамбов — Кирсанов (20 августа 1920 г.) началось усиленное движение мелких вооруженных банд, к которым примыкали крестьяне указанного района.

Банды, объединившиеся в группы численностью в несколько тысяч человек, меняя постоянно свое местопребывание, убивали советских работников, особенно жестоко расправлялись с членами РКП. Общая численность банд достигла к моменту моего вступления в командование вооруженными силами Тамбгуб от 15 до 20 тысяч человек, причем вооруженных огнестрельным оружием насчитывалось 2500—3000 человек, остальные были вооружены холодным оружием (вилы, колья, пики и т. п.).

I. Причиной восстания послужила эсеровская агитация на почве политики Советской власти и недовольства местного населения, преимущественно кулацкого, и развитого бандитизма в Тамбовской губ. еще с 1905 г. Во главе восставших стал Тамбовский эсеровский комитет (ныне арестованный), который и использовал существующие мелкие бандитские шайки для организации настоящего восстания, поставив во главе банд руководителем бандита эсера Антонова, популярного среди местного кулацкого населения.

Усиление банд за счет местного населения производилось путем агитации кулацкого элемента, который примкнул добровольно, и насильственной мобилизации среди середняка и бедняка.

II. Первое активное выступление было в районе станции Чакино, в деревнях Верхоцежье, Серединка, Понзарь появилась банда, вооруженная, около 300 человек, огнестрельным оружием, и большинство населения упомянутого района; начались крестные ходы, противосоветские митинги — на другой день был охвачен весь район между пунктами Сампур — Токаревка — Обловка, сконцентрировались и организовались в этом районе и 23 сентября ушли в уваровские леса, что восточнее станции Обловка.

25 сентября наши части, оперирующие в районе станции Чакино, были переброшены против банд, скопившихся в уваровских лесах, но бандиты просочились из лесу и сконцентрировались в районе дер. Моздок и Вязовка, что в 20 верстах западнее станции Обловка, и нанесли удар нашей роте, едущей из Борисоглебска. 26 августа примкнули к восставшим деревни по линии станции Кандауровка — Воронцово, что в 8 верстах южнее ст. Кандауровка, Царевка, что в 10 верстах юго-восточнее Кандауровки, Богородицкое, что южнее Сухотино, и далее Никольское, что в 17 верстах северо-восточнее Сампура. Наши части, действующие в районе Обловки, были переброшены в район д. Коптево, что в 10 верстах северо-

восточнее ст. Сампура, где нанесли противнику удар, после чего он отступил в район станции Инжавино, где к нему примкнуло население Инжавинского района, и была занята 3 сентября станция Инжавино. 4 сентября наши войска, переброшенные к станции Инжавино, развивая наступление вдоль железной дороги Иноковка — Инжавино, заставили противника очистить Инжавино и район к востоку от станции и сгруппировались юго-западнее Инжавино. Для подавления восстания действующие войска были разбиты на пять групп, причем действие их напоминало действия по внутренним операционным линиям с центром ст. Сампур, без определенного, строго разработанного плана, так как район восстания охватывал площадь около 1200 кв. верст. Наше командование, не имея достаточно сил, а также дорог для быстрой переброски войск, этим самым давало противнику большие преимущества, противник не выпустил инициативу из своих рук, нанося удары в желаемых для него пунктах. После неудачных операций наше командование поняло неправильность своей работы и перешло к действию мелкими войсковыми соединениями, наподобие партизанских, причем операции отдельных частей не были координированы, за отсутствием общего плана.

III. 11 сентября в 1 час ночи положение в районе восстания было нижеследующим: противник занимал район по линии Кропоткине, что в 25 верстах юго-западнее ст. Отхожая — Моздок — Вязовка, что в 17 верстах юго-западнее ст. Отхожая — Елакалатка, что в 5 верстах восточнее Ржаксы, что в 10 верстах северо-восточнее Чакино — Озерки, что в 25 верстах севернее Чакино — Болдыревка, что в 30 верстах северо-восточнее Сампур — Новоникольское, что в 5 верстах северо-восточнее Болдыревка — Беляевка, что в 16 верстах северо-западнее Инжавино — Троицкое, что в 10 верстах юго-западнее Инжавино — Архангельское, что в 15 верстах южнее Инжавино.

Наши войска занимали линию: Репная, что в 18 верстах юго-западнее д. Отхожая — Чикаровка — Тугодуково, что в 38 верстах западнее ст. Обловка — Анановка, что в 20 верстах юго-западнее Ржакса — ст. Ржакса — Чакино — Сахаровка, что в 15 верстах юго-восточнее Сампур — Перексы, что в 5 верстах северо-восточнее ст. Сампур — Никольское, что 17 верст северо-восточнее ст. Сампур — Богуславское, что в 15 верстах северо-восточнее Никольское — Осиновка, что в 10 верстах юго-западнее Иноковка — Козьмодемьянское, что в 17 верстах северо-западнее Инжавино — Хорошавка, что в 18 верстах юго-восточнее Инжавино. Наши части, разбросанные мелкими на протяжении 180 верст. оказывали слабое сопротивление и, кроме этого, создавалась угроза нашим коммуникациям, идущим параллельно, а не перпендикулярно фронту, что могло послужить причиной разгрома всей нашей силы, про-

тивник, перерезывая железную дорогу, отдалял бы наши части от базы и г. Тамбову угрожала непосредственная опасность быть разгромленным противником, т. к. гарнизон города не был в достаточной мере приведен к боевой готовности.

IV. 1) Вошел в контакт с местной властью, и по общему решению президиума губисполкома и губкомпарта пришли к заключению об упразднении Военного совета, который был упразднен 11 сентября; 2) ознакомившись с обстановкой, немедленно, в ночь с 10-го на 11 сентября, сделал распоряжение об уничтожении партизанских приемов борьбы; 3) мелкие отряды были сведены во временные боевые единицы — сначала в батальоны, а потом — полки; батальоны были сведены в две группы и образован общий резерв из частей гарнизона г. Тамбова; 4) составил план общих действий с целью установления единого фронта и сокращения его и обеспечения коммуникаций; 5) привел в боевую готовность гарнизон г. Тамбова; 6) сформировал новые части за счет местных средств и Орловского сектора; 7) организовал охрану города; 8) уничтожил сепаратное самоснабжение войсковых частей, используя для этой цели отдел снабжения 4 бригады ВОХР; 9) предложил местной власти создать трофейные комиссии для правильного учета отобранного имущества и планомерного возвращения потерпевшим от бандитизма; 10) организовал санитарную помощь войсковым частям; 11) сформировал при себе временный штаб из 9 человек; 12) политическую работу поручил вести своему помощнику т. Басову, как среди войсковых частей, так и среди населения, и войти в контакт с губкомом РКП (б); 13) составил план распределения войсковых частей на продовольственные работы и по очищению от вредных элементов района восстания.

V. Наши потери убитыми, ранеными, без вести пропавшими 560; у бандитов убитыми — 1800 человек, ранеными-пленными — 930 человек. Наши трофеи — 700 лошадей, 50 повозок, 2 аппарата Морзе и один телефон, один автомат «Шоша», число винтовок не выяснено.

VI. Конtribusi лично мной не накладывалась, а произведена конфискация имущества в д. Золотое за предательское убийство двух красноармейцев, означенная деревня по окончании конфискации подлежит сожжению.

VII. В губернии в данное время и в районе восстания никаких антисоветских движений по агентурным сведениям не замечается. О развитии бандитизма, который в губернии начался еще с 1905 г. и почти не прекращался, но только присутствие войск заставляет его временно замирать, могу сказать с уверенностью, что, как только будут уведены войска из уездов, бандитизм вновь разрастется и будет представлять постоянную угрозу. Средством борьбы с ним есть губчека, но которую необходимо усилить сотрудниками.

VIII. Выводить войска из уездов впредь до получения свежих частей не представляется возможным.

Банда Антонова, обессиленная теперь, будет существовать и впредь до уничтожения ее главаря.

Командующий всеми вооруженными силами по подавлению восстания Тамбовской губернии Ю. Аплук [14].

Военных сил, имевшихся в распоряжении Аплука, было вполне достаточно для разгрома и уничтожения всех сколько-нибудь крупных отрядов мятежников. Войска не уступали им по численности, а по вооруженности значительно превосходили их. Однако Аплуку не удавалось нанести сокрушительный удар хотя бы по отряду самого Антонова, который как магнит притягивал к себе лучшие силы советских частей, водил их за собой из уезда в уезд, вступал с ними в непродолжительные схватки, но серьезно, а тем более окончательно, разгромить себя не давал.

19 сентября возле села Туголуково произошел бой, во время которого антоновцы были рассеяны красноармейцами, потеряв, по данным тамбовского военного командования, около 350 человек. Ю. Ю. Аплук, уверенный, что после такого серьезного поражения, Антонову уже никогда не подняться, издал победный приказ, начинающийся так: «Восстание в Борисоглебском, Тамбовском и Кирсановском уездах ликвидировано, вверенные мне войска добивают Антонова у Туголукова» [15].

Однако командующий рано праздновал победу, Антонов у Туголуково разбит не был. Его рассеявшийся во время боя отряд тут же вновь собрался в условленном месте. Совершив за ночь переход в 70 км Антонов с тысячей мятежников при четырех пулеметах утром 20 сентября занял большое село Знаменку в 40 км южнее Тамбова. Двигаясь отсюда в северо-восточном направлении, антоновцы захватили врасплох и разоружили несколько красноармейских отрядов. Находясь в постоянном движении и неожиданно появляясь в самых непредсказуемых местах, отряды Антонова и его сподвижников свои главные удары направляли на работавшие в селах продотряды, уничтожая одни из них и деморализуя другие.

В начале октября, уходя от преследовавших его войск, Антонов со своим отрядом покинул пределы Тамбовского края, ушел в Балашевский уезд Саратовской губернии. Восприняв это как поражение Антонова, командующий войсками Ю. Аплук 3 октября 1920 г. издал новый победный приказ, извещавший о подавлении мятежа, объявил войскам революционную благодарность за подавление Антонова, наградил отличившихся красноармейцев и командиров и с чувством до конца исполненного долга отбыл из Тамбова в Орел, сдав командование войсками Тамбовской губернии командиру 4-й отдельной стрелковой бригады внутренних войск В. И. Благонадеждину [4].

Новый командующий, также считавший, что с Антоновым покончено, перебросил 2400 бойцов на выполнение продовольственной работы, отправив их мелкими группами в качестве продотрядов по деревням.

Сейчас трудно сосчитать, сколько раз руководители партийных и советских органов Тамбовской губернии докладывали в Москву, что главные силы Антонова уничтожены, а полная и окончательная ликвидация остатков разбитых банд — дело нескольких ближайших дней.

В окончательный разгром Антонова поверили также Военный совет и партийно-советское руководство губернии. Из переполненных тюрем и концлагерей началось частичное освобождение крестьян, «превентивно изъятых» (арестованных) ранее.

7 октября председатель Тамбовского губисполкома А. Г. Шлихтер сообщал в телеграмме В. И. Ленину: «Мною дважды посещены захваченные в плен при подавлении бандитского эсеровского движения крестьяне. В первой беседе с ними разъяснены их ошибки, заблуждения, обещано быстрое рассмотрение дел» [16].

В августовских и сентябрьских боях 1920 г. советские отряды настоящих мятежников в плен не брали, расстреливали на месте. В концлагерях сидели незаконно и без разбора арестованные крестьяне.

Председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский тоже поверил в разгром Антонова и заявил через центральную прессу, что антоновские банды ликвидированы. Тамбовские руководители, пытаясь скрыть серьезные огрехи в своей работе, долго выдавали желаемое за действительность. А расплачиваться за это приходилось бойцам и командирам красноармейских частей, продотрядникам, деревенским коммунистам, сельсоветчикам, да и остальному почти полуторамиллионному населению восставших трех уездов.

В начале октября 1920 г., скрывшись с двухтысячным отрядом в Балашовском уезде Саратовской губернии и произведя там изрядный переполох, Антонов разделил свой отряд на несколько групп по 300—400 человек и дал им задание скрытно и без шума перейти в новый район боевых действий — на участок железнодорожной ветки Борисоглебск — Жердевка.

Достигнув заданного района, где их никто не ожидал, антоновцы 7 октября захватили и разгромили станцию Терновка, убив в соседнем селе с таким же названием 10 коммунистов. 8 октября под станцией Жердевка мятежники взяли в плен роту в 100 человек. В последующие 3—4 дня антоновские отряды широким фронтом прошли почти всю западную половину Борисоглебского уезда, сметая и уничтожая работавшие здесь продотряды. В связи с этим сбор хлеба по продразверстке в Борисоглебском уезде резко сократился.

Представитель ВЧК Громов и члены губвоенсовета Ф. К. Трас-

кович и Н. Я. Райвида 1 октября 1920 г. по прямому проводу направили в ВЧК докладную записку следующего содержания: «Очень спешно Москва, ВЧК, Ксенофонтову. Восстание белоэсеровских банд в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах продолжается, имея тенденцию захватить новые эсеровские районы губернии. Направленные на подавление банд войска имели ряд упорных столкновений с бандами, часть коих разбита, в некоторых случаях наши войска отступали, будучи разбиты [17].

Отношение населения к партизанам было сочувственное. Имели место случаи встречи партизан со слезами на глазах, как избавителей от ига коммунистов. Первое время при созыве партизанами общих собраний граждан крестьяне шли на них охотно, после речи ораторов принимали резолюции, в которых выражали сочувствие партизанам, давая слово идти рука об руку на борьбу с коммунистами. Оказывали им материальную и техническую поддержку, массами шли добровольцами в их ряды. При нападении на красноармейские части они оказывали им содействие, разбирали железнодорожные полотна, грабили совхозы, служили партизанам в качестве шпионов, разведчиков, указывали местонахождение коммунистов и лиц, сочувствовавших Советской власти.

Первоначально тамбовское руководство отводило на ликвидацию крестьянского восстания не более трех-четырёх недель. Партизанский способ ведения боевых действий повстанцев, успевавших под натиском красноармейских частей скрыться и просто раствориться в крестьянской среде, пульсирующий характер движения затрудняли оценку эффективности военных мер. В докладе В. И. Ленину командующий войсками внутренней службы республики В. С. Корнев 1 ноября 1920 г. заявлял, что восстание можно считать подавленным и вся задача ближайшего времени сводится к ликвидации отдельных банд и шаек. В докладе говорилось: «Со второй половины октября с. г. отмечается перелом в операциях на территории Тамбовской губернии, выразившийся в том, что сильный противник с большим преимуществом в маневренных действиях после ряда нанесенных его ядру сильных ударов потерял повстанческую окраску в широком масштабе. С 20-х чисел октября антоновцы начали избегать встречи с нашими частями, заметно терялись в неожиданных схватках и сводили свои боевые операции преимущественно к налетам и грабёжам. Однако, держась постоянно в хорошо знакомом ему районе, противник, несмотря на наносимые ему удары, быстро пополнялся за счет местного населения, дававшего ему боевой и конский состав...» [18].

Но, побывав в Тамбове в конце декабря 1920 г., В. С. Корнев, по его же словам, убедился в невозможности справиться с восставшими наличными силами.

13 декабря антоновцы захватили и за три часа разграбили же-

лезнодорожную станцию Инжавино, гарнизон которой 433 бойца при 2 пулеметах «не оказал никакого сопротивления, постыдно бежал, оставив пулеметы, бросив по дороге патроны и винтовки». Эту свою фразу из приказа по войскам Тамбовской губернии командующий К. В. Редзько завершал так: «Подобного проявления трусости и низости в рядах войск, сражающихся против бандитов, еще не было». В целях предотвращения таких случаев в будущем, Редзько пошел на крайность, приказав расстрелять всех десятерых пулеметчиков Инжавинского гарнизона и еще 25 красноармейцев из числа «наибольших трусов».

Приведем доклад командующего вооруженными силами Тамбовской губернии К. В. Редзько Тамбовскому губернскому военному совету от 14 декабря 1920 г. [19].

«26 октября — время моего вступления в командование войсками Тамбовской губернии — т. Дежкиным, только что тогда лично ознакомившимся с положением дел в губернии, были мне обещаны вполне реальные силы, достаточные для самой скорой ликвидации кулацкого мятежа. С надеждой на присылку этих реальных сил я и вступил в командование войсками, этой же надеждой и жил в течение истекших 1,5 месяцев. Не имея сколько-нибудь достаточных сил, чтобы и в первое время препятствовать организации и скоплению банд, не получая обещанной помощи из Центра, я пытался личными средствами увеличить несколько свои силы. Так, мною был выпрошен батальон из Саратова; переформирован и устроен совершенно негодный для военных действий московский маршевый батальон; создан, наконец, заново батальон Военного совета. Разумеется, все эти средства чисто паллиативного характера не могли сколько-нибудь помочь делу. Да и действовали они лишь очень короткое время. Все это, однако, не помогает, и некоторые части по-прежнему остаются настолько небоеспособными, что не в силах оказывать хотя бы малейшего сопротивления налетам банд и только снабжают последних патронами, оружием, иногда даже и пулеметами (налет 13 декабря на Инжавино, 19 ноября на Новопокровский сахарный завод), проводимая Антоновым система благожелательного отношения к захваченным красноармейцам еще более ведет к упадку воинского духа частей. Со стороны железнодорожных частей ВНУС доходило дело и до открытой измены (294-й батальон железнодорожной охраны). Нечего и говорить, насколько одно наличие таких войск действует ободряющим образом на бандитов, играя подчас роль масла, подливаемого на огонь.

Убеждение в слабости сил Республики, убеждение, выведенное из 4-месячного опыта, убеждение в нестойкости частей, понимаемое бандитами как выражение сочувствия им, сознание вследствие всего этого своей безнаказанности — вот что служит силой, подбивающей на бандитизм крестьянские массы. Антонов широко и уме-

ло пользуется этой стороной дела. Во всех своих выступлениях он всегда указывает крестьянам на внутреннюю слабость Республики, недостаточность ее сил, близкое, наконец, ее падение. Он может иллюстрировать это примерами, и речи его действуют на массу. Наносимые Антонову поражения не действуют отрезвляющим образом на крестьян: Антонов ловко умест их обмануть и всегда собственные потери выдает за потери, понесенные красноармейскими частями. Ему верят. Моя же пропаганда, не имеющая за собой реальной силы, особого влияния не оказывает. Она является только иллюстрацией к постоянным словам Антонова: «Ничего другого, как болтать, им уже не остается».

Вот главные общие условия, в которых принужден я действовать... Сознание это слишком тяжело и заставляет меня еще раз просить об освобождении меня от обязанностей комвойсками.

Комвойсками Редзько, Начальник штаба Бриммер, Военком штаба Вязовкин» [19].

В обзоре особого отдела Тамбовского губернского ЧК о действиях повстанцев отмечалось, что с 10 по 20 декабря 1920 г. было взято Инжавино, выпущены арестованные в числе 300 человек, разобрана железнодорожная линия на участке Иноковка — Инжавино. Взято 2 пулемета, 167 винтовок, несколько тысяч патронов. Произведено ночное нападение на отряд Переведенцева, взято несколько винтовок. При нападении на ст. Иноковка был обстрелян поезд, второй поезд был задержан, в котором взято несколько десятков винтовок, один ящик бомб, 13 больших ящиков патронов, 1900 пудов сахара и др. Поезд был отведен от станции Иноковка к селу Никольское и спущен под мост. При наступлении красных на село В.-Спасское они были отбиты, потери красных: один эскадрон, 2 полка, после чего красные возвратились в Рассказово. Произошло столкновение разведок партизанской с разведкой Переведенцева около села Богословки, в результате красные разбежались, оставив 2-х убитых» [20].

17 и 18 декабря мятежники дважды захватывали узловую станцию Иноковка между Тамбовом и Кирсановом, где в их руки попали вагон с патронами, 2 вагона с сахаром, спичками и прочим. 17 декабря в селе Алешки Борисоглебского уезда отряд из 500 мятежников под командованием бывшего офицера И. М. Кузнецова обманом под видом красноармейской части захватили весь состав местного райревкома. Все схваченные 22 ревкомовца были выведены на огороды и зарублены. 18 декабря в деревне Чикаревка Борисоглебского уезда антоновцами был застигнут врасплох и полностью уничтожен отряд из 20 милиционеров. В этот же день мятежники произвели налет на сахарный завод в Большой Грибановке. 20 декабря антоновцы захватили село Анастасьевское (45 км северо-восточнее Тамбова) и разграбили находившуюся здесь большую

фабрику по изготовлению шинельного сукна для Красной Армии [21].

О случившемся быстро узнал В. И. Ленин и немедленно отреагировал гневной запиской в адрес наркома внутренних дел и председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского: «Верх безобразия. Предлагаю прозевавших это чекистов (и губисполкомщиков) Тамбовской губернии:

- 1) отдать под военный суд,
- 2) строгий выговор объявить Корневу,
- 3) послать архизэнергичных людей тотчас,
- 4) дать по телеграфу нагоняй и инструкции» [21].

Этой записке В. И. Ленина было суждено сыграть исключительную роль в активизации борьбы с мятежниками. 26 декабря 1920 г. В. С. Корнев с большой группой «архизэнергичных людей» был уже в Тамбове. Здесь, на месте, всем и вся давал «нагоняй и инструкции», а днем раньше здесь же начала свою работу специальная комиссия по выяснению «причин затяжного характера повстанческого движения в Тамбовской губернии». Прибывшую из Москвы комиссию возглавлял заместитель председателя Военного трибунала внутренних войск П. А. Камерон.

В. С. Корнев, находившийся в Тамбове по 29 декабря включительно, срочно вызвал командующего войсками Орловского военного округа О. А. Скудре и приказал ему временно возглавить руководство военными операциями по подавлению мятежей в Тамбовской и Воронежской губерниях. Выполняя приказ, О. А. Скудре попытался лично разобраться в причинах того, что войска Тамбовской губернии до сих пор не смогли разгромить главные военные силы Антонова. Результаты своей проверки состояния и боевой деятельности войск Тамбовской губернии Скудре в ночь на 3 января 1921 г. доложил Главнокомандующему всеми вооруженными силами республики С. С. Каменеву [22].

В конце декабря 1920 г. работа прибывших в Тамбов комиссий и проверяющих шла полным ходом, во время проверок деятельности губернских властей, а также тамбовского военного командования предстала далеко не в радужном свете. К тому же оперативная обстановка в губернии в эти дни еще более обострилась.

22 декабря 2-я ударная группа советских войск под командованием П. А. Альтова натолкнулась у села Хитрово на упорное сопротивление мятежников из отряда И. С. Матюхина. Нанести поражение матюхинцам не удалось и раздосадованный Альтов сжег соседние села Никольское и Коптево. Всего сгорело 230 домов крестьян и было расстреляно 150 человек.

Утром 27 декабря В. С. Корнев провел в Тамбове совещание с членами Военного совета. Обсудив вопросы борьбы с мятежниками и придя к выводу, что имеющимися в Тамбове силами восстание не подавить, совещание постановило просить Центр о направ-

лении в губернию дополнительных воинских частей регулярной Красной армии. Если раньше в просьбах Тамбова о военной помощи речь шла о не более чем батальоне пехоты и двух эскадронах кавалерии, то теперь было затребовано сразу 15 тыс. штыков, 3 тыс. сабель, две артиллерийские батареи и 2 аэроплана. Вечером 27 декабря в присутствии В. С. Корнева состоялось еще одно заседание Военного совета, на котором уполномоченные Главтекстиля Орлов и Будников сообщили о приблизительном ущербе, понесенном суконной фабрикой в селе Анастасьевское в результате разграбления ее мятежниками [23].

Через несколько часов после окончания этого заседания в Тамбове, Антонов лично повел свои полки на штурм станции Инжавино. И, несмотря на то, что после захвата станции мятежниками 13 декабря ее гарнизон был значительно усилен, он опять не оказал достойного сопротивления и частью бежал, а частью сдался в плен. При этом к антоновцам попали одно орудие и несколько пулеметов. В эту же ночь здесь погибла вся, за исключением одного человека, выездная сессия губчека во главе с А. В. Зегелем.

Днем 28 декабря произошел еще один необычный случай. Кавалерийский полк Переведенцева, с которым мятежники до этого всячески избегали встреч, впервые подвергся открытой атаке со стороны повстанческого отряда Богуславского у села Верхоценье. Хотя атака мятежников была отбита, полк впервые не вышел из боя явным победителем. Вечером этого же дня командующий войсками Тамбовской губернии К. В. Редзько, уже знавший о позоре и трагедии в Инжавине, а также о нападении повстанцев на кавполк Переведенцева и, кроме того, вконец издергаанный комиссиями и проверяющими, собрался-таки с духом и написал заявление с просьбой освободить его от занимаемой должности, ссылаясь на переутомление. Однако главной причиной «добровольной» отставки Редзько было то, что он видел, как члены Военного совета и губернское руководство, давая показания приехавшим комиссиям, пытаются всю вину за неликвидацию восстания свалить на него и его предшественников, то есть исключительно на военных. Поэтому в своем заявлении, обосновывая невозможность дальнейшего пребывания на занимаемом посту, бывший гвардейский полковник К. В. Редзько с солдатской прямоотой написал: «Не хочу быть козлом отпущения» [24].

В полночь с 29 на 30 декабря 1920 г. К. В. Редзько сдал командование войсками Тамбовской губернии прибывшему из Орла О. А. Скудре. К этому времени командующий внутренними войсками В. С. Корнев и комиссия под председательством П. А. Камерона завершили свою работу в Тамбове и выехали в Москву. Надо сказать, что В. С. Корнев, П. А. Камерон, а затем и О. А. Скудре неплохо разобрались в причинах мятежа, а также в том, почему до сих пор

мятеж не удалось подавить. Так, например, комиссия П. А. Камерона детально и нелицеприятно вскрыла серьезные недостатки и ошибки в деле борьбы с мятежом, допущенные партийно-советским руководством Тамбовской губернии, Военным советом губчека, штабом войск губернии и штабом внутренних войск республики.

В докладе в ЦК РКП (б) командующего войсками ВНУС В. С. Корнева о результатах обследования обстановки в Тамбовской губернии от 31 декабря 1920 г. говорилось [25]:

«В Центральный комитет РКП(б) т. Крестинскому

Копия т. Дзержинскому

Копия ПУР РВСР

1. 28 декабря мною была предпринята поездка в Тамбов для выяснения обстановки по борьбе с восстанием Антонова.

2. За 3-дневное пребывание в Тамбове мне удалось для более детального анализа Тамбовского восстания устроить ряд совещаний с местными ответственными партийными и советскими работниками (заседания Военсовета, собр. ответственных партийных и советских работников и т. д.).

3. За это же время под моим руководством работали комиссии а) по выяснению военной обстановки и работы военного совета и командирования под руководством члена трибунала РВСР т. Камерона.

б. Антоновское восстание есть партизанское восстание, охватившее сплошную три уезда Тамбовской губернии и хорошо организованное. Продуманное и руководимое эсерами восстание приняло затяжной характер (партизанского пошиба наподобие маховского) и требует применения оккупационной борьбы, к которому мы сейчас и перешло командование.

Меня, как командира войск ВНУС, сидящего в Центре, недостаточно конкретно информировали, недооценивая возможности восстания, которых в Центре не было и видно настолько, чтобы можно было хотя бы с ущербом для районов Республики высылать в Тамбовскую губернию военные силы, и не раз мимо Тамбова провозились полки ВНУС в другие губернии. Лишь в последнее время в Москве усилилось внимание к губернии настолько, что мне пришлось прибыть сюда самому. Недооценка восстания, неправильное определение его глубины, неумение использовать целесообразно силы как военной, так и советской, и партийной, не вовлечение всех в эту борьбу — вот основные факты настоящего положения» [25].

Принципиальный анализ создавшегося в Тамбовской области положения дала комиссия под председательством члена трибунала РВСР П. Камерона, которая изучала прежде всего причины восстания крестьян [26: 8-11]. В отчете комиссии охарактеризованы причины затяжного характера и несвоевременности ликвидации повстанческого движения в Тамбовской области.

К числу общих объективных условий комиссия отнесла положение на внешнем фронте. Война с Польшей, Врангелем, Петлюрой лишала Центр возможности оказать Тамбовскому командованию существенную помощь своевременной присылкой достаточного количества реальных сил, способных «задавить антоновщину в корне и гарантировать полное успокоение губернии».

Комиссия отмечала, что продовольственное положение губернии, с одной стороны, было сильно подорвано засухой, недосевом и недородом. Это способствовало возникновению массового недовольства населения продовольственной политикой Советской власти. С другой стороны, суровая необходимость снабжения армии и центра хлебом не позволяла ослаблять продовольственную кампанию. Вследствие категорических предписаний Центра приходилось в условиях сплошного недовольства и бунта усиливать работу продовольственных органов, ослабляя действовавшие против повстанцев силы и способствуя определенному расширению и углублению повстанческого движения.

Эти выводы комиссии были объективны.

Комиссия обратила внимание и на то, что «определенный» кулацкий состав населения уездов, охваченных восстанием, не позволял пустить глубокие корни Советской власти. Во многих районах Советская власть существовала лишь номинально, не получала поддержки и сочувствия большинства крестьянства.

Объективным фактором, имевшим негативные последствия, было и то, что в губернии были слабы коммунистические силы, более того Центр ослаблял их из-за многочисленных мобилизаций, недооценивая своевременно указанную скудость и необходимость оставления коммунистических сил в пределах губернии для укрепления Советской власти [26: 8].

Комиссия, руководимая членом трибунала РВСР П. Камероном, вскрыла серьезные упущения центрального командования. Даже учитывая необходимость поддержания внешнего положения Республики, центральное командование в лице штаба ВНУС не всегда чутко прислушивалось к требованиям местного командования и запаздывало в присылке реальной помощи, что существенно сказывалось на поражении красноармейских частей. При назначении командующих по ликвидации восстания недостаточно взвешивалась их персональная пригодность, результатом чего явилась частая смена командиров разных рангов, что также имело негативное значение для успешности операций.

Комиссия указала на слабую связь военных и партийно-советских руководителей в первый период операции против повстанцев, когда обстановка требовала непосредственной оценки создавшегося положения путем постоянной связи с местным штабом, а также с партийными и советскими губернскими организациями на мес-

тах. Как существенный просчет комиссия отметила неосмотрительное доверие к информации местного командования с оптимистическими предположениями близкой ликвидации антоновщины и преувеличением достигнутых успехов. Это приводило к недооценке сложности действительного положения и потребных для ликвидации повстанчества сил [26: 8].

На существенные недостатки местного командования указала комиссия, руководимая членом трибунала РСФСР П. Камероном, Комиссия отметила, что до 1 декабря 1920 г. от тамбовского командования и Военного совета не было представлено командующему войсками внутренней службы Республики ни одного обстоятельного доклада о военной обстановке и характере движения. Все получаемые донесения носили весьма неопределенный и, скорее, успокоительный характер. Из нерегулярно поступавших сводок нельзя было сделать вывода о том, что движение приняло форму повстанчества, а иногда указывалось даже на отсутствие сочувствия населения к Антонову, банды которого пополнялись якобы насильственными мобилизациями.

Сообщая неоднократно предположения о скорой ликвидации восстания, местное командование само было, безусловно, уверено в том, что антоновщина накануне ликвидации, предполагая иногда закончить таковую в 7—10-дневный срок. В информациях местного командования указывалось на окончательное очищение от бандитов территории района в трехугольнике Кирсанов — Тамбов — Балашов и сообщалось, что в этих районах приступили к восстановлению Советской власти.

Комиссия констатировала, что до 1 декабря определенных просьб о присылке новых крупных войсковых частей не было, ставился вопрос только присылке небольших кавалерийских частей, но и они не носили категорического характера. За этот период было прислано 2 эскадрона и броневой отряд. Первое требование о присылке более крупных войсковых частей было сделано комиссией штаба ВНУС, посланной в Тамбов в первых числах декабря 1920 г., в размере 2-х пехотных полков и 1-го кавалерийского дивизиона. Это требование было исполнено присылкой трех пехполков, одного кавполка, одного эскадрона и одного взвода артиллерии.

Комиссия П. Камерона указала на систематическую недооценку объективных условий, корней и характера восстания. Слишком легкомысленное отношение к временным успехам единичными ударами привело к тому, что не было уничтожено само ядро движения, не учитывалось, что банды, расплываясь, делали движение более грозным, распространяясь и вглубь и вширь. Вследствие этого допускалась неточная информация Центра, убаюкивающая его оптимистическими надеждами на скорую ликвидацию восстания.

Было указано комиссией на отсутствие плана и продуманных

методов борьбы. Явно недостаточно обращалось внимания на политическую работу. Действующие части не инспектировались, не подвергались постоянной систематической обработке и воздействию, что в связи с переутомлением непрерывными операциями, неудачами и вообще нерациональным использованием создавали условия не боеспособности, деморализации и мародерства.

Комиссия обратила внимание как на существенную причину неудач красноармейских частей на их распыление по территории, отсутствие инициативы в операциях. Бесцельная гонка кавалерии за противником, изнуряющая и ослабляющая части. Дробление воинских подразделений на мелкие части приводили к тому, что повстанцы без особых усилий захватывали их, обезоруживали или уничтожали.

Была отмечена непоследовательность в методах борьбы и злоупотребление репрессиями. Сжигание деревень, ставшее системой при последнем командовании, вряд ли могло дать положительные результаты и только лишь озлобляло население, заставляя лишенных крова делаться активными противниками красных. Злоупотребление «красным петухом» падало даже на период сравнительного оперативного затишья (первая половина ноября месяца) [26: 10].

В заключении о результатах проверки комиссия под председательством члена трибунала РСФСР П. Камерона, сделала следующие выводы:

«Комиссия констатирует, что размеры повстанческого движения в Тамбовской губернии принимают катастрофический характер, для ликвидации которого необходимо принять следующие меры:

1. Оккупировать территорию Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов путем наводнения и планового распределения вооруженной силы, предписав местным органам, по мере оккупации, удесятерить усилия по восстановлению Советской власти на местах и советских хозяйств, разрушенных бандитами.

2. Предоставить командованию необходимые кадры командного состава и дать вновь свежие части на повстанческий фронт, а также заменить износившиеся небоеспособные части свежими» [26: 10—11].

31 декабря 1920 г. в Москве состоялось совещание по вопросу о ликвидации антоновщины. На этом совещании, проходившем под председательством наркома внутренних дел Ф. Э. Дзержинского, присутствовали Главком С. С. Каменев, командующий внутренними войсками В. С. Корнев и представители Тамбовской губернии А. Г. Шлихтер и В. Н. Мещеряков. Было решено немедленно начать стягивание к району, охваченному антоновским мятежом, значительных дополнительных сил внутренних войск, а также регулярной Красной армии (для начала — не менее одной кавалерийской и од-

ной стрелковой дивизий). Всех коммунистов мятежной части Тамбовщины было постановлено вооружить, для чего выделялось 1000 винтовок. Собрание признало необходимым направить в губернию группу опытных партийных работников, подбор которых взял на себя Ф. Э. Дзержинский. Было решено назначить нового командующего войсками Тамбовской губернии. Выбор участников собрания остановился на бывшем командующем 10-й армией А. В. Павлове.

Буквально через три дня после этого собрания, 3 января 1921 г. Антонов добился очередного успеха. В селе Керша в 35 км северо-восточнее Тамбова его отряд захватил в плен около 500 обедавших красноармейцев, вместе с полевой кухней, одним орудием и тремя пулеметами [27].

Изложенный материал позволяет сделать заключение. Крестьянская война 1920—1921 годов в Тамбовской губернии выросла из повстанческого движения, начинавшегося осенью 1918 г. Последующее развитие событий было отмечено постоянными вспышками мятежей в отдельных селениях и появлением в лесных районах боевых групп и партизанских отрядов, именовавшихся в советской документации «бандами».

Понимание необходимости пересмотра политики по отношению к крестьянству стало возникать и в большевистском руководстве.

Вспыхнув в середине августа 1920 г. в селах Камешка и Хитрово Тамбовского уезда, где крестьяне отказались сдавать хлеб и разоружили продотряд, огонь восстания распространялся по губернии с непостижимой для местных властей быстротой, поскольку они привычно считали, что имеют дело с бандитскими шайками, а не народным возмущением. Бесчинства продотрядовцев порождали недовольство крестьян, которое выражалось в саботаже, незапашке ярового клина. Свое неподчинение новой власти крестьяне выражали и в срыве мобилизационных мероприятий.

Неудачи красноармейских отрядов заставили военное-оперативный штаб при губчека ускорить изыскание новых военных сил в самом Тамбове и обратиться за помощью в ближайшие к району вспыхнувшего восстания уездные города. Красноармейские отряды, разбросанные по деревням мелкими группами, не смогли оказать организованное сопротивление и понесли большие потери.

Непродуманная и слишком жестокая карательная политика тамбовских властей с самого начала вызывала несогласие и ропот у многих красноармейцев и командиров. Некоторые отряды отказывались выполнять приказы по уничтожению деревень. Немало бойцов, не желая идти под трибунал за невыполнение подобного приказа, дезертировали или переходили (иногда целыми подразделениями) на сторону мятежников.

Тамбовские власти все чаще и настойчивее обращались за помощью в различные города и инстанции.

Банды, объединившиеся в группы численностью в несколько тысяч человек, меняя постоянно свое местопребывание, убивали советских работников, особенно жестоко расправлялись с членами РКП. В августовских и сентябрьских боях 1920 г. советские отряды настоящих мятежников в плен не брали, расстреливали на месте. В концлагерях сидели незаконно и без разбора арестованные крестьяне.

Во многих районах Советская власть существовала лишь номинально, не получала поддержки и сочувствия большинства крестьянства.

Источники и примечания:

1. Из доклада командующего войсками Тамбовской губернии Ю. Ю. Аглока командующему войсками ВНУС В. С. Корневу о положении и боевых действиях в районе восстания // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12. Л. 37.

2. Тамбовская губерния входила в состав Орловского военного округа.

3. *Самошкин В.* Антоновщина: первый период войны // Знамя труда, 1988. № 146. 6 декабря. (г. Ржакса Тамбовская обл.).

4. *Самошкин В.* Антоновщина: первый период войны // Знамя труда, 1988. № 148, 10 декабря. (г. Ржакса Тамбовская обл.).

5. *Самошкин В.* Антоновщина: первый период войны // Знамя труда. 1988. № 147, 8 декабря 1988. (г. Ржакса Тамбовская обл.)

6. Запись разговора по прямому проводу председателя губчека Ф. К. Трасковича с начальником оперативного штаба при губчека В. И. Благонадеждиным 27 августа 1920 г. // ГАТО. Ф. Р. -1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 12

7. ЦДНИТО Ф. 840. Оп. 1. Д. 189. Л. 13.

8. Оперативная сводка губернского военного руководителя Збруева Орловскому окружному военкому об активизации повстанческих сил №455/с // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 201.

9. Приказ члена оперативного штаба при губчека врио командующего войсками Тамбовской губернии П. И. Шикунова. 30 августа 1920 г. // ГАТО. Ф. Р. -179. Оп. 1. Д. 1032. Л. 28.

10. Приказ оперативного штаба при губчека о карательных мерах по отношению к селениям, примкнувшим к восстанию. 31 августа 1920 г. 5 час. 20 мин. № 1-483/с, г. Тамбов // ГАТО. Ф. Р. -179. Оп. 1. Д. 1032. Л. 32.

11. ЦДНИТО Ф. 840. Оп. 1. Д. 1021. Л. 22—23.

12. Из протокола заседания Военного совета Тамбовской губернии о имеющихся фактах перехода красных частей в ряды повстанцев. 21 октября 1920 г. 10 часов // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 13.

13. ГАТО. Ф. Р. -1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 16—16 об.

14. Доклад командующего войсками Тамбовской губернии Ю. Ю. Аглока командующему войсками ВНУС В. С. Корневу о положении и боевых действиях в районе восстания, г. Тамбов 5 октября 1920 г. // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 12. Л. 36—38.

15. Запись разговора по прямому проводу командующего войсками Тамбовской губернии Ю. Ю. Аглока с секретарем Тамбовского губкома РКП(б) Н. Я. Райвидом 20 сентября 1920 г. // ГАТО. Ф. Р. -1832. Оп. 1. Д. 631. Л. 63

16. ГАТО. Ф. Р. -197. Оп. 1. Д. 932. Л. 18.

17. Докладная записка по прямому проводу представителя ВЧК Громова и членов губвоенсовета Ф. К. Трасковича и Н. Я. Райвида в ВЧК о размахе восстания и немедленной присылке патронов. 1 октября 1920 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 3. Л. 21.

18. Доклад командующего войсками внутренней службы республики В. С. Корнева председателю Совета Народных Комиссаров В. И. Ленину о ходе борьбы с повстанческими силами Антонова. 1 ноября 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2574. Л. 1

19. Доклад командующего вооруженными силами Тамбовской губернии К. В. Редзько, начальника штаба Бриммера, военкома штаба Вязовкина губвоенсовету о недостатке сил в борьбе с Антоновым. 14 декабря 1920 г. // Антоновщина. Документы и материалы. Тамбов, 1994.

20. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 14—20.

21. РГАСПИ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 936. Л. 12.

22. *Самошкин В.* Антоновщина: первый период войны // Знамя труда. 1988. № 150. 17 декабря.

23. ГАТО. Ф. Р. — 179. Оп. 1. Д. 1094. Л. 112.

24. Доклад командующего вооруженными силами Тамбовской губернии К. В. Редзько губвоенсовету о недостатке сил в борьбе с Антоновым. // Антоновщина. Документы и материалы. Тамбов, 1994.

25. Доклад командующего войсками ВНУС В. С. Корнева о результатах обследования обстановки в Тамбовской губернии № 706 от 31 декабря 1920 г. в Центральный комитет РКП(б) т. Крестинскому // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 108. Л. 16 об.

26. Доклад Комиссии под руководством члена трибунала РВСР П. Камерона по изучению причин восстания крестьян в Тамбовской губернии // РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 483. Л. 8—11.

27. Из оперативной сводки 1-й партизанской армии Тамбовского края // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 468.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ А.С. АНТОНОВА

Особый интерес представляет руководитель крестьянской войны на Тамбовщине А. С. Антонов. В советской историографии он представлялся авантюристом, уголовным типом, обманом и страхом увлекшим за собой крестьян. Сам термин «антоновщина» имел отчетливо обличительный смысл, хотя и выпячивал фигуру лидера.

Александр Степанович Антонов — недюжинная личность с большими организаторскими способностями. Будучи кирсановским начальником милиции, он приступил к подготовке восстания в с. Рамза и Паревка. Все отбираемое у чехословацких частей оружие, отправляемое в Рамзу, использовалось повстанцами. С выступлением Антонова движение выливается в форму планомерной организованной борьбы с Советской властью, целью которой был срыв продовольственной кампании, подрыв мощи республики, уничтожение коммунистов и советских работников [1].

Объективная основа для крестьянских восстаний имела всюду, где они возникали — в Поволжье, Западной Сибири, на Дону и т. д. Но далеко не везде крестьянские выступления достигли уровня формирования многотысячных партизанских армий и развитой структуры политического управления — а именно это более всего отличало антоновщину. Ее особенность во многом объяснялась наличием соответствующего лидера. Это побуждает внимательнее присмотреться к нему.

В России того времени оставалось немало крупных, настроенных против большевистской диктатуры деятелей, прежде всего из числа эсеров. Однако для руководства повстанческим движением требовались совершенно иные, чем для политика, свойства личности. Нужны были люди, которые, во-первых, были способны возглавить стихийное, организационно рыхлое, без особых шансов на успех массовое движение, следовательно, готовы были психологически к самопожертвованию в революции, как они ее понимали; во-вторых, они были бы близки крестьянской среде и признавались ею «своими»; в-третьих, имел значение прошлый революционный опыт.

Таковыми чертами были наделены главные предводители тамбовского восстания 1920—1921 годов А. С. Антонов, А. Е. Ишин, Г. Н. Плужников.

Александр Степанович Антонов родился в 1889 году в Москве в мещанской семье среднего достатка. Вскоре семья переехала в Кирсанов, где отец А. Антонова завел слесарную мастерскую, а мать стала портнихой-модисткой. Александр окончил в Кирсанове начальное и не менее трех классов городского 4-классного училища, но,

видимо, законченного школьного образования не получил. Работал и волостным писарем в с. Дворики Тамбовского уезда, и рабочим на заводе в Тамбове, и народным учителем.

Сам А. С. Антонов называл себя эсером с 1905 г. Во всяком случае, с весны 1908 г. его имя упоминается в жандармских бумагах как «известного грабителя». Тогда он входил в максималистскую «Тамбовскую группу независимых социалистов-революционеров», которая провела в губернии серию «экссов» («эскпроприаций» — грабежей на нужды революции). В полицейских рапортах Антонов представлялся как неуловимый террорист. Известно, что он дважды уходил от погони, ранив преследователей.

Губернская газета «Тамбовский край» описывает один случай из жизни юного революционера Александра Антонова — о попытке задержания полицией А. Антонова. Примечательно название заметки: «Поранение городского при преследовании злоумышленников».

«В пятницу, 13 июня, с 9 часов утра, агентами жандармской полиции было установлено наблюдение за домом 63 Бочкова, что по Теплой улице, близ вала, куда в квартиру Скаржинских прошли двое молодых людей, по фамилиям Антонов и Виндрявский, имевшие вечером в этот день, по сведениям агентов, явиться пешком на станцию «Ляда», а оттуда выехать с поездом в Кирсанов, где решено было убить одного из должностных лиц.

В исходе 4-го часа, из дома Бочкова, Антонов и Виндрявский вышли и направились по Теплой улице на луг, к полотну железной дороги. Агенты последовали за ними, и, проходя мимо стоявшего на посту в «Новом Тамбове» городского Тихонова, сообщили ему, что преследуемых ими молодых людей требуется задержать. Злоумышленники заметили, что за ними следят и, повернув, вместо луга, в «Новый Тамбов», направились по Новой Киркинской улице обратно к валу. Когда злоумышленники поравнялись с бакалейной лавкой Коныхина, что на углу Обводной и Новой Киркинской улицы, в доме Брюкова городской Тихонов, бросившись к злоумышленникам, хотел остановить их, но один из них, все время державший руку в кармане брюк (по предположению Антонов), быстро выхватив револьвер, произвел в Тихонова один за другим три выстрела, ранив его в шею с левой стороны с повреждением ключицы, в левую руку и правую ногу. Тихонов упал, а злоумышленники в этот момент, воспользовавшись происшедшим среди жандармских агентов замешательством, бросились бежать в разные стороны. Ранивший городского побегал огородами по «Новому Тамбову», а товарищ его — по Киркинской улице, по направлению к 1-й Долевой. Агенты тут же кинулись по следам первого злоумышленника преследовать его (всех агентов, как передают, было пятеро) и вскоре заметили его на одном огороде спрятавшимся в кустах. Открыв по злоумышленнику стрельбу из револьверов, преследователи зас-

тавили его выйти из кустов. Выйдя из кустов и расстреляв все пули, к счастью не попавшие ни в кого, злоумышленник кинулся снова бежать по огородам, причем на одном из них сбросил с себя пиджак, в кармане которого оказался мешочек с пулями. После безуспешных попыток скрыться в каком-нибудь доме (злоумышленник забегал в несколько дворов, но его не пускали, причем в одном дворе за отказ в приюте он ударил ремнем хозяйку-старуху), злоумышленник повернул обратно, пробрался огородами в сад Лащенко, что на валу и — как в воду канул. Другой злоумышленник, направившись по Киркинской улице, не будучи никем преследуем, также скрылся.

На место происшествия прибыли: казаки, конные стражники и усиленный наряд милиции. Были оцеплены все ближайшие кварталы, весь «Новый Тамбов», сады, но обыски не привели ни к чему. С целью задержания преступника были тщательно осмотрены Петропавловское кладбище, кирпичные сараи и «ахлябиновская» роца, но также безрезультатно» [2].

Незаурядные качества конспиратора помогали А. Антонову до той поры, когда в феврале 1909 г. он был арестован в Саратове и препровожден в тамбовскую тюрьму, а затем приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В тюрьмах Тамбова и Владимира, где он отбывал наказание, его окружало немало видных деятелей разных партий, а также крестьянских активистов. Так, в Тамбове одновременно с ним находился в тюрьме Г. Н. Плужников, будущий руководитель Союза трудового крестьянства, арестованный за участие в крестьянских выступлениях [3].

Боевое эсеровское прошлое А. С. Антонова помогло ему стать после Февральской революции помощником начальника милиции Тамбова, а затем и начальником милиции Кирсановского уезда. В условиях разгула революционной стихии это был ответственный пост, на котором Антонов сумел себя проявить. Ему приходилось бороться с «аграрным террором», разоружать проходившие в мае 1918 г. через Кирсанов эшелоны чехословацких войск. Возможно, это оружие пригодилось ему.

Уход Антонова с поста начальника уездной милиции был добровольным, и за ним, несомненно, стоит его неприятие перерождения большевистского режима в государственно-диктаторский, несогласие с политикой власти в отношении крестьянства. Революционно-максималистский настрой, жажда борьбы против всякого диктаторства логически вели его к организации вооруженного отпора большевикам. После недолгого пребывания в Самаре, где властвовал Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), Антонов вновь вернулся в родную Тамбовщину. Из кирсановских крестьян он сформировал «боевую дружину» для прямой вооруженной борьбы с «пролетарской диктатурой». Почти два г. действовал он привычны-

ми методами индивидуального террора и экспроприации, пытаюсь возбудить крестьян против большевиков [3].

В 1919 г. Антонов стремился к установлению связи с Деникинским, что ему и удалось при следующих обстоятельствах: при наступлении на Тамбовскую губернию деникинских войск под командованием Мамонтова, со стороны в то время «Зеленой армии» под предводительством Антонова посылались два представителя: В. Якимов и Н. Санталов в штаб Деникина, которые по приезде в г. Балашов были остановлены казачьим офицером в чине капитана, и, назвавшись представителями от «Зеленой армии» Чуевского леса и получив от него пакет, адресованный в Урюпино, в Главный штаб, выехали из города.

По приезде в Урюпино они получили документы приблизительно следующего содержания: «Приказываю всем командирам, комендантам и т. п. вверенного мне фронта предъявителям сего удостоверения оказывать всяческое содействие по прожитию, передвижению как в прифронтовой, так не прифронтовой полосах. Требования их должны быть исполняемы». Подпись: Командир 2-го казачьего сводного корпуса генерал-лейтенант (фамилия неразборчива)» [4].

С боевой дружиной Антонова пытались бороться, но она всегда легко ускользала от чекистов.

В органах ЧК отложились сведения о первых шагах «банды Антонова», который представлялся правым эсером. В частности, говорится о том, что в Кирсановском уезде еще с движения «зеленых» оперировала банда Антонова (правого эсера), которая стала появляться частью в Тамбовском и Борисоглебском уездах. Уже тогда говорилось, что эта банда представляла большую опасность, тормозила всю работу, задалась целью истребления коммунистов. Ей приписывалось убийство 100 ответственных товарищей, в том числе председателя губернского исполкома М. Д. Чичканова.

Указывалось также, что директивы антоновская банда получала от членов Учредительного собрания — правых эсеров Немтинова и Архангельского, находившихся в пределах Тамбовской губернии. Отмечалось, что «планы этой банды были широкие, даже предполагалось наступление ее на Тамбов. Банда скрывалась в лесах и у кулаков. Все посылаемые раньше отряды не могли ее уничтожить. Губкомом вместе с губчека для уничтожения банды был организован отряд под командой т. Маслакова, отчет о работе которого имеется в ВЧК» [5].

В то же время в архиве сохранилось письмо начальника боевой дружины А. Антонова начальнику Кирсановской уездной милиции с протестом против очернения дружины и предложением сотрудничать в борьбе с бандитизмом. В нем Антонов писал: «По дошедшим до нас сведениям, товарищи коммунисты, желая очернить меня и моих товарищей перед лицом трудового крестьянства и всей свободомыслящей России, обзывая нас бандитами, стараются приписать

нам причастность к грабёжам, совершенным в районе волостей: Трескинской, Калугинской, Курдюковской и др., прилегающих к этому району. Подобная наглость достойна позорной бюрократии старого времени. Я больше чем уверен, если вы истинные демократы, то, заглянув в тайники души своей, обрызганной святой кровью трудящихся, скажете: «Толкаемые бессильной злобой, мы бросаем людям незаслуженные обвинения, позорящие имя гражданина, хорошо зная, что эти люди не только сами не способны на такое позорное дело, но и не пропустят этого безнаказанно другим». Поскольку нам известно желание коммунистов очернить нас перед лицом трудящихся, но это плохо удастся, надеюсь, на этом поприще они и впредь будут иметь подобный успех. Поручкой тому тяготение к нам трудящихся масс сознательной России. Нашу непричастность к грабительским бандам мы доказываем следующими фактами: Караванская банда, находящаяся под руководством известного Вам Бербешкина, ныне нами ликвидирована. Труп Бербешкина и его помощника Артюшки можете взять в округе «Кензари» в ста саженьях от дороги направо, как ехать из Курдюков на Рассказово. Трупы других, если Вам требуются, можем доставить по месту требования или просто обнаружить, причем считаем своим долгом довести до Вашего сведения, что на борьбу с уголовщиной мы всегда готовы подать Вам руку помощи. О чем можете обращаться через «Известия» или каким другим способом. О вышеизложенном прошу довести до сведения уездного комитета партии коммунистов-большевиков. По доверенности дружины: Антонов» [6].

Эта «боевая дружина» стала организационным ядром будущей партизанской армии.

Характерно, что и после разгрома восстания А. С. Антонов не ушел из губернии, вероятно, не оставлял надежд на возрождение движения. Смерть настигла его недалеко от родных мест.

Документы воссоздают образ типичного русского революционера начала XX века, вышедшего «из низов» и отдавшего себя целиком революции, человека немедленного действия, готового ради высоких идеалов совершать и «терракты» и «эксы». Именно из них состоял боевой авангард и у эсеров, и у анархистов, и у большевиков, — тех, кто сам шел на баррикады и звал других. Они легко отождествляли себя с революцией, проникались сознанием особой миссии собственной личности — вождизмом. Приписываемые Антонову стихи в этом отношении очень выразительны. Характерным для этих стихов, как и для Песни партизана, было яростное обличение врага и очень туманное отражение или полное отсутствие позитивного идеала.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

14 ноября в селе Моисеево-Алабушка (25 км южнее Ржаксы) состоялось собрание командиров отрядов из всех трех мятежных уездов. Участники собрания подвели итоги почти трехмесячному периоду вооруженной борьбы. Главным вопросом, обсуждавшимся на собрании в Моисеево-Алабушке, был вопрос о том, что же делать дальше? В одном собравшиеся были едины: о прекращении восстания и вооруженной борьбы с коммунистами не может быть и речи. В прямой связи с этим на собрании было высказано и одобрено предложение об объединении фактически разрозненных на данный момент отрядов в одну «Партизанскую армию Тамбовского края», управление которой должно исходить из одного руководящего центра — «Главного оперативного штаба». На собрании путем голосования был избран руководящий состав Главперштаба в количестве пяти человек: А. С. Антонова, А. В. Богуславского, И. А. Губарева, П. М. Токмакова и Митрофановича. Таким образом, 14 ноября 1920 г. высшим руководящим органом тамбовских мятежников стал Главперштаб во главе с А. С. Антоновым [7].

В начале 1921 г. Главперштаб принял свою завершенную форму — представлял из себя довольно мощную организацию со сложной внутренней структурой. Во главе его по-прежнему стояли те же 5 человек, занимавшие следующие должности: 1) начальник Главперштаба А. С. Антонов, 2) помощник начальника Главперштаба, 3) командующий армией, а с 1921 г. — армиями, 4) помощник командарма и 5) начальник разведки. Все перечисленные должности были выборными, причем начальник Главперштаба по должности был выше, чем командующий армией. Первым Командармом собрания в Моисеево-Алабушке избрало П. М. Токмакова.

В 1921 г. в составе Главперштаба было 8 отделов: 1) политический, 2) армейский суд, 3) медико-санитарный, 4) хозяйственная часть, 5) комиссия по замене лошадей, 6) трофейная комиссия, 7) комендант штаба и 8) начальник связи.

Была принята единая форма одежды всех партизан и знаки отличия для командиров. В принятом документе говорилось: «При сем объявляется форма для партизан и командного состава партизанской армии Тамбовского края (красные нашивки на левом рукаве выше локтя): партизанам — бантик для ношения на головном уборе. Ленточки: отделенному командиру — одну, взводному — две, вахмистру — три. Трсугольники углом вниз: эскадронному командиру и начальникам отдельных команд — один, дивизионному командиру и полковым адъютантам — два, командирам полков, помощникам,

начальникам пулеметных команд и штаба дивизии — три. Треугольники углом вверх: комендантам при полках — один, коменданту при Главном оперативном штабе Тамбовского края — два. Ромбы: командиру дивизии и начальникам штаба армии — один, командующему армией и его помощнику — два. Лента с обозначением занимаемой должности: чинам Главного оперативного штаба партизанской армии Тамбовского края, начальнику связи и адъютанту при сем штабе» [8].

Процесс создания и становления Партизанской армии Тамбовского края проходил в нелегких для мятежников условиях. Уже 17 ноября конница Бриммера едва не накрыла находившийся в Моисеево-Алабушке отряд Антонова вместе со всем новорожденным Главоперштабом. В руки красных кавалеристов, в числе других трофеев, доставшихся после стремительного бегства антоновцев из села, попало и постановление съезда о создании Главоперштаба.

Довольно ловко уходя от преследования, Антонов со своим отрядом и Главоперштабом до начала декабря непрерывно колесил по северозападной части Борисоглебского уезда.

Но, несмотря на массу встречавшихся трудностей, дела с созданием армии у Антонова успешно продвигались вперед, и мятеж разрастался с каждым днем. На 1 декабря охваченная мятежом территория увеличилась по сравнению с 10 сентября ровно в 15 раз и достигла 18 тыс. квадратных километров.

В декабре 1920 г. активность мятежников резко возросла, хотя случались у них и отдельные неудачи, когда, например, в Борисоглебском уезде кавполк Переведенцева дважды — 4 декабря под Козловкой и 6 декабря в селе Криуша настигал и изрядно трепал отряд самого Антонова, захватив в этих боях свыше 150 пленных и отбив один пулемет.

Однако других таких непобедимых частей, как кавалерийский полк Переведенцева, в распоряжении командующего войсками Тамбовской губернии Редзько практически не было. Поэтому помешать становлению Партизанской армии Тамбовского края он не мог, хотя внимательно следил за процессами, происходившими внутри армии мятежников. Подобные ниже приведенной сводке секретного отдела сведения к нему поступали постоянно:

«К ноябрю 20-го г., когда количество отрядов достигло большой численности, Антоновым было созвано пленарное заседание командного состава всех партизанских отрядов, на котором вынесли постановление, по которому все отряды соединяются и образуют единую партизанскую армию, для чего организуется Главный оперативный штаб партизанской армии Тамбовского края, состоящий из 5-ти избранных тайным голосованием лиц (приказ № 1 от 14 февраля 1920), с его времени он и приступает к объединению отдельных бандитских отрядов путем планомерной организации как в политическом, так и

военном отношении. Через месяц как конструкция, так и планы, и задачи всего повстанческого движения были конкретизированы и получили определенный облик. Все отряды, представляющие из себя не что иное, как отдельные шайки, без авторитетных руководителей, а лишь с главарями, начинают соединяться в отдельные части, при достижении количества в 300-500 человек получают название полков, каковые, в свою очередь, имеют определенные названия и нумерации. Имеются данные, что полки соединены в более крупные единицы, как бригады, дивизии, а последние даже и в корпуса.

Операции военного характера начинают приобретать определенную планомерность, и действиями полков начинает руководить уже не инициатива прежних главарей, ставших впоследствии командирами полков, а указания и приказания Главного оперативного штаба, во главе которого стоит сам Антонов и командующий всеми силами Токмаков. Подтверждением этому служат приказы Главного оперативного штаба партизанской армии № 14 параграф 8 от 29. 12. 20, где указывается о существовании 3-й дивизии, № 8 параграф 1 от 18. 01. 21 г. — о существовании 2-й дивизии, № 14 параграф 3 от 29. 12. 20 г. — о существовании 1-й дивизии, помимо этого ряд донесений за подписями начальников дивизий. О существовании бригад известно из приказов штаба 1-й партизанской армии Тамбовского края № 9 параграф 2 от 16. 01. 21 г.

В отношении корпусов для более яркой иллюстрации приведу целиком параграф 2 приказа штаба 1-й партизанской армии Тамбовского края № 3 от 8 января 1921 г., где говорится: «Дабы устранить недоразумения, могущие происходить во время боя, приказываю: при совместном действии корпусов, дивизий и полков для более правильного командования войсками назначить одно лицо или соединить штабы, вместе от которых должны исходить распоряжения действующих в бою частей. Кроме того, в приказе штаба 1-й армии № 24 от 25. 01. 21 г. объявлены штаты армии, корпусов, дивизий, бригад, полков и т. д.

Эти факты указывают на существование, а, возможно, лишь на предположенные существованием таких соединений. Согласно протоколу объединенного заседания членов губернского комитета Союза трудового крестьянства и Главного оперативного штаба, командиров частей, политических работников 1-й армии Тамбовского края и организаторов Тамбовского и Борисоглебского уездов, состоявшегося 15 января 1921 г. под председательством Батько и при секретаре Тюкове, на котором, помимо других вопросов, заслушан доклад о существовании двух штабов армии: Главного оперативного штаба и штаба 1-й партизанской армии. По существу вопроса вынесли единогласно постановление, что для более гибкого управления войсками существование штаба 1-й партизанской армии признать целесообразным, а Главный оперативный штаб во главе Антонова признать

вторым штабом армии Тамбовского края. Связывающим звеном между штабами, признать Тамбовский губернский комитет Союза трудового крестьянства, представителей от штабов армии. После чего 18 января 1921 г., согласно протоколу Главного оперативного штаба с участием члена губернского комитета от 18. 01. 21 г. № 1 параграф 2, объявленном в приказе по Главному оперативному штабу № 9 параграф 2 от 19. 01. 21 г. имеющиеся в Тамбовском крае партизанские силы разделить на две армии. В состав первой партизанской армии входят: 1-й Каменский, 2-й Борисоглебский, 5-й Пановский, 6-й Савальский, 7-й Тамбовский, 10-й Волче-Карачанский, 11-й Павлодарский, 12-й Токайский, 13-й Битюговский полки.

В состав второй армии входят: 3-й Кирсановский, 4-й Низовой, 8-й Пахотно-Угловский и 9-й Семеновский полки.

Начособотделарм Чибисов

Начсекретотдела Ситро

Уполномоченный Хворов» [9].

Не вызывает сомнений хорошая организация повстанцев, образовавших своеобразную «крестьянскую республику» на территории Кирсановского, Борисоглебского, Тамбовского уездов с центром в с. Каменка. Вооруженные силы А. С. Антонова сочетали принципы построения регулярной армии (2 армии в составе 21 полка, отдельная бригада) с иррегулярными вооруженными отрядами. Антоновцы не практиковали мобилизаций в свои ряды, привлекая население лишь для охраны, подвоза и пр.

Для характеристики деятельности антоновцев обратимся к приказам по 1-й партизанской армии тамбовского края.

Приказом № 1 (Пановы Кусты. 1 января 1921 г.) объявлялась всему командному составу и партизанам 3-го Борисоглебского полка глубокая благодарность за внутренний порядок в полку, правильное походное движение и стойкость в бою с противником. Приказом в целях пресечения в корне бандитизма, который распространялся благодаря оставления ненадежных партизан для несения внутренней службы, все комитеты Тамбовского и Борисоглебского уездов объявлялись для несения внутренней охраны оставлять людей благонадежных и ни в чем не замеченных; охрана и комитеты должны были следить за внутренним порядком, в особенности за грабежом, а если будут поступать от граждан заявления на неправильные действия комитетов и охраны, то таковые должны привлекаться к революционному армейскому суду. (Подлинный подписали: Начальник штаба Губарев, Врид командующего армией Гавриков) [10].

Приказом по 1-й партизанской армии Тамбовского края обращалось внимание на то, что при следовании полков было замечено, что «партизаны в продолжительных стоянках кормят лошадей исключительно только одним овсом, не давая другого фуража, не считаясь с тем, что государство за 3-летие правления большевиков приведено в

полное истощение, а исход борьбы сопротивления для партизанских отрядов зависит от зернового фуража, без которого лошади не могут делать дальних походов, а поэтому приказываю командирам полков наобласти, чтобы на продолжительных стоянках делать экономию в зерновом фураже, заменяя его другим фуражом: сеном и соломой» [11].

Приказом № 4 (с. Каменка. 10 января 1921 г.) указывалось на три проблемы и определялись меры по их решению.

Во-первых, отмечалось, что «многие командиры полков отдают распоряжения об аресте лиц, вышестоящих по службе, без моего на то распоряжения. Приказываю такие аресты не допускать».

Во-вторых, констатировалось, что «многие партизаны почти ежедневно заменяют своих лошадей, из чего я усматриваю, что партизаны не смотрят за своими лошадьми, надеясь, что в другом селе или деревне заменят на другую. Ставлю на вид такое упущение со стороны командиров полков и приказываю во всех полках завести списки лошадей, из которых будет видно, когда и где партизаном заменена лошадь».

В-третьих, указывалось, что многие партизаны при совместной стоянке полков переходят из полка в полк и в этой связи приказывалось «командирам полков такой переход партизанов не допускать, а политическим руководителям при полках следить и внушать партизанам, что такой переход вреден в отношении внутреннего и боевого порядка полков» [12].

В приказе по 1-й партизанской армии Тамбовского края № 5 (с. Чикаровка. 8 января 1921 г.) указывалось, что «никакие конфискации, реквизиции, обыски и самовольные аресты как в организованных, так и в неорганизованных волостях не производить без моего на то распоряжения и губернского и уездных комитетов. Дабы устранить недоразумения, могущие происходить во время боя, приказываю при совместном действии корпусов, дивизий и полков для более правильного командования войсками назначать одно лицо или соединя штабы вместе, от которых должны происходить распоряжения для действующих в бою частей» [13].

Приказом № 6 по 1-й партизанской армии Тамбовского края (с. Каменка. 13 января 1921 г.) объявлялось, что «старая коммунистическая власть комиссаров считается низложенной, ввиду чего все ее старые законы и распоряжения аннулируются». По всем гражданским делам предписывалось обращаться к губкому и уездному комитетам. Всем командирам полков приказывалось «отдать в приказе по полку именной список всех партизан, находящихся в полку с указанием постоянного их местожительства, т. е. из какого села или деревни, волости и уезда происходит партизан [14].

Приказом № 14 по 1-й партизанской армии Тамбовского края (с. Каменка. 14 января 1921 г.) комендантом штаба армии назначался А. П. Сажин. За сформированным Абакумовской организацией

полком закреплялось наименование 9-м Битюговский партизанский полк. (Справка: протокол Абакумовской организации от 25 декабря 1920 г. № 1.). Командиром этого полка назначался Д. Г. Иванников. (Справка: протокол Абакумовской организации от 25 декабря 1920 г. № 1) [15].

Приказом № 9 (с. Туголуково. 15 января 1921 г.) производились кадровые назначения и перестановки. Назначенных командирами полков Т. С. Гаврикова (1-м Каменский полк) и Г. В. Крудских (10-й Семеновский полк) исключали из членов штаба 1-1 партизанской армии. Назначались командирами бригад с выполнением возложенных на них обязанностей кавалерийских полков: 1-й бригадою — Гаврикова, 2-й бригадою — К. И. Баранова, 3-й бригадою — И. М. Кузнецова и 4-й бригадою — Г. В. Крудских. Входящие полки в состав 1-й бригады: 1-й Каменский полк, 2-й Тамбовский полк; 2-й бригады — 3-й Пановский полк и 9-й Битюговский полк; 3-й бригады — 7-й Павлодарский полк и 6-й Волче-Карачанский полки; 4-й бригады — 5-й Борисоглебский и 10-й Семеновский полки. «Для пользы службы» командир 5-го Борисоглебского полка А. Б. Кулдошин прикомандировывался к штабу армии, а на должность командира вышеуказанного полка назначался Д. П. Бенедиктов. Вместо избранных пленарным заседанием членами в Главный оперативный штаб, за выбытием из штаба армии Т. С. Гаврикова и Г. В. Крудских, назначались помощником командира армии Н. М. Изофатенко и заведующим оперативной сводкой С. Д. Богомолов. Приказ подписан начальником штаба армии Губаревым, вр. командующим армией Егорчевым, адъютантом штаба армии Тюковым [16].

В целом организация и стиль руководства антоновцев оказались достаточными для ведения успешных военных действий партизанского типа в условиях трех лесных уездов Тамбовщины — при наличии прекрасных природных укрытий, при теснейшей связи с населением и его всемерной поддержке, при отсутствии необходимости в глубоких тылах, обозах и т. п.

Об этом говорят оперативные сводки о действиях партизанской армии.

В оперативной сводке 1-й Партизанской армии Тамбовского края только за один день — 11 января 1921 г. сообщалось о следующих военных действиях Партизанской армии.

1-м Каменским полком совместно с 5-м Борисоглебским полком в районе М. Алабухи при наступлении красных войск со стороны Уварова, численностью 350 кавалерии и 150 человек пехоты при 4 пулеметах, 3 автоматических винтовках, полк отразил это наступление, но вследствие выхода из строя пулемета пришлось отойти с потерей командира 1-го Каменского полка Е. И. Казанкова и местного организатора П. А. Иванова и 12 убитых, 3 раненых партизан. Вслед за тем контратакой партизан красные были выбиты из Малых Алабух

по направлению Орловки с потерей у красноармейцев 50 человек убитыми и несколько ранеными, среди убитых командиры Морозов и Альтов, политком Курников и тяжело ранен Лобанов.

Вновь организованным Сукмановским отрядом был задержан поезд, взято 62 человека в плен, захвачено 100 винтовок, много патронов и разных продуктов. Битюговским полком был произведен набег на Воронковский совхоз, в котором были забраны лошади, коровы и свиньи, хлеб и много других предметов, зарублено 3 коммуниста, отобрано 10 винтовок и небольшое количество патронов. Сукманской организацией на ст. Есипово была произведена порча железной дороги и телеграфного сообщения между Жердевкой и ст. Терновкой. 2-м Тамбовским полком была остановлена у Танковского моста летучка, которую подвергли сильному ружейному обстрелу, захватив у охранника железнодорожного моста ящик патронов [17].

Все это события одного дня — 11 января 1921 г.

Приведем донесение командира 5-го Борисоглебского партизанского полка командиру 4-й бригады 1-й партизанской армии Тамбовского края Г. В. Крутских о выполнении боевой задачи от 18 января 1921 г.: «Доношу, что часть заданной вами боевой задачи исполнена ночью 17-го под 18 января (1921 г. — *Авт.*). Путь жел. дороги в районе Отхожая — Уварово разобран, остальная часть — Уварово — Моисеевский разъезд — будет разобрана сегодня ночью. Красных в Уварово 200 человек или около этого при 2 пулеметах. По выполнению задачи будем в Отхожей. Сообщаю, что 5-го Подгорнского партизанского полка до сих пор нет. Несмотря на то, что ему было послано приказание и неизвестно, где он находится, т. к. связи от него нет никакой. Командир 5-го Борисоглебского кавалерийского партизанского полка Венедиктов, политком Куликов» [18].

Разбору железнодорожной линии и уничтожению всякого рода государственных сооружений, как мостов, телеграфных проводов, столбов, аппаратов, станционных зданий, будок, стрелок повстанцы придавали большое значение. Подтверждением служит целый ряд изданных приказаний и распоряжений. Отметим, что к работе по разрушению государственных сооружений партизанами привлекалось все население данной местности и близлежащих сел и деревень, причем как мужчины, так и женщины [19].

5-й Пановский партизанский полк имел непосредственную задачу производить поломку железнодорожной линии на участке Жердевки—Токаревка. На обязанности этого полка лежала задача осаживания с рельс бронепоездов и бронелетучек, препятствие рабочим, посылаемым со стороны красных, производить исправление железнодорожной линии путем обстрела и устройства засад. Об этом, в частности, говорилось в сводке 5-го Пановского полка, в сводках войсковых частей партизанской армии.

Были случаи нападения на поезда с целью ограбления, как, например, на станции Сабурово бригадой козловских полков «Карась» был захвачен товарный поезд, взяты большие военные трофеи, а паровоз разогнан и пущен по направлению разобранного пути для большего разрушения [20].

В оперативных сводках Главного штаба о произведенных частями, находящимися в непосредственном подчинении Главного оперативного штаба действиях, говорилось: «20. 01. 21 г. полками Антонова при наступлении красных со ст. Жердевка разбит особый полк (красных), из которого побито 650 человек татар, взято 3 пулемета, масса патронов и оружия. 11. 02. 21 г. произошло столкновение с противником, наступающим на село Каравайня. Красные бежали в панике. Захвачены пленные. 12. 02. 21 г. разведчиками партизан в селе Курдюках — взято 9 человек красных. 17. 02. 21 г. столкновение при селе Отъясы с отрядом красных численностью в 150 человек. Отряд обезоружен. Взято в плен 118 человек, винтовки и патроны. 22. 02. 21 г. столкновение с красными при селе Двойни. Отход партизанских частей. 25. 02. 21 г. столкновение с красными при деревне Кобылинка, в результате которого взяты пулеметы, винтовки и патроны. Обезоружено около 60 красных. 20. 02. 21 г. нашими разведчиками в районе Калугине, Трескино и Богданове обезоружены 32 красных. 27. 02. 21 г. нападение на красных, расположившихся в селе Богословке, после непродолжительной перестрелки партизаны отошли в виду явного превосходства сил противника. 01. 03. 21 г. произведено нападение на отряд красных, расположенных в селе Отхожем, противник выбит из села с большими потерями и, преследуемый кавалерией партизан, поспешно отошел в село Уварово. Партизанами взято 4 орудия, около 500 снарядов, винтовок, масса патронов, седла, обоз с провиантом и пленные. 01. 04. 21 произведен налет красных численностью в 250 человек, расположенных в деревне Калиновка. Отряд разбит, часть, около 70 человек, бежала, остальные обезоружены. Взято 2 пулемета, масса патронов и седла. 02. 04. 21 наступающий на деревню Калиновку полк красных из группы Дмитриенко партизанским контр наступлением был обращен в бегство. Взято 3 пулемета, много седел и патронов. 07. 04. 21 при преследовании красных в составе одного эскадрона от деревни Федоровской до ст. Волхонщина, взято несколько седел. 08. 04. 21 г. налет на полк красных, расположенный в селе Трескино. Красные, бросившись бежать, были окружены и, за исключением трех человек, взяты в плен. Взято 5 пулеметов, 60 лент и огромное количество патронов» [21].

Конкретность и наглядность целей и результатов военных действий повышали боевой дух армии и привлекали к ней новые силы: число бойцов в антоновском войске в феврале 1920 г. достигло 40 тыс., не считая «вохры» (охраны). Но это был предел. К началу мая их чис-

ленность сократилась до 21 тыс., как в результате начавшихся решительных действий Красной армии, так и в связи с отменой продразверстки и наступлением весенней страды [9].

Хорошо были поставлены шпионаж и осведомление партизан, о чем свидетельствовали имевшиеся у них сведения не только о войсковых частях, активно борющихся против них, но даже расположенных по гарнизонам, а также о настроении граждан и внутреннем распорядке городов. Донесения как в штаб партизанской армии Тамбовского края, так и в губком Союза трудового крестьянства показывают, что главное участие в осведомительной деятельности принимали местные жители: женщины, старики и даже подростки, дети, пробиравшиеся из местностей, зараженных бандитизмом, по тем или иным причинам в города. Здесь они получали необходимые и интересующие партизан сведения путем личного наблюдения и разговоров со знакомыми, проживающими в городах, которые (по своей психологии обыватели) рассказывали все, что знали о местной власти и ее распоряжениях, о виденном и слышанном. Эти сведения поступали в местный комитет СТК или в штаб какой-либо партизанской части, откуда по инстанциям в штаб армии [9].

Имели место случаи посылки замаскированных шпионов в город Моршанск под видом женщин и монашек (сводка Особого отдела № 3). Начособотделарм Чибисов, Начсекретотдела Ситро, Уполномоченный Хворов в оперативной сводке отмечали: «В отношении же существования резидентов, сотрудников и осведомителей на местах в утвердительном смысле за отсутствием данных сказать не представляется возможным, а относительно лиц, находящихся на службе в советских учреждениях, то некоторые из таковых, несмотря на их партийность, стараются и оказывают поддержку бандитизму. Для наглядности такой помощи смотри в приложении в графе «вооружение и источник получения такового». Разведка и осведомление о противнике являлись наиболее налаженным аппаратом в военном отношении, и как первое, так и второе поставлены у него идеально. Помимо войсковой разведки, действовавшей согласно инструкции, громадную услугу в этом отношении оказывали местные, враждебно относящиеся к Советской власти, жители. Они добывали и немедленно передавали все сведения о движении, перемещении и местонахождении, а иногда даже численности и вооружении наших войск» [9].

В указанной оперативной сводке Начособотделарма Чибисова, Начсекретотдела Ситро, Уполномоченного Хворова говорилось: «Постановку разведки и связи можно назвать идеальной, оказывающей громадную услугу партизанским частям. В каждом селе волости или деревне, как упоминалось выше, имеются: милиция, вохра и связь, выставляющая в селах наблюдательные посты. При появлении в том или ином районе советских войск местной милицией производится за их движением и действиями наблюдение, а связь в это время

передает другим комитетам сообщения о движении войск. Сообщения доходят до штаба или отдельных (в случае их вблизи нахождения) войсковых соединений, которые, зная численность вооружения противника, нападали на них с той стороны, с которой они меньше всего ожидали. При превосходстве сил противника партизанские части путем хорошо налаженной связи, зная расположение своих частей, соединяются вместе несколькими отрядами или полками и, таким образом образовав группу, нападают» [9].

Связь с войсковыми соединениями и штабом армии, а также и с комитетами Союза трудового крестьянства осуществлялась в двух видах: во-первых, при каждом новом расквартировании войсковой части посылались к начальнику команды связи штаба 1-й партизанской армии два партизана для установления связи. Во-вторых, создавалась специально организованная служба связи в виде летучей почты, которая имела в каждом селе, волости или деревне, находящихся в районе оперирования партизан и состоящих из десяти и более человек, несущих между собой смену. Причем главную роль играют женщины, скрывающие пакеты, посылаемые по связи, в волосах. Кроме того, у партизан существовала телефонная связь преимущественно между штабами и армейскими учреждениями, а также и некоторыми комитетами Союза трудового крестьянства, как, например, между Сукмановкой и Туголуково.

Помимо внутренней связи существовала связь с руководителями восстания из других местностей. Так, 27 февраля 1921 г. в Кабань-Никольскую волость Борисоглебского уезда Тамбовской губернии прибыл И. С. Колесников с отрядом численностью 1500 человек, хорошо вооруженных, при 9 пулеметах с целью связаться с армиями Тамбовского края и совместно решить несколько общих боевых задач [22].

Столь мощная организация и постановка шпионажа, разведки и осведомления, снабжение всеми видами довольствия и снаряжения не могла быть, если бы на стороне восставших не были симпатии населения губернии. Это особенно проявилось в дни начинавшегося повстанческого движения. Граждане в ряды партизан привлекались путем агитации и воззваний. Советские склады, совхозы, разграбленные полками, шли на нужды партизанской армии, были случаи раздачи имущества населению, производилась борьба с продотрядами красных, действовавших по выполнению государственной разверстки, уничтожали коммунистов и т. п., чем, конечно, завосывали симпатию населения. Но при достижении высшего апогея в рядах повстанцев находились различные элементы, пристрастные к мародерству. Истощение запасов продовольствия у населения, успехи советских войск — все это, взятое вместе, вырвало из строя партизан первых поднявших знамя восстания, и стали все более учащаться случаи мародерства, грабежей, реквизиции и конфискации имущества. Ряд приказов и распоряжений как Главного оперативного шта-

ба, так и штаба 1-й армии обращали внимание командного состава на борьбу с мародерством со стороны партизан, на необходимость привлечения таких партизан к ответственности, и это в большинстве случаев проводилось в жизнь.

Приведем Воззвание Главного оперативного штаба и политических руководителей.

«Товарищи партизаны! Уже шесть месяцев прошло с тех пор, как мы, партизаны, вышли на борьбу за полное освобождение крестьян и рабочих от гнета и насилия, вышли против кровожадных насильников — грабителей-коммунистов. В течение нашей шестимесячной борьбы нами сделано многое, со всех сторон трудового населения к нам стекаются сотни и тысячи честных борцов, становясь в ряды нашей армии для достижения нашей общей задачи, в интересах всего трудового и угнетенного населения. Вы вспомните, товарищи, когда мы выходили в первые дни нашей революции, у нас было до 20 винтовок и по пяти к ним патронов, а теперь что мы видим перед собой: многочисленную и прекрасно вооруженную армию, которая уже нашим врагам коммунистам нанесла большой удар и заставила их призадуматься, но знайте, дорогие товарищи партизаны, что не одним тем мы стали сильны, сильны мы больше своей честностью и тем, что благодаря последнему, т. е. честности, за нами идет все трудовое население, которое всегда и везде старается всеми силами помочь нам чем только может и, наоборот, напрягает все силы для того, чтобы, где можно, поставить тормоз нашим врагам как в военном деле, так и в остальных отраслях их работы. Но помните, товарищи, всегда, что население идет навстречу лишь тем передовым борцам, которые всеми силами и средствами стараются помочь во всех их нуждах и удалить от них всех насильников и грабителей, которые посягают на их права и нажитое ими в поте лица имущество.

И вот как раз в наших революционных рядах народной армии в последнее время наблюдается весьма печальное для честных партизан явление. Среди вас, честных борцов, замешались люди, которые относятся к населению, и без того обиженному и истерзанному мерзавцами коммунистами, очень дерзко. Были случаи, когда из нашей же среды некоторые партизаны отбирали платья и другие вещи с целью собственной наживы, а также прибегали к самым настойчивым требованиям, чтобы хозяева давали самые лучшие съестные припасы, которых хозяева даже не имеют.

Такое явление в нашей армии недопустимо, этим мы ставим себя против всего трудового населения и можем тем проиграть все наши заветные мечты к полному освобождению всех угнетенных.

Мы, члены Главного оперативного штаба, ваши политические руководители, обращаемся к вам, дорогие товарищи партизаны, с горячим призывом — будьте честными борцами и защитниками прав трудящихся, поставьте себя перед населением самыми скромными

и истинными сынами нашей крестьянской революции, и тогда люди сами поймут, что мы действительно не бандиты, как именуют нас грабители-коммунисты, а честные борцы за идеалы угнетенных. В этом, товарищи, есть залог нашей борьбы, в этом заключается наша победа над ненавистниками врагами-коммунистами. Призывая всех честных и сознательных товарищей строго следить за теми, кто служит в нашей армии плохим примером и дерзко относится к населению, старайтесь им внушить и втолковать, что мы не для того взяли оружие в руки, чтобы наживать карманы, а, наоборот, уничтожить всякие хулиганства и насилия, творимые грабителями-коммунистами над человечеством.

Помните, друзья партизаны, что когда мы будем действовать сознательно, честно и справедливо, то начатое нами дело скорее придет к желанному концу.

Долой всякое несознание.

Да здравствует сознательная и честная партизанская армия!»[23]

Мародерство со стороны партизан строго наказывалось, виновные подвергались суду и арестам.

Полковой суд 6-го Верхне-Карачанского партизанского полка 19 февраля 1921 г. рассматривал заявление гражданки Н. И. Мальшиной о незаконном взятии у нее вещей партизанами 1-го эскадрона 6-го Верхне-Карачанского полка. На заседании суда командир 1-го эскадрона К. В. Поздняков показал: «17 января во время стоянки моего эскадрона в д. Петровской, граждане заявили мне, что у Мальшиных зять был коммунистом и навозил им много награбленного добра, тогда я сделал обыск и действительно взял те вещи, которые показывает Мальшина, только советских денег взято не 40 тыс. руб., а 28 355 руб. 28 коп., корейских денег совсем не брато, николаевских не 900 руб., а 248 руб., черные карманные часы и 7 аршин батиста не взяты».

Суд постановил «Все вещи, взятые у гр-ки Н. И. Мальшиной, за исключением неценных вещей, 20 фунтов табаку и одной подушки, которые отходят в пользу партизанской армии, возвратить обратно Мальшиной, а именно: 1) 1 суконное зимнее на вате мужское пальто; 2) 28 355 руб. советских денег; 3) 248 руб. николаевских денег; 4) бархатный ковер; 5) 6 руб. 90 коп. серебра и 6) серый пиджак. Оговорка: пальто временно будет в пользовании партизана, не имеющего одежды, до снабжения его таковой».

Партизанам и командиру 1-го эскадрона суд дал строгий выговор за самовольный обыск и наказал впредь этого не делать без разрешения на то суда и коменданта полка [24].

Весной 1921 г. в период сева участились дезертирства, для пресечения которых были созданы комиссии по борьбе с дезертирством. 19 апреля было приказано всем организациям обратить серьезное внимание на обработку полей и их обсеменение. Прежде всего должны были быть обеспечены в этом отношении семьи партизан, а

затем все остальные безлошадные граждане. Устанавливалось, что обработка полей должна быть бесплатной, замеченные в противном должны караться по законам революционного времени.

В отношении мародеров в партизанской армии выносились приговоры суда, наказание розгами, плетью и проводились даже расстрелы за грабеж и мародерство.

В партизанской армии была определенная схема организации ее учреждений, устанавливалось такое разделение функций и обязанностей между существовавшими органами и должностными лицами.

Армейский суд партизан состоял из председателя, помощника, двух членов, делопроизводителя (секретаря) и судьи. Полковой суд — из председателя, помощника председателя, одного члена, делопроизводителя (секретаря) и судьи.

Функция суда: надзор за соблюдением установленных правил и обязанностей, при наличии отклонения от них проводить расследования, налагать наказания. Кроме того, суду вменялось в обязанность наблюдение за конфискацией имущества, принадлежащего коммунистам и другим лицам, по постановлению суда. Персональный состав суда должен был состоять из партизан твердого характера, свободного развитого ума, благонадежных, которых подкупить и уговорить ни в коем случае нельзя. Суд в работе должен руководствоваться инструкциями и товарищеским союзом, т. е. он должен был помнить то, что надвигается третья революция, т. е. последняя, которую создаст сам народ, почему и приказано судам обратить на это внимание.

При осуждении партизана полка за преступление следовало обращать внимание на следующее — какого он был поведения до сотворения преступления, если поведение было правильным, то дать ему свободу для исправления своего характера и поступка. Если же поведение его было неприлично, то его следовало наказывать строго.

Если лицо, по которому ведется в полковом суде расследование, по характеру своего преступления не подсудно полковому суду, то дело передается в высшую инстанцию — бригадный или армейский суд. Частных лиц полковой суд мог приговаривать вплоть до расстрела, поэтому подсудимых следовало опрашивать с осторожностью и большей бдительностью ввиду того, что среди таковых могли быть шпионы и контрреволюционеры (контрразведчики), а также возможные и невинные граждане.

В случае, если суд оправдывает то или иное лицо, то комиссия суда пишет отношение командиру полка, а который, согласно постановления суда, выдает пропуск. Считалось необходимым присутствие на суде и политического работника, который, в свою очередь, имел право опроса подсудимых.

Все протоколы, постановления и решения суда в копиях направлялись в Главный оперативный штаб. Большая часть работы возлага-

лась на секретаря (делопроизводителя) суда. В функции суда входил разбор дел, кроме указанных случаев, по всем преступлениям: по обвинению как граждан, так и партизан войсковых соединений в мародерстве, дезертирстве, грабеже, нанесении оскорблений, агитации в шпионаже, контрреволюции и т. п. Опросом пленных при полках ведали политические работники, которые проводили эти опросы по специально выработанной схеме. Весь опрос пленного сводился к выяснению характеристики полка, состояния части в боевом, политическом и экономическом отношениях, характеристики командного состава и политработников, отношения массы к партизанам. По окончании опроса пленные вместе с протоколом опроса направлялись в штаб армии, а иногда и освобождались, судя по данным показаниям и их виновности. При суде имелись конвоиры для сопровождения арестованных. Мест заключения не было; согласно инструкции о наказаниях на заключение под стражу не осуждались.

Политотдел. Вся политическая, агитационная и организационная работа лежала: в армии, бригаде — на политотделе, в полку — политическом бюро, дивизионах и эскадронах — на политработниках полка. Политотдел армии вел учет, регистрацию и производил посылку работников по районам и войсковым соединениям. Кроме того, политотдел должен был разрабатывать воззвания, листовки и т. п. по армии, которые после утверждения губкомом Союза трудового крестьянства распространялись как среди населения, так и партизан.

Главную роль играли агитационные и организационные работники, которые политотделом армии командировались в бригады и полки для работы среди воинов, партизан и населения в районе, в котором находилась часть. После выполнения задачи продолжительность нахождения в части разрешалась на время по усмотрению самого работника, о результате ее он направлял доклад в оперативный штаб.

Задачей политотдела являлось: а) разъяснять воинам и населению цели борьбы; б) воодушевлять бойцов; в) поднимать революционный дух у населения, г) внушать ему необходимость оказания всевозможной и всесторонней помощи партизанам. В местностях, присоединяющихся к общему народному движению, политотделы организовывали комитеты «нового порядка жизни». Командиры бригад, полков и др. войсковых частей всеми мерами содействовали их работе.

Агитпроп и оргработники армии по прибытии в бригаду, полк связывались с политическими работниками и действовали с ними в полном контакте. Самовольный уход с поста политработника или вообще уклонение его от исполнения своих обязанностей влекли за собой ответственность военного времени. Изложенная посылка работников давала положительные результаты, из ряда донесений видно, что митинги и организации комитетов Союза трудового крестьянства проводились успешно даже в тех местах, где полк находился на отдыхе в течение 2—3 часов. При появлении партизан в селах,

волостях и деревнях немедленно созывалось общее собрание граждан, которые в большинстве своем охотно шли на сборы. Выступающий оратор своей речью показывал гражданам печальную картину положения страны благодаря трехлетней власти коммунистов и целесообразность выступления крестьян. Как говорилось в оперативных сводках как партизанской армии, так и красных частей граждане, проникнувшись словами ораторов, выражали свое глубокое сочувствие «благому начинанию освобождения трудового населения от «ига» коммунистов» и выносили резолюции такого содержания: «Горячо приветствуем и приносим сердечную благодарность повстанцам, которые горят желанием освободить народ из-под ига, рабства, и даем слово в тесной связи плечо к плечу идти бодро и смело на борьбу и на помощь организованным путем восставшего народа, дабы этим защитить себя от новых нападений. Смелым натиском сбросим оковы порабощения незаконных, нечеловеческих коммунистических грабежей, зверских поступков и репрессий». По окончании митинга во многих селах записывались добровольцы и тут же проводились организация (в случае отсутствия) комитетов Союза трудового крестьянства и формирование местного отряда. Выдвигаемые кандидаты на ответственные посты утверждались райкомами.

Комендантская команда. При штабе армии во главе коменданта имелся взводный командир, писарь и команда партизан. При полках было от 3 до 5 человек комендантов, в обязанности которых входило проведение обысков, арестов и конфискации имущества, а также обязательное участие в боях для сбора трофея, отбираемого у противника, и слежка за партизанами, выходящими из цепи во время боя без уважительных причин.

Казначей. Имелся при каждом полку, в его обязанности входило вести все казначейские книги и при всяком требовании отдавать отчеты о приходе и расходе кассовых сумм.

Обоз. Обоз при полку должен был состоять из 13 повозок, которые распределялись следующим образом: санитарные, хозяйственные, канцелярии полка — 1, канцелярии хозчасти — 1, канцелярии строевой — 1, пулеметных (по числу пулеметов). Начальник обоза вел наблюдение за исправностью обоза, как то: в отношении повозок, конного состава, а также наблюдение за уходом лошадей и наблюдение за построением обоза в соответствии с указанием штаба.

Контрхозком. Берет на учет весь обоз и хозяйственные части полка: лошадей, сбруи, повозки, продовольствие, обмундирование, вооружение и т. п., на что имеет списки, ведет приходо-расходные книги продовольствия и фуража, списки состоящих на каждый день на довольствии. Все, числящееся по спискам, сдается под расписку начальнику обоза или начхозчасти. Ответственность устанавливалась через каждые три дня, еженедельно проверялись отчеты у начобоза и начхозов.

Оперсводка. На обязанности заведующего оперсводкой лежал сбор сведений военно-политического характера, для чего он следовал всегда впереди с командой конных разведчиков.

Комиссия по замене лошадей. В состав комиссии входили: председатель, помощник председателя, два члена и секретарь. В функцию комиссии входили мобилизация и снабжение армии лошадьми. Мобилизация лошадей производилась у хозяев, имевших двух или более лошадей. Замена лошадей производилась у хозяев, имевших одну лошадь.

Хозчасть. Состояла из заведующего, помощника, писаря, заведующего оружием (он же оружейный мастер), двух слесарей и 13-ти повозочных. В функцию хозяйственной части входило: распределение фуража и других материалов, поступающих в хозчасть, конфискации имущества, принадлежащего коммунистам и другим лицам по постановлению суда, а также прием всякого имущества, принадлежащего советским учреждениям.

Санчасть. В функции заведующего санитарной частью входило: наблюдение за положением раненых, больных в отношении обмундирования, питания и нахождения в пути. При каждом полку у партизанской армии имелся околоток с перевязочным пунктом, при нем медицинский персонал полка: врач, два фельдшера и при каждом эскадроне по два санитаря. Расквартирование околотка производилось совместно с хозяйственной частью полка. Все санитарные повозки эскадронов, занятые больными, следовали за фельдшерской повозкой. Всеми видами довольствия околотки снабжались хозяйственной частью полка. В целях оказания скорейшей помощи раненым партизанам во время боя они ставились в известность о месте расквартирования перевязочных пунктов. Имевшиеся в каждом эскадроне два санитаря оказывали первую, не требующую отлагательства, помощь раненым. При передвижениях околоток имел одну свободную повозку на случай внезапно заболевших. Перевязочные пункты во время боя, считаясь со стратегическим планом, выдвигались из обоза ближе к линии боя на расстояние в 2—3 версты. Раненые и больные партизаны направлялись в ближайшие местные больницы. На обязанности местных комитетов лежало: раненных в бою партизан направлять в больницы и снабжать их квартирами, провиантом и уходом.

Рассматривая схему организации армии и его учреждения, взаимоотношения с Союза трудового крестьянства, нужно констатировать тот факт, что вся она была скопирована почти до мельчайших подробностей со строения Красной армии. Большинство командиров армий, дивизий, полков Партизанской армии Тамбовского края раньше были командирами подразделений Красной армии. Так же, как и руководящим началом строительства Красной армии являлась РКП (б), так и руководящим началом Главного оперативного штаба Антонова являлся губком Союза трудового крестьянства. Для руко-

водства политической работой в Красной армии имелись политотделы, проводящие партийную линию по заданиям ПУРа, такие же политотделы были и в армии Антонова, такие же политкомы имелись в каждом полку у Антонова. Политруки и политработники в Красной армии — политработники и агитаторы у Антонова. Полковые суды тоже скопированы по образцу полковых судов Красной армии, а бригадные, дивизионные, армейские суды по образцу реввоенрибуналов. Началось дезертирство из рядов партизанской армии — и Антонов боролся с этим явлением организацией комдесов.

Существование и действенность указанной структуры в определенной степени видна из донесения агитатора 1-го партизанского полка Ф. С. Подхвятилина в Главный штаб 1-й партизанской армии о состоянии 8-го Токайского полка и политическом состоянии населения Воронежской губернии: «1921 г. 22 января прибыл я как агитационный работник Подхвятилин Ф. С. в распоряжение Токайского 8-го полка. Что мной наблюдалось: полк составляет штаб полка, который состоит из командира полка Громова, адъютанта. По канцелярии один делопроизводитель Гриднев, 2-й делопроизводитель — Четвериков. При канцелярии две пишущие машины. При полку имеются лазарет, при лазарете один врач Виноградов, тюремный фельдшер Попов, младший фельдшер Ананьев и сестра Орлова, остальные дежурные при лазарете, больных и раненых человек двенадцать. Наблюдается и уход за больными энергичный, также и медикаментов в достаточном количестве, хозчасти не было, но сейчас постоянно количество вооруженных 300 человек боевых кавалеристов, соответствующих 60 боевиков пехоты и 150 пехоты добровольцев невооруженных. Один пулемет «максим», исправный. При достаточном количестве лент и патрон, на каждого боевика вооружения по 40 штук, так что по прибытии полк наблюдается пока на должной высоте, только что хромает в политических отношениях, нет соответствующих агитаторов.

Когда я следовал по селам и деревням, то наблюдалось мной, хотя комитеты существуют кое-где, но определенной цели общего достижения еще не знают, ввиду того, что не было ораторов, политических работников, которые могли бы осветить о текущем моменте и что мы достигаем, но люди, кто в деревнях и селлах, все одного убеждения против коммунистов, по пути моего следования ставил я митинги. Подготавливал программы и инструкции, освещал о порядках, какие должны быть по установленной власти Временного правительства, люди мною остались довольны, моим посещением, уже чувствуют под собой твердую почву, а, явившись в расположение полка, сейчас же приступают к своим обязанностям, согласно выработанной инструкции. На 23-е сего месяца назначили съезд с четырех волостей представителей для выборов районных и волостных комитетов, так

что надеюсь здесь поставить все политические работы, также и организацию, на должную высоту» [25].

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

Ю. Н. Подбельский, член ЦК ПСР, в своем заявлении по поводу обвинений партии социалистов-революционеров в организации крестьянского восстания в Тамбовском крае и о Союзе трудового крестьянства написал так: «Союз трудового крестьянства, организованный весной 1920 г. «правыми» и «левыми» с.-р., был разбит осенью 1920 г. в первые же дни восстания и не имел ничего общего с «Тамбовским губернским Союзом трудового крестьянства», сфабрикованным Антоновым уже в процессе самого восстания. В этом можно легко убедиться из сравнения программ обоих союзов. Достаточно поверхностно ознакомиться с той безграмотной программой, которая была выработана этим вторым антоновским Союзом и отдельные пункты которой были приведены и в «Известиях ВЦИК» («государственный кредит личности» и прочие перлы грамотности), чтобы не смешивать в одну кучу две совершенно разнородные организации. Именно этот союз во главе с Антоновым, а не П. С. -Р., и является руководителем антоновского движения, и напрасны все попытки свалить всю вину за жестокости, проявленными крестьянами в борьбе с жестокостями противной стороны, на созданный весной 1920 г. союз, который, конечно, никаких зверств не «освящал», ибо в момент восстания он уже не существовал. Некоторое сходство в названиях этих двух совершенно разнородных организаций дало ВЧК повод для того, чтобы все, что творилось от имени «антоновского» Союза (существующего, кажется, больше на бумаге), свалить на плечи погибшего осенью, вследствие арестов и бегства его руководителей, Союза трудового крестьянства, а, по пути, и на П. С. -Р. Ни один из упомянутых в докладе ВЧК товарищей, названных «членами Тамбовского губернского комитета П. С.-Р.», в действительности членами губернского комитета не были» [26].

И это было действительно так. Союз трудового крестьянства, созданный на съезде партии социалистов-революционеров, и Союз трудового крестьянства, который был фактически партией Партизанской армии Тамбовского края и во главе которого был Г. Н. Плужников, имели общим только название. Ни Антонов, ни Плужников не создавали новый Союз трудового крестьянства. Просто в трех уездах — Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском, территория которых контролировалась Партизанской армией, эсеровские

районные комитеты Союза трудового крестьянства возглавили единомышленники Антонова, приняли свои, отличные от эсеровских, Устав партии, Программу, избрали свой губком и принялись активно пропагандировать свои взгляды на будущее России, организовывать волостные и сельские комитеты Союза трудового крестьянства.

Главной своей задачей Союз трудового крестьянства ставил «свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора». Среди политических и экономических целей в Программе Союза трудового крестьянства назывались: политическое равенство всех граждан, без разделения на классы (правда, с добавлением в одном из вариантов Программы слов: «исключая дома Романовых»); созыв Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права для «установления нового политического строя»; создание временной (до созыва Учредительного собрания) власти «на выборных началах», но без большевиков; частичная денационализация промышленности с оставлением «в руках государства» крупной промышленности, особенно каменноугольной и металлургической; «рабочий контроль и государственный надзор над производством»; «проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объеме»; «свободное производство» в кустарной промышленности; снабжение продовольствием и другими предметами первой необходимости «населения города и деревни через кооперативы»; «регулирование цен на труд и продукты производства» в государственной промышленности; «допущение русского и иностранного капитала» для восстановления хозяйственной жизни и др.

Программа Тамбовского губернского Союза трудового крестьянства в целом представляла документ широкого демократического содержания с заметным эсеровским влиянием и с явными противоречиями, порожденными спецификой крестьянской революционной идеологии. Таким противоречием было исключение «дома Романовых» и «коммунистов» из числа тех, кому предоставлялись провозглашенные демократические права. В этом ряду находится и объявление «прекращения гражданской войны» в качестве цели «вооруженной борьбы», которую ведут партизанские отряды Союза трудового крестьянства, иными словами — в качестве цели гражданской войны.

Отметим еще одну характерную особенность Программы Тамбовского Союза трудового крестьянства как политического документа: Закон о социализации земли, осуществление которого названо в числе программных требований, приписывался Учредительному собранию, хотя в действительности был принят 27 января (8 февраля) 1918 г. Объединенным (III) съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым руководили большевики и левые эсеры. Авторы Программы не могли этого не знать, но они видели свою задачу в борьбе за Учредительное собрание, против Советской власти.

Губком состоял из трех членов: Ишина, проводившего агитационно-организационную работу по Кирсановскому уезду; Шамова, проводившего агитационно-организационную работу по Борисоглебскому уезду, и Плужникова (Батько), проводившего агитационно-организационную работу по Тамбовскому уезду, он в то же время является заведующим политическим бюро штаба 1-й армии и представителем при штабе армии, рассматривал совместно с членами штаба армии планы оперативных действий с советскими войсками. При губкоме имелся агитационный отдел, персональным составом которого являлись политработники и агитаторы армии.

Программа Союза трудового крестьянства определяла основные цели, политические и экономические задачи СТК.

Программа СТК провозглашала: «Союз трудового крестьянства своей первой задачей ставит свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора, для уничтожения этой ненавистной власти и ее порядка, Союз, организуя добровольческие партизанские отряды, ведет вооруженную борьбу» [27: 77].

Цели Союза трудового крестьянства.

«1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы.

2. Прекращение гражданской войны и установление мирной жизни.

3. Всемирное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами.

4. Созыв Учредительного собрания по принципу равного всеобщего прямого и тайного голосования, не предрешая его воли в выборе установления политического строя, с сохранением права за избирателями отзыва представителей, не выполняющих воли народа.

5. Впредь, до созыва Учредительного собрания, установления временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвовавшими в борьбе с коммунистами.

6. Свобода слова, печати, совести, союзов и собраний.

7. Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объеме, принятого и утвержденного бывшим Учредительным собранием.

8. Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы.

9. Регулирование цен на труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства.

10. Частичная денационализация фабрик и заводов, крупная промышленность, каменноугольная и металлургическая, должна находиться в руках государства.

11. Рабочий контроль и государственный надзор над производством.

12. Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны.

13. Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами.

14. Свободное самоопределение народностей, населяющих бывшую Российскую империю.

15. Открытие широкого государственного кредита для восстановления мелких сельских хозяйств.

16. Свободное производство кустарной промышленности.

17. Свободное преподавание в школе и обязательное всеобщее обучение грамоте.

18. Организованные и действующие ныне партизанские добровольческие отряды не должны быть распускаемы до созыва Учредительного собрания и разрешения им вопроса о постоянной армии».

Программа СТК представлялась как документ Тамбовского губернского комитета Союза трудового крестьянства [27: 77-78].

Устав СТК давал такое определение: «Союз трудового крестьянства есть организация крестьян, поставившая своей целью свержение власти коммунистов-большевиков».

Уставом были определены правила вступления в Союз: членами Союза могли быть лица обоего пола в возрасте от 18 лет; члены Союза должны были строго соблюдать дисциплину, принятую Союзом; лица, желающие поступить в Союз, должны заявить об этом местному комитету Союза; комитет, принявший заявление лица, желающего поступить в Союз, докладывает об этом на общем собрании Союза для его удовлетворения; для того, чтобы вступить в Союз, необходимо было иметь поручительство двух членов Союза, а где нет Союза, комитет создает его. В том случае, когда в Союз вступает все население какого-либо общества, утверждение протокола и списка представляется волостному съезду Союза. До утверждения их съездом общества считаются вступившими в Союз с предварительного согласия волостного комитета. В Союз принимались лица, полностью разделяющие его программу и задачи; лица, состоящие в партиях коммунистических или монархических, не могли быть приняты в Союз.

Были определены правила исключения из Союза. Исключались не посещающие общих собраний Союза без уважительных причин до трех раз; не подчиняющиеся дисциплине Союза; безнравственно ведущие себя, компрометирующие сам Союз; опороченные по суду за кражи, грабежи, убийства, поджоги, шпионаж и проч.

Вводились нормы об общем собрании членов Союза. Общее собрание, съезд Союза созывается по мере надобности. Инициатива созыва общего собрания или съезда принадлежала комитетам. В случае необходимости допускался созыв комитетами общих собраний или съездов по заявлению не менее как одной трети Союза. Общее собрание считалось правомочным при двух третях собравшихся членов Союза. Спустя два часа после вторичного оповещения, собра-

ние считалось правомочным при любом количестве собравшихся.

В Уставе говорилось, что Устав принимается за основание и может быть дополняем уездным, губерньским и Всесоюзным съездом [28].

Основными направлениями деятельности комитетов Союза трудового крестьянства являлись: агитационно-организационная работа среди населения сел, волостей и деревень; формирование отрядов и подготовка пополнения партизанским войсковым соединениям; снабжение продуктами семей партизан и отчасти снабжение партизан; ведение внутреннего распорядка и строгия комитетов; несение караульно-разведывательной службы и службы связи; хранение оружия, припасов, снаряжения и т. п.; снабжение партизан; нападение и обезоруживание мелких войсковых соединений советской армии. Особое внимание руководителей Союза трудового крестьянства уделялось постановке политической, пропагандистской работы среди крестьян. Работа проводится согласно инструкций и положений о комитетах [9].

Работа по организации районных, волостных и сельских комитетов Союза трудового крестьянства и их обязанности устанавливались специальными инструкциями. Приведем Инструкцию, утвержденную Борисоглебским уездным съездом 26 декабря 1920 г.

Районный комитет должен был состоять из пяти человек: председателя, четырех членов — заведующих отделами «А» (общий), «Б» (политический), «В» (военный) и хозяйственный. Волостные комитеты должны были состоять также из пяти членов: одного председателя и четырех членов, в случае необходимости предоставлялось право кооптации с разрешения уездного комитета. Сельские комитеты должны были быть организованы из трех членов: одного председателя и двух членов. Члены комитетов избирались общим собранием Союза трудового крестьянства. Секретарями являлись приглашенные лица.

При комитетах организовывались вооруженные команды внутренней охраны: при районных — 10 человек, волостных — 5 человек, сельских — 2 человека. В селениях, граничащих с укрепленными пунктами коммунистов, вооруженные команды создавались по мере надобности с уведомлением уездного комитета.

Были четко определены обязанности комитетов. Держать тесную связь между собой и отделом связи при уездном комитете не менее одного раза в день. Следить за передвижением красных войск и шпионажем. Задержанных шпионов препровождать в суд при уездном комитете, мелкие неприятельские отряды, если таковые под силу местной охране, пресекать в корне. Самовольно отлучившихся партизан из отряда задерживать и направлять в ближайшие отряды, в случае их сопротивления обезоруживать и сообщать тем отрядам, из которых отлучился партизан. Следить за грабежами, убийствами и пожарами, замеченных в этом задерживать и направлять в суд как бандитов. Члены комитетов должны были быть вооружены по мере

возможности. Охрана народного имущества, в чем бы она ни заключалась. Строго преследовать лиц, занимающихся варкой самогона, уличенных в этом лиц предавать суду. Ставить в известность красноармейцев, приехавших в отпуск, чтобы они не возвращались в свои части, руководствуясь при этом приказом военного штаба. Оказывать продовольственную посильную помощь лицам, в первую очередь принимающим участие в борьбе, и их семьям. Комитеты должны еженедельно давать отчеты о своей деятельности высшей инстанции. Все распоряжения губернского комитета и уездного комитета исполнять точно и аккуратно. Не пропускать для продажи из восставшего района в другие местности лошадей и хлеб [29].

Работа районных комитетов Союза трудового крестьянства регламентировалась инструкциями.

Районный комитет должен был состоять из председателя, помощника председателя, секретаря и двух членов. Для особых поручений в распоряжении комитета должен был находиться штаб конного отряда в 20 человек под назначением внутренней охраны, последний должен быть нелегальным поддельным. При волостных комитетах отряды в 1 человек, в селах — по 2 человека.

Инструкциями обязанность комитета включала такие вопросы: держать тесную связь с партизанским отрядом и сельскими комитетами не менее одного раза в сутки, для этого в обязанность одного воина вменялось продвигать свою работу в ближайшие селения других районов. Комитет должен был следить за передвижением красных войск и шпионами. Комитету и штабу конного отряда вменялось в обязанность следить за самовольной отлучкой из партизанского отряда без отпуска командира и комитета, таковых задерживать и препровождать с конвоем в партизанский отряд. Комитет должен был ставить в известность всех мельников, что за работу они должны брать 15-ю меру, если чистый хлеб, а если с лебедой, то 20-ю меру. Карточная система вовсе отменялась. Комитет должен был ставить в известность всех маслосбойщиков, чтобы они за работу брали с закладки один фунт масла и 250 рублей деньгами, но жмых в пользу свою не оставляли. Волостные и сельские комитеты должны были сами быть вооруженными по мере надобности и могли пользоваться районным конным отрядом [30].

Комитеты Союза трудового крестьянства расширяли свою деятельность, этому способствовал рост повстанческой армии и ее успехов. В этой связи сошлемся на протокол пленарного заседания представителей 1, 2, 3, 4 и 5-го полков боевой дружины Тамбовского края от 16 декабря 1920 г. «Заслушав доклад члена губернского комитета Батько о текущем моменте, в коем точно вырисовалось положение настоящего момента, а именно — ослабление коммунистического правительства, апатичное отношение членов Коммунистической партии к своей собственной роли, усиливающаяся развитие парти-

занских отрядов, частичное проявление на лицах крестьян-пахарей и забитой до максимума интеллигенции, громадное стремление хлеборобов в ряды партизан и вообще отрицательное отношение населения к советско-коммунистическому правительству, за исключением, конечно, лишь небольшой кучки самих коммунистов, что этот факт подтверждается при наблюдении над населением, постановили: выразить т. Батько благодарность за выяснение столь желаемых нам положений, распространить среди населения воззвания хлеборобам-крестьянам, интеллигенции, дезертирам и прочим с призывом о скорейшем свержении темного невежественного и столь грубого палача — коммунистического правительства, с точным разъяснением, для чего создались партизанские отряды, и что они хотят сделать для угнетенного и разоренного населения России. Да здравствует скорейшее объединение населения под знаменем «В борьбе обрешь ты право свое!» [31].

Выходили из подполья ячейки СТК, образовывалась местная сельская власть в лице комитетов Союза трудового крестьянства. В комитеты избирались большею частью местные граждане, а подпольные работники облекались в форму политработников армии и были частью прикреплены к частям, задача которых была: разъяснение среди воинов и населения целей борьбы, воодушевление борцов, подъем революционного духа бойцов и населения, внушение необходимости дисциплинированного выполнения служебных обязанностей, населению необходимости всевозможной и всесторонней помощи партизанам, наряду с чем производить в неорганизованных селах организацию комитетов СТК. Другая часть работников, находясь в непосредственном ведении политического бюро, рассыпалась по районам для агитационно-организационной работы, о результатах которой свидетельствует то, что к началу апреля 1921 г. действовало до 900 районных, волостных и сельских комитетов, главным образом в Тамбовском, Борисоглебском и Кирсановском уездах [32].

Комитеты Союза трудового крестьянства находились под властью военного командования.

Так, в предписании командира 8-го Токайского полка сельским комитетам Союза трудового крестьянства в январе 1921 г. предписывалось разбить все село или деревню по сотням, из каждой сотни выбрать по 2 человека представителей, которые должны находиться на местах, обязаны только являться на все районные съезды. Комитетам СТК предписывалось составить список на весь имеющийся скот (коров, телят, лошадей, овец, свиней) и список на всех граждан в возрасте от 19 до 40 лет, как постоянно, так и временно проживающих в селе или деревне. Все списки на граждан и на скот должны были находиться на местах впредь до распоряжения. За неисполнение этого указания виновные подвергались военно-революционному суду [33].

В целом анализ структуры и деятельности Союза трудового крес-

тъянства показывает их демократическими и по способу избрания, и по составу. Даже негативно окрашенные чекистские донесения не отрицали благожелательного отношения крестьянства к СТК. Чрезвычайный характер обстановки наложил сильнейший военный отпечаток на всю деятельность Союза трудового крестьянства и не позволял определить направление и перспективу их развития как будущих органов народовластия. В самой структуре СТК просматривались элементы будущей партии (централизм, собрания сторонников, возможно членство в них). Многие решения и действия Союза трудового крестьянства копировали советских политкомиссаров и политотделов. В частях и соединениях армии А. Антонова был строжайший «учет и контроль», суровые наказания за проступки «по законам революционного времени» и пр. В реальных условиях войны, хозяйственной разрухи, острой нехватки материальных ресурсов антоновское командование так же, как и Советская власть, вынуждено было идти на жесткие меры, аналогичные «военному коммунизму», прежде всего на разверсточную систему материального обеспечения армии. Сходство в организации и идеологии противостоящих друг другу революционных сил проявлялись во многом, вплоть до обращения «товарищ» и красного знамени.

Направления деятельности Союза трудового крестьянства видны из Инструкции комитетам СТК о порядке их деятельности. Они должны были следить за точным поступлением зерна с мельниц в распоряжение комитета и о поступлении таковых хозяевам мельниц выдавать по квитанции. При добровольном сборе пожертвований зерна и фуража составлять акты и таковые хранить в делах комитета. По требованию командиров частей или отдельных партизан, едущих по делам службы, снабжать таковых и вести учет снабжения с указанием номера документа проезжающих. Удовлетворять по возможности добровольными пожертвованиями партизан, нуждающихся в платье и обуви. Удовлетворять проезжающие войска продуктами питания и фуражом, каковые имеются налицо у домохозяина.

Обязанностью комитетов СТК была замена лошадей по требованию командиров части и по требованию отдельных проезжающих партизан по делам службы. Эта обязанность расписывалась до деталей. Во-первых, жеребых кобыл брать ни в коем случае нельзя. Во-вторых, если имеется одна лошадь (мерин, годный для боевой обстановки), такого можно заменить. В-третьих, если имеется две лошади, из коих одна около двух лет, а вторая годна для похода, то последняя подлежит замене. В-четвертых, если имеется три лошади, из коих одна около 2-х лет, а две другие годны для похода, то одна из последних может быть изъята без замены, а вторая — с заменой. В-пятых, если у гражданина имеется 2 или 3 лошади негодные к походу, а годные к работе, а у другого имеется одна лошадь, годная к походу, то таковую можно взять, заменить лошадью первого. Комитеты СТК должны

были бросовых лошадей, находящихся при комитете, отдавать безлошадникам. Строжайше следить за приведенными партизанами и оставленными дома лошадьми, каковых отбирать и удерживать в распоряжении комитета.

Комитеты должны были следить, чтобы у всех проезжих партизан были документы, и без документов направлять в штаб. Принимать меры при помощи милиции для отправления дезертиров в войска и не подчиняющихся таковому распоряжению арестовывать и отправлять в штаб вместе с оружием и лошадью при конвое. Следить за своевременным отправлением партизан после отпуска в войска, с отказавшимися поступать согласно 10 параграфу. Партизана вашего района, заявившего о болезни, направлять в ближайшую больницу для свидетельствования и выдачи удостоверения о болезни врачом, оставлять дома. Раненых в бою направлять в больницы и снабжать их квартирами, провиантом и уходом. Все имущество, сдаваемое частями или организациями, принимать и направлять по указанию сдающего, выдавая расписку сдающему. Следить за невывозом зерна, фуража и скота в несорганизованных местностях. Тщательно следить за выдачею пропусков и выдавать таковые только благонадежным лицам за печатью и написанные чернилами. Задерживать всех подозрительных лиц, не пропуская без спроса, как то: женщин, горшечников, нищих, и после спроса доставлять в штаб. Задерживать шпионов-коммунистов и под усиленным конвоем направлять в штаб. Ни в коем случае не должно быть вскрытия пакетов и ломания печатей. Следить за точным и своевременным отправлением пакетов. По выдаче хлеба семьям партизан и населению должен быть тщательным осмотр членами комитета, чего не имеется, и на заявлении подающего на пособие должна быть пометка члена, осматривающего хлеб, за его подписью. Следить за гонкой самогона и в корне пресекать таковую, отдавая самогонщиков под суд. Выдавать топливо населению, и только из указанных местностей. Следить за воровством, грабежом, убийством и виновных арестовывать и предавать суду. Следить при помощи милиции за охраной и постами в селениях, на больших дорогах ставить заставы. Не допускать самовольных арестов, обысков и конфискации имущества. Не допускать самовольных расправ населения с подозрительными лицами и пленными. Пресекать в корне взяточничество и виновных предавать суду. Следить за тщательным исполнением военных нарядов. Пресекать в корне игру в карты и на деньги и виновных предавать суду.

Обращает на себя внимание то, что эта инструкция комитетам Союза трудового крестьянства о порядке их деятельности была составлена на основании приказа 1-й армии № 23 параграф 1 от 24 февраля 1921 г. [34].

Комитеты Союза трудового крестьянства фактически являлись

органами власти в районах, где действовала повстанческая армия. Это признавалось в докладе В. А. Антонова-Овсеевко в ЦК РКП (б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением 20 июля 1921 г. В нем говорилось:

«1. В пяти уездах создано было до 900 сельских комитетов, избранных сходами, объединяемых волостными, далее районными, уездными и наконец губернскими комитетами СТК.

2. Комитет СТК выполняет основные функции органа власти. В военной области он организует пополнения добровольцами или проводит по приказу «штабов» мобилизации в бандитский полк, на вербованный в данном районе. Он налаживает сбор денежных, продовольственных и вещевых средств для партизан, организует им медицинскую помощь и содействие их семьям. Он чрез «комендатуру» ведает расквартированием бандитских шаек, сменой лошадей, организует связь и разведку. В поддержку Комитету, для борьбы с мелкими партиями «красных» и содействующими «красным», а также для поддержания связи, комитет организует «вохру» (внутрен. охрану в количестве от 5 до 50 человек на село). Комитет СТК проводит также общехозяйственную и административную работу.

3. На основе территориальной системы создан ряд бандитских «полков». На бумаге существовали точные штаты, на деле «полки» представляли просто сборище разной степени организованности (от 2 до 7 эскадронов), разной численности (от 200 до 2000 сабель) и вооружения (значительная часть была почти без оружия), большинство на конях, пешие в виде исключения. Штабы разрабатывали точные приказы и инструкции, но эти правила были выполняемы редко. При полках существовали довольно правильная разведка (конная), пулеметная команда, связь (конная), хорошо поставленная канцелярия, хозяйственная часть, комиссия по замене лошадей, обоз (весьма облегченного вида по штатам, на деле часто крайне громоздкий), полковой суд, иногда и специальный «палач», политотдел (политработники). Основной мерой наказаний в дисциплинарном уставе определена порка (от 2 ударов плетью властью отделенного до 20 — полкового комитета и выше по суду), следующая мера — расстрел. Борьба с мародерством, пьянством, картежной игрой, судя по приказам, проводилась упорно, но не давала никаких результатов [35].

Комитеты Союза трудового крестьянства обращались к крестьянам по политическим и хозяйственным вопросам и, как правило, получали поддержку. Так, Тамбовский губернский комитет Союза трудового крестьянства в своем воззвании писал:

«В борьбе обретишь ты право свое!

Крестьянам и рабочим!

Верь, крестьянин и рабочий, в скорую и окончательную победу над твоим заклятым врагом насильником-коммунистом, поработи-

телем и попирателем твоих священных и неотъемлемых прав: прав на землю, на собственный труд, прав свободно распоряжаться им, согласно своим нуждам и потребностям. Ряды борцов за осуществление твоих святых желаний, как: «Свободный союз крестьянства и рабочих», с каждым днем растут и увеличиваются, и недалеко то время, тот час, когда из края в край всей порабощенной России пронесется мощный клич, вырвавшийся из многомиллионных крестьянских и рабочих грудей: «Да здравствует новая свободная жизнь с властью подлинно выражающей волю трудящихся!» Тогда настанет истинное царство труда, труд будет выше всех других сторон жизни, а крестьянин и рабочий его непосредственными хозяевами.

Крестьянин и рабочий, ты поднял знамя восстания с лозунгом: «Союз крестьянства и рабочих», так и иди же смело и прямо по тому намеченному пути к осуществлению своих заветных дум, указателем которого у тебя твое красное знамя. Держи его крепко, чтобы ни одна бесчестная рука не могла вырвать из твоих мозолистых рук. Еще раз повторяем, что должно быть твоим символом веры: «Вера в свои силы и победу, власть только трудящимся» [36].

Возвания адресовались и красноармейцам. В одном из них говорилось:

«Братья красноармейцы!

Опомнитесь, с кем воюете вы? Это не банда, а восстание крестьян. Мы для того восстали, чтобы освободить от коммуны граждан. Красноармейцы, протягиваем вам братскую руку. Давайте вместе вести борьбу. Вместе сбросим эту муку и устроим по-хорошему жизнь свою. Коммунисты-жиды нас стравили. Мы друг друга убивать стали. Эх! Сколько крови они нашей напрасно пролили, и мы им это прощаем! Остановитесь, зачем братьев своих убиваем? Мы хотим хорошую жизнь восстановить. Нужда заставила нас воевать. И вы, наши братья, решаетесь восстание подавить. Братья красноармейцы, вы делайте наоборот, оружие сдавайте. Кто ж — ведь восстал народ. Там и вы нам, партизанам, помогайте, не тушите огня. Пусть пламя восстания ярче горит. Народ восстал спасать себя. Этот пожар впереди жирную жизнь сулит. Прекратится тогда надоедливая война, каждый из вас за дело возьмется. Все мы разойдемся по своим домам. Скоро опять промышленность разовьется. Ведь мешают этому коммунары, они озлобили крестьян, повыгребли у всех амбары, они поделали из народа партизан. Вам надоело воевать, вас коммунисты мобилизовали. Вам оружие дали и на своих братьев воевать послали. Кто сочувствует партизанам, ни разу в них не стреленут, а оружие им сдадут. Кто стреляет, тот враг, тех партизаны побьют.

Да здравствуют наши братья красноармейцы!

Да здравствует союз всех крестьян!

Да здравствует вождь наш Антонов!» [37].

В повстанческой армии большое значение придавали агитацион-

но-пропагандистской работе как непосредственно в воинских частях, так и среди населения. В армейских подразделениях и в комитетах Союза трудового крестьянства этой работой занимался большой штат работников.

Помимо политработников, в агитационных отделах были так называемые «редакторы», составляющие воззвания, листовки и редактирующие поступавшие из штаба армии воззвания, которые утверждал член губкома Батько. Милиция во главе с начальником Чичкановым несла караульно-разведывательную службу, следила за антиобщественными проступками, замеченных в чем-либо привлекала к ответственности. Связь при губкоме Союза трудового крестьянства состояла из 3 человек во главе с Д. Г. Плужниковым (сыном Батько), она занималась исключительно поддержанием связи со штабом армии и войсковыми соединениями партизанской армии, расположенными в Каменском районе. Конкретное указание этого района объяснялось тем, что расквартирование работников губкома Союза трудового крестьянства было в этом селе. Задача имевшейся при губкоме канцелярии в составе 3-х человек, из которых два писаря, один из них выполнял обязанности секретаря и один машиниста, заключалась в даче тех или иных указаний уездным и районным комитетам по распоряжению Плужникова. Эти технические работники в какие бы то ни было дела губкома не посвящались. На губкоме Союза трудового крестьянства лежало общее руководство организационной работой в уездах и агитационной работой среди населения и в войсковых частях. Организационная работа комитетов осуществлялась специально выделенными организаторами по районам, но они не были закреплены за районами. Эти работники, организовав дело, поручали его вести временно выбранному из населения, а сами, получая распоряжение губкома, отправлялись в следующий район.

Характер агитационно-пропагандистской работы виден по Инструкции оперативного штаба 1-й партизанской армии агитационным работникам. В ней указывалось, что агитационные работники являются работниками при штабе армии, который командует их по своему усмотрению в бригады армии для работы среди воинов-партизан и населения в районе, в котором действует бригада. После работы, продолжительность которой отдавалась на усмотрение работника, о ее результатах он делал доклад в оперативном штабе.

Задачи агитационной работы: а) выяснить среди воинов и населения цели борьбы, б) воодушевить борцов, в) поднимать революционный дух у населения, г) внушить населению необходимость всевозможной и всесторонней помощи партизанам. В местностях, присоединяющихся к общему народному движению, агитационные работники должны были организовывать комитеты нового порядка жизни. Командиры бригад, полков и других воинских частей и комитеты всеми мерами содействовали их работе.

Агитационные работники штаба по прибытии из бригады связываются с полковыми агитационными работниками и действовали с ними в полном контакте. Самовольный уход с поста работы агитационного работника и уклонение от исполнения своих обязанностей влекло за собой ответственность по военному времени [38].

Уездных комитетов значилось только три: Тамбовский, Борисоглебский и Кирсановский. Уком имел отделы — продовольственный, политический, военный, связь, суд и милицию. Общей работой укома руководил председатель, лицом, контролирующим работу отделов, являлся товарищ председателя. Продовольственный отдел вел учет продовольствия по районам и волостям и сообразно наличия делал распоряжения, как, например, взятие на учет продуктов, промышленных предприятий: мельниц, прессов, перерабатываемого мельницами зерна и т. п.

Военный отдел руководил работой районных и волостных военных отделов в области правильной постановки дела, издавал распоряжения в отношении формирования отрядов, подготовки пополнения партизанских частей, проведения мобилизаций и т. п.

Политотдел, имевший в своем распоряжении политических работников, агитаторов и организаторов, рассылал их по районам и волостям с целью агитационно-организационной работы, контролировал работу районных и волостных комитетов, сплачивал массы вокруг комитетов повстанческого движения.

Милиция, возглавляемая начальником, в оперативном отношении непосредственно подчинялась начальнику губернской милиции. Команда уездной милиции находилась в прямом подчинении начальника и по его распоряжению производила обыски, выемки, конфискации, реквизиции и аресты. При каждом производстве обыска, ареста, конфискации или реквизиции посылаемый милиционер приглашал члена местного комитета и двух понятых, в присутствии коих составлял протокол. Каждый милиционер при производстве операции должен был вести себя прилично, обращаться с гражданами чинно и гуманно и в случае, если будет не в состоянии разобраться с делом на месте, приглашать граждан к начальнику. Милиционер, заметивший какой-либо случай, приносящий вред народу или одному лицу, и в случае, не терпящем отлагательства, обязан был немедленно принять меры для останова и недопущения преступления и тут же доложить начальнику. Милиционер не мог без разрешения начальника куда-либо отлучаться. Ежедневно старший команды назначал в суточный наряд одного дежурного и ему помощника.

В феврале 1921 г. принималась специальная Инструкция губернского комитета Союза трудового крестьянства и штаба 1-й партизанской армии об обязанностях милиции. Согласно инструкции в обязанности милиции входило следующее. Точное и безукоризненное исполнение всех приказаний начальника милиции и комитетов. Сле-

дить за точным исполнением частными лицами всех приказаний, исходящих от военных и гражданских властей. Нести поочередное дневное и ночное дежурство по назначению комитета или начальника милиции. Следить за распределением постов и застав. Следить и пресекать в корне гонку самогона и виновных предавать суду. Задерживать всех подозрительных лиц и после опроса направлять в комитет. Проверять документы проезжающих партизан и задерживать, направлять в штаб не имеющих документов. Следить за своевременными выездами в полки партизан, прибывших в отпуск. Тщательно наблюдать за партизанами, прибывающими домой, и таковых, если не имеют законных документов, направлять в штаб. Следить за партизанами, чтобы они не оставляли своих боевых лошадей для домашних надобностей, и не выезжал бы полк на плохих лошадях. Следить за приводом вторых лошадей и отбирать таковых, отдавая их своим партизанам, кои заявят, что их лошади негодны для боя (заключение ветеринарного врача). Не допускать вывоза хлеба в неорганизованные местности. Следить за шпионажем, за пропагандой коммунистов. Не допускать самовольные обыски и аресты, от кого бы они ни исходили. При производстве обысков должны присутствовать понятые из местных жителей и кто-либо из членов семьи. При конфискации имущества должна быть составлена опись конфискованного имущества, и под ней должна быть подпись хозяина дома, понятых и чинов милиции. Следить за грабежами, кражами, убийствами, и виновных в этом арестовывать и препровождать в суд. Не допускать самовольной расправы со взятыми подозрительными лицами. Оказывать всякое содействие воинским частям по просьбе таковых. В корне пресекать взяточничество и виновных в этом предавать суду. Милиция должна быть вооружена огнестрельным оружием или холодным [39].

Дежурный по милиции обязан был следить за действиями противника, выставляя наблюдателей, где необходимо, из граждан села, знать расквартирование команды. При передвижениях из одного села в другое он должен выезжать первым в село, где выставлять наблюдателей и назначать квартиры. Смена происходила ежедневно. Ни один милиционер не имел права без дела входить в помещение президиума укома и обо всем должен докладывать начальнику.

Суд ведал расследованием исключительно обвиняемых лиц гражданских учреждений и политически заподозренных в лояльности коммунизму, уголовных, гражданских проступках и т. п. Обвиняемые и задержанные в указанного характера преступлениях направлялись в уездный суд.

Команда связи налаживала связь с войсковыми частями и близлежащими комитетами Союза трудового крестьянства, инструктировала районные и волостные команды связи. Начальник связи находился в непосредственном подчинении председателя укома.

Для более гибкого управления уезды были разграничены на не-

сколько районов. Тамбовский и Борисоглебский уезды имели по четыре района. В состав районного комитета входили общий, политический, продовольственный и военный отделы, суд, милиция, команда связи, во главе отделов стояли члены райкома, в то же время являясь и членами суда. В функции райкома входило исполнение различных приказов и распоряжений, применяемых к местным условиям, исходящих как от укома, так и губкома.

Продотделом велся точный учет продовольственных продуктов, сбор пожертвований для нужд партизанской армии и распределение взятых на учет продуктов среди населения, большей частью и в первую очередь удовлетворение семей партизан. Причем взятие на учет производилось путем списочной системы (подворные списки), кроме того, в функции продотдела входило взятие на учет рогатого скота и лошадей, которыми и снабжаются войсковые соединения партизанской армии.

Во главе политотдела стоял член райкома. В функции политического отдела входило контролирование подведомственных райкому органов — волостных и сельских комитетов и ведение среди населения агитационно-организационной работы, разъяснение гражданам цели борьбы и указывание на необходимость оказания всяческой помощи партизанам. В состав отдела входил комендант команды вохры.

Военотдел проводил формирование отрядов первоначально путем добровольной записи, впоследствии, взяв на учет население в возрастном и политическом отношении и согласно распоряжения укома или какого-либо соединения, производил мобилизацию. В большинстве случаев происходит так — президиум райкома на своем заседании выделял одного гражданина, поручал ему формирование отряда. Отряд в течение 3—5 дней вначале производил самостоятельные действия в виде нападения на мелкие боевые единицы советских войск, разбор железнодорожных линий и убийства отдельных советских работников, а затем вливался в другие отряды или сливались вместе несколько отрядов. Таким образом образовывались полки, о чем доводилось до сведения Главного оперативного штаба, который присваивал номер и наименование полка с указанием какой армии подчинен. При военном отделе имелся комендант, принимавший активное участие в формировании отряда и борьбе со шпионажем, контрреволюцией и тому подобное. В функции вохры при военном отделе входило несение внутренней охраны, выставление по селу застав, постов и несение караульной службы, охрана общенародного достояния: лесов, имений, сооружений, а также проведение самостоятельных оперативных действий, разъездов, разведки и т. п.

В функции общего отдела, во главе которого стоял член райкома, входило наблюдение и ведение внутреннего распорядка.

Милиция находилась в ведении райкома, в то же время подчинялась распоряжениям уездной милиции.

В функции команды связи входила установка связи с комитетами и вблизи расположенными войсковыми частями партизанской армии, взаимная информация с частями о произведенных действиях. Состав команды связи был незначителен, а потому нередко привлекались частные граждане, исполнявшие поручения комитетов, выражавшиеся в доставке тех или иных пакетов по назначению.

В каждый район входило несколько волостей, местная волостная власть подчинялась различным приказам и распоряжениям районной власти. Волостной комитет делился на милицию, хозотдел, военотдел и связь. Общей работой руководил председатель и товарищ председателя. Техническое исполнение работы президиума лежало на кооптированном секретаре.

Милиция совместно с вохрой несла караульно-разведывательную службу, следила за передвижением советских войск, шпионажем и лицами, распространяющими ложные слухи, наблюдала за отлучившимися по тем или иным причинам партизанами, а самовольно отлучившихся арестовывала и направляла обратно в часть, вела борьбу с уголовными и антиобщественными проступками, всех заподозренных в этом направляла в суд райкома.

Функция хозяйственной части, команды связи и военного отдела одна и та же, что и районного комитета, лишь с изменением того, что вохра по охране общественного достояния находилась в ведении военного отдела.

Сельские комитеты были подведомственны волкому по числу сел, деревень и хуторов в каждой волости в отдельности. Изменения лишь в том, что вохра действует самостоятельно, подчиняясь председателю комитета, команда связи отсутствовала, а ее функции исполняли кроме своих обязанностей милиция и, кроме этого, использовалось местное «благонадежное» население.

Во главе комитетов и их отделов стояли граждане преимущественно зажиточного класса, но в некоторых местах были и беднейшее крестьянство по тем причинам, что комитеты в иных местах образовывались на выборных началах открытым голосованием, а в других местах назначались высшими органами даже и те лица, у которых члены семьи или родственники находились в рядах Красной армии. Одновременно назначаемый председателем высшим органом являлся активным участником повстанческого движения, с целью наблюдения за деятельностью членов.

Вооружение вохры и милиции формировались из запаса, заготовленного в период работы комитета СТК и находившегося по тем или иным причинам на руках у граждан, а пополнение происходило путем захвата у небольших советских отрядов, с которыми приходилось сражаться, и обезоруживания отдельных красноармейцев, захваченных в плен во время нахождения их в организованных селах.

Большую часть вооружение состояло из бердан, обрезов и винтовок разного образца и среднего количества патронов. Все излишки вооружения через военные отделы направлялись в штаб армии или по его указанию сдавались войсковым соединениям.

Постановка шпионажа и осведомления у комитетов была на должной высоте. Из ряда имеющихся в архивных делах документов видно, что шпионаж, преимущественно на железнодорожных станциях, был поставлен посредством отдельных лиц, находившихся на службе в советских учреждениях, как, например, на станции Жердевка и Волконская. За подписью псевдонимов с указанием находившихся и проходивших через станции эшелонов с советскими войсками указывалось — когда прибыли части, их вооружение, численность, состояние, настроение, политический состав и маршрут, какая часть несет караульную службу, где выставляет посты, их вооружение, где курсирует бронелетучка, настроение населения и здесь же приводился план нападения. Шпионы по роду передачи сведений делились на две группы: одна группа передавала сведения о международном положении (выдержки из газет). Все поступающие в войскам сведения систематизировались и в одной общей сводке направлялись в штаб армии, а копия передавалась по инстанции — губкому. Вторым способом шпионажа являлся переход за линию фронта в местности, занятые советскими войсками, откуда пробирались в город: одни с намерением узнать состояние Советской власти, другие — просто с целью спекуляции. Но в конечном итоге результат один и тот же, ибо, находясь в городе, путем личного наблюдения и имея родственников и знакомых, проживавших в городе или даже состоявших на службе в советских учреждениях, заводя разговор на злободневные темы, касаясь Антонова, а граждане рассказывали прибывавшим из деревни о всем происходящем в городе, безусловно касаясь внутреннего распорядка. Полученные сведения по прибытии на место жительства немедленно передавались в комитет, откуда через службу связи сведения срочно доносились до губкома и штаба армии.

В листовке «Почему не смогут большевики победить Антонова» раскрывалось видение антоновцами истоков их побед и поражений красных частей [40].

«Почти шесть месяцев тому назад в нескольких уездах Тамбовской губернии началось крестьянское восстание. Измученные гнетом советского самодержавия, разоренные дотла государственной разверсткой, доведенные до отчаяния безудержным разгулом местных коммунистов и различных наезжих агентов, распухшие от лебеды крестьяне, наконец, не выдержали и чуть ли не с голыми руками бросились на своих угнетателей. С вилами и топорами они грудью пошли на винтовки, пулеметы и орудия. И через несколько дней у повстанцев уже были и винтовки, и пулеметы. Движение, начавшееся в двух-трех волостях, перекидывалось дальше и дальше. В настоя-

шее время мы видим, что Кирсановский, Борисоглебский и Тамбовский уезды сплошь заняты повстанцами. Вместо отдельных небольших шаек, что были в августе и сентябре месяце, мы видим десятки конных полков, прекрасно вооруженных, с пулеметами и даже орудиями. Полки эти постоянно передвигаются, шутя отбивают все нападения на них красных и с каждым днем все растут и растут. Во главе этого движения стоит испытанный борец за народную свободу социалист-революционер Антонов. Кто такой Антонов, что он сделал для народа, об этом не стоит говорить, так как вся эта работа идет на виду всех крестьян Тамбовской губернии. Одно нужно сказать, что нет для большевиков более ненавистного имени, чем Антонов; ему они приписывают главную роль в повстанческом движении, и в этом они совершенно правы. Недаром большевики даже самое движение называют Антоновщиной.

Все силы большевики употребляют на то, чтобы разбить Антонова, уничтожить Антоновщину, а выходит как раз обратное. Антоновщина растет и растет — из маленьких отрядов выросла чуть ли не целая армия, которая начинает тревожить не только тамбовских, но уже и московских коммунистов.

В чем же сила этой Антоновщины, отчего большевики до сих пор не смогли раздавить Антонова, как они не раз собирались? И смогут ли они вообще разбить Антонова и уничтожить народное движение в Тамбовской губернии? Эти вопросы должны интересовать всех, в ком не пропала вера в русское крестьянство, и правдивый ответ на эти вопросы разъяснит многим то, что для них остается неясным. Будем отвечать на эти вопросы.

Несмотря на все старания большевиков очернить крестьянское движение всякими гнусными и клеветническими измышлениями, несмотря на позорные названия (бандитов и разбойников), которыми они называют повстанцев, все отлично знают, что повстанцы — это подлинное трудовое крестьянство, которое своим горбом кормило и кормит всю Россию, у которого с рук не сходят мозоли. Измученные, истерзанные и голодные эти землеробы грудью поднялись на своих угнетателей и решили: или умереть, или победить, поворота назад нет и быть не может, вот их девиз. У повстанцев есть идея — свободная жизнь в свободном государстве. Идя в бой, они твердо знают, за что они умирают, и в этом их сила. Воодушевление, доблесть и геройство, эти черты присущи каждому повстанцу. А если к этому прибавить, что по большей части повстанцы — старые солдаты, вынесли на своих плечах великую германскую войну, тогда всем станет понятно, что за силу представляют из себя те, которых безмозглые большевики называют бандитами. А что представляют из себя доблестные красные войска, которые полк за полком бросаются в Тамбовскую губернию и здесь бесследно исчезают. Это вот уже подлинно сброд! Тысяча мобилизованной молодежи, у которой даже не

хватило смелости быть дезертиром, десяток-другой коммунистов-хулиганов, масса патронов и пулеметов — вот вам красные полки.

Храбрые с бабами и стариками, мобилизованные при одном приближении партизан бросают винтовки и сдаются без боя. Коммунисты отчаянно сражаются, зная, что их ждет печальная участь, но что может сделать десяток-другой даже отчаянных храбрецов против превосходных сил повстанцев? Угрозами, расстрелами коммунисты заставляют идти мобилизованных в бой, а те при первом же удобном случае бросают оружие. Вот откуда повстанцы приобретают себе десятки тысяч винтовок, пулеметов, миллионы патронов, седел и прочее снаряжение. Так было и так будет дальше, ибо иной, лучшей армии у советской власти нет. Значит и впредь эта доблестная красная армия будет лишь пополнять боевым снаряжением народную армию Антонова, но никакого серьезного сопротивления этот сброд не может оказать повстанцам. Сколько большевики рассказывали про буденновцев, на которых у них была вся надежда! Где же они? Они были и, как дым, рассеялись. Войско, отлично сражавшееся на фронтах против поляков и Врангеля, оказалось бессильным против горстки партизан, часть сдалась и частью разбежалась. Собрать же отряды из одних коммунистов большевики не смогли и не смогут, так как охотников подставлять свои лбы под пули среди них немного. Быть комиссаром — пороть плеткой стариков и баб, пьянствовать, ходить в дорогих шубах и золоте — вот настоящее занятие коммунистов, а драться с партизанами они посылают мобилизованных. Что сделали большевики для того, чтобы подавить народное восстание? Ровным счетом ничего, а все, что они сделали, это только раздувало пожар. Беспощадные расстрелы, избиение правых и виноватых, бессмысленные поджоги домов и хлеба, дикий грабеж имущества и крестьян, увод заложниками всех, не принимавших участия в движении, — все это привело к тому, что самые робкие вынуждены были идти к повстанцам. Дома остались старые да малые.

Большевики теперь и сами поняли, что они натворили, и своими последними приказами (отмена расстрела, реквизиций и тому подобное) хотят привлечь на свою сторону крестьянство. Волков в овечьей шкуре крестьяне умеют угадывать.

Большевики изо всех сил стараются показать, что такое движение происходит только в одной Тамбовской губернии. Но шила в мешке не утаишь, и все знают теперь, что волна народных восстаний поднимается все выше и выше. В Воронежской, Курской, Саратовской губерниях крестьяне с оружием в руках тоже идут на своих поработителей. Дон и Украина сплошь объята восстанием. Сибирь понемногу начинает давать отпор большевистскому самодержавию. И нет сомнения, что к весне котел народного гнева закипит еще сильнее. Вы, братья-крестьяне Тамбовской губернии, не одиноки в своей борьбе. Правда, в наших рядах слишком мало интеллигенции, но знайте,

что к вам на помощь идет ваша крестьянская партия социалистов-революционеров. Только на днях закончился в Париже съезд членов Учредительного собрания, на котором большинство решило всячески поддержать социалистов-революционеров, а эти устами своих лучших вождей Чернова, Керенского, Авксентьева объявили, что будут вести вооруженную борьбу с большевиками. Итак, помощь не за горами. Мужайтесь, братья-крестьяне, знайте, что советское правительство доживает последние дни. Оно окружено кольцом враждебных держав, которые и разговаривать не хотят с разбойниками (за границей иначе большевиков не зовут как разбойниками), так что помощи извне им не будет.

Внутри страны полная разруха во всем. Их армия — сброд, согнанных плеткой дезертиров. Захватив обманом в октябре 1917 г. в свои руки власть, они слишком издевались над крестьянством, пока, наконец, оно не проснулось и с оружием в руках не пошло на своих врагов.

Кроток и мягок русский мужик, но и страшен он бывает в гневе своем, большевики сумели пробудить этот гнев у него на свою голову.

Нет, не раздавить большевикам Антонова, ибо Антонов — это все трудовое многомиллионное крестьянство, которое начинает понемногу пробуждаться от сна и сбрасывать с себя ненавистное иго большевиков. Еще месяц, другой, и пожар крестьянских восстаний охватит всю Россию.

Волна народного гнева смывает с русской земли весь навоз, называемый большевизмом, и на очищенной земле полновластный хозяин земли Русской — Учредительное собрание даст пострадавшемуся крестьянству не только землю, но и волю» [40].

В покорность бунтовавшее население приводилось путем репрессий, обратившихся на всех — от детей до стариков. Большевистская власть не останавливалась перед самыми жестокими и варварскими способами подавления восставших крестьян: «законные» и «незаконные» расстрелы, массовые аресты, уничтожение целых сел. Снесены артиллерией и сожжены села Коптево, Хитрово, Верхне-Спасское. Особенно безнравственна была система заложничества.

В политической сводке Тамбовского боеучастка о ходе операции по искоренению повстанчества от 30 июня 1921 г. говорится, что в ряде районов производились расстрелы за укрывательство и помощь бандитам, брались заложники, например: в Пановых Кустах — 64 человека, в Кривополянье — все мужское население, а 14 причастных к бандитизму расстреляли, в Грязнухе — 17 человек.

Это еще более ожесточило повстанцев, которые в качестве ответной меры брали в заложники семьи красноармейцев и коммунистов. В ответ вводилась сеть концлагерей, в которых содержались и дети повстанцев [1].

Резюмируя изложенное, сделаем следующие выводы. Докумен-

ты воссоздают образ А. С. Антонова как типичного русского революционера начала XX века, вышедшего «из низов» и отдавшего себя целиком революции, человека немедленного действия, готового ради высоких идеалов совершать и «терракты» и «эксы». Именно из них состоял боевой авангард и у эсеров, и у анархистов, и у большевиков, — тех, кто сам шел на баррикады и звал других. Они легко отождествляли себя с революцией, проникались сознанием особой миссии собственной личности — вождизмом. Приписываемые Антонову стихи в этом отношении очень выразительны. Характерным для этих стихов, как и для Песни партизана, было яростное обличение врага и очень туманное отражение или полное отсутствие позитивного идеала.

Конкретность и наглядность целей и результатов военных действий повышали боевой дух армии и привлекали к ней новые силы: число бойцов в антоновском войске в феврале 1920 г. достигло 40 тыс., не считая «вохры» (охраны). Мощная организация и постановка шпионажа, разведки и осведомления, снабжение всеми видами довольствия и снаряжения не могла быть, если бы на стороне восставших не были симпатии населения губернии. Граждане в ряды партизан привлекались путем агитации и воззваний.

Но при достижении высшего апогея в рядах повстанцев находились различные элементы, пристрастные к мародерству. Мародерство со стороны партизан строго наказывалось, виновные подвергались суду и арестам.

Союз трудового крестьянства, созданный на съезде партии социалистов-революционеров, и Союз трудового крестьянства, который был фактически партией Партизанской армии Тамбовского края, имели общим только название. Антонов не создавал новый Союз трудового крестьянства. Главной своей задачей Союз трудового крестьянства ставил «свержение власти коммунистов-большевиков, доведших страну до нищеты, гибели и позора». Даже негативно окрашенные чекистские донесения не отрицали благожелательного отношения крестьянства к СТК.

Несмотря на все старания большевиков очернить крестьянское движение всякими гнусными и клеветническими измышлениями, несмотря на позорные названия (бандитов и разбойников), которыми они называют повстанцев, все отлично знают, что повстанцы — это подлинное трудовое крестьянство, которое своим горбом кормило и кормит всю Россию, у которого с рук не сходят мозоли.

В покорность бунтовавшее население приводилось путем репрессий, обратившихся на всех — от детей до стариков. Большевицкая власть не останавливалась перед самыми жестокими и варварскими способами подавления восставших крестьян: «законные» и «незаконные» расстрелы, массовые аресты, уничтожение целых сел.

Источники и примечания:

1. «Антоновщина». Как это было // <http://www2001.lipetsk.ru/town/kraeved/is0banto.html>.
2. Поранение городского при преследовании злоумышленников. Из сообщения о попытке задержания полицией А. Антонова // Тамбовский край. 13 июня 1908 г.
3. Биографическая справка на А. С. Антонова, составленная в Тамбовской губернской ЧК // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 2. Л. 37.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 82. Д. 199. Л. 36.
5. ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 520. Л. 7—8.
6. Письмо начальника боевой дружины А. Антонова начальнику Кирсановской уездной милиции с протестом против очернения дружины и предложением сотрудничать в борьбе с бандитизмом // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 3897. Т. 1. Л. 21.
7. Доклад губкома РКП(б) в Центр о причинах и ходе борьбы с крестьянским повстанческим движением // РГВА. Ф. 235. Оп. 5. Д. 133. Л. 46.
8. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 470—471.
9. ЦДНИТО Ф. 840. Оп. 1. Д. 1110. Л. 1—3.
10. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 1, Пановы Кусты. 1 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 468.
11. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.
12. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 4, с. Каменка. 10 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.
13. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 5, с. Чикаровка. 8 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.
14. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 6, с. Каменка. 13 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.
15. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 7, с. Каменка. 14 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.
16. Приказы по 1-й партизанской армии Тамбовского края. № 9, с. Туголуково. 15 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 456—461.
17. Оперативные сводки 1-й Партизанской армии Тамбовского края за 11 января 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 117.
18. Донесение командира 5-го Борисоглебского партизанского полка командиру 4-й бригады 1-й партизанской армии Тамбовского края Г. В. Крутских о выполнении боевой задачи. Вх. № 719/21. 18 января 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 473.
19. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 14.
20. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 15—16.
21. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 20.

22. Доклад Штаба РККА в Реввоенсовет Республики о повстанческом движении на территории Республики // РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 403. Л. 8.

23. Воззвание Главного оперативного штаба и политических руководителей // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 477 об., 472—473.

24. Протокол заседания полкового суда 6-го Верхне-Карачанского партизанского полка о возвращении незаконно изъятого имущества Мальшиной Н. И. 19 февраля 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 89 об.

25. Донесение агитатора 1-го партизанского полка Ф. С. Подхватилина в Главный штаб 1-й партизанской армии о состоянии 8-го Токайского полка и политическом состоянии населения Воронежской губернии // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 209—210.

26. Цит. по: Партия социалистов—революционеров после Октябрьского переворота. Амстердам, 1989. С. 551—555.

27. Программа Союза трудового крестьянства // РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 29.

28. Устав Союза трудового крестьянства // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 221—222.

29. Инструкция по организации районных, волостных и сельских комитетов Союза трудового крестьянства и их обязанностях, утвержденная Борисоглебским уездным съездом 26 декабря 1920 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 224—225.

30. Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 223.

31. Протокол пленарного заседания представителей 1, 2, 3, 4 и 5-го полков боевой дружины Тамбовского края №216 декабря 1920 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 106—106 об.

32. Из доклада В. А. Антонова-Овсенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением // The Trotsky Papers. Vol. II. P. 490

33. Предписание командира 8-го Токайского полка сельским комитетам Союза трудового крестьянства о их действиях на текущий момент. Январь 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 209—210.

34. Инструкция комитетам Союза трудового крестьянства о порядке их деятельности // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 230—231.

35. Доклад В. А. Антонова-Овсенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением (с пометками В. И. Ленина на полях рукописи) 20 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 40.

36. Обращение Тамбовского губернского комитета Союза трудового крестьянства // РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 29. Л. 8.

37. Воззвание к красноармейцам // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 2. Л. 72.

38. Инструкция оперативного штаба 1-й партизанской армии об агитационных работниках // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 232.

39. Инструкция губернского комитета Союза трудового крестьянства и штаба 1-й партизанской армии об обязанностях милиции. 24 февраля 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Л. 234—735.

40. РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 661. Л. 32—38.

ПОДАВЛЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ НА ТАМБОВЩИНЕ

Трудно упрекнуть тамбовское руководство в недооценке грозившей ему опасности. Как уже отмечалось, в первые дни восстания был создан оперативный штаб по борьбе с бандитизмом. В начале сентября 1920 г. губком и губисполком делегировали в Москву А. Г. Шлихтера для личного доклада, отмечая в нем то, что «не удалось своевременно задавить повстанческое движение, которое теперь разрослось до громадных размеров и имеет тенденцию разрастаться, захватывая новые территории». 9 сентября А. Г. Шлихтер встретился с В. И. Лениным и попросил у него содействия в получении для Тамбовской губернии батальона пехоты, двух эскадронов кавалерии и двух тысяч продотрядников, а также 1000 винтовок, 1000 револьверов и 25 тысяч патронов для вооружения местных коммунистов. Шлихтер заверил Ленина, что, если все это удастся получить, то тамбовские власти смогут не только быстро подавить мятеж, но и полностью выполнить государственную разверстку по хлебу.

24 сентября командированный в Москву заместитель председателя Тамбовского губисполкома В. Н. Мещеряков направил В. И. Ленину записку, в которой говорилось: «Со времени Вашего разговора (и содействия) с Шлихтером о нашем восстании — положение наше ухудшилось: разоружены наши 2 роты, взято, таким образом, 400 винтовок и 4 пулемета и вообще противник окреп. Я был у главкома (Главкомандующий всеми вооруженными силами республики С. С. Каменев. — *Авт.*), получил обещание послать в Тамбов 1 батальон и 300 винтовок, но по вопросу о продотрядах до сих пор ничего не вышло. Нам не дали ничего. Иссыпка идет по 20—22—25 тысяч пудов в день вместо 200—220 тысяч нужных. Имею просьбу Шлихтера и губкома переговорить с Вами на эту тему, ибо положение худое» [1: 78].

В ответ на записку В. И. Ленин дал указание заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому и председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому: «Надо принять архизэнергичные меры. Спешно!» [1: 79].

Через три дня, 27 сентября 1920 г. В. И. Ленин поручил заместителю председателя Наркомпрода Н. П. Брюханову проверить верна ли разверстка в 11, 5 млн пудов для Тамбовской губернии — «не скостить ли?». Однако на следующий день в Тамбов была послана телеграмма за подписью Председателя СНК В. И. Ленина и заместителя наркома продовольствия Н. П. Брюханова с указанием экстренно направить в Москву два хлебных маршрута по 35 вагонов каждый. В телеграмме от 28 сентября 1920 г. говорилось: «Вне всякой очереди (в Тамбов из Москвы из Кремля). Ввиду создавшегося катастрофи-

ческого положения с поступлением хлеба, наличности запасов: на фронте — два, в Москве и Петрограде — один день, приказываю напряжением всех сил, использованием всех средств губернии не позднее первого октября фактически загрузить и отправить в Москву в адрес Наркомпрода: помимо плановых отправок два маршрута с хлебом по тридцать пять вагонов каждый со специальными проводниками» [2: 270-271].

Через два дня из Тамбова рапортовали о выполнении чрезвычайного правительственного распоряжения.

Эти действия вызвали недовольство народа, люди восстали. 15 октября 1920 г. В. И. Ленин направил телеграмму заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому, в которой указывает: «Дайте РВСР поручение или, вернее, точный приказ добиться быстрой и полной ликвидации. О принятых мерах мне сообщить» [3: 51: 290]. 19 октября Ленин направляет командующему внутренними войсками республики В. С. Корневу и председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому записку следующего содержания: «Тов. Шлихтер сообщает мне об усилении восстания в Тамбовской губернии, о слабости наших сил, особенно кавалерии. Скорейшая (и примерная) ликвидация (антоновщины. — Авт.), безусловно, необходима. Прошу сообщить мне, какие меры принимаются. Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил» [3: 51: 310].

Первоначально тамбовское руководство отводило на ликвидацию крестьянского восстания не более трех-четырёх недель. Партизанский способ ведения боевых действий повстанцев, успевавших под натиском красноармейских частей скрыться и просто раствориться в крестьянской среде, пульсирующий характер движения затрудняли оценку эффективности военных мер. В докладе В. И. Ленину командующий войсками внутренней службы республики В. С. Корнев уже 1 ноября 1920 г. заявил, что с этого времени восстание можно считать подавленным и вся задача ближайшего времени сводится к ликвидации отдельных банд и шаек. В докладе говорилось: «Со второй половины октября с. г. отмечается перелом в операциях на территории Тамбовской губернии, выразившийся в том, что сильный противник с большим преимуществом в маневренных действиях, после ряда нанесенных его ядру сильных ударов потерял повстанческую окраску в широком масштабе. С 20-х чисел октября антоновцы начали избегать встречи с нашими частями, заметно терялись в неожиданных схватках и сводили свои боевые операции преимущественно к налетам и грабежам. Однако, держась постоянно в хорошо знакомом ему районе, противник, несмотря на наносимые ему удары, быстро пополнялся за счет местного населения, дававшего ему боевой и конский состав» [4].

Побывав в Тамбове в конце декабря, В. С. Корнев, по его же словам, убедился в невозможности справиться с восставшими налич-

ными силами. В это время против мятежников действовало уже свыше 10 тыс. штыков и сабель.

Впоследствии в официальных документах не раз утверждалось о спаде или разгроме восстания, но оно вновь оживало. После посещения Тамбова Комиссией во главе с В. С. Корневым Оргбюро ЦК РКП(б) 1 января 1921 г. рассмотрело вопрос о массовых беспорядках в Тамбовской губернии. По докладу Ф. Э. Дзержинского о массовых беспорядках в Тамбовской губернии, необходимости усиления Тамбовской губернской организации коммунистами и о невозможности быстрой переброски воинских частей было принято постановление: «28. а) поручить учетно-распределительному отделу и ПУРу в 3-х дневный срок направить в Тамбов 300 человек, главным образом, из расформированной 2-й армии [5].

Но все эти действия были недостаточными, они не давали желаемого результата.

Важнейшим рубежом в цепи событий стал февраль 1921 г. К этому времени повстанческое движение достигло наибольшего размаха, стало находить отклик в пограничных уездах Воронежской и Саратовской губерний.

Советская власть перешла к решительным действиям против антоновцев. Ликвидация фронтов против Польши и Врангеля позволяла двинуть на Тамбовщину крупные и боеспособные воинские контингенты, технику, включая артиллерию, бронечасты, самолеты. Изменилась и тактика действий против повстанцев. Вместо отдельных, не связанных единым планом операций, была создана четкая структура военного управления. Вся губерния была поделена на шесть боевых участков с полевыми штабами и чрезвычайными органами власти — политкомиссиями.

В феврале 1921 г. произошел перелом в общей политике государства по отношению к крестьянству. Именно государственной политике принадлежало последнее слово в борьбе с крестьянской революцией и, следовательно, в выходе страны из состояния гражданской войны. Эти изменения, выразившиеся в переходе к новой экономической политике, как показывают открывающиеся документы, оказались связанными с антоновщиной не только как частью общего крестьянского движения того времени, наряду с Кронштадтским мятежом, но и непосредственно с конкретными событиями и лицами, соприкоснувшимися с Тамбовщиной того времени.

Накануне X съезда РКП (б) проводилась общепартийная дискуссия по проблемам, порожденным «военным коммунизмом». В это время в Тамбов выезжали два крупных представителя центрального руководства — Н. И. Бухарин и А. В. Луначарский. Бухарин участвовал в работе X губернской партконференции (28—30 января 1921 г.), Луначарский участвовал в работе VII губернского съезда Советов (31 января — 4 февраля). По выступлениям делегатов от местных

организаций, от разных учреждений они могли составить представление о действительных масштабах и характере антоновщины как массового крестьянского восстания и быстро нарастающей угрозе самому существованию советского строя. Они увидели также, что партийное и советское губернское руководство, раздираемое бесконечными и пагубными распрями, не способно справиться с положением.

Нужны были решительные меры со стороны руководства. Сразу после возвращения Бухарина в Москву В. И. Ленин поставил в перечень вопросов на заседание Политбюро ЦК РКП (б) на 2 февраля вопрос об антоновщине. В биографической хронике В. И. Ленина есть такая запись:

«Значит, завтра поставим

1) доклад Бухарина

2) Шкловский...» [б: 48-49].

Как свидетельствует протокол заседания Политбюро ЦК партии от 2 февраля 1921 г., первым вопросом на заседании был доклад Н. И. Бухарина. Сама форма процитированной ленинской записи отражает ситуацию какого-то напряженного разговора с кем-то, вернее всего, именно с Бухариным. Прочитируем протокол № 81 заседания Политического бюро ЦК РКП от 2 февраля 1921 г.:

«Присутствовали: тт. Ленин, Бухарин, Сталин, Крестинский, Преображенский, Рудзутак, Каменев, Андреев.

Слушали: 1. Доклад т. Бухарина.

Постановили: 1. а) Указать т. Цюрупе, что политическое положение и восстание крестьян безусловно требует обращения самого серьезного внимания на быстрое проведение продовольственной скостки в тех местах, где крестьяне особенно пострадали от неурожая и особенно сильно нуждаются в продовольственном отношении.

Признать необходимым также выработку ряда других мер для облегчения продовольственного положения крестьян в этих губерниях, в особенности для организации общественного питания.

Поручить Наркомпроду 2 раза в неделю представлять в ЦК письменные сообщения о мерах, принимаемых во исполнение данного постановления, и о фактическом их проведении в жизнь.

б) Поручить Оргбюро совместно с президиумом ВЦИК организовать немедленно посылку комиссии от ВЦИКа в Тамбов для политического руководства и помощи товарищам в борьбе с крестьянским восстанием и для политической обработки районов, освобождаемых от повстанцев.

в) Поручить Секретариату ЦК сегодня же вызвать по телеграфу в Тамбов т. Антонова-Овсеенко.

Поручить т. Фомину проследить за возможно более быстрой доставкой Антонова-Овсеенко в Тамбов.

г) Поручить Оргбюро сегодня же найти подходящих работников для Тамбовской губ. и отправить их в Тамбов немедленно.

д) Поручить Оргбюро в самом срочном порядке подыскать начпоарма в Тамбов.

е) Поручить т. Шведчикову усилить снабжение Тамбовского губбисполкома бумагой.

Слушали: 2. Доклад Комиссии по вопросу о помощи крестьянству, пострадавшему от неурожая.

Постановили: 2. а) Поручить т. Преображенскому по соглашению с тт. Цюрулой и Лежавой выработать проект постановления Политбюро о мерах, которые должны быть предприняты для облегчения положения крестьян и передать сегодня же к 10 часам в секретариат для опроса всех членов Политбюро по телефону.

б) Поручить тт. Бухарину, Преображенскому и Каменеву выработать и окончательно утвердить текст обращения от имени президиума ВЦИК за подписью т. Калинина к крестьянам Тамбовской губ. с тем, что бы распространить его только в этой губернии, не печатая в газетах» [7].

Содержание доклада Н. И. Бухарина в протоколе заседания Политбюро ЦК РКП не отражено, поиски его по другим фондам, в том числе фонду Н. И. Бухарина, безрезультатны. Но постановление Политбюро, принятое на основе обсуждения доклада Н. И. Бухарина, в какой-то мере отражает его позицию. Она проявляется, на наш взгляд, в разделе о том, что «политическое положение и восстание крестьян (не бандитизм. — Авт.), безусловно, требует.. самого серьезного внимания на быстрое проведение продовольственной скотки в тех местах, где крестьяне особенно пострадали от неурожая». Настойчивое развитие этой темы в постановлении, вплоть до «организации общественного питания», необычно для подобного уровня документов и, вероятнее всего, исходит от докладчика. К особенностям позиции Бухарина можно отнести и решение послать в Тамбов «для политического руководства и помощи товарищам в борьбе с крестьянским восстанием» комиссию от ВЦИК, а не создавать предлагавшийся еще один реввоенсовет. На другой же день на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) была создана Полномочная комиссия ВЦИК, которую возглавил Антонов-Овсеенко.

Сошлемся на протокол № 93 заседания Оргбюро ЦК РКП (б) от 3 февраля 1921 г.

«Слушали: 52. О председателе Пермского губпосевкома взамен отозванного для работы в Тамбове тов. Антонова-Овсеенко.

Постановили: 52. Командировать в распоряжение НКЗема для назначения Пермским Губпосевкомом тов. И. Шелехес если последний найдет возможным отказаться от использования предоставленного ему отпуска.

Слушали: 54. Постановление Политбюро о посылке комиссии от ВЦИК в Тамбов для политического руководства и помощи товарищам в борьбе с крестьянскими восстаниями.

Постановили: 54. Поручить Президиуму ВЦИК организовать комиссию во главе с т. Антоновым-Овсеенко.

Слушали: 55. Постановление Политбюро о срочной посылке политработников в Тамбовскую губернию и начпоарма для Тамбова.

Постановили: 55. Поручить тов. Александрову совместно с ПУ-Ром срочно выделить 200, лучшего качества работников, чем первые 350 для Тамбова и выдвинуть кандидата на должность начпоарма [8].

Как видим, практические решения Политбюро по докладу Н. И. Бухарина носили чрезвычайный характер — их нужно было выполнить «сегодня же», «в самом срочном порядке».

Вторым на заседании Политбюро 2 февраля был поставлен вопрос, не обозначенный в упоминавшейся ленинской записи повестки этого заседания Политбюро — доклад комиссии по вопросу о помощи крестьянству, пострадавшему от неурожая. Предварительно решение по этому вопросу подготовлено не было. Е. А. Преображенскому, А. Д. Цюрупе и М. Лежаве было поручено по итогам обсуждения «выработать проект постановления и передать сегодня же к 10 час. в секретариат для опроса всех членов Политбюро по телефону» [7].

Была дано еще одно важное поручение — Н. И. Бухарину, Е. А. Преображенскому и Л. Б. Каменеву поручалось «выработать и окончательно утвердить текст обращения от имени президиума ЦИК за подписью т. Калинина к крестьянам Тамбовской губ. с тем, чтобы распространить его только в той губернии, не печатая в газетах» [7].

Вместе с тем было понятно, что обращение с объявлением прекращения взимания продразверстки от имени высшего органа государственной власти невозможно было ограничить Тамбовщиной. Утаивание самой возможности отмены продразверстки могло стать детонатором еще больших социальных взрывов в деревне. Поэтому обращение к тамбовскому крестьянству было распространено от имени губисполкома и губкома РКП (б) 9 февраля 1921 г. Его суть состояла в отмене продразверстки и разрешении местного торгового обмена продуктами сельского хозяйства.

В Обращении отмечалось, что Народный комиссариат по продовольствию решил прекратить дальнейшее взимание хлебной разверстки в Тамбовской губернии. Эта мера объяснялась тем, что, во-первых, появилась возможность понемногу получать хлеб с Юга и из Сибири; а во-вторых, была ответом на обращение губкома компартии, который указал на всю тяжесть положения, в котором находился тамбовский крестьянин, и на то, что большая часть разверстки была выполнена, а те остатки, которые имелись у некоторых кулаков, сравнительно ничтожны.

В Обращении говорилось, что Губернский комитет коммунистов и губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с великой радостью приняли распоряжение Народного комиссариата по продовольствию о прекра-

щении дальнейшего взимания хлебной разверстки в губернии и дали распоряжения уездным продкомиссариатам немедленно прекратить собирание хлебной разверстки и снять все продотряды.

В Обращении говорилось: «Тов. крестьяне и крестьянки! Со страшной трудностью, но с честью вы выполнили вашу великую повинность перед рабоче-крестьянским государством. Теперь рабоче-крестьянское государство, ваша родная, вами выбранная власть должна в свою очередь оплатить вам сторицей». По предложению губкома партии губернский исполнительный комитет решил проводить преимущественное снабжение крестьянского населения и ходатайствовал перед центральной властью об увеличении материальных кредитов.

Губисполком и губкомпарт заверяли крестьян: «Всем, чем только можно будет вам помочь, — Советская власть поможет. И для того, чтобы лучше слышать вашу просьбу и нужду, по всей губернии организуются широкие беспартийные конференции, куда приглашаем присылать своих представителей. Называйте смело и прямо ваши нужды и ваших обидчиков. Советская власть сумеет вас защитить». Губернские органы компартии и государства призывали к мирному труду: «Товарищи крестьяне и крестьянки! Война кончена, разверстка выполнена — теперь дружною семьей за подготовку к весенней семенной кампании! Пусть будет проклят всякий, кто осмелится оторвать крестьян от этого мирного труда! Беспощадно обрушится на его голову Советская власть! К труду, к миру, к весеннему севу, товарищи крестьяне и крестьянки!» [2: 299-300]

Это Обращение было принято и обнародовано за месяц до X съезда РКП (б), заменившего разверстку твердым продналогом и разрешившего свободу торговли, и почти за месяц до Кронштадтского мятежа.

Обращает на себя внимание одно обстоятельство: за день до даты принятия названного обращения состоялось заседание Политбюро ЦК РКП (б). На тексте Обращения В. И. Ленин написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», с которого советская историография определяет разработку новой экономической политики.

В действительности появление и значение этого исторического документа выглядит иначе. Он находится в несомненной связи с тем, что происходило в Политбюро 2 февраля 1921 г., и тем, что было между 2 и 8 февраля. В. И. Ленин усиленно занимался ускорением военного решения тамбовской проблемы. В этом ряду событий, связывающих борьбу против антоновщины и переход к нэпу, следует отметить встречу Ленина с делегацией тамбовских крестьян, в беседе с которой он не только выслушал жалобы на непосильность разверстки и произвол продагентов, но и одобрил принятые меры. Содержание беседы тамбовских крестьян с Лениным известно из листовки, кото-

рую распространяли среди восставших крестьян. Естественно, беседа эта интерпретировалась агитаторами губкома партии по-своему. Приведем текст листовки, подготовленный Полномочной комиссией ВЦИК «Что сказал тов. Ленин крестьянам Тамбовской губернии»:

«14 февраля т. Ленин принял в Кремле крестьян Тамбовской губернии, приехавших поведать ему о крестьянских нуждах.

Крестьянин Пахотно-Угловской вол. Тамбовского уезда Кобзев и крестьянин деревни Грушево Трескинской волости Кирсановского уезда Соломатин рассказывают об этом приеме так:

— Тов. Ленин принял нас в зале один, любезно поздоровался, пожал руки, пригласил сесть и сказал: «Крестьяне-тамбовцы, дорогие товарищи, объясните мне, какое у вас неудовольствие и что такое банда Антонова и что она делает».

Крестьянин Бочаров, Ивановской волости, пояснил: «Банда грабит советские хозяйства и потребиловки и частных граждан, у крестьян отнимает скот, лошадей, сбрую, фураж. А после приходят красные и тоже обижают крестьян».

Тов. Ленин записал это на бумаге и просил высказываться еще.

Тов. Бочаров указал, что наложили непосильную продовольственную разверстку.

Тов. Ленин спросил:

«А в 1918 и 1919 гг. вы без скандала выполняли разверстку?»

Тов. Бочаров ответил: «Без скандала. Только в этом году был сильный неурожай, и разверстку выполнить невозможно».

Тов. Ленин дальше спросил: «А как относятся местные власти?»

Мы давали ему ответы, что агенты продорганов, не считаясь ни с чем, требовали и брали, а власти не обращали внимания. И еще очень обидно, что, бывает, берут картошку, мы ее свозим, где картошка гниет и нас же опять заставляют очищать это место. Нам, крестьянам, очень жаль, что нашим трудом красноармеец и рабочий не пользуются.

Тов. Ленин сказал на это, что люди бывают не на своих местах. Причем просил нас выбирать в Советы самых лучших, добросовестных людей из трудового класса. Также обратил наше внимание на беспартийную конференцию, куда сказал побольше посылать хороших людей и высказывать власти все нужды крестьянства.

— «А если люди, избранные вами, к власти оказались негодными, то надо их смещать и заменять другими».

Иван Кобзев спросил: «А как нам быть с землей в смысле дележа?»

Тов. Ленин ответил: «Распоряжайтесь землей, как вам лучше. Хотите — ежегодно делите, хотите — на многие годы».

А еще мы сказали тов. Ленину, как бывает. Сидят в советских имениях лодыри и все получают — и керосин, и спички, и соль. И он это записал, а напоследок сказал:

«Если теперь крестьяне будут обижены властью, сообщайте в губернию, а если губернская власть не окажет внимания, то обращайтесь в Москву, в Кремль, ко мне. Можно письменно и лично».

И еще тов. Ленин сказал: «Вы вместе с рабочими проливали кровь за свободу, за свою власть. Держите ее крепко в своих руках вместе с рабочими. И тогда увидите, какая будет власть».

И тов. Ленин просил передать всем крестьянам, что принял крестьян как любезных гостей и просит всех крестьян крепко держать свою рабоче-крестьянскую власть и выбирать в Советы самых честных людей из трудового крестьянства. И кончил так: «Я знаю, как трудно жить крестьянину, когда с них все берется и так мало им дают. Я знаю крестьянскую жизнь, люблю их и уважаю. Прошу крестьян немного потерпеть, придти в сознание и идти на помощь своей власти».

На том мы простились с тов. Лениным. И теперь мы вернемся в свои волости и расскажем, что он нам говорил и как надо нам держаться Советской власти и помочь общей нашей беде.

Со слов крестьян Кобозева и Соломатина записал член Тамбовского уисполкома Смоленский» [9].

Как видим, В. И. Ленин был озабочен положением крестьянства Тамбовщины и всего крестьянства страны. Вместе с тем он правильно ставил вопрос о том, что сами крестьяне должны использовать свои права при выборе руководителей и требовать с них отчета о своей деятельности.

Делегат II Всероссийского съезда Советов, коммунист Н. Н. Исполатов из г. Усмани Тамбовской губернии в письме В. И. Ленину высказал сокровенные мысли крестьян, дал «земную» характеристику действий представителей местных органов власти. Он писал:

«Дорогой Товарищ!

Считаю своим долгом сообщить Вам свои впечатления о взаимоотношении социальных сил в современной России. Я думаю, Вам, стоящему на вершине российской государственной пирамиды, и мне, находящемуся у основания ее, в самой гуще жизни, картина русской жизни представляется с различных точек зрения. Усманский уезд Тамбовской губернии, постигнутый неурожаем, вчистую ограбленный продотрядами под видом взимания государственной разверстки, — причём не столь получило государство, сколько они, — в настоящее время переносит муки острого голода. Люди дерутся из-за падали, пухнут до неузнаваемости от голода, ходят из учреждения в учреждение и отсылаются, дети бросаются родителями и десятками подкидываются в детские дома. Грабеж и воровство достигли небывалых размеров. ...Идейных коммунистов — капля в российском море... Спасти положение может только широкое применение рабочего демократизма в партии, профессиональных союзах и среди крестьянских масс, создание твердых правовых норм и поднятие престижа народного суда» [10].

Положение крестьянства Тамбовщины неоднократно рассматривалось высшими органами государства и компартии. Даже Манифест ВЦИК «К крестьянству Российской Социалистической Советской республики» от 19 марта 1921 г. был принят Политбюро ЦК РКП (б) на заседании, которое начиналось с отмены «постановления ЦК о полной приостановке заготовок в Тамбовской губернии». Это решение найти не удалось, но, может быть, как особого документа его и не было, а речь идет о содержании постановления от 2 февраля, которым Бухарину, Преображенскому и Каменеву поручалось подготовить Обращение ВЦИК, появившееся 9 февраля от имени Тамбовских губисполкома и губкома партии. Разрешение заготовок объемистого фуража (сена) «на надобности военных сил, действующих там против местных бандитов», ничего не меняло: продразверстка была отменена, «военный коммунизм» заменялся нэпом.

Следует подчеркнуть, что тамбовское крестьянство восприняло новую экономическую политику в целом одобрительно. Об этом, в частности, говорит резолюция I губернской беспартийной конференции крестьян о замене разверстки натуральным налогом, снабжении крестьян предметами первой необходимости от 11 марта 1921 г. В ней говорилось: «...Мы приветствуем заявление В. И. Ленина о необходимости дать простор крестьянину, и перейти от продразверстки к натуральному налогу, при котором каждый крестьянин будет заранее знать, сколько должен будет отдать государственных налогов. Мы приветствуем прекращение взимания с Тамбовской губернии госразверстки хлебом и просим центральную власть, распорядиться об усилении снабжения крестьянства продуктами первой необходимости» [11].

Немало было и крестьян, которые не верили заверениям руководителей, считали, что власть ничего не делает просто так, без тайной выгоды для себя: «Советская власть будет брать с крестьян больше, чем по декрету о налоге»; «Как только уродится хлеб — будут отбирать по-прежнему», «Хотите завоевать симпатию отменой разверстки. Нет, теперь уже поздно. Натурналог — та же разверстка, только название другое». Сомнения эти были не беспочвенными. Продналог на первых порах мало отличался от продразверстки: весной 1921 г. его размер по губернии определялся в 5, 3 млн пудов, а в октябре — уже в 8,5 млн пудов. Правда, это увеличение хлебных сборов было связано с голодом на юго-востоке России, особенно в Поволжье.

Обратимся к «Информационной сводке губчека о политическом настроении населения за период с 15 февраля по 1 марта 1921 г.» Тамбовская губернская чрезвычайная комиссия отмечала, что настроение населения вследствие продовольственного и топливного кризиса было крайне возбуждено. Отмена продразверстки с крестьянского населения губернии не дала желаемых результатов. Первые сообщения в губернских и уездных «Известиях» об отмене продразверстки произвели на крестьян хорошее впечатление и в своем

большинстве (за исключением Лебедянского, Темниковского уездов, где население и до отмены продразверстки голодало по причине невыполнения всего проднаряда) крестьянство встретило это с большой радостью. Однако отмена продразверстки, как показали дальнейшие события, не оставила крестьянство в покое вследствие того, что «работа восставших, превратившихся в последнее время в орду головорезов, громил, и к ним примкнувшее целиком деревенское кулачество, создавшие из себя целые полки, исключительно содержится на продовольствии крестьян, точно так же красноармейские части, за недостатком снабжения их из госфонда, содержатся на 80% на крестьянский счет». В Информационной сводке губчека делало вывод, что «крестьянство Кирсановского, Борисоглебского, Тамбовского и часть Усманского и Моршанского уездов находилось в плачевном продовольственном состоянии, с одной стороны, по причине работы там восставших, результат чего привел к систематической варке самогона и спекуляции хлебом, с другой стороны, выполнения большого процента продразверстки последними двумя уездами наряду со скудностью урожая 1920 г.». На проходивших районных и уездных конференциях беспартийного крестьянства поднимались вопросы бандитизма и посевной кампании [12].

Как бы то ни было, инерция войны не только продолжала диктовать поведение обеим сторонам, но еще более ожесточила, довела их противоборство до крайней степени. Высшим органом борьбы с «антоновщиной» в конце февраля — начале марта 1921 г. стала Полномочная комиссия ВЦИК.

7 февраля 1921 г. в Тамбов для организации борьбы с бандитизмом направляется Антонов-Овсеенко, который возглавил Полномочную комиссию ВЦИК, в нее также вошли секретарь губкома РКП (б) Б. А. Васильев, председатель губисполкома А. С. Лавров. 26 апреля 1921 г. В. И. Лениным вносится предложение в Политбюро ЦК, а 27 апреля принимается решение «О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии», по которому М. Н. Тухачевский назначается «единоличным» командующим войсками. В мае 1921 г. он принял командование войсками Тамбовской губернии. Вместе с ним прибыли другие военачальники — Н. Е. Какурин, И. П. Уборевич, Г. Н. Котовский, от карательных органов Г. Г. Ягода и В. В. Ульрих [10].

Полномочная комиссия фактически сосредоточила в своих руках всю власть в Тамбовской губернии.

В. А. Антонов-Овсеенко, прибыв в Тамбов и изучив обстановку, состояние красноармейских частей, докладывал в Москву: «Политработа в Красной Армии без руководства. Никакого учета и попыток перераспределения партийных школ. Комиссарский состав слаб. Поарм неработоспособен. Агитация против эсеров, бандитов эпизодична. В штабе — засилие местных, ненадежных людей, коммуни-

стов почти нет, связь слаба, разведка — бессистемна, контрразведка отсутствует. Никакой систематизации и изучения данных о восстании ни в чека, ни в штабе, ни в губкоме. Реввоен трибунал работает над мелочами, совершенно не ведется политических кампаний. В частях — мародерство, подножный корм, ненадежность комсостава, боеспособность крайне низка, отсутствие простейшего понимания обстановки, умения применяться к ней. Эти части — чудовищная мозаика всяких войсковых отбросов (за небольшими исключениями), в одном Тамбове до 16 мелких частей. Некоторые определенно связаны с бандитами (установлено для 44-го полка в Тамбове, связанного с подготовлением восстания, полк выводится в Ростов; крайне подозрителен батальон чека в Тамбове). Повсеместная болтливость, игнорирование простейших правил конспирации, неосведомленность — мать паники (ряд ложных тревог в Тамбове — «противник 20-го занял Пушкари в 5 верстах от Тамбова» и т. п. сведения от частей, от разведки, прибывающие в штаб и будоражащие весь гарнизон). Комвойсками одинок в штабе, без опоры в пустом губкоме. Начинает несколько нервничать. Комучастками — особенно нач. 15-й дивизии, слабы, не понимают особенностей обстановки. Чека насыщена развращенными и подозрительными лицами и совершенно парализована. Особый отдел никуда не годен...» [13].

Как видим, оценка положения на Тамбовщине и в воинских частях давалась В. А. Антонов-Овсеннко крайне негативной. К тому же о положении дел у восставших крестьян он был более высокого мнения. В то же время он докладывал руководству страны о том, что после его первых шагов основные части разбиты, а идейное руководство восставшими крестьянами взваливает на плечи эсеров.

В. А. Антонов-Овсеннко делал вывод о том, что «Восстание подготовлено вполне систематически и опирается на прочную, корневую организацию социалистов-революционеров в Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах. Уезды разбиты на районы, в которые входят несколько волостей, иногда сел, во главе стоят комитеты эсеров и штабы. Волостные тайные (и явные, где свергнута власть Советов) правления имеют волостной военный отдел, производящий районные и открытые мобилизации по приказу штабов. В месте пребывания штабов организованы и комендатуры, ведающие обысками, арестами, внутренней охраной. Сторожевая служба, связь и разведка поставлены своеобразно, но вполне надежно. В каждом селе сформирована воинская часть (от взвода до рот), собирающаяся по первому приказу штаба и расходящаяся немедленно по домам в случае неудачи и т. п.» [13].

В. А. Антонов-Овсеннко информировал центр о том, что действия военных частей хорошо инструктированы, высшие штабы довольно энергично борются с недисциплинированностью частей. Об этом, в частности, свидетельствовали приказы, устанавливающие

шкалу наказаний от 20 до 2-х (отделенный) розог в дисциплинарном порядке.

Эсеры действовали под вывеской «Союз трудового крестьянства», программу деятельности которого они изложили в 17 пунктах, которая существенно отличалась от официальной, разработанной в центре. В ней содержался открытый призыв к восстановлению учредилки; денационализации промышленности, кроме железных дорог, рудников и шахт; высказывалось требование всяких свобод и мира с заграничными капиталистами, твердых цен на изделия промышленности и в то же время замалчивалось о твердых ценах на хлеб, снабжение продовольствием через кооперативы, выражалось требование свободы преподавания в школах, которое провозглашали учащиеся из интеллигенции и деревенского кулачья.

Факты говорили о том, что эсеровская Программа имела успех среди крестьян. На беспартийной конференции крестьяне прямо высказывались о том, что учредилка им представляется «ближе и проще» Советской власти. Снятие хлебной продрозверстки крестьянство истолковывало как действие во вред ему, как следствие победы «своих» войск, признание факта полного ограбления крестьян, и в то же время снятие хлебной продрозверстки не пользовалось признательностью в ряде уездов, выполнивших продрозверстку почти полностью [13].

Эсеры, не имея печатного станка, вели агитацию листовками, изготовленными на машинках и гектографе. В агитации нсредкими были выражения — «жиды-коммунисты», говорилось о злоупотреблениях и насилии агентов Советской власти, непомерной продрозверстке, умышленном затягивании войны. Такие заявления особенно обращались к красноармейцам. У противников Советской власти было быстрое и точное осведомление, были установлены хорошие связи среди железнодорожников, работников сферы продовольствия, кооперативов. В действиях отдельных шаек налицо были планомерность и системность [13].

В докладе в центр В. А. Антонов-Овсенко отмечал, что несмотря на усилия эсеровских дружин обособиться от разбойных элементов, взаимопроникновение этих двух начал совершенно очевидно, их действия скоординированы и неразрывны, под влиянием военных неудач бандитское начало решительно преобладает — влияние эсеровского командования теряется, дисциплина падает [13].

На февраль 1921 г. главные военные силы повстанцев, сгруппировавшиеся в смежных волостях Кирсановского и Тамбовского уездов, были разбитыми. Лучшие полки Антонова почти уничтожены, большая часть их остатков перешла в своих селах на мирное положение, часть (до 600 конных с Антоновым во главе) прорвалась в Моршанский уезд, после чего появилась почти у самого Тамбова, рассчитывая на подготовленное и случайно предотвращенное восстание в местном гарнизоне. К 22 февраля Антонов

появился в своем главном штабе — Беломестная Двойня Козловского уезда, старинное эсеровское гнездо, куда вызвал начальников всех отдельных частей на военный совет. Он был настигнут красной конницей, сильно потрепавшей его. Удар по главному штабу расстроил военную организацию бандитов, но одновременно и возбудил у них бешеную энергию. Антонов с 500 конными вновь бросился в излюбленный им район пограничных волостей Тамбовского и Кирсановского уездов. Одновременно с севера Селянский (до 2000 человек), накопившись у Пахотного Угла Моршанского уезда, стал наступать на Столовое, Покровское, пробиваясь на соединение с Антоновым. Колесников (600 сабель, 400 штыков и 6 пулеметов) неожиданно для Красной армии появился у д. Жерновка, захватил две роты — одну целиком истребил и взял 1 пулемет, а потом двинулся к северу, опять-таки, по-видимому, торопясь на соединение с Антоновым. Между тем Антоновым завязывается встречный бой с кавалерийским полком и батальоном пехоты. Антонов, дважды разбитый, как будто рассыпается в трех направлениях и вдруг 25 февраля ночью нападает на кавалерийский полк на ст. Отхожее, рассеивает полк и отбивает у красных частей 4 орудия. Селянский в Моршанском уезде на следующий день был взят между двух огней — красная конница зашла ему в тыл, он был почти уничтожен и, что всего важнее, благодаря умелой провокации (назвавшись «белыми») красным кавалерийским частям удается поснимать подряд с нескольких сел эсеровские штабы и военные команды. Таково было положение по представлению В. А. Антонова-Овсеенко [13].

В докладе в центр В. А. Антонов-Овсеенко писал: «Мы, опирающиеся почти исключительно на города с рабочим и совслужащим населением и на воинские части, мы, потерявшие почти целиком все свои связи с деревней в трех уездах, охваченных восстанием. И крестьянство, объединенное корневой партией, выделившее несколько тысяч активных борцов — кулацкая армия. Насколько мы слабо связаны с крестьянством, показывает хотя бы то, что лучшим источником нашего осведомления является воздушная разведка. Остальная ничего путного не дает» [13].

В. А. Антонов-Овсеенко подробно информировал центр о том, что было сделано: «16-го февраля собрание активных работников Тамбова, мой доклад об общем положении, о наших задачах. Решено предложить губкому созвать на 1 марта губконференцию. Взял на себя агитпропотдел, провел его переорганизацию — при губкоме только секретариат и заведующий, аппарат слит с губполитпросветами (тоже в уездах); разработал календарный план работы агитпропотддела на март, включая работу отделов губкоммола (губернский комитет комсомола. — *Авт.*), губпросвета. Взял на себя непосредственное руководство губернской печатью. Лично выступал на общегородских собраниях в противовес демагогии и «урадемократизму», в подготовку

к губконференции. Губконференция открылась 2 марта, 3-го закончилась. На ней задан твердый тон, приняты необходимые резолюции. Были два-три пакостных махаевских выступления, в общем гладко. Выбран губком, в который прошли из старого состава только двое, затем я, Жабин и Антонов (предгубчека). Работа будет...» [13].

В. А. Антонов-Овсенко информировал о конкретных действиях по борьбе с бандитизмом. — Усилен поарм, заменен комиссарский состав штаба, мобилизованы партрработники для чека, преобразован (не до конца) особый отдел. Сильно подтянут реввоен трибунал. Заказаны, отредактированы и сданы в печать брошюры «Правда о бандитах», «Наказ красноармейцу», выпущены листовки «Что сказал Ленин Тамбовским крестьянам» (25 тыс.) и два воззвания (о самообороне против эсеров и бандитов), поставлена агитация в печати. Во всех партшколах вводится курс (6 часов) об эсерах и Союзе трудового крестьянства. Разработан, проведен через собрания президиумов губисполкома, губкома, командования и чека план борьбы с бандитизмом с конкретными заданиями каждому учреждению. Разработана инструкция о ревкомах и по согласованию с командованием и представителями уездов намечена их сеть. Разработана инструкция о крестьянской самообороне от эсеров-бандитов...» [13].

Как видно из этого доклада, Полномочная комиссия ВЦИК активно вступила в борьбу с Партизанской армией Тамбовского края, начала борьбу за души крестьян, пытаясь оторвать их от повстанцев. Было подготовлено издание еженедельной стенной газеты «Правда о бандитах», поручено ряду товарищей написать проекты листовок на темы: бандиты — враги крестьян; бандиты — враги Советской власти и сторонники царского строя; кто против Советской власти, тот за царя, за буржуа; бандитизм осуждает на голодную смерть трудящихся. Социал-революционеры за кулаков и против трудового крестьянства; кто помогает бандитам-антоновцам, тот роет себе же яму; трудящиеся восстанавливают народное хозяйство, а бандиты его разрушают; дезертиры-шкурники не должны быть в трудовой деревне; кто за спокойствие, за порядок, тот против бандитов; почему бандиты-антоновцы разрушают советское хозяйство и крестьянские артели; крестьянин, гони от себя бандитов; почему бандиты убивают коммунистов; как честному трудовому крестьянству бороться с бандитами; кто идет с бандитами [14].

Выпускались многочисленные воззвания и обращения к населению Тамбовской губернии об оказании содействия в истреблении бандитов. Одно из таких обращений было написано не позднее 3 марта 1921 г.: «Из разных мест губернии крестьяне обращаются к советским властям с просьбой защитить их от бандитов. Настоящим доводится до всеобщего сведения, что главные силы бандитов разбиты и почти уничтожены. Остатки бандитских шаек скитаются по губернии или рассеялись по отдельным селам, где усиленно вербуют

новых сторонников. В истреблении бандитов должно принять участие само население» [15].

Далее перечислялись эти обязанности: не давать приюта контрреволюционерам и бандитам; разоружать их и доставлять с оружием в руки властей; сопротивляющихся бандитов истреблять как бешеных псов, действовать против них всеми своими средствами; укрывателей бандитов проучить так, чтоб никому впредь не было повадно содействовать этим злодеям; принимать меры наблюдения и самоохраны, чтобы не допустить контрреволюционеров проникнуть в охраняемый район и чтобы искоренить внутри своих сел всякую контрреволюцию; выносить на сельских сходах приговоры против бандитов.

Воззвание призывало: «Крестьяне Тамбовской губернии! Помните, все жители каждого села будут отвечать раньше или позже за преступные действия каждого из них. Не давайте подводить себя под суровую кару. Не давайте отвлекать себя от мирного труда. Помните — враги Советской власти — ваши враги. Истребляйте их без пощады. Беритесь немедленно и смело за чистку своих деревень от контрреволюции. До весны бандитизм должен быть уничтожен в корне» [15].

Эти действия ошутимых результатов не давали. Крестьяне не верили этим обращениям и призывам в основном потому, что повстанцы именовались в них бандитами, а это были их соседи, братья, отцы.

Вот какими увидел бандитов землемер Насонов и рассказал об этом в своем письме В. И. Ленину: «Меня пригласили выполнять должность секретаря. В штаб приводили бандитов. Здесь мне пришлось сталкиваться не с помещиками и банкирами, а я воочию встретился с крестьянами-бедняками, которые возмутились «тиранами коммунистами» и стали уничтожать их без пощады. Пойманные бандиты были одеты в рубища, часто босые, истощенные. Я едва сдерживал себя, сгорая от стыда, что до этого довели, быть может, все здесь сидящие ответственные работники. Я много думал о способах, как парализовать повышенное настроение крестьян против «грабителей», я много думал о мерах и способах, какие нужно ввести в среду крестьян и отвлечь их внимание от выражающего гнева, но не имел на то сил и влияния как единомышленник, чтобы выразить свое мнение.

Сейчас я землемер и выполняю рядовую работу. Но душа болеет об одном: о бандитах. Мне тяжело и горько слышать, как эти темные и несознательные крестьяне сами себе роют могилу на радость российской и европейской буржуазии. Я пришел к глубокому убеждению, что не пушками, не пулеметами, не расстрелами можно остановить нападение крестьян на Соввласти, а решительным и быстрым проведением в жизнь декрета о земле. Вспомните Вы, почему в 1905—1907 гг. правительство Столыпина так сравнительно успешно ликвидировало крестьянские «бунты», когда, казалось бы, не было надежд для буржуазии остановить народное движение? Подумайте несколько минут, и Вы придете к заключению — так же, как и я — о земель-

ном законе, об отрубном хозяйстве. Тогда же за изданием закона народные массы потянулись к земле; вопрос об отрубях стал для крестьян вопросом жизни. Все уткнулись в земельный вопрос. Буржуазному правительству это и было нужно: они торжествовали в своих дворцах.

Хотя Соввласть и издала декрет о земле в большей части желательным для крестьян, но в жизнь он почти не проводится. Этим совершенно оторвали крестьян от земли. Тяготение крестьян к земле в настоящее время огромно. На основании фактов я утверждаю, что уничтожить бандитизм, поднять сельское хозяйство можно только земельною политикою по проекту расселения крестьян в добровольном и срочном порядке, для чего необходимо безотлагательно повести агитацию, выпустить листовки, брошюры и т. д., и тогда крестьянская масса почувствует, что земля действительно принадлежит им, и они все потянутся к земле, на новые места, а бомбы и винтовки побросают в мусорные ямы как ненужный хлам. Только земельной политикой можно создать социалистическое сельское хозяйство. Только земельной политикой можно укрепить РСФСР.

Землемер уземотдела Насонов» [16].

В конце апреля 1921 г. Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом заслушала доклад председателя Полномочной комиссии ВЦИК Антонова-Овсеенко о политическом и экономическом положении в Тамбовской губернии. Стало ясно, что «в последнее время нет улучшения и даже местами ухудшение». 26 апреля Ленин вносит в Политбюро ЦК партии предложение, а 27-го принимается решение «О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии». Этим же решением М. Н. Тухачевский назначался «единоличным командующим войсками в Тамбовском округе... ответственным за ликвидацию банд...» В постановлении содержалась прямая директива выполнить эту задачу «не позднее, чем в месячный срок».

В архиве Склянского содержится записки В. И. Ленина и Э. М. Склянского о поручении М. Н. Тухачевскому подавить Тамбовское восстание:

«Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. В последнее время там нет улучшения и даже местами ухудшение. Получится несколько большой политический эффект от этого назначения. В особенности за границей.

Ваше мнение?

(Написано рукой т. Склянского)

Внесите Молостову для П.-Бюро на завтра. Предлагаю назначить его без огласки в Центре, без публикации.

(Написано рукой т. Ленина)

Верно» [17: 460-462].

Эти вопросы рассматривались на заседании Политбюро ЦК РКП (б) 27 апреля 1921 г.:

«Слушали: 7. О ликвидации банд Антонова в Тамбовской губернии.

Постановили: 7. А. Комиссии ВЦИК, назначенной в Тамбове, не распускать, усилив ее т.т. Залуцким и Тухачевским.

Б. Назначить единоличным командующим войсками в Тамбовском округе т. Тухачевского, сделав его ответственным за ликвидацию банд в Тамбовской губ., не записывая о его назначении в протоколы РВСР. Не допускать никакого вмешательства в военные действия т. Тухачевского, как со стороны комиссии ВЦИК, так и других властей.

В. Дать т. Тухачевскому директиву ликвидировать банды Антонова в Тамбовской губ. не позже, чем в месячный срок. Доклады т. Тухачевского в краткой письменной форме в ЦК должны быть сообщаемы по телеграфу еженедельно.

Г. Поручить ВЧК усилить разведку и чекистскую работу в Тамбовской губ.

Д. Передвинуть из армии тысячу коммунистов на тамбовский фронт на срок ликвидации тамбовских банд, обязуя т. Склянского принять сугубые меры для срочного продвижения командированных коммунистов и возвращения их по ликвидации обратно в армию.

Доклад о ходе мобилизации военных коммунистов за т. Склянским еженедельно в ЦК.

Е. Поручить т. Склянскому ускорить посылку бригады курсантов в Тамбов [18].

Таким образом, изложенное дает возможность прийти к заключению.

В официальных документах не раз утверждалось о спаде или разгроме восстания, но оно вновь оживало. Все действия властей были недостаточными, не давали желаемого результата.

Важнейшим рубежом в цепи событий стал февраль 1921 г. К этому времени повстанческое движение достигло наибольшего размаха, стало находить отклик в пограничных уездах Воронежской и Саратовской губерний. Советская власть перешла к решительным действиям против антоновцев.

В феврале 1921 г. произошел перелом в общей политике государства по отношению к крестьянству. Переход к новой экономической политике оказался связанным с антоновщиной не только как частью общего крестьянского движения того времени, наряду с Кронштадтским мятежом, но и непосредственно с конкретными событиями и лицами, соприкоснувшимися с Тамбовщиной того времени. Тамбовское крестьянство восприняло новую экономическую политику в целом одобрительно. Немало было и крестьян, которые не верили заверениям руководителей, считали, что власть ничего не делает просто так, без тайной выгоды для себя:

Губернское руководство было не способно справиться с положением. Нужны были решительные меры. 7 февраля 1921 г. в Тамбов для организации борьбы с бандитизмом направляется Антонов-Ов-

сеенко, возглавивший Полномочную комиссию ВЦИК, которая фактически сосредоточила в своих руках всю власть в губернии.

Полномочная комиссия ВЦИК активно вступила в борьбу с Партизанской армией Тамбовского края, начала борьбу за души крестьян, пытаясь оторвать их от повстанцев.

Источники и примечания:

1. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 135.
2. Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны 1918—1921 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1989.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
4. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2574. Л. 1.
6. Выписка из протокола № 83 заседания Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 января 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 108. Л. 2—3.
6. В. И. Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 48—49.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 128. Л. 1.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 120. Л. 6.
9. ГАТО. Ф. Р-119. Оп. 1. Д. 899. Л. 27.
10. «Антоновщина». Как это было // <http://www2001.lipetsk.ru/town/kraeved/is0banto.html>
11. Поиск: Журнал Тамбовского обкома КПСС. 1991. №2. С. 49.
12. Информационная сводка губчека о политическом настроении населения за период с 15 февраля по 1 марта 1921 г. // Архив УФСБ РФ по Тамбовской области. Д. 4306. Т. 4. Л. 193-194.
13. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2574. Л. 6-9 06.
14. ЦДНИТО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 213. Л. 112—113.
15. Обращение к населению Тамбовской губернии об оказании содействия в истреблении бандитов. Не позднее 3 марта 1921 г. // РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 646. Л. 231.
16. ГАРФ. Ф. 8415. Оп. 1. Д. 122. Л. 128.
17. Из архива т. Склянского // The Trotsky Papers. 1917—1922. Ed. Jan M. Meijer. Vol. 11, 1920—1922. Mouton, The Hague-Paris, 1971.
18. Выписка из протокола № 18 заседания Политбюро ЦК РКП(б), 27 апреля 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 155. Л. 2—3.

ПОРАЖЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ ТАМБОВСКОГО КРАЯ

Назначение выдающегося советского военачальника М. Н. Тухачевского руководителем подавления крестьянского восстания неизбежно имело бы весьма отрицательный политический резонанс. Поэтому была сделана попытка провести это назначение без огласки. Вместе с ним на Тамбовщину прибыли и некоторые другие военачальники, отличившиеся в гражданской войне, — Н. Е. Какурин, И. П. Уборевич, Г. И. Котовский. Одновременно туда были командированы от карательных органов Г. Г. Ягода и В. В. Ульрих. Численность советских войск на Тамбовщине непрерывно росла: к 1 января 1921 г. — 11870, 1 февраля — 33750, 1 марта — 41848. Клету она превышала 100 тыс. красноармейцев [1: 16].

Против крестьянской армии была брошена вся военная мощь республики. Была создана Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом, в которую вошли представители ЦК, СТО, ВЧК, НКПС и т. д. Возглавил Комиссию заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. Скланский.

Начался военный разгром антоновщины. Стратегия состояла в полном и жестоком осуществлении военной оккупации повстанческих местностей, к которой приступили уже предшественники нового руководства. Суть этой стратегии с предельной четкостью была изложена в распространенных для всеобщего сведения в пределах Тамбовщины приказе № 130 Тухачевского от 12 мая и в приказе № 171 Полномочной комиссии ВЦИК от 11 июня 1921 г.. Этот режим включал в себя занятие территории войсками, назначаемое сверху управление (участковые политкомиссии и сельские ревкомы, включавшие в свой состав представителей армии, чека и парторганизаций), уничтожение хозяйств и разрушение домов участников мятежа и их семей, взятие заложников (одиночками и целыми семьями), создание концентрационных лагерей и репрессии вплоть до расстрела за неповиновение, укрывательство «бандитов» и оружия.

Из документов вырисовывается мрачная картина того, как приводилось в покорность население бунтовавших деревень. Репрессии обрушивались на всех — от детей до стариков. Особенно безнравственна была система заложничества, по существу, каравшая мирных, не причастных к восстанию людей. Это еще более ожесточало повстанцев, которые в качестве ответной меры брали в заложники семьи красноармейцев, коммунистов, советских служащих.

Главнокомандующий М. В. Тухачевский прибыл в Тамбов 6 мая 1921 г., и уже 12 мая появился его знаменитый своей жестокостью приказ № 130 и инструкция по применению этого приказа.

Приводим этот приказ: [2]

«Победы рабоче-крестьянской Красной Армии над капиталистами и помещиками после трехлетней кровопролитной войны позволили, наконец, Советской Республике перейти на путь мирного хозяйственного строительства.

Первой заботой рабоче-крестьянского правительства было улучшение и поднятие на должную высоту разоренного крестьянского хозяйства. Была организована выдача крестьянам семян и, наконец, продовольственная разверстка была заменена продовольственным налогом и предоставлением крестьянам права свободно распоряжаться излишками (продавать, выменивать и проч.). Продовольственный налог установлен в самом незначительном размере.

Все крестьяне Советской России с удвоенной силой взялись за полевые работы, за улучшение сельского хозяйства. Лишь в Тамбовской губернии, где себе свила гнездо партия эсеров, партия предателей рабочего класса и крестьянства, развился бандитизм, который грозит окончательно разрушить и без того разоренное сельское хозяйство Тамбовской губернии. Русские помещики, бежавшие за границу, торжествуют теперь в своих газетах, надеясь на анархию в рабоче-крестьянском государстве и на возврат потерянных ими имений.

Рабоче-крестьянское правительство решило в кратчайший срок искоренить бандитизм в Тамбовской губернии, проведя в жизнь самые решительные меры.

Во исполнение сего и по постановлению Полномочной комиссии ВЦИК приказываю:

1. Войскам Тамбовской губернии с полученными ими подкреплениями решительными и быстрыми действиями уничтожить бандитские шайки.

2. Всем крестьянам, вступившим в банды, немедленно явиться в распоряжение Советской власти, сдать оружие и выдать главарей для предания их суду военно-революционного трибунала. Добровольно сдавшимся бандитам смертная казнь не угрожает.

3. Семьи не явившихся бандитов неукоснительно арестовывать, а имущество их конфисковать и распределить между верными Советской власти крестьянами согласно особым инструкций Полномочной комиссии ВЦИК, высылаемых дополнительно.

4. Арестованные семьи, если бандит не явится и не сдастся, будут пересылаться в отдаленные края РСФСР.

5. Бандитов, не явившихся для сдачи, считать вне закона.

6. Честные крестьяне не должны допускать мобилизации и формирования банд в своих деревнях и о всех бандах должны доносить войскам Красной Армии.

7. Всем без исключения войсковым частям Красной Армии оказывать крестьянам всяческую поддержку и неуклонно защищать их от нападения бандитов.

8. Настоящий приказ является последним предупреждением перед решительными и суровыми действиями и будет проводиться в жизнь строго и неуклонно.

Командующий войсками Тухачевский
Начальник штаба генерального штаба Какурин

Приказ прочесть на сельских сходах и собраниях» [2].

Они же 12 мая 1921 г. подписали секретную Инструкцию по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии [3]. В Инструкции были определены те руководящие начала, на основании которых должна вестись борьба по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии. Это лишь принципиальные указания, организационные же формы борьбы давались в соответствующих приказах.

Инструкция предписывала на задачу искоренения бандитизма смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу — кампанию или даже войну. Местность, охваченная бандитизмом, должна быть, как бы вновь возвращена государству. Для этого требуется, во-первых, разбить живую силу бандитских вооруженных шайк и, во-вторых, овладеть источниками питания бандитской войны, так сказать жизненными центрами бандитизма. «Эти занимаемые нами жизненные центры должны быть не только задавлены вооруженной силой, но и местное население искусными мероприятиями должно быть излечено от эпидемии бандитизма».

Таким образом, ставилась задача в занимаемых бандитами областях организовывать не только вооруженное сопротивление возможности нового появления бандитизма, но, главное, — создать сопротивление среды появлению этого бандитизма. Военачальники предупреждали, что такая сложность задачи заставляет чрезвычайно тщательно подготовить военные действия против бандитов в организационном, административном, оперативном и строевом отношениях, как в чисто военной, так и в политической стороне дела.

Инструкция приписывала не увлекаться мелкими оперативными задачами в ущерб общей подготовке в начальный период боевых действий. Операции против бандитов должны были вестись с непогрешимой методичностью, так как бандитизм лишь тогда будет сломлен морально, когда сам характер подавления будет внушать к себе уважение своей последовательностью и жестокой настойчивостью. Ведение малой войны против шайк не может искоренить бандитизма и, как показывает опыт, только раздувает разбойничий и партизанский пыл бандитов.

Инструкция устанавливала, что военные действия против бандитов заключаются в операциях по уничтожению главных масс живой силы бандитских шайк и в занятии и закреплении за собой источников питания бандитизма. Первая задача, с точки зрения военной, наиболее простая и не включает в себе ничего специфического, специ-

ально противобандитского. Как и всегда, надо хорошо организовать разведку, иметь образцовую связь и внимательно нести службу охранения. Банды, как только они будут обнаружены, должны немедленно и стремительно атаковываться и уничтожаться. Преследование должно вестись неотступно до окончательного распыления банды.

Вторая задача гораздо труднее, и от нее почти всецело зависит исход борьбы с бандитизмом. Этот период борьбы называется оккупацией. Вся территория, охваченная бандитизмом, разделяется на участки, охранение спокойствия в которых поручается особым войсковым начальникам и подчиненным им войскам. На основе этого военного обеспечения вновь восстанавливается Советская власть, которая и противодействует возникновению бандитизма.

В Инструкции указывалось, что военные действия во время оккупации будут не только узко территориальные, ограниченные границами участка, но будут также действия вполне самостоятельных отрядов, непрерывно преследующих странствующие, наиболее значимые банды.

Обыкновенно банды бродят по всему району. Войска каждого участка оккупации должны неизменно атаковывать эти банды и стремиться уничтожить их в пределах своих границ. Таким образом, банды попадают в серьезный переплет. Однако, переходя из участка в участок, они находят все-таки время для отдыха, оправляются, пополняются местными кулаками и потом вновь начинают активно проявлять себя. Для того чтобы избежать таких явлений, необходимо против каждой значительной банды выделить особый надежный и сильный отряд, который должен иметь своей целью непрерывное преследование и насаждение на банду, должен не давать ей нигде останавливаться и отдыхать, а тем более комплектоваться. Остановка банды на отдых уже тем самым ставит перед этим отрядом задачу атаковать ее. Этот отряд должен присосаться как пиявка к своей банде и не должен давать ей ни сна, ни отдыха, ни возможности сорганизовываться.

Инструкция констатировала, что при такой организации борьбы главнейшие банды, как, например, Антонова и прочие, берущиеся в переплет оккупирующими войсками участков, в то же время непрерывно преследуются индивидуальными пиявочными отрядами, которыми и сводятся окончательно на нет. Оккупируемые войска по участкам не должны ни в коем случае распыляться на мелкие отряды. Каждый отдельный отряд такого участка должен быть в состоянии вести самостоятельно бой с любой шайкой бандитов, а потому размеры таких банд и определяют минимальные размеры отдельных отрядов оккупирующих участков.

Военачальники в этом документе отмечали, что распределение сил по территории должно производиться по следующим соображениям: с одной стороны, отдельные отряды не должны быть слабее

бандитских шайк, а с другой стороны, эти отряды должны поспевать своевременно в любое место своего участка. При наличии крупных шайк бандитов, незначительных наших сил и обширных участков эти два условия могут стать в противоречие друг с другом. Поэтому вопрос распределения сил должен быть тщательно изучен и войска должны быть распределены не равномерно по всем участкам, а в зависимости от интенсивности бандитизма в том или другом районе. Если войсковые средства позволяют, то распределение сил необходимо совершить из расчета времени, в какое должен поспеть отряд к самому отдаленному месту участка. По мере того как сил будет не хватать, одинаковых результатов придется достигать за счет форсирования передвижения отрядов,

В Инструкции говорилось, что отдельные отряды, выделенные участками, точно так же получают участки, в которых они отвечают за ликвидацию банд. Эти отряды уже не должны дробиться, т. к. иначе отдельные их части будут поодиночке уничтожаться бандами. Эти отряды должны располагаться кучно, но зато по всему своему участку, они должны тщательно организовывать разведку и связь, чтобы в любую минуту хорошо знать, где и что на участке делается и чтобы немедленно атаковать банду, если таковая где-нибудь появится. От отрядов должны обязательно выставляться охраняющие части, и вообще служба охранения должна нестись более чем тщательно.

Такими в Инструкции представлены военные действия при проведении оккупационного метода борьбы против бандитов. Отсюда следует, что воинские части могут бороться только с действующими шайками, но не могут предотвратить их создания всюду, так как располагаются кучно в определенных пунктах и на всем своем участке, конечно, не усмотрят за населением. Эту работу по недопущению возникновения бандитизма ведут уже не войсковые части, а органы Советской власти, опирающиеся на гражданскую вооруженную силу — советскую милицию. Формирование милиции в бандитских районах должно вестись не на общих основаниях. Она ни в коем случае не должна состоять из местных уроженцев, должна быть обильно разбавлена коммунистами и надежным командным составом. Ее численность должна быть значительно повышена в сравнении с установленными нормами. Эта гражданская вооруженная сила послужит уже не сгруппированной, а наоборот, децентрализованной опорой для местной, низшей Советской власти.

Работа милиции, вместе с впечатлением непоколебимой мощи Красной армии, которое обязательно должно быть внушено крестьянам войсками, создадут то устойчивое, успокаивающее настроение, которое должно быть затем закреплено советской работой ревкомов.

Для внушения вышеупомянутого уважения к силе Советской власти и Красной армии необходимо провести следующие меры: никогда не делать невыполнимых угроз; раз сделанные угрозы неуклонно

до жестокости проводить в жизнь до конца; переселять в отдаленные края РСФСР семьи не сдающихся бандитов; имущество этих семей конфисковывать и распределять его между советски настроенными крестьянами, что внесет расслоение в крестьянство, и на это может опереться Советская власть; советски настроенные крестьяне должны прочно и надежно охраняться нашими силами от покушений бандитов; советски настроенных крестьян надо всячески втягивать в советскую работу, в организацию разведки против бандитов и прочих, что поставит между этими крестьянами и бандитизмом непреодолимую грань. Проведение успокоения сразу создаст много сторонников Советской власти и среди крестьян, так как бандитизм и утомителен, и разорителен для крестьянской массы.

«Начальники и комиссары всех степеней должны твердо усвоить себе принятые методы борьбы с бандитизмом и согласовывать свои действия с общим духом инструкции» [3].

25 мая 1921 г. командарм М. Н. Тухачевский докладывал заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому о подготовке к решительным действиям против повстанцев:

«Месячный срок могу считать лишь начиная с 6 мая, когда вступил в командование. Сейчас заканчивается период подготовки и до сих пор меры по ликвидации банд носили лишь вспомогательный характер. Окончание подготовки задержали опоздание коммунистов, курсантов для лагерного сбора, 1897 г. для милиции и, наконец, различные организационные подготовительные мероприятия. Окончательно подготовка будет закончена к 1 июня. Советский аппарат довольно слабо укрепился, т. к. коммунисты прибыли более чем слабые. Подготовка ревкомов и их инструктирование в полном ходу. Прибывшие коммунисты поделены на армию, на милицию, на формирование ревкомов и на укрепление местных советских органов. Разведка работает плохо, дает не то, что нужно. Она проинструктирована, и дело налаживается. Усиливается агентурный аппарат особотдела. Дополнительные меры нужны следующие: необходимо достать срочно 7500 человек 1897-го г. рождения для милиции, сделать нашего чусоарма полноправным Чусо с непосредственным подчинением Эйсмонту, создать трехнедельный запас продовольствия и, кроме того, было бы желательно дополучить два-три бронепоезда и даже одну стрелк. бригаду. День окончания операций гораздо труднее определить, чем день окончания подготовки, однако наши действия будут настолько суровы, беспощадны и так методичны, что надо ожидать быстрых результатов.

Командвойск Тухачевский» [4].

2 июня состоялось решающее столкновение 2-й армии Партизанской армии Тамбовского края в составе 4, 14, 16-го и частей других полков (всего в бою у д. Елани под командованием А. С. Антонова было до 2000 сабель), а у красноармейцев были значительно пре-

восходящие силы, в которые кроме конницы входил бронепотряд. Антоновцы были разбиты и рассеяны.

Командарм докладывал в реввоенсовет: «В течение десяти дней неутомимого преследования бронепотряд, при содействии красной конницы, отбил у Антонова все пулеметы, весь обоз, положил на месте до 800 человек бандитов, еще более вывел из строя ранеными, рассеял остальных» [5].

Но Полномочная комиссия ВЦИК после этого сражения еще яростнее взялась за искоренение мятежного духа тамбовских крестьян. Был подписан второй еще более жестокий по своей сути приказ № 171.

Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей № 171, г. Тамбов. 11 июня 1921 г. [6].

«Уполиткомиссиям 1, 2, 3, 4, 5.

Начиная с 1 июня решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края.

Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду.

Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсеров-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

12 июня 1921 г.

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссии или райполиткомиссии объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае не сдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов, и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель Полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко
Командующий войсками Тухачевский

Председатель губисполкома Лавров

Секретарь Васильев

Прочсть на сельских сходах» [6].

Остановимся еще на одном приказе Тухачевского — № 0016 от 12 июня 1921 г. о применении газового оружия.

Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев № 0116 г. Тамбов: [7]

«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ. 4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками Тухачевский

Наштавойск генштаба Какурин» [7].

Первоначально появление этого приказа воспринималось как акт устрашения. Однако сейчас стали выявляться факты применения химического оружия. Столичная Комиссия по борьбе с бандитизмом принимала постановление от 19 июня 1921 г., предписывающее «к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью». В таком указании не было бы нужды, если бы речь шла лишь об устрашающем приказе. Можно привести и прямые свидетельства: артобстрел «острова, что северо-западнее села Кипец» (Карай-Салтыковская волость): «...выпущено 65 шрапнелей, 49 гранат и 59 химических» [8]. Донесение не сообщало ни повода, ни результатов этой стрельбы 2 августа 1921 г. [9].

Приказы № 130 и № 171 выполнялись с особой жестокостью. В июне Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом сочла необходимым, «хотя большинство банд в Тамбовской губернии разгромлено и кулачество убедилось в мощи советской власти», выселить из губернии «всех лиц, замешанных в бандитизме, в том числе некоторых железнодорожников».

Приведем сведения из общегубернской информационной сводки о борьбе с бандитизмом по данным уездных политкомиссий за июнь-июль 1921 г.

С 19 по 25 июня включительно. Операции по приказу № 130 проводились в 11 районах, 15 волостях с селами. Взято бандитов 728, арестовано заложников-одиночек — 1847, семей — 308. Конфисковано 68 хозяйств, условно конфисковано 62 хозяйства, сожжено 6 домов бандитов. Добровольно явилось: бандитов — 479, дезертиров — 3856, задержано дезертиров — 136. Из добровольно

явившихся бандитов 21 явились после взятия семей в качестве заложников.

Местное население, где уже проведена систематическая борьба с бандитизмом, частью определенно начинает поддерживать Советскую власть, частью выходит из-под влияния бандитизма. В волостях, где систематическая борьба не проведена, население поддерживает бандитов. Меры Советской власти по изъятию бандитов производят устрашающее действие, часть населения сочувствует, как могущим (т. е. мерам) привести к быстрому окончанию войны, тягостной для них. Отмечается малая помощь населения.

В разных местах заключения на 21 июня 1921 г. состояло: бандитов — 1094 (из них расстреляно 46, приговорено 83), заложников — 634, дезертиров — 956.

С 26 июня по 2 июля включительно. Население сочувственно относится к ликвидации бандитизма и в некоторых местах: Пересыпкинский, Иноковский, Паревский районы — крестьяне принимали активное участие в облавах на дезертиров и бандитов.

Операции по приказу № 130 производились в 8 районах, 14 волостях и 33 селах. Взято бандитов 596. Арестовано заложников-одиночек — 683, семей — 183. Взято на учет для конфискации 76 бандитских хозяйств. Конфисковано 48 бандитских хозяйств, сожжено и разрушено 79 домов. Явилось добровольно: бандитов 507, дезертиров 1063, задержано дезертиров — 1165, воров — 23. Состояло на 28 июня в местах заключения: бандитов — 1275, заложников — 931, дезертиров — 1838, разных — 79, шпионов — 28, осужденных — 395. Расстреляно 183 человека.

С 2 по 9 июля. В Богословской и Царевской волостях чистка производится ревкомрами путем периодических облав на бандитские элементы, случайно оставшиеся после оккупации местностей красноармейскими частями.

В с. Горелом взято бандитов 21, которые тут же, на общем собрании граждан, расстреляны.

В с. Сураве 6 бандитов расстреляно особым отделом и 18 — местными гражданами; по Беломестно-Двойневской волости расстреляно 34 человека из пойманных 40 бандитов. Всего по 2-му боеучастку расстреляно 233 человека.

В с. Хитрове был созван сход, на котором объявили постановление Уполиткомиссии и был дан одночасовой срок, по прошествии которого граждане ответили незнанием требуемых сведений, почему пришлось расстрелять 7 кулаков, после этого был дан еще 1 час, во время которого одна женщина заявила, что в церкви должно быть что-то скрыто; во время обыска в церкви под алтарем был найден полевой телефонный аппарат, бархатно-красное знамя с нашитой надписью: «В борьбе обретешь ты право свое».

Общий итог: операции по приказу № 130 производились в 19 рай-

онах, 30 волостях, 29 селениях. Взято бандитов 354 и разных 93. Арестовано заложников: одиночек — 432 и семей — 161. Взято на учет для конфискации, конфисковано условно и описано 80 хозяйств. Конфисковано 210 хозяйств и сожжено 4 дома. Явились добровольно: бандитов 476, дезертиров — 329, взято дезертиров — 857. Расстреляно 394 человека [10].

О том, как применялись на практике приказы № 130 и № 171 председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонова-Овсеенко докладывал В. И. Ленину так:

«Во втором наиболее бандитском уезде — Тамбовском — наиболее крутые меры были применены в волостях: Беломестная Двойня, где упорствующие в укрывательстве оружия и бандитов крестьяне сдались лишь после расстрела двух партий заложников-кулаков. В общем здесь расстреляны 154 бандита-заложника, взято 227 бандитских семей, сожжены 17 домов, разобрано 24 дома и 22 дома передано бедноте, в Эстальской волости — расстреляно заложников и бандитов — 75, сожжены 12 домов, разобран 21 дом, в обоих волостях крестьянами выданы и частью приведены до 300 бандитов, 118 винтовок, 25 обрезов, револьверов 10 и т. д.

Каменская волость Тамбовского уезда — место пребывания губкома СТК — сдалась после ареста всех мужчин — указала склады, тайники, выдала многих бандитских главарей, в том числе членов губернского и районного, волостного и сельского комитета СТК; добровольно явились местная «вохра» и несколько десятков бандитов. В с. Кривополянье после расстрела 13 заложников был указан склад запчастей к пулеметам, выданы несколько бандитов, указано убежище остатков банды Селянского. В общем, в Тамбовском уезде с 1 июня по 10 июля явились добровольно бандитов с оружием — 59, без оружия — 906, дезертиров — 1445, изъято бандитов — 1455, дезертиров — 1504. Семей заложниками взято 549, проведено 295 окончательных конфискаций имущества, разобрано 80 домов, сожжено 60 домов, расстреляны 591 бандит, заложников — 70, за укрывательство — 2» [11].

Методы подавления крестьянского восстания, особенно приказ № 171, вызвали протест и в высших слоях большевистского руководства. В последние годы рассекречены два важных документа, проливающие свет на финал борьбы с антоновщиной: письмо А. И. Рыкова Л. Д. Троцкому от 18 июля и протокол заседания комиссии по борьбе с бандитизмом под председательством Л. Д. Троцкого от 19 июля 1921 г. Из опубликованных ранее ленинских документов было известно лишь, что 16 июля на утреннем заседании Политбюро Рыков просил Ленина, а Ленин обещал «через два часа» прислать номер тамбовской газеты с каким-то приказом неизвестно какого Антонова. Публикаторы этих документов оговаривали, что им «не удалось» установить наименование этой газеты, а следова-

тельно, и повод обмена записками на упомянутом заседании. Речь же шла о номере козловской уездной газеты «Наша правда» от 18 июня 1921 г. с приказом № 171. Теперь мы знаем, что на заседании Политбюро состоялся какой-то разговор по существу и было принято постановление, согласно которому Рыков пересылал Троцкому газету с текстом приказа от 11 июня.

В протоколе заседания Политбюро от 16 июля, где между Лениным и Рыковым произошел обмен записками, мы находим пункт 8 «Заявление т. Рыкова» и весьма туманное решение по этому заявлению: «Передать вопрос, поднятый т. Рыковым, на рассмотрение Комиссии по борьбе с бандитизмом при участии т. Троцкого, поручив ей принять при единогласии окончательное решение» [12].

Между тем в публикуемом нами письме Рыкова сообщалось, что в президиум ВЦИК было внесено предложение отменить приказ и отозвать из Тамбова Антонова-Овсеенко и Тухачевского. Рыкову было поручено подготовить доклад по этим предложениям, и он просил председателя РВСР Троцкого «рассмотреть вопрос срочно и уведомить меня».

Записка члена Политбюро ЦК РКП (б) А. И. Рыкова председателю РВСР Л. Д. Троцкому о решении Политбюро аннулировать приказ № 171 и отозвать из Тамбова А. В. Антонова-Овсеенко и М. Н. Тухачевского 18 июля 1921 г.:

«Лев Давыдович!

Согласно постановлению Политбюро, посылаю Вам приказ Антонова-Овсеенко и Тухачевского. В Президиуме ВЦИК было внесено предложение, поддержанное большинством его членов:

- 1) Аннулировать приказ.
- 2) Отозвать Антонова-Овсеенко и Тухачевского.

За мной числится доклад в Президиуме ВЦИК об этих предложениях и согласование их с ЦК РКП.

Прошу рассмотреть вопрос срочно и уведомить меня.

На мой взгляд, Президиум ВЦИК должен как-то с опубликованием хотя бы в местной печати на этот приказ реагировать.

А. И. Рыков» [13].

Комиссия по борьбе с бандитизмом под председательством Л. Д. Троцкого (исключительный случай) 19 июля 1921 г. приняла решение «отменить приказ» и в тот же день «по прямому проводу передать для напечатания в тамбовских изданиях».

Из протокол заседания Комиссии по борьбе с бандитизмом при РВСР от 19 июля 1921 г.:

«Присутствовали: Тт. Троцкий, Гусев, Уншлихт, Александров, Данилов, Тухачевский, Каменев.

Председательствовал: т. Троцкий.

Слушали: О приказе № 171, изданном Тамбовским командованием (Троцкий)

Постановили: 1) Приказ № 171, устанавливавший применение суровых мер расправы над мятежниками, был вызван исключительными условиями и преступно-предательской деятельностью анархо-эсеро-бандитских элементов, сосредоточивших в пределах Тамбовской губернии свои главные силы.

Приказ имел целью прежде всего показать большинству крестьянства всю серьезность обстановки, создаваемой указанными элементами, и решимость Советской власти беспощадно карать такого рода элементы, подрывающие обороноспособность Республики и в конце расстраивающие ее хозяйственную жизнь.

Вместе с тем Советская власть имела своей целью приостановить те зверские истязания, которые учинялись бандитами над беззащитными нередко рабочими и крестьянами, верными Советской власти.

Ныне, когда бандитские шайки, после того как они оказались изолированными от населения, разбиты и фактически ликвидированы, представляется возможным отменить приказ, вызванный указанными выше исключительными обстоятельствами.

2) Постановление это окончательно отредактировать сегодня и по прямому проводу передать для напечатания в тамбовских изданиях.

Председатель Троцкий
Секретарь И. Медянцеv» [14].

Решение об освобождении Тухачевского «с возвращением его на Западный фронт» было принято Комиссией еще на заседании 17 июля 1921 г., т. е. на второй день после первого разговора о приказе № 171 на Политбюро. В скором времени был отозван и Антонов-Овсеенко.

В записке командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского В. И. Ленину о положении дел в губернии от 16 июля 1921 г. говорилось;

«1. Положение бандитизма к началу мая.

В пяти уездах Тамбовской губернии: Кирсановском, Тамбовском, Моршанском (южнее Сызр-Вяз. ж. д.), Козловском (восточнее Ростовской ж. д.) и Борисоглебском (за исключением самой южной части его) Советской власти не существовало (не считая городов).

В этом районе, объятom крестьянским восстанием, власть принадлежала СТК (Союз трудового крестьянства), через который проводила свою политику партия эсеров.

Бандитов насчитывалось до 21000 человек.

Восстание началось в сентябре 1920 г., и местное крестьянство и бандиты именуют его своей революцией и даже датируют события, считая от момента революции (например, говорят: это было до революции, это после и т. д.).

Причины восстания — общие для всей РСФСР, т. е. недовольство продразверсткой и неумелое и исключительно жестокое ее проведение продорганами на местах.

Причины, организовавшие восстание, следующие:

- а) сильное эсеровское гнездо, свитое в Тамбовской губернии;
- б) искусная тактика, проявленная эсерами в создании СТК;
- в) скрытый большой запас оружия, сделанный Антоновым за время его начальствования Кирсановской уездмилицией и, наконец, военно-организаторский талант Антонова.

II. План кампании.

На предстоявшие действия приходилось смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на целую кампанию или даже войну. Разгром живой силы бандитов, благодаря ее слабой боеспособности, не представлял серьезных затруднений.

Главную и самую трудную задачу составляло завоевание территории, оккупация источников комплектования банд и советизация их.

На эту задачу оккупации и были брошены главные воинские и политические силы, а на маневренные действия было выделено лишь три кавбригады.

Для согласования советской работы на местах с военными мероприятиями были созданы уполиткомиссии — уездные органы Полномочной комиссии ВЦИК.

Советизация должна была проводиться следующими мерами: изъятием бандитского элемента, насаждением ревкомов, расстройством крестьянства путем вооружения его против бандитизма, заинтересовывая его материально за счет конфискационных имуществ бандитов, применением террористических мер против сочувствующих бандитизму, извлечением комитетов СТК, трудовой помощью Красной Армии населению и налаживанием советской работы.

Параллельно с этим был намечен ряд маневренных операций против банд, каковые и должны были окончиться полной гибелью последних от истощения (источники комплектования оккупированы).

III. Достигнутые результаты и дальнейшие мероприятия.

В результате методически проведенных операций на протяжении сорока дней крестьянское восстание в Тамбовской губ. ликвидировано.

СТК разгромлен.

Советская власть восстановлена повсеместно.

От 21 000 бандитов осталось к 11 июля лишь 1200 сабель. Громадное количество главарей банд уничтожено.

Крестьянство скомпрометировано в глазах бандитов и ищет от них вооруженной защиты Красной Армии.

Но вместе с тем крестьяне определенно не верят в искренность декрета о продналоге. Среди них ходят слухи о том, что к осени наши войска будут выведены из Тамбовской губ., и тогда бандиты вновь начнут действия и, наконец, кое-где еще сидят волостные комитеты СТК.

В виду этого я считаю необходимым проведение нижеследующих мероприятий:

1) не выводить из Тамбовской губернии ныне действующих в ней войск в течение одного г.;

2) оставить оккупационное командование в Тамбовской губернии по крайней мере до зимы, не увлекаясь сокращением штабов;

3) всех коммунистов, присланных по мобилизации в Тамбовскую губернию, закрепить за последней, а также произвести перегруппировку засидевшихся коммунистов;

4) не налагать на Тамбовскую губернию никаких дополнительных продовольственных налогов.

Тухачевский» [15].

Выписка из протокола заседания комиссии по борьбе с бандитизмом № 22. Совершенно секретно. 17 июля 1921 г.:

«Присутствовали: т. т. Гусев, Каменев, Артем, Данилов, Александров, Шапошников, Антонов, Уншлихт, Тухачевский, Брюханов, Михайлов.

Председательствует т. Гусев.

1. Слушали: Доклад т. Тухачевского о состоянии борьбы с бандитизмом в Тамбовской губернии.

1. Постановили: 1) Не выводить из Тамбовской губернии ныне действующих в ней войск, необходимых для оккупации и окончательной ликвидации бандитизма. 2) До 1 октября по возможности не снимать коммунистов, присланных в Тамбовскую губ. по мобилизации. 3) Предложить Главснабпродарму обеспечить Тамбовские войска продовольствием без перебоев. 4) Предложить Главначснабу усилить меры по обмундированию Тамбовской армии. 5) Разрешить командованию Тамбовской армии предлагать бандитам сдаваться на условиях сохранения жизни и широкого применения условного осуждения — при условии сдачи оружия и выдачи всех главарей. 6) Предложить Главкому обеспечить Тамбовскую губ. до 1 октября бригадой курсантов.

2. Слушали: Об освобождении т. Тухачевского от должности комвойск Тамбовской губ. (С. С. Каменев).

2. Постановили: Комиссия находит возможным освободить т. Тухачевского с возвращением его на Западный фронт и с заменой его т. Левандовским.

3. Слушали: О командировке партийных работников в Тамб. губ. для проведения крестьянской конференции.

3. Постановили: Комиссия находит необходимым, чтобы ЦК РКП командировал в Тамбовскую губернию специально для проведения крестьянской конференции ответственных работников, а также усилит Тамбовскую губ. советскими работниками.

Председатель С. Гусев

Секретарь И. Медянцеv» [16].

Активную роль в принятии этих решений сыграл Н. И. Бухарин. В разгар их обсуждений — 17 июля В. И. Ленин посылает именно ему доклад главкома Красной армии С. С. Каменева с защитой методов борьбы, использованных Тухачевским в Тамбовской губернии, и признанием целесообразности их применения в других районах. На первой странице доклада имеется запись: «Бухарину секретно. Вернуть, прочитав от строки до строки в наказание за паникерство. Ленин» [17].

Полномочная комиссия ВЦИК 20 июля 1921 г. направила секретную депешу Предуполиткомиссиям 1, 2, 3, 4, 5, 6 такого содержания:

«Банды Антонова разгромлены. Шайки Богуславского уничтожены. Банда Карася вместе со своим атаманом ликвидирована. Бандиты массами сдаются, выдавая главарей. Среди самих бандитских главарей идет разброд, и уже многие из них, окончательно разуверившись в неправильности эсеровской программы, перешли на сторону Советской власти.

Само крестьянство окончательно отшатнулось от эсеров-бандитского предательства: оно само вступает в решительную борьбу с разбойными шайками, ими организуются дружины в помощь Красной Армии, создается оборона селений, производится изъятие бандитов и эсеров-предателей.

Полномочная комиссия уверена, что при дружной поддержке самого крестьянства Красная Армия в кратчайший срок покончит со всеми остатками бандитизма в Тамбовском крае.

Окончательный развал эсеров-бандитизма и полное содействие в борьбе с ним со стороны крестьян позволяет Полномочной комиссии ВЦИК приостановить применение исключительных мер приказа № 171, направленных против упорствующих бандитов.

Полномочная комиссия еще раз подтверждает, что все добровольно сдающиеся сохраняют свою жизнь.

О всех мерах по приказу № 234 ставить Полком немедленно в известность по телеграфу.

Полком ВЦИК Васильев» [18].

На территории Тамбовской губернии создавались концентрационные лагеря, в том числе для малолетних детей.

В докладе уполномоченного по улучшению жизни детей при Тамбовском губисполкоме приводились сведения о количестве детей, содержащихся в концлагерях Тамбовской губернии на 1 августа 1921 г.: до 3-х лет — 397, до 5-ти лет — 758 детей.

Это еще более ожесточало повстанцев, которые в качестве ответной меры брали в заложники семьи коммунистов, красноармейцев, советских служащих. В противовес приказу № 130, губком Союза трудового крестьянства издал свой приказ — «забирать заложниками семьи красноармейцев и советслужащих, кон-

фискаля их имущество». Этот приказ проводился в некоторых районах с величайшей жестокостью (красноармейские семьи прямо вырезались десятками). Местами граждане иногда просили красноармейские части, из боязни белого террора, не трогать бандитских семей [9].

Эта тактика была настолько развита, что в июле 1921 г. было издано специальное распоряжение Тамбовской уполиткомиссии о запрете ареста в качестве заложников детей, беременных женщин и женщин с малолетними детьми. Тамбовская уполиткомиссия направила 20 июля 1921 г. председателю Пригородно-Слободского волревкома распоряжение о запрете ареста в качестве заложников детей, беременных женщин и женщин с малолетними детьми. За неисполнение этого распоряжения председатели ревкомов должны были привлекаться к строгой ответственности» [19].

Покидая Тамбовщину, В. А. Антонов-Овсеенко докладывал, что сделано Полномочной комиссией ВЦИК и что предстояло сделать в будущем в Тамбовском крае, чтобы восстание крестьян не вспыхнуло вновь.

«В общем, к настоящему времени положение таково:

1. Военные силы бандитизма сломлены: к началу мая насчитывалось до 20000 действующих бандитов, к настоящему времени их несколько сотен.

2. Бандитские шайки совершенно потеряли поддержку хозяйственных слоев деревни. Крестьяне во многих местах настроены к ним определенно враждебно и охотно организуют дружины в помощь нашей милиции и войскам.

3. Организация СТК почти повсеместно сломлена и вся система бандитской милиционной армии разрушена, как весь ее аппарат связи, разведки, снабжения.

4. Однако в Кирсановском и Тамбовском уездах некоторые села еще сохраняют бандитские настроения и организации. Оружия изъято мало. Настроение большинства крестьянства выжидательно недоверчивое. Многие бандиты распушены (по слухам) по домам временно.

5. Это настроение питается скудностью и крайней нестротой урожая при громадном недосеве и паническими слухами из голодающих губерний, и слухами о предстоящем вскоре выводе красных войск из губернии.

6. Оккупация района почти завершена и уже приступлено к насаждению постоянных органов Соввласти в селах.

7. Сельская милиция осела на местах и приобрела некоторое значение наряду с начавшимися организовываться крестьянскими дружинами.

8. Партийная организация ослаблена, переутомлена, среди рабочих растет оппозиционное настроение, крестьянские организации (комячейки) только начинают налаживаться. Парторганизация насчи-

тывает до 5000 членов вместо 14000 прошлого г. В армии также до 5000 членов партии.

9. Заложников накоплено в концентрационных лагерях до пяти тысяч, а нарядов на их высылку нет.

10. Железнодорожники продолжают служить стержнем для контрреволюционной организации; между тем до сих пор не разрешен практически вопрос о перемещении их на другие дороги» [20].

Летом 1921 г. основные силы Антонова были разбиты. В конце июня — начале июля им был издан последний приказ, согласно которому боевым отрядам предлагалось разделиться на группы и скрыться в лесах или даже разойтись по домам. Восстание распалось на ряд мелких, изолированных очагов, которые были ликвидированы до конца года.

Антоновцы были силой только в своих уездах, рядом с родным домом. Когда же теснимые войсками под командованием М. Н. Тухачевского антоновские армии оказались в Пензенской губернии, то были разбиты в первом же бою. Отход в Саратовскую губернию ничего не изменил: новый бой и новый, на этот раз полный разгром. Антоновщина — типичное крестьянское восстание с типичным финалом — военным разгромом при выходе из родных мест.

Руководитель крестьянского восстания Тамбовской губернии Александр Степанович Антонов еще целый год скрывался в лесах и был выслежен и убит 24 июня 1922 г. в селе Нижний Шибрай Борисоглебского уезда.

Резюмируя вышеизложенное, сделаем выводы.

Против крестьянской армии была брошена вся военная мощь республики. Была создана Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом, в которую вошли представители ЦК, СТО, ВЧК, НКПС и т. д. Начался военный разгром антоновщины. Стратегия состояла в полном и жестоком осуществлении военной оккупации повстанческих местностей, к которой приступили уже предшественники нового руководства.

Главкомандующий М. Н. Тухачевский прибыл в Тамбов 6 мая 1921 г., и уже 12 мая появился его знаменитый своей жестокостью приказ № 130 и инструкция по применению этого приказа.

Методы подавления крестьянского восстания, особенно приказ № 171, вызвали протест и в высших слоях большевистского руководства.

Летом 1921 г. основные силы Антонова были разбиты.

Источники и примечания:

1. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 16.
2. Приказ командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского о мерах борьбы с повстанцами № 130, г. Тамбов, 12 мая 1921 г. // ГАТО. Ф. Р.-1832. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9а.
3. Инструкция по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии 12 мая 1921 г. Секретно. г. Тамбов // ГАТО. Ф. Р.-4049. Оп. 1. Д. 4. Л. 117—118 об.
4. РГВА. Ф. 235. Оп. 1. Д. 98. Л. 82—84.
5. РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 19.
6. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК о начале проведения репрессивных мер против отдельных бандитов и укрывающих их семей № 171, г. Тамбов. 11 июня 1921 г. // ГАТО. Ф. Р.-4049. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.
7. Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев № 0116 г. Тамбов // ГАТО. Ф. Р.-1832. Оп. 1. Д. 943. Л. 3.
8. ГАТО. Ф. Р.-1832. Оп. 1. Д. 1026. Л. 14
9. Тамбовский волк вам гражданин! Уроки тамбовского восстания. Русский журнал. 2002. 27 ноября. <http://www.russ.ru/politics/20021127-sol.html>
10. Общегубернская информационная сводка о борьбе с бандитизмом по данным уездных политкомиссий Июнь—июль 1921 г. // ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1043. Л. 14—15.
11. Доклад В. А. Антонова-Овсеенко в ЦК РКП(б) о положении дел в Тамбовской губернии и борьбе с повстанческим движением (с пометками В. И. Ленина на полях рукописи) 20 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 40.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 190. Л. 2.
13. Записка члена Политбюро ЦК РКП(б) А. И. Рыкова председателю РВСР Л. Д. Троцкому о решении Политбюро аннулировать приказ № 171 и отозвать из Тамбова А. В. Антонова-Овсеенко и М. Н. Тухачевского 18 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 62. Л. 799—799 об.
14. Протокол заседания Комиссии по борьбе с бандитизмом при РВСР об отмене приказа № 171 №23. 19 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 383. Л. 303.
15. Записка командующего войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевского В. И. Ленину о положении дел в губернии 16 июля 1921 г. Секретно № 1251 г. Москва // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 36—40.
16. Выписка из протокола заседания комиссии по борьбе с бандитизмом № 22. С. секретно. 17 июля 1921 г. // РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 383. Л. 324.

17. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 19851. Л. 1—2

18. Полномочная комиссия ВЦИК // РГВА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 13. Л. 39.

19. Распоряжение Тамбовской уполиткомиссии председателю Пригородно-Слободского волревкома о запрете ареста в качестве заложников детей, беременных женщин и женщин с малолетними детьми. 20 июля 1921 г. Секретно, срочно // ГАТО. Ф. Р. -4049. Оп. 1. Д. 1. Л. 117.

20. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 324. Л. 40.

КРАСНЫЙ ФЛАГ НАД МЯТЕЖНЫМ КРОНШТАДТОМ

Весть о восстании в Кронштадте (28 февраля — 18 марта 1921 г.) быстро разлетелась по всей стране: в «Тихом Доне» Михаила Шолохова это событие обсуждали донские казаки на одном из дальних хуторов [1:591].

Кронштадт, названный Лениным «мелкобуржуазной контрреволюцией»¹, представлялся ему явлением более опасным, даже в сравнении с Деникиным, Юденичем, Колчаком, «вместе взятыми». На X съезде партии Ленин заявил: «...Мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство, разорение сказалось на крестьянской собственности» [2:24]. В приведенной формулировке примечательна фраза: «мы имеем дело со страной». Как будто «мы», то есть большевики (субъект) имели в качестве материала объект (страну) — из имеющегося материала (какой есть!) предстояло создавать задуманную конструкцию.

А. И. Рыков по горячим следам назвал Кронштадт как «самую большую и величайшую неожиданность», которая обязывала сделать политические и экономические выводы [3:202]. Позднее Рыков высказал определенное мнение о причине восстания в Кронштадте: оно «по своей политической основе явилось результатом недовольства, накопившегося среди крестьян во время эпохи «военного коммунизма» [4:344].

Состоявшие преимущественно из крестьян², матросы Балтики и красноармейцы кронштадтского гарнизона выражали настроения крестьянской массы. Кронштадт отражал, как в зеркале, общее кризисное состояние в крестьянской стране: матросы получали вести из родной деревни о критическом состоянии хозяйства, о произволе местных властей, о тяжести разверстки. В преобладающем большинстве жалоб матросов и красноармейцев (особенно возвратившихся

¹ В докладе следственной бригады в президиум ВЧК о результатах расследования по делу о Кронштадтском восстании оно определялось как «движение мелкобуржуазной стихии, представляющей собой реакцию против диктатуры пролетариата и коммунистического режима, недовольство продовольственной политикой Советской власти и стремление к преодолению оков, наложенных последней на свободный оборот мелкого собственника» [5:242].

² В начале 1921 г. почти 80% моряков Балтийского флота были выходцами из деревни [27:167].

из отпусков, получавших письма) речь шла о тяжелом положении на родине, прежде всего в деревне. Основное недовольство семей матросов и красноармейцев вызывала прежде всего продрозверстка³.

Восстание в Кронштадте возникло стихийно и вовлекло в свой водоворот почти все население и гарнизон крепости. Резолюция с изложением требований мятежных матросов была принята 28 февраля 1921 г. моряками судовых команд линкоров «Петропавловск» и «Севастополь» — крупнейших кораблей всего Балтийского флота⁴. Утром 1 марта требования команд двух линкоров поддержало собрание корабельных команд 1-й и 2-й бригад. Итоговая резолюция была утверждена на общем гарнизонном собрании (митинге) кронштадтцев на Якорной площади днем 1 марта.

Главное крестьянское пожелание, выраженное в резолюции, по сути, являлось призывом к советскому правительству соблюдать обещания, провозглашенные в октябре 1917 г.: дать полное право крестьянам на землю, не используя наемный труд. Характерно, что основная часть программных требований непосредственно касалась крестьянства. Резолюция содержала следующие требования: ввиду того, что советы не выражали волю рабочих и крестьян, немедленно организовать пере выборы советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян; предоставить реальную свободу слова и печати для рабочих и крестьян, левых социалистических партий, а также свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений; освободить всех политических заключенных социалистичес-

³ При политическом отделе Балтийского флота имелось так называемое бюро жалоб, где скапливались материалы, поступавшие преимущественно от рядовых матросов и красноармейцев, служивших в частях, приданных флоту. За период с 20 октября 1920 г. по конец февраля 1921 г. выявлено в общей сложности 211 жалоб и заявлений, преимущественно личных, сравнительно редко коллективных. Лишь в шести документах такого рода (что составляет менее 3% от общего числа) были обнаружены претензии на собственное положение жалобщика (или жалобщиков): о недостатке пайка, о недовольстве службой. Больше всего жаловались на произвол продрозверстки — об этом в прямой или косвенной форме говорилось в 156 документах. Кроме того, речь чаще всего шла о незаконных, по версии жалобщиков, реквизициях лошадей, скота и другого имущества, повинностях на различные работы, невыплате пособий семьям, злоупотреблениях гужевой повинностью. Обвинения касались обыкновенно местной администрации, провинциальных властей [6:76,77,79].

⁴ Оба линкора в то время являлись современными военными кораблями: «Севастополь» вступил в строй в ноябре 1914 г., «Петропавловск» — в декабре 1914 г. Они имели однотипные характеристики: водоизмещение 23 тыс. тонн, скорость 23 узла (42,6 км/ч), мощное вооружение (12 орудий 305 мм, 16 орудий 120 мм, 4 орудия 47 мм, 4 торпедных аппарата), штатный экипаж — 1126 человек).

ких партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями; выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях; упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели — вместо них должны быть учреждены выбранные на местах культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпущаться государством; немедленно снять все заградительные отряды [5:50—51].

В Обращении к железнодорожникам, с просьбой приостановить пассажирское и воинское движение, Кронштадтский ревком дополнил указанные выше требования следующими положениями: избирательное право для всех, равное для крестьян и рабочих; отмена смертной казни; закрытие всех ЧК (оставить лишь уголовную милицию и суды); отмена всех преимуществ коммунистам; демобилизация армии (в деревне нужны рабочие руки — задержка в демобилизации вызовет недосев и голодовку в городах); роспуск трудовой армии как нового вида закрепощения рабочего и крестьянина в работе; свобода передвижений по железным дорогам и водным путям всех граждан; право организации непосредственного товарообмена между рабочими и крестьянами [5: 136—137].

Протест кронштадтцев выражался в отношении политики военного коммунизма. Примечателен следующий факт: балтийские матросы — краса и гордость революции — восстали против власти большевиков, завоеванию которой сами же в октябре 1917 г. активно способствовали, а затем стойко защищали завоевания революции в 1919 г. в боях с белогвардейскими войсками генерала Юденича под Петроградом⁵. По данным ВЧК, 28 февраля за резолюцию с требованиями кронштадтских моряков голосовало большинство коммунистов из судовых команд, лишь незначительная часть коммунистов воздержалась от голосования [5:233].

Боевой состав Кронштадтской крепости и фортов, по сведениям

⁵ В докладе командующего морскими силами Советской Республики А.В. Немитца 7 марта 1921 г. подчеркивалось: матросская масса «слишком горда своей передовой ролью в революции и достаточно доблестна в лишениях, чтобы пойти против «своей» власти (советской) и «своей» партии (коммунистической) с левыми социалистами-революционерами под влиянием только голода, холода и пропаганды последних». Немитц подчеркивал стихийность выступления «неорганизованной массы и без вождей» [РГВА. Ф.33988. Оп.2. Д.331. Л.155]. Свидетельство кадрового флотского офицера А. В. Немитца можно считать достоверным источником: бывший контр-адмирал в августе-декабре 1917 г. командовал Черноморским флотом, с февраля 1920 г. по декабрь 1921 г. был командующим всеми морскими силами Советской Республики.

Балтфлота, составлял 17. 961 человек, крепость имела на вооружении в общей сложности 134 тяжелых орудия, 62 легких орудия, 24 зенитных орудия, 126 пулеметов [7].

Власть в Кронштадте без единого выстрела перешла в руки временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих Кронштадта, образованного 2 марта 1921 г. на делегатском собрании из 5 человек (4 марта состав ВРК увеличился до 15 человек). Ревком взял на себя подготовку выборов в Совет путем тайного голосования. В частях и подразделениях выбирались ревтройки. Мятежные балтийские матросы использовали привычные по 1917 г. методы революционного захвата власти: заняли телеграф, телефон, типографию «Известий Кронштадтского Совета», с 3 марта началось издание газеты восставшего Кронштадта — «Известия Временного революционного комитета матросов, красноармейцев и рабочих». В крепости использовались методы политической и агитационно-пропагандистской работы по опыту большевиков, был создан институт комиссаров.

2 марта ревком обратился к населению и гарнизону Кронштадта, в котором объявил, что коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс, оказалась неспособной вывести страну из состояния общей разрухи. Предлагалось приступить к «мирной работе по переустройству Советского строя». ВРК настаивал, чтобы не было пролито ни единой капли крови. Выборы в новый Совет, по замыслу ревкома, должны были продемонстрировать представительство трудящихся. Собственную задачу члены ревкома видели в создании условий для справедливых выборов в Совет. «К порядку, к спокойствию, — призывал ревком, — к выдержке, к новому, честному социалистическому строительству на благо трудящихся». 3 марта появилось Обращение ВРК к крестьянам, рабочим и красноармейцам по поводу предстоящих выборов в Совет тайным голосованием [5:54—55].

Восставший Кронштадт поднял красное знамя «третьей революции трудящихся». Идеиная установка кронштадтского ревкома укладывалась в лозунг «Советы без коммунистов». Идея Советов без коммунистов выражалась в лозунгах: «Власть Советам, а не партиям!», «Да здравствует третья революция!», «Долой партийный гнет!», «Да здравствует власть рабочих и крестьян!», «Да здравствуют свободно избранные Советы!» Мятежный ревком позиционировал себя в качестве защитника советского строя.

В Известиях ревкома 12 марта 1921 г. содержалось обращение к кронштадтцам следующего содержания: «Казалось, трудовой народ вступил в свои права. Но полная шкурников партия коммунистов захватила власть в свои руки, устранив крестьян и рабочих, во имя которых действовала. Она решила по образцу помещичьей России управлять страной при помощи своих комиссаров... Везде над рабочим и крестьянином властвовал коммунист. Вырасталось новое комму-

нистическое крепостничество. Крестьянин обращался в советских хозяйствах в батрака, рабочий в наемника на казенной фабрике... Советская Россия обратилась во всероссийскую каторгу... Настало время подлинной власти трудящихся, власти Советов» [8:369—370].

Настроение мятежной кронштадтской массы нашло выражение в простых и наивных стихотворных строках, написанных в дни кронштадтских событий:

*Ты сидишь у избушки и смотришь с мольбой,
Как коммуна с чекой догоняет:
Коммунисты плуты и военный контроль
У крестьянина все отбирают.
Ты грустишь, но о чем, не о прошлых ли днях,
Когда были все сыты, одеты,
А теперь только спросишь лишь хлеба кусок,
Тебе скажут: «читайте декреты»,
О, поверь: коммунизм — это тот же хомут,
Что России на шею надели,
А коммунии власть всю Россию вниз гнет,
Но неправда мы все ж оттерпели.
Подожди еще миг, и исчезнут совсем
Коммунисты с их подлой затеей,
И восстанет крестьянин, рабочий народ
На свободный их труд и артели. [5: 155—156].*

В этом стихотворении под названием «мечты крестьянина» красноармеец из Кронштадта Василий Данилов отразил массовый настрой кронштадтцев.

Волнения в крепости сопровождались развалом коммунистических ячеек военных и гражданских организаций Кронштадта, которые насчитывали 2680 членов и кандидатов в члены РКП(б) (по данным на январь 1921 г.). Значительную часть судовых команд составляли коммунисты. На линкоре «Петропавловск» накануне мятежа число коммунистов достигло 203 человек — в партии состоял почти каждый шестой член экипажа корабля (23 октября 1920 г. решением ЦК РКП(б) более 700 старослужащих моряков-коммунистов были возвращены на Балтийский флот; к началу мятежа от 80 до 90% членов РКП в Кронштадте составляли вступившие в партию в период «партийных недель»). Полностью распалась 41 партийная организация Кронштадта. Почти целиком вышла из партии организация линкора «Петропавловск». Всего за время кронштадтских событий из РКП(б) вышло около 900 человек [5: 10, 235; 9:81—83; 27: 167].

Членам РКП было разрешено создать свой руководящий орган. 2 марта было организовано Временное бюро кронштадтской организации РКП в составе Я. Ильина, Ф. Первушина и А. Кабанова. В опубли-

кованном в Известиях ревкома воззвании 4 марта 1921 г. Временное бюро призвало коммунистов Кронштадта к сотрудничеству с ревкомом: оставаться на своих местах и не препятствовать мероприятиям ВРК. Признавалась необходимость перевыборов Совета с участием в них коммунистов. Временное бюро опровергало слухи о расстреле коммунистов и подготовке коммунистами вооруженного выступления в Кронштадте. На линкоре «Севастополь» ни один коммунист не был арестован матросами [5: 122, 241]. 4 марта Кронштадтский ревком в Известиях сделал специальное сообщение с опровержением слухов о насилии в отношении арестованных коммунистов. Временное бюро организации коммунистов получило возможность лично ознакомиться с условиями содержания коммунистов. Арестованным коммунистам разрешалось выпускать стенгазету.

Для объяснения причины ареста и заключения в тюрьму коммунистов ревком придумал оригинальное и наивное объяснение: мятежники защищали Советскую власть от коммунистов. В первом номере «Известий Временного революционного комитета...» 3 марта сообщалось об основаниях опасаться репрессий, озвученных в угрожающих речах представителей советской власти. Наряду с заявлениями о верности советской власти кронштадтские руководители в своих заявлениях настойчиво твердили о своем миролюбии, стремлении обойтись без кровопролития [9: 173]. Ревком давал коммунистам слово на собраниях.

Лишь 16 марта 1921 г., накануне решающего штурма мятежного Кронштадта, ревком решил отправить советскому правительству ультиматум: в случае прекращения стрельбы по городу и мирному населению будут приняты «крайние меры к заложникам-коммунистам» [5: 143]. В этот же день в ревкоме обсуждался вопрос о расстреле группы коммунистов, — инициатива исходила от коменданта следственной тюрьмы Шустова. Ревком отклонил это предложение, разрешив право расстрела лишь при попытке к побегу. Возможность вынесения смертных приговоров противоречила провозглашенной кронштадтцами революционной отмене смертной казни как «гносного учреждения тиранов». Поэтому угрозы в адрес арестованных коммунистов (среди них были комиссар Балтфлота Н. Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета П. Васильев⁶, комиссар бригады линейных кораблей А. Зосимов) полевым судом и расстрелом не имели легитимного основания.

Уроки мятежного Кронштадта заставили Л. Троцкого позднее, в 1927 г., вывести политическую формулу «сползания к Кронштадту». В «Кронштадтской форме Термидора путем захвата военной меха-

⁶ Предложение о задержании и объявлении заложником М. И. Калинина было отвергнуто. Председатель ВЦИК, принимавший участие и выступивший на гарнизонном собрании 1 марта 1921 г. на Якорной площади, в тот же день был выпущен из Кронштадта.

ники», по его определению, состояла «дьявольская хитрость истории». В чем суть конструкта Троцкого? Троцкого насторожило участие в восстании многих матросов-коммунистов. Вместе с беспартийными, по оценке Троцкого, они «сдвинули власть с классово-зарубки». Кронштадтская форма «Термидора» — военное восстание. Но при определенных условиях появляется опасность мирно сползти к Термидору. Если кронштадтцы, партийные и беспартийные, под лозунгом Советов и во имя Советов спускались к буржуазному режиму, то, по Троцкому, можно сползти на термидорианские позиции даже со знаменем коммунизма в руках [10: 15; 11: 46].

Совет Труда и Оборона Советской Республики 2 марта 1921 г. объявил: 28 февраля начались волнения на корабле «Петропавловск», принята черносотенно-эсеровская резолюция; 2 марта появилась открыто группа бывшего генерала Козловского с офицерами, руководившие заговором за спиной эсеров; под их руководством осуществлялись аресты партийных руководителей и коммунистов. Решением Совета Труда и Оборона, подписанным Лениным (в качестве председателя указанного органа) и Троцким (председателем Реввоенсовета Республики), устанавливалось осадное положение для Петроград и Петроградской губернии, власть передавалась чрезвычайному военному органу — комитету обороны Петрограда. Мятежники объявлялись вне закона [5: 59-60]⁷.

Приказом Предреввоенсовета Троцкого и главкома Каменева от 5 марта была восстановлена 7-я армия с подчинением непосредственно главнокомандованию Республики. Командующим армией назначался М. Тухачевский (одновременно командующий западным фронтом), ему подчинялись все войска Петроградского округа и Балтийского флота. Тухачевскому поручалось подавить восстание в Кронштадте в кратчайший срок (12). В тот же день было обнародовано ультимативное по своему содержанию Обращение РВС и командования Красной Армии к мятежникам: сложить оружие, только сдавшиеся могли рассчитывать на милость Советской Республики, ответственность возлагалась на белогвардейских организаторов мятежа. Решительность и оперативность действий объяснялась Троцким в телеграмме, направ-

⁷ Незамедлительно последовали репрессии в отношении родственников мятежников. 3 марта в Петрограде были произведены аресты лиц, не причастных к кронштадтским событиям — их брали в качестве заложников. В числе первых была семья Козловского: его жена и четыре сына (в том числе Константин и Дмитрий, которые добровольно вступили в Красную армию в начале ее формирования, участвовали в обороне Петрограда от белогвардейцев Юденича). Вместе с ними были арестованы и сосланы в Архангельскую губернию все их родственники, в том числе и дальние — по делу Козловского проходило 27 человек [5:96,115].

ленной 5 марта Склянскому⁸: только овладение Кронштадтом покончит с политическим кризисом в Петрограде [13; 5: 70]. Военный мятеж невольно позволил решить силовыми методами наболевшую политическую проблему — утихомирить бастовавший Петроград и устранить брожение в Балтийском флоте.

Кронштадтское восстание под красным флагом не было белогвардейским мятежом, как утверждалось в советской легенде. Создателем идеологического мифа стал председатель Реввоенсовета Советской Республики Л. Троцкий. В интервью для иностранной печати Троцкий обвинил в подготовке кронштадтского восстания контрреволюционные центры за границей [5: 210]. Несмотря на указание высшего советского руководства и на все предпринимавшиеся усилия, расследование чекистов не установило следов подготовки со стороны какой-либо контрреволюционной организации внутри крепости или шпионов Антанты. О гипотетической возможности организации заговора чекисты узнали бы первыми: особый отдел Кронштадтской крепости, имевший по штату отдела 50 осведомителей, создал широкую сеть своих осведомителей в крепости — 150 человек, почти все доносили без оплаты (14). Пришлось сделать заключение, что восстание возникло стихийно в неорганизованной матросской и рабочей среде. По информации ВЧК, «широкая масса восставших не хотела и слышать об Учредилке». Уже 3 марта в Обращении к крестьянам, рабочим и красноармейцам ВРК сделал заявление о «неправде по поводу власти генералов и белых» [5:55, 238, 242].

Среди членов ревкома не было ни одного бывшего офицера. В его состав входили в основном специалисты флота с большой практикой, включая более трети (6 человек из 15) представителей команд линкоров «Петропавловск» и «Севастополь». Кронштадтский ревком, учитывая негативное настроение матросской и солдатской массы крепости в отношении белогвардейцев, посчитал необходимым «раз и навсегда покончить» с домыслами и слухами о руководстве восстанием якобы со стороны «белых генералов и попов», публично объявив состав ВРК в специальном воззвании ревкома: *Петриченко* — старший писарь линкора «Петропавловск», *Яковенко* — телефонист службы связи Кронштадтского района, *Ососов* — машинист линкора «Севастополь», *Архипов* — машинный старшина линкора «Петропавловск», *Перепелкин* — гальванер линкора «Севастополь», *Петрушев* — старшина-гальванер линкора «Петропавловск», *Куполов* — старший лекарский помощник, *Вершинин* — матрос-электрик линкора «Севастополь», *Тукин* — мастеровой электромеханического завода, *Романенко* — содержатель аварийных доков Кронштадтского порта, *Орешин* — заведующий 3-й трудовой школой,

⁸ Склянский Э. М. (1892–1925) — с октября 1918 г. до марта 1924 г. — зам. председателя Реввоенсовета Республики, член Совета Труда и Обороны.

Вальк — мастер лесопильного завода, *Павлов* — рабочий минных мастерских, *Байков* — заведующий обозом управления строительства крепости, *Кильгаст* — штурман дальнего плавания [5: 134-135]. В составе ревкома была создана оперативная тройка: Петриченко, Яковенко, Ососов.

Руководитель ревкома С. М. Петриченко⁹, кадровый матрос с 1914 г., служил на флоте около семи лет. В «партийную неделю» 1919 г. Петриченко, как и многие на флоте, вступил в РКП(б), но вскоре был из нее во время очередной перерегистрации. В мятежной матросской и солдатской среде не допускалось даже мысли о возможности работы в ее среде белых шпионов. Почти все воззвания советского правительства публиковались без сокращений на страницах кронштадтской газеты.

В указанном выше интервью для иностранной печати Троцкий связал восстание с выбытием «огромного числа революционных моряков 1917 г.» из Балтфлота [5:211]. Для подобной интерпретации у Троцкого были серьезные субъективные основания — личные счеты к кронштадтцам. Моряки Кронштадта не поддержали Троцкого с его лозунгом «перетряхивания» в дискуссии о профсоюзах. Общее собрание Кронштадтской организации РКП(б) 14 января 1921 г. боль-

---

⁹ *Петриченко Степан Максимович* (1892–1947). Родился в семье малоземельного крестьянина в Калужской губернии. С 1894 г. жил в Запорожье. Окончил два класса городского училища. После поражения восстания с частью кронштадтского гарнизона ушел в Финляндию. 22 мая 1922 г. за связь с большевиками был арестован финской полицией и около двух месяцев содержался в выборгской тюрьме. Затем был направлен на жительство в г. Умаборг, где работал на лесопильном заводе чернорабочим. В сентябре 1922 г. обратился в советское консульство в Финляндии с просьбой разрешить ему возвратиться в Россию. Ему было сделано предложение вступить в контакт с советской разведкой, которое Петриченко принял. В 1927 г. выезжал через Латвию в СССР. Возвратившись в Финляндию, устроился на целлюлозную фабрику в г. Кень, где работал до 1931 г. Был уволен с фабрики по сокращению штатов и переехал на жительство в Хельсинки. В 1937 г. заявил об отказе сотрудничать с советской разведкой, однако затем вновь согласился продолжать работу. От Петриченко было получено несколько важных сообщений о подготовке фашистской Германии к войне с СССР. В 1941 г. Петриченко был арестован финскими властями. 25 сентября 1944 г. на основании соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией был освобожден, а 21 апреля 1945 г. вновь арестован и передан органам контрразведки Советской Армии. 17 ноября 1945 г. особым совещанием при наркомате внутренних дел СССР «за участие в контрреволюционной террористической организации и принадлежность к финской разведке» был приговорен к десяти годам лагерей. Умер 2 июня 1947 г. на этапе из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму.

шинством в 525 голосов против 96 отвергло платформу Троцкого, проголосовав за платформу Зиновьева и Ленина. 19 января на общем собрании моряков-коммунистов в зале Морского корпуса Троцкий отстаивал свою позицию лично, дискуссия для него завершилась провалом: из 3,5 тыс. присутствующих за его платформу высказалось не более 40—50 человек [27: 171].

Но легенда Троцкого о кардинальном изменении социального состава балтийских моряков за годы гражданской войны и влиянии на них со стороны «мелкой буржуазии» опровергается реальными фактами. К 1921 г. на кораблях служили преимущественно кадровые моряки. Состав их был относительно постоянный, особенно командный состав и штатные специалисты, прослойка последних на крупных кораблях была значительна, достигая порой половины команды. Для подготовки таких специалистов — гальванеров, механиков, комендоров, электриков, машинистов — в ту пору требовались годы, заменить их было непросто. Кадровый состав служил на мятежных линкорах. Сохранились списки личного состава команд линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» по данным на февраль 1921 г.: почти 4/5 экипажей двух сильнейших кораблей Балтфлота начали службу на флоте до 1917 г. Имелось немало кадровых моряков, служивших по пятнадцать и более лет. Именно они были очевидцами (и участниками) событий февраля и октября 1917 г., создавали пробольшевицкий Центробалт. Молодые матросы («клевшники» или «иванморы») никак не определяли настроения моряков в Кронштадте.

Роль штаба крепости ограничивалась решением оперативных и специальных военных вопросов: организация стрельбы с батареей и судов, связь артиллерийского огня и действий пехоты, способы отражения атак. Бывшие офицеры, служившие до восстания в штабе крепости, были привлечены ревкомом в качестве военспецов и возглавили, под контролем ревкома, организацию военного дела в штабе крепости¹⁰. Основная часть штаба осталась на прежних должностях. Начальником обороны крепости стал начальник штаба крепости Соловьянов, начштаба обороны — начальник оперчасти штаба крепости Арканников. На прежних местах остались командиры линкоров бывшие офицеры Карпинский и Христофоров, начальник берегового отдела бывший капитан Зеленой, командир порта Ермаков, а так-

¹⁰ После падения Кронштадта сам Козловский говорил: «Коммунисты использовали мою фамилию, чтобы представить восстание в Кронштадте в свете белогвардейского заговора только потому, что я был единственный генерал, находившийся в крепости» (5: 11). Советская пропаганда объявила, что бывшие офицеры с Козловским во главе заранее рассчитывали на отступление, в случае неудачи заговора, в Финляндию. Однако данное утверждение опровергается достоверным фактом: военспецы не позаботились об отправке своих семей в надежное место, в результате семьи и родственники были арестованы как заложники и подверглись репрессиям.

же начальник связи, начальник воздушной обороны, командиры дивизионов. Бывший контр-адмирал Дмитриев, являвшийся до восстания начальником бригады больших линкоров, занимался снабжением технической части кораблей. Начальником артиллерии остался бывший генерал Козловский (примечательно, что Дмитриев и Козловский вызывались в штаб крепости лишь при необходимости) [5: 236—238, 310]. О деятельности Козловского чекисты информацией не располагали — посчитали, что он «отошел в сторону» [15]¹¹. Таким образом, фигура бывшего генерала Козловского, раздутая большевистским руководством в качестве руководителя белогвардейского заговора в Кронштадте, оказалась совершенно неподходящей для создания идеологического мифа.

Военспецы длительное время служили на Красном флоте, примерно 1/10 из них были коммунисты. Они согласились участвовать в восстании добровольно, без давления со стороны ревкома. Козловский длительное время служил большевикам до восстания [27: 168].

Судовые комитеты и ревтройки в подразделениях и частях контролировали действия командного состава. Учитывая настроения судовых команд, штаб крепости разрабатывал наступательную тактику в действиях против советских войск на берегах Финского залива, подготовил проект боевого приказа¹², но ревком отказался от наступления, ограничившись тактикой обороны крепости¹³. Ревком был уверен в неприступности Кронштадта. Он рассчитывал на поддержку со стороны бастующего Петрограда, а также надеялся на повсеместные крестьянские восстания. Руководители восстания полагали, что рабоче-крестьянское правительство окажется вынуждено пойти на уступки [5: 234, 239-240]. Агитационный отдел, возглавляемый членом ревкома Перепелкиным, направлял матросов с литературой (воззваниями и газетами) в Петроград, Ораниенбаум, Петергоф, Гатчину. Но большинство делегатов было задержано.

В создании мифов по поводу организации заговора в Кронштадте Л. Троцкий не ограничился обличением якобы белогвардейских

¹¹ Начальник артиллерии Козловский по должности подчинялся начальнику штаба крепости. Начальник обороны и начштаба временно отстранили его от управления артиллерийским огнем по причине нерешительности действий. По словам самого Козловского, артиллерийский огонь из крепости велся в ответ на огонь по Кронштадту, причем ответным огнем старались не причинять вреда зданиям и населению берегов [5: 150, 238].

¹² Проект боевого приказа по крепости от 4 марта устанавливал воинским подразделениям крепости наступательные задачи в направлении Сестрорецка, Ораниенбаума, Лисьего Носа, станции Раздельная [5: 123].

¹³ Начальник обороны крепости Соловьянов также придерживался оборонительной тактики: он считал, что силы, которыми располагала крепость, не позволяли предпринять активные наступательные операции без ослабления обороны берегов острова и защиты города [5:237].

корней восстания. По его схеме, генералы, связанные с империалистическими центрами, выдвинулись из-за спины непосредственных организаторов мятежа — эсеров [5: 211]. В самом подобном утверждении кроется явное противоречие. Эсеры на IX съезде своей партии в июне 1919 г. объявили об установке на вооруженную борьбу с белогвардейцами, которые рассматривались как главная опасность, ограничив борьбу с большевиками лишь политической формой. Кронштадт не мог быть назван белогвардейско-эсеровским мятежом.

В зашифрованной телеграмме руководителя Петроградской организации РКП(б) Зиновьева¹⁴ в адрес Ленина 28 февраля сквозила, с одной стороны, растерянность по поводу развития кронштадтских событий («два самых больших корабля приняли эсеровски черносоптенные резолюции»), с другой стороны, стремление переложить с себя ответственность на происки небольшевистских партий (предположение о желании «форсировать события» со стороны эсеров) [16].

Все оставшиеся на свободе осколки небольшевистских партий еще осенью 1920 г. были взяты на учет органами ВЧК. В период массовых забастовок в Петрограде в феврале 1921 г. появился приказ ВЧК: губернским ЧК предписывалось в кратчайший срок уничтожить аппарат антисоветских партий — «изъять» всех эсеров, меньшевиков и анархистов [5: 37]¹⁵.

Кронштадтцы не испытывали симпатий к партиям и всячески стремились подчеркнуть свою беспартийность. Попытка эсера В. М. Чернова использовать восстание в интересах своей партии провалилась. На одном из заседаний ревкома Петриченко доложил о полученном им обращении Чернова, которое привез курьер из Ревеля. Предложение лидера партии эсеров сводилось к следующему: разрешить ему, как председателю разогнанного большевиками Учредительного собрания, приехать в Кронштадт с целью организации вооруженной борьбы против советской власти под флагом Учредительного собрания — руководство восстанием предлагалось передать Учредительному собранию. Чернов предложил также оказание помощи вооруженной силой. Петриченко доложил, что он уже отправил ответ, в ко-

---

¹⁴ Зиновьев (Радомысльский) Г. Г. (1883–1936) — с декабря 1917 г. — председатель Петроградского Совета. До 1926 г. возглавлял Петроградскую (Ленинградскую) организацию РКП(б)–ВКП(б). Член ЦК партии, член политбюро в 1921–1926 (в 1919–1921 гг. кандидат). В 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. Репрессирован.

¹⁵ Примечательен следующий факт: в июле 1919 г. на выборах в Кронштадтский Совет не был избран ни один анархист (для сравнения: в январе 1918 г. в Совет было избрано из 283 депутатов 14 анархистов) (Ермаков В.Д. Российский анархизм и анархисты. Автореф. дисс... докт. ист. наук. СПб., 1996. С.39–40).

тором отклонил предложение. На заседании ревкома лишь В. Вальк высказался положительно, большинством ревкома предложение эсеров было отвергнуто. Ревком постановил сохранить в секрете предложение Чернова и свое решение по данному вопросу [5: 240]. Последнее решение по поводу секретности обсуждения ревкомом предложения эсеров объяснялось сложившимся настроением в матросской и солдатской массе: разочарование в коммунистической партии сопровождалось разочарованием в партиях вообще: эсеры и меньшевики воспринимались ничуть не лучше коммунистов — все они, считалось, стремились захватить власть и обмануть народ.

Советское руководство располагало информацией о реальном характере кронштадтского восстания, в том числе о том, что ни эсеры, ни меньшевики, ни зарубежные силы в нем не принимали участия. Тем не менее создавалась фальсифицированная версия о том, что кронштадтские события были делом рук эсеров, меньшевиков и международного империализма. Под официальную версию были подготовлены чекистами конспекты показаний группы мятежников. Роли были расписаны заранее: бывший генерал Козловский должен был свидетельствовать о связях с зарубежными центрами и белогвардейцами; Петриченко отводилась роль анархиста, организатора связей с махновским движением; некий матрос Кирсеев выступал в качестве закоренелого бандита, недовольного конфискациями продуктов заградотрядами; Путилин, «отец Сергей», бывший священник, после революции отказавшийся от сана, подходил на роль эсера и священника (до начала восстания он работал руководителем литературного кружка в Кронштадтском гарнизонном клубе — он писал основные публицистические сочинения Известий ревкома), анонимный шпион Антанты (по легенде — фамилию скрывал) удостоверил бы империалистические нити заговора [5: 363—365]. Все это свидетельствует о том, что отработывалась подготовка публичного судебного процесса над мятежным Кронштадтом, однако данная идея провалилась.

ВЧК каких-либо достоверных данных не обнаружила. Руководитель следственной бригады ВЧК Я. Агранов¹⁶ в своем докладе президиуму ВЧК писал: «Задачей моего расследования было выяснение роли отдельных партий и групп в возникновении и развитии восстания и связи организаторов и вдохновителей этого восстания контрреволюционными партиями и организациями, действующими на территории Советской России и за рубежом. Но установить подобные связи не удалось». Агранов оправдывал невозможность выяснения чекистами партийной принадлежности членов ревкома тем, что «члены ревкома, как и все участники мятежа, тщательно скрывали свою

¹⁶ Агранов С. С. (1893–1938) в 1919–1920 гг. — секретарь Совнаркома. Одновременно с мая 1919 г. — особоуполномоченный при Президиуме ВЧК. В 1923–1937 гг. на руководящих должностях в ОГПУ–НКВД. Расстрелян.

партийную физиономию под флагом беспартийности». Аналогичное заключение Агранова касалось политической позиции штаба крепости: установить ее не удалось, так как штаб также «тщательно ее скрывал» [5: 235, 238, 242].

Выводы следственной комиссии ВЧК основывались на показаниях небольшой группы захваченных: трех членов ревкома — С. Вершинина (заведовал агитпунктом в ревкоме), В. Валька (ведет гражданским отделом), П. Перепелкина (руководил агитационным отделом), сотрудников редакции Известий ревкома Е. Владимирова и А. Ламанова, а также нескольких военспецов (С. Дмитриев, П. Зеленой, Б. Карпинский) — большинство руководителей восстания вместе с 8 тыс. мятежников ушли по льду в Финляндию.

Среди членов ревкома лишь Вальк, выходец из крестьян Витебской губернии, мастер Кронштадтского лесопильного завода, являлся, по его признанию на допросе, членом меньшевистской партии с 1907 г. Однако данная кандидатура представлялась сомнительной для раздувания версии организации заговора меньшевистскими партиями. На заседании ревкома 13 марта Валька чуть было не выгнали из его состава за пьянство «при исполнении служебных обязанностей», но ограничились выговором и сохранением данного факта в тайне. Путаные показания Валька не могли продемонстрировать яркую иллюстрацию антибольшевистского заговора: с 1902 г. он никуда не выезжал из Кронштадта, кроме Петрограда и родной деревни. По его признанию, примыкая к меньшевикам-интернационалистам, «с фракцией не выступал». При этом Вальк особо подчеркивал, что в ревком избран от рабочих своего завода, а не от партии меньшевиков, которой в Кронштадте не существовало с 1919 г. Вальк показал: восстание проходило под флагом беспартийности, все активные его деятели «не открывали своих партийных симпатий». Допрашиваемый следователями из бригады Агранова, Вальк предположил, что Петриченко мог быть эсером, член ревкома Тукин — социал-демократом, командант тюрьмы Шустов — анархистом (со слов последнего), заведующий Кронштадтским совнархозом Захаров — меньшевик. Вальк сделал заявление, что именно беспартийность ревкома являлась следствием неорганизованности при решении вопросов социального устройства и экономической жизни, неопределенность программы и тактики восставшего Кронштадта [5: 296, 300—301].

Один из фактических руководителей Известий ревкома, бывший в 1917 г. председатель Кронштадтского Совета А. Ламанов (в 1919 г. вступил в партию эсеров-максималистов, затем в течение г. числился в РКП, в начале восстания в числе первых подал заявление о выходе из партии) высказал на допросе предположение, что Петриченко — левый эсер, член ревкома Романенко — меньшевик. Подобный метод построения доказательств на основе показаний арестованных (можно предположить, с использованием приемов выбивания

нужных свидетельств)¹⁷ позволил доложить президиуму ВЧК также информацию о причастности члена ревкома Орешина и сотрудника редакции Известий ревкома Путилина к партии народных социалистов, сотрудника редакции Известий Ламанова — к эсерам-максималистам [5: 235, 354].

Подавление восстания в Кронштадте явилось своеобразным учебным полигоном для подавления вооруженных выступлений против советской власти. Из различных регионов страны в Петроград стягивались боеспособные войска, заградительные отряды, бронепоезда, авиасредства, тяжелая артиллерия. 11 марта группировка войск состояла из 15 998 штыков, 354 сабель, не считая прибывших в Петергоф 80-й бригады 27-й дивизии, 499-го и 501-го полков 167-й бригады (17). В подготовке и организации штурма кронштадтской крепости наращивали практический военный опыт гражданской войны советские военачальники М. Тухачевский, Я. Фабрициус, И. Федько, П. Дыбенко, В. Путьна.

На Кронштадте отрабатывались тактические приемы использования против мятежников авиации (разведка, бомбежки, агитация). Аэропланы сбрасывали листовки, производили ежедневные бомбардировки кораблей и городских объектов: так, 8 марта было сброшено 5 бомб весом более 4-х пудов на мятежные линкоры и 14 бомб на гавань и другие суда [18; 5: 77, 150].

Для организации политической работы в войсках была объявлена мобилизация коммунистов из регионов. Не менее 279 делегатов X съезда РКП(б) (почти треть) приняли личное участие в штурме крепости. Из состава делегатов партсъезда назначались особоуполномоченные в воинские части: А. Бубнов — в политотдел Южной группы, В. Затонский — в Сводную дивизию, Г. Пятаков — в 27-ю дивизию, С. Сырцов¹⁸ — помощником начальника политотдела Южной группы. К. Ворошилов получил назначение военно-политическим комиссаром Южной группы, А. Седякин — командующим Южной группы.

Особую активность проявила ВЧК. Органы ЧК внедряли своих агентов в воинские части. Отличившиеся награждались ценными подарками. В пропагандистской работе широко использовались методы провокаций: под видом перебежчиков из Кронштадта агенты ЧК дезинформировали и запугивали красноармейцев описаниями жестокостей и безобразий, творимых в крепости. Вслед за штурмую-

¹⁷ Решением президиума Петроградской ЧК от 20 апреля 1921 г. все захваченные члены ревкома, сотрудники Известий ревкома, военспецы были приговорены к расстрелу. Можно предположить, что свидетели планируемого процесса оказались лишними.

¹⁸ Сырцов С. И. — один из главных организаторов рассказывания на Дону в 1919 г., председатель Донбюро РКП(б), в 1920–1921 гг. — секретарь Одесского губкома РКП(б).

щими советскими частями расставлялись цепи заградительных отрядов для сдерживания и отлова отступающих.

Чтобы исключить возможность поддержки мятежников со стороны моряков Балтийского флота, была проведена масштабная операция по «обезвреживанию»: отправка нескольких тысяч моряков (4 эшелона) 7 и 8 марта с Балтики на Азовское и Черное моря. Когда 4-й эшелон отказался выехать из Петрограда — матросов загоняли в вагоны при помощи войск [19].

Командарм Тухачевский прекрасно представлял себе сложность поставленной перед ним задачи как в военном отношении, так и социально-политическом. 10 марта в письме Ленину Тухачевский назвал выполнение возложенной на него функции в Петрограде «преприятной задачей» [20]. Выполнялась она с непоколебимой решимостью. В приказе Тухачевского о штурме Кронштадта требовалось «в городе широко применять артиллерию в уличном бою. Артиллерийскому штабу атаковать «Петропавловск» и «Севастополь» удушливыми газами и ядовитыми снарядами» [21]. В специальной Инструкции по штурму устанавливалось: при взятии фортов «жестoko расправляться с мятежниками, расстреливая без всякого сожаления там находящихся бойцов... В бою на улицах Кронштадта... всех вооруженных стрелять, пленными не увлекаться, ... ни в какие разговоры и переговоры с мятежниками не вступать [22]. Трибунал и Комдезертир получили приказ «не стесняться с расстрелами» [5: 207].

Советское командование столкнулось с нежеланием красноармейцев ввязываться в братоубийственную бойню. В ходе первого штурма 7-8 марта, закончившегося провалом, в Южной группе войск 561-й стрелковый полк отказался подчиниться приказу о штурме крепости, один батальон перешел на сторону мятежных кронштадтцев. В Северной группе отказались наступать считавшиеся надежными 1-й и 2-й батальоны петроградских курсантов — слушателей курсов командного состава. Лишь после того, как две роты курсантов были отведены в тыл, с трудом удалось заставить молодых красных командиров идти на штурм крепости [23].

Протест крестьян, одетых в солдатские шинели, продемонстрировали бойцы боеспособной и дисциплинированной 27-й Омской стрелковой дивизии, успешно сражавшейся против колчаковцев и белополяков. Полки дивизии Тухачевский называл «Славными и Победоносными»: вместе с ними он участвовал во взятии Челябинска и Омска, наступлении на Варшаву. Но неожиданно по прибытии 235-го Невельского, 236-го Оршанского и 237-го Минского полков 79-й бригады, переброшенных с Западного фронта, в прославленных полках, получивших именные знамена и персональные наименования, начались массовые волнения и митинги протеста — солдаты отказывались наступать на Кронштадт. Командиры утверждали: они не узнавали своих частей и не знали, как это объяснить. За отказ штурмо-

вать крепость полки разоружили, были произведены многочислен-
ные аресты и суды. Только 14 марта постановлением чрезвычайной
тройки был приговорен к расстрелу 41 красноармеец Минского полка.
15 марта та же участь постигла 33 красноармейцев Невельского
полка. Приговоры зачитывались «всем ротам и командирам». Жест-
кими методами дисциплину наладили — полкам возвратили Револю-
ционные Знамена и оружие [24; 5: 14, 175].

Успех штурма Кронштадта К. Ворошилов оценил требованием
перед Оргбюро ЦК РКП(б) о массовом награждении участников крон-
штадтских боев, в частности, выдачей до 100 орденов Красного Зна-
мени делегатам X съезда партии. Награждение орденами частично
заменяли золотыми часами, серебряными портсигарами и другими
ценными подарками [25].

Советское руководство оказалось вынуждено учесть уроки Крон-
штадта. Примечательно заключение, сделанное в президиуме ВЧК:
«при термидорианских настроениях беспартийные конференции мо-
гут стать опасным оружием в руках наших противников, пытающихся
использовать настроение масс под флагом беспартийности. К созыву
подобных конференций следует относиться с чрезвычайной осторож-
ностью, так как в иной момент любая беспартийная конференция мо-
жет объявить себя стачечным или повстанческим комитетом» [5:242].
Политбюро ЦК РКП(б) специально рассматривало вопрос о кронш-
тадтских событиях трижды в апреле 1921 г. — 6, 12, 30 апреля, затем 25
июня и даже в 1922 г. — 12 октября [26:93, 94, 99, 108, 192].

Чрезвычайный трибунал провел несколько десятков открытых
судебных процессов. Особенно жестоко расправлялись с моряками
линкоров «Севастополь» и «Петропавловск». Удивительный истори-
ческий факт: даже сами корабли были репрессированы: «Петропав-
ловск» переименован в «Марат», «Севастополь» — в «Парижскую
коммуна»¹⁹. 20 марта слушалось дело по обвинению 13 человек с
линкора «Севастополь» в мятеже и вооруженном восстании. Всех
обвиняемых приговорили к расстрелу. Один из самых крупных от-
крытых процессов над моряками восставших линкоров состоялся 1/2
апреля. Перед ревтрибуналом предстали 64 человека. 23 из них при-
говорили к расстрелу, остальных — к пятнадцати и двадцати г.м тюрь-
мы. 20 марта на заседании чрезвычайной тройки слушалось дело по
обвинению 167 моряков линкора «Петропавловск». Всех приговорили
к расстрелу. На следующий день по постановлению чрезвычайной
тройки было расстреляно 32 моряка с «Петропавловска» и 39 —
с «Севастополя», а 24 марта по постановлению тройки расстреляли
еще 27 моряков. К лету 1921 г. к высшей мере наказания были приго-
ворены 2103 человека и к различным срокам наказания 6459 чело-

¹⁹18 марта 1921 г. (последний день Кронштадтского восстания) при-
шлось на 50-ю годовщину Парижской коммуны.

век. 1464 человека хотя и были освобождены, обвинения с них не были сняты. Арестам подверглись члены Временного бюро кронштадтской организации РКП: им не простили призыва к кронштадтским коммунистам поддерживать действия ВРК. По приговору чрезвычайной тройки шестерых членов Временного бюро приговорили к расстрелу.

С весны 1922 г. началось массовое выселение жителей Кронштадта. 1 февраля приступила к работе эвакуационная комиссия. Первая партия в 315 человек была выслана уже в марте 1922 г. Всего же было выслано 2514 человек, из которых 1963 как «кронмятежники» и члены их семей, а также 388 человек, не связанных с крепостью [5: 14—15, 342—343, 351—352, 367—368]²⁰.

Источники и примечания:

1. Шолохов М. Тихий Дон. Кн. 4. М., 1995.
2. Ленин В. И. X съезд РКП(б), март 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43.
3. Рыков А. И. Заключительное слово по докладу на 4 съезде СНХ 18 мая 1921 г. // Рыков А. И. Избранные произведения. М., 1990.
4. Рыков А. И. Доклад на 5 конгрессе Коминтерна 27 июня 1924 г. / / Рыков А. И. Избранные произведения.
5. Кронштадт 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / Сост. Наумов В. П., Косаковский А. А. М., 1997.
6. Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. М., 2003.
7. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. д. 368. Л. 519—525.
8. Офицерский корпус в политической истории России: Документы и материалы 1920—1925 гг. Т. 3. Калуга, 2003.
9. Вопросы истории. 1994. №4.
10. Троцкий Л. Д. Термидор (июль 1927 г.) // Архив Троцкого. Т. 4. М., 1990.
11. Троцкий Л. Д. Кронштадт (3 августа 1927 г.) // Архив Троцкого. Т. 4.
12. РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 530. Л. 129.
13. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3с. Д. 65. Л. 57.
14. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 167. Л. 19.
15. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 316. Л. 64.
16. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 167. Л. 23.
17. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. д. 368. Л. 519—525.

²⁰ В январе 1994 г. постановление Совета Труда и Оборона от 2 марта 1921 г., объявившее участников кронштадтских событий вне закона, было отменено указом Президента России, репрессии против кронштадтцев признаны незаконными.

18. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 167. Л. 50; Ф. 17. Оп. 3. Д. 167. Л. 49.
19. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 167. Л. 2, 7, 12.
20. РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24509. Л. 1.
21. РГВА. Ф. 190. Оп. 3. Д. 513. Л. 75.
22. РГВА. Ф. 190. Оп. 3. Д. 519. Л. 67.
23. РГВА. Ф. 33988. Оп. 3с. Д. 65. Л. 57; Ф. 263. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
24. РГВА. Ф. 190. Оп. 3. Д. 514. Л. 33.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 139. Л. 2.
26. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919—1952. Каталог. Т. 1. 1919—1929. М., 2000.
27. *Елизаров М. А.* Еще раз о причинах Кронштадтского восстания в марте 1921 г. // Отечественная история. 2004. № 1.

ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1921 Г.: ЗА СОВЕТЫ БЕЗ КОММУНИСТОВ

Западно-Сибирское восстание, датируемое февралем—апрелем 1921 г., охватило огромную территорию Западной Сибири, Зауралья и современного Казахстана (обобщенное наименование Западно-Сибирского получил фактически целый ряд восстаний). Данное событие являлось самым крупным из крестьянских восстаний в Советской России, направленных против военно-коммунистической политики большевиков, как по численности участников, так и территории [1].

Приводятся разные количественные данные: разброс весьма широкий — 40 тыс. — 70 тыс. — 100 тыс. — даже до 150 тыс. Боевые действия, которые велись в феврале—апреле 1921 г. на охваченной восстаниями территории, по своим масштабам и военно-политическим результатам вполне приравниваются к фронтовой операции периода гражданской войны, в подавлении восстаний были задействованы вооруженные силы, достигавшие численности полевой советской армии.

Беспочвенны утверждения о решающей роли в подготовке восстания контрреволюционных заговоров в Тюмени, Ишиме и Тобольске, о влиянии в Тюменской губернии Сибирского крестьянского союза как организатора контрреволюционной работы, опиравшегося на якобы зажиточность западносибирского крестьянства и высокий удельный вес кулачества в его составе¹.

Характерны следующие документальные свидетельства: до начала Западно-Сибирского восстания, осенью 1920 г. уцелевшие остатки представителей небольшевистских партий находились на учете ВЧК (выше отмечалось, что в Тюменской губчека в сентябре 1920 г. на учете значилось 128 меньшевиков и эсеров). Одним из основных центров повстанческого движения, где партизанские действия не утихали до 1922 г., являлись Ишимский и Ялуторовский уезды Тюменской губернии. В сводке Ишимского уездного исполкома советов губернскому руководству (сентябрь 1921 г.) сообщалось, что в ходе крестьянских восстаний влияния политических партий (меньшевиков, эсеров и т. д.) не наблюдалось. По докладу руководства Ялуторовского уезда Тюменскому губисполкому в ноябре 1921 г., влияния какой-

¹ Показательно, что в Алтайской губернии восстание не состоялось, хотя крестьянство было более зажиточным, чем тюменское, к тому же существовала (в отличие от Тюменской губернии) достаточно широкая сеть ячеек Сибирского крестьянского союза [2:9, 10, 14, 15, 24].

либо партии на крестьян не было, так как меньшевики и эсеры преследовались бандитами так же, как и коммунисты, «боялись в уезд показать нос» [2:527, 545].

В числе главных причин, вызвавших Западно-Сибирское протестное выступление крестьянства, выступало недовольство крестьян политикой «военного коммунизма» (продразверстками, мобилизациями, трудовыми повинностями), которая не учитывала реальные интересы и возможности крестьянства, а также возмущение методами осуществления этой политики советской властью, произволом сотрудников продовольственных органов (нередко их жестокость превосходила прежние методы колчаковских карателей, которые в свое время испытал сибирский крестьянин). Продовольственная политика местных властей, проводившаяся в Тюменской губернии, не принимала во внимание обстоятельство, что тюменское крестьянство находилось на краю голода и не имело семян для посева.

20 июля 1920 г. Совнарком издал декрет «Об изъятии хлебных излишков в Сибири», в соответствии с которым сибирские губернии, освобожденные от власти Колчака, должны были с 1 августа 1920 г. до 1 марта 1921 г. сдать по продразверстке 110 млн пуд, хлеба, что составляло треть общереспубликанского задания [3:764]. Размер продразверстки на крестьянские хозяйства устанавливался без учета излишков и возможностей крестьянского двора, распределялся по количеству крестьянских душ. Это нашло свое яркое выражение в Тюменской губернии, особенно в ее южных уездах — Ишимском и Ялуторовском.

В Тюменской губернии осенью 1920 г. разверстка проводилась впервые за время существования советской власти. Задание Наркомпрода для губернии составляло 6,5 млн пудов хлеба. Помимо государственной разверстки, Тюменским губпродкомом была установлена дополнительно внутренняя разверстка для создания фонда бедноты — 900 тыс. пудов [2: 131].

Руководство Тюменской губернии восприняло задание Наркомпрода как боевой приказ. В постановлении Тюменского губисполкома о разверстке от 3 сентября 1920 г. в тоне военного приказа утверждалась установка: размер разверстки не подлежит никакому обсуждению. Губпродкомиссар Г. С. Инденбаум направил циркулярное письмо продработникам губернии с неукоснительным требованием: «Ни минуты колебания по выполнению разверстки в деревне» [2:31, 33].

В соответствии с данными установками 8 сентября 1920 г. губпродком разработал специальную инструкцию по выполнению разверстки. Волисполкомам, получившим приказ о разверстке от упродкома, определялся пятидневный срок для проведения разверстки между отдельными селами.

Инструкция регламентировала действия местных органов советс-

кой власти: после определения разверстки по каждому селению в отдельности производилась государственная и внутренняя разверстка на отдельные хозяйства по подворным спискам: составлялись подробные именные списки (с указанием сельского общества, имени, фамилии, количества подлежащего сдаче хлеба), оформлялись расписки с определением срока сдачи. Именной список представлялся на ближайший ссыпной пункт, копия направлялась в волисполком. За выполнение всех перечисленных мероприятий отвечали персонально члены волостных исполкомов.

Устанавливалась норма, оставляемая в крестьянском хозяйстве при определении хлебной разверстки: на пропитание членов семьи — 13, 2 пуда, на посев — 12 пудов на десятину, для рабочих лошадей — 18 пудов, жеребят — 5 пудов, коровам — 9 пудов, телятам — 5 пудов.

Количество нормативных «пайков» для рабочего скота имело двойную привязку. Во-первых, к объему пашни: имеющему размер надела от одной до 3 десятин предназначался «паек» на одну лошадь, от 4 до 6 десятин — на одну лошадь и одного жеребенка, от 6 до 10 десятин — на 2 лошади и 2 жеребенка, от 11 до 15 десятин — на 3 лошади и 3 жеребенка. Подобное исчисление преследовало цель — рабочий скот должен максимально эксплуатироваться крестьянином на сельскохозяйственных работах. Но одновременно действовала и другая методика исчисления нормы, имеющая привязку к количеству членов семьи: в хозяйстве одинокого человека норма для скота не оставлялась вообще, семья из 2—3 человек могла рассчитывать на получение нормы для одного теленка, семья из 4—7 человек — на одну корову и одного теленка, крестьянская семья из 8—11 человек — на 2-х коров и 2-х телят, семья из 12—15 человек — на 3-х коров, 3-х телят.

Весь хлеб, поступающий от внутренней разверстки по волостям, подлежал сначала сосредоточению в волостном центре, только затем под контролем волисполкома мог выдаваться неимуществу населению, причем только на один месяц [2:35-36].

В крестьянской среде перечисленные нормы получили наименование как «голодная норма»: их хватало только на полуголодное пропитание, при этом не учитывались затраты и издержки тяжелого физического труда в сельскохозяйственном производстве — как людей, так и рабочего скота.

Неимущее сельское население губернии, не имеющее собственных запасов хлеба, должно было обеспечиваться за счет внутренней разверстки — излишков, оставшихся у более зажиточных крестьян сверх норматива по государственной разверстке и собственного потребления. Конечно, ни один крепкий хозяин не горел желанием добровольно расстаться с «излишками» как по государственной разверстке, так и по фактически повторной разверстке — внутренней.

Крестьянская беднота, чтобы получить хлеб, должна была доби-

раться в волостной центр, выстаивать очередь в продконторе, доставлять полученный хлеб домой — на все это растрчивалось много времени и сил, столь необходимых в полевой сезон. Для бедняцких хозяйств, если они имели свой хлеб, чтобы протянуть какое-то время, исчисление выдачи хлеба из волостных закромов основывалось на пониженной норме — 9-пудовой.

12 октября 1920 г. Тюменский губпродком детально регламентировал порядок сбора внутренней хлебофуражной разверстки. Внутренняя разверстка определялась как извлечение излишков, оставшихся у кулака, середняка и бедняка сверх количества государственной разверстки и собственных нужд по установленной норме. Причем внутренняя разверстка производилась параллельно с государственной.

Порядок распределения продуктов был следующий: для получения пайка сельские советы составляли именные списки хозяйств, действительно нуждающихся в хлебе, с указанием количества едоков и количества недостающего хлеба — продовольственного и посевного отдельно — и представляли данные списки в волисполкомы с соответствующим ходатайством. Волисполком, получив от сельсоветов списки нуждающихся в хлебе, составлял общий список по волости и представлял его в уездный продком, опять же с соответствующим ходатайством об отпуске хлеба для бедняцкого населения. Упродком, получивший списки от волисполкомов, составлял сводный список по уезду и представлял его в следующую вышестоящую инстанцию — в губернский продовольственный комитет. Отдел распределения губпродкома, получив списки от упродкомов, разрабатывал годовой план снабжения неимущего населения губернии и распределял ежемесячно наряды каждому упродкому на отпуск хлеба из волостных продконтор, о чем для сведения уведомлялись волисполкомы и продконторы [2:37].

Подобная «трансфертная» бюрократическая система создавала благоприятную почву для всевозможных форм нецелевого использования хлебных запасов, разбазаривания и воровства, что на практике имело широкое распространение.

Губернские власти создали еще один административный инструмент для выполнения разверстки под названием «товарная блокада». Один и тот же орган, ответственный за продразверстку, губпродком, сосредоточил в своих руках распределение необходимых для крестьянства товаров первой необходимости — соли, спичек, керосина, мыла, гвоздей, обуви и т. п.

7 сентября 1920 г. было объявлено об установлении в губернии товарной блокады. Суть ее сводилась к следующему: сельские общества или волости, выполнившие все разверстки к установленному сроку полностью, могли получить товарный паек в полуторном размере; выполнившие разверстки в размере 50% хлебной, 25% мясной, 25% овощной, 25% по птице, 25% сырьевой и 25% сеной, полу-

чали товарный паек в одинарном размере; выполнившие разверстки в размере 50% хлебной, 25% мясной и 25% всех остальных разверсток, взятых вместе, получали товарный паек в половинном размере. Если процент выполненной разверстки в сельских обществах или волостях оказывался меньше перечисленных выше, товары не выдавались. Допускалось засчитывать одну разверстку за другую в процентном соотношении, за исключением хлебной: хлебная разверстка являлась главной и требовала обязательного выполнения [2: 34].

Установленная губпродкомом полуторная норма (довольно скудная сама по себе) является свидетельством того, что губернские власти заранее предвидели невозможность 100-процентного выполнения всех заданий — это было невозможно. Кроме разверстки на хлеб, зернофураж и масличные семена, в Тюменской губернии были введены разверстки на картофель (27 августа 1920 г.), мед (2 сентября), птицу (3 сентября), крупный и мелкий рогатый скот, свиней (6 сентября), кожу и шерсть (13 сентября), льноволокно и пеньку (14 сентября 1920 г.) и другие продукты сельскохозяйственного производства. Разверстывались задания на табак, щетину, рога, копыта, хвосты, гривы. Всего к началу 1921 г. в Тюменской области существовало 34 вида разверсток (2:649—650), ложившихся непосильным грузом на крестьянство. Каждую разверстку сопровождала одинаковая по установкам инструкция: так, в приказе губисполкома и губпродкома №59 от 28 октября 1920 г. говорилось: «разверстка на шерсть — боевой приказ. Немедленно провести раскладку на отдельные хозяйства со вручением каждому особой повестки» [2:40].

Руководство губернии требовало от уездных и волостных партийных, советских органов, продкомов: поставленную Наркомпродом «боевую задачу» по выполнению всех разверсток продовольствия и сырья осуществить в кратчайший срок — не позднее 1 декабря 1920 г. Объявлялось, что заявления крестьян о неимении обмолоченного зерна не могут служить оправданием. Продработники, не выполнившие задания, подлежали аресту. В направленной на места телеграмме подчеркивалось: «Будьте жестоки и беспощадны ко всем волисполкомам, сельсоветам, которые будут потворствовать невыполнению разверсток. Давайте определенные боевые письменные задачи волисполкомам и к не выполнившим применяйте, помимо ареста волисполкомов, конфискацию всего имущества. Уничтожайте целиком в пользу обществ хозяйство тех лиц, кои будут потворствовать невыполнению разверстки. Уничтожайте железной рукой все тормозы, дезорганизующие вашу работу» [2:38-39].

Губернский продкомитет получил практически неограниченные права, санкционированные губисполкомом, даже губчека остался в стороне. Председатель Тюменской чрезвычайной комиссии П. И. Студитов докладывал руководству о фактах «преступной работы продорганов», «грубых ошибках губпродкомиссара» [2:613,

615]. Руководил губпродкомом Г. С. Инденбаум². С 31 августа 1920 г. он занимал должность тюменского губпродкомиссара. Инденбаум отличился чрезвычайно жесткими (точнее — жестокими) методами руководства. Когда стало ясно, что выполнить продразверстку к 1 декабря не удастся, он приказал выполнить все разверстки, не останавливаясь ни перед чем, назначил новый срок — не позднее 25 декабря: «Должна быть самая беспощадная расправа вплоть до объявления всего наличного хлеба деревни конфискованным», население допускалось оставить «на голодной норме» (2:653). Председатель тюменской ЧК жаловался на Инденбаума: когда Студитов обратил внимание руководства губисполкома на произвол продработников, Инденбаум ответил: «Мы будем действовать самостоятельно, а если будет контрреволюция, тогда мы попросим Вас для ликвидации» [2: 614].

Для иллюстрации методов и стиля деятельности губпродкома приведем характерный текст приказа данного ведомства № 251 от 5 ноября 1920 г.: «Председатель сельсовета села Каменка Каменской волости Тюменского уезда тов. Шишелякин Алексей Федорович мною арестован и предан суду военно-революционного трибунала за противодействие государственной разверстке.

В Каменскую волость направить немедленно отряд, в течение трех суток выполнить разверстку в двойном размере против первоначально наложенной. У арестованного председателя тов. Шишелякина конфисковать все его имущество, заключающееся в живом и мертвом инвентаре.

Проведение этого приказа в жизнь возлагаю персонально на комиссара Тюменской продконторы тов. Сычева и председателя волысполкома Каменской волости. Настоящий факт широко опубликовать в местной прессе.

Предупреждаю, что за противодействие разверстке виновные будут мной караться самым беспощадным способом. Губпродкомиссар Инденбаум» [2: 42].

Столь же показателен текст распоряжения члена коллегии Тюменского губпродкома Я. З. Маерса волостным уполномоченным по проведению разверсток в Ишимском продовольственном районе. Товарищ Инденбаум в декабре 1920 г. инструктировал местных продработников: «Церемониться нечего, надо быть чрезвычайно твердым и жестоким и изъять хлеб, который разверстан по вашей волости. Вы должны твердо помнить, что разверстки должны быть выполнены, не

²Инденбаум Г. С. — большевик с 1915 г., имел среднетехническое образование. В начале декабря 1920 г. на 2-м Тюменском губернском съезде советов Инденбаум был избран членом губисполкома, 14 декабря — членом его президиума. В начале февраля 1921 г. во время служебной командировки был взят в плен вместе с отрядом сопровождавших его красноармейцев мятежниками Тоболтуринской волости Тобольского уезда и расстрелян в соответствии с решением повстанцев.

считаясь с последствием, вплоть до конфискации всего хлеба в деревне, оставляя производителю голодную норму» [2: 59].

Любой советский работник мог быть обвинен в пресловутом «противодействии разверстке» и жестоко наказан. На практике это было нередким явлением. Председатель Чуртановского волисполкома Ишимского уезда Г. И. Знаменщиков был арестован продотрядом, посажен в холодный подвал с другими арестованными. В это время имущество в его хозяйстве, рабочий скот конфисковали без соблюдения всяких правил, выгребли весь хлеб, включая семенной, не оставив семье даже нормы. Не обратили внимания на наличие в семье грудных детей [2:56—57]. Неудивительно поэтому, что в рядах тюменских повстанцев и их руководителей часто встречались бывшие работники местных советских и военных органов. Если государственная власть таким образом относилась к работникам собственного аппарата управления, кем был в ее глазах рядовой гражданин — крестьянин?

Местные органы были поставлены в условия, когда невыполнение заданий вышестоящего руководства, вне зависимости от объективных условий и возможности их выполнения, объявлялось преступным. Однако и среди местных работников было немало таких, кто не только выполнял полученные инструкции, не считаясь ни с чем, но и проявлял еще большую инициативу и рвение — на местах произвол и беззаконие стали привычным явлением.

Советские органы в уездах, волостях, приученные вышестоящими инстанциями к командам в военном тоне приказов и циркуляров в продовольственной политике, быстро переняли подобные методы. Так, заведующий продовольственной конторой № 20 Тобольского уезда направил 24 ноября 1920 г. в адрес всех уездных волисполкомов распоряжение: волисполкомам надлежит предъявить категорическое требование ко всем не выполняющим разверстку, не принимая от них никаких отговорок; если же кто явно не желает выполнить разверстку, то к нему надлежит применять самые строгие меры вплоть до конфискации имущества и предания суду, в противном случае вся ответственность будет возложена на председателя волисполкома вплоть до предания его суду ревтрибунала [2:47].

В Ишимском уезде в декабре 1920 г. создали уездную чрезвычайную тройку с участием руководителей уездных комитетов партии, исполкома и продовольствия. Тройка получила чрезвычайные полномочия в проведении продовольственных разверсток. В приказе тройки № 1 требовалось полностью выполнить все разверстки по уезду к исходу первых семи суток нового 1921 г. Никакие оправдания о невыполнении разверсток не принимались, тем более категорически запрещалась посылка ходоков, делегаций с ходатайством о продлении срока или уменьшении разверсток. Последним грозил арест и направление на принудительные работы. С целью обеспече-

ния выполнения хлебных разверсток в указанный срок все мельницы в Ишимском уезде (паровые, водяные, ветряные), за исключением мельниц, размалывающих государственное зерно, закрывались и размол зерна для личного потребления запрещался [2:84].

На местах командовали и отдавали приказы и чрезвычайные тройки, и заведующие продконторами, и продкомы, и продкомиссары, и чрезвычайные уполномоченные. Продработники по собственному усмотрению разгоняли и арестовывали волисполкомы и сельсоветы, объявляли ту или иную волость на военном положении, создавали ревкомы.

Хлеб забирали, не оставляя нормы. Чрезвычайный уполномоченный губпродкома в Ишимском уезде Абабков Никифор приказал Дубыньскому волисполкому любой ценой выполнить госразверстку, не соблюдая никакие нормы, оставляя продовольствие лишь на первое время на едока по 1 пуду с небольшим зерна. Приехав в село Бердюжье, он избил заведующего Бердюжинской продконторой. За время своего пребывания в селе Уктуз Абабков избил члена Уктузского волисполкома, представителей местной власти. Продотряд Абабкова наносил побои всем арестованным, по распоряжению Абабкова 56 арестованных крестьян оказались почти все избитыми, у некоторых были проломы в голове. Вызывая на допрос, Абабков не давал никому объясниться ради оправдания, тут же избивал, а потом приказывал отправить в холодный амбар, сняв зимнюю одежду, тулупы, которые Абабков забирал и раздавал красноармейцам своего отряда. Другой уполномоченный губпродкома, Абабков Иван отдавал приказы бойцам продотряда стрелять над головами толпы, избивать женщин прикладами, производил массовые аресты без предъявления обвинений. [2: 70, 82, 112—113].

Уполномоченный губернской чрезвычайной тройки М. Мальцев имел обыкновение вынимать из кобуры револьвер и угрожал расстрелами. Райпродкомиссар Бердюжского района Г. Корепанов арестовал 5 членов сельсовета села Уктуз Уктузской волости. Сельсовет в селе Песьяны Безруковской волости был арестован военным комиссаром Марковым. Арестами занимались комиссары продотрядов, комиссары внутренних и регулярных войск [2: 71, 73, 83].

Инструкторы по продразверстке Успенской волости Тюменского уезда Баталов и Орлов за невыполнение разверстки по шерсти в селе Успенском конфисковали всех 200 овец. В Нердинскую волость этого же уезда 17 декабря прибыл комиссар Иевлевской продконторы К. Крутиков с отрядом для организации шерстяной разверстки. Комиссар распорядился произвести обыски у тех, кто не выполнил разверстку по шерсти. Когда продотрядовцы пришли в дом к Аптулле Аймайтандинову, у него шерсти не оказалось. Несмотря на то, что Аймайтандинов бедняк, комиссар Крутиков забрал тулуп, который висел на стене. После отъезда этот тулуп Крутиков надел на себя, а

собственный рваный приказал сдать в Иевлевскую продконтору, но рваный комиссарский тулуп не был принят [2: 68, 69]. У крестьян отбирали одежду и обувь.

Обыденным явлением в деятельности органов власти стали взятия заложников до выполнения разверстки, конфискации имущества без соблюдения каких-либо правил, даже у семей красноармейцев. Хлеб выгребался полностью, не учитывалось ни семейное положение, ни наличие грудных детей.

Тюменский хлеб урожая 1920 г., отличавшийся невысоким качеством, зачастую ссыпался со снегом и льдом. У большинства крестьян зерно находилось в скирдах, особенно в красноармейских семьях — некому было обмолотить хлеб, мужское население несло службу в Красной армии или выполняло трудовые повинности, особенно на заготовке топлива.

Среднее крестьянство как основной слой сибирских крестьян являлось наиболее исправным плательщиком разверсток, у многих сыновья ушли в Красную армию добровольцами. Оно несло на себе основной груз разверсток. На среднем крестьянстве больше всего сказывались издержки военно-коммунистической продовольственной политики. Помимо многих видов разверсток, на среднем крестьянстве держались тяготы трудовых повинностей. Для выполнения трудповинностей, особенно гужевой, лесозаготовительной требовались крестьянские лошади, подводы, а также собственный фураж. По норме хлебофуражной подразверстки у крестьян оставался запас фуража лишь на содержание лошадей и для засева, на проведение лесозаготовок продорганами фуража на рабочих лошадях не оставлялось. В производящих уездах получался замкнутый круг: фураж для выполнения трудовой повинности не выдавался.

Чрезвычайный уполномоченный в Ишимском уезде В. Соколов без всякого основания проводил конфискации лошадей у крестьян-средняков, включая семьи красноармейцев, поскольку они в его глазах были кулаками. Нарсуды оказались завалены аналогичными заявлениями крестьян с жалобами на произвол представителей власти. Один из следователей информировал ишимских чекистов: «Я не знаю, что делать... осаждают население подобными жалобами» [2: 64].

В хозяйстве многодетного крестьянина-средняка Олькова из деревни Больше-Бокова Готопутовской волости (семеро детей, в том числе один в Красной армии) конфисковали весь скот, хотя разверстка была выполнена, причем с ущербом для хозяйства. Грамотная соседка от имени Марфы Ольковой написала письмо ишимскому уездному продкомиссару: «Чем же должна существовать советская Россия в будущем, — спрашивала крестьянка продкомиссара, — если вы сейчас в корень разоряете среднее хозяйство, которое является оплотом республики?» [2: 61].

На ссыпные пункты собирался весь имеющийся хлеб, в том чис-

ле семенной. На совещании продовольственных работников Петуховского района Ишимского уезда в декабре 1920 г. уполномоченный губпродкома С. Дадурин сделал заявление: «Мы даже сейчас не можем сказать с уверенностью, что хлеб уже не горит, так как проверить его при помощи шупа нет возможности, ибо шуп невозможно загнать даже на 3 аршина в глубину, потому что внизу хлеб смерзся». Не лучше обстояло и с другими продуктами, в частности, с мясом, пушниной [2: 69].

При невыполнении разверстки к назначенному сроку на неплательщиков налагался двойной размер разверстки. Произвол продотрядов и продработников сопровождался применением оружия и поркой плетьюми. Один из таких случаев был обжалован Больше-Ярковским сельским советом Казанской волости Ишимского уезда — факт незаконных действиях начальника продотряда Гуляева и ишимского райпродкомиссара И. Гущина, применявших оружие и порку плетьюми [2: 58].

В губернии, по примеру Ишимского уезда, устанавливалась круговая порука сельских обществ: в случае обнаружения скрытого хлеба у одного члена общества проводилась конфискация его у всего общества, не считаясь ни с какими мерами. Один из характерных примеров наказания связан с провинившейся перед губпродкомом Юргинской волостью Ялуторовского уезда, для которой произвольно увеличили разверстку дополнительно на 50% [2: 105—106].

Арестованные заложники освобождались только после выполнения разверстки всем обществом. В 8 волостях Ишимского уезда (Локтинской, Теплодубровской, Ларихинской, Казанской, Аромашевской, Ражевской, Усовской, Больше-Сорокинской) в декабре были арестованы все, кого отнесли к кулакам, в качестве заложников до выполнения всем уездом плана разверстки. Уполномоченный по подразверстке А. Братков выпустил циркуляр сельсоветам Локтинской волости с предупреждением: в случае восстаний деревни будут сжигаться [2: 49, 51, 53, 57, 59, 88—89, 90, 97].

Хлебофуражная разверстка в Ишимском уезде, основанная на насильственно-приказных методах, была выполнена 5 января 1921 г. На следующий день тюменский губпродкомиссар Инденбаум телеграфировал в Наркомпрод об ударном выполнении Тюменской губернией государственной разверстки хлеба и зернофуража на 102 процента (6600 тыс. пудов) 6 января в 2 часа дня. Разверстку масличных семян перевыполнили — 150 процентов. 130 наиболее отличившихся продработников губернии премировались костюмами [2: 97, 100, 109].

В связи с выполнением хлебной разверстки получили освобождение заложники. Ишимский уездный продовольственный комитет 10 января 1921 г. издал приказ: освободить ввиду выполнения 100% хлебной разверстки председателя Песьяновского сельского совета т. Чистякова, членов совета Серебренникова, Чалкова, Угрюмова и Вараксина, арестованных за отказ выполнить государственную развер-

стку, и граждан того же села, арестованных как заложников, тт. Коро- таева, Оверина, Каргаполова и Мальцева с сего числа [2: 107].

Губернские власти придумали красивое политическое обрамле- ние по случаю выполнения хлебной продразверстки, рассчитанное на общественный резонанс. По предложению губпродколлегии крест- тыане, арестованные в процессе продразверстки, получили амни- стию — данный акт проводился как общегубернское мероприятие с политическим подтекстом — демонстрацией гуманной воли со сто- роны государства в отношении крестьянства: освобождение проходи- ло в установленное время — 20 января 1921 г. в 6 часов вечера. В ходе масштабного освобождения советская власть не могла позабыть так- же о собственной классовой природе: в отдельное производство вы- делялась небольшая часть дел, которые должны были вылиться в пока- зательный громкий судебно-политический процесс [2: 113].

Рапорт об успешном досрочном выполнении хлебной государ- ственной разверстки заслонил собой провал плана внутренней раз- верстки, предназначенной для обеспечения неимущих слоев населе- ния: мясная внутренняя разверстка оказалась выполнена на 79%, яичная — на 47%, масляная — 43% [2: 131—132].

Тюменский губисполком и губпродком 22 января 1921 г. издали постановление о внутренней разверстке хлеба. По сути решение про- блемы обеспечения беднейшего крестьянства хлебом спускалось на уровень уездов: необходимое количество хлеба для снабжения бед- нейшего населения каждый уездный продком был обязан самостоя- тельно изъять из волостей посредством внутренней разверстки и пе- рераспределить хлеб среди нуждающихся волостей. Указанный при- каз содержал лукавую формулировку по поводу наличия в деревне неисчерпанного источника: деревенское зажиточное население не поддается никакому фактическому учету — своеобразный намек на неиспользованный резерв для выполнения внутренней разверстки.

Ишимский и Ялуторовский уезды, выполнившие государствен- ную разверстку, объявлялись самоснабжающимися — это означа- ло, что данные уезды не могли рассчитывать на выделение хлеба из губернского фонда. Это же правило касалось волостей в других уез- дах, выполнивших хлебную государственную разверстку [2: 114—115]. Получилось, что ударные районы, вытянувшие воз госразверстки, оказались в положении наказанных — на них возлагалась вся тяжесть дополнительной — внутренней разверстки.

Раньше других тюменских уездов инициативу проявил Ишимс- кий уезд. 10 января 1921 г. уездный продком постановил: с целью увеличения посевной площади в уезде в 1921 г. на 25% изъять весь семенной материал по волостям. Для этого требовалось установить плановый показатель сбора семенного материала по каждой волости. Расчет основывался на площади посева 1920 г., увеличенного на 25%. Ишимские уездные руководители ориентировались применить те же

административные методы, которые использовались при проведении государственной продовольственной разверстки [2: 107].

В середине января 1921 г. появился приказ Тюменского губернского посевного комитета. Очередную продовольственную кампанию возглавлял влиятельный губпродкомиссар Инденбаум: под приказом посевокома, наряду с председателем губисполкома Новоселовым, значилась его подпись. Приказ определял мероприятия, связанные с увеличением посевной площади всех культур в Тюменской губернии в 1921 г.: весь семенной материал, находящийся в отдельных крестьянских хозяйствах, подлежал изъятию и доставке в общественные хлебохранилища, для чего производилась разверстка по уездам, волостям, селам и отдельным хозяйствам по прилагаемой ведомости. Семенной хлеб в пределах разверстки граждане обязывались сдать в общественные амбары в течение трех дней. Устанавливалась круговая порука всех сельских обществ за сохранность семенных запасов; предписывались меры наказания: конфискация всех семян, живого и мертвого инвентаря, а также засеянных полей в пользу государства. Сроки разверстки по извлечению семенного хлеба определялись с 25 января до 10 февраля 1921 г. [2: 110—111].

4 февраля появился циркуляр за подписью секретаря Тюменского губкома РКП(б) С. П. Агеева и губпродкомиссара Г. С. Инденбаума, выдержанный в традиционном силовом ключе: объявлялось, что после выполнения государственной продразверстки (6, 6 млн пудов) важнейшим вопросом становится посевная кампания — в первую очередь сбор семян в общественные амбары в количестве 9 млн пудов. Как и прежде хлебная разверстка, задание по семенам для волостей и сел не подлежало никакому изменению. Продработникам на время посевной кампании присваивался статус и права уполномоченных посевокомов. Основным методом реализации посевной кампании являлось принуждение вплоть до вооруженной силы — требовалось действовать, как и ранее, твердо и решительно, не допуская колебаний [2: 128—130].

Сбор всего семенного материала в общественных ссыпных пунктах обрекал крестьян на невозможность будущего посева — впереди маячила перспектива голода. Для организации работ по сортировке семян губерния была просто не готова: для этого требовались сотни специалистов, а во всей системе губпродкома таких специалистов было всего 4 человека [2: 133].

Объявление в январе 1921 г. семенной разверстки, совпавшее по времени с началом интенсивного вывоза хлеба с внутренних ссыпных пунктов к линии железной дороги и его последующая отправка в центральную Россию стали непосредственным поводом стихийного и массового крестьянского протеста. Приказ тюменского губпродкома определял срок стягивания всего хлеба к железной дороге до 20 января 1921 г. (2:98).

Эти события послужили толчком к стихийному взрыву, объективно синхронизировали выступления населения ряда районов. Первоначально центрами локальных вооруженных вспышек стали населенные пункты, где находились продовольственные конторы, а также крупные железнодорожные станции.

Можно предположить, что губернское руководство не ожидало столь внезапного и мощного развития событий. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство: президиум Тюменского губисполкома на заседании 21 января 1921 г. (то есть всего лишь за десять дней до начала восстания) решил, что пришла пора отменить военное положение на территории Тюменской губернии, оставшееся еще со времени прохождения фронта по территории губернии в войне с Колчаком. Президиум возбудил соответствующее ходатайство в адрес Москвы, обосновывая собственное решение об отмене военного положения рядом аргументов: «устойчивым и твердым», по оценке советского руководства губернии, положением власти; успешным проведением продовольственной кампании, не вызвавшей необходимости применения массовых репрессий; отсутствие заговоров, восстаний или выступлений контрреволюционных элементов [2: 114].

Однако за данным решением губернского руководства просматривается стремление приукрасить реальное состояние губернии перед центральной властью. Несомненно, члены президиума были информированы из донесений ЧК, внутренних войск, местных органов о фактах вооруженных столкновений и выступлений крестьянства в ноябре—декабре 1920 г. В донесении чрезвычайной тройки Ишимского уезда сообщалось: 20 ноября в деревнях Ново-Выигрышная, Максимовка, Буреевка и Садовая Аромашевской волости на почве продовольственной разверстки произошло столкновение продотряда с крестьянами, сопровождаемое кровопролитием. На подавление власти отправили отряд. Территория волости была объявлена на осадном положении, созданы волостной и сельские ревкомы, проведены репрессивные мероприятия, десятки крестьян арестованы (2:46). Подобных донесений в Тюмень с разных концов губернии поступало немало, особенно из Ишимского уезда. О вооруженных и кровопролитных столкновениях с крестьянами сообщалось штабом 61-й стрелковой бригады войск ВНУС 26 ноября, штабом 181-го полка 27 декабря, в декабре поступали донесения продотрядов о выступлениях и волнениях крестьян в ряде волостей: Аромашевской, Безруковской, Больше-Сорокинской, Укузской. Ишимские власти выражали серьезную озабоченность нарастающим резким изменением отношения к советской власти со стороны среднего и бедного крестьянства: из благожелательного оно стало враждебным [2: 48, 73, 76, 81].

Западно-Сибирское восстание началось практически одновременно в нескольких местах: первые очаги возникли независимо друг от

друга в разных районах Ишимского, Ялуторовского, Тюменского, Тюкалинского уездов Тюменской губернии. Крестьянские волнения явилось ответом крестьян на действия продовольственных отрядов и местной власти по «выкачке» из деревень хлеба в счет продразверстки. О начале крупного восстания в губернии стало известно из донесений различных источников, сообщавших о вооруженных выступлениях крестьян против продотрядов и воинских формирований. 31 января 1921 г. поступило донесение по линии ЧК в Тюменскую губчека из Ишимского уезда о восстании на севере уезда — в Чуртановской и Челноковской волостях. В этот же день стало известно о восстании крестьян в Ларихинской волости — в деревнях Песьянское, Старо-Травнинское, Ново-Травнинское, Нижне-Травное. 1 февраля губернские власти получили информацию по линии войск ВНУС — о восстаниях в селах Абатское и Викулово [2: 122, 85, 91, 97]. Позднее, 5 февраля 1921 г., по линии ЧК поступили донесения из Ялуторовского уезда о восстаниях в Слободо-Бешкильской, Ингалинской, Петропавловской волостях [2: 136]. В других уездах, где не было продотрядов или войск, в январе происходило накапливание сил повстанцев.

Телеграмма председателя Сибревкома И. Н. Смирнова Ленину от 9 февраля 1921 г. свидетельствует о явной недооценке масштаба и силы восстания. Руководитель сибирского ревкома обязался восстановить в ближайшие два дня прерванное железнодорожное сообщение. Он докладывал, что восстание носит стихийный характер, вызванный тяжестью продразверстки и гужевой повинности. Крестьянское движение характеризовалось как неопасное. Последнюю успокоительную формулировку оценки ситуации в губернии повторил Тюменский губком РКП(б) в своем решении 17 февраля [2: 160, 224].

Повстанцы на три недели парализовали движение по обеим линиям Транссибирской железнодорожной магистрали — Сибревком свое обещание, данное Ленину, не выполнил. В период наибольшей активности восставшие захватывали уездные центры: Петропавловск, Тобольск, Кокчетав, Березов, Сургут и Каркаралинск, вели бои за Ишим, угрожали Кургану и Ялуторовску, подходили к Тюмени на расстояние нескольких десятков верст.

Трехнедельный перерыв железнодорожного сообщения между центральной Россией и Зауральем создавал реальную опасность для диктатуры пролетариата: Советская Республика лишалась возможности получать хлеб из Сибири, являвшейся в то время наряду с Северным Кавказом главным источником получения продовольствия. К тому же из-за территориальной удаленности повстанческой территории от центра сложнее было подавить восстание.

К середине февраля восстание в короткий срок охватило большинство волостей Ишимского, Ялуторовского, Тобольского, Тюменского, Березовского и Сургутского уездов Тюменской губернии, Тарского, Тюкалинского, Петропавловского и Кокчетавского уездов Ом-

ской губернии, Курганского уезда Челябинской губернии, восточные районы Камышловского и Шадринского уездов Екатеринбургской губернии. Оно затронуло также пять северных волостей Туринского уезда Тюменской губернии, Атбасарский и Акмолинский уезды Омской губернии. Повстанческая территория весной 1921 г. охватывала огромный район от Обдорска (ныне — Салехард) на севере до Каркаралинска на юге, от станции Тугулым на западе до Сургута на востоке [2:7].

Повстанческие отряды создавались и пополнялись посредством мобилизации населения. В Ишимском уезде с начала февраля 1921 г. производилась мобилизация граждан 18—35 лет и унтер-офицеров до 40 лет.

Организация повстанцев строилась по образцу регулярной армии: фронты (Сибирский, Северный, Южный, Юго-Западный), армии (Восточная, Южная, Западная, Народная повстанческая, Народно-крестьянская), дивизии (Курганская повстанческая, например), полки, батальоны, роты, взводы, отделения.

Так, Южная армия делилась на полки по названию населенных пунктов. 2-й и 3-й Освободительный полки имели в каждом по 3 батальона или отряда, 9 рот, 27 взводов, 54 отделения — всего 3 тыс. человек. При батальонах — кавэскадрон в 60 сабель. Комсостав состоял из бывших унтер-офицеров, прапорщиков. В подразделениях имелись обозы. Волостные военштабы выполняли хозяйственные, организационные, информационные задачи. В тыловых селениях назначались коменданты с небольшим отрядом охраны, отвечавшие также за связь с фронтом. Использовалась телефонная связь. В воинских формированиях и в тылу повстанцев старались поддерживать дисциплину: осуществлялась борьба с самогонщиками и чрезмерным потреблением самогона — виновные наказывались и предавались суду [2: 323, 343].

Не было, да и не могло быть в крестьянской среде программы по вопросам общественного и политического устройства России, тем более на концептуальном уровне. Не было и единства взглядов и политических устремлений. Повстанцев разных районов объединяло лишь общее неприятие коммунистического режима [2: 18, 19]. Повстанцы не создали единого центрального органа власти для всей территории, охваченной восстанием вследствие недостатка времени для данного мероприятия и обширности территории.

Лозунг «За советы без коммунистов» наиболее полно отражал устремления подавляющего большинства восставшего крестьянства, возлагавшего надежды на лучшую жизнь с советами без диктата со стороны коммунистической власти. В повстанческих районах крестьяне на практике стремились воплотить в жизнь указанный лозунг, создавая в качестве органов управления советы без коммунистов. На территориях, контролируемых повстанцами, создавались волостные

и сельские Советы. Установлены случаи присоединения к повстанцам прежних сельсоветов и волисполкомов. Свообразным образом новой крестьянской власти был Тобольский крестьянский городской совет — орган самоуправления г. Тобольска и Тобольского уезда (Тобольск находился под властью повстанцев с 20 февраля по 8 апреля 1921 г.).

Воззвание Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии к населению 16 марта 1921 г. (в Тобольске издавалась газета «Голос Народной армии») содержало следующее обращение: «Коммунисты распространяют среди вас слух, что против них восстали белогвардейцы: остатки колчаковской армии под предводительством золотопогонников — генералов и офицеров. Коммунисты говорят вам, что восстали против них помещики, капиталисты, кулаки и попы; говорят они также, что восставшие контрреволюционеры хотят потопить в крови рабочих и крестьян завоевания Октябрьской революции...

Не верьте им... восстал против коммунистов обманутый ими трудовой народ, само трудовое крестьянство. Оно идет под предводительством не генералов и офицеров, а идет оно под руководством своей совести и своего гнева против тех, кто обманом и несбыточными обещаниями вовлек наш темный и доверчивый народ на путь государственного расстройствa и хозяйственной разрухи. Народ восстал против коммунистов, утопивших в крови рабочих и крестьян. Мы, восставшие крестьяне, когда-то с надеждой и верой ждавшие коммунистов, суливших нам свободный строй, братство и равенство, убедились теперь в несбыточности их обещаний и губительности для народа их политики. И поняли мы теперь, что они, коммунисты, несли тогда крепостное право для нас в форме, невиданной еще в истории всего человечества. Доведенные до отчаяния обманом и жестокостью коммунистов, мы, крестьяне, подняли знамя восстания против них, наших истинных угнетателей.» [2: 353].

Воззвание Тобольского штаба повстанцев ко всем жителям Сибири 25 марта 1921 г. содержало еще более полный текст крестьянских требований и надежд:

«... До сих пор все-таки коммунисты никак не хотят понять или с умыслом пишут, что восстал не народ, которому невтерпёж стало жить, а будто бы восстали какие-то генералы, офицеры-золотопогонники, меньшевики и эсеры. Они все еще до сих пор скрывают, что восстал весь народ, который они считают серой безответной скотиной. Коммунисты все еще считают, что народ можно только обирать, грабить и расстреливать и что народ не способен восстать на защиту своих человеческих прав...

Мы добиваемся настоящей советской власти, а не власти коммунистической, которая до сих пор была под видом власти советской. Мы хотим, чтобы всем свободно дышалось, чтобы все могли свободно жить, чтобы каждый мог исполнять свободно ту работу, ка-

кую он хочет, чтобы каждый мог свободно распоряжаться своим имуществом, чтобы никто не имел права отбирать то, что нажито тяжелым трудом, чтобы каждый мог свободно распоряжаться тем, что он заработал своими трудовыми руками. Мы хотим, чтобы каждый человек верил, как хочет: православный — по-своему, татарин — по-своему, и чтобы нас всех не заставляли силком верить в коммуны. Одним словом, мы хотим свободной жизни, без всяких стеснений и насилий, без разверсток, «пятерок» и других выдумок.

Здесь, в Тобольске, мы уже избрали уездный крестьянско-городской совет, куда вошли по два человека от волости, всего человек 70, и 18 представителей от города. Волости выбрали своих уполномоченных свободно, без всякого принуждения, выбрали тех людей, которых население знало и которым доверяло. Коммунисты насильно заставляли выбирать коммунистов, которых население не знало, которые грабили это же население.

В своих волостях мы переизбрали также новые советы на новых началах.

И когда мы очистим от коммунистов всю губернию, народ выберет губернский совет, а когда наши войска соединятся с остальными партизанами других губерний — выберем сибирский совет...

Граждане, чем скорее мы кончим нашу борьбу, тем скорее примемся за нашу обычную работу. Граждане, примыкайте к нам. Арестовывайте своих коммунистов. Организуйте восстания, организуйте крестьянские отряды, выбирайте своих начальников-крестьян, нападайте на врага и помогайте нам уничтожить его окончательно. Все в бой! Да здравствует советская власть без коммунистов! Да здравствует свободное крестьянство. С нами Бог и победа!» [2: 391—393].

Восставшие выдвинули лозунги: «Долой продразверстку, трудовую повинность!», «Да здравствует Советская власть и сибирское крестьянство!» Повстанцы заявляли: они не желают крови, выступая не против советской власти, за которую боролись против Колчака — они выступили против политики коммунистов. В этом протесте выражалось недовольство повстанцев властью, «не отвечающей потребности народа». Для организации новой власти крестьянство желало выбрать представителей от населения.

Требования восставшего крестьянства выражались в многочисленных воззваниях повстанцев к населению, к красноармейцам, местным советам. Параллельно с боевыми действиями развернулась своеобразная пропагандистская война — обе противоборствующие стороны пытались доказать собственную правоту.

В обращении Усть-Ламенского повстанческого гарнизона Ишимского уезда к Глубоковскому, Бурлаковскому, Гоглинскому, Зубаревскому сельским Советам 18 февраля 1921 г. говорилось:

«Наступил момент, когда крестьянин, выведенный из терпения, взял в свои мозолистые руки дубину и с ней стал на защиту своих

жизненных интересов, на защиту своего труда и свободы. Момент этот страшен был сначала, чтобы дерзнуть, взмахнуть пред высотой... Троцкого, обстановленного пушками и пулеметами и тысячами своих преданных рабов-коммунистов, которые, не признавая ничего: ни святости, ни правды, ни закона, — терзают каждого, который осмеливался выразить слово против диктатуры... расстреливают каждого, который утаивал свой труд, свой хлеб, приобретенный своими мозолистыми руками и потом. Раздевали, обирали и затем голодного и холодного крестьянина заставляли выполнять все похоти коммунистов, отрывая от сохи и от своей прямой работы, от которой зависит благо и жизнь всей страны. За полтора г. довели страну до полного разорения, голода. И выведенный из терпения мужик взял в свои мозолистые руки дубину и пошел с ней на пушку и пулеметы, никем не подгоняемый: ни офицерами, ни начальством, — и идет бесстрашно. И все ломится под его могучим натиском. Гонит он от себя коммунистов.

Присоединившийся к нему и обирающий его, не мешайте ему работать, не мешайте жить, не издевайтесь над ним. Каждый идет с надеждой победить своего врага, и победит он его. Не может быть страшна смерть от врага, когда она неминуема. Кто из трусости боится пожертвовать своей жизнью в борьбе с врагом, тот должен понять то, что он остается под игом коммунистов, через год или более умрет с голода, а голодная смерть гораздо ужасней боевой, ибо страна за полтора г. доведена до голода. А что впереди?...» [2: 233—234].

Командование повстанцев Голышмановского района Ишимского уезда в феврале 1921 г. дважды обращалось к красноармейцам. В воззвании 10 февраля объяснялись мотивы восстания: «Товарищи красноармейцы. Мы идем не против советской власти крестьян и рабочих, ибо мы вполне убеждены, что советская власть есть действительно власть, всецело стоящая на защите интересов трудового народа. Мы идем против коммунистов — представителей колчаковских банд, наводнивших все наши правительственные учреждения и вносящих в нашу массу смуту, всячески стараясь подорвать нашу советскую власть. Мы идем против тех коммунистов, которые выгребли у нас все до последнего зерна и гноят его в амбарах, а если не хватало хлеба для выполнения наложенной на крестьян разверстки, то конфисковывали все имущество; против тех коммунистов, которые при непосильной шерстяной разверстке заставили нас стричь шубы и овец в зимнее время, отчего овцы гибли от мороза. От которых также хорошего ничего не слышали, кроме угроз и понудительных работ, а если крестьянин стал бы защищаться, то имущество его приказывали сжечь, не считаясь с целыми селениями. Да здравствует свобода!» [2: 169].

В другом воззвании в середине февраля 1921 г. голышмановские повстанцы призывали красноармейцев присоединиться к восстав-

шим: «Братья, кровавое зарево повстанческого пожара смутно видно вам издалека. В недрах необъятной, могучей Сибири ширится пожар повстанческого движения. Братья-солдаты, обобранные, голодные, удерживая потоки кровавых слез, стиснув зубы от душевной боли, мы идем с палками в руках против орудий и пулеметов. Льются океаны нашей крови, но возврата к прежнему нет, позади могила. В решительную минуту протягиваем свои руки к вам, чтобы не смотрели безучастно на это страшное избиение народа. Коммунисты кровожадны и стремятся уничтожить нас. Ждем вас. Знайте, что это — решительная минута. Горе тем, кто не пойдет на голос своего народа» [2: 211].

Аналогичные мотивы звучали в воззвании Тобольского главного штаба Народной повстанческой армии к красноармейцам 6 марта 1921 г.: «...Нас спрашивают: за что мы воюем? Мы говорим открыто и честно, что жить так, как заставляют нас коммунисты, дальше нельзя. Ведь вы сами знаете, что у нас отобрали весь хлеб в первую разверстку. Но этого показалось им мало. Они отобрали и весь семенной хлеб и ссыпали по амбарам, где и гноят его. Они остригли шубы у нас и овец в зимнее время, которые теперь замерзают. Народ, измученный, обобранный, угнетенный, не вынес коммунистического ярма и восстал как один человек. Коммунисты, обставив себя пулеметами и орудиями, издевались гнусно над русским бедным народом, чувствуя себя сильными за спиной одуряченных ими красноармейцев...

Мы, крестьяне, хотим, чтобы человек стал человеком, чтобы всем жилось свободно. Мы хотим восстановить рабоче-крестьянскую советскую власть из честных, любящих свою опозоренную, оплеванную, многострадальную родину. Коммунисты говорят, что советская власть не может быть без коммунизма. Почему? Разве мы не можем выбрать в советы беспартийных, тех, которые всегда были с народом воедино и страдали за него? Что нам дали коммунисты? Они обещали нам чуть ли не райскую жизнь, обещали свободу во всех отношениях, но, взяв в руки власть, они дали нам тюрьмы и казни, они издевались над нами, а мы молча гнули спины. Но ведь всякому терпению бывает конец, и мы, крестьяне, отдавши коммунистам все добытое потом от земли, решили: лучше умереть от пули и штыка коммунистов, чем умирать медленной, мучительной голодной смертью или гнить в тюрьмах.

Братья-красноармейцы, опомнитесь! Идите к нам, бейте своих комиссаров и коммунистов, и мы окончим братоубийство, установим свою рабоче-крестьянскую власть, станем у станков, возьмемся за сохи, бороны и заживем мирным трудом. Идите же к нам!! Вас ждут старики и братья. Помните, что вы проливаете кровь не помещиков, офицеров и генералов, а свою чисто родную — крестьянскую!!!

Да здравствует народная советская власть! Долой коммунистов!!! Да здравствует полная свобода народа!!! Мы — народные представители от 22 волостей и говорим от имени народа!!!» [2: 304-305].

Известны случаи перехода к повстанцам не только отдельных красноармейцев, но целых воинских подразделений. Часть красноармейцев боееспособного Казанского полка перешла к повстанцам и влилась в Народную армию. Мотивация подобного решения бойцов регулярной Красной армии объяснялась в обращении бывших красноармейцев Казанского стрелкового полка к беспартийным красноармейцам 21 марта 1921 г. из Тобольска: «... Товарищи! Не белогвардейцы и не колчаковские офицеры сражаются против коммунистов, воюет наш простой, серый крестьянин, воюет наш брат и отец. За что же он воюет и против кого воюет?

Он признает советскую власть и советские учреждения, но не может смириться с той кабалой и с той бесправной, скотской жизнью, которую устроили для рабочих и крестьян коммунисты. Крестьянин добывает упорным трудом хлеб, который затем отбирается от него силой и прет в зернохранилищах. Крестьянин выращивает скот для того лишь, чтобы коммунисты сгноили мясо на своих складах. Наконец, сам крестьянин очутился на положении крепостного раба: зиму и лето должен он рубить, возить и плавить дрова, мотаться во всяких подводах, зиму и лето изводиться на тяжелых работах...

Крестьянин... до поры до времени терпел и молчал. Чаша терпения переполнилась, когда коммунисты начали отбирать семенной хлеб и ссыпать его в те амбары, где уже прели десятки тысяч пудов отобранного ранее хлеба. Увидя, что у него не будет даже семян для посева, крестьянин не стерпел: вооружился дубиной и с яростью кинулся истреблять коммунистов.

Товарищи! Все мы — тоже крестьяне. Наши братья, наши отцы также разорены, оплеваны и также взяты в непосильную крепостную работу.

Товарищи, братья! Кого же нам поддерживать? Коммунистов ли, которых все мы ненавидим, или отцов и братьев? Ответ ясен...

Берите пример с Петропавловского гарнизона, который сам отдал своими руками город Петропавловск в руки народа!..» [2: 380—381].

В восстании действовали совместно крестьяне и казаки Сибири и Урала. Протестные настроения крестьянства усиливались недовольством сибирских казаков, лишенных политикой расказачивания своего традиционного социального статуса и образа жизни: казаки Петропавловского и Кокчетавского уездов упорно саботировали продразверстку, хотя ее размер для них не был столь обременителен, как для крестьян Ишимского уезда.

Восстание сибирского крестьянства имело преимущественно сти-

хийный характер: единое руководство у повстанцев Западной Сибири отсутствовало. Но крестьянские выступления были массовыми: в восстании принимали участие крестьяне, принадлежавшие ко всем социальным группам. Тем не менее основная масса крестьян и казаков не поддержала повстанцев, хотя многие им симпатизировали [2: 16, 17]. Многие отказывались в открытую восстать против коммунистической власти из-за боязни мести за участие в восстании: население на собственном опыте уже познало карательную мощь советской системы. Решившийся на восстание осознавал, какие последствия ожидают его самого и его семью. Все имущество участников восстания подлежало конфискации.

Повстанцев, как правило, возглавляли местные инициативные люди, пользовавшиеся доверием и авторитетом у населения, обладавшие военными знаниями, боевым опытом или навыками общественной работы, при этом их социальный статус не играл решающей роли. Таким был, например, крестьянин села Смирновское Локтинской волости Григорий Атаманов — один из главных руководителей повстанцев Ишимского уезда, командир повстанческого корпуса, командующий фронтом повстанцев Ишимского уезда (его родной брат Иван Атаманов был коммунистом и в составе отряда ЧОН сражался против повстанцев). Родин Владимир Алексеевич, учитель села Белое Соколовской волости Ишимского уезда, поручик старой армии, с 10 февраля 1921 г. командовал Налобинским, затем Петропавловским боевым участком повстанцев, с 18 февраля являлся командующим Сибирским фронтом.

Руководителями или инициаторами восстаний в Ишимском уезде являлись представители крестьянства: Калинин Василий, Ярославцев Максим (Викуловская волость), Назаров Евграф (с. Назарово Челноковской волости), Резонов Моисей, Ситников Тимофей (Чуртанская волость), Тетяев Кирилл (Сумская волость); в Ялуторовском уезде: Алферов Николай (Емуртлинский район), Филимонов Е. (Сурерская волость), Кострюков Егор, Першаков Василий (Ингалинская волость). Крестьянская среда выдвинула командиров повстанческих отрядов в Ялуторовском уезде: Зломанов Гавриил, Кобелев Василий, Боровков Ф., Лопарев Архип, Мальцев Александр; в Ишимском уезде: Букарин Иван, Вишняков Осип, Кадышников Афанасий, Писарев Г., Климов Андрей.

Годы мировой войны и службы в старой (царской) армии сформировали в среде выходцев из крестьян значительный слой младшего командного состава — унтер-офицеров и прапорщиков. Приведем небольшой список повстанческих командиров.

Желтовский Василий Максимович из крестьян села Желтовское Кугаевской волости Тобольского уезда. Участник Первой мировой войны, фельдфебель. В начале 1921 г. служил делопроизводителем военкомата Кугаевской волости и имел крестьянское хозяйство ниже

среднего. Являлся одним из главных военных руководителей повстанцев Тобольского уезда.

Данилов Степан Ильич — житель деревни Таратухина Карачинской волости Тобольского уезда. Участник Первой мировой войны, организатор и командир повстанцев Карачинской волости, затем командующий Юго-Западным фронтом Тобольского уезда.

Шевченко Петр Семенович — крестьянин-середняк села Большой Кусеряк Ишимского уезда. Инициатор мятежа в своем родном селе: 8—9 февраля 1921 г. мобилизовал под свое начало около тысячи человек. В дальнейшем командовал повстанческим полком и отрядом. Один из его братьев служил в Красной армии, другой убит повстанцами, сестра была у повстанцев.

Сикаченко Иван Лукьянович — крестьянин-середняк села Аромашево Ишимского уезда, бывший председатель волисполкома. У повстанцев был заместителем П. Шевченко.

Андреев П. — крестьянин села Глубокое Соколовской волости, командующий Петропавловского боевого участка (направления) повстанцев Ишимского уезда.

Булатов Николай — крестьянин села Куртан Курганского уезда, прапорщик царской армии, инструктор Всевобуча Красной армии, командир 2-го Освободительного полка Курганской повстанческой дивизии, затем начальник 1-го Ялutorовского освободительного отряда.

Горбачев Никон Васильевич — командующий Восточной армией Южного фронта повстанцев Ишимского уезда.

Губанов Петр — командир конного полка повстанцев Налобинской волости Ишимского уезда, затем командующий Сибирским фронтом.

Данилов Степан Ильич — командующий Юго-Западным фронтом Народной повстанческой армии Тобольского уезда.

Долин Петр Лаврентьевич — командир 2-го корпуса Народно-крестьянской армии Ражевского района Ишимского уезда.

Евсеев Л. — житель деревни Лапушинская Курганского уезда, начальник Курганской освободительной дивизии.

Лидберг Тимофей — бывший военком и председатель ячейки РКП(б) Троицкой волости Петропавловского уезда, начальник отряда повстанцев.

Иноземцев Николай — бывший помощник военкома Готопутовской волости Ишимского уезда, начальник штаба повстанцев волости.

Коротков Александр — бывший сотрудник Ишимского уездного военкомата, руководитель повстанцев Чуртановской волости, командующий Северным фронтом Ишимского уезда.

Русаков Михаил — бывший заведующий Петуховской продконтрой Ишимского уезда, один из главных организаторов повстанцев Петуховского района.

Слинкин Федор — командующий Северным фронтом повстанцев Тобольского уезда [2: 670—738].

Гражданское вооруженное противоборство обусловило жестокость, которую проявляли обе стороны. В феврале 1921 г. Тюменский губисполком в специальной листовке предупреждал население: «Товарищи крестьяне! Нашему терпению может быть конец. Да, мы жалеем, не в пример вашим вожакам, деревенские избы, невинных жителей, женщин и детей. Но у нас хватит пушек, чтобы в случае упорства сровнять с землей села и деревни. Если бессмысленные беспорядки будут продолжаться и мешать нам устраивать мирную жизнь, с болью в сердце, но во имя блага десятков млн рабочих и крестьян мы вынуждены будем употребить более решительные меры» [2: 227—228].

С другой стороны, в приказе по Южной Народной повстанческой армии Ишимского уезда 22 февраля 1921 г. заявлялось: «...врагам трудового народа пощады не будет. Лиц, замеченных в противодействии Народной армии, уничтожать на месте, а имущество отбирать, а семьи забирать заложниками и в случае измены уничтожать. Борьба идет на смерть. Пощады никому не будет — или же с народом, или же против него» [2: 258].

Угрозы воплощались на практике. Количество потерь среди повстанцев превышало на порядок потери красноармейцев. По официальным милицейским отчетам, в Тобольском уезде по одному из районов милиции соотношение количества убитых и расстрелянных повстанцами, с одной стороны, и количества убитых и расстрелянных советскими войсками составляло 1:10, по другому району — соотношение еще более отличалось — 1:19 [2: 454, 459].

Основную часть потерь повстанцев составили потери среди местного населения. Причины заключались в политике коммунистической власти не столько по отношению к повстанцам, сколько к мирному населению. Приказы советского командования содержали требования расстреливать на месте без суда всех, захваченных с оружием в руках, брать и расстреливать заложников за разрушение железнодорожной линии и телеграфной связи, за оказание помощи повстанцам, сжигать и уничтожать артиллерийским огнем целые деревни, поддерживавшие мятежников или оказывавшие упорное сопротивление. Командир 115-й стрелковой бригады Полисонов 2 апреля отдал приказ: деревни Боровую, Ярковское и Бигилу (Гилеволыповской волости) сжечь [2: 403].

Широкое распространение получили расстрелы без суда мирных жителей. Отсюда такие колоссальные потери на повстанческих территориях. Характерно в этой связи обращение повстанцев полка П. С. Шевченко к коммунистам в июле 1921 г., которое содержало прямую угрозу: «Товарищи, первым долгом уведомляем вас о том, а именно, чтоб вы не делали зверской расправы с партизанскими се-

мьями, а то даем вам честное слово, что вас и ваши семьи партизаны будут уничтожать до корня. И будем производить такую короткую расправу, что хуже которой не может быть. Одним словом, будем всех превращать, как говорится, в капусту. Довольно вас миловать, довольно прощать вам за ваше зверство. Так вот, примите к сведению...» [2: 500].

Главным средством разрешения конфликта оставались насилие, военные действия. Командование красноармейских частей угрожало командирам и комиссарам, проявлявшим миротворческую инициативу, суровым наказанием. Действовал приказ: ни в какие переговоры с бандитами не вступать, отвергать всякие переговоры с восставшими, не признавая их как равную сторону. Мятежникам выдвигалось лишь одно условие: полная и безоговорочная капитуляция.

Ликвидацией восстания руководила созданная 12 февраля 1921 г. Сибирским бюро ЦК РКП(б) полномочная тройка. В нее вошли председатель Сибревкома И. Н. Смирнов, помощник главкома вооруженными силами Советской Республики по Сибири В. И. Шорин, представитель ВЧК в Сибири И. П. Павлуновский. 14 февраля Смирнов снова телеграфировал Ленину о восстании.

Оценка восстания со стороны сибирского руководства претерпела кардинальное изменение после середины февраля. Положение стало тревожным. Командование советских вооруженных сил Тобольского боевого участка телеграфировало об этом Помглавному по Сибири (аналогичные телеграммы были направлены в адрес Сиббюро ЦК РКП(б), Уральского бюро ЦК РКП(б), Тюменского губкома пратии, командующему войсками Приуральяского военного округа). В тексте данной телеграммы обращает на себя внимание признание: движению не придавали серьезного значения — не предвидели, что ситуация резко изменится. Командование требовало срочной помощи (2:269). 24 февраля Тюменский губком РКП(б) затребовал от центра дополнительные вооруженные силы [2: 273-274].

11 марта 1921 г. руководство Тюменской губернии направило телеграмму в ЦК РКП(б), президиум ВЦИК и заместителю председателя Реввоенсовета республики Э. М. Склянскому. Текст телеграммы свидетельствовал о растерянности губернского руководства: «В пределах Тюменской губернии не имеется в нашем распоряжении ни реальной силы, ни вооружения, ни обмундирования, ни огнеприпасов. Присланный из Казани полк оказался небоеспособным, частями переходит на сторону противника в полном вооружении... Положение становится серьезным, поскольку ликвидация беспорядков приняла затяжной характер: придется признать в этом году в губернии крах посевной кампании... лесозаготовительных работ... лишение центра России хлебозапасов, рыбы, пушнины и прочее...»

Настойчиво, решительно требуем от вас немедленного принятия всех необходимых мер для быстрой ликвидации беспорядков в смысле соответствующего воздействия на Сибирское военное командование, в смысле непосредственной помощи с вашей стороны. Нужны реальные силы, вооружение, обмундирование, огнеприпасы. Нужна помощь партсилами... партийно-советские аппараты разрушены, во многих волостях члены партии поголовно уничтожены, 75% всего состава продработников уничтожено... без помощи центра все попытки наладить снова партсоветскую жизнь губернии безнадежны... неопределенность и неизвестность усугубляют тяжесть положения» [2: 330—331].

В Сибирь были переброшены на подавление восстания 21-я стрелковая дивизия войск ВНУС, Симбирский и Казанский полки, специально сформированные из курсантов и отборных частей, 4 бронепоезда. Все войска Приуральяского военного округа переходили в подчинение Помглавкому по Сибири В. Шорину — члену чрезвычайной тройки Сибревкома.

Карательные меры включали как военные операции против отрядов повстанцев, так и решительные и жестокие меры в отношении населения на территориях, которые оказались охвачены восстанием.

12 февраля 1921 г. Сиббюро ЦК РКП(б) секретным решением возложило ответственность, в случае порчи железной дороги, на ближайшие деревни, расположенные на расстоянии 10 верст от линии железнодорожного полотна. За разрушение мостов, рельсов близлежащие деревни подлежали уничтожению [2: 186].

Ишимский исполком издал приказ: ответственность за сохранность железной дороги возложить на волости, по которым проходит магистраль. В близлежащих деревнях предписывалось заранее взять заложников — в случае порчи дороги они подлежали расстрелу. Установливалась круговая порука на сельские общества: за участие в восстаниях производилась конфискация имущества и инвентаря в каждом десятом хозяйстве, за каждого расстрелянного коммуниста и соработника — расстрел десяти местных крестьян. Никакой пощады — требовало руководство уезда — вплоть до уничтожения отдельных деревень с применением пулеметов и орудий, применения репрессивных мер [2: 157—158].

Как следует из данных решений, особую озабоченность вызывала сохранность железнодорожной магистрали. Помимо органов советской власти, беспощадные меры принимало военное руководство. Комбриг Рахманов, командующий вооруженными силами в районе Омск — Тюмень, 15 февраля отдал приказ: железнодорожные линии Омск — Тюмень и Омск — Челябинск разделить на определенные участки. Возложить ответственность за сохранность каждого участка, прилегающего к 10-верстной полосе по обе стороны от железной дороги, на местное население, из которого взять сразу же заложников. Объявить жителям

деревень, входящих в указанную полосу, что в случае повторения налетов на железную дорогу заложники будут расстреляны без суда. Этот приказ предписывалось широко распространить среди местного населения, расклеив его на видных местах [2: 206].

Член чрезвычайной тройки Сибревкома, полномочный представитель ВЧК в Сибири И. Павлуновский 14 февраля 1921 г. издал инструкцию местным органам ВЧК «О применении высшей меры наказания в районе, охваченном восстанием». В соответствии с инструкцией подлежали расстрелу: руководители движения; занимавшие командные должности в отрядах повстанцев; повстанцы, взятые в плен и освобожденные, в случае, если они вторично попали в плен в боях с советскими войсками; не сдавшие огнестрельного оружия после того, как был опубликован приказ о сдаче оружия; уличенные в поджоге, порче железнодорожных путей и железнодорожных сооружений, телеграфных проводов [2: 203].

Тюменский губисполком 5 марта объявил о конфискации имущества причастных к восстанию [2: 297]. Свирепствовали выездные сессии ревтрибунала.

В конце февраля — начале марта 1921 г. от восставших были очищены железная дорога Омск—Тюмень и Омск—Челябинск. В конце марта — начале апреля основные очаги восстания были разгромлены. В мае 1921 г. карательные отряды Красной армии окончательно разбили основные силы повстанцев. В июне период оперативных военных действий в основном закончился. В отношении повстанцев был развязан беспощадный террор. В районе восстания свирепствовали созданные советским командованием революционные тройки и ревкомы, активно применялась система заложничества и расстрела заложников.

Однако борьба с повстанцами в апреле—мае не закончилась — она перешла в новую фазу — партизанской войны и продолжалась вплоть до начала 1922 г. Знание родной местности позволяло повстанческим отрядам оставаться неуловимыми. Тюменские повстанцы использовали эффективную партизанскую тактику: при приближении регулярных войск отряды рассыпались на мелкие группы, расплывались, их участники скрывались в лесах, в деревнях под видом сельских жителей, при необходимости снова объединялись для проведения стремительных налетов. Партизанская тактика показала неэффективность оперативных действий регулярных войск.

Сочувственное отношение к повстанцам и поддержка со стороны местного населения позволяли получить укрытие, своевременную информацию о приближении регулярных войск. Население снабжало повстанцев продовольствием, лошадьми и хозяйственными средствами.

Крестьяне считали повстанческих вождей защитниками от налогов. Захваченный ими хлеб из разграбленных ссыпных пунктов де-

лился среди крестьян (подобную практику осуществляли, к примеру, Шевченко, Сикаченко, Вараксин, Булатов со своими отрядами). Жители сел и деревень отказывались помогать войсковым частям и власти в борьбе с повстанцами.

Примечательно в этой связи следующее документальное свидетельство. Командующий советскими войсками Тюменской губернии Г. А. Буриченков 7 мая 1921 г. направил телеграмму председателю Сибревкома И. Н. Смирнову, Помглавкому по Сибири В. И. Шорину и Тюменскому губисполкому. Командующий докладывал: «...Крестьяне Ишимского уезда на почве голода собираются толпами и разграбляют хлебные ссыпункты ... часть крестьян, с которыми также идут рука об руку местные волостные исполкомы и партийные организации, категорически отказались от предоставления подвод на вывозку хлеба, требуя вначале удовлетворения голодных крестьян. И даже в некоторых пунктах были созваны специальные совещания крестьян, совместно с волисполкомами и комячейками, на которых выносились соответствующие постановления, и после чего самочинно раздавался хлеб голодающим. Попытка наших воинских отрядов взять хлеб силою не привела ни к чему, т. к. открытая демонстративная стрельба по толпам, которые обступили хлебные ссыпункты и пытались разграбить их, никакого действия не произвела, и крестьяне, наоборот, взяли своих жен и детей, совместно с которыми вновь обступили хлебные пункты, настоятельно требуя расстрелять их всех вместе с детьми и женами, и тогда лишь вывозить от них хлеб. Такое положение дел пагубно отзывается на наши части, так как красноармейцы, естественно, видя такие картины, открывать боевого огня по крестьянам не будут, и в конце концов для выполнения приказа центра, и для того, чтобы заставить крестьян отдать хлеб и красноармейцев взять таковой силою, придется произвести массу расстрелов как среди крестьян, так и среди красноармейцев. Доводя до вашего сведения о создавшейся обстановке, прошу срочно инструктировать меня, так как я для выполнения приказа центра вынужден буду открывать боевой огонь по той же советской власти, какой и принадлежу сам, то есть расстреливать волисполкомы, комячейки, крестьян, красноармейцев» [2: 442—443].

Боевой командир Красной армии, всегда готовый к решительным боевым действиям в открытом бою с противником (об этом будет сказано ниже), оказался растерян, когда увидел в качестве условного «противника» трудовую народную массу, отсюда его призыв «срочно инструктировать меня».

Летом 1921 г. в Ялуторовском и Ишимском уездах существовали многочисленные организованные отряды, объединявшие 300-500 человек. По данным Тюменского губчека, в Ялуторовском уезде общая численность повстанцев доходила до трех тысяч человек [2: 498, 501].

Пополнение отрядов бойцами и провиантом объяснялось недовольством крестьянства методами взимания продналога: сбор продналога в 1921 г. напоминал продразверстку 1920 г. Бедное крестьянство, как и середняки, вынуждено было отдавать в счет продналога последнее зерно и картофель, приобретенные от продажи последней лошади или одежды и обрекалось на голод. Значительный недосев из-за отсутствия семян усугубился неурожаем вследствие засухи. Определение налога с площади крестьянского надела, который нечем было засеять, породил недовольство, особенно среди бедняков. Среднее крестьянство выражало недовольство гужевой повинностью из-за отсутствия фуража, упряжи, смазочных материалов и изнуренности лошадей.

Термин «бандитизм» не определял реальную природу повстанческого движения. Конечно, среди повстанцев было немало уголовных элементов, занимавшихся разбоями, грабежом, но не они составляли большинство. Многие отряды отличались дисциплиной и организованностью, строгим подчинением вожакам. Примечателен в этом отношении текст приказа командира Н. Булатова по 1-му Ялуторовскому повстанческому освободительному отряду, изданный в сентябре 1921 г.: установить строгий военный порядок по примеру регулярных войск, командирам подразделений вменялось в обязанность сделать свою часть боеспособной и дисциплинированной. Отряд насчитывал до 450 всадников [2: 532, 536].

Необходимость ликвидации повстанческого движения в Тюменской губернии приняла чрезвычайный характер: под угрозой оказались посевная кампания и сбор продналога по губернии, а также возможное блокирование повстанцами железнодорожного сообщения между Тюменью и Екатеринбургом или Тюменью и Омском. Повстанцы убивали советских служащих, продовольственных работников (налоговых инспекторов), а также коммунистов. На заседании президиума Ялуторовского исполкома 1 июля 1921 г. выражалась озабоченность уездного советского руководства: попытки восстановить советский аппарат закончились новыми убийствами советских партийных работников, в результате ни один ответственный работник для восстановления ревкомов в этих волостях ехать не желает, из-за опасной обстановки работать там нет никакой возможности [2: 485].

Летом 1921 г. губернское руководство осознало недостаточность военного характера борьбы против партизанской тактики повстанцев, поддерживаемых местным населением. Об этом свидетельствует политический отчет Тюменского губкома, направленный в августе в адрес ЦК РКП(б). В отчете критиковалась позиция военного командования, которое «борется по всем правилам стратегии, наступает, ведет разведку всех видов, и из этого ничего не получается, кроме бессмысленного гоняния бандитов с места на место, которые сегодня впереди, завтра в тылу, послезавтра рядом с деревней, в кото-

рой стоит наш отряд, грабят ссыпункт, а еще через несколько дней между двумя отрядами грабят продовольственный транспорт» [2: 519]. Для эффективной борьбы с повстанческим движением требовалось включить в действие экономические и политические средства.

Особое значение имели экономические мероприятия. На территории Тюменской губернии крестьяне получили возможность обмена, покупки, продажи и перевозки хлебозернофуража и картофеля, разрешалось свободное передвижение с товарами и продуктами. Продовольственные заградительные отряды были сняты с железнодорожных, водных путей и гужевых дорог. Разоренные продовольственной и семенной разверсткой, уезды получили, хотя и незначительный по объему, семенной материал из губернского фонда. Это касалось уездов и волостей, объявленных ранее самоснабжающимися, в первую очередь Ишимского уезда. Ишимскому уезду было отпущено 300 тыс. пудов семян [2: 407, 414, 438].

В число политических мер входило следующее: крестьяне, арестованные за продовольственные прегрешения перед властью (невыполнение разверстки, сокрытие хлеба, невыполнение трудовых повинностей), освобождались. Получившим амнистию 1 мая 1921 г. возвращался конфискованный инвентарь за неуплату продразверстки. В сентябре губисполком внес уточнение: возврату подлежало имущество только недвижимое. Такое решение принималось в интересах бедноты, иначе пришлось бы конфискованное имущество, выданное бедноте, возвращать владельцам — бедное крестьянство оказалось бы в данном случае крайне недовольно [2: 425, 497, 531—532].

Летом 1921 г. органы советской власти изменили позицию в отношении добровольной явки повстанцев. В период восстания (март-апрель) советское руководство объявило населению свою установку: добровольная явка мятежников заслужит прощение власти, сложившиеся оружие не будут подвергаться наказанию, за исключением зачинщиков и руководителей восстания [2: 326, 349]. Объявленный в июле двухнедельник добровольной явки и сдачи оружия (5-20 июля, срок был продлен еще на семь дней — до 27 июля) предусматривал, что разделения на активных и рядовых, мобилизованных (подневольных) участников восстания производиться не будет — отношение ко всем одинаковое. Гарантировалась неприкосновенность личности явившихся, возврат им недвижимого имущества. Обязательным условием являлась сдача и регистрация оружия, а также регистрация в органах ЧК и милиции. Отмечалось, что добровольная явка в июле 1921 г. дала положительный результат, но оружия вернувшиеся повстанцы сдали мало — в основном возвращались без оружия [2: 471, 474, 502—505, 518]. ВЧК распорядилась составить на всех добровольно явившихся списки с подробными данными по каждому, в том

числе с указанием социального положения — бедняк, середняк [2: 494]. Неявившимся после двухнедельника угрожали самыми суровыми мерами преследования и искоренения.

Длительная история повстанческого движения на территории Тюменской губернии фактически лишила ее органов власти на местах. В ходе восстания было убито около 5 тыс. партийных и советских работников [3: 764]. Выбираемые населением из местных крестьян члены сельских и волостных исполкомов часто сами оказывали повстанцам помощь (к примеру, подобные факты имели место в Упоровской, Лабинской, Плетневской волостях Ялуторовского уезда). В Упоровской волости местное население с помощью повстанцев обезоружило воинскую часть [2: 485].

Ожесточение власти и воинских частей в борьбе с повстанцами нарастало. На заседании Ишимского уездного комитета РКП(б) 3 сентября 1921 г. комбриг Буриченков (тот самый командующий, который в мае требовал его проконсультировать — как обращаться с крестьянской толпой) докладывал: *зарублен Шевченко и еще 111 бандитов, при этом особо подчеркивал, что живых не брали: «рубилось все, что попадало под руку... обращение было самое жестокое»* — находили повстанцев по домам по захваченным спискам. Всего *зарублено 130 человек* [2: 525, курсив авторов].

Реквизиции, конфискации и мародерство воинских частей сопровождалось случаями расстрелов добровольно явившихся. Отмечалась жестокость партизанских коммунистических отрядов из местного населения, созданных для самозащиты от нападений. Коммунистические отряды, никому не подчинявшиеся, отличились грабежами. Так, по фактам самовольных конфискаций и бесчинств одного из отрядов в Ялуторовском уезде вопрос рассматривался в губкоме РКП(б) [2: 490, 521].

Тюменский губисполком и командование советскими войсками Тюменской губернии выпустили приказ 15 октября 1921 г., жестоко каравший за поддержку повстанцев: «Лица, уличенные в сношении с ними, добровольном их укрывательстве, в снабжении продовольствием, а также сообщении бандитам сведений о движении войск Красной Армии, подвергаются высшей мере наказания — расстрелу. Непринятие мер к охране и ограждению государственных учреждений и предприятий, ссыпных пунктов, а также к спасению жизни должностных лиц советской власти, продовольственных работников и коммунистов при посягательстве и вооруженных налетах бандитов должно рассматриваться как сочувствие и пособничество разбойникам, а потому жителей тех сел и деревень, где такие случаи будут иметь место, надлежит облагать — вообще всех — контрибуцией денежной и натуральной с конфискацией имущества» [2: 539].

Данный документ дополнился отдельным приказом командую-

щего советскими войсками Тюменской губернии — начдива 57-й дивизии, который устанавливал «суровые карательные меры» к населению за сочувственное отношение к бандитам, «не останавливаясь ни перед чем»: взятие заложников, выездные сессии ревтрибунала, расстрелы пособников, сжигание целых селений. Командование вооруженных сил придумало даже экзотический вид наказания: воинские гарнизоны, ответственные за определенную территорию, на которой произойдут проявления бандитизма, будут переведены на прокорм за счет населения данных территорий [2: 556].

Тем не менее осенью 1921 г. повстанческое движение еще не потеряло свою организованность. При необходимости отдельные группы могли собраться в боевой отряд до 500—700 человек, с обозом до сотни подвод [2: 566]. До начала зимы на территории Тюменской губернии общая численность постоянно действовавших повстанцев достигала до 500 бойцов [2: 566].

19 ноября 1921 г. поменялось руководство войсками Тюменской губернии. Новое руководство подчинялось не сибирскому военному руководству, а штабу Приуральского военного округа — в оперативном отношении данное обстоятельство имело значительные преимущества. С этого времени решительно изменилась военная тактика советских войск против повстанцев.

Вся территория Тюменской губернии была разделена на три боевых участка (Тюменско-Тобольский, Ялуторовский и Ишимский) с районами по административным границам уездов. Каждый боеучасток имел свой штаб во главе с начальником. Боевые участки поделили на батальонные, батальонные — на ротные или гарнизонные, согласно дислокации гарнизонов.

Новый метод борьбы основывался на восстановлении и усилении твердой власти на местах: в районах были выставлены гарнизоны в составе не менее роты и организованы ревкомы для организации власти на местах.

С территории губернии советское командование вывело недисциплинированные воинские части, под угрозой строгого наказания категорически запретило самочинные расстрелы и мародерство.

Мобильности действующих повстанческих отрядов и групп противопоставлялись вновь созданные летучие кавалерийские отряды — специально с этой целью отдельный кавалерийский полк 29-й дивизии был передан в распоряжение командования Тюменской губернии.

Создавалась сеть постоянной агентурной разведки, а также войсковая разведка, чтобы предупредить и своевременно устранить возможность возникновения в районах сопротивления власти. Амнистированные повстанцы привлекались к операциям по ликвидации и поимке главарей. Имели место случаи, когда бывшие повстанцы, получив амнистию, выдавали своих бывших вожakov [2: 519, 567—567, 297].

К концу декабря 1921 г. после разгрома отрядов Вараксина, Си-

каченко, Булатова организованных отрядов в Тюменской губернии не стало. Самостоятельные мелкие группы оставались в районах по месту своего зарождения (в Ялотуровском уезде, к примеру, их общее количество составляло не более 50 человек) [2: 569—570, 576].

15—30 декабря 1921 г. состоялся второй двухнедельник добровольной явки повстанцев. Власти дали обещание репрессивные меры в отношении вернувшихся не применять. В то же время сдача оружия объявлялась непременным условием явки. Неявившиеся и не сдавшие оружия объявлялись вне закона с применением высшей меры наказания. 5—20 января 1922 г. проводился специальный двухнедельник добровольной сдачи оружия. После 20 января за сокрытие оружия виновные несли наказание по законам военного времени [2: 563, 574—575].

Западно-Сибирское восстание по своей природе типологически тождественно антоновскому восстанию в Тамбовской губернии и Кронштадтскому восстанию. Оно выявило глубокий кризис политики военного коммунизма, недовольство всего крестьянства советской властью как носительницей этой политики.

Источники и примечания:

1. Подробная и достоверная оценка Западно-Сибирского восстания представлена в работах сибирских историков. См.: *Третьяков Н. Г.* Западно-Сибирское восстание 1921 г. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994; *Шишкин В. И.* К характеристике общественно-политических настроений и взглядов участников Западно-Сибирского мятежа 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1996; Он же. К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 1997; Он же. Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: обстоятельства и причины возникновения // Социально-культурное развитие Сибири XVII-XX веков: Бахрушинские чтения 1996 г. Новосибирск, 1998; Он же. Западно-Сибирский мятеж 1921 г.: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001; За советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.). Сб. документов. Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. Т. 2 (1920—1921). Документы. М., 2001.

2. За Советы без коммунистов: Крестьянское восстание в Тюменской губернии. 1921: Сб. документов / Сост. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2000.

3. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1. М., 2000.

«ОТСТУПЛЕНИЕ» КАК НОВОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ: ПЕРЕХОД К НЭПУ

Попытка непосредственного перехода к коммунизму привела страну к глубокому экономическому и политическому кризису весной 1921 г., который олицетворял, по словам Ленина, «сильнейшее поражение» и «отступление»: большевики потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более существенное и опасное [1: 159]. Не прошло и полутора лет после ленинского заявления о готовности «лечь костыми» против отмены госмонополии на хлеб (декабрь 1919 г.), как партия ради сохранения власти объявила свободу товарооборота в марте 1921 г.

Ленин признал ошибочность большевистских предположений о непосредственном переходе пролетарского государства к коммунистическому государственному производству и распределению в мелкокрестьянской стране [2:44: 197, 204, 212; 3: 151]. Практический опыт, который, как говорил Ленин, позволит найти правильную дорогу (напомним ленинскую фразу: *там видно будет*), обошелся стране дорогой ценой [4:5—7].

Бухарин объяснил причину провала в осуществлении непосредственного перехода к социализму оригинальным образом: в стране с огромным количеством крестьянских хозяйств это невозможно, так как их никак нельзя сразу «втиснуть» в единый стройный план [5: 195]¹.

Вектор теории социального эксперимента, казавшийся ранее большевикам прямой магистралью к коммунизму, пришлось повернуть в сторону поиска обходных путей и переходных ступеней к конечной цели посредством госкапитализма и социализма. Установка на построение социализма (определявшегося как первая стадия коммунизма) дополнилась осознанием необходимости переходного периода. Ленин сформулировал задачу следующим образом: построить сначала «прочные мостки», ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму, иначе «подойти» к коммунизму и «подвести» к нему десятки млн людей невозможно [3: 151].

Примечательна оценка руководителя коммунистической партии по следующему поводу: фантазерами были названы Лениным коммунисты, которые рассчитывали в три г. переделать экономику мелкого земледелия [6:60]. Но тогда возникает вопрос: кто породил

¹ В 1920 г. в «Экономике переходного периода», как отмечалось выше, высказывались совершенно другие оценки.

коммунистические фантазии и вдохновил десятки млн их носителей? Причина ошибок объяснялась отсталостью страны и низким уровнем образования [7:290]. Провал опытов в области коллективного земледелия на практике нельзя объяснить, как это делал Ленин, только неопытностью и неумением хозяйствовать. Но практика являлась пробацией теоретических построений большевизма. Не удалось уничтожить в крестьянине собственника, что означало бы ликвидацию самого крестьянина как такового.

Отказавшись от устремлений «военного коммунизма» в отношении деревни, Ленин по-прежнему придерживался марксистской стратегии: мелкое обособленное крестьянское хозяйство, постепенно объединяясь, превращается в общественное крупное земледельческое хозяйство [8: 148]. Приоритетной стала задача «переработки» мелкого земледельца как дело, требующее создания материальных предпосылок и не одного поколения.

Троцкий высказал положение о недостаточности обобществления отдельных отраслей сельского хозяйства — необходимо обобществить все сельское хозяйство, чтобы на место «жалкого ковыряния земли», как он выражался, поставить целые пшеничные и ржаные фабрики, коровьи и овечьи заводы [9:436] (данная идея Троцкого позднее особенно приглянулась Сталину).

Цель оставалась прежней — коммунизм. Штурм неба (как образно выразился Маркс о Парижской коммуне) продолжался. Политика могла меняться, причем достаточно круто: Ленин не отрицал возможности при необходимости ликвидировать общество госкапитализма, который только что был допущен в ограниченных и лишь экономических рамках [7:290]. Неслучайно он нарисовал характерный художественный образ, олицетворявший ситуацию того времени: «Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины» [10:86].

Введение нэпа не являлось четко спланированным мероприятием — скорее это была импровизация большевистского руководства. Введение продналога вместо продразверстки, организация товарообмена и разрешение торговли не были частью программы, авторство которой принадлежит исключительно Ленину и его единомышленникам. Нэп отражал своеобразную легитимацию многочисленных требований российского крестьянства. Неслучайно с введением новой экономической политики отчетливо стало проявляться стремление крестьян к увеличению посевной площади, многопольной системе, охотное выполнение продналога облигациями хлебного займа.

Крестьянство стало оказывать добровольное содействие власти в борьбе с бандитизмом. Случай участия амнистированных повстанцев в поимке или ликвидации руководителей «банд» и «шак», как их тогда называли, является не только стремлением заслужить отпущение грехов у советской власти (это вряд ли можно отрицать), но и желанием покончить с явлениями, мешающими наладить мирную трудовую жизнь крестьянина. Крестьянство устало от войн и многолетней изматывающей борьбы, приводивших его хозяйство в упадок и разорение.

Далеко не все крестьянство осознало суть новой трансформации и приняло новую политику. Данный тезис можно подтвердить появлением явления, особенно в Сибири, получившего парадоксальное название «красный бандитизм». Движение зародилось среди бывших красных партизан, боровшихся за установление советской власти — его участники с оружием в руках выступали против нэпа. Оставаясь приверженцами военно-коммунистической идеологии, они по собственной воле продолжали выполнять карательную функцию, часто с особым ожесточением, по отношению к своим односельчанам и землякам, которых считали классовым врагом.

Решение X съезда РКП(б) о замене продрозверстки продналогом законодательно было оформлено постановлением ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» от 21 марта 1921 г. Устанавливалось, что налог должен быть меньше существовавшего ранее обложения методом разверстки. «Теперь настал момент уменьшить тяготы крестьянства», — говорилось в специальном воззвании руководства советского государства к крестьянству. Разверстка отменялась, вместо нее вводился натуральный налог на продукты сельского хозяйства. Налог взимался в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков и наличия скота в хозяйстве. Налог устанавливался прогрессивный: процент отчисления хозяйств середняков, маломощных крестьян должен был снижаться, хозяйства бедняков могли освобождаться от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения налога, находились в их полном распоряжении и могли быть использованы для улучшения и укрепления своего хозяйства, для обмена на продукты промышленности через кооперативные организации или на рынках и базарах [27: 225—227]. Введением нэпа большевики признали право собственности крестьянина на производимый им продукт.

28 марта 1921 г. СНК принял постановление об установлении продовольственного натурального налога на 1921—1922 г. для зерновых продуктов в размере не свыше 240 млн пудов (менее 57% объема, который должен был быть собран в 1920—1921 гг. на территории

Республики, не считая Украины и Туркестана, методом госразверстки — 423 млн пудов) [28: 245—247, 285].

Замена продразверстки продналогом, величина которого даже в сокращенном объеме оказалась непомерной для разоренного войнами и неурожаем крестьянского хозяйства, не улучшила в первый год нэпа положение крестьян. В 1921/22 сельскохозяйственном году план по сбору продналога не был выполнен — заготовлено около 233 млн пудов хлеба [29: 48]. Невыполнение плана было обусловлено объективными причинами. Из-за нехватки зерна недосев в 1921 г. в целом по губерниям составил 25%. В Саратовской губернии было засеяно не более 60% площадей, в Ярославской — 50%, в Самарской — 65%. С огромным трудом засеянное погубила засуха, послужившая причиной неурожая и голода 1921 г. В результате сокращения посевных площадей и неурожая в 1921 г. было собрано даже меньше урожая, чем в последний год «военного коммунизма» — 1 689 142 тыс. пудов против 2 082 607 тыс. пудов в 1920 г. В 1922 г. по сравнению с 1921 г. в целом по стране посевная площадь из-за голода и разорения хозяйства сократилась [29: 42, 52].

Переход к новой политике происходил постепенно, сначала в рамках местного товарооборота², путем пробных шажков. Так, трудгужповинность сохранилась до конца 1922 г. Только 22 ноября 1921 г. был издан декрет СНК РСФСР «Об осуществлении периодических трудгужевых повинностей на началах трудгужевого налога», введенный в действие с 1 января 1922 г. Трудгужналог строго регламентировался: было установлено определенное число дней, которые подлежали отработке, в первую очередь на вывозке топлива. [30: 658].

Постепенно формировалась новая налоговая система — в результате к концу 1922 г. крестьянство уплачивало четыре налога: единый натуральный, общегражданский (единовременный), подворно-денежный и трудгужналог.

С весны 1922 г. вместо множества натуральных налогов был установлен единый натуральный налог на продукты сельского хозяйства и предоставлялась возможность уплаты его различными видами сельхозпродукции по соответствующим эквивалентам основных единиц налога (ржи или пшеницы). Замена многочисленных натуральных налогов единым продналогом создавала условия для развития отраслей сельского хозяйства, которые приносили большой доход крестьянскому хозяйству.

Подворно-денежным налогом облагалось исключительно сельское население в целях пополнения средств местных бюджетов. Введен он был постановлением ВЦИК от 25 мая 1922 г. Дифференциация

² В соответствии с декретом ВЦИК о замене продразверстки продналогом от 21 марта 1921 г. обмен допускался в пределах местного хозяйственного оборота.

обложения подворно-денежным налогом с отдельных групп крестьянства проводилась на одинаковых основаниях с натуральным налогом. Введение подворно-денежного налога упорядочивало систему местных налогов, способствовало устранению местного налоготворчества. Например, в Тамбовской губернии до этого имели место 38 незаконных налогов (на сахар, керосин, вино, музыкальные инструменты, на печки и т. п.) [29: 51].

Кроме того, в течение 1922 г. были введены еще два общегражданских налога — от 11 февраля и 2 ноября 1922 г., которые имели целевое назначение — оказание помощи голодающим. Распространялись они на все население России. Носили они временный характер и имели целевое назначение — восстановление сельского хозяйства и ликвидацию последствий голода [31].

Настроение основной массы крестьянства улучшалось со второй половины 1922 г. в связи с хорошими видами на урожай. В 1922/23 сельскохозяйственном году объем хлебных заготовок составил 361 млн пудов хлеба [29:48] — в 1,6 раза больше, чем в предыдущем году.

Характерно следующее обстоятельство: переход от военного коммунизма к нэпу в значительной мере совершался привычными для партийцев методами военного коммунизма (как отмечалось выше, на это впоследствии обратил внимание Троцкий). Свидетельств тому можно привести множество.

В чекистской информации в феврале 1922 г. (почти год прошел после объявления нэпа в стране) сообщалось о следующих фактах, имевших место в Омской губернии: «Бесчинства продработников в губернии достигают совершенно невероятных размеров. Повсеместно арестованных крестьян сажают в холодные амбары, бьют нагайками и угрожают расстрелом. Крестьяне, боясь репрессий, бросают хозяйства и скрываются в лесах. 156-я проддružина и 3-й продотряд приказали жителям нескольких сел собраться на общее собрание. Собравшихся кавалерийский отряд начал избивать нагайками и обнаженными шашками. Не выполнивших полностью продналог гнали через село и топтали лошадьми. После чего сажали голыми в холодные амбары. Многих женщин избили до потери сознания, закапывали голыми в снег, производили насилие. Продработники местами создали подпольные ЧК. Положение крестьян катастрофическое. Введение дополнительного налога заставляет крестьян собирать милостыню. Крестьянство обменяло почти все свое имущество на хлеб. 50% населения голодают.

... В Славгородском уезде большинство населения для выполнения продналога распределяют имущество... В Мурмесской волости продинспектора создали штаб, который производил самочинные обыски и аресты. Арестованных держали в совершенно невероятных условиях в течение двух недель. В Омском уезде население питается исключительно суррогатами, ибо весь хлеб сдан по продналогу.

Крестьяне распродали весь сельскохозяйственный инвентарь. Настроение крестьян в губернии крайне возбужденное. Круголучинский сельсовет присужден к трем г.м принудительных работ. Посевная площадь в 1922 г. сократится на 50%. В Николаевском уезде на Тутовский район наложен дополнительный продналог в 45 тыс. пудов, в связи с чем в некоторых селах были выступления женщин, окружавших исполкомы и требовавших оставления хлеба и семян для весенних посевов» [29: 573].

В Тюменской губернии в январе 1922 г. в результате 14 сессий ревтрибунала только за три дня были приговорены к принудительным работам 760 крестьян. Подобные явления не были особенностью только Тюменской губернии. В Томской области ревтрибунал выносил решения о конфискации имущества неплательщиков [29: 564, 565].

Выездные сессии ревтрибунала и нарсуда осенью 1921 г. и зимой 1922 г. практиковались повсеместно по стране против неплательщиков продналога. Принудительные и репрессивные меры при взимании продналога осуществлялись при помощи вооруженных отрядов. Отмечалось, что успешное выполнение продналога происходило в местах расположения воинских частей.

Власти закрывали и опечатывали мельницы до выполнения продналога. Неплательщики продналога подвергались арестам. Ходатайства о снижении налога не принимались. В Одоевском уезде Тульской губернии в деревнях Драково, Надеждино, Братьково начальник уездной милиции, он же начальник продотряда Брызгалович и уездный подработчик Игнатов избивали председателей исполкомов, крестьян, пьянствовали и собирали для себя продукты. В деревне Братьково крестьяне, собравшиеся на сход, были загнаны в сарай и избиты плетью [29: 560, 565, 677, 703].

Величина продналога, как и ранее продрозверстка, часто не соответствовала реальным возможностям крестьян: приоритет заключался в потребности получения продовольствия любой ценой. Именно этим обстоятельством можно объяснить заметный разрыв между заданиями и их реальным выполнением. Сбор продналога в 1921 г. не соответствовал плану. Так, в Тамбовской губернии за весь 1921 г. собрали лишь 60% хлеба [29: 556]. Административная система продемонстрировала собственную неэффективность и затратность: в Гжельском уезде Тверской губернии работали одновременно 4 местных нарсуда, 2 сессии губсовнарсуда и сессия ревтрибунала. Но план по налогу так и не был выполнен — причина заключалась в объективном факторе — неурожае. Крестьяне были вынуждены покупать хлеб на базаре для выполнения налога. В Тверской губернии осенью 1922 г. были отданы под суд 1085 человек за неуплату налога, административные взыскания наложены на 232 [29: 705, 706, 712].

В 1922 г. только в Вятской губернии были арестованы 8968 человек, в Нижегородской — 6642, в Северо-Двинской — 5415, в Орловс-

кой — 2171, в Рязанской — 1699 человек. Отданы под суд 1085 неплательщиков в Тверской губернии, в Воронежской — 1010 (Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1. [29:48].

Недовольство крестьян находило свое конкретное выражение в специфических крестьянских формах сопротивления. Одной из таких форм пассивного протеста крестьян являлось сокрытие пашни (посевной площади) и скота, поскольку размер налога зависел от количества пашни на едока, обеспеченности скотом и урожайности. Сокрытие пашни и скота было массовым явлением и составляло от 10 до 20% пашни и до 50% — скота [29: 50]. В борьбе с этим явлением советское государство еще более усилило налоговый пресс и ужесточило административно-репрессивные меры воздействия. Власти пытались проводить выявление и учет фактических посевов. За скрытую пашню взыскивался штраф в двукратном размере от причитавшегося за эту площадь продналога, а виновные в сокрытии посева и скота привлекались к судебной ответственности.

Сбор продналога за скрытую от учета землю порождал в первую очередь недовольство бедняков. Сокрытие от учета пашни осуществлялось беднейшим крестьянством, семьями красноармейцев, вынужденных идти на этот шаг разорением хозяйства в гражданской войне: нечем и неначем было засеять поля. Однако план продналога устанавливался по наличию фактической земли, вне зависимости от того, сколько крестьянин мог засеять (наличие семенного материала, рабочего скота, инвентаря). Крестьяне-бедняки, не имея возможности заплатить продналог, продавали семенной материал и сельхозинвентарь, скот, чтобы оплатить налог. Для оплаты масляного налога покупали на базаре масло. В результате после уплаты налога беднота оставалась без хлеба и других продуктов. В посевную кампанию крестьяне, за отсутствием лошадей, запрягали коров, сами запрягались вместе с женами, детьми в плуги, бороны. Чтобы сдать налог, приходилось выстаивать очереди в заготконторах.

Политика власти заставляла бедноту наниматься к кулакам или бросать хозяйство и уезжать в город на поиски работы и заработка. Кулак имел возможность добыть фиктивные квитанции об уплате продналога: взяточничество среди продработников получило широкие размеры.

На основе постановления IX Всероссийского съезда Советов 17 марта 1922 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об едином натуральном налоге на продукты сельского хозяйства на 1922/1923 г.». Новый налог отличался от предыдущего следующими особенностями: устанавливался единый натуральный налог, определялась единая весовая мера начисления налога (пуд ржи или пуд пшеницы в зависимости от района распространения той или иной культуры), вводился дополнительный признак для характеристики хозяйства — обеспеченность скотом. Таким образом, налог с каждого отдельно-

по хозяйствам начали слагаться в зависимости от сочетания следующих трех показателей: количества пашни на едока, обеспеченности скотом и урожайности (определялись 11 разрядов урожайности). Уплата налога могла производиться различными видами сельхозпродукции по устанавливавшимся эквивалентам к основной весовой мере исчисления налога — гуду ржи или пшеницы [32: 184].

Декретом СНК РСФСР от 8 июня 1922 г. устанавливался на особых основаниях единый натуральный налог в скотоводческих районах. Этот налог исчислялся в мясных единицах по количеству голов скота всех видов, за исключением молодняка. В качестве единицы обложения принималась голова крупного рогатого скота, отдельные виды скота пересчитывались на основе соответствующих эквивалентов. Ставки налога дифференцировались в зависимости от обеспеченности хозяйства скотом (пять групп). Необлагаемый минимум был установлен в пять голов крупного рогатого скота [33:463].

Огромное напряжение социальной ситуации и ожесточение борьбы с крестьянством как основной частью населения, принявшей характер гражданской войны, заставили советское государство частично вернуться к обещаниям, декларированным в Декрете о земле 1917 г. Постановлением IX Всероссийского съезда Советов вернуло возможность свободного выбора форм землепользования: товарищеского, общинного, отрубного, хуторского или смешанного.

Регламентировалась система землепользования. Весной-летом 1922 г. появился ряд законов и постановлений советской власти в области землепользования: Закон о трудовом землепользовании (Постановление 3-й сессии ВЦИК IX созыва от 22 мая 1922 г.), «О порядке рассмотрения земельных споров» (Постановление 3-й сессии ВЦИК IX созыва от 24 мая), «По вопросу о кодексе земельных законов» (Постановление 3-й сессии ВЦИК IX созыва от 25 мая), «О порядке введения в действие в автономных дружественных и договорных республиках РСФСР основного закона о трудовом землепользовании и дополнительного к нему закона о порядке рассмотрения земельных споров» (Постановление президиума ВЦИК от 20 июля 1922 г.).

Осенью 1922 г. положения указанных законов были включены в принятый 30 октября 1922 г. 4-й сессией ВЦИК IX созыва Земельный кодекс. Новое советское земельное законодательство в определенной мере можно рассматривать как уступку крестьянским требованиям. Суть основных положений сводилась к следующему: основополагающим принципом советской земельной политики оставалась национализация земли. Навсегда отменялась частная собственность на землю, недра, воду и леса. Категорически запрещались всякие сделки с землей — купля, продажа, завещание, дарение, залог. Право на землепользование давал только труд. Пока члены хозяйства занимались обработкой земли, соответствующий участок оставался в их

постоянном и непрерывном пользовании. В земельном законодательстве закреплялся принцип свободы выбора крестьянским населением форм и порядка землепользования. Управление земельными делами возлагалось на общину, которая получала право юридического лица. Она отвечала перед государством за правильное и целесообразное использование земельных угодий, а Советы и земельные органы проводили все мероприятия в области поземельных отношений только с согласия и через общины. Была упорядочена система переделов. Разрешалась трудовая аренда земли, но при этом запрещалась аренда такого количества земли, которое арендатор не мог обработать силами своего хозяйства. Допускалось применение наемного труда в крестьянских хозяйствах при неуклонном исполнении законов об охране и нормировании труда. Поощрялись коллективные формы хозяйства (товарищества по обработке земли, сельскохозяйственные коммуны, артели), которым государство предоставляло ряд льгот [34: 140—145, 148—179].

Догущение капитализма в экономической сфере сопровождалось одновременным ужесточением политической системы. Чтобы машина не вырвалась из рук, Ленин добивался, чтобы советское государство ограничивало, контролировало, карало попытки капитализма выйти за установленные рамки государственного капитализма. Требовалось усилить репрессии против политических врагов советской власти в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке, с обязательной постановкой ряда образцовых процессов в Москве и других центрах страны, воздействием на судей и членов ревтрибуналов через партию для усиления репрессий [11: 396, 397].

Были произведены массовые аресты членов партии левых эсеров. 8 июня — 7 августа 1922 г. в Москве состоялся первый политический процесс в России после революции — открытый суд над членами партии эсеров. 12 человек из 34 подсудимых были приговорены Верховным трибуналом ВЦИК к высшей мере наказания. Им вменялась в вину организация заговоров и восстаний против советской власти, поддержка иностранной интервенции, «убийства рабочих вождей». Часть подсудимых была присуждена к изоляции на сроки от двух до десяти лет. Ряд «раскаявшихся» был освобожден от наказания [29: 777].

Ленин добивался обоснования и легитимации понятия «террор» в уголовном законодательстве посредством положения, мотивирующего суть и оправдание террора, его необходимость. Требовалось формулировать его как можно шире, чтобы применить революционное нормотворчество на практике — карать высшей мерой наказания, лишением свободы или высылкой за границу [12: 190]. В гражданском законодательстве требовалось решительно расширить возможность вмешательства государства в гражданские отношения [13:412].

Эксперимент с «военным коммунизмом» как формой непосредственного перехода к новому обществу провалился, но стратегичес-

кис установки остались прежними. Всех большевистских руководителей (несмотря на тактические разногласия) объединяло восприятие понятия «социализм» как альтернативного «капитализму» способа организации общества. При всех различиях во взглядах все они были членами правящей партии, поставившей задачу построения социалистического общества. Социализм для них означал справедливое и гуманное общество, а суть его становилась скорее воплощением моралистской идеи, чем реальной институциональной или экономической программы. Социализм обозначал также конкретную социальную формацию в антитезе «социалистическое общество» — «капиталистическое общество». Вера в идеи социализма являлась основой мировоззрения партийцев. Идеалы социализма они могли понимать по-разному, но всех их объединяла убежденность в том, что история движется по пути замены капитализма социализмом. Требовалась разработка теоретических основ перехода к социализму, в первую очередь, — в области экономики, хозяйственного механизма.

Подтверждением приведенных оценок может служить дискуссия между двумя видными партийными теоретиками — Преображенским и Бухариным, которая имела место в первые годы после отказа от «военного коммунизма».

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ: ПРОЕКТ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Основой теоретических построений Преображенского являлась антитеза «капитализм — социализм». В этом понимании социализм как самая справедливая и гуманная система не просто альтернативен капитализму, но «выше» его. Таким образом, социализм приобретал смысл кульминационной точки истории, конечного итога развития человеческого общества. Социализм ассоциировался лишь с государственной формой, все другие подлежали устранению (идея Преображенского о несовместимости социализма с любой формой частной собственности получила впоследствии широкое распространение).

Преображенский выдвинул идею о замене понятия нэпа термином «политика социалистического накопления», аргументируя свой тезис отсутствием необходимости противопоставлять нэп «старой» экономической политике военного коммунизма, принадлежащей прошлому.

В модели социализма, созданной Преображенским, по существу, не нашлось места индивидуальному крестьянскому хозяйству. Все «досоциалистические формы» должны были, по схеме Преображенского, внести вклад в индустриализацию страны, а затем, когда государственный уклад станет по своей экономической мощи недосяга-

емым, уйти с исторической сцены. Тогда уже социализм сумеет обеспечить свое поступательное развитие собственными государственными накоплениями — на все это отводилось несколько десятилетий.

Для осмысления динамики советского хозяйства Преображенский предпринял сравнение начальных ее шагов с началом капиталистического способа производства. Однако Преображенский был подвергнут резкой критике за «чудовищную аналогию» (термин Бухарина) с другой стороны: сопоставление «эпохи грабежа и кровавого насилия», с которой начинался капитализм, с эпохой становления гуманного социалистического общества, объявлявшего такие методы неприемлемыми, не укладывалось в сознании правоверных партийцев³.

В приведенном сравнении Преображенского отмечены элементы сходства, но несравненно больше различий. Капитализм имел возможность пробежать свой период первоначального накопления еще в период господства абсолютизма в политике, простого товарного производства и феодально-крепостнических отношений в области хозяйства [14:55]. Торговый капитал развивался в недрах феодального общества, первые капиталистические предприятия могли функционировать, не вступая в непримиримое противоречие с существующим политическим строем и формами собственности. Комплекс государственного советского производства появился в результате прорыва старой системы по всем направлениям — в результате социальной революции. Этот факт имел для Преображенского определяющее значение в понимании не только генезиса нового общества, но и всего последующего его строительства.

Национализацией того, что было накоплено капитализмом, не только не заканчивался период первоначального социалистического накопления, а наоборот. Период такого накопления, по Преображенскому, мог развернуться только после завоевания власти и акта социализации важнейших отраслей хозяйства [14:59].

Можно ли вообще говорить о первоначальном социалистическом накоплении по аналогии с первоначальным капиталистическим накоплением? Последнее начиналось до капиталистического производства, тогда как первое должно происходить одновременно с началом перехода к социалистическому производству и одновременно с накоплением в самом социалистическом комплексе. Преображенский полагал, что метод аналогии можно использовать в условном смысле: экономическая сущность первоначального социалистического накопления по отношению к социалистическому производ-

³ На заре капитализма процесс первоначального накопления протекал чрезвычайно болезненно, сопровождался величайшими бедствиями для трудящихся масс, порождая острейшие социальные кризисы. Методы «великого перелома», сплошной коллективизации 1929–начала 1930-х годов превзошли многие самые кровавые аналогии прошлых эпох.

ству такова же, как и первоначального капиталистического накопления по отношению к капиталистическому производству. Первоначальное капиталистическое накопление на основе торгового капитализма предшествует капиталистическому производству, однако весь период первоначального накопления охватывает также первоначальный период развития капиталистической промышленности.

Отличие первоначального социалистического накопления от социалистического накопления имело для Преображенского принципиальное значение. Социалистическим накоплением он называл присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди субъектов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства [14:60].

Под первоначальным социалистическим накоплением подразумевалось накопление в руках государства материальных ресурсов главным образом из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства. Однако это накопление также носило характер предварительного накопления средств для социалистического хозяйства и этой цели было подчинено. Преобладало накопление за счет негосударственных источников. Поэтому весь этап становления переходного советского хозяйства Преображенский относил к периоду первоначального, или предварительного, социалистического накопления. Этот период в понимании Преображенского имел свои особенные черты и особенные законы.

Накопление капитала из колониальных источников для советской системы было невозможно. Но обложение несоциалистических форм, считал Преображенский, не только имеет место в период первоначального социалистического накопления, — оно должно играть решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз, так как источники необходимых средств сосредоточены прежде всего в «досоциалистических формах».

В период социалистического накопления, утверждал Преображенский, государственное хозяйство не может обойтись без эксплуатации мелкого производства, без экспроприации части прибавочного продукта деревни [14:65]. Преображенский настаивал на том, что в период первоначального накопления необходимо максимально использовать источники досоциалистических форм хозяйства. Пробежать быстрее этот период, поскорей достигнуть момента, когда социалистическая система развернет свои преимущества в сравнении с капитализмом, — это был вопрос, в оценке Преображенского, жизни и смерти для советского государства, иначе пришлось бы долго ожидать восстановления промышленности даже в дореволюционных размерах, если опираться только на прибавочный продукт самой промышленности.

Мысль о том, что социалистическое хозяйство может развивать-

ся самостоятельно, не затрагивая ресурсов мелкобуржуазного, в том числе крестьянского хозяйства, воспринималась Преображенским как реакционная мелкобуржуазная утопия. Задачу социалистического государства он видел не в том, чтобы получать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем получал капитализм, а в том, чтобы иметь больше из еще большего дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны.

Процесс расширения и укрепления государственного хозяйства немислим без участия частного, в том числе крестьянского хозяйства (включая среднекрестьянское). В этой связи перестройка всей технической базы, по Преображенскому, должна ложиться не только на плечи нескольких млн рабочих, но проходить при участии двух десятков млн крестьянских хозяйств [15:224].

Преображенский подвергался критике за использование терминов «эксплуатация», «колонии», «неэквивалентность обмена», несовместимых, по мнению многих «справедных марксистов», с новым строем социализма. Социалистический сектор и «досоциалистические формы» рассматривались Преображенским в состоянии борьбы, в ходе которой происходит «пожирание» последних. Отношения между государственным сектором (передовым, прогрессивным) и «пожираемыми» (архаичными) формами, прежде всего крестьянством, уподоблялись отношениям, которые традиционно складывались между капиталистическими метрополиями и их колониями. Оппонируя своим критикам (Бухарину в особенности), Преображенский разъяснял свой подход в вопросе о колониях ссылкой на бывшие колонии капиталистических стран. Не крестьянское хозяйство оказывается в положении колоний, утверждал Преображенский, а все колонии оказываются в положении крестьянского хозяйства, так как структура того и другого одинакова, то есть экономически отсталая.

Употребление другого термина — «эксплуатация», за который критиковался Преображенский, объяснялось отражением неэквивалентности обмена, основанного на активном балансе при обмене продукции на стороне государственного хозяйства, то есть «эксплуатацией» социалистической системой хозяйства досоциалистических форм («перекачка» средств через механизм неэквивалентного обмена). Оно трактовалось как реальное взаимодействие систем хозяйства, представленных классами рабочих и крестьян [15: 228]⁴. В аргументации критиков смешивалась политическая (классовая) и экономическая интерпретация.

В ответ на критику Преображенский заявлял: дело не в терминах — придумайте другие. Главное не путать отношения между

⁴ Напрашивается своеобразная аналогия: главный критик Преображенского — Бухарин — позднее сам будет подвергнут недобросовестной трактовке и остракизму в отношении логунга «обогащайтесь».

классами и отношения между системами хозяйства. В этом смысле «эксплуатация» социалистической формой досоциалистических форм Преображенским не отождествлялась с «эксплуатацией» пролетариатом крестьянства. Советское общество, подчеркивал Преображенский — это система равновесия, которая зависит от взаимоотношений пролетариата с крестьянством. «Эксплуатация» мелкого производства не предполагала обязательной эксплуатации пролетариатом мелких производителей. Но увеличение государственных расходов на фонд накопления и государственный аппарат должно было, подчеркивал Преображенский, восполняться в том числе за счет мелких производителей, крестьян. Он отмечал: крестьянское хозяйство — не колония государственной промышленности, а участник расширенного социалистического воспроизводства; рабочий не эксплуататор крестьянства, а участник в накоплении на развитие воспроизводства всего общества в целом [15: 226, 227; 16: 11].

Несомненно, Преображенский неоднократно и неудачно употреблял некоторые термины, порой неправомерно отождествлял понятия «первоначальное социалистическое накопление» и «социалистическое накопление» — это можно объяснить тем, что он так и не избавился от влияния прежних собственных военно-коммунистических идей, которые ранее активно пропагандировал (в «Азбуке коммунизма», например). Военно-коммунистическая идея насилия как прогресса заложена в самой природе модели первоначального социалистического накопления.

Преображенский отвергал обвинения в свой адрес по поводу того, что он призывал выкачивать с деревни как можно больше, выдвигая лозунг «бери больше с крестьянина». Его позиция выражалась в следующих формулировках: проблема «бери или дай» принудительно поставлена сложившимися на практике пропорциями развития, а именно тем обстоятельством, что система, существующая в капиталистическом окружении, может бороться за существование лишь путем быстрого развития социалистических форм производства. В таких условиях для расширенного воспроизводства с каждым годом потребуется все возрастающее количество прибавочного продукта в виде материальных средств производства. Эти ценности могли быть получены из источников только внутри страны, особенно из прибавочного продукта крестьянского хозяйства.

Казуистика проявилась в положении Преображенского: обложение класса сельских кулаков, пользующихся наемным трудом, по его обоснованию, означало накопление за счет батрацкого труда деревни. Поскольку социалистическое государство, отмечал Преображенский, облагает торговцев, скупщиков, капиталистов и кулаков, получающих отчасти свои доходы от крестьянства, ведущего самостоятельное хозяйство, государство получало здесь накопление за счет кре-

стьянского хозяйства, причем указанные субъекты представляли из себя, с одной стороны, аккумуляторов капиталистического накопления, с другой стороны — передаточную инстанцию на одном из направлений социалистического накопления.

Особый интерес представляют размышления Преображенского по поводу эквивалентности обмена между государственным хозяйством и несоциалистической средой. Постепенное преодоление неэквивалентного обмена предполагало приближение уровня производительных сил к уровню передовых капиталистических стран. Рассматривая неэквивалентный обмен как налог на все хозяйство в пользу реконструкции, Преображенский не отрицал, что от неэквивалентного обмена страдает крестьянство, но при этом подчеркивал: более всего — зажиточное крестьянство. При наличии разрыва мировых промышленных цен и внутренних (внутренние гораздо выше мировых) хозяйственное развитие, обеспечивающее расширенное воспроизводство в государственном секторе, не представлялось Преображенскому без неэквивалентного обмена с секторами частного производства [14: 80; 17:26, 27, 70].

Социалистическое накопление, утверждал Преображенский, не может угрожать разрывом с крестьянством: успешное накопление не приведет к разрыву с крестьянством, так как от перепроизводства выигрывает как раз покупатель, а не производитель. Разрыв с крестьянством на практике возникает вследствие товарного голода⁵, а товарный голод является следствием недостаточного накопления. Вопрос об эквивалентном обмене с крестьянским хозяйством воспринимался Преображенским практической утопией и теоретической ошибкой: не могло быть эквивалентного обмена в условиях, когда одна система развивалась за счет вытеснения другой. Возможность эквивалентного обмена Преображенский рассматривал как некий налог в пользу мелкого производства [18:251, 253-254].

Развитие товарности крестьянского хозяйства увеличивало размеры экспорта. Продукция промышленности страны в общем объеме экспорта играла традиционно меньшую роль, чем экспорт продуктов сельского хозяйства. Увеличение возможностей социалистического накопления основывалось на доходе крестьянского хозяйства. Чем больше экспорт продуктов деревни, тем больше экономическая зависимость последней от государства, связывающего крестьянское хозяйство с внешним рынком. Монополия внешней торговли не только ставит в зависимость мелкое производство от государства в реализации излишков, подставляя его, по терминологии Преображенского, под насос социалистического накопления, но является важным инструментом для получения добавочной прибыли на внешнем рынке [14:82, 84].

⁵ Товарный голод — своеобразное проявление структурного кризиса в экономике.

Преображенский не считал нормальным явлением формирование цен на продукты государственной промышленности таким образом, что при обмене продукции этой промышленности на продукты частного хозяйства происходит обмен эквивалентов. Нельзя допустить, заявлял он, чтобы социалистическая система и система частнотоварного производства, включенные в одну систему национального хозяйства, могли бы существовать рядом одна с другой на основе полного экономического равновесия между ними: такое равновесие длительно существовать не может, потому что одна система должна вытеснять другую. Этот сложный вопрос решался Преображенским прямолинейно: злополучный термин «пожирание» выступал синонимом победы одной системы над другой. Динамика в данном вопросе означала одно из двух: либо капиталистическая форма вытесняет государственное хозяйство, либо социалистическая форма развивается и за счет собственного накопления, и за счет внесоциалистической среды.

Потеря в скорости в период первоначального накопления в развитии технико-экономической базы определялась отсутствием средств. Их возмещение решалось усилением накопления за счет несоциалистической среды. Одним из важнейших средств такого накопления в этой схеме становился неэквивалентный обмен ценностей с внесоциалистической средой. Такой обмен с активным балансом на стороне социалистической формы устанавливался при помощи соответствующей политики цен на продукты государственной промышленности. Преображенский считал объективно необходимой политику цен, направленную на «эксплуатацию» частного хозяйства во всех его видах [14:88, 89].

Препятствия, которые возникали на этом пути для государственного хозяйства, заключались не в недостатке экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего в слабой покупательной способности частного хозяйства и в сравнительно медленном увеличении этой способности. Предвидя осложнения политического свойства, вытекающие из взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в области эквивалентности обмена, Преображенский решительно отстаивал точку зрения, что эквивалентный обмен при социализации крупной промышленности является еще большей утопией, чем при господстве монополистического капитализма.

Возможность обложения крестьянства на основе соответствующей политики цен обосновывалась аргументом: главным покупателем продуктов государственной промышленности является не деревенская беднота. Преображенский сознательно избегал термина «на основе повышения цен», поскольку утверждал, что обложение не только возможно при падающих ценах, но оно должно происходить именно при падающих или неизменных ценах: при удешевлении се-

бестоимости продуктов снижение цен происходит не на всю сумму снижения, а на меньшую, остаток же идет в фонд социалистического накопления.

Резюмируя изложенное, Преображенский отмечал: социалистическое накопление может начаться только после пролетарской революции, тогда как процесс первоначального капиталистического начинается и протекает до буржуазных революций. Россия к тому же заплатила дань в виде разрушения производительных сил в период революции и войны. Первоначальное социалистическое накопление началось не с увеличения фонда прибавочного продукта в государственном хозяйстве, а с сокращения ежегодного дефицита в этом хозяйстве. В этом выделось характерное отличие социалистического накопления по сравнению с капиталистическим. Социалистическое накопление начиналось с уровня ниже нуля. Ноль прибавочного продукта во всем государственном хозяйстве и в то же время ноль убытка — этот нулевой уровень мог показаться идеалом при переходе от периода военного коммунизма к периоду предварительного социалистического накопления [14:90, 95, 98].

Социалистическое производство вынуждено «пробежать» (термин Преображенского) длительный период накопления материальных ресурсов, в течение которого отдельное предприятие государственного хозяйства было технически не выше, а ниже, экономически не сильнее, а слабее современного капиталистического предприятия передовой буржуазной страны. Вся экономика государственного хозяйства в этот период должна быть подчинена, с одной стороны, задаче возможно быстрого накопления ресурсов, достаточных для перестройки технической базы промышленности на основе электрификации, и экономически целесообразного распределения ее по территории, с другой стороны — задаче охраны этой новой экономики от конкуренции со стороны сильной капиталистической экономики.

QUID EST ЗАКОН ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Взгляд Преображенского выходил далеко за пределы простого воспроизводства довоенной структуры и уровня народного хозяйства, связанного с его восстановлением. В контексте долгосрочных целей неизбежно возникал вопрос о ресурсах для осуществления этого проекта. Накоплений советского государственного сектора было безнадежно мало в сопоставлении с масштабами преобразований. Недостаток средств предлагалось восполнить реализацией концепции первоначального социалистического накопления, которая стала стержнем всей его теоретической системы. В отличие от «социалистического накопления» как процесса расширения производства за счет капитализации части прибавочного продукта,

созданного в рамках социалистического государственного хозяйства, «первоначальное социалистическое накопление» ориентировалось на источники вне комплекса государственного хозяйства.

Проект первоначального социалистического накопления Преображенского представлялся его автору центральной движущей силой всего советского государственного хозяйства на этапе переходного периода. Преображенский считал возможным возвести его в ранг экономического закона социализма, причем не просто рядового закона в числе других, а основного закона экономики переходного периода, выражающего основные признаки советского хозяйства, оказывающего определяющее воздействие на все процессы экономической жизни до тех пор, пока государственное хозяйство не получит экономическое превосходство над капиталистическим укладом. Ему придавалось универсальное значение.

Формулировался закон следующим образом: чем более экономически отсталой, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции, — тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, то есть тем меньше оно будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное наследство в виде высоко развитой индустрии и капиталистически организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний, то есть уменьшить эксплуатацию последних, тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, то есть опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия [14: 104].

Столь объемная формулировка закона не представляется удачной не только своим размером, но и авторским желанием включить в свое определение по возможности все нюансы связей, отражаемых в законе. Можно дискутировать по поводу того, возможно ли вообще определять понятие «первоначальное социалистическое накопление» как регулятивный экономический закон, на основе которого функционирует хозяйственный механизм — в большей степени оно выражает метод (способ, результат) концентрации хозяйствен-

ных процессов. Само накопление предполагает существование закона, на основе которого оно осуществляется (капиталистическое накопление осуществлялось, в частности, на основе закона стоимости). Накопление может отражать также суть, сердцевину экономической и хозяйственной политики (например, политики социалистического накопления, как предлагал Преображенский).

Закон первоначального социалистического накопления как закон поддержания развития системы в представлении его создателя должен был действовать до преодоления экономической и технической отсталости страны. Нарушение необходимого минимального накопления наносило удар не только по государственному хозяйству, но и задерживало развитие крестьянского хозяйства.

Фактором, определяющим устойчивость социалистической формы в борьбе с капиталистической, называлось сращивание государственной власти с государственным хозяйством. В период первоначального капиталистического накопления государство нередко содействовало данному процессу, в том числе мерами насилия. Но для Преображенского подобный патернализм оказывался несравним с ролью, какую должно играть пролетарское государство в экономическом процессе: пролетарское государство и пролетарское хозяйство представлялись единым целым — это увеличивало одновременно как политическую силу государства, так и экономическую силу государственного хозяйства [14: 111]. Использованию политических сил для реализации экономических задач придавалось, таким образом, решающее значение.

На основе приведенных рассуждений Преображенский приходил к выводу: между капиталистической и социалистической экспансией есть формальное сходство, выраженное в стремлении развиваться не только за счет своих собственных ресурсов, но за счет вытеснения исторически отсталых способов производства и за счет их постоянной эксплуатации. Но методы борьбы капитализма и социализма со старыми формами, по Преображенскому, различны. Капитализм побеждает в условиях свободной конкуренции с докапиталистическими формами хозяйства, социализм побеждает в едином комплексе государственного хозяйства, выступающего как единое целое, усиленное политической властью, — в условиях систематического ограничения и почти ликвидации свободной конкуренции. По оценке Преображенского, свобода конкуренции после военного коммунизма была лишь видимостью, педагогической мерой для подтягивания и рационализации работы государственных предприятий, а не возвращением к свойственной капитализму форме взаимоотношений со старым способом производства, возрождением свободы конкуренции, от которой сам капитализм перешел в стадию монополистических объединений [14: 112]. Правилom для периода первоначального социалистического накопления называлось ог-

раничение или даже ликвидация свободы конкуренции, использование преимуществ государственной монополии, борьба единым комплексом государственного хозяйства, комбинация экономических средств с политическими. Таким образом, Преображенский совершенно четко показал, что «пожирание» социалистическим укладом частного хозяйства не является чисто экономическим явлением, здесь большой вес приобретают насилие и внеэкономические методы.

Взаимоотношения между государственным хозяйством и мелкобуржуазным способом производства Преображенский выражал вполне определенно: государственное хозяйство подчиняет себе все элементы простого товарного производства, но формируется система непосредственных взаимоотношений между мелким производством и государственным хозяйством. Сущность этих взаимоотношений должна определяться следующим: мелкое производство разбивается на три части; одна часть остается мелким производством, другая кооперируется, третья объединяется на основах некой новой кооперации, представляющей из себя особый тип перехода мелкого производства к социализму не через капитализм и не через простое поглощение мелкого производства государственным хозяйством [14: 113, 114].

В качестве конкретных мер накопления предлагалось увеличить налоговое обложение частного хозяйства, прежде всего в отношении зажиточных слоев деревни, увеличить отпускные цены на промышленные товары широкого потребления. Деревня предъявляла платежеспособный спрос, превышавший производительные силы промышленности. Усиление развития легкой промышленности и ограничение капитальных затрат Преображенский рассматривал как реакционную утопию [19:60—61, 63, 64].

Прообразом новой формы кооперации, в представлении Преображенского, могли быть крестьянские коммуны и артели. Но он не решался на теоретический анализ того, что еще не существует, а только должно возникнуть. Перспективным ему представлялся поиск путей использования государственной монополии в интересах кооперации, которые в условиях ограничения свободы конкуренции для капиталистической формы давали бы максимальные результаты.

Преображенский не прогнозировал перспективы кооперации, оставив ее на обочине своей теории. Нежелание теоретически анализировать процессы кооперирования объяснялись следующим: никто не знает и знать не может, как конкретно будет проходить трансформация крестьянского хозяйства в процессе социализации сельского хозяйства — есть гипотезы, нет реального явления в практике. Он не отрицал необходимости кооперирования сельского хозяйства. Кооперирование крестьянства рассматривалось как часть вопроса о развитии всего народного хозяйства. Преображенский утверждал, что в кооперировании деревни необходим долгосрочный кредит, особенно на средства производства. Но бедность государственного

хозяйства представлялась ему непреодолимой преградой. Решение этого вопроса считалось возможным лишь тогда, когда промышленность будет иметь новую техническую базу, появится возможность использовать накопленные ресурсы государственного хозяйства в деревне в виде долгосрочного кредита. Проблема огромного недо накопления отражалась на крестьянском хозяйстве. Без развития государственного хозяйства не может быть развития всего народного хозяйства. Последнее условие невозможно без накопления [15:231, 233, 235; 17:42].

Динамическое развитие хозяйственной системы, по оценке Преображенского, имело комплекс объективных экономических и социальных противоречий, в том числе: накопление на базе неэквивалентного обмена и необходимость ликвидации неэквивалентности, с несовпадением во времени этих процессов; накопление за счет производства промышленного сырья крестьянством и необходимость максимально стимулировать расширенное воспроизводство этого сырья; накопление за счет крестьянского экспорта и необходимость стимулировать этот экспорт в условиях крайне медленного снижения промышленных цен; экономическая необходимость роста товарности крестьянского хозяйства и социальная необходимость материальной поддержки наименее товарной его части — бедняков [17: 70].

Основываясь на наличии объективных противоречий, Преображенский обосновал идею возникновения кризисов в переходном советском обществе. В 1922/23 году товарная продукция сельского хозяйства оценивалась как ничтожная величина в качестве рыночной базы для промышленности. Процент товарности составил 24, 3 (для сравнения: процент товарности в 1913 г. — 32, 6). Сумма товарности сельского хозяйства оценивалась в 500—700 млн золотых рублей (в 1913 г. — 1832 млн). Соотношение товарности сельскохозяйственной и промышленной продукции составило 31, 5% (в 1913 году соотношение — 48%) [20:303, 306, 310].

Преображенский определял источники кризиса диспропорциональностью (даже при наличии диспропорции в 5%). Пропорциональность могла сложиться лишь в условиях соответствия потребности городского населения в продукции сельского хозяйства и промышленности в крестьянском сырье — стоимости товарной продукции сельского хозяйства. При этом отмечалось, что деревня находилась в менее благоприятных условиях, чем город (имело место перепроизводство продукции сельского хозяйства, крестьянство увеличило уровень потребления продукции промышленности). Город был не в состоянии закупить всю продукцию сельского хозяйства. Крестьянство, не имея возможности ее реализовать, не могло приобрести продукцию города [20: 311, 313, 314].

Преображенский считал неправильной и упрощенной точку зрения — чем дешевле закупается хлеб у крестьян, тем лучше для про-

мишленности: увеличения цен на сельскохозяйственную продукцию можно добиться благодаря экспорту, что приведет к росту покупательной способности крестьян (для государства — росту стоимости продшалога). Цены на сельскохозяйственную продукцию предлагается увеличить на основе максимального роста хлебных закупок и экспорта.

На основе приведенных данных Преображенский сделал следующие выводы: все элементы народного хозяйства необходимо учитывать в их динамике. Государственное регулирование позволит предвидеть кризисы и ослаблять их последствия. Кризисы возникают на основе диспропорциональности между промышленностью и сельским хозяйством. Таким образом возникает основной тип всех кризисов. Другие типы кризисов происходят внутри государственного хозяйства [20:321, 327, 329, 331].

Преображенский допускал, что сосуществование различных систем хозяйства может быть ареной не только борьбы, но и равновесия, следовательно, объективного проявления двух основных экономических законов. Закон социалистического накопления ограничен условиями товарного хозяйства, с присущей последнему закономерностью развития и методами регулирования. Товарное хозяйство ограничено, в свою очередь, законом социалистического накопления [14: 120]. Данное допущение Преображенского внешне противоречило изложенным выше его построениям по поводу скорейшего вытеснения несоциалистических форм хозяйствования. Но объяснение можно найти в дальнейших рассуждениях.

Преображенский не мог не осознавать, что народное хозяйство оказалось бы в тяжелом положении, если крестьянское хозяйство оставалось бы хозяйством натуральным. Доказательством тому служил опыт эпохи военного коммунизма. Выход предлагался в следующей схеме: развивая товарный обмен между городом и деревней, крестьянское хозяйство поставить в зависимость от государственного хозяйства. Более того, закон стоимости использовать в государственных интересах. Закон стоимости оказывал свое влияние при закупке товаров государством у мелкого производства, которое имело одновременно других конкурирующих покупателей внутри страны. Но ситуация менялась по мере сосредоточения в руках государства преимущественных закупок — крестьянству диктовалось требование перейти от данных культур к другим, если цена монопольного покупателя (то есть государства) оказывалась неприемлема для производителя. В этом случае закон стоимости не только находит свое выражение в ценах, то есть в денежном выражении в обмене с частным хозяйством, но и отражается на стоимости продукции государственной отрасли производства, а также всех смежных отраслей [14: 124].

Преображенский рассмотрел структуру обмена частного хозяйства с государственным. Действие закона стоимости проявлялось в

значительной степени при обмене животноводческих продуктов питания (мясо, масло, яйца). Оно было велико также при обмене сырья — кожи, овчины, шерсти, где много конкурирующих покупателей и где сам производитель при неблагоприятной рыночной конъюнктуре увеличивал собственную кустарную переработку сырья, бойкотируя город. Меньшее влияние внутрирыночных отношений проявлялось при обмене технического сырья — пеньки, льна, хлопка. Здесь регулировка предельных цен основывалась на внешнем рынке, то есть под влиянием закона стоимости мирового хозяйства, но в рамках большой разницы средних внутренних цен и цен внешнего рынка контроль над ценами находился в руках монополиста — экспортера (как и монополиста по фабричной переработке), то есть государства. В большей степени государство являлось хозяином положения в области цен в торговле зерном [14: 125]. Преображенский предполагал, что с развитием хлебной торговли как следствием роста товарности крестьянского хозяйства, регулирующая роль государства в этой области (в пределах, очерченных мировым законом стоимости) будет возрастать.

Законы товарного производства оказывали в большей степени свое действие на государственное хозяйство в области реализации продукции государственной промышленности на частном рынке. Объяснение заключалось в следующем. В регулировании государственного хозяйства достижима большая плановость в распределении заказов, несмотря на колебания, которые исходят от отраслей, непосредственно связанных с частным хозяйством. Другое дело — обмен с частным хозяйством. В этой области пропорциональность в динамике государственной промышленности зависит от пропорциональности развития частного хозяйства. Последняя складывается стихийно — здесь государственная промышленность, по терминологии Преображенского, крепко привязана к колеснице частного хозяйства: ее работа на рыночный спрос является необходимой предпосылкой самого социалистического накопления. Если накопление за счет частного хозяйства означает активный баланс обмениваемых ценностей на стороне государственного хозяйства, то этот баланс будет тем больше, чем больше при прочих равных условиях числовые величины обмена. Вследствие зависимости государственного хозяйства от платежеспособного спроса частного хозяйства происходят колебания стихии товарного хозяйства [14: 126]. Эти колебания могут быть ограничены плановой политикой цен и плановым развитием государственного хозяйства, основанном на предварительном учете спроса частного хозяйства, но не могут быть ликвидированы полностью.

Влияние частного хозяйства на государственное сказывается в том, что на стадии первоначального накопления и при крайней бедности капиталами государственное хозяйство подчинено в своем разви-

тии размерам платежеспособного спроса, поэтому не может вырваться здесь из законов товарного производства. Постепенное увеличение фонда воспроизводства за счет обмена с частным хозяйством возможно лишь на основе рыночного спроса. При отсутствии иных основных форм связи частного хозяйства с государственным, кроме рыночного товарообмена, последнее само становится необходимой предпосылкой социалистического накопления.

Действие закона стоимости в товарном хозяйстве при свободе конкуренции, таким образом, существенным образом отличалось от действия этого закона в экономическом поле советского государственного хозяйства: разница здесь примерно такая же, какая бывает в силе удара падающего с большой высоты камня на поверхности воды и на дне водоема. Преображенский считал: чем организованней государственное хозяйство, чем тесней связаны его отдельные звенья оперативным хозяйственным планом, составляя компактное экономическое целое, тем сильнее его противодействие закону стоимости, больше его активное влияние на законы товарного производства [14: 127]. Подводя баланс действию закона стоимости и закона социалистического накопления в советском хозяйстве, он приходил к выводу, что научный анализ переходного хозяйства невозможен без признания наличия указанных двух законов и без изучения того, что является продуктом их взаимодействия.

Преображенский считал несостоятельным возражение против возможности противопоставления закона стоимости как стихийного регулятора экономических процессов товарного хозяйства, закону социалистического накопления, выраженному в сознательной политике пролетарского государства. Если закон социалистического накопления находит свое выражение в соответствующей экономической политике пролетарского государства, то это не дает оснований исключать результаты этой политики, ее движущие мотивы и причины из круга явлений, подчиненных экономической необходимости. Преображенский придерживался точки зрения, что заранее осознанная необходимость определенных действий в области экономики не устраняет того или иного закона как внешне принудительной силы, заставляющей действовать именно в данном направлении. Тем более что «сознательность» творцов нового строительства в своей массе, по его замечанию, отличалась весьма скромным уровнем [14: 128].

Закон предварительного социалистического накопления Преображенский рассматривал как внешне принудительную силу советского государства, направленную на самосохранение всей системы [14: 129].

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАКОПЛЕНИЕ VS ЗАКОН СТОИМОСТИ

В рамках переходной товарно-социалистической системы хозяйства, по Преображенскому, действуют одновременно два регулятора с диаметрально противоположными тенденциями: с законом о первоначальном социалистическом накоплении связывались тенденции будущего советской экономики, в законе стоимости (или ценности, как тогда его называли) виделось прошлое, стремящееся задержаться в настоящем и повернуть назад колесо истории. В законе стоимости концентрировалась суть товарного и товарно-капиталистического элементов хозяйства.

Закон стоимости оценивался как закон стихийного равновесия товарно-капиталистического общества. В обществе, в котором отсутствуют центры планового регулирования, благодаря действию этого закона, прямому или косвенному, достигается то, что нужно для относительно нормального функционирования всей производственной системы данного типа: распределение производительных сил между отдельными отраслями хозяйства, состоящее из распределения людей и средств производства, распределение прибавочной стоимости для расширенного воспроизводства между отдельными отраслями или странами, распределение ее между классами, технический прогресс, победа экономически передовых форм над отсталыми и подчинение последних первым. Закон стоимости выступает стихийным регулятором производственного процесса в товарном обществе [21:3, 6].

Своеобразие ситуации заключалось в том, что крупное социалистическое производство противостояло мелкому, как промышленность земледелию, то есть социалистические формы противостояли простому товарному производству как две разные сферы приложения труда.

Контроль планового начала государства в политике цен заключен в пределах между ценами мирового рынка с одной стороны, и ценами на грани сокращения данной культуры, с другой. Площадь для маневрирования обширна, не менее 50% ниже от мировой цены. Государство поддерживает заготовительные цены на уровне, достаточном для расширения данных культур, но ниже тех цен, которые сложились бы при свободе конкуренции иностранных заготовителей и внутренних заготовителей, если бы в хозяйстве была не государственная, а частная основа, и, следовательно, отсутствовала бы организованность на рынке сырья. Все, что отличает заготовительные цены от тех цен, которые сложились бы на основе свободы конкуренции буржуазных заготовителей, целиком должно быть отнесено на счет действия закона первоначального социалистического

накопления. Государство на основе организованной системы заготовок поддерживает цены на определенном уровне и даже понижает их вопреки росту спроса, обгоняющего предложение, — в данном случае Преображенский видел блестящий пример ограничения закона стоимости плановым началом в форме закона первоначального социалистического накопления [21:22].

Огромную роль в овладении рынком технического сырья играла система государственного кредита заготовителям. Эта система в значительной степени ограничивалась действием закона стоимости, поскольку кредиты выдавались не конкурирующими заготовителями сырья, а единым организованным государственным хозяйством. Политика цен государства, как преимущественного заготовителя, могла оказать регулирующее воздействие на распределение производительных сил в крестьянском хозяйстве, поощряя одни культуры за счет других и внося элементы плана в территориальное распределение культур в крестьянском хозяйстве [21:23]. Система плановых цен превращалась, по мнению Преображенского, в мощный рычаг воздействия промышленности на крестьянское хозяйство, и чем быстрее росла бы промышленность, тем сильнее она бы экономически подтягивала к себе крестьянское производство сырья, подчиняя его плану.

Влияние закона стоимости в производстве средств потребления значительно сильнее, чем в области производства средств производства. Характерными особенностями производства средств потребления в сравнении с производством средств производства выступали более значительная роль конкуренции частного хозяйства в производстве и сбыте, большее влияние закона стоимости со стороны колебания цен на сырье, более значительная и непосредственная зависимость от платежеспособного спроса частного хозяйства на государственную продукцию, большее влияние на розничные цены соотношения между спросом и предложением [21:23, 24].

В условиях дороговизны промышленных изделий (плугов, например) крестьянство старалось до предела использовать старый инвентарь. Но в производстве средств потребления, то есть одежды, обуви, продуктов питания, у него гораздо более широкая самостоятельность от государственной промышленности. Все это может иметь место лишь при высокой себестоимости изделий промышленности. Независимость крестьянина становится все более ограниченной, если производительность труда в крупной промышленности возрастает в сравнении с производительностью домашнего производства. Это значит, что с ростом производительности труда в городской промышленности автоматически растут возможности планового маневрирования государства, растут возможности первоначального социалистического накопления за счет частного производства.

Просчеты и ошибки в экономической политике государства, не-

достаток нового капитала и ограниченность импортных возможностей являются сдерживающими факторами для государства в расширении производства в соответствии с ростом платежеспособного спроса. Что может произойти? Кооперация, под давлением рыночной стихии, неизбежно направляется по линии наименьшего сопротивления, то есть съедает лимиты розничных надбавок к оптовым ценам государства. Закон стоимости вытесняет в этой сфере политику твердых плановых цен государства.

Преображенский показал, к каким негативным экономическим последствиям может привести ситуация, когда действие одного основного закона, в данном случае закона стоимости, парализовано или полуликвидировано, а действие другого закона, сменяющего закон стоимости, не может по тем или иным причинам развернуться пропорционально степени и темпу ликвидации закона стоимости [21: 27].

Резюмируя изложенное выше, Преображенский подчеркивал, что закон стоимости оказывал большее влияние в области производства средств потребления. Оно тем сильнее, чем большую долю в себестоимости продукции занимает сырье, изготовленное в отраслях мелкого производства, которые наиболее подвержены действию стихии рыночных отношений. В области частного хозяйства, прежде всего крестьянского хозяйства, закон стоимости наиболее ограничен законом социалистического накопления в отраслях крестьянского производства средств производства для крупной промышленности, то есть в сфере производства технического сырья, в основной массе потребляемое государством.

Возрастание степени действия закона стоимости происходит в производстве средств потребления в крестьянском хозяйстве, затем в отраслях межкрестьянского обмена [21:28]. При незначительном количестве государственного производства в области зерновых культур и животноводства, ничтожном удельном весе продукции совхозов государство было не в состоянии оказывать воздействие на рынок средств потребления со стороны производства. Регулирование при таких условиях могло иметь место лишь в сфере обмена и кредита.

Влияние государства на крестьянское хозяйство через систему кредита было столь незначительно, что говорить об этом рычаге регулирования почти не приходилось. В сфере обмена государство являлось массовым организованным заготовителем для внутреннего городского потребления и монополистом в сфере внешней торговли хлебом, маслом и другими продуктами питания. В этом проявлялось его преимущество. Но в то же время свобода маневрирования в сфере политики цен была ограничена здесь больше, чем в какой-либо иной области массового обмена. Первый предел определялся мировым хлебным рынком. Колебание мировых цен на зерновые культуры оказывало воздействие на политику как внешняя, объективная сила. Внутренний хлебный рынок в ограниченной степени находился под влиянием го-

сударства, поскольку большая часть товарного хлеба шла на покрытие крестьянского спроса на хлеб. После революции у крестьянства стало гораздо меньше вынужденных продаж вследствие ликвидации арендных плат за помещичью землю. Это дало крестьянству больше возможностей маневрировать с хлебными излишками, накапливать хлебные запасы, увеличивать потребление хлеба, больше скармливать хлеба скоту и птице. Возможность расширения животноводства, в том числе товарного животноводства, делало крестьянство менее зависимым от твердых заготовительных цен государства [21:29].

Использование хлебных излишков для расширения животноводства имело определенный предел, поскольку внутренний рынок (мяса, например) рос сравнительно медленно, а внешний еще предстояло с большим трудом и большими затратами капитала (постройка холодильников, перерабатывающих предприятий) завоевывать. Основная тенденция в данной области состояла в увеличении регулирующей роли государства, стимулирующей развитие крестьянского хозяйства: чем быстрее растут товарные излишки продуктов потребления в крестьянском хозяйстве, их экспорт, следовательно, тем большую роль играет государство в сфере заготовок как монопольный проводник крестьянской продукции на внешний рынок. Ограниченное ценами мирового рынка, государство получает больше возможностей маневрирования, — тем самым увеличивается общая зависимость крестьянского товарного хозяйства от государства. Влияние государства не может быстро достичь такой же регулирующей роли, как в заготовке технических культур, но усиливается по мере роста товарности и экспортных возможностей земледелия. Если в неурожайные годы закон стоимости проявляется гораздо сильнее и может иметь регулирующее ограничение лишь со стороны государственного импорта хлеба из-за границы, то, наоборот, падение хлебных цен в периоды урожаев может быть с гораздо большим успехом сдержано путем своевременного развития государственных хлебозаготовок и расширения хлебного экспорта. Регулирующая роль государства в сфере обмена увеличивается по мере роста тех ресурсов, которые государство в состоянии выделять на образование своих плановых резервов в денежной и натуральной форме. Большую роль в регулировании через обмен может играть кооперация, в особенности, в области кредитования сельскохозяйственного обмена, а также кооперация в сфере производства.

Наименьшее плановое регулирование возможно в области внутрискрестьянского обмена, а также в сфере обмена крестьянской продукции на часть ремесла и кустарной промышленности, которые слабо охвачены коллективным производством. Емкость деревенского рынка на крестьянскую продукцию средств потребления, прежде всего на хлеб, велика. Количество крестьянских хозяйств, покупающих хлеб, огромно. Казалось бы, влияние государства на хлебные цены

должно автоматически влиять и на цены внутрикрестьянского хлебного рынка. Но влияние государства ограничивалось следующим обстоятельством: покупало хлеб по преимуществу беднейшее крестьянство, оплачивался же он не всегда деньгами и далеко не всегда по рыночным ценам.

Нередко оплата производилась посредством отработки, то есть в форме обмена хлеба на труд крестьянской бедноты, что в условиях огромного количества избыточной рабочей силы в деревне означало наличие высоких расценок продаваемого бедноте хлеба. Рынок рабочей силы и отношение скрытой эксплуатации ограничивали регулирующее влияние государства на хлебные цены в значительной области внутрикрестьянского обмена. В таких сферах внутрикрестьянского обмена, как торговля рабочим скотом, полностью господствовали отношения простого товарного производства, то есть проявления закона стоимости [21:30, 31].

Расширение производства средств потребления и их удешевление достигаются относительно еще большим расширением производства средств производства. Это правило, по мнению Преображенского, не зависящее от специфических черт капиталистических отношений производства, должно было действовать и в советской системе хозяйства, поскольку производительные силы общества должны развиваться. Далее алгоритм действия указанного правила следующий: развитие производительных сил неизбежно увеличивает удельный вес производства средств производства, а данное увеличение автоматически ускоряет тенденцию отмирания товарного производства в государственном хозяйстве и с этой стороны подрывает категорию прибавочной стоимости [21:34—35]. Рассуждения Преображенского вполне соответствуют марксистским взглядам; более того, можно утверждать, что Преображенский канонизировал ряд положений марксизма о бестоварном социализме.

Какой термин употреблять по отношению к избыточному фонду, формируемому в государственном хозяйстве после удовлетворения потребительских нужд в государственном хозяйстве: прибавочная ли это стоимость или прибавочный продукт? Преображенский предлагал использовать термин «прибавочный продукт», объясняя свою позицию характеристикой тенденций развития. Данный термин предлагалось применить к отношениям производства и распределения, которые имеют в себе элементы и категории прибавочной стоимости и элементы прибавочного продукта коллективного расширенного воспроизводства, при нарастающем преобладании последних.

В государственном хозяйстве происходит отмирание старых производственных отношений, вытеснение их новыми отношениями. Преображенский утверждал: ни термин «капитал», ни термин «накопление», ни термин «прибыль», ни термин «прибавочная стоимость» не годятся для характеристики отношений внутри государ-

ственного хозяйства — их можно употреблять в условном смысле, либо как термины «государственный капитал», «социалистическое накопление», либо формулировать тенденцию развития (как в примере с заменой термина «прибавочная стоимость» на термин «прибавочный продукт»).

Прямое налоговое обложение крестьянства, не эксплуатирующего наемного труда, и обложение доходов кулачества в той их части, в какой они создаются личным трудом кулаков, есть отчуждение в пользу государства части прибавочного продукта мелкого производства. Оно экономически возможно, постольку, поскольку существует такой прибавочный продукт. Этот продукт увеличивается по мере развития производительных сил в крестьянском хозяйстве. Данное обложение экономически не только возможно, но необходимо и целесообразно, по Преображенскому, поскольку расходы по общему бюджету государства должны покрываться и крестьянами. Оно необходимо также потому, что расширенное воспроизводство в промышленности, его достаточно быстрый темп, включая развитие железнодорожной сети, каналов, электрификации, необходимы для крестьянского хозяйства, которое без поддержки быстро развивающейся промышленности не может развивать производительных сил, оставаясь мелким производством, и тем более не сможет подняться на более высокую ступень производственного кооперирования. Если закон стоимости не замещается с необходимой быстротой действием закона социалистического накопления, с неизбежным при этом определенным уровнем отчуждения прибавочного продукта деревни, утверждал Преображенский, нормальное хозяйственное развитие страны, достижение необходимой пропорциональности в экономике страны невозможны.

Производственные отношения в земледелии представлялись Преображенскому весьма сложными. Категорически отказываясь формулировать теоретические положения о конкретных путях и формах кооперативного движения, Преображенский уделил внимание вопросу о роли кооперации в советской экономике. Рассуждения по данному вопросу подчинены логике всей его теоретической системы. Основной вопрос в данной области для него заключался в том, какую роль играет кооперация в борьбе планового начала с законом стоимости и в какой степени она сама является либо полем сражения в этой борьбе в области обмена и производства, либо проводником того или иного начала [21:51, 60]. В советской системе кооперацию требовалось приспособить к потребностям системы советского народного хозяйства.

Кооперация существовала в капиталистической системе, не угрожая ее существованию. Этот аргумент служил для Преображенского доказательством, что в кооперации в самой по себе не заключается никакого активного начала, трансформирующегося в сторону социализации производственных отношений. Кооперация могла сыграть роль социализации лишь как звено в системе государственного хо-

зяйства, опирающегося в своем развитии на рост обобщественного крупного производства. Кооперация образует как бы его менее организованное, но все же (как хвост от ядра кометы) продолжение, пускающее свои щупальцы в поры обмена между мелким производством и государственным хозяйством и начинающее кооперировать мелких хозяев на производственной почве. Образ кооперации в виде «хвоста» кометы занимает, конечно, удаленное место от «ядра» в виде государственного хозяйства. Логика рассуждений здесь следующая. Не может быть достаточно быстрого кооперирования крестьянства без быстрого развития государственного хозяйства, последнее, в свою очередь, невозможно без достаточно быстрого накопления. Накопление в этой цепи есть основной вопрос, а кооперация лишь его часть. Недоверчивое отношение к кооперации и ее «не вполне социалистическом», пассивном характере получили распространение в теории и практике.

Преображенский отмечал: действие закона первоначального социалистического накопления означает усиление коллективного типа организации человеческого труда. Действие закона стоимости способствует тенденции к другой, частнокапиталистической его организации. Кооперация, по общественному типу ее организации, ближе к коллективному типу организации труда. В этом смысле сращивание ее в советских условиях с государственным хозяйством представляло, по мысли Преображенского, более естественный процесс, чем ее ориентация на частный капитал.

Потребительская кооперация играет важную роль в деле установления непосредственной связи между мелкими производителями и государственной промышленностью. Государство проводит политику плановых цен на свои товары и твердых цен на потребляемую им продукцию мелкого производства, оно осуществляет известное ограничение действия закона стоимости, потребительская кооперация через свою сеть участвует в этом ограничении. Но она сама гораздо слабее государственных органов выдерживает напор закона стоимости. Кооперация перепродает частному капиталу товары, полученные в порядке «наибольшего благоприятствования» от государственных предприятий, полученные часто в кредит. Она нередко уклоняется от закупочных операций по твердым ценам. Во всех этих случаях закон стоимости оказывается сильнее плановых тенденций государственного хозяйства. Мелкий производитель имеет все основания поддержать тот торговый аппарат, который продает дешевле. Потребительская кооперация, не являясь организацией государственной, не в полной мере проявлялась в качестве организации общественной как со стороны размеров паевого капитала, внесенного ее участниками, так и со стороны организованного и систематического их контроля над деятельностью правлений. Но даже идеальным кооперированием мелкого хозяйства в сфере обмена не ре-

шается проблема его кооперации в сфере производства. Кооперация в области обмена только подводит к этой основной проблеме [21:61, 62].

В каких формах влияние крупной городской индустрии на крестьянское земледелие будет происходить конкретно, Преображенский мог предполагать лишь в самых общих чертах. Тракторизация земледелия означала отделение от мелкого производства операций, легче всего поддающихся обобществлению; электрификация — отделение от части земледельческих работ двигательной силы с концентрацией производства этой силы на крупных электростанциях государства. Переход к новым общественным отношениям, по Преображенскому, совершается в сфере производственного кооперирования, для чего кооперация в обмене лишь расчищает путь. Но именно в сфере кооперирования мелких производителей конкретные формы этого процесса оставались неясными.

Кредитование деревни, по мнению Преображенского, приобретало большое значение при условии накопления товарных запасов в промышленности, прежде всего в тяжелой промышленности. Производственное кооперирование деревни могло получить наибольший толчок из сферы производства средств производства для крестьянского хозяйства. В условиях систематического товарного голода кредитование не имело шансов для широкого развития [21:63, 64].

Методология Преображенского по поводу накопления за счет несоциалистического сектора, «перекачки» и «пожирания», быстрых темпов развития оказались востребованы в практике функционирования советской системы. Существует даже мнение, что концепция первоначального накопления оказалась бикфордовым шнуром сталинского «великого перелома». Идея борьбы в теории «двух регуляторов» Преображенского до окончательной победы планового начала, соответственно, поражения и устранения закона стоимости, рынка, послужила экономическим фундаментом для обоснования сталинской теории обострения классовой борьбы.

Но на фоне сталинского «большого скачка» программа Преображенского выглядит «черепашьей» или, по терминологии архитектора «великого перелома», «минималистской и поганенько капитулянтской» [22:349] (хотя по иронии судьбы именно Преображенский получил ярлык «сверхиндустриализатора»).

БУХАРИН VS ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ: ДИСКУССИЯ В РАМКАХ ОДНОЙ ДОКТРИНЫ

В оценке закона стоимости как основного регулятора товарно-капиталистического хозяйства проявилась общность взглядов Бухарина и Преображенского. Различие в другом — какой закон регулирует советскую экономику?

В программе Бухарина путь к социализму в переходный период лежит через рынок (поэтому и привлекательнее его конструкция), у Преображенского — через борьбу с рынком. Что касается взгляда на социализм, то здесь пути того и другого опять сходятся. Отстаивая значимость товарно-денежных (рыночных) отношений *в переходе к социализму*, Бухарин в то же время в вопросе о товарно-денежных отношениях *при социализме* оставался на прежних марксистских позициях — их отмирания и замены прямым, безденежным распределением продуктов. Поэтому можно утверждать, что программа Бухарина не была стратегической альтернативой проекту Преображенского: оба партийные теоретики мыслили в рамках марксистской коммунистической доктрины. Разногласия имели место в отношении тактических моделей в границах переходного периода. К тому же бывшие единомышленники (в прошлом «левые коммунисты», соавторы «Азбуки коммунизма» 1919 г.) оказались по разные стороны внутрипартийных баррикад.

Нестыковка в предмете дискуссии между Бухариным и Преображенским, на которую последний обращал внимание, заключалась в различных подходах к предмету дискуссии: Бухарин основывался на политических соображениях и установках, Преображенский разрабатывал экономическую теорию переходного общества на основе теоретического анализа основных закономерностей хозяйства, а вовсе не анализа экономической политики государства. Бухарин увлекался нравственными лозунгами, однако нравственные доводы не могли быть ответом логическим экономическим конструктам Преображенского. Аргументы Бухарина носили в большей степени политический характер, положения Преображенского отражали экономическую характеристику.

Бухарин воспринимал рабоче-крестьянский блок в качестве основы, на которой строятся все важнейшие политические вопросы. Именно отсюда следует искать причину возмущения Бухарина по поводу «чудовищной» аналогии Преображенского, в соответствии с которой сопоставимо отношение «рыцарей» первоначального капиталистического накопления к мелкому производителю с отношением к последнему со стороны пролетариата; протест Бухарина против «колоний» и «эксплуатации» крестьянского хозяйства в теории Преображенского.

Бухарин обвинял Преображенского в стремлении систематически выводить общество из состояния равновесия, постоянно ломать общественно необходимую пропорцию между различными отраслями народного хозяйства. Основная ошибка Преображенского, по Бухарину, заключалась в подмене процесса перерастания закона ценности в закон трудовых затрат процессом перерастания его в «закон первоначального социалистического накопления». Последний Бухарин предлагал назвать лишь актом «экспроприации экспроприато-

ров» с сопутствующими ему мероприятиями, с применением насилия. Термин «первоначальное социалистическое накопление» Бухарин объявил «детской игрой», параллели и аналогии Преображенского — детской игрой в термины [23:226, 227, 240, 241].

Закону «первоначального социалистического накопления» Преображенского Бухарин противопоставил собственный закон пропорциональных трудовых затрат, или закон трудовых затрат. Последнее, по Бухарину, есть необходимое условие общественного равновесия в любом обществе. Данный закон представлен как регулятор советской экономики, причем единственный. Бухарин сформулировал тезис о всеобщности и универсальности закона, пригодного для всех эпох и народов [23:223-226, 229]. Закон трудовых затрат детерминирует необходимость существования в общественном хозяйстве экономического равновесия, то есть определенной пропорциональности в распределении труда и производства между различными частями и сферами народного хозяйства.

Сущность данного всеобщего экономического закона, по Бухарину, остается постоянной, независимо от способа производства, но формы его проявления различны. В условиях капиталистических производственных отношений существует распределение общественного труда в определенных пропорциях и закон трудовых затрат исполняет регулирующую хозяйственное равновесие роль, по выражению Бухарина, в «фетишистском костюме закона ценности» [23:224]. Но хозяйственное равновесие постоянно нарушается периодическими кризисами перепроизводства, устраняющими накопившиеся несоответствия и восстанавливающими на время состояние равновесия. Затем все повторяется вновь, капитал и труд устремляются, в соответствии с законом стоимости в те отрасли, где выше норма прибыли, порождая новые диспропорции и коллизии.

По Бухарину, иначе действует закон трудовых затрат в советской экономике. Закон стоимости как бы трансформируется в закон трудовых затрат. Но чем же тогда заменяется такой мощный частнохозяйственный стимул, как прибыль, заставляющий экономику двигаться вперед? По мнению Бухарина, в процессе перерастания закона ценности в закон трудовых затрат меняется вся «механика» экономики переходного периода. Место категории прибыли в ней занимает категория потребностей широких масс (отметим: достаточно отдаленная от экономических основ), удовлетворение которых становится со временем основной задачей. Давление постоянно растущих потребностей будет вынуждать постоянно совершенствоваться и удешевлять производство, и именно здесь, по Бухарину, лежит основной рычаг хозяйственного прогресса. В процессе строительства советских плановых основ происходит превращение закона ценности в закон трудовых затрат, дефетишизация основного общественного регулятора.

Вызывает недоумение трактовка Бухариным закона трудовых затрат как регулятора общественного производства, не оставляющая никаких шансов на выживание закону стоимости в области экономического регулирования при социализме (еще одно сходство с Преображенским). Последующий опыт советского общества показал, что новая «механика» Бухарина не заменила систему, основанную на законе стоимости. Если растущие (как бы убегающие) потребности рассматривать как объективный вызов производству, то ответом могло служить разве что догоняющее производство со всеми минусами подобного варианта, обусловленного самой природой догоняющего развития.

Закон трудовых затрат Бухарина в ранге основного закона социализма представляется не менее трансцендентным проектом, нежели первоначальное социалистическое накопление в качестве подобного же главного закона в схеме Преображенского. Концепция удовлетворения растущих потребностей как непосредственной двигательной пружины социалистического производства, вытесняя якобы такие рычаги развития, как конкуренция, прибыль оказалась на практике утопией.

Программа Бухарина о построении социализма через рыночные отношения с внешней стороны противоречила ортодоксальному марксизму, признававшему только плановую экономику социалистической. Чтобы устранить данное теоретическое противоречие, Бухарин сформулировал понятие «самоуничтожения» рыночных отношений в результате своего собственного развития. Закон трудовых затрат таким образом освобождался от «ценностной» оболочки.

По логике Бухарина, в аграрном секторе мелкое крестьянское хозяйство, располагая возможностью кооперативной организации, поддерживаемой пролетарской государственной властью, получает возможность использовать преимущества крупного объединения и выгоды от кооперации в борьбе против частного хозяйства кулака. Через рыночные отношения, конкуренцию государственные предприятия и кооперация будут вытеснять своего конкурента, то есть частный капитал. В конце концов развитие рыночных отношений уничтожит само себя, поскольку государственная промышленность и кооперация «подомнут» под себя все остальные хозяйственные формы и постепенно вытеснят их через рынок, сам рынок рано или поздно отомрет, ибо все заменится государственно-кооперативным распределением производимых продуктов [24: 196—197].

Изложенная теоретическая схема Бухарина повторяет традиционный марксистский подход в русле динамики антитезы «капитализм-социализм», а ее конечный результат сопоставим с целевой установкой Преображенского.

Бухарин подверг критике использование Сталиным термина «дань». Он считал, что «дань» есть категория историческая, которая с социа-

лизмом ничего общего не имеет и иметь не может (напомним, что сам термин ввел в оборот Ленин, затем его использовал Преображенский). Нельзя играть с теоретическими установками, отмечал Бухарин, поскольку это и безграмотно, и вредно! [25:258]. Но означало ли это, что Бухарин возражал против самой политики обложения крестьян, против «перекачки»? Определенно — нет. Бухаринская критика ограничивалась только неприятием самого термина как неудачного [26:52]. Бухарин не возражал против определенного отчуждения части прибавочного продукта в виде «перекачки».

Бухарину несправедливо приписали разработку теории «мирного вращающегося кулака в социализм». Тезис о вращении кулацких кооперативных «гнезд» (выражение Бухарина) в советскую хозяйственную систему расценивался как проявление теории вращающегося кулака в социализм и затухания классовой борьбы. В действительности Бухарин рассматривал кулацкие кооперативы как элемент государственного капитализма в системе пролетарского государства.

Логика рассуждений Бухарина заключалась в следующем. Основная сеть кооперативных крестьянских организаций состоит из кооперативных ячеек не кулацкого, а «трудового» типа, ячеек, вращающихся в систему советских общегосударственных органов и становящихся таким путем звеньями единой цепи социалистического хозяйства. Кулацкие кооперативные «гнезда» должны точно так же (через банки и другие государственные структуры) вращаться в эту же систему, являясь в то же время до известной степени чужеродным телом, подобно, например, концессионным предприятиям в промышленности. Представляется, Бухарин рассматривал кулака как своеобразного концессионера в деревне — по аналогии с промышленностью. Свой подход Бухарин обосновывал следующими аргументами. Кулак объективно будет ограничен общими рамками хозяйственного развития страны, определяемыми пролетарской властью и в значительной степени выросшей мощью хозяйственных организаций советского государства. Если кулак является вкладчиком в государственном банке, если он волей-неволей будет связан во многих отношениях с государственными хозяйственными органами, то он неизбежно будет «втиснут» в определенные границы [24: 173, 183—184]. Бухарин признавал, что допущение кулаков в кооперативную сеть — форма допущения капитализма в рамках единого народного хозяйства [25:269—271].

Видение большевистских теоретиков, ограниченное антитезой «социализм» — «капитализм», в итоге отсекало широкий спектр вариантов выбора в развитии страны — в качестве возможных или целесообразных оставался достаточно узкий набор вариантов, ограниченных рамками социалистической доктрины. Рынок и частная собственность как инструменты саморазвития воспринимались со-

циально чуждыми элементами для нового строя, поэтому оказались «исключенными», а «командно-административные» методы «партии-государства» в итоге востребованы. Противоречие в расширении границ частного капитала с интересами пролетарского государства имело непреодолимый характер. Более умеренные варианты, в сравнении с политикой партийного руководства, могли отличаться меньшей степенью чрезвычайных и насильственных методов.

Источники и примечания:

1. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.

2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд.

3. Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.

4. В письме писателя В. Короленко наркому просвещения А. Луначарскому (22. 09. 1920 г.) Короленко невольно создал художественный образ переживаемого страной перелома: «Россия стоит в раздумье между двумя утопиями: утопией прошлого и утопией будущего, выбирая, в какую утопию ей ринуться». Писатель обращался с призывом к «вожакам скороспелого коммунизма» — отказаться от эксперимента: «Конечно, для этого понадобилось бы все напряжение честности и добросовестности для того, чтобы признать свою огромную ошибку». «Ненависть деревни к вашему коммунизму» Короленко считал важнейшим аргументом для осознания и отказа от «губительного пути насилия» (История Отечества в документах. Ч. 2. 1921-1939 г. М., 1994. С. 5—7).

5. Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988.

6. Ленин В. И. X съезд РКП(б), март 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43.

7. Ленин В. И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции: Доклад на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45.

8. Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43.

9. Троцкий Л. Д. Культура переходного периода // Троцкий Л. Д. Соч. Т. 21.

10. Ленин В. И. XI съезд РКП(б), март 1922 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45.

11. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.

12. Ленин В. И. Дополнения к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45.

13. Ленин В. И. Письмо Д. И. Курскому с замечаниями на проект гражданского кодекса // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.

14. Преображенский Е. А. Основной закон социалистического накопления // Преображенский Е. А., Бухарин Н. И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990.

Преображенский Евгений Алексеевич (1886—1937) — советский государственный и политический деятель, член большевистской партии с 1903 г. В 1920 г. — один из трех секретарей ЦК партии. Избирался членом ЦК. Возглавлял Финансовую комиссию ЦК РКП (б) и Совнаркома для разработки вопросов финансовой политики в связи с переходом к нэпу. Работал председателем Главпрофобра, до 1927 г. был членом коллегии Наркомфина. Был заместителем председателя президиума Коммунистической Академии. В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. восстановлен, в 1933 г. исключен вновь, но вскоре восстановлен, в 1936 г. снова исключен. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

15. Преображенский Е. А. Еще раз о социалистическом накоплении (ответ тов. Бухарину) // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. 11.

16. Преображенский Е. А. Маркс и Ленин: Доклад в Коммунистической академии 24 января 1925 г. // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. 11.

17. Преображенский Е. А. Хозяйственное равновесие в системе СССР // Вестник Коммунистической академии. 1927. Кн. 22.

18. Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве: Доклад в Коммунистической академии 21 января 1926 г. // Вестник Коммунистической академии. 1926. № 15.

19. Преображенский Е. А. Экономические заметки // Большевик. 1926. № 6.

20. Преображенский Е. А. Экономические кризисы при нэпе: Доклад 1 ноября 1923 г. // Вестник Социалистической академии. 1923. Кн. 6.

21. Преображенский Е. А. Закон ценности в советском хозяйстве // Вестник Коммунистической академии. 1926. № 14.

22. Сталин И. В. Соч. Т. 12.

23. Бухарин Н. И. К вопросу о закономерностях переходного периода // Преображенский Е. А., Бухарин Н. И. Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990.

24. Бухарин Н. И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988.

25. Бухарин Н. И. Выступление на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г. // Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

26. Сталин И. В. О правом уклоне в ВКП(б): Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 12.

27. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. М., 1957. Т. 1.

28. Декреты Советской власти. Т. 13. М., 1989.

29. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. Т. 1. М. 2000.

30. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. №78.

31. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. №37. С. 431; № 16. С. 167; №67. С. 892.

32. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 25.

33. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 40.

34. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. М, 1954.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретическими предпосылками военно-коммунистического эксперимента большевиков в России являлись марксистские взгляды, сформировавшиеся в XIX веке в Западной Европе под воздействием невиданного ранее прогресса в результате тотальной индустриальной экспансии. Большевики в Советской России попытались применить ортодоксальный марксизм к российским экономическим и политическим условиям, существенно отличным от западноевропейских. При этом игнорировался факт отсутствия в огромной крестьянской стране необходимых социально-экономических предпосылок для революционного преобразования, которое в марксизме считалось социалистическим.

Главная причина отсталости России фокусировалась на крестьянстве, поэтому, чтобы избавиться от прошлого в процессе строительства нового социалистического мира, требовалось изменить собственную природу данного социального слоя. Отталкиваясь от опыта промышленного развития Европы в XIX веке, приоритетным направлением определялось создание перспективной аграрной модели по образу и подобию городской обрабатывающей промышленности, в области которой это принесло свои плоды. Приобщение сельского населения к цивилизации и новой жизни мыслилось через внедрение индустриальной культуры. Марксистский подход был взят на вооружение руководством большевистской партии. Что касается возможных издержек и несогласия крестьян с подобной политикой, то эти проблемы рассматривались как несущественные — интересы населения в стратегическую схему приоритетов социальной трансформации по марксистской модели не укладывались.

Природа крестьянской войны в 1918—1922 гг. в советской России как войны гражданской по своему содержанию, позволяет сделать утверждение о типологической общности крестьянского протеста на территории всей страны. Характеристика крестьянского движения отражает тождественные черты. Объяснение подобной картины заключается, во-первых, в природе самого аграрного сообщества, во-вторых, в проведении единой большевистской политики на территории всей страны, основанной на марксистском видении строительства нового общественного устройства. Общность условий создавала характерную тождественность протеста со стороны одного и того же субъекта в лице аграрного населения. Социальная среда и сходные экономические условия в разных местах порождали одинаковые приемы борьбы с органами власти.

Это было стихийное, но массовое движение протеста со стороны аграрного населения, включавшее в себя также российское казачество. Основу протестного движения составлял добровольный характер участия всех крестьянских слоев. Повсеместное недовольство крестьянских масс стало ответной реакцией на политику военного коммунизма со стороны советского государства, основанную на хлебной монополии, переросшей в продовольственную диктатуру, продовольственной разверстке, милитарном характере организации труда, который проявился в тяжких для сельского населения трудовых повинностях. Произвол местных органов советской власти, продработников, продотрядов представляется не причиной, а следствием военно-коммунистического эксперимента. Большевистские обещания 1917 г. в отношении крестьянства, обусловленные тактическими соображениями, оказались отброшены в сторону.

Ожидавшаяся трудовым крестьянством социализация земли трансформировалась в рамках коммунистической политики в национализацию. Но этим дело не ограничилось. Продукт крестьянского труда (хлеб в первую очередь) подвергался отчуждению от производителя в виде пресловутой «выкачки». Одновременно ожидания, порожденные Декретом о мире, воплотились на практике в разочарование, связанное с отказом от добровольной армии и переходом к всеобщей мобилизации в виде принудительного набора в Красную армию.

Глубокий экономический кризис сопровождался трансформационным спадом. Регрессивные тенденции сворачивания товарного производства в сельском хозяйстве и эволюция в сторону господства натурального хозяйства проявились в принудительном отчуждении продукта сельскохозяйственного производства у широких слоев трудового крестьянства. Острые политики военного коммунизма повернулось в первую очередь против среднего, а также бедного крестьянства: военно-коммунистические методы подрывали основу и стимулы крестьянского производства. Заставить отдавать хлеб и другие продукты и не снижать при этом производство сельскохозяйственной продукции можно было только расширением мер принуждения и насилия в деревне.

Политика военного коммунизма породила не только системный экономический кризис, но и острый политический кризис, создавая оппозицию правящей власти: основная часть населения страны выражала как пассивное, так и активное противодействие политике советского государства, вылившееся в массовые и длительные по времени крестьянские вооруженные восстания по всей территории Советской Республики.

Большевики не воспринимали советской власти, основанной на принципах народовластия. Их модель советской власти являлась формой партийной диктатуры. Вместо народной власти на практике воз-

никла диктатура партии, или диктатура над пролетариатом и над крестьянством. Советская власть, именовавшаяся рабоче-крестьянской властью, в действительности не отвечала своему названию. Советы, как в центре, так и на местах, не обладали реальной властью. Власть принадлежала большевистской партии и непосредственно подчиненной ей государственной системе, расправлявшейся со всеми, кого она считала «врагами народа».

Крестьяне вооруженным протестом отвечали на усиливавшееся государственное принуждение. Большевистская идеология трактовала крестьянские протесты как «кулацкие», «эсеровские», «белогвардейские», а попытки вооруженного сопротивления как «бандитизм». Однако есть весомое основание утверждать, что упорным сопротивлением крестьяне предотвратили применение к ним еще более жестоких форм государственного принуждения, обусловленных коммунистической доктриной единого общегосударственного производства и распределения в системе бестоварного народного хозяйства, ликвидации классов — уничтожения крестьянина как собственника.

Крестьянское понимание справедливого общественного устройства, выразившееся в протестном движении, сводилось к лозунгу «Советы без коммунистов». Крестьянский протест выражался не против Советов, а против военно-коммунистической политики, которая в крестьянском сознании отождествилась с разрухой, беспорядком, насилием, голодом и другими бедствиями. Отношение к советской власти характеризовалось восприятием ее как «истинной» власти, близкой интересам трудового народа. На повстанческих территориях указанный лозунг воплощался на практике путем создания крестьянских Советов.

Крестьянское сопротивление против политики военного коммунизма было окрашено красками протеста против антирелигиозной политики советского государства, а также колоритом национальных движений: башкир на Урале, горских народов на Северном Кавказе, самостийности на Украине, автономии казачьих областей.

Типологию крестьянского протестного движения дополняли созданные повстанцами вооруженные формирования по принципу организации регулярной армии (аналогично Красной армии), включая политические отделы и политкомы. Военное руководство в основном осуществлялось командным составом из крестьянской среды, подготовленным и закаленным в сражениях двух войн — Первой мировой и Гражданской. Повстанческие формирования использовали эффективную партизанскую тактику в военном противоборстве с регулярными армейскими частями.

Противоборствующие стороны выступали под знаменем одного цвета — красного, но с разными целевыми устремлениями. Однако, по оценке крестьянства, органы народной власти, завоеванной в ре-

зультате революции и гражданской войны, переродились в бюрократические инструменты государственного насилия, руководимые лжекоммунистами и бывшими угнетателями.

Крестьянское движение не было однородным по целям, составу, лозунгам, имело региональные особенности. Крестьяне не могли мыслить категориями глобальных общегосударственных задач — они боролись за конкретные, местные интересы, против притеснений и произвола местной власти — продразверстки, трудовых повинностей, мобилизации, попыток коллективизации. Несмотря на размах, протестное движение оставалось местным, привязанным к родным деревням, волостям и уездам.

Гибельная перспектива повстанческого движения была предрешена и закономерна. Крестьянство, отстраненное и изолированное в течение всей своей истории от участия в государственных делах, не имевшее никакого опыта интегрированности в политическую структуру государства, объективно не могло выработать политическую альтернативу в виде собственных программных установок. Локальность аграрного мира, дополненная сезонным циклом сельскохозяйственных работ, объективно создавала непреодолимую преграду для организации крестьянского движения на централизованной основе, объединяющей, не говоря об основной части территории страны, хотя бы отдельные регионы. Разобщенность проявлений крестьянского недовольства выразилась в следующем обстоятельстве: крестьянская война охватила всю территорию страны в виде локальных выступлений, не связанных между собой ни общим руководством, ни единой программой.

Участники протестного движения существенно различались особенностями поведения, масштабом деятельности, численностью и составом. Повстанчество по своей значимости в жизни крестьянства и его отношениях с властью уступало поведению «молчаливого большинства»: консерватизм как характерный архетип крестьянского сознания основывалась на нежелании и боязни радикальных перемен. Легитимность центральной власти в крестьянском мироощущении подкреплялась идеей о сакральности власти. Разобщенность протестных проявлений усиливалась различной окраской (продовольственной, религиозной, национальной).

Противоборство отличалось характерным для гражданской войны ожесточением (и жестокостью) со стороны обеих сторон, значительными потерями, включая мирное население. Во время подавления восстаний были отработаны основные карательные технологии XX века. Методы подавления и ликвидации крестьянских выступлений и восстаний со стороны органов Советской власти продемонстрировали, помимо репрессивных мер, комплекс оперативно-военных, экономических, политических мероприятий. С переходом страны к нэпу в крестьянской среде постепенно менялось отношение в

пользу советской власти. Уставшее от революционных ломок и измученное тяготами войн, крестьянство нуждалось в мирной жизни, тянулось к появившейся возможности трудиться в своем хозяйстве.

Из-за долгой кровопролитной Гражданской войны силы крестьянства как главной опоры повстанчества истощились. Крестьяне устали от войны и возлагали надежды на новую жизнь, которую открывала им новая экономическая политика, узаконившая основные требования крестьянских восстаний. Протест крестьянства заставил большевистскую власть изменить свою политику и на короткий срок нэпа предоставить им право относительно свободного хозяйствования. Объективные условия заставили большевиков отказаться от немедленного введения социализма и пойти на уступки требованиям деревни. Но крестьянство не смогло институционально закрепить результаты собственной революции и крестьянской войны.

ПЕРСОНАЛИИ

Аверин Иван Спиридонович (1871–?) – уроженец села Большая Ижмора Пензенской губернии. В годы Первой мировой войны дослужился до чина подпоручика. После войны занимался крестьянским хозяйством. В ходе восстания 23 февраля 1920 г. возглавил оборону родного села. Арестован 25 февраля 1920 г., решением выездной сессии ревтрибунала 24 декабря 1920 г. приговорен к 15 годам принудительных работ с заключением, данный приговор заменен пятью годами принудительных работ без заключения.

Авксентьевский Константин Алексеевич (1890–1941) – участник Первой мировой войны, подпоручик. В годы Гражданской войны – военком Вологодского губвоенкомата, Ярославского военного округа (сентябрь 1918 г. – апрель 1919 г.), командующий 4-й армией Восточного фронта (июль – август 1919 г.), член РВС 1-й армии Восточного фронта (август – ноябрь 1919 г.), Туркестанского фронта (январь – апрель 1920 г.), командующий войсками Заволжского военного округа и 2-й Революционной армией труда (апрель – октябрь 1920 г.).

Антонов Александр Степанович (1889–1922) – руководитель одного из самых мощных крестьянских восстаний против большевистской власти в годы Гражданской войны. Родился в Москве, учился в Кирсановском четырехклассном городском училище. Работал приказчиком, возможно сельским учителем, писарем волостного правления, с 1906 г. – социалист-революционер. Участник боевых акций тамбовской группы Поволжского союза «независимых» эсеров. В 1909 г. арестован в Саратове, затем осужден на пожизненную каторгу, заключен в тюрьму. Освобожден во время февральской революции 1917 г. В марте-октябре 1917 г. – на руководящих должностях в тамбовской городской милиции. С февраля 1918 г. – член Кирсановского уездного совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. С июля 1918 г. скрывался от преследования большевистских властей. С декабря 1918 г. по август 1920 г. – командир «боевой дружины», действовавшей против советской власти на территории Кирсановского уезда. Осенью 1920 г. возглавил восстание тамбовских крестьян. В ноябре 1920 г. – июле 1921 г. – начальник Главного оперативного штаба партизанских армий Тамбовского края. Убит в июне 1922 г. при задержании ЧК в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда.

Антонов Дмитрий Степанович (ок. 1891–1922), брат А.С. Антонова, один из главных руководителей крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920–1921 гг. Родился в г. Кирсанове. Окончил Кир-

сановское 4-классное городское училище. В 1916 г. призван в армию, окончил военную фельдшерскую школу. В мае 1917 г. – июне 1918 г. – на руководящих должностях в тамбовской городской милиции. Участник антисоветского восстания в Тамбове в июне 1918 г. После его подавления скрывался от преследования советских властей. В декабре 1918 г. – августе 1920 г. – член «боевой дружины» А.С. Антонова, с осени 1920 г. – один из руководителей крестьянского восстания в Тамбовской губернии, командир 4-го Низовского партизанского полка. Погиб вместе с братом.

Антонов-Овсеенко Владимир Александрович (1883–1938) – после Февральской революции 1917 г. являлся членом Петроградского военно-революционного комитета, командовал штурмом Зимнего дворца, арестовал членов Временного правительства. Член РВСР (сентябрь 1918 г. – май 1919 г.). С ноября 1918 г. – командующий Советской армией Украины. В январе – июне 1919 г. – командующий Украинского фронта. В октябре 1919 г. – апреле 1920 г. – председатель Тамбовского губисполкома. В феврале – августе 1921 г. – председатель Полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии по ликвидации антоновщины. С октября 1921 г. – председатель Самарского губисполкома, затем председатель Самарского губисполкома и горсовета. В августе 1922 г. – феврале 1924 г. – начальник политуправления РВСР и член РВС СССР. Репрессирован в 1938 г.

Аплок Юрий Юрьевич (1891–1941) – участник Первой мировой войны, штабс-капитан. В годы Гражданской войны – командир отряда особого назначения, начальник штаба 3-й армии, помощник начальника Восточного сектора войск ВОХР (с сентября 1919 г.), член коллегии Уфимской губчека (с января 1920 г.), начальник гарнизона г. Уфы (с 3 марта 1920 г.) и командующий войсками по подавлению «вилочного восстания» в Уфимской губернии, командующий войсками Приволжского и Орловского секторов ВОХР (с мая 1920 г.); командующий всеми вооруженными силами по подавлению восстания в Тамбовской губернии (с 10 сентября по 16 октября 1920 г.).

Аралов Семен Иванович (1880–1969) – из семьи купца. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. С января 1918 г. руководил оперативным отделом Московского военного округа; в марте-сентябре – Наркомвоена. С сентября 1918 г. по июль 1919 г. – член Реввоенсовета Республики, одновременно являлся военкомом Полевого штаба РВСР (октябрь 1918 г. – июль 1919 г.). В период Гражданской войны являлся членом РВС 12-й, 14-й армий (1919–1920 гг.), Юго-Западного фронта (1920 г.), Киевского военного округа (1921 г.). В 1960-х годах принимал участие в реабилитации имени Ф.К. Миронова.

Аристов (Астров) Всеволод Васильевич (1894–?) – большевик с июня 1918 г. В конце ноября 1919 г. назначен заместителем председателя Омского ревкома, в декабре 1919 г. – председателем Алтайского губернского ревкома.

Аршинов (Марин) Петр Андреевич (1886–1938) – уроженец рабочего поселка Амур–Нижнеднепровска Екатеринославской губернии. В 1906 г. в Екатеринославе вступил в группу анархотеррористов. В 1907 г. арестован полицией, в 1908 г. военно-полевой суд вынес ему смертный приговор. Совершил побег и перебрался во Францию. Перевозил из-за границы в Россию анархическую литературу. Арестован в Австрии и выдан России. Приговорен к 20 годам каторги, отбывал ее в Московской Бутырской тюрьме вместе с Нестором Махно. После освобождения из тюрьмы в 1917 г. – член редколлегии московской газеты «Анархия». С 1919 г. участвовал в махновщине: заведующий культурно–просветительным отделом махновской армии, член махновского реввоенсовета, редактировал газеты «Путь к свободе», «Повстанец» и др. В 1920–1921 гг. – заведующий культурно-просветительным отделом махновской армии, с 29 ноября 1920 г. – член Совета революционных повстанцев Украины (махновцев). С 1922 г. в Германии, затем во Франции, издавал журнал анархоэмигрантов, написал «историю махновского движения. В 1930-е годы вернулся в СССР и вступил в ВКП(б).

Афанасьев Федор Михайлович (1883–1935) – из мещан, бывший полковник царской армии, участник Первой мировой войны, окончил Академию Генерального штаба. В Красной армии с февраля 1918 г.: начальник штаба 2-й армии Восточного фронта, начальник штаба Юго-Восточного, Кавказского фронтов, начальник штаба помощника Главнокомандующего всеми вооруженными силами Республики по Сибири (Помглавкома по Сибири В.И. Шорина). Участник подавления Западно-Сибирского восстания 1921 г.

Белаш Виктор Федорович (1893–1938) – родился в селе Новоспасовке Бердянского уезда Таврической губернии, рабочий-машинист паровоза, образование начальное. Анархист-коммунист с 1908 г. С января 1919 г. в махновщине. Начальник оперативного отдела штаба, начальник штаба, заместитель председателя совета Революционной повстанческой армии Украины (махновцев), участник съезда крестьян, рабочих и повстанцев 28 октября – 2 ноября 1919 г. (содокладчик Махно). За участие в махновском движении деникинцы убили его отца, деда и двух братьев и сожгли все хозяйство. 23 сентября 1921 г. тяжело раненый был арестован большевиками в кубанской станице Должанской. До всеобщей амнистии находился в Харьковской тюрьме в камере смертников. В 1923 г. освобожден и отпущен на поруки легальных анархистов. С конца 1925 г. до февраля 1934 г. работал в аппарате Югостали, Стали и Гипроруде служащим, механиком по ремонту пишущих машинок в мастерской Союза охотников. Во второй раз арестован органами НКВД 18 декабря 1937 г. в Краснодаре, где он жил с февраля 1934 г. Погиб 24 января 1938 г. Реабилитирован посмертно 29 апреля 1976 г.

Богаевский Африкан Петрович (1872–1934) – казак станицы Каменской, генерал-лейтенант. 6(19) февраля 1919 г. после ухода с поста

атамана генерала Краснова Большим войсковым Кругом был избран войсковым атаманом Всевеликого войска Донского.

Богуславский Александр (?–1921) – один из военных руководителей крестьянского восстания в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Родился в семье помещика. Офицер царской армии, эсер. В 1918 г. служил в военной комендатуре Тамбова. В ноябре 1920 – июне 1921 гг. – командующий 1-й партизанской армией, член главного оперативного штаба партизанских армий Тамбовского края. Погиб в бою с частями Красной армии.

Богуславский, Валентин – председатель Морозовского ревкома. Большевик с дореволюционным стажем, из рабочих станицы Морозовской, являлся членом ЦИК Донской республики.

Болдырев Михаил Фомич (1890–1939) – из казаков. Участник Первой мировой войны, поддессаул. С марта 1917 г. – член РСДРП. До марта 1918 г. примыкал к меньшевикам. Член РКП(б) с января 1919 г. В 1917 г. – член, затем председатель казачьего полкового комитета. В декабре 1917 г. увел полк с фронта на Дон для борьбы с Калединым. В начале 1918 г. организовал казачий красный партизанский отряд в станице Урюпинской. Занимал должности члена ревкома и начальника гарнизона этой станицы. В марте 1918 г. делегат IV чрезвычайного съезда Советов. По возвращении в Урюпинскую, будучи больным малярией, схвачен белыми и приговорен к смертной казни. Бежал. В начале 1919 г. – военрук и помощник военкома станицы Урюпинской. Участник подавления Вешенского восстания. Летом 1919 г. – комбриг, начальник политотдела дивизии формируемого Ф.К. Мироновым казачьего корпуса. Затем – военком оперативного отдела и начальник агентуры штаба 9-й армии. С октября 1919 г. – военком кавгруппы М.Ф. Блинова, с января 1920 г. – военком разведотдела штаба 9-й армии. С конца сентября 1920 г. – зам. председателя, председатель Донисполкома. Репрессирован.

Бриммер Константин Викторович (?–1931) – офицер царской армии, с 1918 г. – в Красной армии. В августе 1920 г. – начальник штаба 21-го коммунистического полка, в сентябре – заместитель командующего войсками по подавлению крестьянского восстания в Тамбовской губернии, в декабре – начальник штаба войск Тамбовской губернии, в 1921 г. – начальник красноармейского «летучего отряда». За участие в подавлении антоновщины награжден орденом Красного Знамени.

Брова (Брава) – уроженец села Новогригорьевка, слесарь на станции Авдеевка. Анархо-коммунист с 1904 г., махновец с 1918 г. Член махновского Реввоенсовета, командир особой группы войск. В январе 1921 г. возглавил штаб Кавказской повстанческой армии, был в рейде по Дону и Ставрополю вместе с Маслаковым. Считался «идеологом» маслаковцев. Убит амнистированными мятежниками своего отряда в горах Кавказа.

Булаткин Константин Фомич – уроженец станицы Константиновской. Командир кавалерийского полка, затем командир кавалерийской бригады Доно-Ставропольской дивизии Красной армии (бригада входила в дивизию Б.М. Думенко и С.М. Буденного), весной 1919 г. – комиссар станицы Константиновской. Летом 1919 г. направлен учиться в Академию Генштаба, но опоздал к началу занятий и был направлен Казачьим отделом ВЦИК в корпус к Миронову, с 19 августа 1919 г. – начальник 1-й Донской дивизии (вместо Болдырева). В 1920 г. – помощник военкома 1-го Донского округа.

Булатов Николай – крестьянин села Курган Курганского уезда, прапорщик царской армии, инструктор Всевобуча Красной армии, участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: командир 2-го Освободительного полка Курганской повстанческой дивизии, затем начальник 1-го Ялutorовского освободительного отряда.

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) – экономист, философ, богослов. В 1884 г. после окончания Ливенского духовного училища поступил в Орловскую духовную семинарию, которую оставил в 1889 г. Окончив в 1896 юридический факультет Московского университета, уехал в Германию, где занимался политэкономией. Вернувшись в Москву, защитил магистерскую диссертацию «Капитализм и земледелие». В 1890-х годах был «легальным марксистом». До 1906 г. работал на кафедре политической экономии в Киевском политехническом институте. Совместно с Н.А. Бердяевым издавал в 1905 журнал религиозно-философского направления «Вопросы жизни». После революции 1905–1907 гг. примкнул к кадетам, участвовал в сборнике «Вехи». С 1906–1918 гг. – профессор политэкономии Московского университета. В 1906 г. был избран депутатом второй Государственной думы. В 1918 принял священнический сан, в 1919 г. переехал в Крым, где преподавал политэкономия и богословие. В 1923 г. выслан за пределы СССР. Преподавал в Праге, с 1924 г. – в Парижском богословском институте, являлся его деканом.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – политический деятель, экономист, философ, социолог. С 1906 г. состоял в большевистской партии. Учился в Московском университете на экономическом отделении юридического факультета. На последнем курсе в 1911 г. был арестован и сослан. В эмиграции, разделяя позиции большевиков, принимал активное участие в рабочем движении. После Февральской революции 1917 вернулся на родину. С конца 1917 до 1929 г. – ответственный редактор центрального органа партии – газеты «Правда». В 1924 г. стал членом Политбюро, занимал руководящие посты в ЦК, ЦИК СССР, Исполкоме Коминтерна, с 1926 г. – его председатель. Активно участвовал в работе Института Красной профессуры, Коммунистической академии, Института Маркса и Энгельса. Академик АН СССР (1929 г.). В 1929 году как лидер «правого уклона» был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б), снят с поста редактора «Прав-

ды» и выведен из Исполкома Коминтерна. В 1929–1932 гг. – член президиума ВСНХ СССР, затем член коллегии Наркомтяжпрома СССР. В 1934–1937 гг. – главный редактор газеты «Известия». В 1937 г. исключен из партии и арестован. В марте 1938 на судебном процессе по делу т. н. «антисоветского правотроцкистского блока» приговорен к расстрелу по сфальсифицированным обвинениям. В 1988 г. реабилитирован посмертно, восстановлен в звании действительного члена АН СССР.

Вакулин К.Т. (?–1921) – казак из хутора Сидоры Михайловской волости Усть-Медведицкого округа. Участник Первой мировой войны, офицер царской армии. С 1918 г. в Красной Армии: командир 1-й Сидоровской роты, затем 201 полка 23-й дивизии начдива Миронова. Вакулин был одним из первых в дивизии кавалеров ордена Красного Знамени. В 1920 г. – командир караульного батальона при Усть-Медведицком окружном военкомате. 17 декабря 1920 г. возглавил восстание в слободе Михайловской. Повстанцы действовали на территории Саратовской, Самарской губерний и Донской области. Убит в бою с красными частями 17 февраля 1921 г.

Валобуев Константин Максимович (1879–1942) – участник русско-японской и Первой мировой войн, полковник. Член РКП(б) с 1918 г. В 1918 г. – тамбовский губвоенком и командующий Поворинской группой войск. Во время мятежа в Тамбове в июне 1918 г. был приговорен к расстрелу, но спасен подоспевшими частями Красной армии. В годы Гражданской войны – начальник штаба войск ВОХР (октябрь 1918 г. – май 1919 г.), затем начальник войск ВОХР (июнь 1919 г. – апрель 1920 г.), одновременно член коллегии ВЧК (с марта 1919 г.) и Военного совета ВОХР.

Вандервелде (Vandervelde), Эмиль (1866–1938) – лидер Рабочей партии Бельгии, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Во время Первой мировой войны входил в буржуазное правительство. В 1925–1927 гг. – министр иностранных дел Бельгии.

Василевский (Васильевский) (Чайковский) Григорий Семенович (1889–1921) – крестьянин Гуляй-Поля, из бедной семьи, личный друг и соратник Н.И. Махно, образование начальное. Нередко исполнял роль заместителя Махно, в конце 1919 г. – январе 1920 г. – его адъютант. С 30 ноября 1920 г. – член комиссии по расследованию дел контрмахновского движения Совета Революционного повстанчества Украины (махновцев). Убит в бою с красными в Киевской губернии в декабре 1920 г.

Васильев (настоящая фамилия Гольберг) Борис Афанасьевич (1889–1939) – из семьи управляющего имением в Тамбовской губернии. Учился в реальном училище в Воронеже. В 1905–1907 гг. участвовал в революционном движении, затем находился в ссылке. В 1911 г. эмигрировал. Жил в Швейцарии, Франции, примыкал к меньшевикам, позднее стал большевиком. В 1917 г. вернулся в Россию и

был направлен на партийную работу в Тамбов. В 1917–1920 гг. – один из руководителей Тамбовской организации большевиков, председатель губернского совета профсоюзов, губернский комиссар труда. В 1920–1921 гг. – на партийной и советской работе в Смоленске и Донбассе. С февраля 1921 г. вновь возглавил тамбовскую губернскую парторганизацию, являлся секретарем Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. В дальнейшем на партийной и советской работе на Урале и в Москве. В конце 1930-х гг. репрессирован.

Вацетис Иоаким Иоакимович (1872–1938) – из крестьян. Окончил Академию Генштаба (1909 г.). Участник Первой мировой войны, полковник, командир 5-го латышского Земгальского полка. Вместе с полком перешел на сторону Советской власти; в декабре 1917 г. – начальник оперативного отдела Революционного полевого штаба при Ставке. С апреля 1918 г. – командир Латышской стрелковой дивизии, руководил подавлением мятежа левых эсеров в Москве в июле 1918 г., командовал Восточным фронтом в июле–сентябре 1918 г. В сентябре 1918 г. – июле 1919 г. – главнокомандующий вооруженными силами Республики. С августа 1919 г. работал в Реввоенсовете Республики. Репрессирован.

Вдовиченко (Удовиченко, Вдовиц) Трофим Яковлевич (1889–1921) – уроженец батрацкой семьи села Новоспасовка Бердянского района, образование начальное. Член Новоспасовской группы анархо-коммунистов с 1910 г. Участник Первой мировой войны, прапорщик, полный Георгиевский кавалер. Активный участник антигетманского восстания, с мая 1918 г. – командир 2-го Новоспасовского отряда. С сентября по декабрь 1919 г. – командир 2-го Азовского корпуса повстанческой армии махновцев, с мая 1920 г. по май 1921 г. – командир Азовской группы Повстанческой армии. Играл важнейшую роль в разгроме Деникина осенью 1919 г. В 1921 г. тяжело раненный был захвачен большевиками. Расстрелян ЧК в мае 1921 г. в г. Александрове.

Веретельников Борис Васильевич (?–1919) – крестьянин из Гуляй-Поля, работал литейщиком на заводе Кригера и на Путиловском заводе в Петрограде. Участник революции 1905 г. Эсер, с 1918 г. анархист. В начале 1919 г. – главный комиссар Военно-революционного полевого районного штаба Гуляй-Поля. Председатель 2-го Гуляй-Польского районного съезда фронтовиков, Советов и подотделов 12–16 февраля 1919 г. В мае 1919 г. – старший помощник начштаба 3-й Заднепровской дивизии. Во главе полка пытался задержать белых при прорыве частей Шкуро в Гуляйпольский район. Был окружен и погиб в бою со всем полком под селом Святодуховка Александровского уезда в 15 верстах от Гуляй-Поля.

Волин (Эйхенбаум) Всеволод Михайлович (1882–1945) – видный анархо-синдикалист, литератор, член секретариата конфедерации «Набат». В махновщине с августа по декабрь 1919 г., занимал долж-

ность зав. культурно-просветительным отделом, зам. председателя реввоенсовета революционных повстанцев Украины (махновцев), в октябре-ноябре 1919 г. — председатель Военно—революционного Совета махновской армии. Арестован ЧК в с 25 на 26 ноября 1920 г. Впоследствии — в эмиграции.

Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969) — с ноября 1918 г. — член Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, с января 1919 г. — нарком внутренних дел Украинской Советской республики. В июне-июле 1919 г. — командующий 14-й армией и внутренним Украинским фронтом. В ноябре 1919 г. — мае 1921 г. — член РВС 1-й Конной армии.

Врангель Петр Николаевич (1878—1928) — генерал-лейтенант, барон, происходил из потомственных дворян Петербургской губернии, потомков обрусевших шведов. В августе 1918 г. вступил в Добровольческую армию генерала Деникина. Начальник 1-й конной дивизии, в ноябре был назначен командиром 1-го конного корпуса, с января 1919 г. — командующий Кавказской Добровольческой армией, с 8 мая — Кавказской армией, с 22 ноября по 21 декабря 1920 г. — Добровольческой армией. 22 марта 1920 г. ушедшим в отставку Деникиным был назначен главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России (с 28 апреля — Русская армия). В ноябре 1920 г. во главе остатков армии эвакуировался в Турцию.

Гавриленко Петр (?—1920) — из крестьян Гуляй-Поля. Анархист с революции 1905—1907 гг. Один из активнейших участников махновского движения. В начале ноября 1919 г. — помощник командира второй группы пехотных частей 2-го и 3-го корпусов Вдовиченко, созданной для освобождения Гуляй-Поля от деникинцев. Сыграл важную роль в разгроме Деникина осенью 1919 г., командуя третьим корпусом войск повстанцев-махновцев. В январе 1920 г. — временно исполняющий делами начштаба Повстанческой армии. Весь 1920 г. находился в заключении у большевиков в Харькове. На основании военно-политического соглашения махновцев с советской властью был освобожден и сразу же направлен на крымский фронт против Врангеля, заняв пост начальника полевого штаба армии махновцев. После ликвидации Врангеля был схвачен советской властью в Крыму и расстрелян в г. Мелитополе.

Гатти (Gatti), Джероламо — депутат итальянского парламента.

Герц (Hertz), Фридрих Отто (род. в 1878 г.) — австрийский экономист, социал-демократ.

Глинка Григорий Вячеславович (?—1934) — в 1908—1915 гг. — начальник Переселенческого управления, товарищ министра земледелия, тайный советник, активно проводил аграрную реформу П. А. Столыпина, с 1915 г. — главноуполномоченный по снабжению армии продовольствием, с 1916 г. — сенатор. С июня 1920 г. — начальник управления земледелия и землеустройства в правительстве Врангеля.

Голиков Александр Григорьевич (1896–1937) – из г. Новохоперска, из мещан. Участник Первой мировой войны, поручик, командир батареи. С июня 1918 г. – доброволец в Красной Армии, пом. начдива и начальник артиллерии 23-й дивизии. После отбытия из дивизии Миронова – начдив (19 марта – 5 сентября 1919 г.). С октября 1919 г. по декабрь 1920 г. – начальник 7-й дивизии, одновременно командовал конной группой 12-й армии. В декабре 1920 г. – марте 1921 г. – начальник 15-й Сибирской кавдивизии. Награжден двумя орденами Красного Знамени. 4 марта 1921 г. арестован по обвинению в причастности к «заговору Миронова», находился в Бутырской тюрьме, освобожден. Репрессирован в 1937 г.

Голосов Петр Иванович (1876–?) – крестьянин, уроженец села Русская Борковка Ставропольского района Самарской губернии, активный участник «чапанного восстания». В 1919 г. – комендант захваченного повстанцами г. Ставрополя. 6 марта 1919 г. арестован органами ОГПУ. Приговорен к высылке на спецпоселение без указания срока и места. Реабилитирован в 1989 г.

Гольдберг Борис Исаевич (1884–1946) – в годы Гражданской войны командующий Запасной армией Республики и окружной военный комиссар Приволжского военного округа, затем командующий Приволжским военным округом (август 1919 г. – январь 1921 г.).

Гольдин Яков Григорьевич – продовольственный комиссар Тамбовской губернии в 1919–1920 гг.

Горбачев Никон Васильевич – участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: командующий Восточной группой (армией) Южного фронта повстанцев Ишимского уезда Тюменской губернии.

Горин Елисей Иванович – крестьянин Пугачевского уезда Самарской губернии. Унтер-офицер царской армии. В 1921 г. организовал и возглавил повстанческий отряд из крестьян преимущественно родного уезда. Повстанцы действовали на территории Уральской и Саратовской губерний.

Григорьев Николай (Никифор) Александрович (атаман Григорьев) (1878–1919) – из зажиточных крестьян. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. В 1917–1918 гг. служил в войсках Центральной рады, затем у гетмана Скоропадского. В декабре 1918 г. примкнул к петлюровцам, после поражения которых 2 февраля 1919 г. перешел на сторону Красной армии. С 18 февраля – командующий 10-й Заднепровской бригадой, с 25 апреля – 6-й Украинской стрелковой дивизии. 7 мая 1919 г. поднял антисоветский мятеж в тылу Красной армии, объявил себя атаманом Юга Украины. После разгрома мятежа прибыл в штаб Н. Махно, 27 июля убит по приказу Махно по подозрению в тайных связях с деникинцами и за еврейские погромы. К концу 1919 г. советские части нанесли григорьевским отрядам сокрушительное поражение. В июне–июле 1920 г. были разгромлены остатки григорьевцев.

Губанов (Губа) Петр – участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: командир конного полка повстанцев Налобинской волости Ишимского уезда Тюменской губернии, заведующий добровольческими формированиями Главного штаба Сибирского фронта, затем командующий Сибирским фронтом.

Давид (David), Эдуард (1863–1930) – экономист, один из правых лидеров германской социал-демократии, один из основателей журнала «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). С 1903 г. депутат рейхстага. В 1919 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919–1920 гг. – министр внутренних дел, в 1922–1927 гг. – представитель правительства в Гессене.

Далматов Федор Иванович (1894–1923) – уроженец села Орлов Гай Новоузенского уезда Саратовской губернии. Участник Первой мировой войны, служил в лейб-гвардейском гренадерском полку: рядовой, лектор в роте. Член РКП(б) с 1918 г. В 1920 г. – военком 7-го кавполка 2-й Туркестанской дивизии (начдив А.В. Сапожков). В повстанческом объединении В. Серова – председатель реввоенсовета и начальник политотдела. 14 августа 1922 г. добровольно сдался. Самарским губернским судом 18–25 декабря 1923 г. приговорен к расстрелу.

Данилов Михаил Федорович (1880–?) – уроженец станицы Акишевской. В 1918–1919 гг. – член Казачьего отдела ВЦИК, председатель ревкома станицы Урюпинской. Весной 1919 г. работал в гражданском отделе Морозовского ревкома и подготовил доклад о положении на Дону в Казачьем отделе. Комиссар сотни в корпусе Ф. Миронова. Приговорен к расстрелу за участие в мятеже, затем помилован.

Данилов Никанор Петрович – казак хутора Ермаковского станицы Вешенской, председатель Окружного Совета в период Вешенского восстания.

Данилов Степан Ильич – житель деревни Таратухиша Карачинской волости Тобольского уезда. Участник Первой мировой войны, во время Западно-Сибирского восстания 1921 г. организатор и командир повстанцев Карачинской волости, затем командующий Юго-Западным фронтом Народной повстанческой армии Тобольского уезда. В начале ноября 1921 г. был взят в плен красными частями.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) – один из организаторов Добровольческой армии. В феврале 1918 г. командующий Добровольческой армией генерал Л.Г. Корнилов назначил Деникина своим заместителем. 31 марта 1918 г. после гибели Корнилова во время штурма Екатеринодара Деникин вступил в командование Добровольческой армией. С 25 сентября 1918 г. – главнокомандующий Добровольческой армией, с 26 декабря 1919 г. – главнокомандующий Вооруженными Силами на Юге России (ВСЮР). После разгрома ВСЮР Красной Армией осенью 1919 г. – зимой 1920 г. и эвакуации их остатков из Новороссийска в Крым 12–14 марта 1920 г. Деникин 22 марта сдал

главное командование ВСЮР генералу Врангелю и уехал в Англию.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) – с декабря 1917 г. до февраля 1922 г. – председатель ВЧК. В апреле 1920 г. направлен на Украину для руководства борьбой с бандитизмом, в мае-июле 1920 г. – начальник тыла Юго-Западного фронта, член комиссии по борьбе с бандитизмом на Украине, нарком внутренних дел.

Долин Петр Лаврентьевич – участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: командир 2-го корпуса Народно-крестьянской армии Ражевского района Ишимского уезда Тюменской губернии.

Долинин Алексей Васильевич (1893–1951) – крестьянин села Ягодное Ставропольского уезда Самарской губернии. Один из руководителей «чапанного восстания», являлся комендантом г. Ставрополя, членом военного совета Ставропольского исполкома. После подавления «чапанки» под чужой фамилией вступил в Красную армию, воевал против Деникина. Был в плену, затем воевал на польском фронте. Будучи раненым, из госпиталя написал во ВЦИК заявление с просьбой о помиловании. 20 апреля 1920 г. был амнистирован, вернулся в село Ягодное и занимался сельским хозяйством. В 1930 г. арестован органами ОГПУ, в 1931 г. из-под стражи освобожден. В 1998 г. реабилитирован.

Донской Дмитрий Павлович (1891–1923) – из бедной крестьянской семьи, житель заимки Донской Евсеевской волости Балаганского уезда Иркутской губернии. Участник Первой мировой войны, ратник ополчения, унтер-офицер. Один из руководителей восстания крестьян и дезертиров в Евсеевской волости в 1920–1921 гг. Убит в ноябре 1923 г. в бою с отрядом ЧОН.

Евсеев (Евсеев) Л.Н. – житель деревни Лапушинская Курганского уезда Челябинской губернии, участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: начальник Курганской освободительной дивизии.

Елисеев Иван Васильевич (1894–?) – уроженец села Петропавловка Новоузенского уезда Саратовской губернии. В царской армии – командир пулеметной команды, офицер. В 1922 г. – помощник командира повстанческого отряда А. Иванова, действовавшего в Саратовской и Уральской губерниях.

Ермаков Харлампий Васильевич (1891–1927) – уроженец из бедной казачьей семьи Верхне-Ермаковского хутора Вешенской станицы. По причине бедности и многодетности семьи воспитывался у бездетных родственников на хуторе Базки. Ровесник и однополчанин П. Кудинова по 12-му Донскому казачьему полку. Герой Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер. В 1918 г. служил в красногвардейском отряде Ф.Г. Подтелкова, после возвращения по ранению домой был председателем Вешенского Совета. После прихода белых был приговорен к высшей мере наказания, но благодаря заступничеству старшего брата Емельяна Ермакова был отправлен на фронт в Донскую армию – служил в Вешенском полку. Вернувшись

домой после открытия красным фронта, в начале 1919 г. был начальником артиллерийского склада 15-й Инзенской дивизии, который в начале восстания захватил с отрядом казаков. В период Верхнедонского (Вешенского) восстания в 1919 г. являлся ближайшим сподвижником руководителя восстания П.Н. Кудинова, командовал повстанческой дивизией. Расстрелян в 1927 г.

Ефремов Иван Семенович (1886–1920) – уроженец села Большая Ижмора Пензенской губернии. В годы Первой мировой войны – унтер-офицер. После войны – красноармеец, занимался крестьянским хозяйством, был председателем сельского Совета. В ходе восстания 23 февраля 1920 г. в родном селе избран председателем «нового правительства», один из руководителей обороны села.

Желтовский Василий Максимович (1895–1921) – из крестьян села Желтовское Кугаевской волости Тобольского уезда. Участник Первой мировой войны, фельдфебель. В начале 1921 г. служил делопроизводителем военкомата Кугаевской волости и имел крестьянское хозяйство ниже среднего. Один из главных военных руководителей повстанцев Тобольского уезда в период Западно-Сибирского восстания 1921 г. Погиб в бою в мае 1921 г.

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936) – председатель Петроградского Совета с декабря 1917 г. До 1926 г. возглавлял Петроградскую (Ленинградскую) организацию РКП(б)–ВКП(б). Член ЦК партии, член политбюро в 1921–1926 (в 1919–1921 гг. кандидат). В 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коминтерна. Репрессирован.

Зиньковский (Задов) Лев Николаевич (1893–1937) – сын бедняка-крестьянина еврейской земледельческой колонии Весселой (Гупаловка) Мариупольского уезда, с шести лет жил в Юзово. Работал грузчиком на мельнице, в доменном цехе Юзовского металлургического завода. Анархо-коммунист, за участие в «эксах» в 1913 г. приговорен к 8 годам каторги. Отбывал заключение в Бахмуте, Луганске, Екатеринославе. Был освобожден в результате Февральской революции 1917 г. как политзаключенный, взял себе псевдоним «Зиньковский», избран депутатом горсовета от Юзовского металлургического завода. Весной 1918 г. записался добровольцем в красногвардейский отряд, участвовал в тяжелых боях в Донбассе, из рядового вырос в командира. Дезертировал из Красной армии, примкнул к Махно, боролся с оккупантами. Занимался вместе с братом Даниилом пропагандой по вовлечению крестьян в махновские отряды. После взятия Мариуполя в конце марта 1919 г. занимал пост начальника Мариупольской контрразведки до июня 1919 г., в ноябре-декабре 1919 г. был членом Военно-революционного Совета махновской армии. С сентября по декабрь 1919 г. – начальник контрразведки 1-го корпуса. В ноябре 1920 г. – махновский комендант г. Бердянска. Участник пехотной группы Петренко в Крыму (комендант), участник фор-

сирования Сиваша. С января по август 1921 г. – начальник личной охраны Махно. Вместе с Махно эмигрировал в Румынию. В 1924 г. вернулся из Румынии в СССР и сдался ОГПУ. До 1937 г. – работник НКВД г. Одессы, полковник госбезопасности, ответственный работник иностранного отдела. В 1937 г. объявлен румынским шпионом и репрессирован. Реабилитирован в 1990 г.

Иванов Алексей – крестьянин Дергачевского уезда Саратовской губернии. Служил рядовым в царской армии. С июня 1921 г. – повстанец в отряде В. Серова, в апреле 1922 г. организовал самостоятельный отряд из крестьян Новоузенского уезда, который действовал на территории Саратовской и Уральской губерний.

Инденбаум Григорий Самойлович (1895–1921) – большевик с 1915 г., имел среднетехническое образование. С 31 августа 1920 г. занимал должность Тюменского губпродкомиссара. В начале декабря 1920 г. на 2-м Тюменском губернском съезде советов был избран членом губисполкома, 14 декабря – членом его президиума. В начале февраля 1921 г. во время служебной командировки был взят в плен вместе с отрядом сопровождавших его красноармейцев мятежниками Тоболтуринской волости Тобольского уезда и расстрелян.

Иноземцев Николай Константинович – бывший помощник военкома Готопутовской волости Ишимского уезда Тюменской губернии, участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: начальник штаба повстанцев волости.

Ишин Иван Егорович (ок. 1888–1921) – эсер-максималист, один из руководителей крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920–1921 гг. Родился в с. Калугине Кирсановского уезда в семье крестьянина. Окончил земскую начальную школу. Эсер с 1905 г. В 1907–1909 гг. – активист кирсановской эсеровской организации, поддерживал связь с Поволжским союзом «независимых» социалистов-революционеров, участник боевых акций, неоднократно арестовывался за революционную деятельность. В 1917 г. – председатель Курдюковского волостного земства Кирсановского уезда. В 1918 г. – председатель и казначей Калугинского общества потребителей. В 1919–1920 гг. – член «боевой дружины» А.С. Антонова. Осенью 1920 г. – летом 1921 г. – член губкома Союза трудового крестьянства (СТК), главный «идеолог» крестьянского восстания. Летом 1921 г. арестован в Москве во время поездки за оружием, расстрелян.

Кайгородов Александр Петрович (1887–1922) – уроженец села Катанды Уймонского аймака Горно-Алтайской губернии, сын крестьянина-переселенца из Томской губернии. С германского фронта вернулся полным Георгиевским кавалером и прапорщиком. В марте 1918 г. участвовал в работе учредительного съезда по созданию государства Ойрот на Алтае. Летом 1918 г. – один из организаторов и командир сотни «туземного» дивизиона, прославившегося своей жестокостью в борьбе против горно-алтайских партизан. В 1918 г.

был взят на военную службу в армию Колчака. За боевые заслуги произведен в подьесаулы. Во время отступления колчаковских войск ушел с небольшим отрядом в Монголию. В 1921 г. вернулся на Алтай с целью свержения советской власти, объявил себя главой освободительного движения в горах. Объединение Кайгородова именовалось «Свободным русско-инородческим партизанским отрядом». В 1922 г. создал 2-ю народную дивизию – Чуйский полк. 10 апреля 1922 г. был настигнут советским истребительным отрядом у деревни Катанда – Кайгородов и его штаб уничтожены.

Калашников Александр (?–1920) – уроженец г. Баку, житель Гуляй-Поля, из рабочей семьи, окончил низшее городское училище. Участник Первой мировой войны, прапорщик. С 1917 г. – секретарь Гуляй-Польского Союза анархистов. В начале 1919 г. – командир 7-го Заднепровского полка, в конце 1919 г. – командир 1-го Донецкого корпуса повстанческой армии, участвовавшего во взятии г. Екатеринослава, в декабре 1919 г. – начальник обороны Екатеринослава. С июня 1920 г. – член оперативного отдела Совета революционных повстанцев Украины (махновцев). В конце июня 1920 г. погиб под станцией Барвенково в бою с красными.

Камнев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936), член политбюро ЦК РКП(б), в апреле-мае 1919 г. – уполномоченный Совета Оборона на Украине. 7 мая 1919 г. посетил Махно в Гуляй-Поле.

Камнев Сергей Сергеевич (1881–1936) – полковник российской армии, участвовал в Первой мировой войне, в январе 1918 г. добровольно вступил в РККА, с 28 сентября 1918 г. по 8 июля 1919 г. – командующий Восточным фронтом, с 10 июля 1919 г. по 1 апреля 1924 г. – главнокомандующий всеми Вооруженными силами Республики.

Каретников (Каретник) Семен Никитович (1893–1920) – уроженец села Шагарово Гуляйпольской волости, безземельный крестьянин, батрак, образование начальное, одногодичное. Анархо-коммунист с 1905 г., член Гуляйпольской группы анархистов, участник «Черной гвардии». В 1918 г. – командир штабного батальона Гуляйпольского отряда. В марте-июне 1919 г. – начальник гарнизона г. Бердянска. С сентября по декабрь 1919 г. – командир 2-го гуляйпольского пехотного полка. С июля 1920 г. – помощник командарма (заместитель Н. Махно), в боях с денikinцами несколько раз был ранен. После тяжелого ранения Махно в конце августа 1920 г. выполнял обязанности командующего Повстанческой армией (махновцев). По приказу Махно командовал особой Крымской группой войск Совета революционных повстанцев Украины (махновцев). После ликвидации Врангеля в Крыму 24 ноября 1920 г. был вызван в штаб Фрунзе на военное совещание, но был арестован и 28 ноября расстрелян в г. Мелитополе.

Каутский (Kautsky), Карл (1854–1938) – один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала. Учился в Венском

университете. В 1882–1917 гг. – главный редактор теоретического журнала социал–демократии «Die neue Zeit», автор теоретической части Эрфуртской программы СДПГ.

Княгиницкий Павел Ефимович (1884–1938) – участник Первой мировой войны, прапорщик, в начале 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, служил начальником инженерной и технической части 2-й Революционной армии, с 25 ноября 1918 г. по 6 июня 1919 г. – командующий 9-й армией Южного фронта.

Ковалев Виктор Семёнович (1883–1919) – казак станицы Кременской. Член РСДРП(б) с 1905 г. В 1908 г. приговорен к 8 годам каторги и ссылки, отбывал в Енисейской губернии. Делегат II съезда Советов в октябре 1917 г., участник вооруженного восстания в Петрограде, один из организаторов Казачьего отдела ВЦИК. В апреле 1918 г. – председатель I съезда Советов Донской советской республики. С 14 апреля председатель президиума ЦИК Донской советской республики, главнокомандующий вооруженных сил, член штаба обороны. В декабре 1918 г. – марте 1919 г. – комиссар 23-й дивизии.

Коганович Петр Кириллович (1887–1942) – большевик с 1905 г. В 1917 г. – один из руководителей организации РСДРП(б) Костромской губернии. В 1918–1920 гг. работал костромским губпродкомиссаром, полномочным представителем ЦК РКП(б), ВЦИК и наркомпрода в Симбирской губернии, председателем Курского губисполкома советов. С апреля 1920 г. занимал должность председателя Сибирского продовольственного комитета и входил в состав Сибревкома с решающим голосом.

Кожин (Кожа) Фома – крестьянин. Беспартийный. Командир пулеметного полка в армии махновцев, а затем командир особой группы войск. Сыграл видную роль в разгроме Деникина осенью 1919 г. и в ликвидации Врангеля в 1920 г. В боях с Деникиным и Врангелем был несколько раз ранен. В январе 1921 г. – командир пулеметного полка Повстанческой армии. В середине марта 1921 г. с отрядом откололся от главных сил Махно. В начале июня 1921 г. вновь соединился с ними. В июне 1921 г. командовал отрядом в составе 2-й кавгруппы Повстанческой армии Куриленко. В августе 1921 г. в боях с красными был тяжело ранен, умер при операции в г. Таганроге. По другим сведениям, в начале июля 1921 г., опасаясь быть взятым в плен, застрелился.

Кожин Никита Николаевич (1885–1931) – крестьянин волостного села Боровское Барнаульского уезда Алтайской губернии. Участник Первой мировой войны, подпрапорщик, полный Георгиевский кавалер. 9 февраля 1918 г. после демобилизации из армии вернулся в Боровское, где был избран председателем местного сельского Совета. После свержения советской власти арестовывался белогвардейцами. В июле 1919 г. возглавил антиколчаковское восстание в Боровском. В партизанской армии Мамонтова командовал 1-м Алтайским

полком. После слияния партизан с частями Красной армии до 5 апреля 1920 г. командовал 1-м запасным полком 5-й армии. 6 апреля был арестован сотрудниками Алтайской губчека по обвинению в организации заговора против коммунистов.

Коллегаев Андрей Луквич (1887–1937) – один из организаторов партии левых эсеров. С ноября 1917 г. по март 1918 г. – нарком земледелия в СНК РСФСР. После мятежа левых эсеров вступил в РКП(б). В январе-июне 1919 г. – член РВС Южного фронта и председатель особой продовольственной комиссии Южного фронта. Репрессирован.

Колесников Иван Сергеевич (1894–1921) – уроженец села Старая Калита Острогожского уезда Воронежской губернии, бывший унтер-офицер царской армии. Коммунист, служил в Красной армии, дезертировал. На сельском сходе в родном селе избран руководителем восстания крестьян и дезертиров против продразверстки в уезде. Организатор повстанческого штаба восстания крестьян Острогожского, Богучарского, Павловского, Калачеевского и других уездов Воронежской губернии. Повстанцы оперировали также в Донской области и Тамбовской губернии, временно объединялись с антоновскими войсками. Убит в бою в апреле 1921 г. пол селом Дерезоватое Воронежской губернии.

Колесников Лармон (?–1922) – из крестьян села Тележиха Бийского уезда Алтайской губернии. В царской армии – унтер-офицер, с 1912 г. – член партии РСДРП (меньшевиков). Командир эскадрона в партизанской дивизии антиколчаковского сопротивления. В 1921 г. командир 4-го повстанческого освободительного полка. 21 ноября 1921 г. возглавил восстание против продналога. Впоследствии заместитель Кайгородова по делам мобилизации, после гибели последнего объявил себя его преемником. Убит в бою с красными частями 19 мая 1922 г. в районе горы Толстой Змеигородского уезда Алтайской губернии.

Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – адмирал, участник русско-японской и Первой мировой войн. В 1916–1917 гг. командовал Черноморским флотом. Военный и морской министр в Уфимской директории. После переворота в Омске в ноябре 1918 г. был провозглашен Советом министров Временного Всероссийского правительства Верховным правителем российского государства. После разгрома колчаковской армии в ноябре-декабре 1919 г. уехал из Омска в Иркутск. 7 февраля 1920 г. расстрелян по приговору Иркутского ревкома.

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892–1938) – экономист. Учился в церковно-учительской семинарии, откуда в 1906 г. был исключен «за неблагонадежность». В годы революции 1905–1907 гг. примыкал к партии эсеров, был членом ее уездного комитета. После сдачи экстерном экзамена на аттестат зрелости в 1910 г. поступил в Петербургский университет – на экономическое отделение юридического фа-

культета, в 1915 г. успешно закончил обучение. После Февральской революции вновь стал видным деятелем эсеровской партии, в 1917 г. занимал пост товарища (заместителя) министра продовольствия Временного правительства. Избирался по списку эсеров в Учредительное собрание. С 1918 г. отошел от политической деятельности. Возглавлял созданный им в 1920 г. Конъюнктурный институт, превратившийся в научный центр не только национального, но и мирового уровня. Преподавал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии, где заведовал кафедрой «Учение о сельскохозяйственных рынках». Возглавлял Управление сельскохозяйственной экономики и плановых работ Наркомзема РСФСР. Являлся действительным членом семи зарубежных научных обществ и академий. В 1930 г. арестован. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Корицкий Николай Иванович (1894–1965) – бывший офицер царской армии, в декабре 1917 г. добровольно вступил в Красную гвардию. В годы Гражданской войны начальник штаба 1-й армии Восточного фронта, возглавлял инспекцию военно-учебных заведений по подготовке командных кадров в 5-й армии, был начальником и военкомом управления военно-учебных заведений Сибири. Активный участник подавления повстанческого движения в Сибири в 1920–1921 гг.: в 1920 г. командир отряда особого назначения, в 1921 г. – начдив РККА, командующий войсками охраны и обороны железной линии Челябинск–Омск и прилегающей к ней полосы, Петропавловской группы войск.

Коротков Александр (?–1921) – бывший сотрудник Ишимского уездного военкомата, участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: руководитель повстанцев Чуртановской волости, командующий Северным фронтом Ишимского уезда Тюменской губернии.

Котовский Григорий Иванович (1881–1925) – командир Красной армии. До 1917 г. – участник крестьянского движения в Молдавии. В 1918–1919 гг. командовал конным отрядом в составе Тираспольского отряда, действовавшего против румынских войск. С июля 1919 г. – в Красной армии: командир кавбригады, кавдивизии. С апреля 1921 г. во главе кавбригады участвовал в подавлении антоновщины. Награжден почетным революционным оружием.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947) во время Октябрьской революции был назначен А. Керенским командующим группой войск, направленной с фронта на Петроград. Был взят в плен, но затем отпущен и тайно уехал на Дон. 3 (16) мая 1918 г. в Новочеркасске Кругом спасения Дона был избран атаманом Всевеликого войска Донского. 2 (15) февраля 1919 г. из-за поражений Донской армии на фронте и противоречий с командованием Добровольческой армии подал в отставку.

Краснушкин Константин Константинович – из донских казаков, участник Первой мировой войны. После революции взводный ко-

мандир, делегат 2-го Донского округа в Революционный Донской комитет. С января 1918 г. – народный судья участка г. Москвы, зав. юридическим отделом Сокольнического Совета. В мае 1919 г. командирован в ревком Хоперского округа, где работал в должности зав. отделом народных судов Хоперского района, юрисконсультom и и.о. члена ревкома. После возвращения в Москву сделал доклад на заседании Казачьего отдела 26 июня 1919 г. Было решено уполномочить его сделать доклад в ЦК партии и Президиуму ВЦИК и представить доклад в Казачий отдел. В 1919 г. переведен из Казачьего отдела в Наркомат юстиции.

Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) – окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1896 г. – помощник начальника, с 1902 г. – начальник Переселенческого управления. С 1908 г. по 1915 г. – министр земледелия, член Государственного совета и Совета министров, статс-секретарь. С октября 1918 г. по 1920 г. – товарищ председателя монархо-октябристского «Совета государственного объединения России». С ноября 1919 г. – начальник управления снабжения ВСЮР, с 6 июня 1920 г. – помощник главкома Русской армии генерала Врангеля по гражданской части, председатель «Правительства Юга России».

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – один из главных деятелей русского и международного анархизма, социолог, географ и геолог. Происходил из старинного княжеского рода. Окончил Пажеский корпус (1862 г.). В 1867 г. вышел в отставку, учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. В 1860–е гг. приобрел известность как ученый-географ. В 1872 г., посетив Бельгию, Швейцарию, примкнул к бакунинскому крылу Интернационала. Вернувшись в Россию, участвовал как анархист в народническом движении. В 1874 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В 1876 г. бежал и эмигрировал за границу. В изгнании провел 40 лет. В 1917 г. возвратился в Россию.

Кудинов Павел Назарьевич (1891–1967) – уроженец хутора Средне-Дударевского Вешенской станицы, из бедной и многодетной казачьей семьи. Окончил три класса церковно-приходской школы, за неимением средств оставил школу, пошел на заработки. В 1912 г. был призван на военную службу. Участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер, кавалер ордена Станислава с мечами. В 1916 г. закончил пехотное военное училище в Иркутске и получил офицерский чин. Сотник Вешенского полка Донской армии. Перед восстанием – начальник военного отдела Вешенского исполкома. Руководитель Верхнедонского (Вешенского) восстания в 1919 г.

Кузьменко Агафья Андреевна (Галина Андреевна) (1892–1978) – из семьи киевского жандарма. Окончила учительскую семинарию, с 1917 г. – учительница 4-го класса земской Гуляйпольской школы. С 1919 г. – гражданская жена Н. Махно. Принимала активное участие в

повстанческом движении, с 30 ноября 1920 г. — член комиссии для расследования дел контрмахновского движения Совета революционного повстанчества Украины (махновцев). Эмигрировала вместе с Махно за границу, где родила дочь Елену, жила в Париже. Во время Второй мировой войны была вывезена на принудительные работы в Германию. После освобождения советскими войсками вернулась на родину, где была приговорена к 10 годам заключения (дочь находилась в интернате в г. Джезказган). Умерла 23 марта 1978 г.

Куриленко Василий Васильевич (1891–1921) — из семьи батрака села Новоспасовки Мариупольского уезда, в раннем детстве остался без отца. Единственный кормилец матери и сестры. По профессии сапожник. С 1910 г. — член Новоспасовской группы анархо-коммунистов. С 1912 г. служил в царской армии в уланских частях. В первые дни Октябрьской революции — председатель полкового комитета. С декабря 1918 г. — начальник гарнизона станции Царево-Константиновки, член оперативного штаба. С июня 1918 г. — активный участник антигетманского восстания, командир 1-го Новоспасовского отряда. С января по июнь 1919 г. — командир 8-го Заднепровского полка и начбоеучастка Таганрогского направления, за действия по освобождению Мариуполя представлен к ордену Красного Знамени, начальник Мариупольского гарнизона. Как опытный кавалерист после объявления махновцев вне закона был приглашен красным командованием на пост командира конных частей. С согласия Махно принял это предложение и задерживал наступление Деникина в районе Екатеринослава. С августа 1919 г. воевал в бригаде «червонных казаков» В. Примакова. До 1920 г. был пять раз ранен в боях с белыми и красными. В середине февраля 1920 г. примкнул к Махно. С мая 1920 г. по июль 1921 г. — начальник административно-организационного отдела Совета Революционных повстанцев Украины (махновцев). В период военно-политического соглашения махновцев с большевиками был уполномочен от махновского лагеря на ведение переговоров. Убит в бою с красной конницей 8 июля 1921 г.

Кутырев Алексей Яковлевич (1885–?) — младший офицер сотни в 6-м Донском запасном полку, до марта 1918 г. примыкал к левым эсерам, член полкового комитета. В 1917 г. избирался на Большой Войсковой Круг от станицы Урюпинской. В РКП(б) с 1 декабря 1918 г. В начале 1919 г. — заведующий отделом управления Хоперского ревкома.

Ларин Виталий Филиппович (1895–1937) — из семьи учителя сл. Тростянка Хоперского округа. закончил Усть-Медведицкое реальное училище (1912 г.), учился на горном факультете Донского политехнического института (г. Новочеркасск). С 1914 г. — в РСДРП(б), с 1916 г. — один из руководителей подпольной организации в Новочеркасске, в 1917 г. — председатель подпольного ревкома. С апреля 1918 г. — член ЦИК Донской советской республики. В начале 1919 г. — член окружного парткома и комиссар Хоперского округа, член окружного трибунала.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) – мыслитель и политический деятель, деятельность которого ознаменовала новый этап развития марксистского мировоззрения, получившего по его имени название ленинизма. В 1887 г. поступил в Казанский университет на юридический факультет. За участие в революционном движении студентов арестован и исключен из университета. В 1891 г. закончил экстерном Петербургский университет. В 1895 г. создал Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Арестован в 1895 г. В 1897 г. сослан на 3 года в Восточную Сибирь. В начале 1900 г. вернулся из ссылки и летом того же года уехал за границу. Организатор РСДРП большевистского направления. В ноябре 1905 г. вернулся из эмиграции в Россию. После поражения революции в декабре 1907 г. снова выехал за границу. С 1912 г. – руководитель редакции газеты «Правда». В начале апреля 1917 г. прибыл в Петроград. После июльских (1917 г.) событий в Петербурге ушел в подполье. В начале октября нелегально приехал из Финляндии в Петербург. 24 октября прибыл в Смольный и руководил восстанием. Возглавил избранный на II Всероссийском съезде Советов Совет народных комиссаров.

Лепетченко Александр Савельевич (1890–1920) – сын гуляйпольского урядника. Анархо-террорист, с 1914 г. за экспроприацию помещиков находился в розыске. Член гуляйпольской группы анархистов (1917 г.), первый командир «Черной гвардии», личный адъютант Махно. Расстрелян красными в начале 1920 г. в Гуляй-Поле.

Лепетченко Иван Савельевич (1899–1937) – родной брат Александра Лепетченко. В 1917 г. вступил в отряд Махно, воевал в Красной армии, попал в плен к петлюровцам, освобожден махновцами, участвовал в ликвидации атамана Григорьева, с 1920 г. – личный телохранитель Махно, эмигрировал в Румынию, Польшу, в 1924 г. вернулся в СССР. С 1925 по 1928 г. проживал в Гуляй-Поле, где работал сапожником, затем до ареста в 1935 г. – в Сталине, в конторе Донугля, в Мариуполе на заводе Ильича коммерческим агентом и помзавмагом. Выпущен в 1935 г., снова арестован в 1937 г., расстрелян. Реабилитирован 5 января 1972 г.

Лидберг Тимофей – бывший военком и председатель ячейки РКП(б) Троицкой волости Петропавловского уезда, участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: начальник отряда повстанцев.

Лисин Андрей Феокистович – механик, участник Первой мировой войны, служил в 10-м Сибирском полку, с 1908 г. – эсер, с 1917 г. – коммунист, начальник Красной гвардии г. Царицына. В начале 1918 г. – председатель Усть-Медведицкого окружного трибунала, «михайловский коммунист». В корпусе Миронова председатель трибунала.

Лубков Петр Кузьмич (1883–1921) – крестьянин деревни Святославки Мало-Песчановской волости Мариинского уезда Томской губернии. Участник Первой мировой войны, фельдфебель, награжден

Георгиевским крестом. В 1918 г. в период антиколчаковского сопротивления организовал и возглавил партизанский отряд, действовавший на территории Мариинского и Томского уездов. В начале 1920 г. по распоряжению начальника 27-й дивизии арестован и в апреле осужден ревтрибуналом 5-й армии на пять лет лишения свободы (условно). В сентябре 1920 г. поднял вооруженное восстание против методов проведения продразверстки. В течение нескольких дней восстание было жестоко подавлено регулярными частями Красной армии и отрядами ЧОН. В течение девяти месяцев Лубков скрывался в тайге. В ночь с 22 на 23 июня 1921 г. был убит в результате операции, проведенной ЧК г. Мариинска.

Маерс Яков Захарович (1892–?) – родился в Филадельфии в семье чиновника, американский подданный. Окончил восьмиклассную русскую школу в г. Кливленд, по профессии – типографский работник. Принимал активное участие в профсоюзном движении: с 1912 г. состоял в Федерации анархистов США. С 1917 г. в России: работал в транспортном отделе Харьковского губернского совнархоза. В середине 1918 г. организовал советский партизанский отряд на Урале. В 1919 г., вступил в РКП(б), служил сотрудником внешкольной секции политотдела 3-й армии, откуда был откомандирован в тюменский губпродком. С марта 1920 г. – заведующий отделом распределения, с 24 июля того же года – член коллегии тюменского губпродкома.

Маркс (Marx). Карл (1818–1883) – немецкий экономист, философ, публицист и политический деятель, основоположник теории марксизма. Учился на юридических факультетах университетов в Бонне и Берлине. Доктор философии. В 1842 г. стал редактором «Рейнской газеты» в Кельне. После ее закрытия в 1843 г. переехал в Париж. В Париже летом 1844 г. началась дружба с Ф. Энгельсом. В 1845 г. выслан из Парижа и переехал в Брюссель. После начала революции 1848 г. во Франции арестован и выслан из Брюсселя. В 1848 г. главный редактор «Новой рейнской газеты» в Кельне. В 1849 г. газета закрыта, Маркс выслан из страны, выехал в Париж, откуда был вынужден переехать в Лондон, где прожил до конца жизни. Организатор основанного в 1864 г. в Лондоне I Интернационала. В 1867 г. опубликован первый том «Капитала» – основного труда Маркса.

Марченко (Шевченко) Алексей Семенович (1893–1921) – уроженец Гуляй-Поля, из семьи бедняков, образование начальное, неполное. Младший унтер-офицер царской армии. Анархо-коммунист с 1917 г. Член Совета революционных повстанцев (махновцев), в конце 1919 г. – начале 1920 г. – командир 3-го корпуса, командующий всей кавалерией армии. Был в плену у деникинцев, несколько раз ранен. С июня 1920 г. – командир 1-й кавалерийской группы. Убит в январе 1921 г. в Полтавской губернии в бою с красными частями 8-й дивизии червонных казаков.

Маслаков (Маслак) Григорий Савельевич (1877–1921) – из крес-

нии Манычско-Балабинской слободы Богаевской станицы Ставропольской губернии. До Первой мировой войны работал объездчиком на конном заводе в Сальском округе. Служил в царской армии в артиллерии, вахмистр. В 1917 г. сформировал красногвардейский отряд на р. Маныч, участвовал в боях против войск Краснова, служил в красногвардейских кавалерийских частях, вступил в Красную армию. Командовал кавполком в корпусе Б.М. Думенко (1919 г.), затем — комбриг 1-й бригады 4-й дивизии 1-й Конной армии С. М. Буденного. Кавалер двух орденов Красного Знамени. В сентябре 1919 г. отличился в подавлении мятежа Ф. К. Миронова и его аресте. В феврале 1921 г. выступил против советской власти, объявил себя партизаном и сторонником Махно, соединился с махновским отрядом атамана Бровы. Убит амнистированными повстанцами в конце сентября 1921 г.

Махно Нестор Иванович (1888—1934) — уроженец села Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии, из крестьян. Окончил церковноприходскую школу. В 1906 г. вступил в кружок молодежи Украинской группы хлеборобов анархистов—коммунистов. Участвовал в террористических актах. В марте 1910 г. приговорен к смертной казни через повешение, но помилован в связи с несовершеннолетием. Смертная казнь была заменена на бессрочную каторгу, отбывал в Бутырской каторжной тюрьме (г. Москва). Освобожден из тюрьмы в результате Февральской революции 1917 г. После возвращения в Гуляй-Поле избран членом Комитета крестьянского союза, а затем председателем. В июле 1917 г. назначил себя комиссаром Гуляйпольского района. Фактически не признавал власть Временного правительства. В декабре 1917 г. в Екатеринославе на губернском съезде Советов выступил против украинцев—«шовинистов» и призвал к вооруженной борьбе с армией Украинской Народной Республики. После оккупации Украины германскими войсками возглавил в Гуляйпольском районе отряды революционного повстанчества, которые вели борьбу с австро-германскими и гетманскими частями. В 1919—1920 гг. воевал против белогвардейцев и петлюровцев, а также против Красной армии. 26 ноября 1920 г. части Махно были окружены и разгромлены красными частями. Отряды махновцев вели ожесточенную вооруженную борьбу против советской власти в течение 1921 г. 23 августа 1921 г. малочисленный отряд во главе с Махно ушел в Румынию. В 1922 г. жил в Польше, затем во Франции. Работал в типографии, был сапожником. Умер 27 июля 1934 г. в Париже.

Микоян Анастас Иванович (1895—1978) — советский государственный и партийный деятель. В 1920 г. стал секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), Северо-Кавказского крайкома партии.

Миронов Филипп Кузьмич — уроженец хутора Буерак-Сенюткин Усть-Медведицкого округа Донской области. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Кавалер всех георгиевских наград, вклю-

чая золотое Георгиевское оружие. Войсковой старшина. В декабре 1917 г. избран командиром 32-го Донского полка. Был членом военно-революционного комитета и военкомом Усть-Медведицкого округа. В годы Гражданской войны – командир 1-й Усть-Медведицкой стрелковой дивизии, 23-й стрелковой дивизией. С марта 1919 г. – помощник и временно исполняющий обязанности командующего Литовско-Белорусской (впоследствии 16-й) армией, в июне 1919 г. – временно исполняющий обязанности командующего 16-й армии Западного фронта. С июня 1919 г. – член Казачьего отдела ВЦИК и командующий сформированного Особого экспедиционного корпуса (с июля Донского казачьего кавалерийского корпуса). С декабря 1919 г. до августа 1920 г. – член Донисполкома, с сентября по декабрь 1920 г. командовал 2-й Конной армией. За разгром врангелевских войск в Крыму награжден Почетным революционным оружием и орденом Красного Знамени. В дальнейшем инспектор кавалерии РККА. В феврале 1921 г. арестован органами ВЧК по ложному доносу об участии в антисоветском заговоре в Усть-Медведицком округе. Расстрелян ВЧК весной 1921 г. Реабилитирован в 1960 г.

Монастырский Борис Иосифович (1892–1964) – в 1917 – первой половине 1918 г. левый эсер, в 1919 г. вступил в РКП(б). С осени 1919 г. являлся уполномоченным Наркомпрода в Сибири, продовольственным комиссаром Омской губернии.

Нестеров М.В. – председатель Донской комиссии ВСНХ, автор доклада об итогах расследования причин Вешенского восстания на заседании Казачьего отдела 30 июня 1919 г.

Новоселов Иван Пацфилович (?–1922) – из крестьян, житель деревни Баерак Кузнецкого уезда Томской губернии. Участник Первой мировой войны, ефрейтор. В первой половине 1918 г. являлся советским работником (делопроизводитель в Гурьевском Совете Кузнецкого уезда). В июне 1918 г. был арестован колчаковцами, но бежал. Осенью 1918 г. создал партизанский отряд, который оперировал в Кузнецком уезде и прилегающих районах Барнаульского, Мариинского и Щегловского уездов. Осенью 1919 г. отряд передислоцировался в Причерный край и объединился с отрядом Рогова, стал его ближайшим сподвижником. 25 декабря 1919 г. был арестован советскими властями, но бежал из-под ареста. 1 мая 1920 г. вместе с Роговым поднял антисоветский мятеж в Причерном крае.

Новоселов Степан Андреевич (1882–1953) – из крестьян Вятской губернии, образование низшее, большевик с 1905 г. После революции 1917 г. возглавлял Лысьвенский Совет, Пермский, Вятский и Екатеринбургский губисполкомы советов и губревкомы. С апреля 1920 г. являлся председателем Тюменского губвоенревкома и губисполкома советов.

Орджоникидзе Георгий Константинович (1886–1937) – советский государственный и партийный деятель. С апреля 1918 г. – Временный

чрезвычайный комиссар Юга России, член ЦИК Донской советской республики. В июле—сентябре 1919 г. — член РВС 16-й армии, в октябре 1919 г. — январе 1920 г. — член РВС 14-й армии, представитель РВС Южного фронта при ударной группе войск. С 1920 г. председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б), 1-й секретарь Закавказского крайкома партии.

Орлов (Туркин) Петр Селиверстович (1894—1925) — из крестьян деревни Кукуя Шебалинского аймака Ойротской области Алтайской губернии. Бывший унтер-офицер. Возглавлял в 1921 г. «Бартский отряд», помощник командира 1-го Сибирского повстанческого конного полка, координировал действия с Кайгородовым. 16 ноября 1922 г. сдался, однако бежал из Бийской тюрьмы. В 1925 г. был арестован, бежал, но был задержан. 11 декабря 1925 г. ОГПУ по Сибири приговорен к высшей мере наказания.

Павлуновский Иван Петрович (1888—1940) — из служащих, большевик с 1905 г., активный участник трех российских революций. В 1917 г. — первой половине 1918 г. возглавлял Петергофский Совет, был членом Петроградского Совета, командовал красногвардейскими отрядами в Петрограде, на Украине и в Белоруссии. С августа 1918 г. работал в органах ВЧК: начальник особого отдела 5-й армии, председатель Уфимской губчека, заместитель и первый заместитель начальника особого отдела ВЧК. В январе 1920 г. назначен полномочным представителем ВЧК по Сибири.

Петренко (Платонов) Петр (1890—1921) — из батрацкой семьи села Большая Михайловка Александровского уезда Екатеринославской губернии. Прапорщик царской армии, полный Георгиевский кавалер. Активный участник антигетманского восстания, командир отряда. Член Дибровской группы анархистов с 1918 г. С мая 1919 г. начальник боевого участка, командир отряда в тылу Деникина, командир пехотного полка Повстанческой армии (махновцев). В ноябре 1919 г. — командир ударной группы 1-го Донецкого корпуса махновской армии, участвовавшей во взятии г. Екатеринослава, в январе 1920 г. — командир 5-го полка. С мая 1920 г. — командир пехотной группы. Участвовал во взятии Перекопа. С 6 декабря 1920 г. — командующий пехотной группой. В начале 1921 г. — начальник штаба Азовской группы повстанческой армии (Вдовиченко). В июне 1921 г. командовал отрядом в составе кавгруппы Повстанческой армии Забудько, был заместителем Махно. Убит в бою с красной кавдивизией на Херсонщине в августе 1921 г. По другим сведениям, в ноябре 1921 г. возглавлял отряд повстанцев в Донецкой губернии, был тяжело ранен в бою.

Петриченко Степан Максимович (1892 — 1947) — председатель Кронштадтского ревкома. Из семьи малоземельного крестьянина в Калужской губернии. С 1894 г. жил в Запорожье, окончил два класса городского училища. Старший писарь линкора «Петропавловск». После поражения восстания с частью кронштадтского гарнизона

ушел в Финляндию. 22 мая 1922 г. за связь с большевиками был арестован финской полицией и около двух месяцев содержался в Выборгской тюрьме. Затем был направлен на жительство в г. Умаборг, где работал на лесопильном заводе чернорабочим. В сентябре 1922 г. обратился в советское консульство в Финляндии с просьбой разрешить ему возвратиться в Россию. Ему было сделано предложение вступить в контакт с советской разведкой, которое Петриченко принял. В 1927 выезжал через Латвию в СССР. Возвратившись в Финляндию, устроился на целлюлозную фабрику в г. Кень, где работал до 1931 г. Был уволен с фабрики по сокращению штатов и переехал на жительство в Хельсинки. В 1937 г. заявил об отказе сотрудничать с советской разведкой, однако затем вновь согласился продолжать работу. От Петриченко было получено несколько важных сообщений о подготовке фашистской Германии к войне с СССР. В 1941 г. Петриченко был арестован финскими властями. 25 сентября 1944 г. на основании соглашения о перемирии между СССР, Великобританией и Финляндией был освобожден, а 21 апреля 1945 г. вновь арестован и передан органам контрразведки Советской Армии. 17 ноября 1945 г. особым совещанием при наркоме внутренних дел СССР «за участие в контрреволюционной террористической организации и принадлежность к финской разведке» был приговорен к десяти годам лагерей. Умер 2 июня 1947 г. на этапе из Соликамского лагеря во Владимирскую тюрьму.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) – философ, деятель русского и международного рабочего движения, пропагандист марксизма в России. В 1874 г. поступил в Горный институт. Один из создателей организации «Земля и Воля», после ее раскола – «Черный передел». В 1877 и 1878 годах дважды подвергался арестам, в 1880 г. эмигрировал за границу. В 1883 г. создал в Женеве первую русскую марксистскую организацию – группу «Освобождение труда». После основания в 1898 г. РСДРП участвовал в ее работе. В начале 1900-х годов входил в редакцию газеты «Искра» и журнала «Заря». В марте 1917 г. вернулся в Россию. Не принял курса большевиков на социалистическую революцию. В то же время отказался поддержать контрреволюцию. После Октября отошел от политической жизни. Умер от туберкулеза.

Плотников Филипп Долматович (1874–1920) – из крестьян, житель села Белово Барнаульского уезда, бедняк. Весной 1918 г. стал членом земельного отдела Алтайского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. Осенью 1919 г. стал участником антиколчаковского восстания. В армии Мамонтова был назначен комиссаром 1-го Алтайского полка. Военком полка в 5-й армии, но арестован Алтайской губчека, так как не скрывал недовольства коммунистическими порядками. Бежал из концлагеря.

Плужников Григорий Наумович («Батько») (ок. 1887–1921) – из

крестьянской семьи в Тамбовском уезде. Активный участник крестьянского движения в Тамбовской губернии в период первой русской революции. До 1909 г. жил в с. Каменка, занимался земледелием. В 1909 г. арестован с группой односельчан за участие в аграрном терроре. Отбывал наказание в тамбовской тюрьме (одновременно с А.С. Антоновым) и в Олонецкой губернии. Один из организаторов восстания крестьян сел Каменка и Хитрово Тамбовского уезда в августе 1920 г. Один из главных руководителей крестьянского восстания 1920–1921 гг. Осенью 1920 г. – летом 1921 г. – фактический руководитель губкома Союза трудового крестьянства (СТК). Летом 1921 г. погиб при неясных обстоятельствах.

Подвойский Николай Ильич (1880–1948) – один из руководителей штурма Зимнего дворца в Петрограде в октябре 1917 г. С апреля 1918 г. по сентябрь 1919 г. – председатель Высшей военной инспекции Красной Армии. С сентября 1918 г. по июль 1919 г. – член РВС Республики, наркомвоенмор Украины (январь–сентябрь 1919 г.). С ноября 1919 г. по 1923 г. – начальник Всевобуча и частей особого назначения (ЧОН). В октябре–декабре 1919 г. – член РВС 7-й армии, в феврале–марте 1920 г. – член РВС 10-й армии.

Полюдов Евгений Венедиктович (1887–1948) – из казаков, по профессии учитель, большевик с 1907 г. После освобождения Сибири от колчаковцев работал председателем Омского губернского ревкома и исполкома советов.

Попов Дмитрий Иванович – анархист, бывший известный левый эсер, участник левозсеровского мятежа в Москве в 1918 г. В период борьбы Махно с Деникиным – командир пехотных частей в составе 2-го Сулинского, 24-го Терновского, 3-го Екатеринославского пехотных полков. В 1920 г. занимался культурно-просветительной работой, был членом реввоенсовета армии, секретарем Совета революционных махновцев. В октябре 1920 г. в качестве уполномоченного Махно подписал военно-политическое соглашение с большевиками. В ноябре 1920 г. – представитель армии махновцев в Харькове. Арестован ЧК в ночь с 25 на 26 ноября 1920 г.

Попов Ф. – донской казак, бывший командир полка 1-й Конной армии, руководитель крупного отряда повстанцев, действовавшего в 1921 г. в Уральской и Самарской губерниях.

Правда (1877–1921) – из батрацкой семьи села Любимовка Александровского уезда. Анархист–террорист с 1904 г. Работая на станции сцепщиком вагонов, в 1905 г. лишился обеих ног. Командир отряда махновцев, полка, начальник лазарета, армейского обоза. Зарублен бойцами 3-го корпуса красных в селе Туркеновке Александровского уезда 13 ноября 1921 г.

Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) – советский государственный и политический деятель, член большевистской партии с 1903 года. В 1920 г. – один из трех секретарей ЦК партии.

Избирался членом ЦК. Возглавлял Финансовую комиссию ЦК РКП (б) и Совнаркома для разработки вопросов финансовой политики в связи с переходом к нэпу. Работал председателем Главпрофобра, до 1927 г. был членом коллегии Наркомфина. Был заместителем председателя президиума Коммунистической Академии. В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. восстановлен, в 1933 г. исключен вновь, но вскоре восстановлен, в 1936 г. снова исключен. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Путна Витовт Казимирович (1893–1937) – участник Первой мировой войны, прапорщик. Начальник 27-й Омской стрелковой дивизии (декабрь 1919 г. – сентябрь 1922 г.). Участник подавления повстанческого движения в Поволжье и Кронштадтского восстания.

Пьянков Андриян Моисеевич (1898–1943) – уроженец села Тоурак Бийского уезда Алтайской губернии. В царской армии – унтер-офицер. В 1919 г. служил в армии Колчака, в 1920 г. – в Красной армии в 1-м Иркутском железнодорожном батальоне. В 1921–1922 гг. командир «Бартского отряда» повстанцев в составе отрядов Кайгородова в Кусковской и Ануйской волостях Алтайской губернии. 25 августа 1922 г. добровольно сдался, амнистирован. Впоследствии трижды судим.

Пятаков М. – руководитель повстанческого отряда, действовавшего в 1921 г. в районе г. Новоузенска Саратовской губернии. Вместе с отрядом добровольно сдался властям. Направил письмо на имя председателя Саратовской губчека Каширина, в котором обязался в непродолжительное время ликвидировать мирным путем бандитизм по всему Поволжью и в Уральской губернии. Разослал по всем повстанческим отрядам письма, в которых призывал сдаться. В декабре 1921 г. принимал участие в работе комиссии Самарской губчека по ликвидации бандитизма.

Райвид Николай Яковлевич (1897–?) – из служащих, участник Первой мировой войны, член РКП(б) с 1919 г. В 1919 г. на журналистской и профсоюзной работе в Иваново–Вознесенске, в 1920–1921 гг. – секретарь Тамбовского губкома РКП(б), член губисполкома, член оперативного штаба при губчека по подавлению крестьянского восстания.

Раковский (Станчев Крыстю) Х.Г. (1873–1941) в 1919–1923 гг. – председатель Совнаркома Украины, нарком иностранных дел. В декабре 1920 г. – член комиссии по борьбе с бандитизмом на Украине. Репрессирован.

Рахманов Николай Николаевич (1892–?) – родился в Киеве, штабс-капитан царской армии. В Красной армии командовал 234-м полком и 78-й бригадой 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. В 1919 г. участвовал в боях с колчаковскими войсками на Восточном фронте, в 1920 г. – в подавлении крестьянских восстаний в Алтайской губернии. Затем принял командование 85-й бригадой 29-й стрелко-

вой дивизии. В 1923 г. за руководство подавлением восстания в Тюменской губернии был награжден орденом Красного Знамени.

Редзько Константин Владимирович (1880–1959) – офицер царской армии, в 1918–1922 гг. – военный руководитель Тамбовской губернии, начальник тамбовских кавалеристских курсов Красной армии, в октябре–декабре 1920 г. – командующий войсками Тамбовской губернии, затем заместитель губернского военкома.

Решетков Илья Васильевич (1892–1967) – из села Кагальник Донской области, в РСДРП(б) с 1910 г. После Февральской революции – член исполкома Ростово–Нахичеванского ВРК, член исполкома горсовета Ростова–на–Дону. С декабря 1917 г. – в Петрограде в ВЧК, с осени 1918 г. – на фронте, с февраля 1919 г. – председатель Верхне-Донского (Вешенского) ревкома.

Рогачев Георгий Пахомович (1896–1938) – из крестьян, бывший эсер–максималист. В РКП(б) с июля 1918 г. С ноября 1917 по март 1918 г. – комиссар полка 16–го армейского корпуса. По характеристике Казачьего отдела ВЦИК, «судился за подделку документов по освобождению от воинской повинности при старом режиме, имея в виде корыстной цели взяточничество... Как политический работник зарекомендовал себя шкурником и карьеристом». С марта по июль 1918 г. – председатель Совета станицы Урюпинской, затем пом. начальника политотдела 14–й стр. дивизии 9–й армии. С марта 1919 г. – председатель ревкома станицы Урюпинской и член бюро Хоперского окружкома РКП(б). В телеграмме от 3 июня 1919 г. В. Ленин приводил пример огульной реквизиции Рогачевым телег у населения.

Рогов Григорий Федорович (1883–1920) – крестьянин села Жуланых Мариинской волости Барнаульского уезда Алтайской губернии. В конце 1917 г. – начале 1918 г. состоял в партии эсеров, затем перешел на позиции анархистов. В октябре 1917 г. избран членом управы Алтайского губернского земельного комитета, уполномоченный управы в исполкоме губернского Совета крестьянских депутатов. В конце января – первой половине февраля 1918 г. участник 2–го Алтайского губернского съезда крестьянских депутатов, поддержал переход власти к Советам. В 1917 – первой половине 1918 г. – заведующий земельным отделом исполкома Барнаульского уездного Совета. После падения советской власти – один из организаторов антибелогвардейского сопротивления в Мариинской волости, осенью 1918 г. создал и возглавил партизанский отряд в Причерноморье. В конце 1919 г. Рогов командовал несколькими отрядами. Роговцы освободили от колчаковцев значительную часть Барнаульского, Кузнецкого и Щегловского уездов, в том числе уездные центры Кузнецк и Щеглово. 26 декабря 1919 г. был арестован Томской губчека по обвинению в грабежах и убийствах. По многочисленным ходатайствам населения и бывших партизан в конце февраля 1920 г. без суда был освобожден. С мая 1920 г. принял активное участие в антибольшевистской

вооруженной борьбе в пограничных районах Алтайской губернии, Кузнецком и Щегловской уездах Томской губернии. 3 июля 1920 г., оказавшись в окружении и будучи раненым, застрелился.

Родин Владимир Алексеевич (?–1921) – учитель села Белое Соколовской волости Ишимского уезда Тюменской губернии. По данным советских органов, ранее был эсером, имел звание поручика и служил в армии Колчака. С 10 февраля 1921 г. командовал Налобинским, затем Петропавловским боевым участком повстанцев, с 18 февраля являлся командующим Сибирским фронтом.

Русаков Михаил Ильич – бывший заведующий Петуховской продконторой Ишимского уезда Тюменской губернии, участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: один из главных организаторов повстанцев Петуховского района.

Рыков Алексей Иванович (1881–1938) – советский государственный и партийный деятель. С 1899 г. состоял в РСДРП. Участник революции 1905–1907 гг. После Октябрьской революции – нарком внутренних дел, в 1918–1921 гг. и 1923–24 гг. – председатель ВСНХ. С 1921 г. – заместитель председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Оборона, в 1924–1930 гг. – председатель Совнаркома СССР. В 1922–1930 гг. член политбюро ЦК. В 1931–1936 гг. нарком связи СССР. В 1937 г. исключен из партии. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Сапожков Александр Васильевич (?–1920) – из крестьян Самарской губернии, участник Первой мировой войны, подпоручик. В 1917 г. примкнул к левым эсерам, принимал активное участие в большевистской революции в Саратовской губернии, пытался вступить в большевистскую партию. С февраля 1919 г. командовал 22-й дивизией и участвовал в боевых действиях на Уральском и Южном фронтах. Начальник 9-й кавдивизии. Организатор крупного восстания в 1920 г., получившего наименование «сапожковщина». 31 июля 1920 г. объявил о создании на основе формирующихся частей дивизии так называемой «Первой армии Правды». После мятежа Ф.К. Миронова это был второй случай в истории Гражданской войны протестного выступления крупного воинского соединения Красной армии. Повстанческий отряд Сапожкова действовал в Заволжье до начала осени 1920 г. 6 сентября 1920 г. у озера Бак–Баул, в районе Ханской ставки Астраханской губернии, он был разгромлен отрядом Борисоглебских кавалерийских курсов, а сам Сапожков убит.

Сватош Богумил Владиславович (?–1921) – с ноября 1920 г. заведующий отделом Обь–Иртышского областного управления рыбными промыслами в г. Тобольске. Участник Западно–Сибирского восстания 1921 г.: начальник секретно–оперативно–политического отдела повстанцев Тобольского уезда, затем главнокомандующий повстанцев Тобольского уезда (сменил Желтовского). Погиб в середине мая 1921 г.

Свердлов Яков Михайлович (1885–1919) – советский государственный и партийный деятель. Член РСДРП с 1901 г. Занимался революционной работой в Нижнем Новгороде, Сормове, Костроме, Казани, Москве, Петербурге и других городах России. Во время революции 1905–1907 гг. руководил большевистскими организациями Урала. С 1912 г. член ЦК РСДРП(б) и Русского бюро ЦК. Член редакции газеты «Правда». За революционную деятельность пробыл в царских тюрьмах и ссылке в общей сложности 12 лет. После Февральской революции 1917 г. – один из руководителей уральской организации большевиков. Активный участник Октябрьской революции: член Петроградского Военно-революционного комитета и Военно-революционного центра по руководству восстанием. 8 (21) ноября 1917 г. избран председателем ВЦИК. В 1917–1919 гг. член ЦК большевистской партии, руководил Секретариатом ЦК.

Семенов А.Б. – уроженец г. Новоузенска Саратовской губернии. Секретарь ревтрибунала 4-й армии, начальник штаба 4-й армии, секретарь и член коллегии ЧК г. Новоузенска, член РСДРП(б). В октябре 1921 г. в селе Соломихино перешел на сторону повстанцев и присоединился к отрядам В. Серова.

Серов Василий Алексеевич (1898–1923) – уроженец села Куриловка Новоузенского уезда Саратовской губернии. С 1913 г. служил в царской армии, урядник. Член РКП(б) с 1919 г. В 1920 г. служил во 2-й Туркестанской дивизии (начдив Сапожков) командиром полка. Во время восстания в дивизии в 1920 г. после захвата г. Бузулука был назначен начальником местного гарнизона. В июне 1920 г. приступил к формированию самостоятельного повстанческого отряда. В 1920–1922 гг. возглавлял повстанческое движение, получившее наименование «серовщина». Повстанцы Серова действовали на территории Самарской, Саратовской, Оренбургской и Уральской губерний. 15 августа 1922 г. добровольно сдался органам ГПУ. Самарским губернским судом 18–25 декабря 1923 г. приговорен к расстрелу.

Сикаченко Иван Лукьянович (1893–?) – крестьянин-середняк села Аромашево Ишимского уезда, председатель волисполкома. Участник Западно-Сибирского восстания 1921 г., у повстанцев был заместителем командира отряда П.С. Шевченко. Взят в плен красноармейцами, будучи тяжело раненным.

Ситников Иван Алексеевич (1898–1920) – житель села Вьюны Чаусской волости, середняк. Командир повстанческого отряда. Приговорен к расстрелу 7 августа 1920 г. Ново-Николаевской уездной ЧК Томской губернии.

Скалов (Мирясов) Степан Иванович (1879–1950) – рабочий, член РСДРП с 1902 г. В 1917 г. – комиссар самокатного батальона в Петрограде. С января по июль 1918 г. – Петроградский губернский комиссар труда. В 1919 г. – на Южном фронте, начальник политотдела и член Реввоенсовета Особого корпуса по борьбе с повстанцами.

Склянский Эфраим Маркович (1892–1925) — заместитель председателя РВСР (октябрь 1918 г. – март 1924 г.), член Совета Труда и Обороны (с октября 1918 г.).

Слинкин Федор Яковлевич – участник Западно–Сибирского восстания 1921 г., командующий Северным фронтом повстанцев Тобольского уезда.

Смидович Петр Гермогенович (1874–1935) – в годы Гражданской войны председатель реввоен трибунала 5-й армии, в 1919–1920 гг. на военной и советской работе, участник подавления антоновщины и Кронштадтского восстания.

Смилга Ивар Тенисович (1892–1938) – советский государственный и политический деятель. Член РВСР (май 1919 г. – март 1923 г.), начальник Политуправления РВСР (май 1919 г. – январь 1921 г.). Член РВС 3-й армии, Восточного, Юго-Восточного, Кавказского фронтов, Кавказской трудовой армии. Репрессирован, реабилитирован по-смертно.

Смирнов Иван Никитич (1881–1936) – из крестьян. Профессиональный революционер, член РСДРП с 1899 г., большевик. Весной – летом 1917 г. был одним из организаторов и руководителей Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. В годы Гражданской войны являлся членом Реввоенсовета Республики, Восточного фронта и 5-й армии. С 1919 г. – председатель Сибирского ревкома. На VIII съезде РКП(б) был избран кандидатом в члены ЦК, на IX съезде – членом ЦК партии.

Смолин Иван (?–1920) – участник партизанской борьбы против Колчака, дезертир Красной армии. В 1920 г. возглавил повстанческий отряд в Барнаульском уезде Алтайской губернии.

Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич (1888–1939) – советский государственный и политический деятель. В декабре 1918 г. – августе 1919 г. – член РВС Южного фронта, одновременно командующий 8-й армией (с декабря 1918 г. по февраль 1919 г.). Репрессирован, реабилитирован в 1988 г.

Соловьев Николай Иванович (1890–1924) – уроженец станицы Фарнус (Солено-Озерное) Минусинского уезда, казак Сибирского войска, житель улуса Теплая Речка Енисейской губернии. В 1920 г. создал вооруженный отряд. Руководитель повстанческого движения в Сибири, получившего наименование «соловьевщина». До 1922 г. вел боевые действия против советской власти на территории Енисейской губернии в Ачинском и Мариинском уездах. В конце 1922 г. был разбит, с небольшой группой скрылся в тайге. В 1924 г. был убит в селе Соленое Озеро Минусинского уезда.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) – советский государственный и партийный деятель. Учился в духовной семинарии. В 1898 г. вступил в РСДРП, после 1903 г. – большевик. Участник революции 1905–1907 гг. В январе 1912 г. введен в состав

ЦК, принимал участие в редактировании большевистской газеты «Правда». В период Октябрьской революции входил в Военно-революционный центр по подготовке восстания. На II Всероссийском съезде Советов избран в Совет Народных Комиссаров, возглавил Народный комиссариат по делам национальностей. Нарком по делам национальностей в 1917–1922 гг., в 1919–1920 гг. одновременно нарком госконтроля. В период Гражданской войны состоял членом Реввоенсовета Республики. В сентябре-октябре 1918 г., сентябре 1919 г. – январе 1920 г. – член РВС Южного фронта. В январе – августе 1920 г. – член РВС Юго-Западного фронта. С 1922 г. генеральный секретарь ЦК РКП(б). Оставаясь секретарем (Генеральным – до 1934 г.) ЦК партии, с 1941 г. был также председателем СНК (Совмина), в 1941–1947 гг. наркомом обороны СССР, в 1941–1945 гг. председателем Госкомитета обороны, Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами СССР. В 1925–1943 гг. член Исполкома Коминтерна. Сталинизм, его истоки, сущность и последствия широко освещаются в литературе.

Студитов-Парфенов Петр Иванович (1888–1969) – из крестьян Калужской губернии. Образование низшее. Участник революционного движения с 1906 г., большевик с 1914 г. После установления советской власти был организатором и председателем Лысьвенской ЧК, занимал руководящие советские посты в Перми и Екатеринбурге. С 1 июня 1920 г. являлся председателем Тюменской губчека.

Сырцов Сергей Иванович (1893–1939) – из семьи служащего, член РКП(б) с 1913 г. Закончил Ростовское коммерческое училище, в 1912–1916 гг. учился в Петербургском технологическом институте. С апреля 1917 г. направлен на партийную работу в Ростов-н-Дону. Был заместителем председателя Донского областного ВРК под руководством Ф.Г. Подтелкова. В марте-сентябре 1918 г. – заместитель председателя СНК Донской советской республики, комиссар по делам народного хозяйства. После самороспуска Донского советского правительства – комиссар 12-й армии, член Реввоенсовета Южного фронта. В 1919 г. – председатель Донбюро РКП(б), заведующий отделом Гражданского управления (Граждупра) Южного фронта (январь-апрель). Один из главных организаторов расказачивания на Дону в 1919 г. С сентября 1919 г. – член Донкома РКП(б). В 1920–1921 гг. – секретарь Одесского губкома РКП(б). Участник подавления Кронштадтского восстания. Репрессирован.

Терехов Василий Михайлович (1874–?) – крестьянин села Бакалы Белебеевского уезда Уфимской губернии. Активный участник «вилочного восстания» в Белебеевском уезде, занимал должность начальника штаба в селе Бакалы. Арестован 26 марта 1920 г.

Терпило Даниил (атаман Зеленый) (1883–1919) – родился в селе Триполье Киевской губернии. В январе 1919 г. выступил против Директории, командовал частями Красной армии (до 5 тыс. штыков),

наступавшими на войска Директории южнее Киева. В марте 1919 г. выступил против советской власти. В сентябре 1919 г. начал сражаться с белогвардейцами. Погиб в бою с деникинцами в ноябре 1919 г. под г. Каневым.

Тихон, Патриарх Московский и Всея Руси (Белавин Василий Иванович) (1865–1925) – уроженец г. Торопец Псковской губернии, из семьи священника. В 1897–1898 гг. – епископ Люблинский. В 1898–1907 гг. был епископом, архиепископом в Северной Америке (Алеутский, Аляскинский и Североамериканский). В 1907–1917 гг. – архиепископ Виленский и Литовский, с августа 1917 г. – митрополит. В ноябре 1917 г. Первым Поместным Собором Российской православной церкви избран Патриархом Московским и Всея Руси. В 1922 г. был привлечен к судебной ответственности и заключен под домашний арест в Донском монастыре. Всероссийский Поместный Собор, созванный обновленцами в мае 1923 г., лишил Тихона сана Патриарха, но он и его сторонники не признали этого решения. В письме Верховному суду РСФСР 16 июня 1923 г. Тихон просил о помиловании. Постановлением ЦИК СССР 21 марта 1924 г. «дело Тихона» было прекращено. Умер в Москве, в лечебнице Бакуниных на Остоженке, 7 апреля 1925 г.

Токарев Семен Георгиевич – из крестьян Ишимского уезда Тюменской губернии. В годы Первой мировой войны служил в 1-м Сибирском полку. После Октября 1917 г. демобилизовался, занимался хлебопашеством, избирался председателем сельского Совета. В мае 1919 г. был мобилизован в колчаковскую армию, служил командиром взвода в 4-м казачьем полку. В 1919 г. добровольно сдался в плен красным. В 1920 г. был командирован Тюменским губвоенкоматом в Петропавловский уезд сначала для регистрации конского состава, затем был включен в ремонтную комиссию. Участник Западно-Сибирского восстания 1921 г.: в начале восстания в станице Ново-Никольской возглавил местную сотню.

Токмаков Петр Михайлович (?–1921) – один из руководителей крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Крестьянин деревни Иноковка Кирсановского уезда. Участник Первой мировой войны, подпоручик. В 1917–1918 гг. – милиционер в Кирсановском уезде, подчиненный А.С. Антонова. С конца 1918 г. по осень 1920 г. – член «боевой дружины» Антонова. Осенью 1920–1921 гг. – один из военных руководителей крестьянского восстания, одно время командующий партизанскими армиями Тамбовского края. Убит в бою с частями Красной армии в начале марта 1921 г. в районе Обвал-Александровка.

Траскович Федор Константинович (1882–?) – из крестьян, окончил учительский институт и три курса сельхозинститута, член РКП(б) с 1919 г. В 1919–1920 гг. – председатель ревтрибунала Тамбовской губернии, заведующий губернский отделом юстиции, член опера-

тивного штаба при губчека по подавлению крестьянского восстания, председатель губчека.

Трифонов Валентин Андреевич (1888–1938) – донской казак. Член РСДРП(б) с 1904 г. С марта 1917 г. – секретарь фракции большевиков Петроградского Совета, с сентября – секретарь Центральной комендатуры, с октября – член Главного штаба Красной гвардии Петрограда. В январе – мае 1918 г. – член Всероссийской коллегии по организации Красной Армии, чрезвычайный представитель Наркомвоена на Южном фронте. Решением Политбюро ЦК РКП(б) от 12 мая 1919 г. был направлен на работу в Донской областной ревком, 12 июня на первом заседании Донревкома был выбран его председателем, одновременно являлся военкомом экспедиционного корпуса (июнь–июль); член Реввоенсовета Особой группы (июль–сентябрь); член РВС Юго–Восточного фронта. В январе 1920 – мае 1921 г. – член РВС Кавказского фронта.

Трифонов Евгений Андреевич (1885–1937) – казак станицы Новочеркасской, член РСДРП(б) с 1904 г. С октября 1919 г. по май 1920 г. он был начальником этой дивизии. В июле 1920 г. – январе 1921 г. – военком Донской области.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – советский государственный и партийный деятель. Учился в Одесском, затем Николаевском училищах. В социал–демократическом движении с 1897 г. В 1898 арестован. Приговорен к 4 годам ссылки в Восточную Сибирь. Участник революции 1905–1907 гг., председатель Петербургского Совета. Вернувшись после Февральской революции 1917 г. в Россию из эмиграции, был принят в большевистскую партию. В сентябре–ноябре 1917 г. – председатель Петроградского Совета. После Октябрьской революции – нарком по иностранным делам, нарком по военным и морским делам. С сентября 1918 г. председатель РВС Республики. В 1920–21 гг. – врио наркома путей сообщения. С 1925 по 1928 гг. – председатель Концессионного комитета, начальник электротехнического управления и председатель научно–технического управления промышленности ВСНХ. Член Политбюро ЦК в 1919–1926 гг., являлся членом Исполкома Коминтерна. В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. выслан из СССР и в 1932 г. лишен советского гражданства. Убит в 1940 г. в Мексике.

Троян Гавриил – батрак из Гуляй-Поля, член группы анархистов с 1917 г., личный адъютант Махно, секретарь Военно–революционного Совета махновской армии в октябре–декабре 1919 г., секретарь съезда крестьян, рабочих и повстанцев, созванного 28 октября – 2 ноября 1919 г. в г. Александровске. С 11 января 1921 г. – командир «особого полка», «особой группы» при командарме. Убит в бою под Беловодском в феврале 1921 г.

Туган–Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – русский экономист, социолог. В 1888 окончил физико–математический факуль-

тет Харьковского университета. Экстерном сдал экзамены на юридическом факультете. В 1894 г. получил степень магистра в Московском университете за книгу «Промышленные кризисы в современной Англии...», издание которой принесло ему известность в России и за рубежом. В 1895 г. стал приват-доцентом Петербургского университета. В 1898 г. защитил докторскую диссертацию в Московском университете. В 1890-х годах видный представитель «легального марксизма», сотрудник журналов «Новое Слово» (1897 г.), «Начало» (1899 г.). В период первой русской революции – член партии кадетов. В 1899 г. отстранен от преподавания в Московском университете за политическую неблагонадежность. С 1913 г. – профессор Петербургского политехнического института. После Февральской революции занимал пост министра финансов Украинской Центральной Рады. В 1918 г. в Москве читал лекции, занимался делами кооперативного движения. Затем вернулся на Украину, где занимался преимущественно научной и научно-организаторской деятельностью. Скоропостижно скончался в начале 1919 г. близ Одессы.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) – советский военачальник. В 1918–1919 гг. являлся командующим 1-й, 5-й и 8-й армиями. В начале 1920 г. – командующий Кавказским, а затем Западным фронтами. В марте 1921 г. назначался командующим группой войск для подавления Кронштадтского восстания, в апреле–июле 1921 г. – командующим войсками в Тамбовской губернии для подавления антоновщины. В 1921 г. – начальник Военной академии РККА. С января 1922 г. – командующий войсками Западного военного округа. С 1931 г. являлся заместителем наркома по военным и морским делам и заместителем председателя Реввоенсовета СССР, маршал Советского Союза. Репрессирован.

Уборевич Иероним Петрович (1896–1937) – из крестьян. Участник Первой мировой войны, подпоручик царской армии. С 1917 г. – член РСДРП(б). С 1918 г. на командных должностях в Красной армии: командир полка, дивизии, командующий армией, помощник командующего войсками Украины и Крыма. В мае–июле 1921 г. – заместитель командующего войсками Тамбовской губернии. Репрессирован.

Фомин Яков Ефимович – казак хутора Рубежный Еланской станции. Участник Первой мировой войны, ст. урядник. Помощник военкома Верхне-Донского округа. В мятежном Донском корпусе Ф. Миронова – командир 1-го Донского полка. После суда и помилования – командир эскадрона в полку немцев Поволжья в Донской кавдивизии (впоследствии 9-й). В 1920 г. – командир караульного эскадрона Верхне-Донского округа.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925) – советский государственный, партийный и военный деятель. В годы Гражданской войны командующий армией, Южной группой войск Восточного фронта и

Восточным фронтом; в 1919–1920 гг. командующий Туркестанским фронтом, с сентября 1920 г. – Южным фронтом. В октябре 1920 г. от имени большевиков подписал военно-политическое соглашение с представителями Махно в Харькове. С декабря 1920 г. по март 1924 г. – уполномоченный РВС на Украине, командующий войсками Украины и Крыма, одновременно член политбюро ЦК КП(б)У и зам. председателя СНК УССР (с февраля 1922 г.). С января 1925 г. – председатель Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам.

Ходоровский Иосиф Исаевич (1885–1940) – член РСДРП(б) с 1903 г. В декабре 1918 г. – марте 1919 г. – начальник политотдела Южного фронта, член Реввоенсовета фронта, член РВС 9-й армии.

Чаянов Александр Васильевич (1888–1937) – выдающийся российский и советский ученый. После окончания реального училища в Москве в 1906–1911 гг. обучался в Московском сельскохозяйственном институте (бывш. Петровская академия). Командирован за границу в 1911–1913 гг. для изучения опыта кооперативного движения в странах Европы – Италии, Бельгии, Швейцарии, Германии и др. В 1917 г. Лигой аграрных реформ выдвинут на должность товарища министра земледелия Временного правительства, но к работе не успел приступить. В 1918 г. на Первом Всероссийском кооперативном съезде избран в состав Совета Всероссийских кооперативных съездов. В 1922 г. назначен директором первого в стране научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики и политики. Профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1930 г. арестован по делу т. н. Трудовой крестьянской партии, приговорен к пяти годам тюремного заключения, замененных ссылкой в Казахстан. В 1933–1935 гг. работал в Казахском сельскохозяйственном институте. В 1935 г. срок ссылки продлен еще на три года. В 1937 г. вновь арестован. 3 октября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Чернов Виктор Михайлович (1876–1952) – социолог, общественный деятель, идеолог партии правых эсеров. За неблагонадежность был исключен из Саратовской гимназии. Окончив курс в Дерпте, поступил в Московский университет. Через полтора года (1884 г.) был арестован, 8 месяцев находился в Петропавловской крепости, затем выслан на 3 года в Тамбов. Принял участие в организации первого «крестьянского братства». В 1889 г. выехал за границу, в 1900 г. стал одним из организаторов Аграрно-социалистической лиги. С конца 1901 г. руководил заграничным органом партии эсеров «Революционная Россия», член ЦК партии эсеров. В конце 1905 г. возвратился в Россию, с 1908 г. – вновь за границей, редактор партийного органа «Знамя труда». После Февральской революции вернулся в Россию, занимал более месяца пост министра земледелия Временного правительства. Был председателем Учредительного собрания (5 января 1918 г.). Летом 1918 г. возглавил Комитет членов Учредительного со-

брения в Уфе. С 1919 г. нелегально жил в Москве, Саратове. В 1920 г. эмигрировал в Эстонию. В 1920-х гг. жил в Праге. Издавал журнал «Революционная Россия» (1920–1931 гг.). В 1931 г. поселился в Париже. С середины 1930-х гг. выступал за создание в европейских государствах народного фронта против фашизма.

Черняк Макс (1883–?) – уроженец бедной еврейской семьи в г. Гродно. По профессии парикмахер, анархист. Делегат от Гуляй-Польской группы анархистов на 2-м Гуляй-Польском районном съезде фронтовиков, Советов и подотделов 12–16 февраля 1919 г. Комполка бригады, начальник формирования и Бердянской контрразведки (1919 г.), в начале 1921 г. – начальник махновской контрразведки.

Чичканов Михаил Дмитриевич (1889–1919) – уроженец г. Тамбова. В 1898–1907 гг. учился в Тамбовском реальном училище, Петербургском политехническом институте. Член РСДРП с 1908 г. Жил в эмиграции. В 1918 г. вернулся в Россию, стал одним из лидеров Тамбовской организации большевиков. В конце 1917 – начале 1918 гг. – председатель Тамбовского городского Совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918–1919 гг. – председатель губисполкома. В сентябре 1919 г. освобожден от должности. Осенью 1919 г. погиб в Кирсановском уезде в результате террористического акта «боевой дружины» А.С. Антонова.

Чубенко Алексей Васильевич (1889) – уроженец села Григорьевка Александровского уезда, работал паровозным машинистом Екатеринбургской железной дороги. С 1905 г. – анархо-коммунист, начинал вместе с Махно революционную деятельность в годы первой русской революции, активнейший участник махновщины. В 1918 г. после занятия немцами Гуляй-Поля и отъезда Махно в Россию являлся комиссаром узла станции Царево-Константиновки Екатеринбургской железной дороги, арестован немцами, приговорен петлюровцами к расстрелу, во время расстрела бежал, до июля 1918 г. работал на станции Ямская Курской губернии. С декабря 1918 г. по март 1919 г. – начальник штаба и командир отряда. С августа по сентябрь 1919 г. – член реввоенсовета Повстанческой армии махновцев. С сентября по декабрь 1919 г. – председатель дипломатической комиссии по заключению договора с Петлюрой, адъютант Махно, армейский казначей и начальник армейской подрывной команды, начальник подрывной команды Повстанческой армии. В 1920 г. арестован большевиками. С января по сентябрь 1920 г. находился в Бутырской тюрьме. В ноябре 1920 г. – член Совета Революционной повстанческой армии (махновцев). С января по апрель 1921 г. в подполье, с апреля 1921 г. порвал с махновщиной и перешел на сторону советской власти.

Шямов Семен Алексеевич (1884–?) – уроженец села Новая Кирсановка Новохоперского уезда Воронежской губернии. В 1918–1922 гг. принимал участие в организации вооруженных восстаний на тер-

ритории Воронежской и Тамбовской губерний, руководил повстанческим отрядом. 23 июля 1922 г. осужден и приговорен к расстрелу. Верховным трибуналом ВЦИК 26 сентября 1922 г. расстрел заменен на десять лет лишения свободы.

Шафиков Нургали (1891–1920) – уроженец деревни Ермакеево Белебеевского уезда Уфимской губернии. Участник «вилочного восстания», помощник коменданта Ермакеевского волысполкома. Арестован Белебеевской УЧК 9 марта 1920 г., постановлением УЧК 19 марта 1920 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1999 г.

Шевченко Петр Семёнович (?–1921) – крестьянин–середняк села Большой Кусеряк Ишимского уезда. Участник Западно–Сибирского восстания 1921 г., инициатор мятежа в своем родном селе: 8–9 февраля 1921 г. мобилизовал под свое начало около тысячи человек. В дальнейшем командовал повстанческим полком и отрядом. Один из его братьев служил в Красной армии, другой был убит повстанцами, сестра до февраля 1922 г. скрывалась вместе с повстанцами, захвачена красными. Погиб в бою в конце августа 1921 г.

Шикунов Петр Иванович (1889–?) – член РСДРП (б) с 1917 г., в 1918–1919 гг. – летчик, комиссар Красной армии, в 1920 г. – комиссар Тамбовского эвакопункта, член оперативного штаба при Тамбовской губчека по подавлению крестьянского восстания, начальник боеучастка, губернский военком.

Шишкин Дмитрий Яковлевич – незажиточный уроженец станицы Лебяжьей Павлодарского уезда Семипалатинской губернии. Казак Сибирского казачьего войска, участник Первой мировой войны, командир казачьей сотни на германском фронте, подъесаул, кавалер двух боевых орденов. В 1920 г. возглавил Народную повстанческую армию Степного Алтая в период самого крупного восстания в Сибири в 1920 г.

Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1886–1947) – генерал-лейтенант, казак кубанской станицы Пашковской. В мае 1919 г. был назначен командиром 3-го Кубанского конного корпуса, входившего в состав Добровольческой армии.

Шлихтер Александр Григорьевич (1868–1940) – из семьи столяра на Украине. В 1889–1891 гг. учился в Харьковском и Бернском университетах. Участвовал в социал-демократическом движении с 1891 г. Активный участник первой русской революции. В 1917 г. – член исполкома Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов и Среднесибирского областного бюро РСДРП, председатель Басманной районной думы Москвы. В конце 1917– начале 1918 гг. – нарком продовольствия Советской России. С марта 1918 г. – чрезвычайный продовольственный комиссар в Сибири, ряде губерний Урала и Центра России, нарком продовольствия Украины. В мае 1920 г. избран председателем Тамбовского губисполкома. В январе 1921 г. отозван Оргбюро ЦК РКП(б) из Тамбова по личной просьбе.

Шорин Василий Иванович (1870–1938) – советский военачальник. Участник русско–японской войны 1904–1905 гг. (командир роты) и Первой мировой войны (командир батальона и полка). С 1916 г. полковник царской армии, награжден орденом св. Георгия 4-й степени, Георгиевским оружием и другими орденами. В сентябре 1918 г. в Вятке добровольно вступил в Красную армию и был назначен командующим 2-й армией Восточного фронта. В мае–июне 1919 г. – командующий Северной группой Восточного фронта (2-я и 3-я армии). Награжден орденом Красного Знамени и Почетным революционным оружием (1919 г.). С конца июля 1919 г. командовал Особой группой Южного фронта (9-я, 10-я, позднее и 11-я армии). С октября 1919 г. – командующий Юго–Восточным фронтом, в январе 1920 г. – Кавказским фронтом. С апреля 1920 г. занимал должность помощника Главнокомандующего вооруженными силами Республики по Сибири. Осуществлял военное руководство ликвидацией крестьянских восстаний в Сибири в 1920–1921 гг., в том числе крупнейшего в советской истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. В январе–ноябре 1922 г. командовал Туркестанским фронтом при ликвидации басмачества Энвер-паши. Награжден орденами Бухарской и Хорезмской народных республик. Репрессирован. Реабилитирован (посмертно).

Шушь Федор (Фсодосий) (Матрос) (1893–1921) – крестьянин села Большая Михайловка (Дибровка) Александровского уезда Екатеринославской губернии, из бедной семьи. Матрос. Организатор Дибровской группы, анархо-террорист. Активный участник Гуляйпольской «Черной гвардии». С апреля 1918 г. руководил повстанческими отрядами, боровшимися с нашествием австро-германцев. С февраля по май 1919 г. – член штаба 3-й Заднепровской бригады им. батьки Махно. С июля по август 1919 г. – начальник махновской кавалерии, делегат 2-го Гуляй-Польского районного съезда фронтовиков, Советов и подотделов 12–16 февраля 1919 г. в Гуляй-Поле (почетный товарищ председателя, почетный член съезда), почетный член 3-го районного съезда представителей волостей и уездов Екатеринославской губернии, повстанческих фронтовых частей в поддержку действий Махно в Гуляй-Поле 10 апреля 1919 г. С мая 1920 г. по апрель 1921 г. – член штаба Повстанческой армии. В начале апреля 1921 г. являлся заместителем Махно – «замкомандармом». В июне 1921 г. – начальник штаба 1-й кавгруппы Повстанческой армии Забудько, имел право быть заместителем Махно. Убит в июне 1921 г. под г. Недригайловым на Сумщине (в Полтавской губернии) в бою с 8-й дивизией Червонных казаков.

Эльцин Борис Михайлович (1875–?) – в декабре 1917 г. избран членом президиума Уфимского губернского ревкома и Мусульманского военного совета депутатов. В марте–мае 1918 г. – председатель Уфимского губисполкома. В 1919–1920 гг. – нарком соцобеспечения Украины. Репрессирован.

Энгельс (Engels), Фридрих (1820–1895) – один из основоположников марксизма, друг и соратник К. Маркса. Выходец из в семье текстильного фабриканта. Не окончив гимназии, по настоянию отца начал заниматься коммерцией. Усиленно занимался самообразованием. С 1842 г. сотрудничал в «Рейнской газете» в Кельне, редактором которой был К. Маркс. В 1846 г. Маркс и Энгельс организовали в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет, деятельность которого подготовила создание Союза коммунистов. Энгельс предложил девиз Союза: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» – и принял участие в подготовке его программы – «Манифеста Коммунистической партии» (1848 г.). Во время революции 1848–1849 гг. в Германии Энгельс вместе с Марксом редактировал «Новую рейнскую газету». После поражения революции Маркс и Энгельс в Лондоне издавали журнал «Новая рейнская газета. Политико-экономическое обозрение». С ноября 1850 г. Энгельс вынужден возвратиться к занятиям коммерцией в Манчестере. Постоянная финансовая поддержка Энгельсом Маркса и его семьи позволила Марксу трудиться над подготовкой «Капитала». В период I Интернационала и Парижской Коммуны (1864–1872 гг.) Энгельс – ближайший помощник Маркса по руководству международной организацией. Большое внимание Энгельс уделял Германской социал-демократической партии. После смерти Маркса (1883 г.) Энгельс оказал решающее влияние на объединение социалистических партий во II Интернационал, проделал работу по подготовке и изданию 2-го и 3-го томов «Капитала» Маркса.

Яковлев–Сарафанкин Сергей Шкифорович (1897–?) – крестьянин из Балашевской волости Дергачевского уезда Саратовской губернии. Унтер-офицер царской армии. Служил в 25-м дивизионе Красной армии, в 1920 г. дезертировал и присоединился к повстанческим отрядам Аистова, заведовал хозяйством. После слияния с отрядами Серова назначен членом Реввоенсовета, командир кавэскадрона в отряде Серова, затем командир самостоятельного отряда, действовал в Новоузенском и Дергачевском уездах Саратовской губернии. В марте 1922 г. арестован, бежал из лагеря, 22 августа 1922 г. добровольно сдался. Самарским губернским судом в декабре 1923 г. осужден на три года лишения свободы.

АВТОРЫ

Алешкин Петр Федорович – кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Наша молодёжь», член Союза писателей России.

Книги и брошюры:

1. *Борьба за народ в гражданской войне: аграрное законотворчество в белом движении.* Тамбов, 2004;
2. *Красный флаг над мятежным Кропитадтом.* «Нева-5», 2004;
3. *Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг.* Монография. Тамбов, 2005;
4. *Крестьянские восстания в Сибири в 1920 г.* Омск, «Сибирское время», 2005;
5. *Западно-сибирское восстание 1921 г.: за Советы без коммунистов.* Омск, «Сибирское время», 2005;
6. *Феномен крестьянского повстанчества в Поволжье: «Чапанка», «Вилочное восстание», Серовщина.* М., «Голос-Пресс», 2006;
7. *Антирелигиозная политика Советского государства: причины и формы сопротивления крестьянства.* М., «Наш современник», 2006;
8. *Махновщина: мечта о вольном крестьянском рае.* Харьков, «Слобожанщина», 2006;
9. *Национальные особенности протестного движения в регионах России.* Тамбов, Издательство Тамбовского отделения Литфонда России, 2006;
11. *Судьба земледелия и крестьянства: дискуссия о грядущем обществе.* (В соавторстве с Ю.А. Васильевым). М., Издательство Московского гуманитарного университета, 2006.
12. *Крестьянская война в России: 1918–1922 гг.* М., издательство «МосГУ», 2007;
13. *Переход к НЭПу в 1921–1922 гг.: рецидивы военного коммунизма и противоречия новой политики.* М., «Голос-Пресс», 2007;
14. *Штурм неба в Советской России: эксперимент коммунаров XX века.* (В соавторстве с Ю.А. Васильевым). М., издательство «МосГУ», 2007;

Избранные статьи в сборниках и журналах:

1. *Время великой скорби. Крестьянская война в Тамбовской губернии* // *Континент*. № 64. 1990.
2. *Время великой скорби.* // *Русский архив: Русский исторический журнал*. №2 (603). М.: МГП «Русский архив», 1992
3. *Крестьянский протест в Поволжье в 1920–1922 гг: серовщина.* // *Научные труды Московского гуманитарного университета. Экономика. История.* / Вып. 91.
4. *Самосохранение русского народа* // *Русский интеллектуальный клуб: Стенограммы заседаний* / Под научной ред. профессора И.М. Ильинского. Книга вторая М.: Московская гуманитарно-социальная академия, 2000;
5. *Новая эпоха – новые войны* // *Русский интеллектуальный клуб: Стенограммы заседаний* / Под научной ред. профессора И.М. Ильинского. Книга вторая М.: Московская гуманитарно-социальная академия, 2000.
6. *Подавление крестьянского восстания на Тамбовщине.* // *Научные труды аспирантов и докторантов* / ФНПК МосГУ. Вып. 29. М.: Социум, 2004.
7. *Поражение партизанской армии Тамбовского края.* // *Научные труды аспирантов и докторантов* / ФНПК МосГУ. Вып. 29. М.: Социум, 2004.
8. *Трагичный финал политики военного коммунизма.* // *Власть: Общенациональный научно-политический журнал* №. 8, 2007.
9. *Красный флаг над мятежным Кронштадтом: отражение протестного настроения крестьянства.* // *Власть: Общенациональный научно-политический журнал*, №. 9, 2008.
10. *Махновщина: реалии и небывлицы анархизма.* // *Власть: Общенациональный научно-политический журнал*, №. 1, 2008.
11. *Трагичный финал политики военного коммунизма.* // *Власть: Общенациональный научно-политический журнал*, №. 8, 2007.
12. *Гражданская война в России: Энциклопедия катастрофы.* М.: Сибирский цирюльник, 2010 (автор статей);

Васильев Юрий Альбертович – доктор исторических наук, профессор, профессор Московского гуманитарного университета.

Специализируется в области социальной и экономической истории, теории и методологии истории, историософии.

Член Российского философского общества, член редакционного совета журналов «Вестник Российского философского общества» и «Полиграфист».

Автор работ:

Модернизация под красным флагом. М.: Современные тетради, 2006;

Гражданская война в России: Энциклопедия катастрофы. М.: Сибирский цирюльник, 2010 (автор статей);

О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1,2;

Отечественная история с древнейших времен до наших дней: Курс лекций. 2-е изд. М.: МосГУ, 2007 (в соавт.);

Глобалистика: Международный энциклопедический словарь. М.-СПб.-Нью-Йорк: Елима: Питер, 2006 (автор статей);

Куда движется Россия. М.: Молодая гвардия, 1993;

На пути к возрождению села: уроки прошлого и современность. В 2-х ч. Минск: Университетское, 1992;

Потерянная Россия. Образ жизни: синдром раскрестьянивания. М.: Социум, 1992;

Деревня на распутье. К возрождению села: формирование условий жизнедеятельности и культуры быта. М.: Молодая гвардия, 1992;

Культура быта молодежи села: вчера и сегодня. М.: Молодая гвардия, 1990;

СССР и холодная война. М.: Мосгорархив, 1995 (в соавт.) и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Судьба земледелия и крестьянства: дискуссия на рубеже XIX—XX веков.....	5
<i>Приговор марксизма</i>	5
<i>Приоритеты земледелия</i>	16
<i>Идеал анархокоммунизма</i>	33
<i>Оптimum крестьянской перспективы</i>	44
Эпицентр крестьянской революции: Тамбовщина...56	
Штурм неба в Советской России: эксперимент коммунаров XX века.....	60
Крестьянский вопрос в Белом движении.....107	
<i>Верховный правитель белой России: единоличная власть vs единая идея</i>	110
<i>Аграрная политика генерала Деникина</i>	114
<i>Походное законотворчество Белой армии на Северо-Западе</i>	121
<i>Аграрная реформа Врангеля: запоздалая попытка</i>	124
Трансформация протестных явлений в крестьянскую войну.....	145
Антирелигиозная политика советского государства: причины и формы сопротивления.....	180
Махновщина: мечта о вольном крестьянском рае...198	
Крестьянские восстания в Поволжье.....228	
<i>«Чапанная война»</i>	231
<i>«Вилочное движение»</i>	239
<i>Феномен народного повстанчества в Поволжье: от «армии Правды» (сапожковщина) до «армии «Воли Народа» (серовщина)</i>	251

Народное повстанческое движение на Юге России...	264
<i>Противоречия перехода к нэпу: рецидивы политики военного коммунизма в 1921—1922 гг.</i>	273
Народное повстанческое движение в Сибири: апогей политики военного коммунизма (1920 г. — начало 1921 г.).....	279
Тамбовская Вандея: Антоновщина.....	298
<i>Причины и факторы крестьянских волнений в Тамбовской губернии</i>	298
<i>Партия эсеров в подготовке крестьянского восстания на Тамбовщине: мифы и реальность</i> ..	307
<i>Трансформация крестьянских волнений на Тамбовщине в крестьянскую войну</i>	321
<i>Крестьянская война под руководством А. С. Антонова</i>	349
<i>Организация партизанской армии Тамбовского края</i>	354
<i>Пропагандистская деятельность Союза трудового крестьянства среди населения Тамбовского края</i>	371
<i>Подавление крестьянского восстания на Тамбовщине</i>	395
<i>Поражение Партизанской армии Тамбовского края</i>	414
Красный флаг над мятежным Кронштадтом.....	433
Западно-Сибирское восстание 1921 г.: за Советы без коммунистов.....	452
«Отступление» как новое продолжение: переход к нэпу.....	484
<i>Первоначальное социалистическое накопление: проект Преображенского</i>	493
<i>Quid est закон Преображенского</i>	500

<i>Первоначальное социалистическое накопление vs закон стоимости.....</i>	<i>508</i>
<i>Бухарин vs Преображенский: дискуссия в рамках одной доктрины.....</i>	<i>515</i>
Заключение.....	523
Персоналии.....	528

А 45 В 19 П.Ф. Алешкин, Ю.А. Васильев.
**Крестьянская война в России в условиях политики
военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.).**
– М.: Голос-Пресс, 2010. – 576 с.

ISBN 978-5-7117-0194-0

В книге рассматривается феномен массового и стихийного социального и политического протеста российского крестьянства в условиях политики военного коммунизма в 1918–1921 гг. и ее рецидивов в ходе перехода к нэпу в 1921–1922 гг., дана оценка причин и факторов возникновения крестьянского протестного движения, анализ его природы, типологии, динамики и форм сопротивления. Условия, созданные политикой военного коммунизма, рассматриваются в качестве фактора порождения протестных явлений.

Обосновано положение, что теоретическими предпосылками военно-коммунистического эксперимента большевиков в России являлись марксистские взгляды, сформировавшиеся в XIX веке в Западной Европе. Природа крестьянской войны в 1918–1922 гг. в Советской России как войны гражданской по своему содержанию, подготовленной крестьянской революцией 1917–1918 гг., позволяет выявить типологическую общность крестьянского протеста на территории всей страны: характеристика крестьянского движения отражает тождественные черты.

Научное издание

Петр Федорович Алешкин
Юрий Альбертович Васильев

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ
в условиях политики военного коммунизма
и ее последствий
(1918—1922 гг.)**

Главный редактор *Т. Жарикова*

Редактор *Г. Мишин*

Тех. редактор *В. Сергеева*

Художник *А. Морозова*

Корректор *Л. Марченко*

Верстка *Д. Анохина*

Сдано в набор 06.09.09 г. Подписано в печать 26.06.10 г.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 38,22.
Тираж 1000 экз. Заказ 3188

Издательство «Голос-Пресс»
127051, г. Москва, Цветной бульвар, д. 32
тел./факс (495) 625-44-61

